ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ

ОРГАН РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПРЦ/РПЦЗ

Выпуск 2 (2018)

«Бога бойтесь, царя чтите».
(1 Пет. 2:17)

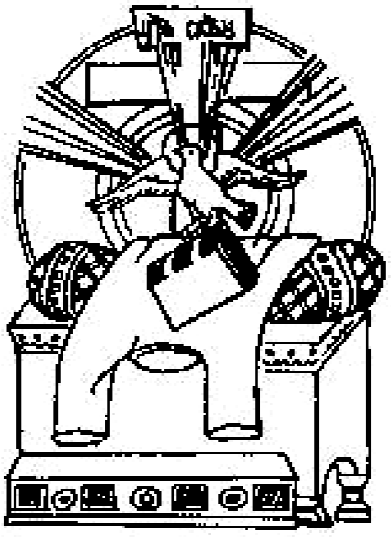
100-летие взятия от среды Удерживающего (1918-2018)

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ

ОРГАН РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ
ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ПРЦ/РПЦЗ

Выпуск 2 (2018)

Миссионерский Центр им.
Преподобномученика Афанасия,
Игумена Брестского
ПРЦ/РПЦЗ
2018



Во сла́вꙋ ст҃ы́ѧ, є҆диносꙋ́щныѧ,

животворѧ́щїѧ и҆ нераздѣли́мыѧ Тр҃цы,

О҆тца и Сн҃а и҆ Ст҃а́гѡ Дх҃а,

кни́га сїѧ̀,

напеча́тасѧ по бл҃гослове́нїю

Высокопреосв҃ще́ннѣйшаго Филаре́та II,

Митрополи́та Сиднейскаго и҆ А҆встралїйско-Новозеландскаго,

Первоїера́рха и҆ Предсѣда́телѧ Св҃ще́ннаго Сѵ҆но́да

Рꙋ́сскїѧ Правосла́вныѧ Цр҃кви зарꙋбе́жныѧ.

4/17 июля 2018 г.

- исполняется 100 лет

со дня кончины

святых

Царственных Новомучеников:

Царя Николая,

Царицы Александры,

Царевича Алексия,

Царевн Ольги, Татианы, Марии и Анастасии.

Святые Царственные Мученики, молитве Бога о страждущей стране нашей Российской. Да простит Господь по вашим святым молитвам наш многострадальный русский народ.

Моудрость ихъ повѣдѧтъ люди, и похвалу ихъ исповѣсть церковь; тѣлесе ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ родѣ.

прем: іис: с: сірахова. м҃д, д҃і, г҃і.

В этом выпуске нашего журнала «Православный Путь», мы поместили материалы, связанные со 100-летием свержения Православного Царя и началом гонения на Церковь Христову в России. Мы хотели нашему читателю дать возможность познакомиться с мыслями самых выдающихся сынов Русской земли – Архипастырей, Пастырей, Монашествующих и Мирян. Помещенные здесь материалы не только раскрывают перед читателем историю прошлого Русской Церкви и России, но помогают понять современность, а также увидеть будущее.

Многие из переиздаваемых в нашем журнале текстов остаются или в забвении, или, по своему скудному тиражу, вовсе неизвестны широкому кругу читателей. Также размещены нами статьи современных авторов, в которых затронуты проблемы современности (например, ересь царебожия). Надеемся, что всё собранное в этом выпуске поможет переосмыслению периода истории Русского Народа, начавшегося 100 лет назад происшествием, которым – твёрдо верим – приближается скорый и неминуемый конец. Сие буди и буди!

«Ей, гряди Господи Иисусе!» (Откр. 22:20).

© Миссионерский Центр им. Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестского

ISSN 978-83-938452-2-4

ВЕЛИКАЯ СУББОТА СВЯТОЙ РУСИ.
(Редакторская колонка)

«*Судьбами России несомненно*
руководит высшая человеческой сила.»
Сщмч. Иосиф, митр. Петроградский
(«В объятиях Отчих». Дневник инока, № 1879)

100-лет назад начались на землях Святой Руси перемены, которые потрясли мир и все человечество. Нет страны, которая в те времена не почувствовала бы наследие Штурма Небес, который был устроен на Святорусской земле чужими руками. Даже враги Русского народа почувствовали всё это на себе. Был свержен и убит Православный Император России – Николай Александрович Романов, со всей Августейшей Семьей. Не только Российская, но и вся Вселенская Церковь, лишилась своего защитника и покровителя от нападений и козней врагов.

Так открылся путь для Апостасии. Но не календарной реформой в Афинах, а ТОЛЬКО свержением Православного Императора Всероссийского. МИРОВАЯ АПОСТАСИЯ ТОЧНО НЕ МОГЛА БЫ НАЧАТЬСЯ БЕЗ СВЕРЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО РОССИЙСКОГО ЦАРЯ! Ведь Самодержавный Царь обладал шестой частью земского шара.

«Все вело к тому, что старая историческая власть в России, создавшая Великую Империю, под влиянием злостной и лживой пропаганды – не выдержала, рухнула и погребла с собой всех, включая жаждущих ее падения и не считавшихся с тем, что Отечество переживает грозное время тяжелой войны»[1]. Русский Народ поверил прельстителям – вдохновляемым своими врагами – что его счастье и благополучие находятся в его собственных руках. Москва-Третий Рим осталась без своего Помазанника…

Все Православные Народы лишились поддержки, исходящей от Российского Самодержца. Все ли тогда осознавали, что грядет за этим?

Совершено прав Н. Обручев, писавший: «Под каким углом ни рассматривать историю мира, она всегда, и прежде всего, представляет

[1] В. М. Федоровский. Император Николай II и Его Флот. // *Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения.* Под редакцией Сергея Завалишина. По благословении Высокопреосв. Митр. Филарета (Вознесенского), Первоиерарха РПЦЗ. Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1968. С. 64.

картину извечной борьбы, происходящей между силами Добра и Зла. Со дня вступления Царя-Мученика на Престол своих предков и до последнего своего вздоха, Он оставался выдающимся, если не единственным в современном Ему мире, поборником Добра и в этой борьбе занял первостепенное место. На фоне исторических событий Его Царствования и мрачных событий в истории мира, происшедших в течение пятидесяти лет со времени ухода Царя-Мученика от власти, преисполненный нравственной красоты Облик Его возносится во весь свой гигантский рост и остается единственным светлым образом в галерее мрачных портретов большинства правителей и политиков нашего безвременья, погрязших и погрузивших весь мир в беспросветное зло. Христианнейший Правитель Православного Русского Царства, Помазанник Божий Царь-Мученик Николай 2-ой, не только олицетворял собою бытие Православного Русского Царства, но и был единственным в мире удерживающим от Зла. Вот почему темным силам так важно было очернить, устранить и убить Его. Надо быть слепым, чтобы не видеть той резкой перемены, которая произошла в состоянии мира после ухода Царя-Мученика от власти. Потрясаемый беспрерывными революциями и войнами, он тонет в крови и переживает невероятный по своей остроте моральный, политический и экономический кризис. Политическая карта мира перекраивается чуть ли не ежегодно. Сотни миллионов людей гибнут от мятежей и войн, от террора и жестокостей властей, от голода. Никакие конституции, никакие парламенты, никакие лиги народов и наций не препятствуют победоносному шествию воцарившегося в мире Зла. Уверенности в безопасности и стабильности завтрашнего дня нигде и ни у кого нет. Над перепуганным до смерти обывателем повис кошмарный призрак атомной войны – призрак конца грешного мира, – когда он начнет гореть от края и до края»[1].

Еще до этого печального времени Св. Церковь учила, что «Царскому человеколюбию предлежит пещися, чтобы Кафолическая Церковь, благочестно Христу их возродившая и крепостью веры воспитавшая, была ограждена их помышлением царским. Посему и подобает просити, да распространят и утвердят законы охранения Церкви, дабы, по крайней мере, сим страхом от наветов на Церковь, от произведения расколов и от еретического безумия удержаны были люди, отлагающие помышление о вечном наказании» (104-е правило Карфагенского собора).

[1] Н. Обручев. *Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха*. // *Там* же. С. 233-234.

Один из Константинопольских Патриарших Синодов (1380/82 г.) заявил, что «Царь есть всеобщий защитник (καθολικὸς δεφένσωρ) Церкви и канонов» (5-я гл. синодального деяния 1380/82 г.)[1].

Христианская Власть Монархов была устроена Богом как средство и обеспечение развития Христианской Веры. Послушание Христианским Монархам было одновременно и послушанием Самому Богу, который Их поставил как своих Помазанников. Поэтому Св. Апостол Петр призывал Христиан – «*Бога бойтесь, царя чтите*» (1 Пет. 2:17), Свт. Филарет, Митр. Московский перефразировал это следующим выражением – «*Боящиеся Бога! Царя чтите. Чтущие Царя! Бога бойтеся*». И лишь только одно освобождало Православных Христиан от послушания своим Царям – их отступление от Православной Веры. Можно это выразить формулой Митрополита Антония (Храповицкого): «от верности царю меня может освободить только его неверность Христу».

Поэтому Бог через Псалмопевца Давида предупреждал – «НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПОМАЗАННЫМ МОИМ, И ПРОРОКАМ МОИМ НЕ ДЕЛАЙТЕ ЗЛА» (Пс. 104:15).

Не без основания Церковь предостерегала своих чад грозным словом анафемы Синодика Православия: «Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на Престолы не по особливому о Них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в Них не изливаются: и тако дерзающим противу Их на бунт и измену, анафема, анафема, анафема!» (11-й анафематизм Недели Православия).

Не должно удивлять заявление относительно верноподданной присяги, выраженной в синодальном акте Константинопольского патриархата при патриархе Михаиле III Анхиале в 1171 г.: «Как отрекшийся от веры в божественное изгоняется из общества православных, так и давший клятву на верность царской власти, но расположенный к ней злонамеренно и враждебно кажется нам недостойным называться по имени Христа, если и носящий царский венец и диадему несомненно есть помазанник Господень»[2].

---

[1] V. Laurent, *Les droits de l'empereur en matière ecclésiastique. L'accord de 1380/82, Revue des études byzantines* (Paris) 1955. T. XIII. p. 16.

[2] А. Павлов. *Синодальный акт Константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 года о приводе архиереев к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею с формой самой присяги*. // *Византийский временник*. 1895. Том II. С. 390, 391.

Священномученик Иосиф, Митр. Петроградский некогда в своем иноческом дневнике, за много лет до Революции в России, оставил такую запись о тесной связи между послушанием Небесному Богу и Земному Царю: «Невозможно быть истинным слугою земного Царя, не будучи истинным слугою Божиим. Только истинный Божий слуга имеет все побуждения, силы и средства быть верным слугою Царя и полезным членом Церкви и Отечества».

Верный Царю и России до гроба, великий русский писатель и историк Иван Павлович Якобий (1879-1964) написал: «Если русские люди не сумели ни защитить свою Родину, ни спасти своего Царя, то, в эти тяжелые годы изгнания, на них лежит священный долг благоговейно и с раскаянием преклониться перед памятью Того, Кто окруженный "изменой, трусостью и обманом", самоотверженно вел Свою борьбу за Россию и принес ей в жертву жизнь Свою и Своих близких».

«Верь, Государь! Тебя добром помянет,
Благословит несчастный Твой народ,
Когда Россия русской станет,
И ложь февральскую, как грязь, с чела сотрет»
(В. Петрушевский).

Русская Церковь всегда с большим уважением относилась к своим Царям, никогда не допускали их унижения, но с другой стороны, избежала и догматизации монархии. Здесь уместно привести любимую поговорку одного из идеологов Зарубежной Церкви князя Петра Сергеевича Лопухина – «МОНАРХИЯ НЕ ЕСТЬ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ БОГОУСТАНОВЛЕННАЯ, НО ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ – БОГОУГОДНАЯ». Так именно Русская Церковь верила до свержения Монархии в России, так верила по свержении Самодержца, так и будет верить при восстановлении Помазанника на Российский Престол.

«Кто видел в жизни только раз
Сиянье кротких царских глаз, –
Тому их век не позабыть,
И тех очей – не разлюбить!»
(С. Бехтеев).

«Личность Государя Императора несла в себе благородство духа, поистине благоденствие и мирное житие, то нераздельное целостное триединство **Церковь-Царь-Народ**, которым строилось Государство Российского Царствия. Именно в этом заключалась сущность Национально-исторической России на всем продолжении ее многотрудного тысячелетнего

бытия»[1]. «Милостив был Господь к Земле Святорусской, жившей по заповедям Его под крылом Православного Царя-Батюшки»[2]. «Со всей искренностью и убежденностью можно сказать, что самым православным был Царь-Мученик, искренно желавший той соборности, без которой нет православной государственности, и, кажется, можно сказать, что самой большой трагедией России было то, что в ней не было православной общественности, которая поддержала бы Государя. Он хотел жизни и соборности во имя Божие, он стоял за Истину, и потому-то борьба против него стала борьбой против Православия, и Царь-Мученик стал жертвой восстания против Бога»[3].

Со свержением Самодержца в триединстве ЦЕРКОВЬ-ЦАРЬ-НАРОД была разорвана эта Богоугодная цепь Святой Руси, между Церковью и Народом возникла пустота. Враги России прекрасно сознавали, что именно Царь связывает Церковь с Народом.

Царица-Мученица Александра Феодоровна незадолго до своей мученической кончины за Христа, в своих письмах из заключения в Тобольске, писала о единственном Спасителе России – Богочеловеке Иисусе Христе: «Но я твердо и непоколебимо верю, что Он всех спасет, Он один это может. Надо ПЕРЕНЕСТИ, ПЕРЕТЕРПЕТЬ, ОЧИСТИТЬСЯ, ПЕРЕРОДИТЬСЯ. – Верю народу русскому, что он силен и молод, но как воск мягок. Плохие руки схватили и тьма и анархия царствуют; но придет Царь славы и поддержит, умудрит, сокрушенный, обманутый народ».

Именно такое значение имеют испытания, постигшие Святорусский Народ. Но если кто думает, что этот Народ был наказан Богом – то он очень ошибается. Христианский Триединый Бог не наказывает своих сынов, Он долготерпеливый и многомилостивый, и хочет, чтоб каждый грешник не погиб, но имел жизнь вечную. Для сего Он и показал высоту СМИРЕНИЯ как вводящую человека на небеса, восстановляющую вечное блаженство. Господь Отец послал сына Своего Единородного Иисуса Христа для того, чтобы каждый уверовавший в Него имел живот вечный. Христос «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп.2:8).

Сознание неслучайности всего происходившего в России сознавал Второй Русский Всезарубежный Церковный Собор, который в послании к Русскому народу в Отечестве страждущему сказал:

---

[1] М. М. Спасовский. *Свете тихий*. // *Государь Император Николай II Александрович*. Всеславянское Издательство, Нью Йорк, 1968. С. 32.

[2] Проф. Д-р мед. Ф. Вербицкий. *На закате одной жизни*. // *Там же*. С. 111.

[3] Князь Петр Сергеевич Лопухин. *О Православной Государственности (Посвящается памяти Царя-Мученика)*. // *Вестник Православного Дела*. 1959. №1. С. 17.

«Мы переживаем поистине огненное время, когда добро и зло, дух истины и дух заблуждения, царство Христово и владычество князя века сего, вступили в страшную непримиримую борьбу между собой, требуя и от всех нас ясного и твердого православно-национального самоопределения, не допускающего сомнения и колебания в разные стороны, ибо "человек с двоящимися мыслями неустойчив во всех путях своих" (Иак. 1, 8). "Огнь пришёл Я низвести на землю, – сказал Христос Господь, - и как желал бы, чтобы он уже возгорелся" (Лук. 12,49). О, если бы этот священный огонь, огонь христианской ревности, веры, любви и патриотической жертвенности, действительно возгорелся в наших сердцах: он попалил бы тернии суеты и раздоров, ослабляющие наши силы, просветил наш ум, очистил сердца, закалил и укрепил волю и спаял бы нас в один мощный организм, перед коим не устоят никакие вражия силы. И он уже воспламеняется ныне, по милости Божией, как в самой России, так и в странах нашего рассеяния. Не будем же угашать его, но исполняясь духа и силы, соединимся в действенном подвиге на защиту Родной Церкви и спасения Отечества и в единодушной молитве к Тому, Кто один силен благословить наш всенародный священный подвиг полным успехом. Боже! Спаси Россию. Боже! Сохрани и укрепи ее страждущих сынов, в самой силе своей веры и терпения несущих Твое свидетельство миру. Боже, собери нас всех в лоно общей нашей Матери Церкви на Родной Святорусской земле, которую восставь, заступи, сохрани и помилуй Твоею благодатью»[1].

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА - ЭТО БОЖЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ РОССИИ. Всемогущий посещал Святорусскую Землю не раз в прошлом для искушения его Веры и нравственности, и каждый раз Русская Церковь – ЕДИСТВЕННАЯ МАТЕРЬ Русского Народа, помогала своему ребенку – Русскому Народу – перенести время испытания. Мать или отец с большею силою проявляют свою любовь к детям, имея о них самое большое попечение, во время постигающего их несчастия, например, болезни и т. д.; это проявление РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ становится в особенности памятным и детям. Так было в прошлом Святой Руси.

БЛАГОДАТНАЯ МАТЕРЬ НАША – ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЕСТЬ БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА И ОПОРА БЛАГОДЕНСТВИЯ РУССКОГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА.

---

[1] *Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14-11/24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии*. Белград 1939. С. 695.

Над русским народом более двух столетий тяготело татарское иго, до того тяжелое, что он мог бы исчезнуть даже с лица земли. Но кто поддерживал народный дух в это тяжелое время? Кто помог русскому народу свергнуть с себя страшное иго диких татарских орд? Ответы на эти вопросы дает отечественный историк Н. М. Карамзин: «Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну Православия»[1].

Позже пришло для Святой Руси другое тяжкое испытание, известное как Смутное время; и здесь православная вера является первою народною или государственною силою, сокрушившею врагов, отстоявшею целостность Русского государства и восстановившею в нем законную верховную власть. Православная церковь, в лице Троицкого Сергиева монастыря, в это время рассылала по русской земле грамоты, призывая всех и каждого спасти от врагов внешних и внутренних родную землю. И как замечает отечественный историк граф М. В. Толстой: «Троицкие грамоты не оставались без действия: народ был готов встать как один человек; непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры, угрожаемой врагами внешними, и народа государственного, которому грозили враги внутренние, – "воры". Явились признаки сознания и необходимости нравственного очищения земли от врагов, признаки того, что народ, не видя никакой внешней помощи, обратился всем сердцем к высшему духовному миру, чтоб оттуда извлечь средства спасения»[2].

Исследователь Русского царства и народа периода Смутного времени (времени самозванцев и покушения со стороны Польши завладеть русскою землею), отечественный историк Н. И. Костомаров, писал: «Государство Московское как ни долго составлялось, но в эти печальные годы стало показывать признаки разложения (…) НО НА РУСИ КРЕПЧЕ ГОСУДАРСТВА БЫЛА ДРУГАЯ СОЕДИНЯЮЩАЯ СВЯЗЬ – ВЕРА. Пскович, новгородец, русский казанец, сибиряк, казак - все чувствовали одинаково, что они православные, все люди одной русской веры, принадлежат

---

[1] Н. М. Карамзин. *История Государства Российского*. Изд. 5 (И. Эйнерлинга). СПб. 1842. Т. V. Гл. IV. С. 218.

[2] Граф М. В. Толстой. *Рассказы из истории русской церкви*. Кн. 4. Гл. 7.

одной Церкви. Даже казаки малорусские, вообще чуждые Московскому государству, в этом вопросе чувствовали свое с ним соединение и становились в ряды его защитников. Русский народ не был искусен в религиозной догматике; самые духовные, при тогдашнем малознании, были большею частью плохие богословы; но зато в народе было беспредельное уважение к внешним признакам православного благочестия: храмы, св. мощи, иконы, церковные обряды и уставы были для него предметами духовного утешения, высочайшею надеждою и опорою в жизни; в житейских бедах, не находя ни средств, ни способов избавиться от них, русский человек видел для себя единственную отраду в уповании будущей жизни, а к ее достижению вела церковь, – понятно, что народ охранял вместе с церковью то, что было дороже всего, что оставалось ему в утешение тогда, когда все отнималось; понятно поэтому, что чем угнетеннее было его положение, тем он живее ощущал важность Церкви; тут все одинаково чувствовали, одинаково мыслили и все одинаково поднимались против поляков, когда убедились, что поляки, овладев Москвою, посягнут на эту святыню. Нельзя сказать, что больше поднимало русский народ – страх ли польских насилий над своими телами и "животами", или страх за веру; и то и другое соединилось вместе»[1].

«В этой борьбе, – говорит о том же смутном времени, проф. Киевской духовной академии Ю. Д. Подгурский, – народ выстрадал свою самобытность, почувствовал, что у него остается еще много богатых данных для будущего, и, собравшись с свежими силами, начал развивать эти данные в своей жизни. Но в этом периоде, в этой борьбе нельзя не остановиться с благодарным вниманием на Русской Церкви и не признать за нею огромного значения. Церковь, в лице своего духовенства, помогла народу выстрадать свою самобытность, пробудив в нем своим религиозно-нравственным влиянием угасшие силы любви к отечеству и вере»[2].

НО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ТА ЖЕ ЛИ СИЛА, ТА ЖЕ ЛИ МАТЬ ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА? На этот вопрос ответим словами одного из просвещеннейших архипастырей нашей Русской Церкви, епископа смоленского Иоанна (Соколова). Слова эти были сказаны 28-го июля 1867 года в день явления иконы Смоленской Божией Матери-Одигитрии: «Укажите мне силу, – взывает архипастырь, стоя во св. храме, – которая бы без особенных побуждений, без начальственных распоряжений, без

[1] Н. И. Костомаров. *Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604-1613)*. В 3. т. Т. 3. *Московское разоренье*. СПб. 1868. С. 332-349.

[2] Ю. Д. Подгурский. *Русская церковь на служении государству в период смутного времени*. // «*Труды Киевской Духовной Академии*». 1861. Т. 3. № 11. Ноябрь. С. 277.

всякого насилия, а одним мановением могла двинуть народные массы к самым важным и тяжким подвигам, к неодолимой борьбе со всякою противною силою, к самым великим пожертвованиям, даже до жертвы всем своим достоянием и самою жизнью. Укажите силу, которая одним словом могла бы вызвать голос народа, во всю мощь потрясающего грома и несокрушимого действия». Как видим, есть только ОДНА СИЛА ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА – ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА. Её совершенная потеря – будет означать конец этого народа. Да не будет сего! Благодарение Богу, – говорит он, что еще горит на Руси этот священный огонь, освещающий и согревающий душу народа; что еще не угашен он ветром вольнодумства, волнующим ум нашего времени, не подавлен искусственным усложнением современной жизни. Сколько при помощи этого огня можно сделать истинного добра народу в его просвещении, нравственности, в быту общественном; но за то, как и беречь его надобно и обществу, и правительству, как осторожно обращаться с ним, чтобы или не дать ему ложного направления под видом усиления, или, подбрасывая в душу народа всякий хлам новых идей и стремлений, не разжечь этого огня до бурного пламени: и тогда его сила, из мирной и успокаивающей народ, сделается страшно разрушительною для всего противного вере народной»[1].

Так и в 1917 году посетил Её, но это посещение СОВСЕМ ДРУГОЕ, в отличие от тех прежних, оно заключает в себе ВСЕМИРНЫЙ УРОК ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Об этом уроке 1917 года писал великий друг Русского Народа – свт. Николай Сербский. На вопрос "За что Бог наказывает православную Россию?" – он твердо отвечает: «Уверены ли Вы, что нынешние страдания православного русского народа – наказание Божие? Я, ПРИЗНАЮСЬ, НЕ УВЕРЕН. Так и ошибиться недолго, если считать всякое страдание народа или личности наказанием Божиим. Три голгофских креста учат нас осторожности в оценке чьих-либо страданий. Разве Христос был распят в наказание? В длинной веренице мучеников мы видим и пророков, и апостолов, и многих светлых праведников и праведниц. Их страдания не были наказанием, а если и страдали они за грехи, то не за свои. Как и Тот Безгрешный, Который принял величайшую муку, воистину за грехи мучим был, но не за Свои, а за человеческие. Страдание Святой Руси за грехи попущено, но за чьи? (…) Разве Россия грешнее всех других стран, что несет тяжелейшие страдания? Всему миру очевидны две вещи: ПЕРВОЕ, что русский народ горит в огне страданий,

[1] *Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского и Дорогобужского*. Изд. 2. Смоленск 1877. С. 210-213.

как когда-то три отрока в печи вавилонской; ВТОРОЕ, что материалистические и безбожные теории, которые разожгли в России этот огонь, возникли не в русском православном народе, а рождены народом нерусским и неправославным. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ – ТАЙНА ПРОМЫСЛА БОЖИЯ. В эту страшную тайну проникать глубоко нам не должно. Мы можем уподобить русское страдание страданию праведного Иова, которое помогло и помогает многим и многим. Мы можем увидеть в муках России знак Божий всем народам, чтобы береглись материализма и в теории, и в практике, в мыслях и в делах. (…) Подобно тому как Силоамская башня рухнула на бедных галилеян, и современная башня всех лжеидей рухнула на великий русский народ. Чтобы род человеческий увидел это и отрезвился от пагубных и разрушительных теорий. Но кто бы решился сказать, что эта современная башня лжи рухнула на Россию потому, что она грешнее всех? Я, словно сейчас, слышу предостережение Христово нам: если не покаетесь, все так же погибнете, – о племена и народы! К этому предостережению Божию мы можем добавить уроки мировой истории. Ни одна революция не завершилась тем, с чего началась. Этому учит нас прошлое. Часто то, что революция низвергает и разрушает, впоследствии торжествует как истина. Это произошло и с верой Христовой, гонимой, но неизгнанной, поругаемой, но непоруганной, избиваемой, но неубитой. И очевидно, что и славянская, и мировая миссия России не в том, что происходит там сейчас, но в том, что грядет после революции. Во всяком случае, сегодняшние крестные муки русского народа принесут миру НЕПРЕХОДЯЩУЮ ПОЛЬЗУ. А сам русский народ выйдет из огня страданий более сильным, святым и славным, чем был прежде. Даже обычный кузнец бросает в огонь железо не для того, чтобы наказать его, но чтобы сделать его чище. Мы считаем и верим, что Творец попустил великому русскому народу огонь страданий не для того, чтобы наказать и истребить его, но чтобы этим СТРАШНЫМ ПРИМЕРОМ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ И ВРАЗУМИТЬ ДРУГИЕ НАРОДЫ, А САМ РУССКИЙ НАРОД ВОВЕКИ ПРОСЛАВИТЬ ПРЕД ЗЕМЛЕЙ И НЕБОМ».

В другом месте советует русскому ветерану, оплакивающему свою распятую родину: «А ты не плачь, радуйся! НАСТАЛА В РОССИИ ВЕЛИКАЯ ЖАТВА ДУШ. В эти дни многострадальный русский народ наполняет рай больше, чем любой другой христианский народ на земле».

И России пришлось по Божиему Промыслу войти на Крестный Путь Страданий, но это не ПУТЬ СМЕРТНЫЙ, но ПУТЬ ОЖИВОТВОРЯЮЩИЙ! В этом и заключается вся тайна, постигшая Многострадальный Русский Народ.

Там где Крест, там и Воскресение, «ИБО ЗА КРЕСТОМ СЛЕДУЕТ ВОСКРЕСЕНИЕ» – как учить преп. Иоанн Дамаскин (Точное изложение православной веры. Кн. 4, Гл. I.).

Святая Русь стала воплощением Ветхозаветного Праведника – Иова Многострадального. Но это уже не один верный раб, а весь Святоруский Народ постигло испытание. Мы знаем, для чего Бог Всемогущий допустил такое невыносимое испытание своему Верному Рабу Иову. Мы тоже знаем, как Он за свое СМИРЕННОЕ перенесение этих испытаний был вознагражден Богом, а как были наказаны те, кто подстрекал праведника против Бога. Такое и происходит уже 100 лет с Россией, и твердо верим, что всё это - великая тайна, имеющая в себе важное предупреждение всему человечеству. Это предупреждение есть призыв ко ВСЕМИРНОМУ ПОКАЯНИЮ.

Мы видим, как сейчас относится человечество к этому Божиему призыву – совсем его игнорирует! Тем самым сокращая время своего существования, и ускоряя Второе Пришествие Христово и Страшный Суд Божий.

ОДИННАДЦАТОЕ ГОНЕНИЕ на Церковь Христову только помогло сохранить Веру Православную в России, от лицемерия, нравственного расслабления, уныния, любоначалия и празднословия… Но оно и являлось Гонением предпоследним – так как оно предшествовало самому страшному гонению, которое постигнет народы всего мира – АНТИХРИСТОВУ ГОНЕНИЮ. Оно будет ДВЕНАДЦАТЫМ И ПОСЛЕДНИМ гонением на Христиан, и тот, кто останется в его время верным Истине-Христу, тот получит венец жизни (Откр. 2:10).

Гонение на Церковь Христову в России не могло уничтожить Веры Православной в Русском Народе. Совершенно правильно заявил еще в царское время, один из виднейших Архиереев Русской Церкви Преосв. Епископ Иоанн (Соколовский), что «Не даст русский народ преобразовать свою веру, веру православную и соединенное с нею учение нравственное. Это его духовная сила; это корень его внутренней жизни и дух его жизни исторической. И горе тому, кто посягнул бы на эту святыню народа! Народ русский не может быть не православным!.: иначе он перестал бы быть русским; отнять у него веру, в которой он и одной буквы переменить не позволяет, значило бы со дна возмутить всю его жизнь, значило бы отнять у Него душу» (Слово сказано 27 февраля 1866 г.).

Так Всемогущий Бог показал на своем верном многострадальном рабе – Святорусском Народе, как будет выглядеть антихристовое гонение. Но это гонение будет уже осуществляться не среди одного народа, но будет касаться всех народов мира, т.е. оно будет ВСЕМИРНЫМ.

Российский Царь Николай Александрович, замечая нависшую над человечеством катастрофу, задолго до Мировой Войны пытается предотвратить её, посылая свое Обращение к народам всего мира в Гааге (1899 г.), которое было отвергнуто. «В явном предвидении надвигавшейся на мир опасности Государь при помощи своих Представителей при иностранных державах пытался внушить это и сильным мира сего в иноземных странах, предложив на Мировой Конференции в Гааге ряд мер для предотвращения этого. Но не вняли Ему политики и дипломаты, и покатился дальше мир в ту бездну, которая проходит теперь пред нашими очами в высококультурных странах, и во всём мире. В уповании на милость Господню Царь-Мученик не переставал искать утешения в усердной молитве и в помощи Святых Угодников»[1]. «Только через два десятилетия после Гаагской конференции передовые умы человечества созрели для восприятия идеи ограничения вооружений, идеи, раньше считавшейся утопией, несбыточной мечтой Русского Царя. И Лига Наций, и Организация Объединенных Наций – плоды семян, посеянных нотой Русского Правительства от 28-го августа 1898 года. Как ни трагична судьба Императора Николая II-го и Его Семьи, как ни трагична судьба всей России после Его отречения, имя Императора Всероссийского, Царя Николая II-го, золотыми буквами начертано на скрижалях истории Человечества»[2].

Мы видим, что человечество не поняло, всего того что происходило с Россией, мало того, далее видит в России какое-то воплощение зла, забывая что там именно происходит самая большая борьба со злом. Эта борьба имеет место в Русском Сердце, в Русской Душе. Точно, как это написал Ф. М. Достоевский, что полем битвы между Богом и дьяволом являются сердца людей. Но эта борьба идет за все человечество именно в русском человеке! Русский человек – это человек души, он живет «по душе», он переживает всё «на душе». «У русского народа нет шпажной чести, но есть высшее благородство души» – писал Достоевский[3].

Верность Истине является характерной и главной чертой Православных Христиан. Сам Христос сказал, что Бог ищет только тех истинных поклонников, которые будут Ему поклоняться в духе и истине (Ин. 4:23). Таковых поклонников при конце человечества будет очень мало, и притом

---

[1] *Там же.* С. 117-118.

[2] П. Крачковский. *Гаагская Конференция 1899 года*. // *Там же.* С. 130

[3] *Дневник писателя* за 1877 г. XXV, 129.

настолько мало, что сам Сын Человеческий спрашивал, когда второй раз придет на землю, то найдет ли на ней веру? (Лк. 18:7-8).

Достаточно посмотреть на страницы книги Библии, чтобы понять, насколько Истина важна для человечества.

«Мерзость пред Господом – уста лживые, а говорящие истину благоугодны Ему» (Притч. 12:22).

«Уста правдивые вечно пребывают, а лживый язык – только на мгновение» (Притч 12:19).

«Клевещущие уста убивают душу» (Прем. 1:11).

«Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый» (Пс. 11, 4).

«Царь же возвеселится о Боге, восхвален будет всякий, клянущийся Им, ибо заградятся уста говорящих неправду» (Пс. 62: 12).

«Избавь меня и спаси меня от руки сынов иноплеменных, которых уста говорят суетное и которых десница – десница лжи» (Пс. 143 : 11).

«Отворите мне врата правды, войдя в них, я прославлю Господа. Это – врата Господни, праведные войдут в них» (Пс. 117:19-20).

«ИСКАНИЕ ПРАВДЫ – ОСНОВНАЯ НИТЬ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА, – поучает свт. Иоанн (Максимович), – и не случайно, что первый писаный свод законов, который должен был упорядочить жизнь, назван был "Русской Правдой". Но о небе, о Царстве Божием, думали не только те, кто уходил от міра и людей, все верующие русские люди понимали смысл жизни. Все, кто подлинно строил Россию как государство, живя в миру и исполняя свои обязанности, также почитали самым главным быть верным Божественному Царству и Божественной Правде. В России были князья, полководцы, хозяева, люди всех родов и занятий, но их основное понимание и стремление и смысл жизни были также стяжание Царствия Божия, причастность ему. (...) Верность заповеди "Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его" создавало русское смирение, смиряло и власть, и в дни наибольшей земной славы Русская власть, устами Императора Александра I, исповедала себя как власть христианскую и на памятнике своей славы написала: "Не нам, не нам, но Имени Твоему"»[1].

В уклонении от верности ИСТИНЕ Святитель видит первоначальную причину революции в России: «Тяжкие СТРАДАНИЯ РУССКОГО НАРОДА ЕСТЬ СЛЕДСТВИЕ ИЗМЕНЫ РОССИИ САМОЙ СЕБЕ, СВОЕМУ ПУТИ,

[1] Россия. Слово святителя Иоанна (Максимовича), архиеп. Шанхайского и Сан-Францисского в день памяти святых в Российской земле просиявших. // «*Православная Русь*». 1994. №11. С. 1-3.

СВОЕМУ ПРИЗВАНИЮ. Но те тяжкие страдания, тоска жизни под властью лютых безбожников говорят, что Русский народ не до конца утратил сознание правды, что ему духовно и нравственно тяжела неправда безбожного государства и безбожной власти. Россия восстанет так же, как она восставала и раньше. Восстанет, когда разгорится вера. Когда люди духовно восстанут, когда снова им будет дорога ясная, твердая вера в правду слов Спасителя: "Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его и вся сия приложатся вам". Россия восстанет, когда полюбит Веру и исповедание Православия, когда увидит и полюбит православных праведников и исповедников»[1].

Но как видим, для Святителя Русский Народ все же не сдался перед игом безбожников, все же есть надежда для восстановления Святой Руси. И это воскрешение нужно не только Русскому Народу, но всему человечеству: «Восстановленная Россия нужна всему миру, от которого отошел дух жизни, и он весь колеблется в страхе, как перед землетрясением. Россия ждет Христолюбивого воинства, Христолюбивых Царей и вождей, которые поведут Русский народ не для славы земной, а ради верности Русскому Пути Правды. "Не нам, не нам, а Имени Твоему". В ПОКАЯНИИ, В ВЕРЕ, В ОЧИЩЕНИИ, ДА ОБНОВИТСЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ И ДА ВОССТАНЕТ СВЯТАЯ РУСЬ!»[2].

В другом своем слове в неделю всех святых в земле Российской просиявших, Святитель напоминает, что СТРЕМЛЕНИЕ К СВЯТОСТИ является главной чертой Русского Народа. Даже когда этот народ согрешает, то он по милости Божией и заступничеству Пресвятой Богородицы и своих небесных сродников – Святых Русских, получает от Бога прощение. Самый большой грех, который может сделать Русский человек, это отказаться от этой своей черты – СВЯТОСТИ. Русский Народ обязан остаться до конца мира стремящимся к святости. ДОТОЛЕ СВЯТАЯ РУСЬ БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ, ДОКОЛЕ ЕЁ НАРОД НЕ ПОКИНЕТ ЖАЖДА СВЯТОСТИ. Поэтому Святитель поучает, что не грех является препятствием для Русского Народа, но лишь отсутствие покаяния за него: «Повторяю, что были всегда грехи и беззакония в России. Были они от самых первых времен, как вообще грех наполнил землю, от того часа, когда прародители наши согрешили в Раю. Но грех не должен оставаться грехом и, если кто кается, то из преступника святым делается. Как была грешна Мария Египетская, другие были разбойники, а потом стали преподобными. Помолимся ныне, чтобы Господь дух их послал в сердца наши. Чтобы мы зарубежом, следуя их

[1] Там же.

[2] Там же.

примеру, помнили, что не напрасно мы носим имя сынов России. Что не напрасно Господь нам дал дар иметь свои корни, дал одним возрасти на Родине, а другим родиться от русских родителей. Потому, что если какая страна чем хвалится, то Русская земля хвалится именно святостью. "Прекрасная Франция", говорят. Разным странам прилагаются разные названия – что какой народ удивил. Но Русская земля паче называется "Святой Русью". Только к одной другой земле приложено это название – к Святой Земле, в которой просиял Господь наш. Никто из других стран, никто из других народов не принимает этого звания. Почему? Потому что самое важное для нас, самое драгоценное, самое великое – это святость. Это идеал, это предел стремления русского народа. Мы забываем обращаться к духовному небу, но я надеюсь, мы не навсегда забыли. Как спутники, идя по пустыне ночью, взирают на небо и по звездам находят свой путь – так и мы должны взирать на наше русское небо, чтобы Господь указал нам путь и привел нас к миру и единству здесь, зарубежом, чтобы Господь преобразил сердца русских людей в зарубежьи, и тогда поверженные духовным натиском, падут и внешние цепи пространства. И воскреснет Русь во всей своей славе и величии»[1].

Секретарь Святителя Иоанна – князь Петр Сергеевич Лопухин обратил внимание на то, что: «СВЯТАЯ РУСЬ НЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ СВЯТОГО НАРОДА: ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДА ЕСТЬ СКАЗАНИЕ О ЕГО ГРЕХАХ; НО НЕ ТОЛЬКО О НИХ. ОСНОВНОЙ ЧЕРТОЙ ЕГО, определившей и давшей право на имя "Святой Руси", БЫЛА И ЕСТЬ – ВЕРНОСТЬ ПРАВДЕ: ЧЕЛОВЕК СВЯТОЙ РУСИ ГРЕШИТ, НО НЕ ЛЖЁТ, и потому знает, куда и к чему надо возвращаться, когда согрешил и упал. Верность правде – самая существенная и дорогая черта человека Святой Руси, воспетая Достоевским, и она критерий Русскости»[2].

Освобождение России от РАБСТВА ГРЕХА И ТЬМЫ произойдет только после ее ИСКРЕННЕГО ПОКАЯНИЯ, причем оружием русского человека должен стать КРЕСТ, а условием победы над безбожниками – ЛИЧНАЯ СВЯТОСТЬ. Эта мысль о восстановлении Святой Руси подвигом личного усовершенствования была изложена Русским Зарубежным Епископатом во время Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви

---

[1] *Слова иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Чудотворца. Сборник проповедей, поучений, посланий, наставлений и указов.* Сан-Франциско 1994. С. 182-188.

[2] П. С. Лопухин. *Святая Русь и Русское Государство*. // «*Православное Обозрение*» *(Изд. РПЦЗ). 1959. №26.*

заграницей (1/14 - 11/24 августа 1938 г.) в своем послании Русской пастве в рассеянии сущей:

«Стояние в вере Православной должно заключаться не в одном лишь точном исповедании учения Православной Церкви, а и в жизни сообразно вере. Посему оплачем грехи и преступления наши, которыми мы осквернили себя, навлекли на себя гнев Божий, покаемся в них от всего сердца. Прежде всего вспомним тот грех, который, как тяжелое бремя, лежит на всем Русском народе, поскольку он является одним организмом, и который служит, быть может, главною причиною теперешних бедствий его и нашего изгнания с Родины. Грех тот есть измена Помазаннику Божию, коей запятнали себя творцы и вдохновители нашей революции. (…) Путь спасения нашего Отечества лежит через подвиг нашего личного усовершенствования. Поработители России подняли знамя безбожия и вооружились оружием духов злобы. Наше Знамя – святой животворящий Крест, и доспехами нашими должны быть добродетели, указываемые Словом Божиим. Возрождение нашей Родины должно начаться с духовного возрождения каждого из нас в отдельности. Борьба с нынешнею властью в многострадальном Отечестве есть борьба двух начал, борьба веры и безверия, борьба безбожия с верою в Бога. Чтобы находиться в стане света и правды и делать святое дело, нужно очиститься и переродиться внутренне. Невозможно бороться со злом вне себя, будучи внутренне исполненным им. Господь указал, что род дьявольский изгоняется только молитвою и постом (Мф. 17:21; Мр. 9:29). Вооружившись ими, прилежа неукоснительному участию в богослужениях и чтении Слова Божия, будем стараться в жизни своей воплощать учение Христово, неуклонно исполняя все предписания Церкви (…) ЛИШЬ ИЩА ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ И ПРАВДЫ ЕГО, МЫ СМОЖЕМ СТАТЬ ИСТИННЫМИ БОРЦАМИ ПРОТИВ ЦАРСТВА САТАНЫ И НЕПРАВДЫ И СПОСОБНЫ БУДЕМ СДЕЛАТЬСЯ СТРОИТЕЛЯМИ ВОСКРЕШЕННОЙ ВЕЛИКОЙ РОССИИ. Строительство Св. Руси доступно лишь тем, кто дышит духом ее правоверия и благочестия. Так неразрывно связаны между собой наши Отечества небесное и земное. Преуспевая в нравственной жизни, мы подготовляем себя к будущей и в то же время приближаем сроки освобождения Родины. Когда русский народ охватит волна покаяния, тогда придет спасение. Тогда пошлет Господь благословение на дела и намерения наши. Близок всему конец. Целомудритесь и трезвитесь в молитвах. Обратитесь ко Господу всем сердцем своим в посте, плача и рыдая, да смилуется над нами. Тогда возревнует Господь о земле Своей и пощадит народ Свой. Тогда придут вновь лета благоприятные на землю нашу, прежде Отечества небесного узрим во славе Отечество наше земное. Если же мы не

вразумимся, в печалях умрем, и самое имя наше может изгладиться из книги живущих на земле»[1].

Поэтому Русский Народ должен именно сейчас – спустя 100-лет от начала Революции – вознести к Своему Творцу и Спасителю покаянный вопль:

«ГОСПОДИ, ПРОСТИ;
ВЛАДЫКО, ПРОСТИ;
СПАСИТЕЛЮ, ПРОСТИ».

ЛЮБОВЬ ИСКЛЮЧАЕТ ЛОЖЬ. Поэтому нельзя забывать о ЛЮБВИ, ибо «Бог есть любовь» (1 Иоан. 4, 16). Христианство есть РЕЛИГИЯ ИСТИНЫ И ЛЮБВИ, как об этом поучал Архиепископ Аверкий (Таушев). Русский Народ должен «истинствовать на земле» – т.е. постоянно и истинно любить. Ап. Павел призывает Христиан – «**истинствующе же в любви да возрастим в Него всяческая, иже есть глава Христос**» (Еф. 4:15). ИСТИНСТВОВАТЬ РУССКИЙ НАРОД БУДЕТ, КОГДА ЕГО СЛОВА БУДУТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ЕГО ДЕЛАМ.

Святитель Феофан Затворник так толкует Павловы слова к Ефесянам: «Истинствующе в любви можно принимать, как выражение одной мысли: имея истинную, нелицемерную, искреннюю любовь. (…) Но можно и разделять, и под истинствующе разуметь – содержа истину, а в любви – «пребывая, или живя в любви». (…) Истинствовать и в любви пребывать кажется бы и довольно, но Апостол прибавляет: истинствуя в любви, все да возрастим во Христа, – то есть да будем все в себе, свое лицо, все свои силы и отправления, настраивать по духу Христову и в Его меру возращать, как, напротив, нехристиане действуют по духу сатаны и себя возращают в меру его, всезлобного панурга».

Поэтому Второй Русский Всезарубежный Церковный Собор, в своем послании к Русскому народу в Отечестве страждущему напоминает об этой главной христианской добродетели, без которой не мыслится восстановление России: «Любовь есть тот цемент, который прочно связывает людей между собою, превращая человеческое общество в один стройный организм. Эту благодатную силу любви и принес с Собой на землю Божественный Искупитель, распространив ее на всех людей – ближних и дальних, добрых и злых, праведных и неправедных. Он положил ее как драгоценный залог, в благодатную сокровищницу Церкви, откуда могут почерпать ее в изобилии

[1] *Деяния Второго Всезарубежного Собора*. С. 700, 704-705.

для себя, как отдельные лица, так и все человеческое общество. Она одна создает для всех истинное равенство и братство во Христе»[1].

У Русского Народа должна быть только ОДНА ВОЖДЕЛЕННАЯ ЦЕЛЬ, владеющая всеми его мыслями, чувствами и желаниями – СПАСЕНИЕ СТРАЖДУЩЕЙ И ПОТОМУ ОСОБЕННО ДОРОГОЙ ЕМУ РОДИНЫ.

Господи, спаси Россию.

Вразуми, верни к Себе народ свято-русский, исконно-православный.

Избави, Господи, страну нашу Российскую от сатанинских козней.

Услыши, Господн, молитву нашу слезную, идущую из глубины души!

***

Второй Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Блаженнейший Митрополит Анастасий (Грибановский), так свидетельствовал о НЕСОКРУШИМОСТИ Православной Веры на Русской земле: «Народ, который среди своих неописуемых долголетних страданий, среди окружающей его лжи, насилия и неправды, среди скорбного зрелища разрушенных храмов и поруганных алтарей сумел сохранить нерастленным внутренний храм своей души… этот народ жив и не можем умереть, пока он хранит веру в Воскресение Христово».

Даже сам враг Русского народа в лице германско-фашистского солдата, попавшего в плен в России во время второй мировой войны, сознает в своём стихотворении, что СВЯТАЯ РУСЬ ЖИВА: «Святая Русь русского народа! Где ты, что с тобою стало? Что с тобой сделали? Умер Христос в России. Умерла в России христианская церковь. Но умерла ли в России вера и стремление к Богу? Разве могут вера и стремление к Богу умереть в таком глубоко верующем народе, в таком молитвенном народе, как русский народ, который так верит, с таким смирением, который проявляет терпимость к другим, как ни один другой христианский народ в мире? Нет, вера и стремление к Богу не умерли в России. И христианская Церковь в ней не умерла, и не умер в ней Христос»[2].

В 1948 г. будущий Четвертый Первоиерарх РПЦЗ, тогда молодой Архимандрит Виталий (Устинов), будучи потрясен своими наблюдениями русской эмиграции, в своем докладе «О душе Русского Народа», прочитанном на Епархиальном съезде Западно-Европейской епархии Зарубежной Церкви, поделился с собратьями своим пастырским горем, которое было тогда в

---

[1] *Там же*. С. 685.

[2] «*Православная Русь*». 1961. № 1.

сердцах всех Русских Пастырей. О. Виталий помимо всего смог чудесным образом найти скрытую Святую Русь. Она жила в сердцах утомленных русских беженцев, лишенных прекрасных храмов и строго уставного богослужения, но прежде всего своей Святорусской Родины. О. Виталий, увидев эту скрытую Родину, получил на всю свою жизнь вдохновение самоотверженно служить своему многострадальному Русскому Народу и Его Русской Церкви. Он видел в лицах утомленных от потери Своего Царя и Православной России Русских людей чудесную перемену: «среди мрака такой беспощадной, злостной войны, к нам заглянула Святая Русь. Глазами этих людей на нас смотрел преп. Сергий Радонежский, Серафим Саровский, чтобы нам сказать, что жива Русь, Святая Русь. Помните, что в Великую Субботу вы ощущаете благодатную грусть, и в то же время, через все щели вашу душу наполняет радость и торжество победное над смертью. Почему-то кажется, что сейчас – Великая Суббота Святой Руси».

Через кровь и через трупов груды,
Лобызая в бледные уста,
Посылает снова внук Иуды
На Голгофу распинать Христа.
Верю я, что близок свет денницы
Сердце, жди! Я верю и молюсь!
После тяжких дней Страстной Седмицы
Бог воскреснет, и воскреснет Русь!

Именно там, в искренне верующих Русских Сердцах была Богом глубоко сокрыта – но не потеряна Святая Русь, как духовный Град Китеж. В этом граде жила во время гонения безбожников – Русская Душа. В этом граде она спасалась от красного дракона, как Апокалиптическая невеста Агнца, т.е. Православная Церковь последних времен. «Жена убежала в пустыню, где приготовлено было для неё место от Бога» (Откр 12:6).

Как нам найти этот Град Китеж? Как нам найти Святую Русь? Митрополит Антоний (Храповицкий) дает такой совет: «Приложи ухо к родной земле, русский человек, – что она говорит тебе? От праведной княгини Ольги, от равноапостольного князя Владимира и до дней Серафима Саровского, и до дня настоящего и на будущие века – все мудрые вожди народа думают и говорят одно... Они учили своих современников и их потомков одинаково: и князья, и цари, и святители, сидевшие на церковных кафедрах, и отшельники, скрывавшиеся среди лесов и островов морских, и военачальники, и воины, и бояре, и простецы. Все они учили взирать на жизнь эту, как на проходной двор к жизни будущей; охранять неповрежденною

апостольскую веру; блюсти чистоту нравов и правдивость слова; чтить царей и ими поставленных... не перенимать развратного обычая иноземцев, но хранить чин отеческий, исполненный смиренномудрия, простоты и любви евангельской; стоять безбоязненно за родную землю».

Блаженнейший Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), в Послании ко всем православным русским беженцам заграницей от имени Русского (Первого) Всезаграничного Церковного Собора взывал как пророк: «Русские люди! Да не будет для вас бесплодным великое посещение Божие, та великая наука, которой научиться можно только тяжкими страданиями. Возблагодарите за них Господа, как праведный Иов, и тогда сподобимся Его награды. Не в роскоши, не в искании власти, а в послушании и терпении будем искать цель жизни и личной, и общественной. Пока это не совершится, не возвратить нам и самой России, не возвратимся в Россию. От вас, русские люди, от вашего внутреннего возрождения, зависит, чтобы возвратить нам радость спасения своего. Уготовляйте же себе путь в благословенную страну, объединяйтесь в патриотические группы, взаимно учитесь друг у друга познанию Бога и своей Родины, своей прошлой истории и разумному строю земли нашей в будущем».

В эмиграции многие Русские люди предавались унынию, и, раскаявшись в личных и общественных ошибках, не видели выхода. Арестованный петлюровцами митрополит Антоний, находясь в тюрьме в течение восьми месяцев, создавал свой «Словарь к творениям Достоевского», пытаясь указать соотечественникам спасительный путь даже в самой плачевной ситуации, от чего и вторая часть этого труда наименована – «Не должно отчаиваться»[1].

Владыка Антоний, возвращаясь к «урокам Октября», был уверен, что у России есть светлое будущее, но её судьба зависит только от того, какими будут сами Русские люди. Последним необходимо будет для обретения созидательной силы обратиться к живительным истокам, питавшим государственный организм на протяжении веков[2]. Владыка Антоний писал:

«Очень было бы грустно лишиться русского государства, но Русь была, росла и сияла даже тогда, когда не была государством (…) Русское православие, русское искусство, русская речь, русское сердце, русская

---

[1] *Словарь к творениям Достоевского: Не должно отчаиваться*. Преосвящ. Антоний митр. Киевский и Галицкий. София 1921. С. 28, 29.

[2] В своем докладе Парламентской группе в 1923 г. в Белграде, Владыка Антоний как основы возрождения России начертал – Православную веру, Самодержавную власть (с выборными в Думу представителями от народа), национальную интеллигенцию и духовное единство всего народа.

открытость, самоотвержение и широта духа не угаснет под игом ни японцев, ни американцев, ни англичан, ни французов. МОЖНО НАДОЛГО УНИЧТОЖИТЬ РОССИЮ, НЕЛЬЗЯ УНИЧТОЖИТЬ РУСЬ. И ЕСЛИ БЫ ПРИХОДИЛОСЬ ВЫБИРАТЬ ОДНО ИЗ ДВУХ, ТО ЛУЧШЕ ПУСТЬ ПОГИБНЕТ РОССИЯ, НО БУДЕТ СОХРАНЕНА РУСЬ, погибнет Петроград, но не погибнет обитель преподобного Сергия; погибнет русская столица, но не погибнет русская деревня, погибнут русские университеты и заминятся английскими или японскими, но не погибнет из памяти народной Пушкин, Достоевский, Васнецов и Серафим Саровский. ВПРОЧЕМ, ЗАЧЕМ ТАКОЙ РОКОВОЙ ВЫБОР. БОГ ДАСТ, СОХРАНИТСЯ И ПЕРВОЕ, И ПОСЛЕДНЕЕ. Только надо крепко помнить, что РУСЬ – ЭТО НЕ ПРОСТО РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО; ОБЩЕСТВЕННОСТЬ НЕ ТО, ЧТО ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, И ОБЩЕСТВЕННАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ СОВСЕМ НЕ ТО, ЧТО ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЛИ ЗЕМСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ»[1].

В ином месте Иерарх писал: «Причина ее глубокого упадка [России] заключалась не в нескольких ошибках последнего царствования и не в нескольких неправильных шагах общественных деятелей, а в ПОТЕРЕ САМОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ и правительственными сферами, и еще более самим обществом: так и возрождение русской жизни, ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОЧНОЕ И МИОГОВЕКОВОЕ, возможно лишь под условием ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НА НАШУ ЖИЗНЬ И НА РУСЬ в умах передовых деятелей, что в настоящее время – время истинного покаяния и отрешения от прежних предрассудков – гораздо легче, чем было при жизни Достоевского и вообще в дореволюционный период русской жизни»[2].

***

Движимые любовью к Своему Учителю жены-мироносицы первыми пошли в то утро ко Гробу Господню. Их служение Господу есть пример безоглядной любви и верности. При жизни Христа эти женщины были помощницами Его, оставались с Сыном Божиим на Голгофе до самого конца Его, а когда Он испустил дух, поспешили домой, чтобы приготовить ароматы и миро для Его умученного тела. Не подавленные горем и испуганные ученики, а именно жены-мироносицы смотрели, где полагали тело Иисусово во Гроб. И за эту преданность и воздание Господу почестей при погребении

---

1 Там же. С.

2 Там же. С. 22.

(для чего им пришлось преодолеть страх), проявляя свою непоколебимую веру, эти Святые жены-мироносицы первыми получили удостоверение о Воскресении Христа и были первыми проповедницами Его! От них пример сораспятия Христу должен взять Русский Народ, чтоб быть со Христом вместе до конца, не поддаваться «новым синедрионам», желавшим лишь одного – убийства неповинного праведника. Русский Народ должен, напротив, «миру во зле лежавшему», стать мироносным, т.е. любить своего Господа, быть с Ним даже когда весь мир от Него отказался, и сподобиться увидеть ИСТИННО воскресшую со Христом Родную землю.

Русский Народ должен быть МИРОНОСНЫМ! Эта его главная задача вверена Богом! Только Русский Народ, как испивший небывалое в истории человечества страдание, является ЕДИНСТВЕННЫМ народом, могущим противостоять силам адским. Он опытнейший из всех народов мира в борьбе с князем мира сего.

«Жива святая Русь под игом советчины и не переделать ее на свой лад сатане, в образе зверя красного. Пятьдесят лет напрягает он сатанинскую силу и, надрываясь, с Богом борется, чтобы вытравить из народных русских душ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ. Пустая затея! Пусть разрушены святыни православные и на месте их зияет мерзость запустения: в недрах душ зажглась вера в Бога и горит там ярким пламенем... СТОИТ НЕСОКРУШИМО РУСЬ СВЯТАЯ, ПРАВОСЛАВНАЯ – ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ – под охраной чудотворного образа Ее – Державной Иконы Божьей Матери. (…) Закрыта навсегда, казалось, была жуткая пещера погребальная, камнем тяжелым завалена и печатью для верности припечатана. Навсегда, думалось, тогда маловерам, замурована в ней правда Божия. Но прошли Богом данные сроки. Мгновение – и отвален камень «от дверей гроба». Христос Воскрес! Вот и здесь, в этом глухом селе. Все казалось конченым, красным безбожием пронизанным, пятиконечной звездой отмеченным. Миг – и исчезло наносное, православному народу русскому чуждое. И воспрянул народ, вспомнив старое, близкое, в глубине сердец до поры – сокрытое. Пусть не дал еще Господь России вечной радости... Не заслужили, знать, еще – до конца не вымолили. Не урок ли то колеблющимся, в силу Божию не верующим? Прийдут сроки ... Воскреснет Русь святая православная, вмиг воскреснет ... Только бы вера в Божию Силу была крепкая, покаянием очищенная и слезами омытая»[1].

ЖИВА РУСЬ СВЯТАЯ – ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ!

---

[1] *Н. Бобров. Несокрушимость православной веры на русской земле. // «Православный Путь» за 1968 г. С.* 92, 97.

Кто же тот, кто может Воскресить Россию? Вождь, поэт или политик? Никак! Только один Богочеловек – Иисус Христос!»

Об этом напоминал Русскому Народу еще до революции 1917 года, в своем архипастырском воззвании выдающийся миссионер того времени Архиепископ Томский и Алтайский Макарий (Невский): «О, кто даст сердцу нашему сокрушение и очам нашим слезы, чтобы оплакать наши бедствия и выплакать пред Богом наше избавление? О, Русь Святая! Вспомни свои добрые былые времена! Вспомни и те лихолетья, в которые ты умела прибегать к Богу с молитвой и покаянием и получала себе избавление! Вспомни Забытого тобою и помолись! Смех твой в плач да обратится; принеси покаяние и плоды, достойные покаяния. Обрати нас, Господи, и мы обратимся. А без Тебя мы и сего не можем сделать. *Восстани, Господи, помози нам и избави нас имене Твоего ради!*».

Услышим воззвание Святителя Истинной Русской Церкви Архиепископа Иоанна (Максимовича) о приготовлении себя к Воскресению Святой Руси: «Отряхните сон уныния и лености, сыны России! Воззрите на славу её страданий и очиститесь, омойтесь от грехов ваших! Укрепитесь в вере православной, чтобы быть достойными обитать в жилище Господнем и вселиться в святую гору Его! Воспряни, воспряни, восстань, Русь, ты, которая из руки Господней выпила чашу ярости Его! Когда окончатся страдания твои, правда твоя пойдёт с тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Приидут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобой сиянию. Тогда возведи окрест очи твои и виждь: се бо приидут к тебе от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословляща Христа во веки».

СВЕТИСЯ, СВЕТИСЯ, РУСЬ СВЯТАЯ И ДА ВОСКРЕСИТ ТЯ ХРИСТОС БОГ, ВЕЗДЕ СЫЙ И ВСЯ ИСПОЛНЯЯЙ.

Священнопроповедник Михаил М. Джега.

РОССИЯ В ПОДВИГЕ СТРАДАНЬЯ.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ
(*из Библии*).

Как одиноко стоит город, некогда многолюдный. Он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником.

Все друзья его изменили ему, сделались врагами его.

Все, преследовавшие его, настигли его в тесных местах; враги его стали во главе.

Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу.

В негодовании гнева Своего отнял Господь Царя и Священника.

Дети и старцы лежат на земле по улицам; девы и юноши пали от меча.

Сором и мерзостью Ты сделал нас среди народов. Разинули на нас пасть свою все враги наши.

Язык грудного младенца прилипает к гортани его от жажды; дети просят хлеба, и никто не подает им. Умерщвляемые мечом счастливее умерщвляемых голодом.

Дыхание жизни нашей, Помазанник Господень пойман в ямы их.

Наследие наше перешло к чужим, домы наши — к иноплеменникам.

Нас погоняют в шею, мы работаем — и не имеем отдыха.

Рабы господствуют над нами, и некому избавить от руки их!!.....

И когда приблизился ИИСУС к городу, то, смотря на него, заплакал о нем (Ев. Луки XIX, 41).

Митрополит Анастасий (Грибановский)

ПЛАЧ РУССКОГО НАРОДА.

Кто даст главе моей воду и очесем моим источники слез и плачуся день и нощь о побиенных дщери людей моих (Иерем. 9, 1).

Семь лет страданий Иова.

Семь лет беспросветного мрака, ужаса и скорби.

Семь лет глада и мора, огня, меча и междоусобныя брани.

Семь лет опустошения цветущей земли, расхищения ея векового наследия, разрушения ея величия, мощи, красоты.

Семь лет тягчайшего рабства, насилия, убийства, пыток, крови и слез.

Семь лет — духовного и телесного избиения младенцев, растления чистой и нежной юной души.

Семь лет вавилонского пленения Церкви, лютых гонений на верующих, вопиющего кощунства, святотатства и богохульства, от которых ужасается небо и трепещет земля.

Семь лет изгнания для многих сынов России, скитающихся на чужбине, гонимых, скорбящих, озлобленных и умирающих вдали от земли обетованной.

Семь лет проповеди лжи и обмана, отравляющей миллионы людей.

Семь лет убийства великого народа, истаевающего под гнетом неописуемой тирании.

Семь лет царствования красного дракона, смущающего землю и восстающего против всех божеских и человеческих законов.

Выслушайте это старцы и внимайте все жители земли, было ли это в дни ваши или во дни отцов ваших? Передайте об этом детям вашим, а дети ваши пусть скажут своим детям, а их дети — следующему роду. (Иоил. 1, 2-3).

О, если бы были записаны слова мои! если бы начертаны были они в книге. Резцом железным с оловом на вечное время на камне вырезаны были (Иов. 19, 23-24).

Внимай, небо, я буду говорить; и слушай земля слова уст моих (Втор. 32, 1).

«Когда я чаял добра, — пришло зло; когда ожидал света, — пришла тьма» (? 30, 26).

Еще днем закатилось солнце (мое) (Иерем. 15, 9).

Ужасы устремились на меня, как ветер, развеялось величие мое, и счастие мое унеслось, как облако (Иов. 30, 15).

Упал венец с головы нашей (Пл. 5, 16) и стало что с народом, то и со священником; что со слугою, то и с господином; что с покупающим, то и с продающим; что с заемщиком, то и с заимодавцем (Ис. 24, 2).

Идет горе на горе и (скорбная) весть за вестью (Иез. 7, 26).

Да льются из глаз моих слезы ночь и день и да не перестают, ибо великим поражением поражена дева, дочь народа моего, тяжким ударом (Иер. 14, 17).

Утроба моя, утроба моя! скорблю в глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое: не могу молчать (Иер. 4, 19).

Вспомни, Господи, что над нами совершилось: призри и посмотри на поругание наше; наследие наше перешло к чужим, дома наши — к иноплеменным (Пл. 5, 2).

Воду свою пьем за серебро, дрова наши достаются нам за деньги (Пл. 5, 4).

Вот мы ныне рабы на той земле, которую Ты дал отцам нашим, чтобы питаться ее плодами и ее добром; вот мы рабствуем (на ней) (Неем. 9, 36).

Мы сделались сиротами; нет отца (Пл. 5, 3).

Господь отнял (у нас) посох и трость, храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца и старца пятидесятника, и вельможу и советника, и мудрого художника и искусного в слове, и дал нам отроков в начальники, и дети господствуют над нами (Ис. 3, 1-4).

Предал нас (Господь) в руки врагов беззаконных, мерзких отступников, лукавнейших паче всея земли (Дан. 3, 32).

Они наполнили землю нечестием (Иез. 8, 17. 6).

Поразил нас Господь чахлостью, горячкою-лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною... и навел на нас всякую болезнь и всякую язву (Втор. 28, 22. 30).

Старика, юношу и девицу, младенца и жен бьют до смерти (Иез. 9, 6), и некому избавит от руки их (Пл. 5, 8).

Восстал презренный и лестию овладел царством, и вознесся и возвеличился выше всякого божества, и о Боге богов стал говорить хульное. И поставлена от него часть войска, которая осквернила сиятилище могущества и поставила мерзость запустения.

Кто признал его, тем увеличил почести и дал власть над многими и землю роздал в награду (Дан. 11, 21. 31. 36. 39).

Боже! язычники пришли в наследие Твое; осквернили святый храм Твой, Иерусалим превратили в развалины, разрушили жертвенники Твои и пророков Твоих убили мечем.

Трупы рабов Твоих отдали на снедение птицам небесным, тела святых Твоих — зверям земным; пролили кровь их, как воду и некому было похоронить их (Псал. 78 1-4; 3 Цар. 19, 14).

О, если бы я был, как в прежние месяцы, как в те дни, когда Бог хранил меня, когда светильник Его светил над главою моею, когда пути мои обмывались молоком, и скала источала для меня ручьи елея (Иов. 29, 1. 2. 6).

Отнята радость и веселие от плодоносной земли (Ис. 16, 10).

Земля опустошена в конец и совершенно разграблена; проклятие поедает землю (Ис. 24, 3. 6).

Множество пастухов испортили виноградник Твой, истоптали ногами участок Твой, любимый участок Твой сделали пустою степью, сделали его пустынею, и в запустении он плачет пред Тобою (Иер. 12, 10-11).

Опустошено поле, сетует земля, ибо истреблен хлеб, высох виноградный сок, завяла маслина; рыдают земледельцы о пшенице и ячмене, потому что погибла жатва в поле.

Как стонет скот, уныло ходят стада волов! ибо нет для них пажити; томятся и стада овец.

Не пред нашими ли глазами отнимается пища? Опустели житницы, разрушены кладовые, ибо не стало хлеба (Иоил. 1, 10. 11. 16-18).

Земля лишена обилия своего за неправды всех живущих на ней (Иез. 12, 20).

Истощились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя от гибели дщери народа моего, когда дети и грудные младенцы умирают от голода среди городских улиц. Матерям своим говорят они — «где хлеб и вино?», умирая, подобно раненым, на улицах городских, изливая души свои в лоно матерей своих.

Стенай, дщерь Сиона! лей ручьем слезы день и ночь, не давай себе покоя, не спускай зениц очей твоих. Вставай, взывай ночью при начале каждой

стражи, изливай, как воду, сердце твое пред лицем Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода на углах всех улиц.

Воззри, Господи, и посмотри, кому Ты сделал так, чтобы женщины ели плод свой — младенцев вскормленных ими; чтобы убиваемы были в святилище Господнем священник и пророк? (Пл. 2, 11. 12. 18-20).

Народ наглый, который не уважает старца и не щадит юношу — едят плод скота нашего и плод земли нашей и теснят нас в жилищах наших (Втор. 28, 50-52).

Смерть входит в наши окна и вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улиц и юношей с площадей (Иер. 9, 21).

Рахиль плачет о чадех своих и не хочет утешиться, ибо их нет (Иер. 51, 15).

Восплакала земля и изнемогли все живущие на ней со зверями полевыми и птицами небесными, даже и рыбы морские гибнут (Ос. 4, 3).

Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием (Ос. 4, 2).

Стали люди самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям не покорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, чем боголюбивы (2 Тим. 3, 2-4).

Явились лжеучители, произносящие надутое пустословие, обещающие (другим) свободу, будучи сами рабами тления, дерзкие, своевольные, срамники и сквернители, не страшащиеся злословить высших (2 Петр. 2, 18-19. 10. 13); и многие последовали их разврату и через них путь истины — в поношении (ст. 2).

Восстали пророки, учащие беззаконное (Ис. 9, 15), люди легкомысленные, вероломные (Соф. 3, 4) и священники, оскверняющие святыню, попирающие закон (Соф. 3, 4).

Легкомысленно врачуют они раны дочери народа Твоего, говоря «мир, мир», а мира нет (Иер. 6, 14) и вводят народ Твой в заблуждение обманами и обольщением (23, 32). И вот теперь попустил Господь духа лукавого во устах их (3 Цар. 22, 21-23) и пророки стали ветром, и слова Господня нет в них (Иер. 5, 13).

Горе безумным пророкам, которые водятся своим духом и ничего не видели (Иезек. 13, 3).

Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким и сладкое — горьким (Ис. 5, 20).

Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют.

Все они упорнейшие отступники, живут клеветою, это медь и железо; все они развратители (Иер. 6, 15. 28).

Помяни им, Боже, за осквернение священства и завета священнического и левитского (Неем. 13, 30).

Доколе плакати имать земля, и трава вся сельная изсхнет от злобы живущих на ней? (Iер. 12, 4).

Разделилось царство (наше) на ся, и стали воевать брат против брата своего и друг против друга своего (Матф. 12, 23; Ис. 10, 2).

Пятеро в одном доме стали разделяться: три против двух и двое против трех. Отец против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери (Лук. XII, 51-52).

И соблазиились многие и стали предавать друг друга.

Земля наполнилась кровавыми преступлениями (Иез. 7, 23).

Предает брат брата на смерть и отец сына; восстают чада на родителей и умерщвляют их (Матф. 24, 10; X, 21).

Ты положил нас в притчу во языцех (Иов. 17, 6).

Ты развеял нас веялом за ворота земли, Ты рассеял нас по всем народам отъ края до края земли; но и между этими народами мы не успокоились и нет места покоя для ноги нашей.

От трепета сердца нашего, которым мы объяты, и от того, что мы видим глазами своими, утром говорим: «о если бы пришел вечер!» и вечером говорим: «о если бы наступило утро!» (Иерем. 15, 7; Второз. 28, 64. 65. 67).

До нынешнего часа и алчем и жаждем, и наготуем и страждем, и скитаемся и труждаемся, делающе своими руками (1 Кор. 11-12).

Как потускло золото, изменилось золото наилучшее! (Пл. 4, 1).

Евшие сладкое истаевают на улицах; воспитанные на багрянице валяются в навозе.

Князья (дочери народа моего) были в ней чище снега, белее молока; они были телом краше коралла, вид их был как сапфир. А теперь темнее всего черного лице их, не узнают их на улицах; кожа их прилипла к костям их, стала суха, как дерево.

Юношей (наших) берут к жерновам, и отроки падают под ношами дров (Пл. 4, 5. 7-8; 5, 13).

На реках Вавилонских — тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона (Псал. 136, 1).

Мы сделались посмешищем у соседей наших; поруганием и посрамлением у окружающих нас (Псал. 78, 4).

О нас толкуют седящие у ворот и поют в песнях пьющие вино (Псал. 68, 13).

Говорил я: корень мой открыт для воды, и роса ночует на ветвях моих; слава моя не стареет и лук мой крепок в руке моей.

Внимали мне некогда и ожидали и безмолвствовали при совете моем. После слов моих уже не рассуждали, речь моя капала на них.

Ждали меня, как дождя, и, как дождю позднему, открывали уста свои.

Бывало, улыбнусь им — они не верят; и света лица моего они не помрачали.

Я назначал пути им, и сидел во главе, и жил, как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих...

А ныне смеются надо мною младшие меня летами (Иов. 29, 18).

Всяк, проходя мимо (меня), посвищет (Иов. 30, 1) и махнет рукою (Соф. 2, 15).

Я забыт в сердцах, как мертвый; я — как сосуд разбитый (Псал. 30, 13).

Вот я кричу: обида! — и никто не слушает; вопию — и нет суда (Иов. 19, 7).

Покинули меня близкие мои и знакомые мои забыли меня (Иов. 19, 14).

До границы выпроваживают меня союзники мои; ядущие хлеб мой наносят мне удар.

Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий (Псал. 21, 19).

Не следовало бы (им) злорадно смотреть на день брата своего, на день отчуждения его, ни касаться имущества его в день бедствия его (Авд. 7, 12-13).

О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое. Оно верно перетянуло бы песок морей (Иов. 6, 2-3).

Земля! не закрой моей крови и да не будет места воплю моему (Иов. 16, 18).

Поношение сокрушило сердце мое, и я изнемог; ждал сострадания, но нет его; — утешителей, но не нахожу (Псал. 69, 21).

Доколе, Господи, я буду вопиять, и Ты не слышишь; буду вопиять к Тебе о насилии, и Ты не спасешь?

Ты закрыл Себя облаком, чтобы не доходила молитва наша (Пл. 3, 44). Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия? Грабительство и насилие предо мною; и восстает вражда, и поднимается раздор.

Чистым очам несвойственно глядеть на злодеяния и смотреть на притеснения. Ты не можешь; для чего же Ты смотришь на злодеев и безмолствуешь, когда нечестивец поглощает того, кто праведнее его? И оставляешь людей, как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя? (Авв. 1, 2-3. 11-13).

Доколе, Боже, будет поносить (Тебя) враг? Вечно ли будет хулить противник имя Твое? Для чего удерживаешь руку Твою и десницу Твою? (Псал. 73, 10). Неужели не вразумятся все, делающие беззаконие, съедающие народ Твой, как едят хлеб, и не призывающие Господа? (Псал. 13, 4) и обидяй обидит еще, и скверный осквернится еще (Апок. 22, 11). Ужели навсегда отринул (нас) Господь и не будет более благоволить? Ужели навсегда престала милость Его? Неужели во гневе Бог затворил щедроты Своя? (Псал. 76, 8-10).

Слезы мои стали для меня хлебом день и ночь, когда говорят мне всякий день: «где Бог твой»? (Псал. 41, 4).

Но я знаю, Искупитель мой жив! В Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти. У него могущество и премудрость, пред Ним заблуждающийся и вводяший в заблуждение. Он лишает перевязей царей и поясом обвязывает чресла их. Князей лишает достоинства и низвергает храбрых. Отнимает язык у велеречивых и старцев лишает смысла.

Умножает народы и истребляет их, рассеевает народы и собирает их.

Отнимает ум у глав народа, и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути. Ощупью они ходят во тьме, без света: и шатаются, как пьяные (Иов. 12, 25; 16, 18-20. 23-25).

Только в Боге успокаивается душа моя: Он — твердыня моя, спасение мое, убежище мое. Народъ! надейтесь на Него во всякое время, изливайте пред Ним сердце ваше: Бог вам прибежище (Псал. 61, 23. 9).

Препояшьтесь вретищем и плачьте, священники! рыдайте, служителн алтаря! назначьте пост, объявите торжественное собрание и взывайте ко Господу (Иоил. I, 13-14). Соберите народ, созовите собрание, пригласите старцев, соберите отроков и грудных младенцев; пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы. Между притвором и жертвенником да плачут священники, служители Господни, и говорят: «помяни, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы; для чего будут говорить между народами: «где Бог их?» (2, 16-17). Приклони, Боже мой, ухо Твое и услыши, открой очи Твои и воззри на

опустошение наше (Дан. 9, 18); да не будет малым пред лицом Твоим все страдание, которое постигало нас, царей наших, князей наших, и священников наших, и пророков наших, и отцов наших, и весь народ Твой (Неем. 9, 32).

Востань, Судия земли, воздай возмездие гордым! (Псал. 93, 2). Исполни лица их бесчестием, чтобы они взыскали имя Твое, Господи. Да постыдятся и смятутся во веки, да посрамятся и погибнут. И да познают, что Ты, Которого одного имя: Господь, — Един, Всевышний над всею землею (Псал. 82, 17-19).

Спаси люди Твоя и благослови достояние Твое и глас кровей, вопиющих к Тебе, услыши (Псал. 27, 9; 2 Мак. 8, 3). Возвесели нас за дни, в которые Ты поражал нас, за лета, в которые мы видели бедствие (Псал. 89, 15). Да будет благословение Господа Бога нашего на нас (Псал. 89, 17).

Буди имя Господне благословено во веки! (Иов. I, 21). Аминь.

Октябрь 1924 г.

Прибавления к официальной части журнала «Церковные Ведомости». № 19-20. 1(14)-15(28) октября 1924 г. С. 8-11.

Святитель Тихон Исповедник, Патриарх Московский и всея России
РОССИЯ В ПРОКАЗЕ.

Поучение, сказанное при служении литургии в Николо-Воробьинской церкви в Москве 14 января 1918 г.

Возлюбленные братие, вы только что выслушали в Евангельском чтении повествование о том, как Господь наш Иисус Христос исцелил десять прокаженных мужей.

Проказа – ужасная, тяжкая болезнь, часто встречающаяся на Востоке. Тело больного покрывается язвами и струпьями, кожа лопается и гноится, члены по частям отпадают (Иов. 7:5), и все это длится по целым годам! Страдальцы «ждут смерти, и нет ее», и обрадовались бы до восторга, если бы нашли гроб (Иов. 3:21-22). Прокаженного все чуждаются, близкие покидают и знакомые забывают его, гнушаются те, которые раньше любили его (Иов. 19:13-19).

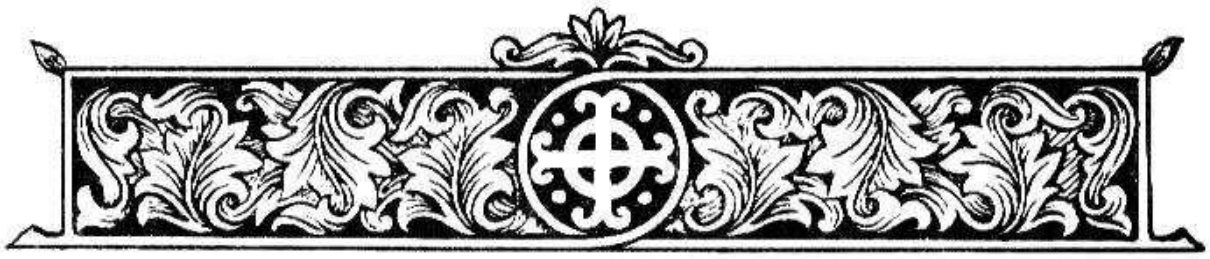
Эти мучительные переживания прокаженных невольно напоминают собою то ужасное состояние, в котором находится ныне наша дорогая Родина, страдалица Россия.

Все тело ее покрыто язвами и струпьями, чахнет она от голода, истекает кровью от междоусобной брани. И как у прокаженного отпадают части ее – Малороссия, Польша, Литва, Финляндия, и скоро от великой и могучей России останется только одна тень, жалкое имя. «Как сокрушен жезл силы, посох славы!» (Иер. 48:17). «Великий между народами, князь над областями, становится данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его» (Плач. 1:1-2). Как прокаженный, Родина наша покрылась стыдом и стала «посмеянием и ужасом для всех, окружающих» ее (Иер.48:39). Вы, конечно, читали сообщение о том, как иногда за границей наши союзники при появлении русских в общественных местах спешат уйти от наших соотечественников, как бы от заразы. И мы сами у себя дома нередко отмежевываемся от тех, кого еще недавно считали своими

защитниками и на кого взирали с гордостью и упованием. Так происходит «переоценка ценностей», столь для нас плачевная!

Где же выход из современного печального положения нашего? Все чаще и чаще раздаются голоса благомыслящих людей, что «только чудо может спасти Россию». **Верно слово и всякого приятия достойно**, что силен Бог спасти погибающую Родину нашу. Но достойны ли мы этой милости Божией, – того, чтобы над нами было сотворено чудо? Из Святого Евангелия мы знаем, что Христос Спаситель в иных местах не творил чудес за неверствие жителей (Матф.13:58) и с другой стороны Господь, предсказуя ученикам Своим грядущие бедствия – войны, глады, моры, землетрясения, изрек, что избранных ради прекратятся эти тяжелые дни (Матф. 24:22). Есть ли среди нас, братие, хотя бы немногие праведные мужи, ради коих Господь милует народы. То ведает один Бог! А мы, подобны Евангельским прокаженным, ставши издалеча, вознесем глас, глаголюще: «**Иисусе наставниче, помилуй ны»** (Лк. 17:12-13). **Да не взыщеши дел, оправдающих нас, аще бо праведника спасеши, ничтоже велие; и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойно бо суть милости Твоея, но на нас грешных удиви милость Твою и спаси ны, прежде даже до конца не погибнем.**

Послания Святителя Тихона, Патриарха Московскаго и всея Руси (Сборник трудов Патриарха Тихона). М. 1990. С. 11-12.



РОССИЯ В ПОДВИГЕ СТРАДАНЬЯ.

Слово неизвестного автора в Великий пяток.

«Или́, Или́, лима́ савахвани́!»
(Матф. 27, 46).

Не Илию глашает Сей... Мы знаем уже, как неверна была злорадная догадка воинов, мы уже не можем, не станем говорить: «Подождем, посмотрим, не приидет ли Илия спасти Его»!... (Матф. 27, 49).

Нет, это вопль к Богу и Отцу Своему, вопль Сына Божия и Сына Человеческого, — вопль Богочеловека на вершине Его искупительного подвига. Добровольно по сострадающей Божественной Любви приял Он подвиг искупления, прялъ бремя греха человеческого, всемирного, и в совести Своей, в час Гефсимании, и в час Голгофы, в муках душевных и телесных, Он испытывает все то, чего заслуживает грех по самой своей природе и сущности... И почувствовал Страдалец последний и самый страшный оброк греха: не только близость смерти, но, что́ смертельнее смерти, — как бы отступление, как бы отход Божества... И Он, в ясном богочеловеческом сознании всегда и безпрерывно бывший в единении с Отцом, живший, как истинный и совершеннейший Человек, только этим общением, без которого наступает тьма и смерть для совершенного человека, — Он почувствовал, покрытый чуждыми грехами, что от греха отступает Бог, и нет общения у света со тьмою, у Праведности с беззаконием (2 Кор, 6, 14). И тогда-то, молча и терпеливо переносивший доселе все муки, самые лютые и ужасные, отказавшийся приять о́цет с желчию смешен, чтобы искуственно не притупить сознания и остроту язв гвоздинных и поднятия на крест, — Он наконец отверз уста для молитвенного жалобного вопля, приуготовленного и преднаписанного в псалме Его праотца Давида: «Боже Мой, Боже Мой, почто Ты Меня оставил!» (Псал. 21, 1-2) «Или́, Или́, лима́ савахвани́!»

Было и накануне этого дня Великого пятка Его жалобное стенание, в котором тоже слышится как бы некое недоумение Сына Человеческого. Оно звучит в час Гефсимании, в первом молении Богочеловека. Мы подмечаем его

с усилием и особою вдумчивостью только в евангелии Марка. В чем великое искушение Гефсимании? В чем здесь таинственная встреча с искусителем который, после нападения на Иисуса в пустыне, оставил Его **до времени**? (Лук. 4, 13). В чем та победа Христа, о которой Он говорит незадолго перед смертью: «Грядет мира сего князь, и во Мне не имать ничесоже?» (Иоан. 14, 30).

В том, что мы наблюдаем в себе самих, в годины великих страданий, что слышим и от множества людей страдающих: «Отче Мой, **все возможно Тебе**... Мимо неси от Мене Чашу сию!» (Марк. 14, 36) «Все Тебе возможно все, Ты можешь сделать... Неужели же нет у Тебя Силы, Мудрости, Любви и Твоей воли совершить спасение мира, не возводя на крест Гефсиманский и Голгофский Твоего Сына? Итак, **аще возможно есть**, да мимоидет Мене Чаша сия»... (Матф. 26, 39).

Но есть **нравственная невозможность** в таинственных процессах нравственнаго характера. И здесь Иисус исходит Победителем из искушения, и слово Его звучит, как гром, в Его втором и третьем молении, подслушанном и подмеченном ближайшими учениками, находившимися в какой-то непостижимой сонливости и слабости, навеянной тем же искусителем: «Отче Мой! О, если бы Ты благоволил пронести Чашу сию мимо Меня! Обаче **не Моя воля, но Твоя** да будет! (Лук. 22, 42).

Но и на Голгофе болезненный вопль от сознания оставленности Богом тоже побежден Христом в следующий же момент: «Отче Мой **в руки Твои** предаю дух Мой». Так, как бы возстановлено это общение, которое, конечно, и не прерывалось; так исполнилось слово Искупителя, сказанное апостолам: «Все вы разойдетесь и Меня оставите **Одного**, но Я **не Один**... яко Отец Мой со Мною есть». (Иоан. 8, 16; 16, 32).

О, Россия! О, несчастная наша родина! О, страдающий наш милый, родной народ, — плоть наша и кровь! И ты — в подвиге страданий; и ты — в твоей Гефсимании и на твоей Голгофе. Ты, конечно, не безгрешно страдаешь. Знаемъ это. Но знаем и то, что все-таки страдаешь! Знаем с поэтом и то, что «всю тебя, земля родная, с крестной ношей Царь Небесный исходил, благословляя»... Но уже не прежний святолепный лик нашего народа смотрит на нас: на нас глянуло его отвратительное лицо, искаженное звериной злобой и алчной завистью. Нам становится стыдно за то, что мы — русские. Нам нечего сказать в ответ на укоризны врагов, на насмешки их и издевательства. Вот враги внешние, злорадно ждущие, уж не Илию ли глашае мы, и не придетъ ли Илия спасти нас. Вот издевательства над бессильным и поникшим народом, который, как расслабленный богатырь, лежит немощной, недвижимый, и его

добить можно соломинкой... Вот тупые и злобные фарисеи, самозванные вожди и мнимые радетели народа, с их сектантским фанатическим упорством, уверовавшие только в свою правду и в правду насильственно проводимых и воспринятых на веру узких теорий социального переустройства. Вот гордые саддукеи, в угаре увлечений социализмом заявляющие, что нет ни Бога, ни ангела, ни духа, а есть только одна плоть. Вот и несчастная толпа, среди которой снуют наемные слуги фарисеев и саддукеев — чтобы «наустить» народы, наустить на безбожное предпочтение политического преступника, взятого за кровь, мятеж и убийства, — Варавве, а Иисуса предать на пропятие. Вот этот звериный вопль обезумевшей толпы: «Возьми, возьми, распни Его!»... Повторяется история... И все думают, что спасают отечество, «углубляют» процесс этого одурманивания, именуемого оздоровлением!

Отче, Отче наш! Ведь все возможно Тебе... Неужели невозможно одним словом Твоего веления остановить гибель народа, на нем же от лет древних наречеся Твое имя?

Илѝ, Илѝ, лимá савахванѝ! Почто, почто Ты оставил народ наш?!

Но народ, как и отдельный человек, живет не одним физическим процессом жизни. Есть невидимый и глубокий процесс жизни духовно-нравственной. Для него даны свои законы, и нарушение или внешне-механическое ускорение их гибельнее, чем нарушение и извращение законов физических. И из таинственного мрака Гефсимании нам слышится завет, выраженный в поэтическом слове: «И каждый в ночь великого томленья **один** в тоске смертельной и борьбе, готовь же сердце, чтоб Христа моленье оно промолвило тебе». Это моленье: «да будет воля Твоя!» А со всемирной высоты Голгофы звучит другой урок: не прерывай общения с Богом и потерю его почитай за последнее и самое страшное несчастье.

И если Русь, доселе Святая, сохранит преданность воле Божией и это общение с Богом, то в порыве покаянной молитвы, в единении сил разумных и нравственных, еще живущих у многого множества русских людей, — ее искаженный теперь лик прояснится, в нем восстановятся черты богоподобия и святости, и придет, быть может, скоро, нежданно и неприметно для внешнего взора и час нашего спасения.

Что же унести теперь, после всего сказанного, — что унести нам, верующим, от этой плащаницы, от этого образа умученного и погребенного Спасителя?

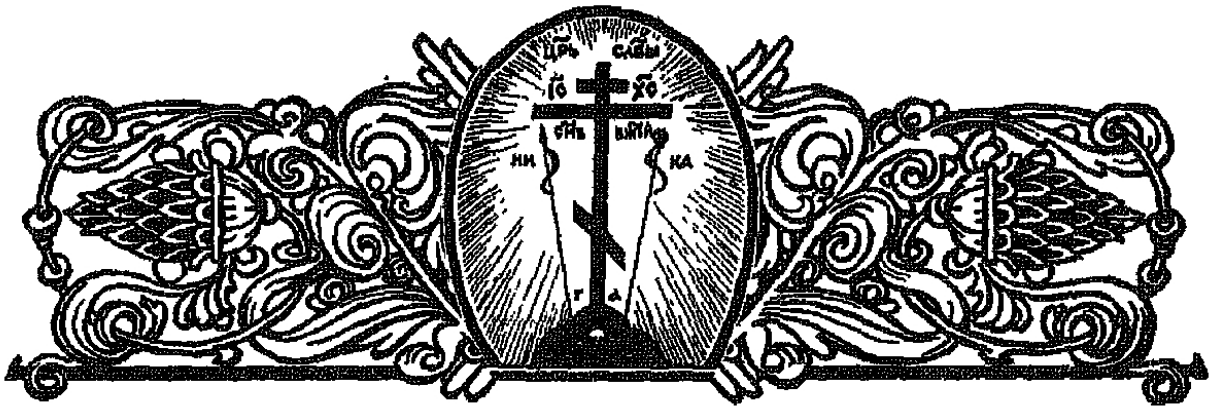
Унесем в сердце Его великое слово похвалы: «Вы же есте пребывше со Мною в напастех Моих»... (Лук. 22, 28).

Слово это ведь сказано тем, кто не во всем и не везде оставались тверды: апостолы, оставивши Христа в Гефсимании, — бежали (Матф. 26, 56). Петр, столь самоуверенно и решительно заверявший, что если все соблазнятся о Христе, то он никогда не соблазнится (Матф. 26, 33) — Петр, отрекся, во свидетельство человеческой немощи, столь склонной к самодоверию, и увы, заснул и спал у врат Гефсимании в то время, как Иуда бодрствовал. Но это была слабость, а не измена, это была дань человеческой немощи, а не Иудино окаянство.

И мы слабы. И мы бываем трусливы. И мы — как бы отрекаемся... И мы молчим... И мы пассивны и не боремся... Но пребудем все-таки со Христом в нынешних гонениях на Него и на Церковь. Пребудем с Ним в напастях Его, и Он скажет нам и то, что прибавил к похвале Своим апостолам: «И Аз завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой — царство»... (Лук. 22, 29).

Ибо за Его смертью уже стояло воскресение, а за воскресением — царство, а царствию Его не будет конца! Аминь.

«Прибавления к Церковным ведомостям». № 13-14. 15 (28) апреля 1918 г. С. 447-450.



Протоиерей Георгий Спасский.
КРЕСТ ХРИСТОВ И СТРАДАНИЯ РОССИИ.

Слово, сказанное в день Воздвижения Креста Господня,
14-го Сентября 1917 года, в Большом Московском Соборе,
Главным Священником Черноморского Флота,
Членом Священного Собора Православной Российской Церкви.

В читанной вчера паремии есть такое Библейское повествование. После перехода через Чермное море евреи шли пустыней Сур — шли три дня, и не было воды. Пришли в Мерру, увидели источник. Все бросились к нему... и отшатнулись: вода оказалась горькой. «Воды! Воды!» — кричали с воспаленными взглядами юноши. «Воды!» — лепетали умирающие от жажды дети. И гневно сверкали из-под нависших седых бровей глаза старцев вослед проходившему по стану пророку Моисею. —

Поднялся хаос... Бунт... Ведь одних только мужчин было 600.000 человек, не считая жен и детей. В эту критическую минуту возопил Моисей ко Господу, и показал ему Господъ Бог древо и бросил он его в воду, и усладилась вода. Все пили и утолили жажду свою. Церковь справедливо видит в этом древе прообраз Креста Христова, услаждающее горечь жизни нашей. —

На своем историческом странствовании и наша Родина, как древний Израиль, пришла к давно желанным источникам новой свободной жизни. — О, как томились, как мечтали о свободе лучшие русские умы! Как за волшебной грёзой, как за огненным столпом в непроглядной ночи, как за Ангелом Божьим тянулось русское сердце за свободой. От жажды ее много умирало людей в раскаленной пустыне жизни нашей. И вот пришли мы к давно жданным источникам... Прильнули к ним горячими устами, и вода оказывается горькой... «Воды! Воды!» несется отовсюду крик. Поднимается хаос, ширится бунт и по всему стану земли Русской. Да нужно ли об этом говорить? Нужно

ли бередить наболевшую рану? Кто, любящий Родину, с ужасом не оглядывается кругом и не видит приближающуюся гибель? Не говорить, — а от боли хочется кричать, хочется плакать, хочется сегодня иметь железную грудь, тысячи устъ и громовой голос, чтобы крикнуть на всю матушку Русь: «Опомнись! Разве ты не видишь, как светлое знамя свободы, поднятое русским народом, втаптывают в грязь! Разве ты не видишь, как несут тебе цепи нового, еще более тяжкого рабства!» А что же даром принесено столько страшных жертв за три с лишком года войны? Посмотрите на разоренные города и сёла. Посмотрите на тысячи измученных беженцев. Посмотрите на этих несчастных людей, которых совершенно затолкала их горькая судьба. А тысячи крестов безвременных могил и молодых оборванных жизней?! А отнимаемая врагом земля, так нужная народу нашему?! А взгляните на озлобленные лица обывателей, озлобленных и изстрадавшихся от недоедания, бесконечных хвостов, безумной дороговизны и неуверенности в завтрашнем дне. — А страшный враг на фронте нашем? А развал армии? А та пропасть, в которую мы катимся и на дне которой лежит совершенно разбитым политическое величие России! Да что говорить? Слишком много было сказано слов. Хочется именно кричать. Хочется сказать словами великого Библейского плакальщика: «О, кто даст голове моей воду и глазам моим источник слез! Я плакал бы день и ночь о поруганной дочери народа моего» (Иер. 9, 1). — И в эти дни великой печали, когда небо над нами стало «как мед», и земля русская шатается как пьяный и качается как колыбель, в эти дни «плача, стона и горя» собравшийся здесь в Первопрестольной Всероссийский Поместный Освященный Собор, носитель великих заветов Православия, которым жили и утешались наши деды и отцы, призывает нашу Родину к покаянию и молитве — молитве Всероссийской. — Как пророк Иона когда-то на улицах Ниневии возглашал: «Еще сорок дней и Ниневия погибнет!» — и Российская Церковь устами Собора, повторяя этот предостерегающий крик Пророка, говорит всему Православному миру: Еще, быть может, только сорок дней оставлены нам Господом для покаяния[1]. —Вспомните о Боге, «перестаньте надеяться на человека, дыхание которого в ноздрях его, ибо что он значит?» (Исаии, 2, 22). И как Моисей у горького источника Мерры, Церковь выносит нам сегодня Крест с особенным призывом: «Русь Православная! страдающая, истерзанная и измученная Русь! Стань перед животворным Крестом Христовым и скажи Божественному Страдальцу горе свое, скажи Христу Распятому: Господи, до каких же пор будешь Ты испытывать нас? Помилуй нас. Помилуй нас не ради

[1] Эти пророческие слова были произнесены за 40 дней до октябрьского переворота 1917 года (14 сентября — 25 октября).

нас, ибо мы грешны перед Тобою и попрали заветы Твои, но помилуй нас ради детей наших, как Ты помиловал когда-то Ниневию ради младенцев ее. Помилуй нас ради великих страданий наших матерей, отдавших своих детей на священную жертву Отчизне. Помилуй нас ради молитвы нашей Заступницы Небесной — Богородицы. Вед Она не оставляет нас. Ведь молятся за нас и славные русские граждане и вместе с тем граждане Неба — Святые Александр Невский, Сергий Радонежский, Серафим Саровский, лежащие здесь. Святители Петр, Алексий, Иона, Филипп, Ермоген и целый сонм угодников Твоих. — Молись и ты, православный Русский народ, молись кровью сердца твоего, ибо если бессильны спасти тебя люди, то силен спасти Всемогущий Господь.

И великое утешение дает нам Крест Христов: можно сказать — единственное утешение теперь. Проповедь Креста сейчас звучит громче, чем когда-нибудь. Христосъ вещает нам: «Люди, вы жалуетесь, что изнемогаете в борьбе, что утомились, что у вас в бессильи опускаются руки, и вы готовы впасть в отчаяние, но взгляните на руки Мои, ведь они тоже пробиты гвоздями — пробиты для того, чтобы вам легче было свершать работу свою, чтобы благословенны были труды ваши. Ваш жизненный путь извилист и крут, вам трудно подниматься в гору, вы натерли ноги свои, вы, часто калечась, падаете с крутизны, но взгляните на Мои ноги, они изранены совсем, чтобы вам было легче идти стезею скорбною, вратами тесными, ведущими в жизнь вечную. Как утомлено сердце ваше, как исстрадалось оно, как истекает кровью, как жаждет отдыха и мира! Но взгляните на зияющую рану в пречистых ребрах Моих; она для того, чтобы обнять ваши скорби сердцем Моим, чтобы принять каждого из вас в лоно Божественной любви Моей». —

И хотя сильно сгущаются мрачные тучи над нами и велики испытания наши, но если с нами страдающий Христос, то не погибнем мы, ибо, как сказал великий христианин: «Я готов быть и в аду, лишь бы был со мною Христос».

Быть может впереди ждутъ нас еще бóльшие страданья; быть может, будет тлеть и совсем разрушаться наш внешний человек, но да будут благословенны страданья эти, если через них будет обновляться человек внутренний, будет проясняться образ Христов в сердце русского человека — образ, к сожалению, в последнее время забываемый и затемняемый в душе народа нашего. Чашу, которую дает нам Отец наш Небесный, разве мы откажемся пить ее? Как у скорбящего Спасителя в саду Гефсиманском да будет молитва наша сегодня:

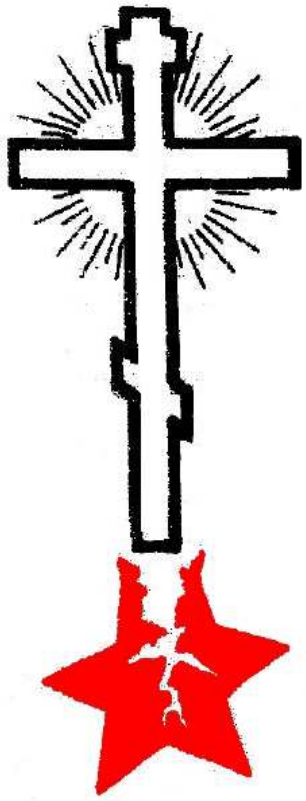
«Отче наш! если возможно, да минует нашу Родину Чаша страданий, но впрочем не наша воля, а Твоя да будет — воля благая и совершенная».

Распятая на кресте исторических испытаний наша Родина в этот день на Голгофе своей, как разбойник благоразумный, продолжает исповедовать Тебя: «Помяни нас, Господи, во Царствии Твоем!» Твоим Крестом помоги нам нести тяжесть нашего креста. Веди нас, хотя и через страданья, к воскресенью могучего Русского духа. Спаси нас ими же веси судьбами. Спаси, как спасал в тяжелую годину татарского ига, как спасала нас Твоя десница от конечного развала в Смутное время, какъ спас Ты нас в 1812 году. —

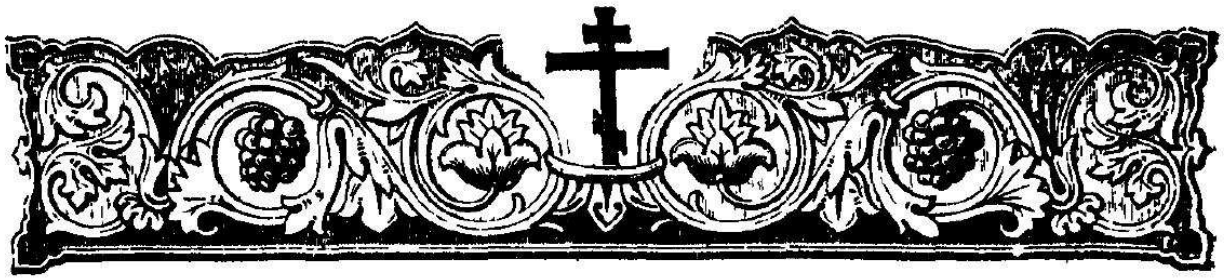
«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим!»

А вы, члены Всероссийскаго Освященного Собора, вы станьте на божественной страже своей и, как Первосвященник Земли Русской, принесите горячую молитву о погибающей Родине, помолитесь о наших грехах и «о людских неведениих».

Издано отдельной брошюрой Московской Синодальной Типографией в 1917г.



ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ
И РАСТОЧАТСЯ ВРАЗИ ЕГО!



ГОЛОС
к Многострадальному Русскому Народу
из монастыря... из келлии...
Русского Старца-Инока
СО МНОГИМИ ДРУГИМИ ИНОКАМИ ИСТИННО-ОТЕЧЕСТВО-ЛЮБЦАМИ.

Возлюбленные Соотечественники-Россияне!

От Ред.: *Автором этого послания является Старец Инок-Святогорец – родной внук по отцу Деда-Воина-Страдальца, тяжело раненого в великом сражении под Бородино в 1812 году. Афонское монашество всегда стояло на страже чистоты Православия. Святогорцы активно участвовали в работе церковных соборов (Патрского в 1277 г. и Брестского в 1596 г.), выпускали свои Послания к Русским Князьям и Русскому Народу против унии с Римом (Флорентийской и Брестской). Ниже помещенное послание по своему стилю напоминает послания русского святогорца Иоанна Вишенского (1598 г.). Возможно, что Русский Старец-Инок именно ими и вдохновлялся, составляя свое послание Многострадальному Русскому Народу.*

«Кайтесь!! Плачьте!! Рыдайте!!
Аще не покаетеся, все погибнете... (Лук. 13,3).
Бог долго ждет, да больно бьет».
Так говаривал св. Иоанн Юродивый
Борису Годунову при встречах с ним.

Божиим велением великая и многобедственная война народов пока окончилась... Божиим попущением великая и многобедственная смута и междоусобица в многострадальном отечестве нашем все еще продолжается... Божиим бдагопоспешением уже не раз приближалось избавление занятой самозванцами большевиками многострадальной Редины нашей. Но святому делу этому еще не настал желанный час, а жертв и крови русской пролилось и

льется весьма много... Видно Господь Бог Вседержитель, медленный на гнев и скорый на милость, очень много прогневан множеством тягчайших грехов Русского Народа, что медлит на милость, на помощь. Видно сознания грехов нет, или покаяние слабо, или моления о помощи слишком хладные. Видно не благоугодно Господу Богу Вседержителю, чтобы много надеялись на человек, хотя бы и умных и сильных, ибо Он благоволит к боящимся Его и к уповающим на Него, на милость Его (Псал. 146, 10). А без Бога, без Его всесильной помощи что мы? Ничто. Слабее паутины...

Православные Соотечественники! Церковь, Россия. Русский Народ в эти годины тягчайшего лихолетья, в особенности в тех местах – городах и селениях, которые находятся в руках и во власти мучителей-грабителей-большевиков. в таком ужасном положении, что трудно подыскать и слова, чтобы сколько-нибудь ими высказаться, – выплакаться.

***

А что еще будет впереди, что еще таится за непроницаемой завесой будущих судеб Церкви, России, Русской народности?! Может быть, и еще более тягчайшие, более ужаснейшие бедствия надвигаются и постигнут наше, прежде обширное и могущественное, государство, да и Церковь Русскую, Православную... Не плачет ли, не переставая, в эти мрачные годины Сам Господь, смотря на отечество наше, как плакал во дни своей земной жизни об Иерусалиме, и не говорит ли Он всем нам, Русским Православным, этим, – сими мрачными и ужаснейшими, небывало-тягчайшими событиями: **О, если бы ты** прежде именовавшаяся Святая Русь **хотя в сии твои** многогреховные и много-скорбные дни **уразумела, что служит к миру и благополучию твоему... ибо пришли дни, когда враги твои** обложили **тебя окопами** и окружили тебя и **стеснили тебя отовсюду и разорили тебя и побили** и погубили многие миллионы **детей твоих**, русских православных людей... **за то, что ты не разумела времени посещения твоего** (Лук. 19,42-44), многих милостей Моих к тебе, многого милосердия Моего.

***

Где та „свобода", где то „братство", где то „равенство", которые обещали социал-революционеры, а потом и ныне заманчиво обещают коммунисты Русскому Народу, которыми обманули они тебя, Русский Народ, и за что, как за приятную приманку, ухватился Русский Народ, и попал в такие ужаснейшие небывало-тяжкие, неописуемые бедствия...

***

Твой Русский, добрый и благочестивый Царь Николай многострадальный, вынужденно отказавшийся от царского престола и потом долго томившийся в тяжкой неволе, **убит** злодеями-крамольниками, в ночной темноте, без единой вины, без всякого гласного суда и хоть бы какого-нибудь следствия; а вместе с ним умерщвлены в те же мрачные минуты Царица-Страдалица Александра Феодоровна и все Их Царственное Семейство: юный Отрок Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и Великие Княжны: Ольга, Татиана, Анастасия и Мария и самые преданные из приближенных и служителей Их... **Царство им небесное! Вечно-блаженная им память!** Пусть молятся **там** пред Царем царствующих и Господом господствующих, Владыкою всех народов, да милостив будет к Державе Российской, к Церкви Православной, к Народу Русскому и к верным и единоверным Славянам, ко всем Православным, ко всему страждущему человечеству, ко всем людям...

***

Видно Господу Богу Вседержителю было угодно, по судьбам Ему единому ведомым, допустить хотению злой воли человеческой, чтобы за грехи многих и многие, Ему ведомые, была еще пролита **царская кровь** и позорным образом, в ночной темноте, отнята жизнь Царя, воистину многострадального... и как будто бы, преждевременную, судя по человеческим соображениям, истинно-мученическую смерть родившегося Наследником Всероссийского Императорского Престола, всею Россиею желанного и долго жданного, вымоленного Отрока – Ангела-Царевича... Видно Царем царствующих назначено ему не на земле, не в Земле Русской, не над развращенными и развратившимися и озверелыми и осатанелыми людьми царствовать после отца своего, и постоянно слышать о смутах и воплях непокоривых и буйных, но **там**... пред Ним, в ликах Мученических, с чинами Ангельскими, со всеми Святыми вечно радоваться, вечно хвалить, вечно славить Его неизъяснимую премудрость, Его безмерное величие, Его славу, Его святость, Его неизреченную, безмерную благость...

Да: **судьбы** Божии **бездна многа** (псал. 35, 7). Путие Божии безмерно далеки от путей человеческих. **Кто укажет Ему путь Его? Кто может сказать Ему: Ты**, Господи Боже Вседержителю, **поступаеш несправедливо** (Иов. 36, 23).

***

Достоверно известно об умерщвлении сатанистами Великих Князей Сергия Михайловича, Георгия Михайловича, Николая Михайловича, Князей:

Иоанна, Игоря и Константина Константиновичей, Князя Владимира Палея и Великой княгини – Страдалицы Елисаветы Феодоровны, с верными и приближёнными им...

***

А за что и Царь и Царица и Их Семья и Князья и Княгиня и Их верные слуги умерщвлены?!?!

***

Все молчат... Одни боятся спросить, а другие боятся сказать: за что же они убиты? Да еще после столь многих томлений в неволе и издевательств над ними, а некоторые из них ужасным образом были преданы смерти...

***

Так мы думали, и писали, и говорили в 1918-1922 г.г.

***

Православные Россияне и все Россияне! прислушайтесь-ка хорошенько, а у кого плохой слух, или кто совсем глух, спросите у имеющих хороший слух: не говорит ли Он, Царственный Страдалец, Кротчайший и Добрейший, – оттуда, к вам: **Людие Мои**, верные подданные Мои, святые богомольцы Мои: святители и иереи Господни, преподобные иноки и все благочестивые служители Церкви Святой, верные и храбрые войска Мои, – верное и доблестное казачество Мое, верное и преданное дворянство Мое, **обожавшее** Меня на словах и в приветах, – **что сотворих** вам, или чем вам **стужих**? чем пообидел, или чем оскорбил **Я вас**?... Почему не сохранили верности и преданности Мне, клятвенно обещанной, – **людие Мои**, – пред **Господом Богом Вседержителем**, пред честным Крестом и святым Евангелием? За что „они" **умертвили нас**? За что „они" умертвили невинного отрока – Цесаревича? За что „они" умертвили невинных девиц-Царевен? За что „они" перебили множество верных и преданных Мне?! **Людие Мои, людие Мои, что сотворихом вам ?!?! Лучше ли теперь вам на Руси святой без Меня ?!?!**

Слышите ли?!

***

Но ежели кто и не слышит такого **голоса**, ежели и не слышится такой **голос** оттуда, отъ Него, – чудеса ведь и не бывают без великой нужды и по

всякой прихоти, – то полагаем, что уже многими и давно слышатся в глубинах сердца своего, у которых оно не задавлено всякими нечистотами, то самое обличение, тот голос в своей несожженной совести (1 Тим 4, 2), этого неподкупного свидетеля и судии... и уже многие, **биюще перси своя** (Лук. 23, 48), одумавшись, плачут и рыдают о себе и о родных и присных своих и о детях своих: ибо **их уже нет** (Матф. 2, 18; Иерем. 31, 15). Прислушайтесь-ка Православные, – предлагаем, а не принуждаем, – к своей совести, да с молитвенным обращением к **Богу**: не завопиет ли она во многих, многих, с обличением в тех **великих грехах:** в **измене,** в **клятвопреступлении, в цареубийстве?!**

Не так ли Православные?!

***

Много высших сановников, уже более тридцати архиереев... тысячи, – десятки тысяч, – священников и всякого чина церковного и монашествующих обоего пола... многое множество военных, чиновных, богатых и так или иначе не угодных большевикам и их верховным и безбожным повелителям беспощадно перебиты и мучительски умерщвлены... **Миллионы** лучших русских православных людей погибли и гибнут от рук безбожных и кровожадных злодеев – большевиков-коммунистов, от их наймитов и от своих обманутых собратьев и от продажных предателей-изменников... **Миллионы** русских людей разбиты, искалечены, изувечены от великих ужасов и страшных потрясений... **Миллионы** вдов и сирот и всякой беспомощной бедноты и убожества. **Миллиарды**... много миллиардов убытков и потерь по прежней валюте, в рублях – золотом... И все это из-за великой войны, а еще более от великой крамолы... Святые церкви (храмы), молитвенные дома, церковные здания... во множестве разрушены и осквернены... многие церкви заперты... многие приходы закрыты... святые мощи угодников Божиих, святые иконы, священные сосуды и принадлежности, – все церковное, все священное в поругании и в презрении и даже в претворении в слитки, для уплаты разбойникам, – губителям Русского Народа... Мы уже не говорим об ограблении монастырей и о бедствиях монашествующих и призреваемых в них сирот, вдов, старцев и вообще бедных и безпомощных, от монастырей питавшихся и в школах и в приютах и в ремесленных заведениях при монастырях грамоте и наукам и ремеслам и разным познаниям обучавшихся... об этом только можно молча и много плакать и рыдать...

***

Одним словом: везде и повсюду разрушение и разорение и опустошение...

беды и слезы... вопли и рыдания... нищета, голод... болезни и смерть... царство смерти...

***

Вот это самое и есть, выше в немногих словах высказанное, в действительности же в ужасающих картинах величайших и многоразличных бедствий и страданий, мучительств и убийств, на безграничном пожарище Родины – России, невыразимых страданий стомиллионного русского народа, уже пять претяжких годин продолжающихся, в общей совокупности и ест, к стыду многих-многих, последствия и трофеи **завоевания** так называемой слепцами умом, а не глазами (Иоан. 9, 40, 41) „бескровной" **революции**, почти совсем уже погубившей еще так недавно великую, обширную, могучую Россию... **А что и еще дальше?!**

***

Не это ли „завоевания" не „бескровной", а многокровной и многобедственной и проклятой революции ?!?!

Это ли **свобода, братство, равенство?!** Не это ли обещанный социал-революционерами и коммунистами Русскому Народу и обещаемый ими повсюду бедноте человечества тот безбедный р а й, в котором не будет ни богатого, ни бедного, ни голодного, ни большого, ни малого, но все будут равны, все будут братья-товарищи, все будут довольны... счастливы... блаженны: **будут яко бози** (Быт. 3, 5)?

***

Такъ же были прельщены диаволом наши прародители в истинном раю сладости, доверчиво поддавшись лукавому совету стать **яко бози**... (Быт. 3, 4-5).

А что получили? изгнание из рая (Быт. 3, 23, 24); чем стали? рабами супротивной силы, ввергнув с собою и все потомство во всегдашнее рабство (Рим. 7, 15-24), на всегдашние труды возделывать землю и в поте лица есть хлеб свой... (17, 18, 19).

Таково Правосудие Божие!

***

Уже пять тяжких годин от дней великого многобедственного

государственного переворота[1], съ ниспровержением императорского трона, давным-давно подготовляемого враждебными силами в „кабинетах" на недоступных верхах и в сатанинских глубинах (Апок. 2, 24), начатого же самонадеянными, обманутыми властолюбцами, восхотевшими управлять стопятидесяти-миллионным народом, великою Русскою Землею, своим близоруким „хамским" умом и этим лишившими Русское Императорское Правительство и верное Русское Воинство приближавшейся победы над сильным врагом, прекращения великой войны, возвеличения и расширения России... и вместо этого свалившими ее – страдалицу – в неописуемое положение, в разорение, в обнищание, в умаление и в многоплачевную, жесточайшую, в небывало-неслыханную кровопролитную тиранию „интернационала", „коммунизма", „чрезвычаек", „застенков", „подполий"... **жидомасонства**...

И гибнешь ты, русский православный народ, твоими народными писателями наименованный „народом богоносцем", друг друга умерщвляя, все... все тысячелетием русского государства и столетиями со многими трудами и огромными затратами благоустроенное... разрушая и уничтожая, на кого и на что укажут и направят тебя твои лживые радетели – благодетели, на радость явных и тайных врагов Церкви и России, Православия и Христианства...

***

Дорогие Соотечественники! Бывали и прежде на Руси святой времена тяжкие и беды великие... бывали беды лютые и времена ужасные. Но по милосердию Господа Бога, заступлению Царицы Небесной и молитвам отечественных святых... все миновало благополучно... миновало, подвигнув предков наших к сознанию себя виновными пред Богом, к искреннему покаянию во грехах и к исправлению жизни. „Мати Божия, спаси Землю Русскую!" взывали предки наши, в покаянии, в сокрушении духа и в рыданиях повергаясь пред святыми иконами и особенно пред чудотворными и прославленными.

***

Кажется ни один народ в мире не был свидетелем столь многих благодеяний, явленных милостивым заступлением Пресвятой Богородицы, ни один народ не испытал на себе столько проявлений видимого заступничества

[1] Этот **голос** наш начат не пять лет от начала „революции", – не с 1922 г., а еще с 1907 года.

за него Царицы Небесной, как народ Русский... И времена слишком двухсотлетнего монгольского ига, и смутное время междуцарствия, и заполонение России и занятие Москвы поляками и самозванными правителями, времена глубоких внутренних раздоров и грозных внешних опасностей для самого существования Русского государства, нашествие великого завоевателя, повелителя галлов и с ними двадцати народностей, – все это прошло видимым заступлением Богоматери, обращавшей в бегство полки врагов... И православная Русь после таких бед и потрясений становилась еще могущественнее, еще грознее, еще сильнее духом. И каждый раз заступление Преблагословенной Владычицы Богородицы являлось следствием искреннего обращения Русского Народа к **Ней**.

***

Воистину: без Нее не обойдемся. К Ней прилежно, со многим плачем, со многими слезами, со многими рыданиями, припадем. **Только Матерь Божия может спасти Россию**... Так сказал Святитель Иоасаф Белгородский, явившись еще во дни войны некоему истинно-отечестволюбцу, много плакавшему и слезно молившемуся о спасении России и о помиловании всех нас грешных... Только Она одна Своими многомощными материнскими мольбами пред Сыном Своим, Христом Богом нашим, единым всемощным Ходатаем и Посредником между Богом и человеками (1 Тим. 2,5), может умолить Его, – умилосердиться над нами, пожалеть Россию, помиловать нас многогрешных, много-премного виноватых пред Господом Богом Вседержителем...

Мати Божия, пожалей нас!

Спаси Землю Русскую!!!

***

Вспомни же Бога и Заступницу Твою усердную, Русский Православный Народ, – очнись, поднимись, посмотри на себя, ужаснись: что ты был и что стал, и **что сталось с твоею родною Русскою Землею**? ! перекрестись... взреви плачем-воплем великим во всю грудь твою, стомиллионную, богатырскую: **Господи! Господи! Господи!** „согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, но не предаждь нас до конца, отцев Боже“! **Пресвятая Владычица Богородица помогай нам! Святии вси с Богородицею молите Бога о нас грешных!!!**

Господь ждет и готов помиловать, как евангельский отец своего блудного сына (Лук. 15, 18-24). Милосердная Заступница наша не престает

ходатайствовать, простирая руце свои к Сыну Своему и Богу, умоляя Его преклонить праведный гнев Свой на милость. Ангелы-хранители народов и каждого из нас и святые Угодники Божии молятся, умоляя Господа Бога о помиловании нас грешных...

***

Православные Россияне! воистину только один Господь Бог Вседержитель может спасти Россию! И это действительно теперь признали и громко и откровенно в печати высказывали даже почти неверующие из русских православных людей, даже безбожники, даже богохульники, прежде осмеивавшие все святое, все священное, все церковное, все божественное, все Божье... Не великое ли чудо, не великое ли это знамение нынешнего времени, что сами маловерующие, почти неверующие, безбожники, богохульники, прежде кощунствовавшие над всем святым, – но к прискорбию сказать, – даже из русских православных (по метрикам, конечно), сами круто повернулись и других стали круто поворачивать к признанию **чудес**, к признанию, что **только Бог может спасти Россию...** И не только спасти, но и дать ей былое величие, если только будут даны вами обещания: жить по-Божьи, по-христиански, – как велит святая Церковь и учат законные пастыри ее, и если будут творимы и приносимы вами плоды достойные покаяния (Матф. 3, 8); „Обратитесь ко Мне, глаголет Господь Саваоф, и обращуся к вам, глаголет Господь Саваоф " (Зах. 1, 3).

„Обратитеся ко Мне всем сердцем вашим в посте, в плаче и в рыдании и расторгните сердца ваша" (Ионл. 2, 12). Только **сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит** (Пс. 50, 19), не посрамитъ, но вскоре услышит и утешит. Он Сам говорит: **призови Меня в день скорби твоея**, а тем более в теперешние семь годин величайших скорбей, **Я избавлю тебя и ты прославишь Меня** (Пс. 49, 15). А если ты **Всевышнего изберешь прибежищем твоим**, то, – уверяет царе-пророк, а чрезъ него Дух Святый: **не приидет к тебе зло и рана и язва не приблизится к жилищу и к телеси твоему: яко Ангелам Своим заповесть**, – повелит, – о тебе, **охранять тебя на всех путях твоих: на руках возмут, понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твое ю; на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия**- дракона (Псал. 90, 9-13). И сам Господь уверяет: **яко на Мя упова, за то, что он** (просящий, умоляющий) возлюбил Меня, и воззвал ко Мне и взмолился предо Мною: **избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое**, – благостность Мою. Лишь только он **воззовет ко Мне**, без промедления **услышу его: с ним** Я в скорбях его, **избавлю его от** них и даже **прославлю его** благоволением Моим: **долготою дней исполню** и насыщу **его**

и **явлю ему** и пред всеми людьми покажу **спасение Мое** (14-16), спасение отечества его и избавление от захватчиков и губителей, и насильников, и развратителей.

Слышите ли?!

Кайтеся же, кайтеся, плачьте и рыдайте возлюбленные соотечественники православные россияне, все православные славяне и все православные христиане, плачьте много и безпрерывно, рыдайте много и громко, – каждый о себе самом и о своих присных, и каждый и все о всех и о Церкви расшатываемой, раскалываемой, раздираемой, и о Родине, о России многострадальной и разрушаемой, и о всем мире и о всех людех... Кайтеся и творите **плоды достойные покаяния** (Матф. 3, 2, 8). **Аще не покаетеся, все погибнете** (Лук. 18, 3). **Так грозно говорит Сам Владыко Господь!**

Ежели русский православный народ не оставит междоусобицы, разделения и подчинения захватчикам-притеснителям, не объединится и не пойдет для спасения страдалицы Родины и изгнания самозванных управителей-мучителей отовсюду, то „святая Русь“ погибла, а с ней **погибнем и мы!**

Слышите ли?!

Так болезненно-плачевно высказался в одно время великий печальник и Богомолец, Святейший Патриарх Тихон, призывая тебя, русский православный народ, для спасения так называемой „советской" России и избавления от претяжкой неволи – кабалы держателей „интернационала", с „чрезвычайками", твоих страждущих братьев – отцов и детей – русских православных людей.

Погибнет ли святая Русь, погибнет за нею и поколебавшееся доблестное казачество, столь много послужившее расширению, усилению и возвеличению России... И православный русский народ и славное русское казачество окажутся тогда, – на смех врагам, – во всегдашней, безысходной, претяжкой неволе – каждый человек на всю жизнь в рабстве... рабом у тех, которые теперь именуют себя освободителями, кормителями, благодетелями бедноты человечества... а в особенности безработных... ленивцев...

Слышите ли, казаки?!

А особым „окружным" **посланием** еще в 1919 году „к архипастырям, пастырям к верным чадам святой Православной Российской Церкви"... великий Печальник Земли Русской оповещает: что „тяжкое время переживает Церковь Христова в Русской Земле"... что „гонение жесточайшее воздвигнуто на Церковь Христову"... что „явные и тайные враги Церкви стремятся погубить дело Христово".... что „ежедневно приходят известия об ужасных зверских

избиениях верных чад Церкви, бывших верными слугами Родины"... называет теперешних властителей – большевиков „извергами рода человеческого, безумцами"... просит их „одуматься и прекратить кровавые расправы"... а их действия называет „не только жестокими", но „поистине делом сатанинским, за которое подлежат они огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной"... запрещает им (именующимся из них православными) „приступать к тайнам Христовым"... **анафематствует** их... заклинает „всех верных Православных не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое либо общение"... Смело и безбоязненно, как **истинный пастырь** (Иоан. 10. 11), обличает, что нынешняя социал-революционная большевистская „власть, обещавшая водворить порядок, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие над всеми, и, в частности, над святою Церковию Православною"... оповещает, что „благодатные таинства объявляются не нужными, излишними... святые храмы подвергаются разрушению, ограблению, кощунственному оскорблению... чтимые верующим народом обители святые захватываются безбожными властями тьмы века сего... школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, превращаются в училища безверия, в рассадники безнравственности... имущества церквей и монастырей православных отбираются... якобы народное достояние... наконец „зовет всех верующих и верных чад Церкви, стать на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери-Церкви"... „а если нужно будет, – и **пострадать** за дело Христово". Зовет „на эти страдания вместе с собою", и заключает призывом к архипастырям и пастырям: „не медлить ни одного часа ., но с пламенною ревностию устроить духовные союзы... звать доброю волею истинных чад Церкви: становиться в ряды духовных борцов".. и подкрепляет упованием, что „враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова в надежде на обетование Самого Божественного Крестоносца: **созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют ее** (Матф. 16.18).

Слышите ли, православные?!

А потом, когда, после заключения его советско-антихристианскою и богоборною властью под строгий тюремный арест в Донском монастыре, самочинно объявилось – из одобривших и признавших советское антихристианское правительство в России – „Высшее Церковное Управление" под председательством Антонина, объявившего себя митрополитом Московским, образовавшее и объявившее сначала какую то „живую церковь", потом еще „обновленную церковь", затем еще каких-то названий, каждое со

своей каррикатурной главой, – Святейший Патриарх Тихон смело и безбоязненно, как **добрый пастырь** (Иоан. 10. 11), написал 6 декабря 1922 года такую грамоту: „Божиею милостию Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России, всем Архипастырям, пастырям и всему русскому православному народу. Благодать и милость Господа нашего Иисуса Христа да приумножается в тяжелую годину наших испытаний, в годину **торжества сатаны и власти антихриста**. Когда на наших глазах новыми иудами-предателями из рода нашего разрывается нешвенный хитон Христов – Святая Церковь Православная, – мы, по долгу своего первосвятительского служения, призываем всех верных чад Божиих стать твердо и мужественно за веру Божию и на защиту Святой Церкви, древле-православной – даже до уз, крови, смерти, если того потребуют обстоятельства жизни. Запрещаем признавать Высшее Церковное Управление, как учреждение антихриста, в нем же суть сыны противления Божественной правде и церковным святым канонам.

Сие же пишем, да ведомо будет всем вам, что властью, данною нам от Бога, **анафематствуем** Московское Высшее Церковное Управление и всех, имеющих с ним какое либо общение.

Благодать Господа да пребудет со всеми вами. Аминь".

В мае же месяце 1923 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви заграницей постановил и объявил „вслух всех верных чад Святой Церкви Православной и вслух всего христианского мира: мы решительно и открыто заявляем, чго собранный „живой церковью" для суда над Святейшим Патриархом Тихоном "собор" мы объявляем не только не имеющим никакого авторитетного значения, но – поскольку он является л и ш ь орудием борьбы **безбожной советской власти** с христианством – (объявляем) и антихристианским. А посему отвергаем и **анафематствуем** его, всех участников его и всех приемлющих его и объявляем ничтожными все его деяния. Сами же остаемся в непоколебимой верности Святейшему Патриарху нашему Тихону и его одного признаем нашим Первосвятителем и Главою Русской Православной Церкви".

Этот же Русский Архиерейский Синод в грамоте своей или послании Вселенскому Константинопольскому Патриарху Григорию VII, от 16/29 июня 1924 года, так, между прочим, пишет: „Русский народ стонет под гнетом **советской-большевицкой** власти, официально объявившей о своем атеизме[1] и

[1] Т. е. о непризнании никакого Бога, или – о признании по их законам ни существования Бога, ни души бессмертной, никакой жизни за гробом, ни рая, ни ада и ничего подобного.

о необходимости борьбы с религией[1]. Православная Церковь, христианство никогда не испытывали таких гонений и преследований, какие терпели и терпят там в „советской" России[2] духовенство и миряне. Истребление русского православного народа, растлевание души его, развращение детей и юношей[3], вытравление в них всего святого, внедрение в них атеистических начал[4], всевозможнейшего стеснения в отправлении религиозно-нравственных обязанностей, закрытие церквей, уничтожение монастырей, кощунственные надругательства над святынями народа и мощами святых Божиих угодников, переполнение тюрем святителями-епископами, священно-церковно-служителями, монашествующими и лучшими мирянами, ссылка их в места малолюдные и пагубные в климатическом отношении, расстрелы десятков Епископов и многих тысяч клириков, всяческие безнравственные меры к дезорганизации Церкви и ее власти, – вот чем ознаменовала свое правление власть „советская" в России... Мы не можем отнести к советской власти учение св. Апостола Павла (Рим. 13, 1-4). Там слово Божие учит о власти законной, Богом учрежденной на благо людей, о власти, исполняющей закон, а не действующей по произволу, без закона. По учению Священного Писания, начальник, власть есть Божий слvга, не без ума носящий меч. „Советскую" же власть мы рассматриваем как временное попущение Божие, как стихийное зло для вразумления народа, согрешившего пред Богом. Поэтому христиане обязаны повиноваться только законной власти, исполнять и подчиняться только тем законам и постановлениям ее, которые согласны с Божественной волей и не уничтожают Божьего закона. В противном случае они должны, по примеру святых Апостолов, слушаться более Бога, чем людей (Деян. 4, 19) и, по примеру Спасителя Христа, быть послушны Богу Отцу, даже до смерти и смерти крестной (Филип. 2, 8). Мы так и дерзаем поступать. С этой точки зрения, если бы нас и вынудили когда-либо чрезвычайными мерами признать эту незаконную „советскую" власть, как фактическую, захватившую в свои руки христианское государство, мы русские люди - иерархи, клирики и миряне не перестанем смотреть на нее как на попущение Божие. Будем осуждать безнравственность и звериную жестокость этой власти. И непрестанно будем возносить Богу Вседержителю пламенные молитвы об избавлении от нее нас, нашей Родины и Церкви, как молим Господа Бога об избавлении нас от глада,

[1] Не только православной, но и всякой христианской, и всякой нехристианской и даже идолопоклоннической.

[2] Т. е. управляемой „советами" захватчиков, насильников, развратителей.

[3] И девиц.

[4] Т. е. безбожничества, безнравственности, жить по своим всяческим хотениям и самоволиям.

мора, огня, губительства, нашествия иноплеменников. Мы глубоко верим и убеждены, что эта точка зрения – истинно христианская. Иначе мыслить это значит, что все христиане должны признать в будущем и ту звериную власть, о которой говорит св. Иоанн Богослов и Тайновидец в XIII главе Апокалипсиса. А между тем, по Божественному учению, эту власть признают только те, имена которых не написаны у Агнца, закланного от создания мира (Апок. 13, 8). История Христианской Церкви сияет многочисленными именами мучеников и святителей, мужественно боровшихся с произволом и нечестием земных владык... Когда власть действует безбожно, объявляет войну **Богу**, насаждает атеизм, неверие в Бога, отрицание бытия Бога, и души, и вечности и воздаяний за добро и зло, когда насаждает разврат, попирает Божеские и человеческие законы, – Церковь не может молчать, а должна обличать. Это ее обязанность".

Слышите ли, православные?!

Но и святые Восточные патриаршие Церкви: Иерусалимская. Антиохийская и Александрийская и Сербская и все другие Православные, и Англиканская и Американская Епископальная Церкви п другие Протестантские Церкви, даже и сам Римский Папа и Парижский католический Архиепископ и другие католические Епископы, следовательно – вся Римско-Католическая Церковь, открыто заявили и оповестили своих пасомых по всей вселенной, что „советская" власть в России, и жидовство, п масонство п коммунизм имеют своею целию: уничтожение дела Христа на земле и христианства во всем мире...

Слышите?!

Огради же себя, по твоему русскому исстари заведенному православному обычаю, крепко истово оградись – крестным знамением, русский православный народ, и вы – христолюбивые вожди и воины, и ты – доблестное казачество... и... – к **Богу**. . . поскорее к Богу... все вместе и каждый из вас, – сердцем сокрушенным и духом смиренным – воззовите к Богу, – Он ждет: **призови Меня в день скорби твоея; Я избавлю тебя и ты прославишь Меня** (Пс. 49, 15)... воззовите к нашей общей Заступнице усердной, – к Матери Божией... призовите Ангельские Воинства и святых Угодников Божиих в помощь себе... и... с **Богом** ... на святое и великое дело... за святую Церковь... на спасение Отечества... на избавление страждущих и порабощенных... за сохранение вольности казачества., на восстановление могущества великой Земли Русской в **былом величии**, в ее прежних обширнейших пределах и в ней православно-христианского благочестия!

Всеблагий Господь Бог Вседержитель, Всепреблагословеннейшая

Милосерднейшая Заступница наша Владычица Богородица, все Святые Церкви и Земли Русской, – св. великий князь Александр Невский, со святыми страстотерпцами Борисом и Глебом, Игорем и Димитрием и другими... Святители – Петр, Алексий, Иона и Филипп с другими страдальцами, Ермоген, Иосиф Астраханский и Владимир Киевский с другими многими, преподобные – Сергий Радонежский и Серафим Саровский со всеми другими отечественными Святыми... и с новыми и множайшими, с миллионами новых страдальцев, – мы веруем, – Христом Богом принятыми и от Него увенчанными там... в вечности,... и всепобедительная сила Честнаго и Животворящаго Креста Господня – **в помощь вам!!**

Владыко Боже Человеколюбче, всего мира грехами непреодолеваемая благосте! доколе забудеши нас до конца? доколе отвращаеши лице Твое от нас? доколе нам слагать советы, размышления и недоумения в душах наших, болезнования в сердцах наших день и нощь – и днем и ночыо – и вот уже семь претяжких годин... Доколе будут возноситься враги наши на нас и враги и супротивники и хульники Твои на Тебя? Призри, услыши нас. Господи Боже наш; просвети очи наши, да не когда, отчаявшись, уснем, – вознерадев, – в смерть; да не будем сокрушены в конец, окончательно. Да не смеются и да не говорят враги наши и противники Твои: „мы одолели их". Да не возрадуются захватчики и губители наши, если мы, окончательно оставленные Тобою, поколеблемся и **погибнем**. Да нс будет, Господи, сего! Даруй же нам, Всемилостиве, победу и одоление на них... во славу Твою; сотвори с нами **знамение** во благо, да видят ненавидящии нас, обидящии нас, все мучители наши, друзья и недруги, „союзники" наши, предатели и изменники наши и да уразумеют и да постыдятся и да посрамятся навсегда пред всеми народами и племенами, – да всегда потомъ будем прославлять Тебя, что Ты помогал нам, утешил нас и спас нас от них... Даруй мир всему миру, по всей вселенной, между всеми народами и племенами. Спаси Р о с с и ю ! Сохрани и укрепи в ней и повсюду святое Православие, святую православно-христианскую веру и истинное христианское благочестие... Даруй ей **Царя-Помазанника**, мужа по сердцу Твоему, да исполнит и исполняет Он вся хотения Твоя (I Цар. 13, 14; Псал. 88. 21; Деян. 13, 22) ко благу народа Твоего – русского, православного, многострадального. А ежели, чудом благости Твоея, жив и где-то сокрыт возлюбленный раб Твой и Помазанник, кротчайший Царь наш Николай, „многострадальный", то просим и умоляем Тебя, – совместно со всем русским православным народом, – прости нас, умилосердись над нами, верни, возврати Его к нам, и посади Его на царском троне и снова увенчай Его венцем царствования над народом Твоим, над всею Русскою Землею. Сохрани Церковь

Твою, **юже стяжал еси Кровию Твоею** (Деян. 20, 28; 1 Петр. I, 19), непозыблему и неодолиму от врагов многих и сильных, хитрых и злобных, да, – по слову Твоему, – **врата адова**, т. е. все силы злобы сатаны и легионов и клевретов его, – **не одолеют ея** (Мат. 16, 18). „Господи! пощади люди Твоя и не даждь достояния Твоего на поругание, и да не обладают им народы чуждые и да не говорят: где есть Бог их" (Иоиль 2, 17; Пс. 78. 10; 113, 10) и где Христос их, на Которого они надеются, и где Крест их, которыми они хвалятся (Гал. 6, 14)...

Мы – **монашетвующие** – твердо убеждены, что только при твердом Императорском Правительстве, благословенном Святою Церковью, может быть восстановлено Российское Государство в былом величии и в своих пределах, и стать на своем месте, в ряду первостепенных держав – победительниц... А кто думает не так, мы с теми не спорим и им не прекословим (I Кор. 11, 16), – всем и каждому ни мы, никто никогда не могли и не смогут угодить, – лишь скажем для успокоения всех таковых навсегда: Господь Бог Вседержитель Сам да благоустроит ныне и да благоустрояет об отечестве и в отечестве нашем по Своей святой воле, по Своей **благости**, преложив праведный гнев Свой на милость, когда то Он восхощет, ибо **времена и лета** – что, и как, н когда – все в Его **власти** (Деян. 1, 7).

Быть может многие тысячи тысяч душ неповинно убиенных и от рук мучителей погибших и из-за войны и крамолы умерших громким голосом вопиют: **доколе, Владыко Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на русской земле мучителям** нашим, мучителям и развратителям и губителям всего русского православного народа, – **за кровь нашу,** за страшные мучительные издевательства и поругания их над нами (Апок. 6, 9, 10).

Быть может и им в ответ на это **сказано, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья** и сестры и отцы и дети **их, которые** еще **будут убиты, как и они**, и еще из-за этого перемрут и потом **дополнят число** (– 11). Дабы весь, уже очень множайший, сонм их, – многие миллионы их, – новых **мучеников** и страдальцев Российских, – „за Веру, Царя и Отечество" жизнь свою от рук мучителей положивших, – еще более и более умножился, и Церковь Русская, православно-христианская, многообразными страданиями их и множайшими кроньми их еще более и благолепнее благоукрашалась и благоукрасилась, **яко багряницею и виссоном** и более и смелее и громогласнее вопияла, – и там – в вечности, и здесь – во временности: – Владыко, **Христе Боже, людям Твоим** – русскому православному народу – **щедроты Твоя** – помощь и избавление **ниспошли, мир жительству Твоему** –

многострадальному отечеству нашему и всей вселенной и между всеми народами и племенами... **даруй... и душам нашим** и им... **велию милость**... великия Твоя милости... и на земле и в вечности... Ей, услыши ны и вонми молению нашему, Христе Боже **Человеколюбче!!**

Судьбы Божии бездна многа (Пс. 35,7). **Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Т я.**

На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся и нынн, и потом, и всегда, и во веки (30, 2; 70, 1).

Благословение, благодать, милость и помощь от Господа Бога Вседержителя да пребудут на тебе, русский православный народ, и на тебе, достолюбезная русская освободительная армия, и на тебе, доблестное всероссийское казачество, и на тебе, многовозлюбленная, многострадальная, **святая** Русь во веки...

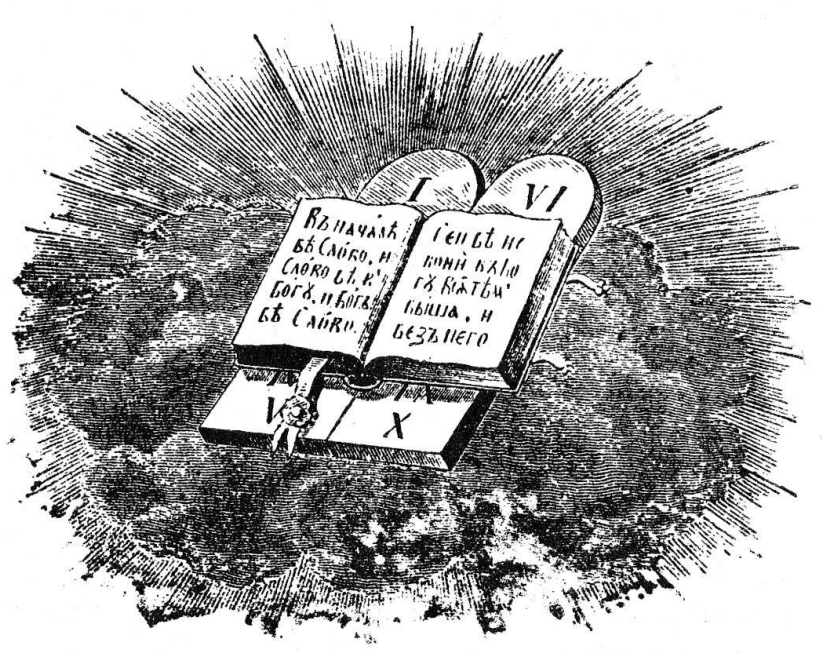
Бог в помощь!!

С нами Бог !!

Ваши всегдашние, денно-нощные печальники и богомольцы Русские Иноки-отечестволюбцы.

1923-1925 г. г.

«Церковные Ведомости», № 5 и 6, 1 (14)-15 (28) марта 1925 г. С. 5-8 (Прибавления); № 11 и 12, 1(14)-15 (28) июня 1925 г. С. 7-11 (Прибавления).



МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

От Ред.: *Не все из наших читателей знакомы с трудом нашего первоиерарха «Беседы с собственным сердцем», дающим обильный назидательный материал для каждого христианского сердца: жизнь, во всем ее многообразии, как она воспринималась в опыте митр. Анастасия, находит себе оценку, применительно к событиям, лицам, книгам, мыслям, переживаниям. Особенно полезным считаем мы возможно широкое распространение в нашей среде глубоких мыслей Владыки-Митрополита о страшной, еще, на горе нам и всему миру, далеко не изжитой, Революции. Вот почему воспроизводим мы, с благословения автора, соответственные отрывки этой замечательной книги.*

Страшен и загадочен мрачный лик революции. Рассматривая со стороны своего внутреннего существа, она не вмещается в рамки истории и не может быть изучаема наряду с другими историческими фактами. Своими глубочайшими корнями она уходит за пределы пространства и времени, как это установил еще Густав ле Бон, считавший ее иррациональным явлением, в котором действуют какие-то мистические потусторонние силы.

То, что могло казаться сомнительным прежде, то стало совершенно очевидным после Русской Революции.

В ней все почувствовали, как выразился один современный писатель, предельное воплощение абсолютного зла в человеческом облике; другими словами, здесь ясно обнаружилось участие дьявола — этого отца лжи и древнего противника Божия, пытающагося сделать человека своим послушным богоборческим орудием.

Исконная борьба зла с добром, тьмы со светом, сатаны с Богом и составляет глубочайшую нравственную основу революции, ее сокровенную душу и главную цель. Все остальное — что обычно характеризует ее, т. е. политические и социальные перевороты, разгул кровавых страстей, есть только внешние последствия или средства этой борьбы; они относятся к ней

так же, как стрелки на часовом циферблате к движущей их скрытой от нас пружине.

Революционный процесс проходит через всю историю мира. Первый акт этой великой драмы имел место в глубине небес, когда там произошло возмущение против Творца в среде бесплотных духов, а эпилог ее изображен огненными красками на страницах Апокалипсиса. Падший Денница первый зажег огонь революции в мире. Об этом мы читаем у Пророка Исаии:

Как упал ты с неба, Денница, сын зари! А говорил в сердце своем: взыду на небо, выше звезд Божиих, вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов: взойду на высоты облачные, буду подобен Вышнему (Ис. 14, 12-14). Он увлек за собою третью часть звезд, т. е. небесных воинств; против них восстал Михаил Архангел с прочими бесплотными силами и низринул их с неба (Апок. 12, 7-9). Слово Божие не дает нам подробного изображения этой небесной брани, картину которой попытался нарисовать при помощи поэтического воображения в своем “Потерянном Рае” Мильтон. Он изображает все моменты этого восстания типическими чертами революционного мятежа.

“Хотя я изменился по внешнему блеску, говорит Веельзевул, но я не изменил твердой мысли и гордого негодования, сознающего гордое достоинство; оно-то и побудило меня поспорить с Сильнейшим и увлекло в ожесточенную борьбу несметные силы вооруженных духов”.

“Он, Властитель над всеми, продолжает Денница, обращаясь к своим темным силам, будет сидеть по-царски, а мы, рабы Его, принуждены будем покрывать алтарь Его цветами амброзий и за них же воскурять Ему благовонный фимиам”. “Он, самодержавно царствующий" на небе, сидел на престоле своем, охраняемый лишь привычкою, уважением и согласием своих подданных. К чему нам раболепствовать, если мы можем господствовать”.

“Прощайте, счастливые небесные поля, где вечно обитает радость! Да здравствует вечная тьма. Прими того, кто приносит с собой непреклонный дух ...” Низринутый за свою дерзость с Неба, сатана не только, не смирился перед Творцом, но еще более укрепился в чувстве богопротивления. Он постарался вовлечь в эту печальную борьбу и первого человека, восстановить его против своего Создателя. Отравленные навсегда ядом гордыни, прозвучавшей для них в словах “будете яко бози”, потомки Адама никогда уже не могли сами исцелиться от этой опасной болезни. Сатана незримо разжигал в человеке этот губительный дух самоутверждения, побуждающий его сопротивляться своему Творцу.

Вавилонское столпотворение было первым открытым вызовом, который человечество осмелилось бросить Небу. Наказанное за свою дерзость, оно

также не смирилось до конца. Вся последующая история ветхозаветного мира становится продолжением той же борьбы человека с Богом, которой не чужд был и избранный народ Израильский, как мы это ясно видим из Библии и особенно изъ писаний пророческих.

Похоть богопротивление в скрытом виде продолжала существовать и после пришествия на землю Христа Спасителя, примирившего людей с Богом и давшего им ощутить снова радость богосыновства.

Появление гуманизма, попытавшегося вывести человека из подчинения человека Божественному Авторитету, чтобы объявить его существом самодовлеющим и секуляризовать всю культуру, выросшую на христианских корнях, знаменует собою новый момент в развитии и углублении этой вековой драмы.

Революция всегда приходит с соблазном свободы и притом свободы абсолютной, божественной, обещание которой звучало в словах искусителя: “будете, яко бози.

Революция всегда находит для себя пищу в этой неумирающей иллюзии человечества, за увлечение которой последнее всегда платилось такою дорогою ценою.

Дух гуманистической свободы, проникший в недра Католической церкви, произвел здесь потрясающую революцию, известную под именем реформации. От ее огня воспламенилась вскоре первая глубокая политическая и частью социальная революция в Англии. Она носила в себе в зародыше все типические разрушительные черты последующих революций, но религиозные истоки этого движения, железная рука Кромвеля и исконный здравый смысл английского народа, сдержали эту буйную стихию, не дав ей развиться до конца.

С тех пор, однако, общественный воздух в Европе навсегда был отравлен революционными бактериями.

Французская почва, возделанная руками Вольтера, Руссо и энциклопедистов, оказалась наиболее восприимчивой для революционных семян, и они расцвели здесь пышным цветом к концу XVIII века, породив так называемую Великую Французскую революцию. Тесная генетическая связь ее с английской революцией не подлежит никакому сомнению, но каждый народ дает, конечно, свое воплощение революционным идеалам. В противоположность Англии, здесь не было ничего сдерживающего для разразившейся общественной бури, а, напротив, все способствовало ее скорейшему распространению.

Во Французской революции, как в зеркале, отразился легкомысленный характер этого народа, его стремление к позе, к красивым фразам и жестам, вдохновляемое суетным тщеславием. Все герои и рядовые деятели этой революции— даже наиболее умеренные и серьезные из них — жирондисты — напоминают актеров, стоящих пред лицом многочисленныхъ зрителей и думающих только о том, что скажут о них современники и потомки. Они предавались оргиям накануне казни, чтобы показать тем мнимое мужество духа. Многие изъ них старались рисоваться даже на эшафоте, который был для них последней сценой в этом мире.

Никто из них не думал об ответственности перед Богом, перед историей или своей совестию в этот роковой для страны момент.

При таком настроении общества, революция из средства превратилась в цель, в кумир, которому поклонялась вся нация. Увлекаемая инерцией собственного движения, она, как ураган, неудержимо неслась вперед и, постепенно углубляясь, превратилась в страшное смешение богохульства, жестокости, крови, разврата и коллективного безумия, которое ее вожди напрасно пытались прикрыть громкими лозунгами: свободы, равенства и братства. Увы, рядом с этими красовавшимися повсюду высокими словами, возвышалась “святая гильотина”, ставшая ненасытным молохом, которому приносилось в жертву бесчисленное множество невинных жизней. Читая повсюду “Братство или смерть” — Шамфор невольно воскликнул: “Это братство Каина!” Скоро эту роковую истину понял весь мир, и если вначале за развитием французской революции с любопытством следили даже такие серьезные умы, какъ Кант и Гете, то потом она уже не внушала Европе ничего, кроме отвращения и ужаса.

Французская революция ясно показала всему миру, что ее стремления не ограничивались только ниспровержением существующего государственного и социального устройства; она присвоила себе более широкую миссию мирового масштаба и прежде всего объявила себя самодовлеющим началом жизни, провозгласив особую революционную мораль, революционное правосудие и т. п. Она отвергла вечные законы Творца, чтобы поклониться человеческому разуму и его одного сделатьзаконодателем жизни. Робеспьер, воплотивщий в себе до конца кровавый облик революции, достигшей при нем своего зенита, впервые понял, однако, все безумие состязания человека с Богом и потому попытался вновь “декретировать” поклонение Высочайшему Существу, сделавшись сам его первым жрецом.

Однако эта жалкая пародия на религию не могла спасти ни его самого, ни революцию. Последняя, как Сатурн, продолжала безжалостно пожирать ее

собственных детей, пока железная рука Наполеона не вырвала у нее ее жезла. Однако, дух ее не умер и после того, как этот страшный пожар погас, наконец, во Франции. Он сделался величайшим соблазном для человечества, которое не переставало оглядываться на эти кровавые огненные страницы французской истории, получившие для многих какую-то роковую притягательную силу.

Широкое культурное влияние Франции, которое издавна она оказывала на Европу, еще более облегчало распространение революционных идей. Русское образованное общество особенно увлекалось ими с тех пор, как наши офицеры принесли их на концах своихъштыков после своего победоносного похода в Париж.

Всякая революция зарождается в умах и постепенно электризует разные общественные слои, начиная скорее с верхних. Ее подпочвенная работа продолжается до тех пор, пока сопротивление власти и наиболее крепкой общественной среды не ослабеет и тогда она, как подземные воды, с шумом прорывается наружу. Это и случилось у нас после неудачной для нас великой войны, когда надломленный и утомленный ею народный организм уже не в состоянии был противостоять этой бурной разрушительной стихии, давно уже глухо клокотавшей под землею.

Русская революция есть одно из самых сложных явлений, какие когда-либо были в истории. Она соткана из самых разнобразных стихий. Тут есть и прямое подражание французской революции, в идеях которой воспитывался целый ряд поколений нашей интеллигенции; и мессианизм западников, беспощадно осуждавших русский политический и общественный строй и разочаровавшихся потом в “буржуазно-мещанской” Европе; и апофеоз России у славянофилов, считавших ее светом для мира, с ее идеалом вселенского братства; и исконная неутолимая жажда полной правды на земле у простого народа; и всегдашний неудовлетворенный земельный голод последнего; и анархия умов, водворившаяся в России под влиянием отрицательной проповеди Толстого, а также разного рода буревестников, декадентов и т. п.; и глубокое потрясение русской души огненными образами глубинного зла у Достоевского; и огромная энергия, развитая великой войной и искавшая себе выхода после разочарования в последней; и русский максимализм вообще, не умеющий нигде и ни в чем останавливаться на полдороге и легко переходящий в нигилизм; и отголоски смуты, а также Разинского и Пугачевского восстаний, в которых проявился русский бунт бессмысленный и беспощадный, как результат буйного настроения русской души в минуту ее крайнего возбуждения. Все это смещение оказалось заквашенным чуждым нам материалистическим марксизмом и потому дало такое неожиданное и бурное

брожение, превратившее солнце в тьму и луну в кровь, создавшее повсюду смятение и ужас и сделавшее Россию страшным позорищем для всего мира.

В нашей революции, конечно, не менее характерных национальных черт, чем во Французской, но если заглянуть в ее сокровенную душу, то мы увидим здесь тот же мировой революционный процесс, вступивший в новую стадию своего развития.

Русская революция смелее, чем какая-либо из предшествующих ей, выступила со своей всемирной миссией и с углубленной радикальной программой. Ее идеологи не хотели видеть в ней только повторение “классических образцов” всегда кончавшихся компромиссом. Она с самого начала поставила своей задачей отречение от старого мира и создание абсолютно нового строя общественной жизни — с новыми идеалами и новыми методами общественного строительства. Ее целью было не только открыть новую страницу в мировой истории, но совершенно порвать связь с последней, и создать новую землю с новым человеком, апофеоз которого она поставила в центр своей догмы. Исходя из принципа, что “пафос разрушения есть пафос созидания”, она с яростию фурии устремилась на весь прежний политический общественный и нравственный порядок жизни, желая сокрушить его до основания.

Тут сказалась исконная максималистическая русская дилемма: “Все или ничего”, или лучше сказать — “все или долой все”.

Замечательно, что не только Нечаев — этот “разрушитель” по преимуществу, но и идеалист Герцен с каким-то демоническим сладострастием предвкушал эту картину общего крушения, которое должна принести с собою русская революция.

“Или вы не видите ... — говорит он… — новых варваров, идущих разрушать. Они готовы, они, как лава, тяжело шевелятся под землею внутри гор. Когда настанет их час, Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый, погибнут, рядом... ”

“Что выйдет из этой крови — кто знает; но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий водвориться будущему — и это прекрасно, а потому да здравствует хаос и разрушение, и да водворится будущее!”

Увы! Пророчество это исполнилось во всей своей ужасающей силе.

Варвары пришли — чтобы исполнить свою роковую миссию — и все стихии смешались в кровавом хаосе.

Все, что почиталось высоким, святым, добродетельным, или просто честным, благоприличным, культурным в человеческой жизни — все было попрано и поругано их жестокою рукою, и мерзость запустения водворилась повсюду.

В разгаре бешенства мести и раздора, хорошее и дурное, правый и виноватый погибали рядом. Вино смешалось с кровию и морем человеческих слез на этом пиру Ирода. Никогда еще человеческое достоинство не попиралось так грубо и безжалостно, никогда еще человек не падал так низко и не был так отвратителен в своей звериной разнузданности, как в эту мрачную эпоху. “Для тела — насилие, для души — ложь”: этот нечаевский принцип вполне был воплощен в жизнь, сделавшись главною основою деятельности большевиков.

Всякая революция есть величайший соблазн, которым пользуется дух злобы, чтобы увлечь за собою не только отдельных людей, но целый народ. В ней всегда повторяются в большей или меньшей степени, все три вида искушений, с которыми сатана приступал к Богочеловеку в пустыне. В истории русской революции они выступают яснее, чем в какой-либо другой. И чем больше было дано русскому народу, чем выше было его призвание, тем глубже было его падение.

Революция, как известно, зарождается впервые в душе человека. Кто же произвел революцию русского духа, из которой вышла потом, как цыпленок из яйца, величайшая катастрофа наших дней.

Декабристы, которых большевики считают своими первыми родоначальниками?

Герцен, Бакунин и особенно Нечаев, оформившие до конца их идеал и потому справедливо называющиеся их “предтечами?”

Или те “буревестники”, которые появились в конце XIX века и особенно в начале XX века и произведи анархию умов в политической и религиозной области, в науке, искусстве, музыке, поэзии?

Все, конечно, эти факторы участвовали в постепенном разложении русской души и подготовке соответствующей общественной психологии для появления русской революции, но истинными духовными реформаторами своей эпохи, произведшими огромный переворот почти во всех областях русской жизни и русской культуры, были два великих властителя русских дум за вторую половину XIX в. и в начале XX в. — Толстой и Достоевский.

Воплотивший в себе все типические черты русского народа от его верхних слоев до нижних, такой же бескрайный, стихийно неудержимый, как он, соединивший в себе и утонченного интеллигента с его самокритикой, с его

духовным скитальчеством, с его рационализмом и мужика с его тягой к земле, ненавистью к более образованным и обеспеченным классам и с жаждою если не нового неба, то новой земли, на которой обитает правда, всегда искавший истину и часто боровшийся с нею, Толстой вместил в себе отзвуки всех тех мыслей и настроений, из соединения коих должна была вспыхнуть потом наша революция.

Он был для нея Руссо и отчасти Вольтером. Толстой сам считал себя прямым учеником первого и носил его портрет, как святыню, на груди. Что же касается второго, то здесь, казалось, не было прямого духовного сродства. Однако, Толстой был несомненно вольтерьянцем на практике, и его язвительные насмешки над Церковью имели не менее пагубное влияние на русское общество, чем сарказмы первого, обращенные против современного ему католичества.

Если нам скажут, что Толстой стремился все же подвести христианскую основу под современную культуру, то мы ответим, что и на могильном памятнике Вольтера, в числе его заслуг указано, что он “поборол атеистов” и это не было преувеличением, потому что он был только деистом, а отнюдь не атеистом. Несомненно также, что Толстой, по складу своего характера и по своим убеждениям, был противник борьбы со злом силою; поэтому он отрицал суд и всю государственную организацию и ненавидел французскую революцию, которую называл только большою, а не великою; он был также против всяких попыток и у нас произвести изменения существующего политического и общественного строя революционным путем, о чем он открыто говорил студентам и рабочим. Его призывы к преобразованию общественных отношений на началах христианского братства и любви, конечно, не имели ничего общего с человеконенавистничеством большевиков, однако, когда он переходил к критике современного государства, общества и всей современной культуры, его перо насыщено было таким ядом протеста, негодования и насмешки, что он невольно становился союзником революционеров.

“Насмешка, — говорил справедливо Спенсер, — всегда была революционным агентом”. “Учреждения, потерявшие свои корни в вере и уважении народа, становятся обреченными на гибель”. Долголетняя пропаганда Толстого против многого такого, что было близко и свято русскому сердцу, соединенная с его попыткой к бытовому опрощению в своей жизни, не могла пройти без влияния на народную душу, постепенно расшатывая все основные устои русской жизни. Он действительно перевернул, по выражению его сына, Льва Львовича Толстого, сверху донизу сознание

Русского Народа и создал новую Россию. Своим острым и глубоким литературным плугом он разрыхлил русскую почву для революции, которая, по словам того же Л. Л. Толстого, была “подготовлена и морально санкционирована им”.

Гораздо труднее установить и проследитъ то влияние, какое могло иметь на появление и развитие русской революции творчество Достоевского. Он, конечно, не имел ничего общего с Руссо, Вольтером или энциклопедистами. Многим самая постановка такого вопроса о какой-либо связи нашей революции с литературною деятельностью Достоевского покажется своего рода кощунством. Наше общественное мнение давно уже как бы канонизировало великого писателя. Все привыкли почти с благоговением преклоняться пред гениальным пророческим прозрением Достоевского, заранее нарисовавшего облик нашей революции — сколько кровавой и жестокой, столько же безбожной по самой ее природе.

В его “Бесах” и “Братьях Карамазовых”, как в зеркале, с необычайною точностью, заранее отражено то массовое беснование, та сатанинская одержимость и гордыня, какие принес с собою в Россию осуществленный социализм. Но изображая с необыкновенной яркостью красок это грядущее царство Хама, или лучше сказать, самого Антихриста, Достоевский не проявил, однако, здесь ни эпического бесстрастия великих подвижников, ни того негодующего тона, или внутреннего страдания, какими дышет перо некоторых из наших писателей (например, Пушкина и Лермонтова), когда они касались козней сатаны, проявляющихся в мировой жизни. То и другое чувство, так сказать, застраховывает читателя их творений от соблазна зла, который всегда присущ нашей природе.

Достоевский видитъ ясно демонический характер грядущей революции и ее вдохновителей, но его кисть, которою он рисует последнюю, в соединении с его страстным темпераментом (по его собственному признанию, он всегда любил “хватать через край”), завели его дальше, чем это нужно было бы для его нравственных воспитательных целей в отношении общества и чем бы внутренне хотел он сам. При потрясающей силе своего драматического таланта, он ослепительно ярко обнажает перед нами зло отъ всех его покровов и так глубоко перевоплощается в своих отрицательных героев, как бы сростаясь духовно с ними, что это чувство невольно переживает читатель. С этими образами случилось то же, что с глазами “Портрета” художника, изображенного Гоголем в повести того же наименования; в них заложена какая-то магическая сила, которая одновременно и отталкивает и влечет к себе человеческую душу. Смертным никогда не безопасно прикасаться к древу

познания добра и зла и приближаться к адской бездне: последняя всегда склонна притягивать к себе и как бы обжигать их своим огненным дыханием. Подобно Данте, Достоевский проводит читателя по мукам и заставляет его иногда невольно отстранять от себя временно его огненные писания, чтобы отдохнуть от той области тьмы, в какую они повергают нас по временам. К. Зайцев имел право сказать, что “иной раз кажется — сам сатана говорит его устами”. К сожалению, его идеальные положительные типы не дают достаточно противоядия против таких впечатлений. Высокие проявления человеческого духа, для естественного таланта, даже такого, каким владел Достоевский, воплотить в литературных образах всегда гораздо труднее, чем сатанинские глубины зла. Не будет грехом ни перед истиною, ни пред самимъ великим писателем, сказать, что кроткий облик старца Зосимы или Алеши Карамазова не в состоянии затмить пред нами яркий образ Ивана Карамазова, с его самоутверждающейся гордыней, сверкающей перед нами каким-то зловещим, фосфорическим блеском. Его гордые страдания не вызывают в нас участия, ибо сатана также есть “мученик” своей свободы.

Своим по временам подлинно “жестоким” пером, Достоевский, как острым резцом, прошел по мягкому русскому сердцу, и, потрясши его до основания, вывел его из духовного равновесия. Он показал впечатлительному русскому обществу соблазнительный образ человека, находящегося по ту сторону добра и зла и в этом пункте до известной степени вошел в соприкосновение с Ницше: не напрасно последний почувствовал в творчестве нашего писателя что-то сродное себе и говорил, что Достоевский “единственный глубокий психолог, у которого он мог кое-что взять для себя”.

Развивая везде свою излюбленную идею о двух безднах, борющихся во глубине русского сердца и имеющих, так сказать, одинаковое право на свое существование, в силу данной человеку свободы, Достоевский тем самым косвенно вынес для нашей революции если не моральное, то, по крайней мере, психологическое оправдание.

В этом смысле из его творчества течет одновременно и горькая и сладкая вода. Не подлежит сомнению, что в своей личной жизни он преодолел злую стихю, но онъ не передает этого чувства другим и не придает ему захватывающей и побеждающей силы. Он предоставляет читателю самому сделать выбор между добром и злом, переоценивая силу его самоопределения, равновесие которого нарушено грехом.

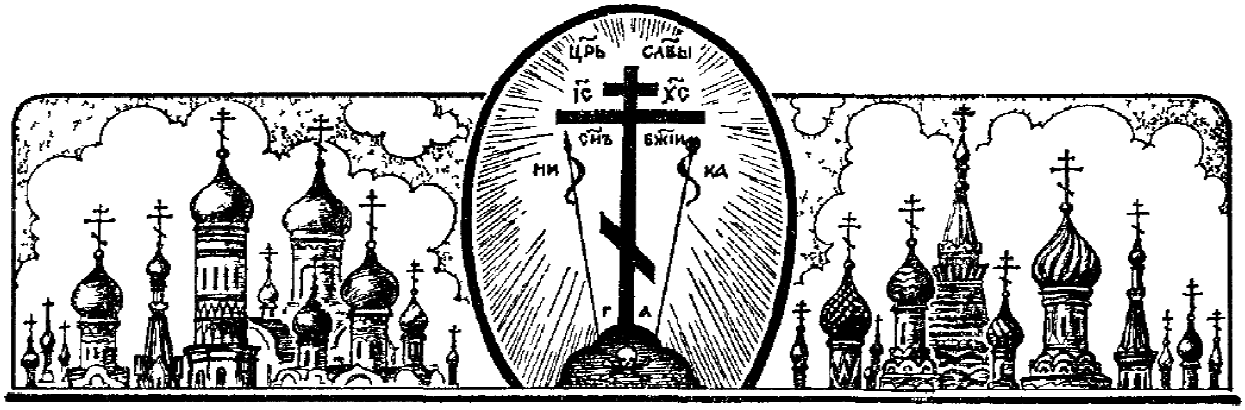
Поэтому, от него родилось, так сказать, два поколения людей: одни это те, которые идут за ним до конца через подвиг веры, любви и смирения к вратам потерянного рая, а другие останавливаются, подобно жене Лота на этом пути

и оглядываются на Содом и Гомору, не будучи в состоянии преодолеть в себе тяготения к нравственному соблазну.

Из этой последней плеяды вышел целый ряд молодых писателей, впитавших в себя прежде всего карамазовский “бунт” и понесших его в народные массы, с целью революционизирования последних. Не подлежит сомнению, что сам Достоевский отказался бы с негодованием от таких мнимых своих идеологических преемников, однако они были бы вправе сказать, что из его произведений извлекли материал для своей разрушительной литературной работы.

Так как великие умы невольно отбрасывают свою тень вперед, то не произошло ли с другой стороны того, что Достоевский самым пластическим изображением духа и формы грядущей революции помог болыпевистским вождям конкретизировать свой идеал, придать ему законченность, жуткую огненность и своеобразную принципиальность. Быть может, революция совершилась по Достоевскому не только потому, что он прозрел ее подлинную сущность, но отчасти и предопределил ее образ - самою силою психического внушения, исходящего от его реалистического художественного гения, забывавшего на этот раз завет Гоголя, по которому всякое создание искусства должно вносить в человеческую душу успокоение и примирение, а не смятение и раздвоение. Во всяком случае, весь этот вопрос, не взирая на всю его трагичность — требует обстоятельного, вдумчивого и объективного исследования, каковая обязанность лежит на грядущих поколениях.

«Православная Русь», № 14-15, 1955 г.



Протоиерей Лев Лебедев

РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ДОБРА И ЗЛА.

При виде того усердия, с каким ныне устремляются в Россию самые разные идеологии, и том числе – религиозные (как известные, так и такие, которых раньше у нас совсем не было), какие огромные деньги расходуются на создание в России центров этих идеологий и их деятельность, естественно возникает вопрос – для чего это нужно и кому?

Нужно это для того, чтобы ни в коем случае не допустить возрождения и укрепления в послесоветской России исконно русской идеологии, сплачивавшей наш народ веками, – Святого Православия, как целостной веры всего Русского Народа, поддерживаемой Православной Самодержавной Монархией в лице Русских Царей, Помазанников Божиих. Почему?

Потому что примерно с XV в Русский Православный Народ (и его государство) стал не просто и не только одним из многих видных народов Европы и мира, он стал ведущим, главным народом в системе Церкви Божией на земле. Совет Божественной Истины, принесенный в мир Сыном Божиим Иисусом Христом, ярче всего, сильней всего засиял в народе Русском, в Православном Московском Царстве, особенно после завоевания Византии турками в 1453 г., когда Царство Московское осталось единственной могучей Православной державой мира. А это означало, что к свету Божией Истины, к Русскому Православию могут потянуться и многие другие народы и племена человеческие. И уже начали тянуться! Преодолевая искушения Запада, выдержав множество козней, войн и иных бедствий Православная Россия превратилась в огромную Империю, великую мировую державу, включившую в себя множество народов и народностей, и в XIX столетии возымевшую решающее значение в важнейших мировых делах.

И что же оказала миру Россия, достигнув такого влияния и могущества?

Она призвала мир устроить жизнь на основе заповедей Божиих, слов

Святого Евангелия Господа Христа. Ярче всего это проявилось в идее Священного Союза, разработанной лично Государем Императором Александром I в Париже в 1815 г., после окончательной победы над Наполеоном. Само название "Священный" означало, по мысли Царя, что и основу международной и внутренней политики стран-участниц Союза полагалось Священное Писание Христианской Церкви - Библия. Государь пояснял, что заповеди христианской религии должны регулировать как отношения между государствами, так и отношения внутри государств, которые должны быть подобны отношениям родителей и детей в христианских семьях. Тогда речь шла только о государствах Европы, но было ясно, что очередным шагом России может стать подобный же призыв и ко всем государствам мира.

И такой призыв прозвучал! По личной инициативе Царя-Мученика Николая II в 1899 г., впервые в истории человечества, собралась знаменитая Международная конференция в Гааге, где Россия предложила отныне решать все международные споры только мирным путем, за столом переговоров; начать сокращать вооружения, отказаться от наиболее опасных средств массового уничтожения и от захватов чужих территорий. Все знали, откуда такие мысли у Русского Самодержца. Он не раз высказывал их. Так, однажды в Курске делегации крестьян Государь Николай II сказал: “Богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим”. Царь сам жил по заповедям Христовым. Он был глубоко верующим православным человеком. Как и его отец, Государь АлександрIII, как и убиенный Царь-Освободитель Александр II, как и Николай I.

Призывы таких Российских Царей к народам Европы и всего мира жить по заповедям Божиим были не просто красивыми словами: они подкреплялись всей экономической и военной мощью Российской Империи, достигавшей огромного и все большего развития. По оценкам западных экономистов, если бы Россия развивалась такими же темпами, как до 1913 г., то к середине текущего века, т. е. к 1950-м годам, она перегнала бы в промышленном, финансовом и иных отношениях все западные государства, включая США.

Перспектива христианизации жизни всей планеты посредством Православной России становилась вполне реальной! Русский Царь становился арбитром человечества, – совестью мира.

Отсюда первоочередной задачей всех антихристианских, или – антихристовых, сил стало сокрушение военной, экономической, политической и всякой иной силы России, уничтожение в ней Православной Самодержавной

власти, Православия как веры всего русского народа в целом, а это могло быть достигнуто не иначе, как уничтожением самого Русского Народа. Так произошла катастрофа 1917 г. и все за ней последовавшее вплоть до наших дней.

Так, с особенной отчетливостью обнаружилось наличие в историческом процессе двух полярно расположенных, непримиримых сил – Церкви и веры Христовой, с одной стороны, и антицеркви и веры антихристовой, – с другой. Обе стремятся к объединению человечества, но с совершенно разными целями.

Если о Церкви Божией Ветхого и Нового Заветов в общих чертах многие знают, то об антицеркви знают гораздо меньше. Только по этой причине мы уделим ей несколько больше внимания. Это очень древнее явление в падшем человечестве.Для части людей было свойственно особенное тяготение к диаволу, падшему архангелу, называемому также древним змием, драконом, Люцифером и Сатаной.Это объяснялось повышенной гордостью человеческой, пользуясь которой, диавол внушал таким людям, что они "смогут стать как боги" сами, без Бога, даже вопреки Ему. И вместо Рая, из которого были изгнаны в результате грехопадения, сами смогут создать себе рай на земле со всеми удовольствиями, какие только пожелают.Однажды большинство человечества – потомков Ноя согласились предпринять такую попытку под руководством хамита Неврода, отличавшегося исполинскими силами и способностями. Собравшись в несметном количестве на земле Сеннаар в Месопотамии , люди начали созидать город и башню "до неба", чтобы "сотворить себе имя" (Быт. 11,1-9). И начали строить из кирпича то, что позднее было названо "Вавилонской башней". Краткое повествование Библии об этих событиях многими воспринималось наивно, как желание людей взобраться по этой башне в Рай Небесный. Однако люди древности, в отличие от современных, не были столь наивны и прекрасно знали, что духовного неба вечной жизни не достичь вещественным небоскребом. Но они знали также, что в о колоземном пространстве обитает множество "воздушных демонов", обладающих мощными энергиями. Получить эти демонские энергии для устройства с их помощью, "райской" жизни на земле вопреки Богу, – и было их задачей. Тем самым они стали бы "творцами" некой новой жизни и сотворили бы себе имя новое, не такое, какое получили от Бога. Можно представить себе, какая потребовалась колоссальная организация труда, его разделения, управления, дисциплины, какие знания социологического, строительного, инженерного, математического, астрономического, физического, демонологического характера были заложены в это грандиозное

предприятие! Но Господь разрушил его, смешав языки человеческие (до этого у всех был один язык), так что, перестав понимать друг друга, напуганные до смерти люди разбрелись повсему лицу земли. Образовались разноязыкие и разнонравные народы.

Но не исчезла совсем идея вавилонского столпотворения с целью построения земного рая, и те знания, какие необходимы для ее мнимого осуществления.Тщательно хранимые в кастах жрецов Озириса, в иных жреческих кастах Халдеи, Индии, Китая, в тайных братствах и обществах Иудеи, Греции, Европы, они "обогащались" новыми откровениями Люцифера, систематизировались, зашифровывались, кодировались. Возникли новые тайные общества, иногда откровенно поклонявшиеся Сатане, но чаще скрывавшие свое диаволопоклонство.В течение столетий старались они получить возможность открытого и эффективного действия. Им было невероятно трудно. Главную трудность создало явление в Мир Спасителя, Сына Божия, Господа Иисуса Христа и создание Им Своей Церкви Нового Завета.

Содержание главного песнопения праздника Троицы, т.е. Сошествия Святаго Духа на Апостолов, что явилось как бы "днем рождения" Христовой Церкви в мире, может быть изложено на современном русском языке так: "Когда Господь сошел на Вавилонскую башню, смешивая языки, то разделил языки (народы), Вышний, а когда в день Сошествия Святаго Духа Он раздавал огненные языки над главами Апостолов, то в соединение всех людей мира призвал, и согласно славим Всесвятаго Духа". Таким образом, с древнейших времен Христианская Церковь осознает себя прямой антитезой Вавилонскому собранию, и, как бы отвечая на потребность людей в братском единении, предлагает это единение в Истине, во Христе. Отныне все желающие, независимо от национальности, через веру, Крещение и Причащение Телу и Крови Христа становятся по этой Святой Крови братьями друг другу. И получают возможность совоскресать со Христом в жизнь вечную Царства Небесного, для которого и был замыслен, и сотворен Богом человек. Это и есть то, что в Христианстве называется спасением. Спасение любых людей независимо от рода и племени является целью того нового всемирного объединения, каким стала Церковь Христова.

В ответ на это началось консолидация всех сил так или иначе связанных с диаволом. Проходя через различные тайные общества и учения (гностиков, тамплиеров, розенкрейцеров) антицерковь или "церковь лукавнуюших", как назвал ее еще Царь и Пророк Давид (Пс. 25,5), к концу XVII в. оформилась как международная, а затем и всемирная организация масонства (франк-

масонства). Главную роль в ней играют явные и тайные вожди и учители современного иудаизма. В середине прошлого века известный раввин Исаак Визе заявил, что все масонское учение, степени, символы, пароли и пропуски "от начала до конца иудейские". В этом иудео-масонстве сфокусировалось, собралось все, что можно обозначить как церковь диавола. Она тоже стремится к интеграции или объединению человечества, но с целью прямо противоположной Христианской Церкви. Учителя и книжники иудейские не пожелали видеть Мессией Сына Божия Иисуса Христа и не захотели наследовать с Ним Небесное Царство вместе с избранными из всех народов. Они хотели и хотят возыметь такого земного царя, который установил бы их, иудейское, земное господство над всеми народами мира.Но как привлечь к такому делу людей других народов? Все той же идеей возможности построить вопреки Богу "рай на земле", с помощью новой Вавилонской башни науки и техники, на вершине которой как хозяин, правитель, вождь должен восседать "Великий Иудейский Царь" или "Мессия". У масонов он иногда называется "сыном Люцифера", а у Христиан он давно обозначен и предсказан как Антихрист, число человеческого имени которого – 666. Масонство быстро распространялось, привлекая в свои ряды наиболее влиятельных, образованных, способных людей о самых разных странах мира, начиная с Англии, где оно оформилось в современном виде, продолжая Францией, где возникло крупнейшее масонское учреждение "Великий Восток Франции", и кончая США, где почти все президенты – масоны. Масонство организовало все революции в Европе и в мире, в том числе и Французскую революцию 1789 г. и недавние российские. Под влиянием масонства была искажена идея Священного Союза европейских стран, предложенная Россией. Союз скоро превратился в орган обеспечения корыстных интересов Австрии и Пруссии. Масонство извратило и идею международного сотрудничества, предложенную Государем Николаем П. Возникшая на этой основе Лига Наций, а затем и Организация Объединенных Наций стали основываться не на заповедях Божиих, а на масонских учениях движения к всемирному Вавилону (через общеевропейский дом, общеамериканский, общеазиатский и т.п.). Масонством созданы все крупнейшие республиканские, социалистические, коммунистические, рабочие партии и движения, им создаются или контролируются все крупные научные, культурные, просветительские, оккультные, еретические, сатанинские объединения. В частности, так называемый Всемирный совет Церквей – изначала иудео-масонская организация.

Эта всемирная церковь диавола представляет собою очень разнообразную

систему, где есть место приверженцам любых идейных и политических взглядов, – от коммунистических до монархических. Столь большое количество людей в столь широком диапазоне взглядов масонству удается привлекать хитроумной системой "посвящений". Основные масонские ритуалы имеют или три степени (градуса) посвященности, или 18, или 33, или 99. Чем выше ступень (градус), тем больше информированности о подлинных целях масонства. Так, если на низших степенях масонам внушаются "благородные" идеи гуманизации человечества, свободы, равенства, братства, во имя будущей счастливой жизни людей в земном раю, часто говорится даже о Боге, как "великом архитекторе природы", то на высших степенях посвященные узнают, что этим "архитектором" является не Бог, а диавол, Люцифер, а цель движения – вовсе не райская жизнь для всех, а лишь для самых избранных масонов, а для прочих и особенно "профанов", т.е. немасонов – вечное рабство или смерть, как месть за непонимание и несогласие.

Семьдесят три с половиной года масонского коммунистического режима в России хорошо показали, что несет людям химера "земного рая". Но коммунизм основывался на атеистической идеологии. Так было нужно. Атеизм – это переходный этап от религии Бога к религии Люцифера. Но вот, время этого этапа в России кончилось. Так решили в Нью-Йорке. Теперь обезбоженных, замороченных, в конец сбитых с толку "совков" нужно привести к сознательному поклонению Сатане. Атеистическую идеологию как государственную упразднили, иначе никак нельзя. И тут возникла неизбежная и величайшая опасность!

А вдруг эти, кажется, вконец замороченные русскоязычные начнут возвращаться к Святому Православию? А что если у них получится? Ведь тогда опять на этой духовной основе они объединятся в Народ-Церковь, и у них снова возникнет Православное Самодержавное Царство, и у всего мира вновь появится совесть в лице Русского Царя! И тогда не быть новому Вавилону и Антихристу!

Этого допустить нельзя! Вот почему, не жалея никаких денег, в Россию вливают всю нравственно-идеологическую гадость, какую только где можно найти! Смешно смотреть: нас, русскоязычных, разобщенных, униженных, ослабленных до крайности, лежащих уже в грязи, замороченных... тем не менее – панически боятся!Боятся, как бы мы не возродились, не стали бы вновь православными и не сказали бы всему миру: "Братие, не слушайтесь "церкви лукавнуюших", не устремляйтесь в Сеннаар строить новую Вавилонскую башню. Вас обманывают, земного рая не будет, пойдемте вместе с нами, в Единой Церкви Христовой к Раю Небесному , к вечной жизни в

вечной радости общения с Богом, ангелами, всеми святыми и друг с другом!..".

Впрочем, Россия, Святая Русь всей своей историей все это уже и сказала всему миру! Поэтому внешняя политическая победа антицеркви – это только кажущаяся и временная "победа". Ибо достигается только средствами насилия и обмана. Правда же и любовь – на стороне Божией, на стороне Церкви Православной. И каждый, кто в этом мире исповедует Христа и живет по заповедям Его тем самым неизбежно побеждает все силы сатанинские. Поэтому Апостол Иоанн Богослов и говорит ним: "Сия есть победа, победившая мир, – вера ваша!" (1 Ин. 5,4). А окончательная и последняя точка в борьбе добра и зла, Церкви Божией и церкви диавола будет поставлена Самим Христом и Его Славном Втором Пришествии! Вот когда для всех веровавших откроется Царство Небесное на "новой земле" под "новым небом" в "Иерусалиме Новом" (Откр. 21,1-2).

До этого же нам, Русским, если мы хотим быть таковыми, нужно все-таки, несмотря ни на что, подниматься, возрождаться духом во Христе и ничего не бояться, помня, старинный воинский девиз: "Мы русские, – с нами Бог!". Аминь.

Курск, апрель 1996 г.

«Монархист». 1996. №№ 31-32.

I.
МАРТИРОЛОГ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА, ЗЛОДЕЙСКИ УБИЕННЫХ В 1918, 1919 И 1929 ГГ.

1. Его Императорское Высочество Великий Князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (брат Императора Николая II); род. 22 ноября 1878 г.; тезоим. 22 ноября; инициативной группой пермских рабочих во главе с председателем Мотовилихинского совдепа злодейски умерщвлен расстрелянием в ночь с 29 июня/12 июля - 30 июня/13 июля 1918 г. в лесу за керосиновыми складами в 6 верстах от Мотовилихи Пермской губернии. **[Прославлен РПЦЗ в сонме Новомучеников в 1981 г.].**

2. Его Императорское Величество Государь Император и Самодержец Всероссийский НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ; род. 6 мая 1868 г.; тезоим. 6 декабря;

3. Ее Императорское Величество Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА (супруга Императора Николая II); род. 25 мая 1872 г.; тезоим. 23 апр.;

4. Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (сын Императора Николая II); род. 30 июля 1904 г.; тезоим. 5 октября;

5. Ее Императорское Высочество Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (дочь Императора Николая II); род. 3 ноября 1895 г.; тезоим. И июля;

6. Ее Императорское Высочество Великая Княжна ТАТИАНА НИКОЛАЕВНА (дочь Императора Николая И); род. 29 мая 1897 г.; тезоим. 12 января;

7. Ее Императорское Высочество Великая Княжна МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (дочь Императора Николая II); род. 14 июня 1899 г.; тезоим. 22 июля;

8. Ее Императорское Высочество Великая Княжна АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА (дочь Императора Николая II); род. 5 июня 1901 г.; тезоим. 22 декабря; по санкционированному Москвою постановлению Уральского совдепа злодейски умерщвлены расстрелянием в подвале дома отставного инженер-капитана Н.Н.Ипатъева в г. Екатеринбурге 4/17 июля 1918 г. в 1 час ночи. Тела преданы сожжению, а останки тайно захоронены в одной из заброшенных шахт в урочище Четырех Братьев близ дер. Коптяки под Екатеринбургом. Обретенные в 1919 г. следственной комиссией пепел и мелкие предметы были отправлены в Великобританию. **[Все вышеупомянутые члены Августейшей Семьи прославлены РПЦЗ в сонме Новомучеников в 1981 г.].**

9. Ее Императорское Высочество Великая Княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕОДОРОВНА (сестра Императрицы Александры Феодоровны); род. 20 октября 1864 г.; тезоим. 5 сентября;

10. Его Императорское Высочество Великий Князь СЕРГИЙ МИХАИЛОВИЧ (внук Императора Николая I); род. 1869 г.;

11. Его Высочество Князь ИОАНН КОНСТАНТИНОВИЧ (сын Великого Князя Константина Константиновича); род. 1886 г.;

12. Его Высочество Князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (также сын Великого Князя Константина Константиновича); род. 1890 г.;

13. Его Высочество Князь ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ (младший сын Великого Князя Константина Константиновича); род. 1894 г.;

14. Князь ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ПАЛЕЙ (внук Императора Александра П); род. 1897 г.; по постановлению Алапаевского совдепа злодейски умерщвлены расстрелянием в ночь с 4/17 на 5/18 июля 1918 г. в лесу близ Верхне-Синячихинского завода в 11 верстах от г.Алапаевска Пермской губернии. Иные из них еще живыми среди прочих были сброшены в одну из заброшенных шахт на месте расстрела; тела обретены в 1919 г. следственной комиссией и торжественно перезахоронены под алапаевским собором. При наступлении красных игумен Серафим перевез гробы с останками Высочайших Особ в Пекин, откуда лишь честные останки Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и ее келейницы монахини Варвары (Яковлевой) были перенесены в Иерусалим, где были торжественно захоронены на Елеоне уже в конце 1921 г. **[Все**

вышеупомянутые великие князья и великая княгиня прославлены РПЦЗ в сонме Новомучеников в 1981 г.].

15. Его Императорское Высочество Великий Князь ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (сын Императора Александра II); род. 1860 г.;

16. Его Императорское Высочество Великий Князь ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (внук Императора Николая I); род. 1860 г.;

17. Его Императорское Высочество Великий Князь НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ (внук Императора Николая I); род. 1859 г.;

18. Его Императорское Высочество Великий Князь ГЕОРГИЙ МИХАИЛОВИЧ (внук Императора Николая I); род. 1863 г.; арестованные в качестве заложников, злодейски умерщвлены расстрелянием в январе 1919 г. в С.-Петербургской (Петропавловской) крепости. За них всех о пощаде, особенно за двоих последних, как серьезных ученых, ходатайствовал А.Пешков (Горький) перед Лениным. Неисполнение данного ему обещания о помиловании стало одною из причин отъезда "великого пролетарского писателя" из советской России в Италию. **[Все вышеупомянутые великие князья, кроме в. кн. Николая Михаиловича, прославлены РПЦЗ в сонме Новомучеников в 1981 г.].**

19. Его Императорское Высочество Великий Князь ГЕОРГИЙ МИХАИЛОВИЧ (сын Великого Князя Михаила Александровича, внук Императора Александра III, племянник Императора Николая II; род. 1913 г.; проживал с матерью в Лондоне. В 1929 г. отправился в Париж, где ГПУ организовало его убийство "в автомобильной катастрофе", как единственного прямого потомка по мужской линии Императорской Фамилии.

«Возвращение». Церковно-общественный журнал Российских приходов юрисдикции Архиерейского Синода РПЦЗ. (СПб.) 1993. № 3 (Апрель).

II.
ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, УБИТЫХ ПО РЕШЕНИЮ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ 1918 ГОДА

А) В г. Екатеринбурге в Ипатьевском доме и в Екатеринбургской ЧеКа:

1. — Государь Император Николай Александрович
2. — Государыня Императрица Александра Феодоровна
3. — Наследник-Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич
4. — Великая Княжна Ольга Николаевна
5. — Великая Княжна Татьяна Николаевна
0. — Великая Княжна Мария Николаевна
7. — Великая Княжна Анастасия Николаевна
8. — Гофмаршал Двора князь Василий Александрович Долгоруков
9. — Фрейлина Двора графиня Анастасия Васильевна Гендрикова
10. — Гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер
11. — „Дядька" Наследника-Цесаревича — Климентий Григорьевич Нагорный
12. — Камердинер Иван Дмитриевич Седнев
13. — Камердинер Алексей Егорович Трупп
14. — Камердинер Василий Федорович Челышев
15. — Лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин
16. — Генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев
17. — Повар Иван Михайлович Харитонов
18. — Комнатная девушка Анна Степановна Демидова

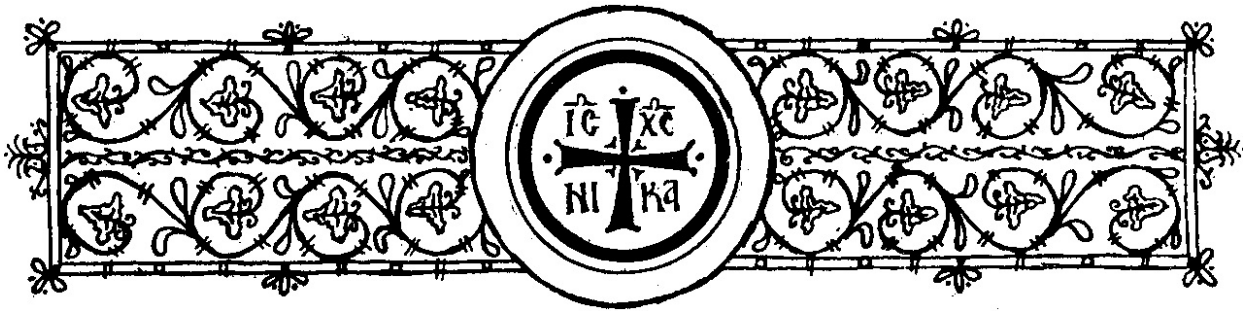
Б) В г. Перми и на Мотовилиховском заводе, вблизи гор. Перми:

19. — Великий Князь Михаил Александрович
20. — Личный секретарь Вел. Кн. Михаила Александровича — Николай Николаевич Джонсон
21. — Личный камердинер Вел. Кн. Михаила Александровича — Петр Федорович Ремиз

В) В гор. Алапаевске (на Урале):

22. — Великий Князь Сергей Михайлович
23. — Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
24. — Князь Игорь Константинович
25. — Князь Константин Константинович мл.
26. — Князь Иоанн Костантинович
27. — Граф Владимир Павлович Палей
28. — Монахиня Варвара

Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Под редакцией Сергея Завалишина.Нью-Йорк, 1968. С. 8.



ВИДЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕВУШКИ В ДЕНЬ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.

Убийство Русского Императора и его семьи имело место в подвале Екатеринбурга в ночь на 17 июля 1918 г.

В эту ночь шел дождь в Лондоне. Хотя было лето, но то был печальный серый вечер. Меня послали купить картофеля на угол улицы, где мы жили; то была к тому же глухая неприглядная улица, — длинная улица высоких серых домов, некогда богатых, а теперь находившихся на пути к заброшенности уличной трущобы. Я должна была бы вернуться черезъ десять минут, но что-от случилось, меня задержавшее, и я получила серьезный выговор. Это, надо сказать, был первый мой выговор, к чему я совершенно была непривычна. Что то заполнило мое сознание — вытесняя все остальное. Прежде чем описать это, я должна дать некоторое объяснение.

Я уже говорила выше о баварской труднице во французском монастыре, которую я увидела в венце из шипов.

Что я понимаю, когда говорю «я увидела»? Правду сказать, в обычном порядке вещей, я ничего не увидела; по крайней мере, я ничего не увидела глазами. Что касается моих глаз, то предо мною была все та же монахиня — худощавая и румяная, со слезами, катящимися по щекам, но — и это трудно объяснить, если вообще возможно — я увидела ее моим духом в короне из терниев, и увидела это ясно и в подробностях, незабываемым образом, хотя это было нечто неожиданно познанное больше, чем увиденное. Но это было познано не так, как когда чему-то научаешься, а как когда что-то просто видишь. Может быть, сказала бы я, как ребенок, который узнает что-то по картинке, на которую смотритъ, но в этом случае это была не безжизненная картинка, которую можно закрыть в книге, а картинка живая, наполняющая мир, и она — тем более жива, тем более незабываема, что ее видишь духом, а не глазами.

Вот нечто подобное я испытала в ночь июля 1918 г. – переживание, которое я ныне воспринимаю, как связанное с первым того же рода, когда я увидела баварскую монахиню в венце из терния.

Я шла покупать картофель, торопясь, так как меня предупредили, что картофель нужен к обеду и поэтому я не должна мешкать. Внезапно я была остановлена, как если бы магнитом были прикованы мои ноги к определенному месту на середине улицы. Передо мною, надо мною, буквально стирая не только серую улицу и небо, но и весь мир, было что-то, что я могу назвать только гигантской и живой Русской иконой. Я в то время никогда не видала еще Русской иконы, даже, думается мне, в воспроизведениях ее. С тех пор я видела их много, но ни одна из них даже приближенно не была такой красоты.

Это была икона Христа, как распятого Царя.

Распростертый на огненном кресте в одеянии, которое блистало и пламенело драгоценностями, коронованный большой короною из золота, под тяжестью которой склонялась Его голова, Христос был вознесен над миром в нашей глухой улице, вознесен, заполняя небо. Его руки, казалось, простирались от одного конца мира до другого, раны Его рук и ног, как рубины, как литые рубины, кровоточили светом. Все, вплоть до пылающих складок одежды, казалось горящим, живым и волнующимся, как живет и движется пламя огня: простертые объятия с длинными, вытянутыми руками, с заостряющимся драгоценностями рукавов, казались пышными крылами, покрывающими вселенную; Сам Христос с головой, наклоненной под тяжестию короны, окормлял мир. В окружении этого великолепия суровая простота прекрасного лица поражала своей скорьбью. Но глаза и рот своей несказанной улыбкой поглощали скорбь и муки, как горящий огонь поглощает рубище.

Я не знаю, как долго я так стояла, и сколько времени продолжалось это видение. Думаю, это не могло быть дольше пяти минут, потому что, когда оно исчезло, еще не было темно, хотя на улице были сумерки.

Когда я попала в лавку, я почувствовала себя смущенной, заметив, как слезы катятся у меня по лицу. Женщина, продававшая картофель, старалась меня утешить, думая, что у меня какая-то неприятность, но я не в силах была остановить пото слезъ. В конце концов, она мне подарила яблоко, и я пошла домой.

Не знаю, какъ скоро после этого появилось известие об убийстве Царя — это могло быть и на следующий день. Я знаю только, что когда я снова вышла и увидела на том самом уличном углу, где мне было видение распятого Царя, объявление об убийстве Русского Царя, я с еще большей живостию поняла значение мною виденного. Ибо лицо Царя в газетной фотографии было лицом моего Христа-Царя, но только не в Его славе.

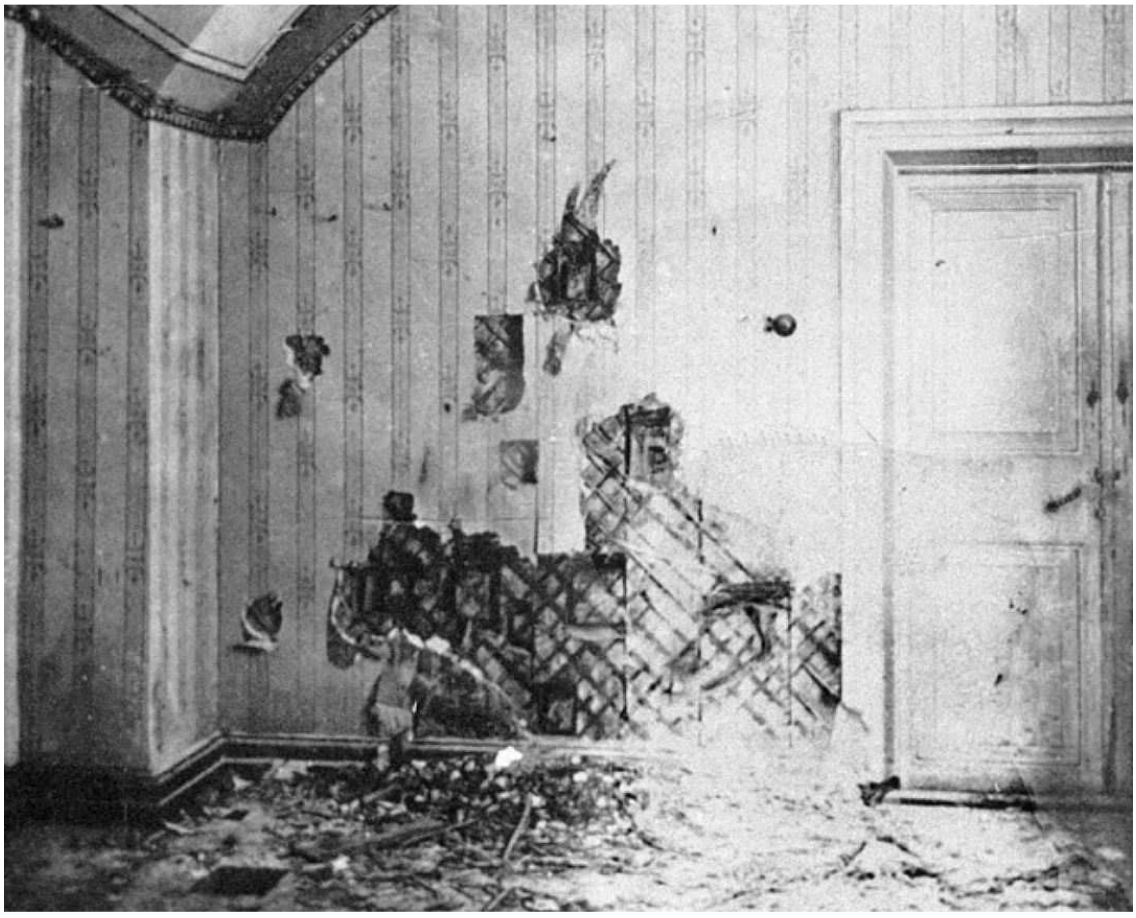
С этого момента я была совершенно поглощена мыслями о России. Россия для меня стала страною, где Страсти Христовы осуществляются в жизни. Так какъ здесь сеялось семя мученичества, а, поверх всего, еще и кощунственно пролита была здесь кровь Помазанника, то я получила убеждение, что Христос, Которого я видела спускающимся в мир в среду живущих людей, чтобы быт распятым в их лице, вернется чрез Россию в мир, чтобы овладеть человечеством; что обращение мира ко Христу должно начаться, и на самом деле началось, в «Святой Руси» убийством ее царя.

Извлечено из книги «A Roching-Horse Catholic » by Caryll Houselander.

«Православная Русь». 1956. № 2.

***

В день убиения Царской семьи в Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон при совершении проскомидии в просфоре, которую духовник монастыря схиархимандрит Кирик (Максимов) продолжал вынимать по царскому чину, появилась капля крови.



Подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. была расстреляна Царская Семья.

Державная икона Пресвятой Владицы Богородицы.

Проф. Иван Михайлович Андреев

О ЯВЛЕНИИ ДЕРЖАВНОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ.

По личным воспоминаниям.

Вскоре после трагическаго отречения Государя Императора Николая Александровича от Престола, которое произошло 2-го марта 1917 г., всю Россию облетело известие, что именно в этот день в селе Коломенском под Москвой (в 6 верстах от Даниловской заставы) произошло чудесное явление новой иконы Божией Матери, названной «Державной», т. к. Царица Небесная была изображена на этой иконе как Царица земная.

Пораженный этим известием, в начале лета 1917 г. я решил отправиться в Москву и попытаться пробраться в село Коломенское, чтобы поклониться новоявленной иконе и лично узнать обстоятельства ее явления.

Господь помог мне осуществить мое намерение, хотя подобные паломничества в то время были чрезвычайно затруднительны. Одна добрая знакомая, раба Божия Мария (научная сотрудница Московского университета, большая специалистка по старинной русской иконописи), проживавшая постоянно в Москве и уже успевшая побывать в селе Коломенском, — взялась помочь мне, и мы вдвоем с ней отправились в путешествие. От Москвы до села Коломенского мы прошли пешком. Пришли к священнику Вознесенской церкви села Коломенского о. Николаю. Он нас встретил очень приветливо и ласково, накормил, показал свои многочисленные домашние иконы и разсказал следующее.

— Одна пожилая благочестивая женщина, крестьянка Боровицкаго уезда, Жирошкинской волости, деревни Починок, Евдокия Андрианова, проживавшая в деревне Перерве, в феврале месяце 1917 г. трижды видела во сне Пресвятую Богородицу и слышала ЕЕ голос, повелевающий отправиться в село Коломенское, где в Церкви, среди рухляди, хлама и пыли находится большая старая черная икона. Эту икону Владычица повелела найти, причем сказала, что из «черной» она превратится в «красную». В последнем

сновидении эта женщина увидала и самую икону. Видение было смутное, деталей иконы она, после пробуждения не могла вспомнить, но общее впечатление особого ЦАРСТВЕННОГО величия изображенной на иконе Богоматери — осталось в сознании. Отец Николай рассказал, что он не сразу поверил Евдокии Андриановой и даже склонен был сначала осудить ее за доверие к сновидениям, однако, троекратное повторение сновидения, скромность благочестивой женщины, а также указание, что икона «большая», «черная», и находится среди рухляди и пыли где-то в церкви именно села Коломенского, — заставили его отправиться вместе с Евдокией Андриановой в церковь и показать ей все иконы, как висевшие на стенах, так и сложенные в разных укромных местах. Ни одной подходящей под описание иконы не было найдено. Тогда, по совету сторожа церкви и еще одного прихожанина, случайно зашедшего, о. Николай стал усердно искать икону повсюду: на колокольне, на лестнице, в чуланах, и, наконец, в церковном подвале. И вот, именно в подвале, среди старых досок, разных тряпок и рухляди, в пыли, была найдена большая узкая старая черная икона, на которой в первый момент ничего нельзя было разобрать. Но когда тщательно обтерли и обмыли эту «черную» икону от многолетней пыли и гари, — всем присутствующим представилось изображение Божией Матери, восседающей как Царица на троне, с короной на голове. Евдокия Андрианова тотчас ярко вспомнила и узнала свое последнее сновидение, упала ниц, и со слезами стала просить отслужить Богородице благодарственный молебен с акафистом. Отец Николай тотчас выполнил эту просьбу.

Весть о явлении новой иконы в день отречения Государя от Престола, 2 марта 1917 г., — быстро понеслась по окрестностям, проникла в Москву и стала распространяться по всей России. Большое количество богомольцев стало стекаться в село Коломенское и перед иконой были явлены чудеса исцеления телесных и душевных недугов, как об этом стали свидетельствовать получившие помощь. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и завода, оставляя в Вознесенской церкви села Коломенского только на воскресные и праздничные дни. Мы с рабой Божией Марией пришли поклониться иконе именно в воскресенье.

После своего рассказа о. Николай повел нас в церковь. При входе в храм я сразу же заметил направо около клироса большую (мне показалось даже огромную), узкую темную икону. Царица Небесная была изображена как Царица земная, восседающая на царском троне, в темно-красной царской порфире на зеленой подкладке, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На коленях находился благословляющий Богомладенец. Необычайно

для лика Богоматери был строг, суров и властен взгляд Ее скорбных очей, наполненных слезами.

В трепете и страхе, с мольбой о прощении, упал я ниц, и, после троекратного земного поклона, приложился к иконе. Долго, молча, сосредоточенно, внимательно, с сердцем захлебывающимся от горьких слез покаяния и сладких слез умиления и благодарности, смотрел я на дивную икону, овеянную духовным благоуханием святости и тонким физическим запахом розового масла.

Мы с рабой Божией Марией словно онемели: молча вышли из храма, молча, со слезами поблагодарили священника и молча, пешком отправились в Москву....

Через несколько недель мне вторично удалось побывать в селе Коломенском и я был глубоко потрясен изменением иконы: она сама собой чудесно обновилась, стала светлой, ясной и... «красной», т. к особенно ярко стала бросаться в глаза царская порфира, как бы пропитанная кровью.

Зная исключительную силу веры и молитвы Государя Николая Второго и Его особенное благоговейное почитание Божией Матери (вспомним Собор Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе), — мы можем не сомневаться в том, что это Он умолил Царицу Небесную взять на Себя Верховную Царскую власть над народом, отвергшим своего Царя-Помазанника. И Владычица пришла в уготованный Ей всей русской историей «Дом Богородицы», в самый тяжкий момент жизни богоизбранного народа, в момент его величайшего духовного падения, и приняла на Себя преемство власти державы Российской, когда сама идея Православно-Самодержавной народной власти была попрана во имя самовластия сатаны. Потому и строг, и суров, и скорбен взгляд ЕЕ дивных очей, наполненных слезами гнева Божественной и материнской любви; потому и пропитана мученической русской кровью ЕЕ царская порфира и алмазные слезы русских невинных мучеников украшает ЕЕ корону.

Символ этой иконы ясен для духовных очей: через неисчислимые страдания, кровь и слезы, после **покаяния**, Русский народ будет прощен и Царская власть, СОХРАНЕННАЯ САМОЙ ЦАРИЦЕЙ НЕБЕСНОЙ, будет России несомненно возвращена. Иначе зачем же Пресвятой Богородице сохранять эту власть?

С радостным страхом и покаянным трепетом начал народ Русский молиться «Державной» иконе Божией Матери по всей России, а сама икона, в безчисленных копиях, стала украшать все русские храмы. Появился дивный акафист и канон этой иконе, слушая который вся церковь падала на колени.

Прошло несколько лет — и жесточайшие гонения обрушились на головы почитателей этой иконы, молившихся пред ее копиями по всей России. Были арестованы тысячи верующих, расстреляны составители службы и канона, а сами иконы — изъяты из всех церквей. Ныне служба с акафистом Державной иконе Божией Матери совершается в Сов. России только в катакомбной Церкви, так как официальная Советская Церковь, в угоду богоборческой власти, запрещает эти моления.

Где в настоящее время находится подлинник «Державной» иконы Божией Матери — неизвестно. Вскоре после появления иконы в селе Коломенском, Вознесенский женский монастырь в Москве, по записям в своих книгах установил, что икона эта прежде принадлежала ему и в 1812 г. перед нашествием Наполеона, в числе других икон, при эвакуации монастыря из Кремля, была передана на хранение в Вознесенскую церковь села Коломенского, а потом она возвращена не была, и о ней в монастыре забыли. Повидимому, икона и была передана в этот женский Вознесенский монастырь. Позднее икона находилась некоторое время в Мариино-Марфинской обители в Замоскворечье, где настоятельницей была до своей мученической кончины Вел. Кн. Елизавета Феодоровна. Сведения, сообщенные одной монахиней «оттуда» («Прав. Русь» 1947 г. № 16), что Державная икона Божией Матери в середине 20-х г.г. находилась в церкви Алексия Человека Божия на Петроградской Стороне в г. Петрограде — не соответствуют действительности. В середине 20-х годов и я был прихожанином церкви Алексия Человека Божия, видел икону и неоднократно присутствовал на акафистах, совершаемых тогда прот. о. Михаилом Прудниковым и настоятелем храма прот. о. Павлом Виноградовым. По объяснению последнего — это была не подлинная икона, а лишь очень хорошая и точная с нее копия.

«Православная Жизнь». №7. Июль 1962 года. С. 12-15.

Августовская Чудесное явление Богоматери
русскому воинству.

«ВЕРНЫМ В БРАНЯХ ПОМОГАЮЩАЯ».
Явление Богоматери русскому отряду перед поражением германцев в Августовских лесах в 1914 г.

1/14 сентября 1914 г., Гатчинский и Царскосельский кирасирский лейб-гвардейский полк двигался к русско-германской границе на Северо-Западном фронте. Особенно тяжелые боевые действия развернулись на болотистой территории Восточной Польши между уездными городками Августов и Мариамполь, находящимися в 90 километрах друг от друга, вблизи границы с Германией. Гвардейская и казачья кавалерия Русской армии в этих боях несла многочисленные потери и была вконец измотана.

Незадолго до победы в Августовском сражении в Холмской Руси под городом Августов (ныне это территория Восточной Польши, Белостокское воеводство), за час до полуночи Божия Матерь явилась русским воинам кирасирского полка, и видение длилось 30-40 минут.

Воины бросились на колени и стали истово молится о спасении в предстоящем бою и во славу Богоматери. Видение продолжалось полчаса, а потом исчезло, превратившись снова в яркую звезду. На следующий день началось наступление русских армий и состоялось победоносное сражение при городе Августове, где русские войска одержали победу, а все воины, видевшие явление Богоматери, остались живы и даже не получили ни малейшего ранения. Полковник А.А. Егоров, командовавший тогда в чине поручика командой конных разведчиков 30-го Сибирского стрелкового полка, так описывает этот бой: «…Наш полк, не допустивший занятия Августова [немцами], почти лишенного защиты и наполненного лишь обозами и тыловыми учреждениями, предотвратил величайший удар врага, который мог изменить весь ход операции на этом участке фронта…».

Известие о чудесном явлении и воинской победе после него охватило всю Россию от казачьих станиц до столичных салонов и дворцовых покоев. Одни люди говорили, что божественного видения удостоились самые лучшие гвардейские кавалерийские части, другие утверждали, что это были казачьи сотни, третьи, что это были простые солдаты-обозники, отставшие от своего войска. Вот как сообщала об этом газета «Биржевые Ведомости» от 25 сентября 1914 года за № 14395 в заметке под заглавием "Чудо": «…После нашего отступления наш офицер, с целым полуэскадроном, видел видение. Они только что расположились на бивуаке. Было 11 часов вечера. Тогда прибегает рядовой с обалделым лицом и говорит: „Ваше благородие, идите“. Поручик Р. пошел и вдруг видит на небе Божию Матерь с Иисусом Христом на руках, а одной рукой указывает на Запад. Все нижние чины стоят на коленях и молятся. Он долго смотрел на видение. Потом это видение изменилось в большой крест и скрылось… После этого разыгралось большое сражение под Августовым, ознаменовавшееся большой победой». Одновременно в журнале "Вестник военного и морского духовенства" за № 21 было помещено полученное редакцией письмо священника Иоанна Стратоновича петербургского Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, следующего содержания: "1-го сентября сего года в 11 часов ночи обоз 2-го разряда Бригады Лейб-Гвардии Кирасир Его и Ея Императорских Величеств, находившийся близ города Мариамполя, внезапно был застигнут немцами: получено было донесение, что неприятель на автомобилях с пулеметами и пушками находится вблизи на шоссе. Не надеясь отразить врага своими силами, многие из воинов обратились с молением о помощи к Державной Заступнице, крепкой в бранех Помощнице. И что же? Матерь Божия услышала молитву их. Воины увидели на небе необыкновенно яркую звезду, из которой постепенно образовалось сияние из маленьких звезд, и чудный образ Богоматери с Предвечным Младенцем, причем Божия Матерь рукою указывала на Запад. Кирасиры пригласили из квартиры офицера господина поручика Зернец. С живым благоговением все воины взирали на чудное явление, продолжавшееся около 1/2 часа, и призывали на помощь Матерь Божию. Когда видение исчезло, на месте явления воссияла та же яркая звезда. После этого общей радости не было предела: неприятеля уже не оказалось, и обоз благополучно совершал дальнейшее следование".

Это сообщение было первым официальным сообщением об Августовском явлении. В это же время появились сведения о том, что одновременно под городом Августовом Богородица являлась и казачьим полкам.

В связи с этим в 1915 году была написана икона Августовской Божией Матери, где внизу была надпись: «Сия икона сооружена иждивением казачек хутора Клецко-Почтовского о здравии воинов». Ниже были написаны 52 имени казаков – свидетелей божественного явления.

Узнав из газет, журналов и устных рассказов об этом святом чуде, очень многие православные люди для молитв за сохранение жизни своих близких, ушедших на фронт, захотели иметь иконы с изображением заступницы воинов Русской армии Августовской Богоматери, как в народе стали называть образ Божией Матери, явившейся русским воинам. Об этом великом духовном событии было доложено императору Николаю II и по его указанию были отпечатаны большим тиражом армейские листовки с изображением явления Божией Матери и поясняющим текстом. Подпись на одной из листовок под образом Пресвятой Богородицы гласила: «Явление Богоматери русскому отряду перед поражением германцев в Августовских лесах».

Учитывая величие этого события и всенародный отклик на чудесное явление Богородицы в конце сентября 1914 года, Святейший Синод Русской православной церкви принял решение рассмотреть все факты и опросить всех очевидцев этого явления. С 14 сентября 1914 года по ноябрь 1916 года Святейший Синод специально рассматривал вопрос об этом чуде. Для этого расследования было заведено Дело Святейшего Правительствующего Синода "О расследовании чудесного события явления Божией Матери русским войскам под гор. Августовом".

Комиссия Синода рассмотрела доклады фронтовых военных священников, которые записали рассказы очевидцев данного события. В первую очередь был рассмотрен доклад благочинного 1-й гвардейской кавалерийской дивизии протоиерея Стефана Щербаковского, который лично опросил кавалеристов из обоза 2-го разряда лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка — кирасиров: Теха Ивана, Лакеева Ивана, Скрипеля Григория и Серегина Димитрия.

В результате 31 марта 1916 года после тщательного изучения сведений, представленных военными священниками с северо-западного фронта, Синод принял следующее решение: «Святейший Синод, воздав хвалу и благодарение Господу Богу, дивно промышляющему по молитвам Пречистой Своей Матери о всех обращающихся к Нему с усердною и искреннею молитвою, признает необходимым запечатлеть помянутое событие явления Божией Матери в памяти последующих поколений русского народа и посему определяет: благословить чествование в храмах Божиих и домах верующих икон, изображающих означенное явление Божией Матери русским воинам...».

По всей православной Руси началось создание и распространение Августовских икон Пресвятой Богородицы. Они появились в каждом блиндаже и окопе Русской Армии, и в каждом православном доме россиянина. Для церквей, храмов и монастырей самые лучшие иконописцы создавали образы Августовской Божией Матери. Практически каждый воин носил с собой этот образ на солдатских иконках. В это время по всей России православные люди вырезали из газет и журналов рисунки и картинки, нарисованные художниками к этому событию, чтобы освятить их как икону с изображением "Знамения Августовския Пресвятые Богородицы", которая должна была оберечь их родных и близких, как уберегла она русских кирасиров в Августовских лесах.

Но вскоре революционные события надолго омрачили народную память об Августовских иконах. После революции они уничтожались с особой озлобленностью, как и списки «Державной» иконы Божией Матери и иконы явления Богородицы. Революционные годы, а потом годы Гражданской войны и Советской власти уничтожили большинство этих православных святынь. Новая власть особенно безжалостно уничтожала эти иконы с изображением воинов «империалистической армии», которые сражались и умирали за Веру, Царя и Отечество. Потомки тех донских казаков, что видели Божию Матерь в Августовском лесу, до сих пор хранят воспоминания о жестоких гонениях на тех, кто свидетельствовал об этом чуде. Тем не менее, многие Августовские иконы были сохранены православными людьми как на территории России, так и в эмиграции.

Сегодня одна из известных икон — «Явление Богоматери русскому отряду перед поражением германцев в Августовских лесах» — находится в нижней церкви храма Христа Спасителя в Москве. Другая икона — «Явление Божией Матери русскому воинству» — хранится в Государственном историческом музее.

Сост. Ред.

ВЕЛИКАЯ ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

СЛОВА О РОССИИ И НАРОДЕ РУССКОМ СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ-МУЧЕНИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ

– Нельзя вырвать любовь из сердца моего и Россию также, несмотря на грубую неблагодарность к Государю, которая разрывает сердце мое. Страшно за нее, как за моего ребенка и люблю как мою настоящую родину. Все ужасы теперь и все согрешения – болезнь, после которой Россия окрепнет.

– Господи смилуйся и спаси Россию.

– Господь Бог милостив. Он спасет дорогую, любимую родину нашу и до конца не прогневается.

– Бога забыли и оттого счастья и благополучия нет.

– О как я молюсь, чтобы Господь ниспослал бы духа разума, духа страха Божия. Все потеряли головы, все врозь. Царство зла губит и страдания невинных убивает.

– Очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо и непоколебимо верю, что Он все спасет, Он один это может. Надо перенести, перетерпеть, очиститься, переродиться.

– Верю народу русскому, что он силен и молод, но как воск мягок. Плохие руки схватили и тьма и анархия царствуют; но придет Царь славы и поддержит, умудрит, сокрушенный, обманутый народ.

– Очистимся, умолим себе и всем прощение грехов и да даст Господь нам пропеть на всю Святую Русь – «Христос Воскресе».

– Искупим все наши столетние грехи, омоем в крови все пятна, загрязнившие наши души… Горе бесконечное – все страдают, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния. Он охраняет от отчаяния, дает силу и уверенность в светлое будущее после жертвенного очищения себя.

(Составлено ген. Н. А. Степановым, по Ее письмам из Тобольска с 10 декабря 1917 года по 13 марта 1918 года.)

«Владимирский Вестник». 1955. № 53.

Архиепископ Аверкий (Таушев)
В ЧЕМ СПАСЕНИЕ РОССИИ?

«Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!..
всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице!..
предстоящих и молящихся Тебе умиленною
душею, и сокрушенным сердцем... и вся спаси,
Богородице Дево: Ты бо еси Божественный
ПОКРОВ РАБОМ ТВОИМ» .
(из тропаря Казанской Божией Матери).

Многие русские люди, а собенно те из них, которые сами пережили все кровавые ужасы, начавшиеся у нас с 1917 года, нередко задают себе вопрос: «Как все это могло случиться с нашей несчастной Родиной, и в чем — спасение России?»

И часто вопрос этот — вопрос первостепенной важности — решают совсем по-разному.

А между тем правильное решение этого вопроса может быть только о д н о .

И только тогда, когда в с е русские люди, в основной своей массе, п о й м у т это, п р и д е т д о л г о ж д а н н о е с п а с е н и е Р о с с и и , — не раньше.

Наше утверждение отнюдь не голословно, ибо оно основывается на всей почти тысячелетней истории нашей Родины, не напрасно и не без самого глубокого смысла и значения именовавшейся **«Святой Русью»** и **«Домом Пресвятыя Богородицы»**. А особенно красноречиво свидетельствует об истинности его великое событие, празднуемое нашей Российской Православной Церковью 22 октября, по нашему православному календарю.

Все ли русские люди, однако, в наше время знают и чтут этот столь радостный и вселяющий в нас надежды на лучшее будущее праздник в честь **Казанской Иконы Божией Матери**, установленный в благодарность

Заступнице усердной рода христианского за избавление Москвы и всего Отечества нашего от нашествия иноверцев-поляков и мрачных ужасов так называемого «Смутного Времени» в первой половине XVII-го столетия?

А ведь стыдно н а с т о я щ е м у русскому человеку не знать этого!

Необычайно-тяжкие времена переживала тогда Русская Земля. Наступило «между-царствие», безначалие, а с ним и полная разруха, расстройство всей государственной жизни. Москва находилась в руках поляков, стремившихся посадить на русский престол своего королевича, в северных областях хозяйничали шведы, по всей стране ходили, безнаказанно грабя и убивая, всевозможные разбойничьи шайки. Гибель России казалась бесповоротной и окончательной: спасения, по чисто-человеческим соображениям, ожидать было неоткуда.

И вот, в таком, повидимому, совершенно-безнадежном положении, лучшие русские люди все свое упование возложили на помощь Божию и на чудесное заступничество Пречистой Матери Божией, не раз уже в прошлом спасавшей Русскую Землю — **Дом Свой**.

И н е п о с р а м и л и с ь в с в о е м у п о в а н и и.

В ответ на грамоты с призывами встать на защиту Церкви и Отечества, рассылавшиеся стоятелем за Землю Русскую Святейшим Патриархом Гермогеном и иноками прославленной Троице-Сергиевой Лавры, начали образовываться народные ополчения. Одна из таких грамот попала в Нижний Новгород, где прочтенная с церковного амвона, вызвала особенное воодушевление Козьмы Минина-Сухорука.

«Встанем все, как один, за Святую Русь, за Дом Пресвятыя Богородицы», с таким пламенным призывом обратился он к своим согражданам: **«Заложим жен и детей, но освободим отечество»**. Воодушевившиеся этим его призывом образовали ополчение под начальством князя Д. М. Пожарского.

Глубоко-верующий, настоящий православный русский человек князь Д. М. Пожарский горячо молился перед чудотворной иконой Божией Матери Казанской, незадолго до того, в 1579 году чудесно явившейся во граде Казани, и взял ее (по другим сведениям, список с нее) с собою, дабы она сопровождала его ополчение. Множество всевозможных препятствтй, даже оттуда, откуда нельзя было ожидать их, встретило воинство кн. Пожарского. Все это возбудило в малодушных сердцах робость и упадок мужества. В таком горестном положении вся надежда могла быть только на помощь свыше, и вот — весь народ и войска стали с сердечным умилением и покаянными слезами воссылать горячие моления к Пречистой Матери Божией перед Ее

чудотворной иконой Казанской. После отслуженного перед образом торжественного всенародного молебного пения, все решили возложить на себя еще трехдневный строгий пост. И покаянные молитвы эти не остались тщетными.

В Московском кремле, в плену у поляков, томился праведной жизни святитель Арсений (Святейшего Патриарха Ермогена уже не было в живых: поляки его уморили голодом за его непоколебимость в стоянии за Веру и Отечество), Архиепископ Елассонский, прибывший в Россию с Востока. От тяготы плена и страданий он впал в болезнь и изнеможденный лежал на одре в своем заключении.

И вдруг в полночь темничная келлия его наполнилась необычайным светом, и среди этого света он видит пред собой преподобного Сергия, Игумена Радонежского, который говорит ему: «Арсений! ваши и наши молитвы услышаны: предстательством Богоматери суд об отечестве нашем преложен на милость: завтра Москва будет в руках осаждающих, и Россия спасена». Как бы в подтверждение истинности этого пророчества, к болящему старцу возвращается крепость его сил, и он получает исцеление от томившего его тяжкого недуга.

Радостная весть эта, переходя из уст в уста, распространилась с быстротой молнии, перешла за стены осажденного города и воспламенила сердца воинов князя Пожарского неустрашимым мужеством. Дерзая о Имени Богоматери, христолюбивое воинство сделало решительный приступ к Кремлю, и поляки, несмотря на отчаянное сопротивление, должны были сдать Кремль.

Это было 22-го октября 1612 года.

В первый же воскресный день русское воинство со всеми жителями столицы совершили торжественный крестный ход на Лобное место с чудотворной иконой Казанской Божией Матери. Навстречу этому крестному ходу вышел святитель Арсений, неся на своих руках сохраненную им в плену чудотворную икону Божией Матери Владимирскую. Падая на землю ниц и проливая слезы благодарности, каждый стремился освятить себя прикосновением к этой дивной святыне, столько раз в прошлом спасавшей Русскую Землю.

В память этого чудесного спасения России от бедствий Смутного Времени, новоизбранный царь Михаил Феодорович Романов, по благословению отца своего Патриарха Филарета, распорядился установить ежегодное торжественное празднование Казанской иконе Божией Матери, кроме дня ее обретения 8 июля, еще в день избавления Москвы от поляков — 22-го октября. Казанская икона Божией Матери сделалась семейной иконой в

царском роде Романовыхъ и царь Алексий Михаилович в 1649 году объявил день 22-го октября всероссийским праздником — «табельным днем», каковым он внесен и в свод наших отечественных законов.

Итак, по усердным покаянным молитвам русских людей, «предстательством Богоматери суд об отечестве нашем был преложен на милость», и именно тогда, когда, казалось, что никакой уже нет надежды на спасение.

Неужели это ничему нас не учит, и неужели современные русские люди могутъ оставаться бесчувственными к этому несомненному голосу истории?!

Всякому разумному верующему русскому человеку должно быть совершенно ясно, что если первое Смутное Время продолжалось всего лишь 15 лет, а нынешнее второе, во много раз более страшное, Смутное Время продолжается уже свыше 50-ти лет, и до сих пор нет пока и не видно никакого просвета, то это только потому, что **нет прежней горячей веры в русских людях, нет настоящего искреннего покаянного чувства, нет подлинной действенной молитвы и должного упования на помощь свыше — на предстательство Заступницы усердной рода христианского, столько раз чудесно спасавшей русскую землю**.

Нет того, что надо, но зато есть очень много того, чего совсем не надо, что прогневляет Бога, отвращает от нас Заступницу нашу и отдаляет день спасения несчастной страждущей Родины нашей от тяжкой смуты и ига лютого безбожия.

Мрачная смута эта, посеянная и взрощенная злобными врагами Православия и России, перевернула вверх дном все здравые понятия у весьма многих русских людей, не исключая и тех, которые мнят себя духовными, политическими и общественными вождями. То, что прежде для каждого здравомыслящего православного русского человека казалось ясным и бесспорным, теперь как-то затуманилось в сознании и вызывает необъяснимые с точки зрения здравого смысла сомнения и кривотолкования, начиная с неподлежащих, казалось бы, никакому оспариванию догматических истин нашей св. православной веры и канонических установлений нашей св. Церкви.

«Все, будто бы не так, а так, как **мне** лично кажется, как Я нахожу правильным!»

Вот, где корень и главный источник зла, более всего мешающего спасению России: безмерно-разросшаяся, упорная, непреклонная, на Самого Бога и на Святую Церковь Христову вздымающаяся самость!

Никаких авторитетов! — «Я, — и моему нраву не перечь, а кто против меня, тот, по этому самому, уже не прав, и ему не должно бытъ места во вселенной!»

При такой настроенности где уж тут говорить о настоящей искренней молитве и, особенно, о покаянии, которое неразлучно с искренней молитвой?!

«В чем мне каяться, если я — во всем только прав, а другие все — во всем виноваты?!»

Увы! такая духовно-нездоровая настроенность, в большей или меньшей степени, свойственна едва ли не большинству современных русских людей всех ориентаций и всех направлений.

Смиренное сознание своей греховности, своего непотребства, своего недостоинства отсутствует, а ведь благодать Божия подается только смиренным (1 Петр. 5, 5).

При таком настроении напрасно надеяться на помощь Божию в великом дклк спасения России. Да к тому же, если бы так настроенные каким-нибудь путем все же добились бы освобождения несчастной нашей России от теперешних ее безбожных властителей, они бы, при диктаторских своих замашках, установили бы в ней режим не менее горький и нестерпимый для всех инакомыслящих и только ввергли бы ее в новую бездну зол.

Ведь сатанинское зло весьма многообразно, и оно способно искусно обходить нас, как слева, так и справа, делая нас своей добычей!

За примерами этого в истории не далеко ходить, не говоря уже о современном положении в мире, когда многие так обманываются, принимая зло за добро, а добро почитая злом.

А между тем, критерий истины так должен быть для всех ясен, и его отлично знали и признавали наши благочестивые предки на Святой Руси, которые поэтому умели по-настоящему и молиться и каяться: **Все то, что согласно со Словом Божиим и с учением нашей святой Церкви есть добро, а все то, что с этим несогласно есть зло**.

Никакого «Я...» — «Я...», а только — Бог и святая Церковь!

Все эти нездоровые «самостные» настроения расцвели у нас «пышным цветом» под влиянием Богоотступнического Запада, и это-то именно и было главной причиной страшной катастрофы, постигшей Русскую Землю. Увы! эти настроения держатся у многих до сих пор, и они-то и мешают спасению и возрождению России, и пока мы их не изживем, бесполезно мечтать о спасении нашей Родины, какие бы самые прекрасные планы этого мы не

разрабатывали, какие бы самые совершенные политические программы ни составляли.

Разве не от этой «самостности» или «Я-чести», по меткому выражению святителя Феофана Вышенского, все, или почти все, наши губительные распри, взаимная вражда, неистовая партийность, разделения и расколы?! А всем этим широко и вдоволь пользуются темные антихристовы силы, ставившие себе давно задачей разрушить нашу Родину, как оплот Св. Православия, и похоронить ее навсегда, чтобы она никогда больше не восстала.

Самая монархия — историческая форма правления нашей Родины — может быть спасительна для нас только тогда, когда она — п р а в о с л а в н а я, а не просто «монархия», как думают, к несчастью, многие. Русский Царь должен быть не просто «Царь», а «Царь п р а в о с л а в н ы й», как и поется в нашем старом государственном гимне. Царь наш должен быть вполне сознательным православным христианином — искренним, верным и преданным сыном и с т и н н о й Православной Церкви. Ибо Царь ценен для нас, как **Помазанник Божий**, освященный на свое служение чрез великое таинство Миропомазания Святою Царковью — конечно, и с т и н н о ю Церковью, а не одной из тех лже-церквей, которые, как мы видим теперь, вступили в содружество и тесный союз с темными антихристовыми силами. Царь должен нам сам давать высокий пример подчинения себя спасительному Закону Христову. Иначе это будет не «Царь Православный», а обыкновенный д и к т а т о р, своевольно-деспотически пользующийся своей властью в своих собственных интересах и целях или еще хуже — пешка в руках антихристовых сил, пользующихся им для проведения в мире своих адских планов.

Главной задачей современного русского человека, искренне-желающего спасения нашей Родине-России, поэтому является: не о формах правления ожесточенно спорить, не какие-либо чисто-человеческие планы строить, не политические программы вырабатывать, а принять все меры к тому, чтобы, с Божией помощью, самым решительным образом **изжить все то, что мешает искреннему нелицемерному покаянию, и ни в какой мере никогда больше не возвращаться к тем настроениям, которые привели нашу Россию к гибели**. Неверие, безбожие, нравственная нечистоплотность и распущенность, нигилизм и космополитизм, небрежение и презрение ко всему своему исконному родному и святому — все это должно стать совершенно чуждым душе русского человека, если он действительно хочет видеть Родину воскресшей к новой жизни.

Другого пути спасения России нет да и быть не может!

Вот тогда, когда произойдет такая спасительная метаморфоза в душах и сердцах русских людей, смогут они искренно, из глубины души, в слезах покаяния, воззвать к Заступнице Усердной рода христианского: **«Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех, и скорбех, и в болезнех, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем, пред пречистым Твоим Образом со слезами»**... и подлинно «единым сердцем и едиными усты» молитвенно возопить, как вопияли они прежде:

«Матерь Божия! Спаси Землю Русскую!»

И услышит нас Она, ожидающая только искреннего покаяния и обращения нашего, и чудесно, как и встарь, спасет, помилует, восставит и возвратит нам Отечество наше.

«Притецем» же, **«людие»** русские, **«к тихому сему и доброму Пристанищу, скорой Помощнице, готовому и теплому спасению, Покрову Девы: ускорим на молитву, и потщимся на покаяние: источает бо нам неоскудныя милости Пречистая Богородица, предваряет на помощь, и избавляет от великих бед и зол, благонравныя и Богобоящияся рабы Своя»** (Кондак Казанской иконе Божией Матери).

Сие буди, буди!

Архиепископ Аверкий. Современность в свете слова Божия. Слова и речи. Том II. Jordanville 1975. С. 579-587.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА - БОЖЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ РОССИИ.

Из «Миссионерских писем» святителя Николая Сербского (Велимировича).

Письмо 25,

русскому ветерану, оплакивающему свою распятую родину.

Утешься, братик дорогой. Христос воскресе! И мы с тобой плачем, утешься. Все мы, православные, плачем над Святой Христовой Русью. На первом месте православные славяне. И не только славяне, все православные. Два года назад сербские паломники были на пасхальной литургии в Назарете. Служил священник-араб; после службы он произнес проповедь. Он говорил о Христовом воскресении и о страданиях русского народа. Плакали арабы, плакали сербы. В конце проповеди, вытирая слезы, священник воскликнул: “Но мы, арабы, твердо верим, что мы еще будем свидетелями нового воскресения Христова через Россию!”. И возникло чудесное зрелище: весь народ сквозь слезы воскликнул: “Аминь! Аминь! Аминь!”.

Утешься, братик дорогой. Христос воскресе! Не спрашивай, за что Господь испытывает Россию, ибо написано: *Господь, кого любит, того наказывает*[1]. И бьет. Именно так написано, что милостивый Бог бьет того, кого любит. Бьет в царстве земном, чтобы прославить в Царстве Небесном. Бьет, чтобы не прилепился к тленности земной, к мирским кумирам, к обманчивым идолам человеческой ловкости и богатства, к преходящим теням и нездоровым соблазнам.

Без великих гонений Православие не пронесло бы истину Христову через все пропасти и века и не преодолело бы столь долгий путь, исполненный препятствий, не сохранило бы чистоту истины и святость. Без страданий оно не сохранило бы своей чистоты и ста лет. За девятнадцать веков существования Православия не прошло ни одного столетия без его гонений, без бичевания, без рабства, огня, страха и ужаса. Другим религиям это

[1] Евр. 12, 6.— *Ред.*

непонятно. Еретики этого не принимают. Ни один народ, избравший идеалом счастья земное царство, не понимает и не принимает того, что сейчас происходит в православной России. Это понятно лишь прозорливым, созерцающим вечное и бессмертное Царство Христово как реальность. Но и прозорливость – дочь страданий.

Утешься, братик дорогой, утешься воскресением Христовым. Не ропщи на безбожников, терзающих русский народ. Раньше были монголы, теперь иные. Но и те, и другие идолопоклонники. Монголы поклонялись идолам из материи, теперешние палачи России поклоняются идолу материи. Они поклоняются материи, как божеству, промышленности, как божеству, идеологии, как божеству. Они называют себя безбожниками, правильно называют. И если бы назвались идолопоклонниками, опять правильно бы назвались. Но, когда ты говоришь о русской беде, не забывай, что угнетатели, а не угнетенные – сейчас самые несчастные существа на Русской земле. Жалей их, не осуждай. Ибо иссохнут, яко трава, один за другим стираясь из памяти, уходя от власти. Они поденщики Божии, хотя сами того не ведают. Они льют воду на Христову мельницу: понося Его, они на Него работают. Не дано им пока это видеть, но когда они исчезнут, как тени, тогда увидят и возрыдают горько, ибо ничего, кроме проклятия, им не останется. Получили они вознаграждение свое здесь, на земле, в виде преходящих власти и могущества. А ты не плачь, радуйся! НАСТАЛА В РОССИИ ВЕЛИКАЯ ЖАТВА ДУШ. В эти дни МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ РУССКИЙ НАРОД НАПОЛНЯЕТ РАЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОЙ ДРУГОЙ ХРИСТИАНСКИЙ НАРОД НА ЗЕМЛЕ.

Радуйся, Христос воскресе!

Письмо 69,
неправославному священнику, на вопрос: «За что Бог наказывает православную Россию?».

Уверены ли Вы, что нынешние страдания православного русского народа – наказание Божие? Я, ПРИЗНАЮСЬ, НЕ УВЕРЕН. Так и ошибиться недолго, если считать всякое страдание народа или личности наказанием Божиим. Три голгофских креста учат нас осторожности в оценке чьих-либо страданий. Разве Христос был распят в наказание? В длинной веренице мучеников мы видим и пророков, и апостолов, и многих светлых праведников и праведниц. Их страдания не были наказанием, а если и страдали они за грехи, то не за свои. Как и Тот Безгрешный, Который принял величайшую муку, воистину за грехи мучим был, но не за Свои, а за человеческие. Страдание Святой Руси за грехи

попущено, но за чьи? Об этом спросите. Вспомните, знаток Священного Писания, как Господь истолковал евреям гибель тех восемнадцати человек, на которых упала башня Силоамская[1]. Сказал Он, что не потому погибли они, что были грешнее всех галилеян, но для того, чтобы предостеречь грешников, больших себя: *если не покаетесь, все так же погибнете*[2].

Разве Россия грешнее всех других стран, что несет тяжелейшие страдания? Всему миру очевидны две вещи: ПЕРВОЕ, что русский народ горит в огне страданий, как когда-то три отрока в печи вавилонской; ВТОРОЕ, что материалистические и безбожные теории, которые разожгли в России этот огонь, возникли не в русском православном народе, а рождены народом нерусским и неправославным. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ – ТАЙНА ПРОМЫСЛА БОЖИЯ. В эту страшную тайну проникать глубоко нам не должно. Мы можем уподобить русское страдание страданию праведного Иова, которое помогло и помогает многим и многим. Мы можем увидеть в муках России знак Божий всем народам, чтобы береглись материализма и в теории, и в практике, в мыслях и в делах. Самые благородные умы прошлого столетия (XIX.– *Ред*.) доказывали безумие и гибельность таких теорий.

Но слова не убедили, потому и попущен ужас воплощения этих теорий, попущен на практике. Подобно тому как Силоамская башня рухнула на бедных галилеян, и современная башня всех лжеидей рухнула на великий русский народ. Чтобы род человеческий увидел это и отрезвился от пагубных и разрушительных теорий. Но кто бы решился сказать, что эта современная башня лжи рухнула на Россию потому, что она грешнее всех? Я, словно сейчас, слышу предостережение Христово нам: *если не покаетесь, все так же погибнете,* – о племена и народы! К этому предостережению Божию мы можем добавить уроки мировой истории. Ни одна революция не завершилась тем, с чего началась. Этому учит нас прошлое. Часто то, что революция низвергает и разрушает, впоследствии торжествует как истина. Это произошло и с верой Христовой, гонимой, но неизгнанной, поругаемой, но непоруганной, избиваемой, но неубитой. И очевидно, что и славянская, и мировая миссия России не в том, что происходит там сейчас, но в том, что грядет после революции.

Во всяком случае сегодняшние крестные муки русского народа принесут миру непреходящую пользу. А сам русский народ выйдет из огня страданий более сильным, святым и славным, чем был прежде. Даже обычный кузнец бросает в огонь железо не для того, чтобы наказать его, но чтобы сделать его

[1] См.: Лк. 13, 4.— *Ред.*
[2] Лк. 13, 3.— *Ред.*

чище. Мы считаем и верим, что Творец попустил великому русскому народу огонь страданий не для того, чтобы наказать и истребить его, но чтобы этим СТРАШНЫМ ПРИМЕРОМ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ И ВРАЗУМИТЬ ДРУГИЕ НАРОДЫ, А САМ РУССКИЙ НАРОД ВОВЕКИ ПРОСЛАВИТЬ ПРЕД ЗЕМЛЕЙ И НЕБОМ.

Мир Вам и здравия от Господа.

Письмо 259,
православному словенцу, о святой Русской Церкви.

Мне очень дорога Ваша вера в то, что гонения на Церковь Божию в братской России скоро прекратятся. Меня очень радует то, что Вы верите в победу истины и добра. Когда Вам сказали, что христианство может погибнуть навеки, как некогда вера древнего Египта, Вы мужественно и мудро ответили: “Когда погибает ложь, она погибает навеки, а если погибает истина, она воскресает”.

Это правда. ИСТИНА ЖИВА И В МОГИЛЕ, СВОБОДНА И В УЗАХ, В ТЕМНИЦЕ СВЕТЛА, В ГРЯЗИ ЧИСТА. То, что творят сейчас гонители веры на Святой Руси, враги Христа делали и раньше. Они погибли навеки, а истина воскресает снова и снова. Все, что происходит сейчас в России, не ново для Церкви Божией, все старо, как прах египетских пирамид, и все ничтожно, как гнев Нерона. Римский кесарь Максимилиан гнал христиан так же, как гонят сегодня московские безбожники русских православных. Максимилиан издал против христиан такие постановления: учить детей в школах в антихристианском духе, поносить Христа и христианство; распространять ложь против Христа всеми способами (например, книга под названием “Деяния Пилата”, полная вымысла и хулы на Христа и христиан, распространялась среди молодежи бесплатно); распутным женщинам клеветать на христиан и актерам глумиться над верой; мучить христиан голодом, все продукты на рынках окроплять идоложертвенной кровью. А что делают в России нынешние безбожники? Все это происходит в России, кроме окропления пищи идоложертвенной кровью, потому что московские богоборцы не имеют идолов, кроме самих себя, но они истязают голодом всех, кто думает иначе, чем они. Как будто окаянный Максимилиан оставил завещание им! Но где сейчас слава римского кесаря? А христианство распространилось по всему миру. Где римская империя? А Царство Христово ширится по всей земле.

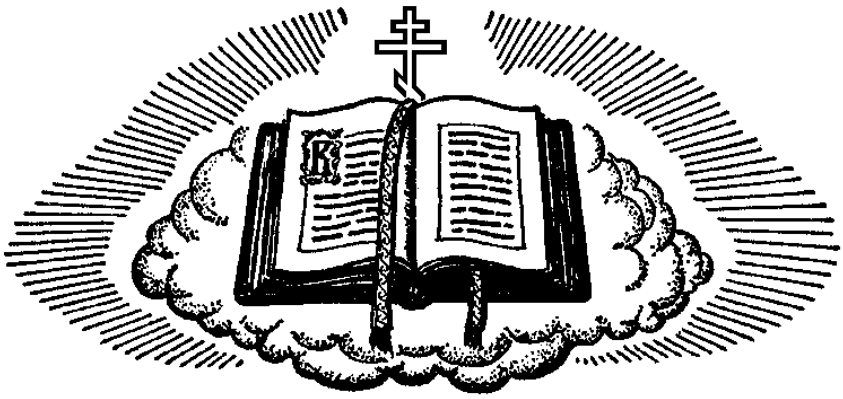
Радуйтесь с Господом победам Его!

Письмо 273,
монаху Савве, о мученичестве.

Ты бы хотел оказаться в России, чтобы гонители Православия и тебя подвергли мучениям и убили. Это желание не покидает тебя ни днем, ни ночью. Успокойся и предайся Божией воле. Господу ведомо твое желание, и Он будет заботиться об исполнении его. Если Он не пошлет тебе такого мученичества, какого ты желаешь, пошлет иное. И УЖЕ ПОСЛАЛ, ИБО ТЫ УЖЕ ПРИНИМАЕШЬ МУЧЕНИЧЕСТВО СОСТРАДАНИЯ СВЯТЫМ РУССКИМ МУЧЕНИКАМ. Готовь сердце свое и к другим испытаниям, чтобы ты мог сказать, как псалмопевец: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое*.[1]

Епископ Ангарий, названный апостолом севера, с раннего возраста желал пострадать за Христа, и было ему дано чудесное знамение, что он станет мучеником. Шло время, апостол севера трудился, распространяя и защищая христианство на севере Европы, но обещанного мученичества все не было. Наконец епископ тяжело заболел, и болезнь заставила его слечь в постель. Лежа на одре болезни, он горько пожаловался своему диакону, что не исполнилось Божие обетование о мученичестве. Мудро ответил ему диакон, что вся его жизнь была мученичеством и к мученичеству будет причислена и тяжелая болезнь, ибо не только претерпевшие насильственную смерть считаются мучениками, но все, кто верно страдал за Христа и Его истину на протяжении жизни.

Мир тебе и радость от Господа.



[1] Пс. 56, 8.— Ред.

МОЛИТВА О РУССКОМ НАРОДЕ.

Творение святителя Николая Сербского.

Всемудрый Боже, чьи суды неиспытуемы и пути неисследимы, милостию внемли и услыши молитву нашу за Твой русский православный народ!

Ты допустил, чтобы самый верный Твой слуга подвергся тяжелым мучениям, как допустил мучения для первых апостолов Твоих, пророков и праведников. Весь обнажен и изранен, брошен слуга Твой на гноище, как некогда праведный Иов, на посмешище сатаны и поругание соседей. Мучения лютые, а человек слаб: Господи, помоги! Воздвигни слугу Твоего и уврачуй раны его.

Знаем, Господи Боже наш, что Ты по всемудрому промыслу Своему допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы, как золото, на огне и через огонь страданий очистились от земли и еще больше засияли. Но не допусти, Боже милости и любви, чтобы сатана долго насмехался, и лицемеры долго издевались над Твоим крестоносным народом русским.

Знаем, что Ты допускаешь несчастие на самые светлые души для их большей славы и на страх и трепет неправедным и подлым.

Знаем, что и Твое славное Воскресение, Христе, совершилось после поруганий, крестных мук и смерти. Потому мы в свете Твоего страдания воспринимаем мрак русского страдания и ожидаем воскресную его славу. Как для расслабленного при Вифезде не нашлось человека, который помог бы ему, пока Ты не пришел, так и сегодня для великого русского народа нет человека в мире, который мог бы помочь ему без Тебя, Боже наш и Спаситель наш.

Не отложи, Господи благий, Твою помощь, Ты скоропоспешный на помощь. Не отложи и не откажи, но как милостивый самарянин, обратись к народу русскому, подвергнувшемуся нападению от разбойников, всему избитому, и подай ему руку, и исцели ему раны, и возврати ему здравие, сияние славы, чтобы самый верный слуга Твой прославлял Тебя в будущем еще больше, чем славил Тебя в прошлом – Тебя, Спасителя своего, со Отцем и Духом Святым во веки веков.

АМИНЬ.

«Православная Жизнь», № 7 (1999), С. 25.

ПАМЯТИ
ЦАРЯ-МУЧЕНИКА
НИКОЛАЯ II.

ВЕЛИКОМУЧЕНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ РУССКОГО ЦАРЯ.

Слово Архиеп. Анастасия (Грибановского) произнесено в седьмую годовщину мученической кончины Государя Императора Николая II и всей Царской Семьи (4/17 июля 1925 г.), после заупокойной литургии на Голгофе в храме Воскресения Христова во Святом Граде Иерусалиме.

Исполнилось семь лет со дня кончины наших царственных мучеников, и мы приносим на этом всемирном алтаре безкровную жертву в память их.

Молитва любви — наш постоянный долг пред ними и их великими страданиями, завершившимися жестокой казнью всей Царственной Семьи в нынешнюю кровавую ночь в Екатеринбурге.

Не прекратилась еще великая брань добра и зла, потребовавшая от России столь тяжкой жертвы, и имя почившаго Государя продолжает доныне стоять пред нами как «знамение пререкаемо».

В то время как одни при самом воспоминании об этом имени проливают слезы скорби и сострадания, другие приходят в неистовство и с яростью бросают в него отравленныя стрелы.

Не потому ли эти последние так негодуют против замученнаго Царя, что, пролив его кровь, они ничем не могут оправдать совершеннаго ими преступления?

Все ухищрения убийц Государя оказались безсильны помрачить нравственный образ его — тот образ, который служит мерилом истиннаго достоинства человека — будет ли последний сидеть на престоле или влачить свое печальное существование среди униженных земли.

Известно, что люди, подобно драгоценным металлам, познаются в горниле огненных испытаний. Почивший Император прошел сквозь оба главных вида искушений, каким подвергается человек на земле: искушение высотою, славою, счастием и искушение унижением, лишениями, телесным и душевным страданием. Трудно сказать, какой из этих двух искусительных путей опаснее для нас. Не легко перенести человеку сознание своего превосходства пред другими людьми и устоять пред опьяняющим действием

величия, славы, богатства, которые почти всегда приходят к нему в сопровождении своего всеразвращающаго спутника в виде соблазна гордыни. Не менее требуется от нас нравственных усилий и для того, чтобы сохранить спокойное величие духа в постигающих нас тяжких скорбях и бедствиях; когда сердце человека невольно озлобляется против всего мира или впадает в уныние.

Положение венценосца и притом самодержавнаго таит в себе тем более духовных опасностей, что в его руках сосредоточена полнота власти, могущества и связанных с ними прочих земных благ, прельщающих большинство людей.

Для властелина миллионов людей почти не существует слово «невозможно», его веления обладают творческой силой. Не напрасно льстецы готовы приписывать этим славным и сильным земли почти божеския свойства.

Искушения царской власти так велики, что в древней Византии существовал мудрый обычай: среди шума и блеска коронационных торжеств, когда восторженный народ рукоплескал, как некоему полубогу, своему венчанному повелителю, — подносить последнему куски мрамора, чтобы он заранее выбрал из них материал для своей гробницы, или давать ему в руку мешок с золой, дабы напомнить ему, что и он станет некогда землею и пеплом, как и каждый из смертных.

Престол Русского Царя в то время, когда его унаследовал Император Николай И, стоял так высоко, что виден был всему миру; однако блеск его не ослепил ни на минуту почившаго Государя. Последний не упивался вином власти и не увлекался своим преходящим величием; напротив, он скорее тяготился последним и не мог преодолеть в себе врожденнаго чувства скромности, часто мешавшего ему проявлять свою власть в такой степени, как это требовалось иногда по обстоятельствам времени. Напитанный с детства умиротворяющим духом православия Царь-мученик всегда был кроток и смирен сердцем, трости надломленной он не сокрушал, льна курящаго не угашал. Мир и любовь составляли главную стихию его духа: призывом к миру всего мира начал он свое безмятежное, казалось, и благословенное царствование и когда он впервые увидел себя вынужденным обнажить мечь для защиты России сначала от внешних, а потом от внутренних врагов, его сердце невольно сжалось от боли.

Неискушенный еще опытом Государь постоянно скорбел от того, что великодушные намерения его разбивались о неодолимые противоречия жизни. Власть открывалась пред ним не столько как радостная возможность поощрять добро, сколько как суровая необходимость бороться со злом (Рим. 13, 1 - 4) и

он, страдая внутри, с терпеливою покорностью нес бремя ее, как долг наложенный на него свыше.

Минуты отдыха Государь проводил в кругу любящей семьи, жившей скромным древне-русским укладом среди окружавшего ее внешнего блеска.

Высокое жертвенное настроение, загоревшееся в сердце русскаго народа в начале мировой войны, снова окрылило Государя. Воспламененный тем же священным огнем, он слился духом со своими подданными и, сделавшись выразителем общенародных чувств, стал истинным Вождем Отечества.

Это были, несомненно, одни из самых счастливых дней его царствования, когда пред ним отверзлись заветы родной истории и он ощутил в сердце таинственный голос, зовущий его к осуществлению высокого призвания русскаго народа. С терпением превозмогая все невзгоды войны, он бодро шел навстречу этому грядущему светлому дню торжествующей правды и мира. Но увы! исполнение времен приблизилось к нам лишь для того, чтобы показать, как мало мы были подготовлены к приятию ожидавшаго нас жребия.

Народ не претерпел до конца великого испытания и потому не венчался венцом победы. Увлеченный духом обольщения и соблазна, он сошел с тесного пути подвига, на который был поставлен рукою Промысла, и устремился на широкие пути своеволия и беззакония. В каком-то опьянении безумия он беспощадно стал разрушать все разумные основы общежития и тогда взят был из его среды Удерживающий, т. е. Царь, как источник власти и главный оплот порядка в государстве.

Подобно Иову, в день которого Государю по воле Божией суждено было увидеть свет, последний в одно мгновение лишился и славы, и богатства, и царства, и друзей.

Лишь немногие из близких к нему лиц захотели пить с ним чашу страданий и остались верны ему до конца; другие хотя и сочувствовали бедственному состоянию его, но не решались заявить об этом открыто, чтобы не быть отлученными от сонмища; большинство же его прежних, часто — облагодетельствованных им, друзей совсем отреклись от него страха ради иудейского и вместо утешения посылали своему недавнему покровителю упреки в том, что он сам заслужил свою участь.

Господь оставил страстотерпцу-Государю только одно утешение сравнительно с Иовом — это любящую и самоотверженно преданную ему семью, но, увы! она должна была делить с ним одни унижения и скорби и потому иногда служила для него невольным источником новых страданий.

Тягчайшим из всех бедствий, какия внезапно упали на главу Повелителя всей России, было несомненно лишение личной свободы — этого

драгоценнейшего блага, которым обладали миллионы его подданных и которого Бог не захотел отнять у самого великого ветхозаветного страдальца — патриарха Иова.

Заключенный под стражу, Государь должен был испытывать всю горечь неволи и всю жестокость человеческой неблагодарности. Люди, еще недавно трепетавшие от одного взгляда его и ловившие улыбку его, как живительный луч солнца, теперь подвергали его самым грубым оскорблениям, глумились не только над ним самим и Императрицей, но и над их юными, благоухающими нежной чистотой детьми, душа которых особенно должна была страдать от первого соприкосновения со злом и неправдой жизни.

Каждый день, каждый час эти жестокие истязатели изобретали новые нравственныя пытки для беззащитной царской семьи, и, однако, ни одного слова ропота на свой жребий не вышло из уст царственных страдальцев. Они подражали Тому, о Ком сказано: будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал (1 Петр. 11, 23). Только Богу они возвещали печаль свою и пред Ним одним изливали свое сердце.

Чувство оставленности, угнетавшее душу их, не охладило любви их к России; забывая собственные испытания, царственные узники продолжали до конца жить и страдать нераздельно со своим народом.

Уже самый акт отречения от престола является со стороны Государя выражением высокого самопожертвования ради горячо любимого им Отечества.

В то время, как иностранные венценосцы, прошедшие (в Англии и Франции) по воле Промысла тем же крестным путем, не захотели расстаться со своим троном без кровопролитной борьбы, наш почивший Император был далек от мысли защищать свою власть только ради желания властвовать.

«Уверены ли Вы, что это послужит ко благу России?» спросил он тех, кто якобы от имени народа предъявил ему требование об отречении от своих наследственных прав, и, получив утвердительный ответ, тотчас же сложил с себя бремя царского правления, боясь, что на него может пасть хоть одна капля русской крови в случае возникновения междоусобной войны.

Этим мудрым отныне историческим вопросом Государь навсегда снял с себя ответственность за предпринимаемое им решение и она пала на главу тех, кто первый поднял на него святотатственную руку.

По мере приближения к своему исходу вся семья доблестных страдальцев с истинным царственным величием все выше и выше поднимается над землей и достигает, как об этом свидетельствуют последние письма их,

исповеднической крепости веры и мученического незлобия и всепрощения к врагам своим.

Смерть застала всех их вполне созревшими для вечности; однако, самая обстановка неожиданной казни их должна была причинить им новые тяжкие хотя уже последние страдания.

Для юных царских детей, увядавших в самом расцвете жизии, образ насильственной смерти ужасен был особенно потому, что они впервые встречались с ним лицом к лицу, и один вид бессердечных палачей должен был привести в содрогание нежную душу их. Сердце же родителей их раздиралось на части от одной мысли, что ради них влекутся на заклание ни в чем неповинные дети, и они, эти несчастные царственные родители, подобно мученице Софии, прошли сквозь горнило смерти несколько раз, умирая одновременно с каждым из своих чад.

История в свое время расскажет сокровенные еще для нас подробности этой страшной ночи, и слезы тихого умиления неоднократно прольются над подвигом новых великих страстотерпцев, которых Господь разжег, яко сребро, искусил седмерицею, чтобы обрести их достойными Себе (Прем. Сол. 3, 5 - 7) и увенчать более славными диадемами, чем венцы царские.

Весь мир содрогнулся от ужаса при виде екатеринбургского злодеяния.

Только сами виновники его дышали еще чувством неутолимой злобы и продолжали даже после казни преследовать свои жертвы, сплетая вокруг имени их терния язвительной клеветы.

К счастью, время — этот нелицеприятный судия человеческих дел — каждый день разоблачает последнюю, являя образ почившего Государя и Государыни в его истинном свете.

Теперь уже никто не дерзает сказать, что они даже в мыслях способны были изменить Росссии или что святыня семейного очага их была омрачена хотя бы малейшею мимопроходящей тенью.

Никто не решится ныне вменять в вину одному Императору Николаю II и все те бедствия и ужасы, в какие ввержена ныне наша многострадальная Родина, ибо в этом повинны весь русский народ и каждый из нас в отдельности.

Этот поистине страдалец-Государь не может быть ответственным за то, что ему указан был жребий управлять столь обширным государством на переломе вековой истории его, когда никаких естественных человеческих сил не было достаточно для противодействия надвигающейся злой разрушительной стихии, накопленной грехами целого ряда поколений и неудержимой, как лава извергающегося вулкана.

Свыше была определена и та мера духовных дарований, какою он обладал при прохождении высокого пред Богом и людьми служения своего.

Никто из людей не обязан родиться гениальным, но каждый должен трудиться и умножать в меру сил своих полученные им от Бога таланты. Кто может упрекнуть в Бозе почившего Царя в том, что он не исполнил этой евангельской заповеди? Кто не знает, что он был неутомимым работником на троне, всегда ревновавшим о преуспеянии державы своей, охранявшим достоинство и безопасность ее в течении 23-х лет своего царствования, пока он не положил, наконец, за нее свою душу.

Если же Государь, стрем ясь всегда к высоким целям, не находил иногда соответствующих средств для осуществления их, если он думал нередко о своих приближенных лучше, чем они заслуживали, и испытывал по временам чувство смущения и нерешительности пред лицом надвигающейся опасности, то это доказывает только то, что он был человек и потому ничто человеческое не было чуждо ему.

Кто имеет право судить его за те или другие человеческия немощи, за вольные и невольные грехи его, кроме Того, Кто вручил ему царство и послал ему столь великие очистительные испытания, что они способны перевесить песок морей? (Иов. 6, 3).

Великомученический подвиг Русского Царя Николая II почти не имеет равного себе в истории последних веков, и только здесь, на этой трепетной и таинственной Голгофе мы уразумеваем сокровенный смысл креста, возложенного на него и вместе с ним на всю семью его свыше. Голгофа это — всемирный жертвенник и вместе всемирное судилище.

С тех пор как здесь соединились вместе божественная любовь и правда, чтобы раздрать рукописание грехов человечества, с вершины Голгофы открываются для нас судьбы Божественного Провидения, взвешивающего жребий отдельных людей и целых народов.

Отсюда всякая мученическая кровь вопиет на небо и низводит гнев Божий на одних и благодать на других. Отсюда износится суд и помилование языкам.

Исполненные скорбного недоумения, некогда стояли здесь Пречистая Матерь Божия с женами мироносицами и св. Иоанном Богословом, взирая на распят**о**го ка кресте Царя славы.

С пронзенным печалью сердцем взираем и мы с высоты этого священного места на распятую, поруганную и окровавленную Россию и как бы от лица всего русского народа вопрошаем Того, в руце Которого власть всея земли:

Господи! если для очищения всего народа нужна была жертва первого из сынов его и самого Вождя Русской земли, то она уже принесена ныне. Если

для заглаждения наших общих грехов должна была пролиться невинная кровь, то она еще дымится пред Тобою из ран закланных, юных и чистых, как непорочные агнцы, царских детей и иных подобных им страстотерпцев, их же имена Ты веси.

Приносим Тебе в искупление и воздыхания и вопли всех русских людей, томящихся ныне в смертных муках, и эти умиленные русския слезы, которые в течение веков лились на Голгофе.

Уповаем на милосердие Твое и взываем к вечной правде Твоей, сочетавшейся в неизреченной тайне креста, подъятого Божественным Сыном Твоим.

„Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во веки!” Аминь.

«Церковные Ведомости». №21-22, 1/14-15/28 ноября 1925 г. С. 8-10 (Приложения к офиц. части).

Одна из последних снимок Царской Семьи Романовых.

Князь Петр Сергеевич Лопухин

О ПРАВОСЛАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Посвящается памяти Царя-Мученика.

«*Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя Единого Истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа*» (Ин. 17. 3).

«*Они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла*» (Ин. 17. 5).

«*Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир*» (Ин. 17. 18).

«*Как Ты Отче во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино*» (Ин. 17. 21).

«*Я в них и Ты во Мне*» (Ин. 17. 23).

Апостол Иоанн уже не говорит о Тайной Вечери, о Евхаристии, о приобщении людей Христу Богу. Об этом уже сказали Евангелисты, писавшие до него, он говорит о Церкви – о бытии приобщенных Богу людей.

Церковь – не от мира. Церковь – иное бытие в этом мире.

«Я в них».

Церковь – Христос на земле.

Поэтому отношение Церкви к миру и ко всему, что от мира, такое же как отношение Господа Иисуса Христа к нему.

Через воплощение Господь соединился с миром неслиянно и нераздельно. Не стал только человеком, не слился с миром и не отделился от него, не остался только Богом.

Так Церковь, Тело Христово, в отношении к миру, отнюдь и никогда не может слиться с миром и никогда отделиться от него. Всякое нарушение этой истины – обмирщение Церкви или наоборот отделение от него – есть всегда

искажение, болезненное нарушение правды, того что подлинно есть, что подлинно должно быть.

Церковь есть бытие в единстве с Богом.

Когда мы говорим это, мы всегда должны помнить о Св. Троице.

«Пресвятая Троица, Боже наш, слава Тебе».

В Ней единство множественности. Преодоление разделенности.

В Ней единство, неслиянность и нераздельность.

В Ней таинственное начало и закон жизни.

«Живоначальная Троица слава Тебе». Призыв к приобщению Богу есть призыв к приобщению Троичной жизни к единству множественности. Если у человека не троичное, а монархическое понимание Бога, то отношение к Богу должно пониматься им только как подчинение Богу. Вопрос об отношении к людям, о единстве с ними не ставится, разве только в порядке чисто моральном, чтобы угодить Богу, если это почему-либо Богу угодно.

В понимании цели жизни в приобщении Богу Св. Троице, приобщении троичной жизни – отношение к людям входить в самое существо Троичной Жизни. Человек с людьми должен жить троично – неслиянно и нераздельно – и нарушение этого начала жизни всегда вызывает боль и духовную тоску...

Не жизнь, а болезнь и смерть.

Эти основные начала Православия надо помнить и посильно понимать, когда обсуждается вопрос об отношении Церкви к миру, к явлениям мирской жизни и в частности к государству.

Все эти явления Церковь, Православие, должно оценивать с точки зрения основной цели жизни человека – приобщения к Святой Троице и троичной жизни: противодействует ли данное явление этой цели или нет.

Для вожделенного единства с Богом «и так всегда с Господом будем» (Сол. 4, 17), в вечной жизни, нужно быть причастными еще здесь на земле Церкви, Телу Христову, к созданной Господом Иисусом Христом в Самом Себе новой Богочеловеческой жизни, которой приобщились Св. Апостолы, которая и будет всегда и «врата адовы не одолеют Ея» (Мф. 16. 18).

Приобщенность этой жизни требует от человека усилия: «Царство Небесное силою берется и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 9, 12).

Христианин – человек волевой, динамичный, он просит, стучит, ищет. Он гребет против течения. Преп. Серафим в своих беседах дает характерные черты христианина и его внутренней деятельности для стяжания Благодати Духа Святого. У него должно быть живое искание прикосновения и приобщения Благодатному миру. Он должен быть духовно сообразительным. Делать то, что духовно полезно, – «торговать теми товарами (делами), какие

приносят прибыль»: христианству нужен человек свободный и волевой, нужна личность. Человек не должен обезличиваться и растворяться в обществе. С обществом он должен жить нераздельно, но неслиянно.

Общественная жизнь должна быть так создана, чтобы не только не мешать, но даже содействовать спасению человека. Надо создавать условия и обстановку, соответствующую задаче человека жить Церковно.

Все вопросы жизни – воспитания, семьи, школьных общежитий, организаций молодежи, все должно быть продумано с этой точки зрения и для этого надо уметь продумывать все вопросы жизни с православной точки зрения. Блаженнейший Митрополит Антоний видел в этом направлении перед православным сознанием огромную работу. Надо все продумать и проверить. Владыка Митрополит говорил, что, например, и воинский устав надо проверить и продумать с указанной точки зрения.

Это работа большая и для проведения ее нужно овладеть методом исследования и данные строки есть попытка определить этот метод и наметить основные вехи православной мысли по некоторым вопросам, в частности по вопросу об отношении Церкви и государства.

Государство есть организованная властью общественная жизнь.

Государство есть плод сознательного и целеустремленного творчества человека и государство можно устроить по разному и в нем создать ту или иную обстановку и настроение жизни.

Государство создается и направляется властью.

Власть, само явление власти, властно-подчиненных отношений между людьми, – богоуставлена и «несть власти, аще не от Бога» (Рим. 13, 1).

Власть есть сила объединяющая людей. Подчиняясь власти, также как и другие, человек выходит из состояния изолированного индивидуализма. Власть не дает людям разделяться, проводит начало их связанности, их нераздельности. В этом главное значение ее.

Власть может создавать объединение самого разнообразного вида и содержания. Может быть объединение чисто внешнее, грубое, грубыми средствами, но даже и в таком случае оно имеет значение и смысл.

Но с самого установления власти Господь дает ей проявляться в патриархате (или матриархате, это безразлично). С отцом есть некоторые внутренние отношения. Власть отца уже не только простая сила покоряющая: в ней есть уже капля внутренних нравственных отношений.

Как исторически развивается власть и властно-подчиненные отношения – это предмет исторических исследований или художественных догадок, нас интересует жизнь этой капли. Она живет в области неясной, инстинктивной,

может быть подсознательной. Можно сказать, что нравственные представления и императив этой нравственной среды были величиной колеблющейся. Однако по Библии видно, что в период судей, в Израиле, народе религиозно одаренном, народу был ясен религиозный и какой-то, иногда трудно понимаемый, нравственный смысл его жизни. Однако ко времени Самуила-Саула эти представления и влияния нравственного начала настолько падают, что народ хочет устройства жизни на иных началах – как у прочих народов, живущих без религиозно-нравственного осмысления жизни, и просит пророка Самуила: «поставь нам царя» (1 Цар. 8, 5).

Эта просьба глубоко огорчает Самуила, но Господь, утешая его, говорит: «не тебя они отвергли, но Меня отвергли от царствования над ними».

Ясно, что отвержение в том, что оставляется религиозно-нравственный смысл жизни и даже религиозно-одаренный, избранный народ хочет жить «как прочие народы». Некоторые хотят видеть отвержение именно в том, что хотят Царя, как будто ставится дилемма или Бог или Царь. На самом деле отвержение не в Царе, а в отвержении религиозной идеи Израиля. Это видно из того, что Самуил, по Божиему указанию, описывает народу как царствует Царь не знающий Бога, безграничный деспот, и когда народ все-таки хочет Царя (Ц. 8, 19) и государственной, а не религиозно общественной организации жизни; то Господь приказывает исполнить волю народа и поставить Царя. Значит дело не в нем.

Из этого ясно, что Господь благословляет государственность. Потом Сам Г. И. Христос скажет, что надо «воздавать кесарево кесарю» (Мф. 22, 21), т. е. жить государственно. Это не есть высший вид общественной жизни, но не только допустимый, но даже благословляемый, когда власть знает Закон Божий.

Власть есть проявление воли и сознания. Не может быть власть без сознания, без философии и мировоззрения.

Богом благословляется власть, знающая Закон Божий: об этом говорит Израилю Второзаконие (17, 14-20): «когда придешь в землю... и скажешь: поставлю я над собою Царя, подобно прочим народам, то поставь над собою Царя, которого изберет Господь из среды братий твоих... и когда он сядет на престоле царства своего, то должен написать себе в книгу список с этого закона... и пусть читает его во вся дни жизни своей... дабы долгое время пробыл он в Царстве своем, он и сыны его среди Израиля».

Таково условие благословения.

Это очень поучительно: Царь и царство не есть противопоставление Богу, но Царь и царство не есть явление само по себе священное, благословенное,

ибо благословляется оно в зависимости от отношения Царя и царства к Богу и Закону Божиему.

Царь и царство, не знающие их, явление не только не священное, но противохристианское, и св. Иосиф Волоцкий говорит: «Царь не знающий Закона Божия не Царь, но диавол».

Поклонение Царю, как таковому, безотносительно к его отношению к Закону Божиему, есть явление языческого мира и там оно имеет религиозное обоснование: власть есть атрибут божественный – Царь, носитель власти, божественной силы – божественен. Отсюда и титул Божественный. Недавно в «Церковной Жизни» напечатан перевод со старинного греческого произведения об отношении окружения царя Ирода к Иоанну Крестителю: по их мнению его надо отпустить или убить, если на самом деле он проповедует иного Царя Иудейского и тем «возстает против твоей божественности». Так они говорят Ироду. Если это и выдумка, то это яркий образ возможного тогда отношения к Царю.

Народ верил в божественность императора и относился к нему испуганно-восторженно. Говорят о чудесных исцелениях прикосновением Императора (кажется, главным образом накожных заболеваний).

В христианском понимании Царь, кроме того что он объединяет людей, как и другие властители, он еще и защитник нравственного Закона Истинного Бога.

Та капля нравственного содержания власти, ранее жившая в неясной инстинктивной области, со времени Самуила-Саула становится определенной, – написанной, – обязательной для Царя; силой Царь должен защищать доброе и преследовать злое. Он защитник **Закона Истинного Бога**.

Не надо думать, что защищать нравственно положительное могут только христиане. Ап. Павел говорит; что есть язычники, у которых «дело закона написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую», они идут ощупью, у них нет философии добра, у них нет «списка» Закона перед глазами, «но они по природе законное делают» (Рим. 2, 14-15). Если и язычники могут поступать так, то неправильно представлять, что только Православные Цари могут защищать нравственное начало, защищать «Правду Божию», понимая это как защиту нравственных ценностей. Нет. Это могут делать и неправославные Цари, и значит не только Православным Царям доступно такое служение и не только в этом их значение. Смысл, значение, служение Царя Православного, защитника Истинного Закона, не только в этом, что доступно и неправославным властителям, их значение и служение глубже.

Чтобы их понять, нужно предварительно остановиться на стремлении возвеличивания Царя. Тут мы увидим два вида возвеличивания: возвеличивание служения или возвеличивание царского положения, как такового, и этот последний вид граничит с обожествлением Царя. Можно думать, что в основе такой тенденции есть смутная жажда Боговоплощения: человек, при всяком понимании Бога, хочет, чтобы Бог был с ним, здесь, на земле. Когда Спаситель сказал ученикам, что Он уходит от них «печалью исполнилось сердце» их, и Господь утешает их и говорит, что приидет Дух Святый «Утешитель». Ученики только потом после сошествия Св. Духа, в живом ощущении Божественного мира, поймут, что Бог, Господь Иисус Христос, остался с ними во Святом Духе. Нужно принять Св. Духа, одухотвориться, чтобы это понять и почувствовать, но сперва они опечалены, они хотели бы, чтобы Он был здесь с ними всегда. Может быть по недостатку одухотворенности Католичество говорит, что Папа – Наместник Христов здесь на земле: Христос здесь, с людьми, в наместнике.

Тенденция обожествления живуча и в отношении христианских царей. Если уже нет признания родственности богам, как у язычников (говорят, мне не удалось это прочесть, что Юлий Цезарь доказывал свое право быть императором тем, что его тетка сродни Венере), то охотно принимается, по происхождению тоже языческая идея теократии. Сам Бог правит через Царя. Слово Царя есть слова Бога. Личность теократического Царя окружена таинственностью. Он вызывает в людях чувство восторга и страха, испуганного восторга и благоговения. Он творит волю Божию. И потому, кстати сказать, теократия совершенно логично связана с бюрократией: последняя – исполнительница воли Царя, т. е. воли Бога, и можно понять, что бюрократия особенно энергично и искренно проповедует теократию и опирается на эту веру, в защиту своей деятельности.

Есть тенденция понимать совершение таинства миропомазания над Монархом, как доказательство, что через помазанника осуществляется теократия. Известный идеолог монархизма, Л. Тихомиров, говорит, что подчинение миллионов людей одному человеку возможно при презумпции, что он является представителем Высшей Силы или что он — Божественный делегат. В монархе хотят видеть представителя Бога на земле. Примечательно, что это наблюдается даже у православных, которые должны веровать в Церковь, Тело Христово, в возможность приобщения Богу в Его Церкви. Но если Царь представитель Бога на земле, то уже не Церковь есть Христос на земле. Так восторженное возвеличение Царя и придание ему по сану и положению божественного ореола противоречит Православному

мировоззрению. Такая тенденция приводит к тому, что как однажды недавно в монархическом журнале говорилось, что «полнота Христианства» на земле не в Причастии Святых Таин Тела и Крови, а в православном монархе... Есть католики, говорящие, что целование руки Папы есть пополнение Причастия. Это тоже представление, что вот Сам Христос здесь с нами, не в Таинстве Причастия, а в Своем Наместнике. Один священнослужитель, русский, православный, говорил о том, какая милость Божия в том, что с нами, в Зарубежной Церкви, есть Архиереи рукоположенные при Царе потому, что только «санкция Царя дает полноту хиротонии». Эти еретические мысли говорят, как живуче указанное страстное стремление.

На самом деле, Миропомазание есть Таинство преподания Даров Св. Духа. Оно совершается над всеми христианами раз в жизни при крещении и мы видим поразительное явление силы этого Таинства в том, как дети воспринимают Слово Божие. Над Царем оно совершается при короновании. Но миропомазание не имеет отношения к теократии и само таинство никого не перерождает механически, но дает силы и одухотворяет, поскольку человек хочет и ищет одухотворения и приобщается «не в суд или осуждение».

Помазанник значит избранник. Помазанниками называли не только царей (напр. помазание Аарона). И отнюдь не только христианских царей. Значение царей и держателей власти в том, что они исполняют божественную миссию объединения людей. Быть царем и особенно Царем, знающим Закон Божественный, трудно. Царей надо почитать: «что не бережете помазанника Божия?»; «Неужели не умрет за то, что злословил Помазанника?» (2 Ц. 19, 21).

Но слово Божие называет помазанниками не только христианских или израильских Царей. У пророка Исаии читаем: «Так говорит Господь Помазаннику Своему Киру: Я держу его за правую руку, чтобы низвергнуть народы пред ним. Ради Израиля я называю тебя по имени. Величаю, хотя ты Меня не знаешь» (Ис. 45). Иногда Господь таких держателей власти «препоясывает» для наказания людей «ради правды». Есть страстные толкователи, которые и эти слова приводят в доказательство, что Царская власть сама по себе Божественна и всегда теократична.

Есть много видов монархической власти, иногда даже во многом противоречивых друг другу, например Православного Царя и Англиканского короля, и очень интересно продумать нравственную сторону монархов разного вида и характера, их самочувствие как держателей власти и понимание ими своего призвания и положения, а также нравственное состояние подвластных тому или иному виду монархии людей. Это дает основание для оценки этих видов.

Разное понимание властвования воспитывает разные настроения и дарования властителя. Образно говоря, догнать дикого коня, накинуть ему аркан на шею и покорить его; обуздать дикие орды; поставить на колени бунтующую толпу; держать народ в страхе гнева; властвуя защищать нравственные ценности, вызывать восторг красотой, величием или нравственной высотой власти и т.д. Все эти задания требуют и развивают разные силы властителя.

Мы схематично вспоминали как зародилась власть, как в ней зарождается нравственная сила, как из полусознательной она приходит к сознательной, к руководству написанным законом.

Христианство, Новый Завет, говорит: «вложу законы мои в мысли их и напишу их на сердцах их» (Иер. 31.31-34; Евр. 8. 10).

Как понятно, что Христианство привело к Симфонии Царства и Священства, созвучию этих двух служений.

Православный Царь должен осуществлять свою власть будучи **в мыслях и сердце** созвучен «Закону Моему».

Но если и в сердце и в **мысли**, то знает, что Господь хочет приобщения людей Церкви, новой жизни и единства людей друг с другом в Боге.

Вот главная цель жизни, и все должно ей подчиняться.

Но поняв это символически – Православный Царь не может считать, что главная цель его властвования только держать людей в подчинении. Этого мало. Это только начало. От людей надо иметь не только покорность.

Мы видели, какую активность и инициативу хочет Пр. Серафим от людей, чтобы им приобщиться Церкви.

Православный симфонический Царь должен не только держать людей в подчинении, но он должен еще ставить своей целью добиваться того, чтобы они имели эту активность и умели жить в единстве друг с другом ради Бога.

Таким образом для того, чтобы Православный Царь исполнил свое призвание, достиг цели своего царствования, нужна не только его добрая воля, не только понимание им своего призвания, но еще нужна и православная общественная активность.

У Православного Царя с православной общественностью общая задача. Царь не может выполнить своего служения-призвания, если он не поставит своей задачей создать условия для возможности существования и деятельности Православной общественности, или если нет Православной общественности, если в ней нет понимания православной государственности.

Отсюда ясно, насколько более сложно и трудно властвование Православного Царя, по сравнению со всеми другими видами властвования и государственности.

Я не думаю, чтобы многие Цари, написавшие список закона Божьего и читавшие его и лично преданные ему и храбрые и благородные, много думали о Божественной Троице и о призвании людей приобщиться Троичной жизни, и чтобы они понимали, что из этого следует для них, для их властвования, для людей, для народа, для государственности.

По видимому, можно сказать, что все прекратившие свое существование монархи пали в борьбе не за веру, не за правду, а ради сохранения принципа своей власти и обязанности людей ей подчиняться. У них не было сознания служения истине, поэтому они сравнительно легко отказывались от самодержавия, от своей свободы в служении истине, и тем некоторые сохранили свое положение, но уже без нравственной ответственности самодержавно-свободного искреннего служителя истине. Все они, и павшие и отказавшиеся от свободы, имели сознание власти или аристократическое или теократическое, но все они в принципе были против общественной активности, против соборности служения Царя и народа. Можно сказать, что монархии пали потому, что не были православными, ибо православный царь должен быть за соборность и общественную активность. Это трудное и высокое служение.

В последние годы своей жизни Блаженнейший Митрополит Антоний все чаще говорил, что у русских, как и других православных народов нет ясной разработанной идеологии, о том, что у нас нет «православного патриотического катехизиса». Что у нас нет «православной общественности, которая умела бы все явления жизни разбирать и оценивать с православной точки зрения». Он говорил, что перед нами открытое поле для большой культурной работы. Владыка горевал, что, не имея такого катехизиса, не имея разработанного учения о православной государственности, и власть и общество руководилось идеями чуждыми Православной государственности. Говорил, что иногда православные Цари психологически мало отличались от протестантских. Православный Царь должен иметь Закон «в сердце и в мыслях». К этому идеалу можно приближаться больше или тем, или другим путем.

В России не было «православной философии права», не было учения о православной государственности. Во всех Университетах читались лекции о других философиях права, а о православной не читали. Это странный и большой прорыв в русской культуре, развивавшейся под разнородными и

часто неправославными влияниями. К концу 19-го века в России началось православное возрождение. Насколько в нем нуждалась Россия хорошо видно из того, что совершенно поразительные беседы Преподобного Серафима лет 60 пролежали без движения: не было читателя, не было понимания, потребности. Учения не было, и потому, естественно, что в деле усвоения Закона Божиего мыслью и сердцем он сперва усваивался сердцем, в духовной и сердечной жизни.

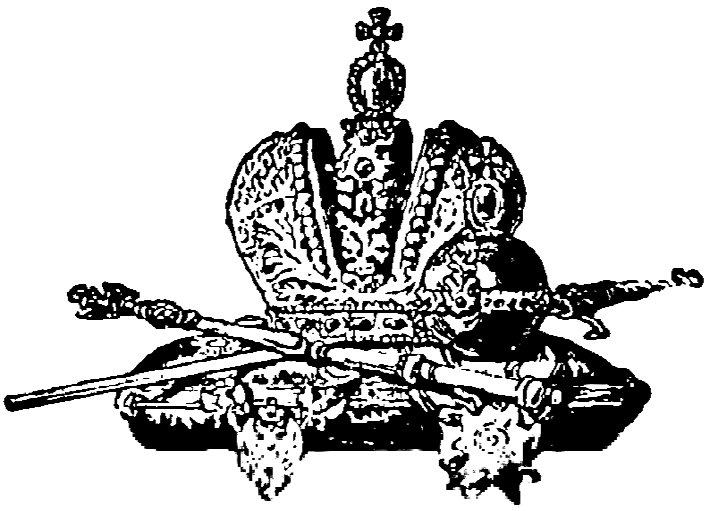
Во всех русских Государях были яркие нравственно-положительные черты. По мысли Пушкина и Тютчева, прежде всего – честность. Но почти во всех можно отметить следы неправославного влияния, как даже и на всем русском богословии, до упомянутого возрождения.

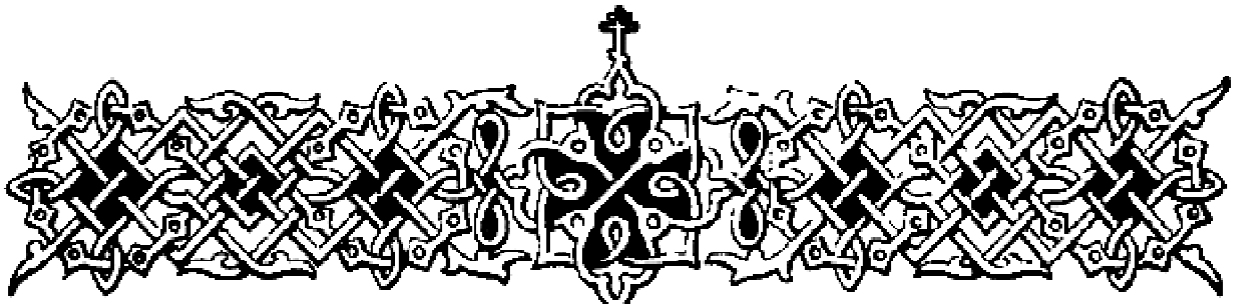
Но со всей искренностью и убежденностью можно сказать, что самым православным был Царь-Мученик, искренно желавший той соборности, без которой нет православной государственности, и, кажется, можно сказать, что самой большой трагедией России было то, что в ней не было православной общественности, которая поддержала бы Государя.

Он хотел жизни и соборности во имя Божие, он стоял за Истину, и потому-то борьба против него стала борьбой против Православия, и Царь-Мученик стал жертвой восстания против Бога.

1959 г.

Вестник Православного Дела. №1, 1959. С. 7-17.





Владимир Данилович Мержеевский

ПАМЯТИ ЦАРЯ МУЧЕНИКА.

В священном писании имеем мы чудесные слова, которые, как нельзя более, подходят к житию Царя- Мученика:

„Тайну Цареву добро хранити, а дела Божии открывати славно".

Смысл этих слов тот, что имеются чудеса Божии, которые таятся до времени, чтобы возсиять в дивной славе своей, во славу Божию. Мы знаем теперь, какой адамант веры и праведник в жизни был умученный темными силами Государь Император Николай Александрович. Еще задолго до своей мученической кончины были о нем Божие благоволение и пророческие глаголы. Его жертвенный Путь, во мгле времен, предвидит преп. Серафим Саровский, который сказал: „Будет некогда Царь, который прославит меня, а Бог прославит Его".

Курский вице-губернатор Курлов, уже после революций, сходя в могилу, счел себя вправе одно из дел Божиих возвестити славно.

В ночь на 27 января 1904 года, в день объявления войны Японии, Сергеев, отец командира „Стерегущего", имел сон-видение. Видел он себя в храме, воздвигнутом, якобы, на водах, и храм был полон моряков, среди которых и сын его и адмирал Макаров. На стенах вспыхивают и зажигаются имена боевых кораблей, которые погибли в Порт-Артуре и Цусимском бою. Все в храме: воины, старцы, жены, дети поют „Царю Небесный“ и в алтарь смотрят. Царские врата открыты и в алтаре совершается Тайная Вечеря. По правую руку Спасителя, в ослепительно белой мантии, но в терновом венце, вместо короны, Государь, будущий Великомученик. При пении „прииди и вселися в ны“, Государь встает и направляется к отцу Сергеева, которого прикрывает своей мантией и слезы Его и слезы Сергеева смешиваются. Храня добро тайну Цареву, Государь запретил рассказывать о сне и Курлов поведал о нем лишь после мученической кончины Государя. А во время жизни Государь претворил этот сон и воздвиг храм «Спас на водах», святое дело, строительство которого было поручено королеве эллинов, нашей Ольге Константиновне. Этот храм-

памятник погибшим морякам был взорван советской властью в день 8 марта 1932 г. Он возродится, когда Россия воскреснет.

Это видение о Тайной Вечере было дано видеть и старице Дивеевской, уже после революции. Видела она Тайную Вечерю и одесную Спасителя, первее апостола и евангелиста Иоанна, нашего Государя Великомученика. И слышала она глас Спасителя: «Дщерь, не печалься, возлюби своего Царя и Его Я поставлю первым у Себя в Царстве».

У близко стоявшего к Царской Семье графа Владимира Шеленберга мы находим еще свидетельство о том, что два схимника покинули свой многолетний затвор на Афоне, чтобы пасть к ногам Государя: «Мы видели над главой Твоей сияние мученика и пришли поклониться ему». Старец Гефсиманский предрекает славу имени Его. Старец Агапий покинул двадцативосьмилетний затвор, чтобы прочесть акафист Государю, как Великомученику».

В памятке «Огонь неугасимый», о Серафиме Саровском, находим еще один вещий сон: В кругу Царской Семьи, в заточении, в обстановке, до мельчайших подробностей напоминающей Корниловский дом в Тобольске, старец наставляет и укрепляет Государя на мученический подвиг. А сверху, на всех их, на Царскую Семью и на Серафима Саровского падают ослепительные лучи небесной славы.

Есть слава Божия и слава человеческая. Великое царствование Императора Николая II-го было славным, но не дано было Ему вкусить славы человеческой. Сам Государь знал и чувствовал, что Господь уготовал Его быть жертвой за Россию. Французский посол Морис Палеолог, в своих «воспоминаниях», приводит следующий эпизод: однажды, во время всеподданнейшего доклада, Государь прервал Столыпина и спросил его, читал ли он Жития Святых? Столыпин ответил, что читал, но не полностью, ибо сочинение это имеет более 20 томов. Тогда Государь спросил, помнит ли он день рождения его и какого святого в этот день память празднуют? День рождения Государя, 6 мая, Столыпин, конечно, знал, но святого не помнил. Тогда Государь ему напомнил: — Иова многострадального. Столыпин ответил, что если это так, то и царствование Государя Императора Николая Александровича окончится в славе, ибо Иов, претерпев со смирением самые тяжкие, испытания, был Господом вознагражден счастьем и благоденствием. На это Государь ответил: «Нет, поверьте, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствия, что я обречен на страшные испытания и что я не буду за них вознагражден на этом свете». Затем добавил словами святого Иова: «Ибо ужасное, чего я опасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло

мне». В другой раз Государь промолвил следующие слова: «Быть может для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия».

Это были пророческие слова Царя-праведника, одаренного самыми высокими качествами и одухотворенного самыми высокими побуждениями. Этот Царь, сделав все что мог для блага своего народа, получил в удел унижения и мученическую смерть. История царствования Императора Николая II-го требует самого внимательного изучения. Это было царствование славное, богатое реформами, давшими народу благополучие и стране нашей громадное развитие. Современники судят по результатам, но Россия пала, пораженная в спину, в момент, когда ее военные усилия должны были покрыть ее блеском славы. В позорные февральские дни Иуды предали своего Государя и Главнокомандующего и вынудили у него отречение.

Тьма объяла Россию, но через нее уже пробивается на свет Божий истинная правда.

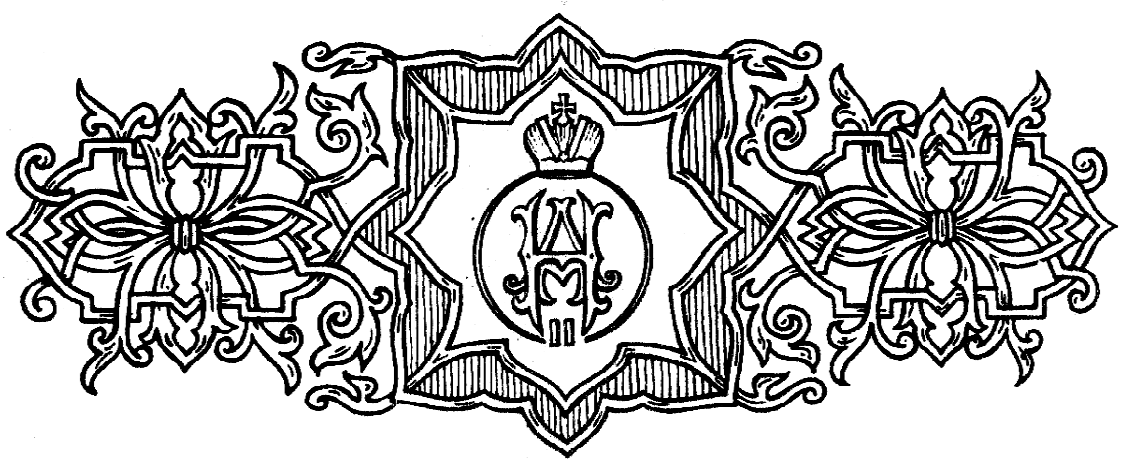
Нам остается сказать несколько слов о смысле и значении жертвы, принесенной Государем во имя России. Смысл ее тот, что Государь Великомученик с честью вынес самую идею монархии, питавшуюся из Божественного источника. Сам он верою и правдою выполнил принятый на себя обет царского служения и нам заповедал этот принцип и основу царской власти почитать. Если мы изменим, хоть частично, вере в божественное происхождение царской власти, — то тем самым и изменим памяти Царя-Мученика. В этой измене основным законам нашей Империи и весь смысл нашего беженского страдания, рассеяния и несчастья России. Отрекшись от него, от Духа Свята своего бытия, мы преступаем и клятву наших предков, которая действительна и по ныне, как само Слово Божие, на котором она зиждется.

Если не действительна клятва за потомков, то как же может действовать в течение двух тысяч лет клятва тех, кто распяли Господа нашего Иисуса Христа и сказали: «Кровь Его на нас и на детях наших».

Русский Царь был Помазанником Божиим и олицетворял собой совесть и правду. В Его лице были убиты священные начала, на чем строилось отечество наше. Слуги Антихриста убили Помазанника Божия и кровь Его смешалась с кровью той части русского народа, которая не поклонилась зверю и вместе со своим Царем взошла на Голгофу страдания. Царь - Мученик и погибшая Царская Семья олицетворяют собой всех русских людей, убитых революцией, и в этом славен Их путь перед Господом.

Будем же верны заветам покойного Царя, будем верить в дары Святого Духа, почивающие на Помазаннике Божием, не от народа, а от Бога свою власть принимающего. Заветы Императора Николая II — это символы великой России; это крест, императорская корона и державный герб.

«Владимирский Вестник». 1956 г. № 64. Ноябрь-Декабрь.



Борис Львович Бразоль

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II (1894-1917) В ЦИФРАХ И ФАКТАХ.

Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам.

От Ред.: *Эта статья была написана к 40-летию трагической гибели Царской Семьи и впервые издана в 1958 г. отдельной брошюрой Исполнительным Бюро Общероссийского Монархического Фронта, в количестве 5.000 экземпляров по-русски и 3.000 по-английски.*

Прошло более сорока лет со времени февральской революции 1917 года и гибели Императорской России, упорно, десятилетиями, подготовлявшейся её врагами, внутренними и внешними. Не было той лжи, не было той клеветы, не было того пасквиля, которыми бы ни обливали Царское правительство, а за одно с ним и русский народ. Миллионы долларов, фунтов стерлингов, германских марок, французских франков, да и русских рублей, было брошено иностранными банкирами, политическими проходимцами, революционными дельцами и бездельниками, всех толков и направленной на бешенную антирусскую пропаганду, на свержение русской Монархии и разорение русской государственности[1].

Особенно же усилилась травля России в царствование Государя-Мученика, гуманнейшего Николая II, которого в западно-европейской и

[1] См. хвастливые заявления по этому поводу раввина Стефена Вайз и Георгия Кеннан, прославлявших банкира Якова Шифа за его финансирование революционной пропаганды среди русских военнопленных в Японии, в 1904-6 гг., The New York Times, 24 марта 1917 г. Смотри также всеподданнейший отчёт бывшего Министра Иностр. Дел. Гр. Ламсдорфа Государю Николаю II от 1906 г. по вопросу о роли Ротшильдов и вообще еврейства в финансировании революционной раскачки 1905 г. Boris Brasol, The World at the Cross-Roads, Small, Maynard & Co. Boston, 1921.

американской печати не стыдились называть "кровавым" и "тираном". Русское правительство обвинялось в бездарности и обскурантизме, в умышленном поощрении безграмотности, в желании держать народ в нищете и невежестве.

Так называемое "общественное мнение" в странах демократического Запада искусственно возбуждалось продажными газетными борзописцами против Имперской идеи, так полно и разумно воплотившейся именно в России.

Этой систематической и зловредной пропагандой и объясняется тот факт, что, когда обескровленная мировой войной, преданная изменниками-генералами и "союзной" Англией, рухнула Императорская Россия, близорукие западные политиканы, во главе с Вильсоном и Ллойд Джоржем, встретили это трагическое событие с нескрываемым восторгом. Они, конечно, не в силах были уразуметь, что крушение исторической России неизбежно приведёт к нарушению всемирного равновесия, к торжеству красного Интернационала и к разложению их собственных демократических "империй".

Им, этим трубадурам беспозвоночной идеологии, было невдомёк, что они, подобно подмастерью Гётевского колдуна, разнуздывают такие разрушительные стихии, под напором которых они сами должны будут захлебнуться и бесславно погибнуть.

И ныне, когда всё человечество корчится в судорогах безвыходного кризиса, когда банкротство политической доктрины Вильсона "обеспечение миру торжества демократий" стало до ужаса очевидным, лидеры обезумевшего Запада продолжают лягать демократическим копытом затравленного их же усилиями геральдического льва -- некогда великую, державно-мудрую Царскую Россию.

Несмотря на мерзость Екатеринбургского злодеяния, западная пресса продолжает обливать грязью светлый лик замученного Государя Николая II и всё связанное с его славным царствованием. Едва ли нужно упоминать, что подобного рода клеветническая кампания входит в расчёт кремлёвских палачей и в значительной мере ими же субсидируется.

Целью этого справочника и является дать непредубеждённым иностранцам, да и свихнувшимся россиянам, краткую сводку цифр и фактов, свидетельствующих о том, что за последние 15-20 лет до 1-ой Мировой войны, Императорская Россия сделала гигантский шаг вперёд на пути истинного прогресса и нигде в мире не превзойденной просвещённой свободы.

1. ДЕМОГРАФИЯ И ФИНАНСЫ.

Известный экономист Edmond Trey справедливо утверждал: "Если у больших европейских наций события между 1912 и 1950 годами будут

протекать так же, как они развивались между 1900 и 1912 годами, то к середине настоящего века Россия станет выше всех в Европе, как в отношении политическом, так и в области финансово-экономической .

Вот несколько цифровых данных.

В 1894 году, в начале царствования Императора Николая II, в России насчитывалось 122 миллиона жителей. 20 лет спустя, накануне 1-ой Мировой войны, народонаселение её увеличилось на 60 миллионов; таким образом в Царской России народонаселение возрастало на 2.400.000 в год. Если бы не случилось революции в 1917 г., к 1959 году её население должно было бы достигнуть 275.000.000. Между тем, теперешнее население Советского Союза едва превышает 215.000.000, так что кровавый советский опыт обошёлся России не менее, чем в 60.000.000 человеческих жизней.

В отличие от современных демократий, Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1.410.000.000 рублей в 1897 году, **без малейшего увеличения налогового бремени** неуклонно росли, тогда как расходы государства оставались более или менее на одном и том же уровне, что и видно из нижеприведенной таблицы (в миллионах золотых рублей):

	1908	1909	1910	1911	1912
Обыкновенные доходы	2.418	2.526	2.781	2.952	3.104
Расходы	2.388	2.451	2.473	2.536	2.669
Превышение доходов над расх.	30	75	308	416	335

За последние 10 лет до Первой Мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2.400.000.000 рублей. Эта цифра представляется тем более внушительной, что в царствование Императора Николая II были понижены железнодорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 году к крестьянам от их бывших помещиков, а в 1914 году, с началом войны, и все виды питейных налогов.

В царствование Императора Николая II, законом 1896 года, в России была введена золотая валюта, причём Государственному Банку было предоставлено выпускать 300.000.000 рублей кредитными билетами не обеспеченными золотым запасам. Но правительство не только никогда не воспользовалось этим правом, но, наоборот, обеспечило бумажное обращение, золотой наличностью более, чем на 100%, а именно: к концу июля 1914 года кредитных билетов было в обращении на сумму 1.633.000.000 рублей, тогда как золотой запас в России равнялся 1.604.000.000 рублей, а в заграничных банках 141.000.000 р.

Устойчивость денежного обращения была такова, что даже во время русско-японской войны, сопровождавшейся повсеместными революционными беспорядками внутри страны, размен кредитных билетов на золото не был приостановлен.

В России налоги, до первой мировой войны, были самыми низкими во всём свете:

Налоги прямые (на 1 жителя) в рублях		Налоги косвенные (на 1 жителя) в рублях	
Россия	3.11	Россия	5.98
Австрия	10.19	Австрия	11.28
Франция	12.25	Франция	10.00
Германия	12.97	Германия	9.64
Англия	26.75	Англия	15.86

Иначе говоря, бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии и в 8,5 раз меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов в России было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

Из таблицы, приведенной ниже, явствует, что общая сумма налогов на одного жителя в России была более, чем вдвое меньше, нежели в Австрии, Франции и Германии и более, чем в четыре раза меньше, чем в Англии.

Общая сумма налогов (на одного жителя в рублях; 1 золотой рубль равен 2,67 зол. франкам или 51 американскому зол. центу):

Россия -- 9,09

Австрия -- 21,47

Франция -- 22,25

Германия -- 22,26

Англия -- 42,61

2. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЭКОНОМИКА.

В период между 1890 и 1913 гг. русская промышленность учетверила свою производительность. Её доход не только почти сравнялся с поступлениями, получавшимися от земледелия, но товары покрывали почти 4/5 внутреннего спроса на мануфактурные изделия.

За последнее четырёхлетие до 1-ой Мировой войны количество вновь учреждавшихся акционерных обществ возросло на 132%, а вложенный в них капитал почти учетверился. Это видно из следующей таблицы.

Год	Число нов. акц. общ.	Капитал в мил. руб.
1910	104	119,3
1911	166	185,3
1912	202	233,5
1913	240	403,1

Прогрессивный рост благосостояния населения наглядно доказывается следующей таблицей вкладов в государственные сберегательные кассы:

Год	Количество открытых счетов	Вклады в рублях
1894	1.664.000	330.300.000
1895	1.907.000	367.900.000
1896	2.190.000	409.400.000
1897	2.448.000	465.700.000
1898	2.792.000	537.300.000
1899	3.145.000	608.300.000
1900	3.551.000	661.900.000
1901	3.949.000	723.300.000
1902	4.369.000	784.000.000
1903	4.854.000	860.000.000
1904	5.127.000	910.600.000
1905	4.988.000	831.200.000
1906	5.665.000	1.035.000.000
1907	6.210.000	1.149.000.000

1908	6.210.000	1.207.000.000

Примечания:

1. Спад в 1905 г. – результат русско-японской войны и бунта.
2. Данные таблицы из "The Russia Year Book," 1911. Compiled and edited by Howard P. Kennard, Eyre and Spottiswood Ltd, London, 1912.

В 1914 году в Государственной Сберегательной Кассе было вкладов на 2.236.000.000 рублей.

Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооперативных началах) составляла в 1894 году около 70.000.000 рублей; в 1913 году -- около 620.000.000 рублей (увеличение на 800%), а к 1 января 1917 года -- 1.200.000.000 руб.

Очень показательной является и следующая таблица, указывающая на развитие экономической мощи России в царствование Государя Императора Николая II.

	Годы	Колич.	Годы	Колич.	%, +
Вклады в Акц. Комм. Банки	1895	350 м.р.	1915	4300 м.р.	1280
Выпуск русск. машин	1894	1500 м.р.	1916	6500 м.р.	410
Стр. сельскохозяйств. машин	1897	9 м.р.	1913	67 м.р.	659
Средняя урож. с десятины	1901	33 пуда	1913	58 пудов	80
Средняя урож. хлебов: а. Европ. Россия б. всей России	 1892 1893	 2050 м.п.	 1911 1913	 3657 м.п. 4761 м.п	 78
Скот, в милл. голов: а. Лошадей б. Рогатого скота	 1895 1895	 26,6 31,6	 1914 1914	 37,5 52	 37 63
Уголь – мил.пудов.	1895	466	1914	1983	300
Нефть – добыча, м.п.	1895	338	1914	560	65
Соль – добыча, м.п.	1895	85	1913	121	42
Сахар:					

Посев свеклы, тыс. десятин Выработка сахара, м.п.	1894 1894	289 30	1914 1914	729 т.д. 104,5	150 245
Хлопок: площадь посева, т.д. сбор, м.п.	 1894 1894	 150 3,2	 1914 1914	 675 15,6	 350 388
Добыча золота, в пудах	1895	2576	1914	3701	43
Добыча меди, т.п.	1895	395	1915	1878	375
Добыча чугуна, м.п.	1895	73	1914	254	250
Выплавка железа, стали, м.п.	1895	70	1914	229	224
Марганец, м.п.	1895	12	1914	55	364
Золотой фонд, м.п.	1894	648	1914	1604	146
Торговый флот, тыс. тонн	1894	492	1914	778	59
Примечание: 1 пуд = 16 кг.					

3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Накануне революции русское земледелие было в полном расцвете. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне 1914-18 гг., сбор урожая хлебов удвоился. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на 1/3 выше такового же Аргентины, Канады и Соед. Штатов вместе взятых. В частности, сбор ржи в 1894 году дал 2 миллиарда пудов, а в 1913 -- 4 миллиарда пудов.

В царствование Императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза земледельческих продуктов из России в Англию (зерна и муки, в миллионах фунтов; русский фунт -- 0,4 кг):

1908 г. -- 858.279.000

1909 г. -- 1.784.288.000

1910 г. -- 2.820.049.000

Россия поставляла 50% мирового ввоза яиц. В 1908 году из России их было вывезено 2.589.000.000 штук стоимостью в 54.850.000 р., а в 1909 г. -- 2.845.000.000 стоимостью в 62.212.000 р.

Рожь:

в 1894 г.: -- 2 миллиарда пудов,

в 1913 г.: -- 4 миллиарда пудов

Сахар -- в этот же период времени потребление сахара на каждого жителя повысилось с 4 до 9 кг. в год.

Чай -- потребление в 1890 г. -- 40 миллионов кг; в 1913 г. -- 75 миллионов кг.

Лён -- накануне 1-й Мировой войны Россия производила 80% мировой добычи льна.

Хлопок -- повышение на 388%. Благодаря большим работам по орошению в Туркестане, предпринятым ещё в царствование Императора Александра III, урожай хлопка в 1913 г. покрывал все годичные потребности русской текстильной промышленности. Последняя удвоила своё производство между 1894 и 1911 гг.

4. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ.

Сеть железных дорог в России покрывала 74.000 вёрст (одна верста равняется 1,067 км), из которых Великий Сибирский Путь (8.000 вёрст) был самым длинным в мире.

В 1916 г., т.е. в самый разгар войны, было построено более 2.000 вёрст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый Океан (порт Романовск) с центром России.

К 1917 г. в России находилось в эксплоатации 81.116 км. железной дороги и 15.000 км было в постройке. В Царской России в период с 1880 по 1917 гг., т.е. за 37 лет, было построено 58.251 км., что даёт средний годовой прирост в 1.575 км. За 38 лет советской власти, т.е. к концу 1956 г., было построено всего лишь 36.250 км., что даёт годовой прирост лишь в 955 км.

Постройка одного километра железной дороги в Царской России обходилась в 74.000 р., а при советской власти в 790.000 р., исходя из расчёта одинаковой покупной способности рубля.

Накануне войны 1914-18 гг. чистый доход государственных железных дорог покрывал 83% годичных процентов и амортизации государственного долга. Иными словами, выплачивание долгов, как внутренних, так и внешних, было обеспечено в пропорции более чем на 4/5 одними доходами, которые получало русское государство от эксплоатации своих железных дорог.

Надо добавить, что русские железные дороги, по сравнению с другими, для пассажиров были самыми дешёвыми и самыми комфортабельными в мире.

5. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Промышленное развитие в Российской Империи естественно сопровождалось значительным увеличением количества фабрично-заводских

рабочих, экономическое благосостояние которых, равно как и охрана их жизни и здоровья, составляли предмет особых забот Императорского правительства.

Необходимо отметить, что именно в Императорской России, и при том в XVIII веке, в царствование Императрицы Екатерины II (1762-1796), в первый раз во всём мире, были изданы законы касательно условий труда: был запрещён труд женщин и детей, на заводах был установлен 10-часовой рабочий день и т.д.

Характерно, что кодекс Императрицы Екатерины, регулировавший детский и женский труд, отпечатанный на французском и латинском языках, был запрещён для обнародования во Франции и Англии, как "крамольный”.

В царствование Императора Николая II, до созыва 1-ой Государственной Думы, были изданы специальные законы для обеспечения безопасности рабочих в горно-заводской промышленности, на железных дорогах и в предприятиях, особо опасных для жизни и здоровья рабочих, как-то: на пороховых заводах, в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг и т.п.

Детский труд до 12-летнего возраста был запрещён, а несовершеннолетние и лица женского пола не могли быть нанимаемы на фабричную работу между 9-ю часами вечера и 5-ю часами утра.

Размер штрафных вычетов не мог превышать одной трети заработной платы, причём каждый штраф должен был быть утверждаем фабричным инспектором. Штрафные деньги поступали в особый фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих.

В 1882 году специальный закон урегулировал работу детей от 12 до 15 лет. В 1903 году были введены рабочие старосты, избиравшиеся фабрично-заводскими рабочими соответствующих цехов. Существование рабочих союзов было признано законом в 1906 году. Но превосходство над теперешней марксистской системой заключалось, главным образом, в возможности рабочим защищать свои права оружием, называемым "классическим оружием рабочего класса”: в Царской России -- можно было прибегать к забастовкам, тогда как в Хрущёвской России забастовки невозможны, так же, как они были невозможны при Сталине и при Ленине.

На заводах, контролируемых Инспекцией Труда -- таковая существовала,-- было 68 забастовок в 1893 г., 118 -- в 1896 г., 145 -- в 1897 г., 189 -- 1899 г. и 125 -- в 1900 г. Что же касается социального страхования, таковое было установлено уже в 1912 г.

По тому времени Императорское социальное законодательство было несомненно самым прогрессивным в мире. Это заставило Тафта, тогдашнего

Президента Соед. Штатов, за два года до 1-ой Мировой войны публично заявить, в присутствии нескольких русских высокопоставленных лиц: "Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может".

6. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Одним из трафаретных клеветнических выпадов против правительства Императора Николая II, особенно в американской печати, является утверждение, что оно не только не заботилось о народном образовании, но сознательно поощряло безграмотность широких слоёв населения.

В действительности же, в царствование Императора Николая II народное образование достигло необыкновенного развития. Менее чем в 20 лет кредиты, ассигнованные Министерству Народного Просвещения, с 25,2 мил. рублей возрасли до 161,2 мил. Сюда не входили бюджеты школ, черпавших свои кредиты из других источников (школы военные, технические), или содержавшиеся местными органами самоуправления (земствами, городами), кредиты которых на народное образование возрасли с 70.000.000 р. в 1894 г. до 300.000.000 р. в 1913 г.

В начале 1913 г. общий бюджет народного просвещенияв России достиг по тому времени колоссальной цифры, а именно ½ миллиарда рублей золотом. Приводим цифры:

	1894	1914	% роста
Бюджет Мин. Нар. Просв., м. р.[1]	25,2	161,2	628
Число учащихся в средних уч. завед., исключая частные и иноверческие (около1 милл.)	224.179	733.367	227
В высших учебных заведениях	13.944	39.027	180
В низших учебных заведениях (кроме Ср. Азии)	3.275.362	6.416.247	96

Первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10.000 школ. В 1913 г. число их превысило 130.000. Если бы не вспыхнула революция, то обязательное первоначальное обучение было бы уже давно совершившимся фактом на всей территории Царской России. Впрочем, Россия

[1] В это чисо не вошли учащиеся в частных и иноверных школах, числом около 1 милиона.

и так почти достигла этого результата. Анкета, произведенная советами в 1920 г. установила, что 86% молодёжи от 12 до 16 лет умели писать и читать. Несомненно, что они обучались грамоте при дореволюционном режиме.

По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX веке первое место в Европе, если не во всём мире.

Следует также отметить, что в то время, как в демократиях, особенно в США и в Англии, плата за правоучение в высших учебных заведениях колеблется от 750 до 1.250 долл. в год, в Царской России студенты платили от 50 до 150 р. в год, т.е. от 25 до 75 долл. в год. При этом неимущие студенты очень часто освобождались от какой-либо платы за правоучение.

7. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС.

История русского крестьянства, со времени революции, была, и продолжает быть, Голгофой. Мы ограничимся воспроизведением нескольких строчек, написанных V. Francois de Romainville:

"Крестьяне ожесточённо сопротивляются коллективизации. Первым результатом последней было массовое уничтожение скота. Численность его упала с 270.200.000 голов в 1929 г. до 118.000.000 в 1933. Но что ещё страшнее, это количество человеческих жертв. Крестьян депортировали целыми семьями в арктические области, или в пустынные степи Азии. С 1928 до 1934 гг. погибло 5 миллионов крестьянских семей, иначе говоря, до 20 миллионов душ".

Аграрный вопрос, который продолжает быть главной заботой многих государств, однако же нашёл счастливое разрешение в царствовании Императора Николая II.

В 1861 г., после отмены крепостного права Императором Александром II, русские крестьяне получили, за небольшую плату, земли, добровольно уступленные помещиками, по большей части, дворянами. Однако крестьяне не делались индивидуальными собственниками этих земель, так как эти последние фактически принадлежали общинам (Communes des Villages), которые отдавали земельные участки в пользование членам общины. Проводя в жизнь подобного рода аграрную политику, законодатель придерживался древнего русского крестьянского обычая, управления миром, стремясь, таким путём, удерживать земледельцев от искушения продать свой надел. Действительно, если бы крестьянин обменил причитающуюся ему часть земли на деньги, то он очень скоро остался бы без всяких средств к существованию и без сомнения превратился бы в безземельного пролетария.

Но, несмотря на положительные стороны этой аграрной политики, в ней были и существенные недостатки. Крестьянин, не чувствуя себя полным хозяином земли и не будучи уверен, что тот же участок попадёт к нему и в следующий передел, относился к своей работе небрежно и терял чувство ответственности. Не имея собственности, которую надо было бы защищать, он так же небрежно относился и к чужой собственности.

Наконец, увеличение крестьянского народонаселения в Европейской России, уменьшало при каждом переделе площадь земельных участков. К концу XIX века в наиболее населённых губерниях недостаток земли начал серьёзно ощущаться. Революционеры широко использовали это положение, превратив этот вопрос чисто экономического характера в вопрос политический. Пользуясь недовольством крестьян, социалисты разных оттенков возбуждали крестьянские массы и толкали их на требование экспроприации частновладельческих земель.

Ввиду создавшегося положения, которое прогрессивно обострялось, Председатель Совета Министров П. А. Столыпин, немедленно прибегнул к мерам чрезвычайной важности, которые, будучи доведены до конца, несомненно пресекли бы распространение марксистской пропаганды.

1. Столыпин решил широко использовать переселенческое движение крестьянских масс из Европейской России в Сибирь, начавшееся после окончания Великого Сибирского Пути.

Выразивший желание выехать из Европейской России, избавлялся на долгое время от всяких налогов. Государство помогало ему деньгами и он получал в полную собственность участок земли в 15 гектаров, т.е. около 37 акров на душу и 45 гектаров на семью. При этом каждой семье выдавалось пособие в 200 р., и она перевозилась со всем имуществом на казённый счёт до места поселения. [200 рублей -- не малая сумма, учитывая, что фунт хлеба стоил 1 копейку, сахар -- 7 копеек, мясо -- 12 копеек и т.д. П. Б.]

В Сибири были устроены казённые склады земледельческих машин, снабжавших население сельскохозяйственными орудиями по крайне низким ценам.

Эта мера имела огромный успех. В короткий срок Сибирское земледелие достигло своего расцвета, позволившего ввозить в Европейскую Россию и вывозить заграницу большое количество сельских продуктов, особенно масла и яиц.

2. Правительство Столыпина уполномочило Государственный Крестьянский Банк (созданный в царствование Императора Александра III) скупать помещичьи земли и перепродавать их крестьянам на исключительно

льготных условиях. Предоставлялся долголетний кредит, доходивший до 90% стоимости земли при очень низком проценте (4,5%, включая погашение).

Результатом этой меры было то, что в 1914 г. более 80% пахотной земли в Европейской России оказалось в руках крестьян[1].

Государственный Крестьянский Земельный Банк, считавшийся, и совершенно справедливо, самым крупным в мире учреждением земельного кредита, выдавал крестьянам ссуды, каковых было разрешено 222 миллиона рублей в 1901 г., а в 1912 г. он выдал до 1.168.000.000 рублей, т.е., примерно, на 600% больше.

Ходячее мнение, издавна пущенное в оборот социалистами всех толков, будто крестьяне были "обездолены землёю", ни на чём не основано. В действительности, Царское Правительство систематически стремилось увеличить площадь крестьянского землевладения, причём эта аграрная политика получила особенное развитие в царствование Императора Николая II. Этот факт с очевидностью подтверждается таблицей, приведенной ниже.

	1894	1918
Население (в миллионах)	122	182
Крестьянское землевладение (милл. десятин)	132	240
На одну дворянскую десятину -- крестьянских	2	5,5

К 1916 г. в руках крестьян и казаков в 50 губерниях Европейской России (кроме Кавказа и Царства Польского) было около 172.000.000 десятин собственной земли. Гражданам же всех других сословий принадлежало лишь около 85.000.000 десятин, из которых 18.000.000 десятин принадлежали мелким собственникам. обрабатывавшим землю личным трудом, без помощи наёмной силы. Большая часть остальных 67.000.000 десятин были или под лесом, или в аренде у крестьян.

Таким образом, накануне февральской революции крестьянам на началах собственности и аренды принадлежали: 100% пахотной земли в Азиатской России и около 90% всей площади Европейской России.

3. Изданный 9 ноября 1906 г., так называемый "Столыпинский закон", позволял крестьянину выходить из общины и делаться индивидуальным и наследственным собственником земли, которую он обрабатывал.

[1] К этому следует прибавить 40.000.000 десятин (около 100.000.000 акров), лично принадлежавших Императору Николаю II в Сибири, которые он, не колеблясь, передал в крестьянский земельный фонд. На личные же средства Государя в уступленных им областях, были проведены дороги, построены школы, церкви и больницы.

Закон этот имел огромный успех. Тотчас же было подано 2,5 миллионов прошений о выходе на отруба от семейных крестьян в 463 срециальные комиссии, занятые проведением этой реформы.

В 1913 г. 2 миллиона семейств получили наделы. Для этой сложной работы была мобилизована целая армия (более 7.000 человек) геодезистов и землемеров.

За несколько месяцев до 1-ой Мировой войны 13% земель, принадлежащих общинам, перешли в индивидуальную собственность крестьян. Накануне революции Россия была готова превратиться в страну маленьких собственников, которые быстро обогащались.

Прав был бывший Министр Земледелия Кривошеин, заявив немецкому профессору Зеерингу, приехавшему в 1912 г. в Москву во главе комиссии, которой было поручено ознакомиться с результатами Столыпинской реформы: "России необходимы 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всём мире".

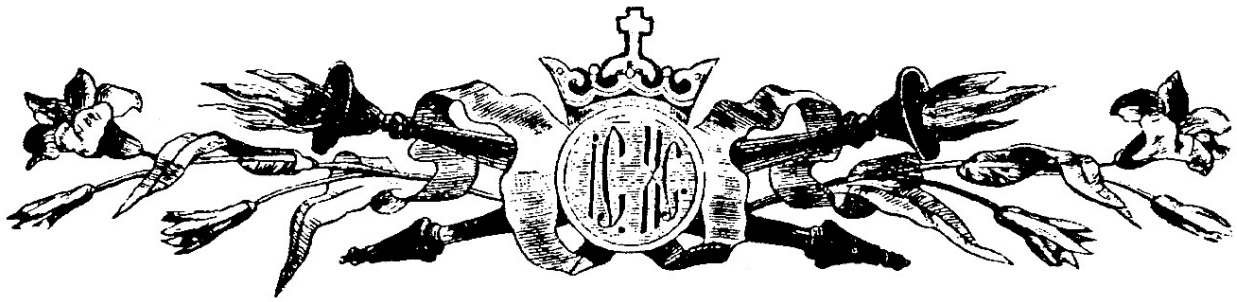
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таковы беспристрастные цифры и таковы неоспоримые факты. Ознакомившись с ними, каждый непредубеждённый читатель не может не прийти к заключению, что вопреки систематической клевете революционеров всех толков и заядлых русофобов -- "самостийников" и невежественных иностранцев, Россия в царствование Императора Николая II достигла высокой степени благосостояния, и это несмотря на неудачную для неё русско-японскую войну и революционные безобразия 1905 г. Более того, даже 1-я Мировая война, потребовавшая огромного напряжения народных сил и сопровождавшаяся колоссальными потерями в армии, не остановила поступательного развития экономической мощи Российского Государства. Мудрая и бережливая финансовая политика дала возможность скопить в Государственном Казначействе полуторамиллиардный золотой запас, который и обеспечил устойчивость рубля, как расчётной единицы, не только внутри Империи, но и на международном денежном рынке. А это, в свою очередь, позволило разместить заграницей многомиллионные заказы на предметы снабжения армии и в то же время явилось гигантским стимулом развития отечественной промышленности именно в трудные годы войны.

Теперь смешно говорить о каких-то "достижениях революции" и "завоеваниях октября". Отречение Государя Николая II от Прародительского Престола явилось величайшей трагедией в тысячелетней истории России. Но не он, Царь-Мученик, был виновен в этом несчастье, а те, кто обманом и

изменой вырвали из рук Его власть. Вероломно составленный ими же, этими политическими проходимцами и клятвопреступниками, акт отречения, ознаменовавший начало "великой и бескровной", с фатальной неизбежностью завершился кровавой вакханалией октября, торжеством сатанинского Интернационала, развалом дотоле доблестной и грозной Русской Императорской Армии, позорным Брест-Литовским миром, беспримерным злодеянием Цареубийства, порабощением многомиллионного народа и гибелью величайшей в мире Российской Империи, самое существование которой было залогом всемирного политического равновесия.

Император Николай в своем кабинете в Нескучном



Иван Павлович Якобий

ЦАРЬ И ВОЙНА.

Отличительной чертой Императора Николая II, по единодушному свидетельству всех, кто Его знал, было почти мистическое понимание Своего долга. Там, где Он видел выполнение обязанности Монарха, Государь, обычно столь уступчивый, становился непобедимо упорным.

Таким долгом Царского служения во время войны Государь считал пребывание Свое среди войск и разделение с ними опасности, радости и горя. Не раз Государь говорил Горемыкину о том, что никогда Он не простит себе, что во время японской войны Он не стал во главе действующей армии.

Тогда же у Императора Николая II сложилось непоколебимое решение в случае новой войны не расставаться с армией и взять на себя бремя Верховного Командования, как это, впрочем, и предусматривалось самим законом.

Мысль эта не могла быть осуществлена тотчас же после объявления войны, и Великий Князь Николай Николаевич был назначен Верховным Главнокомандующим, но лишь временно, причем в самом Высочайшем указе было оговорено, что Государь Сам станет во главе Своих войск, как только обстоятельства это позволят.

Неудачи, испытанные всеми союзниками с самого начала военных действий, несчастная кампания 1915 года, громадные потери, понесенные русскими армиями, вследствие ошибочных и хаотических действий Ставки, неотложная необходимость в принятии немедленных мер для сосредоточения всех усилий и объединения Верховного Командования, — побудили Государя вернуться к первоначальному Своему намерению. Об этом Он сообщил председателю Совета Министров, И. Л. Горемыкину, который попытался разубедить Его, опасаясь, главным образом, страшной ответственности, которую, без сомнения, постараются возложить на Монарха в случае дальнейших неудач на фронте. Но Горемыкин был принужден склониться перед благородством мотивов Государя. «Священная обязанность русского

Царя», сказал Он, «быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть».

Старый министр сохранил в тайне оказанное ему Государем доверие. Но ген. Поливанов оказался менее щепетильным. Едва Государь сообщил ему о Своем намерении, прося о нем пока умолчать, как военный министр тотчас же кинулся в Совет Министров, где он поднял настоящее смятение, представив готовящуюся перемену, как национальную катастрофу. В действительности перемена Верховного Командования, являясь актом вполне законным и естественным, наносила сокрушительный удар честолюбивым планам Гучкова и его группы. Та кампания, которую оппозиция вела против Великого Князя Николая Николаевича, с целью добиться замены его кем-либо из гучковских креатур, привела к неожиданному результату: к громадному усилению авторитета Царя, который отныне сосредоточивал в Своих руках власть Самодержавного Монарха и Верховного Начальника армии и.

Досада и озлобление оппозиции увеличивались еще тем, что все ее возражения против Царского решения разбивались об ее же доводы, приводимые ранее против Великого Князя Николая Николаевича. Не она ли говорила о гибельности двоевластия, о военной и административной неспособности Великаго Князя Николая Николаевича и его окружения, о необходимости объединения действий военных и гражданских властей? Наконец, не члены ли военно-морской комиссии Гос. Думы, под председательством революционера Шингарева, докладывали Государю в августе 1915, т. е. как раз в момент, когда решение Его было уже принято, но еще не объявлено, что «только непререкаемой Царской властью можно установить согласие между Ставкой Великого Князя Верховного Главнокомандующего и Правительством. Царь может повелеть своим военачальникам и правителям составить разсчет будущих действий на продолжительное время... Царь может расширить рамки рассчетов и соображений... Царь может побудить..., только Царь может повелеть... и т. д.

И теперь все эти положения осуществлялись, но негаданным способом: Великого Князя Николая Николаевича заменял не красный генерал, опирающийся на Царский авторитет, а сам Монарх. Совет Министров, обуреваемый в своем большинстве страхом перед «прогрессивным» обществом, пришел в ужас от удара, который наносился оппозиции. На Горемыкина посыпались обвинения, почему он скрыл от своих коллег Царское решение? Горемыкин ответил спокойно, что он не считал себя в праве разглашать то, что Государь повелел ему хранить в тайне. «Если я сейчас говорю об этом», не без некоторого ехидства прибавил председатель Совета,

«то лишь потому, что военный министр нашел возможным нарушить эту тайну и предать ее огласке без соизволения Его Величества». Ни на какой протест, ни на какое коллективное выступление министров против решения Государя, Горемыкина склонить не удалось. «Я человек старой школы», отвечал он, «для меня Высочайшее повеление — закон. Я против коллективного выступления. Оно не только не принесет никакой пользы, но, напротив, повредит. Вы знаете характер Государя, и какое впечатление на Него производят подобные демонстрации. К тому же, повторяю, решение Его непоколебимо, никакие влияния тут не при чем. Все толки об этом — вздор, с которым Правительству нечего считаться. Я призываю вас, господа, в сознании назревающих событий большой важности, преклониться перед волею Его Императорского Величества, сплотиться вокруг Него в тяжелые минуты, посвятить все силы нашему Монарху».

«Призыв И. Л. Горемыкина не произвел особого впечатления, пройдя мало замеченным», прибавляет Яхонтов, составитель журнала Совета. Да и могло ли быть иначе, когда самое понятие о верноподданническом долге по отношению к Монарху не только отсутствовало у большинства здесь сидящих сановников «общественной» формации, но было им просто чуждым и даже смешным?

Либеральные министры правильно учли возмущение оппозиции. Председатель Государственной Думы Родзянко уже рассказывал повсюду о том, что ему будет поручено составить левый кабинет; разочарование оказалось столь горьким, что взбесившийся Родзянко кинулся в Совет Министров и велел доложить о себе Кривошеину.

«Вы, вероятно, приехали, чтобы председательствовать над нами?» спросил с насмешливой улыбкой министр земледелия.

Но у Родзянко были в запасе «свои» министры.

«Нет», ответил он заносчиво, «над вами я никогда не буду председательствовать». Затем председатель Думы разразился потоком упреков и жалоб; он даже потребовал от Совета Министров решительных действий против Государя, вплоть до угрозы коллективной отставки, если Царь не уступит.

Призванный к порядку и приличию вышедшим к нему также Горемыкиным, Родзянко, потеряв последние проблески самообладания, бросился, не прощаясь, к выходу, заорав по пути на щвейцара, который протягивал ему забытую им трость:

«К чорту палку!»

Этот трагикомический «выход» личности, которая, по словам одного из министров, страдала острым приступом мании величия, оказался, однако, пророческим. Нелепые требования Родзянко заставили председателя Совета пожать плечами. Но неделю спустя эти же требования неожиданно оказались ему предъявленными его же коллегами по кабинету.

Что же произошло за это время?

Произошло то, что оппозиция спохватилась. Государь во главе армии — это новое движение на фронте, возрождающаяся надежда, неясная пока заря победы. Необходимо было ускорить события, иначе победа могла опередить революцию.

В августе месяце у А. И. Коновалова, в Москве, состоялось совещание главарей оппозиции. Было решено сделать немедленно решительное усилие для захвата власти. Для этой цели необходимо было прежде всего заставить Правительство подать в отставку и добиться от Государя назначения нового министерства под председательством Родзянко или князя Львова, с предоставлением портфеля иностранных дел Милюкову, военного — Гучкову, торговли и промышленности — Коновалову, юстиции — Маклакову. Вместе с тем, надлежало бороться всеми средствами против решения Государя взять на себя Верховное Командование и, если Монарх останется непоколебим в своем решении, — то нужно было, в целях пропаганды, представить в глазах общественного мнения эту меру как немилость и неблагодарность к Великому Князю Николаю Николаевичу и обратить его в национального героя, который и будет постоянно противопоставлен Царю. Странный поворот в этой ярой кампании, которую оппозиция вела до этого момента против Великого Князя!

Как только был установлен этот план действия, московское городское самоуправление открыло огонь, вынеся резолюцию, в которой предъявлялось требование о перемене Правительства, выражалось доверие Великому Князю Николаю Николаевичу и испрашивался Высочайший прием для московского городского головы Челнокова.

Это дерзкое выступление Москвы поразило Правительство. В Совете Министров произошли сумбурные прения, в течение которых только председатель Совета и министр юстиции высказались решительно против требований московской думы, представитель оппозиции А. Д. Самарин, напротив, настаивал на почти полной капитуляции Правительства, а остальные министры, в панике и сомнении, казались склонными поддержать своего коллегу.

20 августа, в Царском Селе, состоялось заседание Совета под председательством Государя. Горемыкин, в частном разговоре, так

резюмировал результаты этого заседания: «Вчера ясно обнаружилось, что Государь Император остается правым, а в Совете Министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению».

И тут, под влиянием коноваловской группы, либеральные министры, к которым присоединился Сазонов, ухватились за мысль, брошенную Родзянко: принудить Царя уступить под угрозой коллективной отставки министерства. «То есть, говоря просто, вы хотите предъявить своему Царю ультиматум», заметил Горемыкин на горячую речь Сазонова.

Идя дальше, престарелый председатель Совета с беспощадной иронией раскрыл те темные побуждения, которыми руководствовались новоявленные защитники Великого Князя Николая Николаевича:

«Сейчас о принятом Его Величеством решении знают все; знают и то, что это решение бесповоротно. Следовательно, та агитация, которая идет вокруг этого вопроса и связывается с требованием министерства общественного доверия, т. е. с ограничением Царской власти, является ничем иным, как стремлением левых кругов использовать имя Великого Князя для дискредитирования Государя Императора... По моему, чрезмерная вера в Великого Князя и весь этот шум вокруг его имени есть не что иное, как политический выпад против Царя: Великий Князь служит средством».

«Нельзя же в таких побуждениях винить всю Россию», воскликнул министр внутренних дел, кн. Щербатов. «Я говорю не про всю Россию, которая не кричит, а делает свое дело», ответил с насмешкой Горемыкин; «я говорю про левых политиков, которые хотят создать затруднения Монархии и пользуются для этого переживаемым Россией несчастьем».

Этот прямой удар взбесил Сазонова, который бросил заявление о невозможности большинства Совета работать со своим председателем.

Но угроза эта оставила Горемыкина невозмутимым. «Усердно прошу вас всех доложить Государю Императору о моей непригодности и о необходимости замены меня более подходящим к требованиям современности человеком», спокойно заметил он, «буду до глубины души благодарен за такую услугу». А затем, отвечая на едва скрываемое желание министров-оппозиционеров заставить его самого подать в отставку, Горемыкин преподал им заслуженный урок верноподданства и патриотизма.

«В моей совести Государь Император — Помазанник Божий, преемственный носитель Верховной власти; Он олицетворяет собою Россию. Ему 47 лет, Он царствует и распоряжается судьбами русского народа не со вчерашнего дня. Когда воля такого человека проявилась и путь действий бесповоротно принят, верноподданные должны подчиниться, какие бы ни

были последствия. А там дальше — воля Божия... Полвека я так привык понимать свой долг служения Монарху и от этого правила не отступлю до конца. В переживаемое нами время требование отставки и неподчинение воле Царя считаю актом непатриотичным. Он будет на пользу не России, а противникам Престола»...

«Мы должны служить не только Царю, но и России», воскликнул патетически Харитонов, на что Горемыкин резко отчеканил: «в моем представлении эти понятия неразделимы. Здесь корень нашего разномыслия».

Надежды Сазонова и министров оппозиции представить Государю «ультиматум» от лица Совета разбились о решительное заявление Горемыкина, что «пока он председатель, он не может допустить представления Его Императорскому Величеству от имени Совета Министров журнала с содержанием такого рода».

«Тогда», заявил Сазонов, «мы, т. е. большинство Совета Министров, оставляем за собою свободу действий в доведении нашего мнения до сведения Государя Императора», на что получил иронический ответ: «в ваши частные выступления я не считаю возможным вмешиваться».

К мнению председателя присоединился и молчавший во время этих горячихъ прений министр юстиции А. А. Хвостов.

«Для меня этот вопрос разрешен с момента присяги. Предъявление Царю требований об отставке я считаю для себя абсолютно недопустимым. Поэтому ни журнала, ни доклада, ни иной декларации не подпишу. По моему, политика уступок вообще неправильна, а в военное время недопустима. Предъявляются требования об изменении государственного строя не потому, что это изменение необходимо для организации победы, а потому, что военные неудачи ослабили положение власти и на нее можно действовать натиском, с ножом к горлу. Сегодня будут удовлетворены одни требования, завтра заявят новые, еще дальше идущие. Политика уступок нигде в мире не приводила к хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости. Призывы, исходящие от Гучкова, левых партий Государственной Думы, от коноваловского съезда и от руководимых участниками этого съезда общественных организаций, явно разсчитаны на государственный переворот. В условиях войны такой переворот неизбежно повлечет за собою полное расстройство государственного управления и гибель отечества, поэтому я буду бороться против них до последнего издыхания».

Но спокойные, полные патриотизма и государственной мудрости, слова министра юстиции не могли оказать влияния на попавших под масонские

влияния членов Правительства, утративших уже самое представление о присяге и верности Монарху. На другой же день, за подписью восьми министров, было послано Государю следующее коллективное письмо:

«Всемилостивейший Государь.

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к Вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий. Вчера в заседании Совета Министров, под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы Великий Князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в Верховном Командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и Династии Вашей тяжелыми последствиями.

На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета Министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий Правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни гибельно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине ».

Эта капитуляция членов русского Императорского Правительства перед образующейся за кулисами новой революционной властью была подписана Харитоновым, Кривошеиным, Сазоновым, Барком, кн. Щербатовым, Самариным, гр. Игнатьевым и кн. Шаховским. Военный и морской министры, не имеющие, как военные, права подписываться под коллективным выступлением, все же довели до сведения Государя о своей солидарности со своими коллегами.

Государь, при всей Своей мягкости, был возмущен дерзким выступлением министров. Занятый на фронте, Он оставил пока этот вопрос неразрешенным, но, впоследствии, 16 сентября, вызвав в Ставку Совет Министров, сделал ему резкий выговор и, говорят, разорвал их письмо в клочки, сказав: «Это мальчишество. Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логгиновичу я верю».

По возвращении в Петроград Горемыкин передал Яхонтову: «все получили нахлобучку от Государя за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса».

Но не только передъ отечественными бунтарями отступало в панике министерство; оно готово было сдаться без боя и внешним, международным врагам российской государственности.

4 августа министр внутренних дел, кн. Щербатов, в весьма витиеватой и осторожной форме сообщает Совету Министров, что «руководители русского еврейства», в «пылу беседы» с ним, прямо заявили ему, что «среди еврейской массы неудержимо растет революционное движение» и что «заграницей тоже начинают терять терпение, и может получиться такая обстановка, в которой Россия не найдет ни копейки кредита»... Иными словами, пожелания принимают почти ультимативный тон; дойдя до этого признания, министр уже с бóльшей развязностью перешел к сущности своего предложения: отменить для евреев черту оседлости.

При обсуждении этого предложения Кривошеин снял тот флер, под которым кн. Щербатов скрывал имена «руководителей русского еврейства»: Каменка, Гинцбург и Варшавский; эти господа явились также к министру финансов Барку и вполне открыто поставили условия дальнейшего финансирования войны на русском и иностранном финансовом рынке. К стыду русских Царских министров, предложение кн. Щербатова было принято Советом. Особенно бурную радость проявил по этому поводу министр иностранных дел Сазонов, который на обычный вопрос председателя: «больше возражений нет?» восторженно воскликнул: «Не только нет, но я, в качестве министра иностранных дел, приветствую принятое решение»... и уже совершенно неосторожно добавил: «Я знаю из верного источника, что всемогущий Леопольд Ротшильд и не идет дальше городов». Этому примеру откровенности последовал и министр финансов Барк.

Нашелся, однако, среди министров человек с простой русской душой, человек ни к «обществу», ни к «правяшему классу» не принадлежащий, который поднял свой голос возмущенного протеста против постановления своих коллег. Это былъ министр путей сообщения С. В. Рухлов. «Вся Россия страдает от тяжестей войны, но первыми получают облегчение евреи», воскликнул он, «мое чувство не может этого переварить. Подтверждается поговорка, что за деньги все покупается, и таким подтверждением является правительственный акт. Несомненно все узнают его происхождение и мотивы; какое впечатление это произведет не на еврейских банкиров, а на армию и на весь русский народ, который далеко не благодушно смотрит на роль евреев в переживаемых событиях. Допущение евреев к свободному жительству хотя бы только в городах, за чертою оседлости, является коренным и бесповоротным изменением исторически сложившагося законодательства, имеющего целью

оградить русское достояние от еврейских захватов, а русский народ — от разлагающего влияния еврейского соседства. И все это производится под давлением еврейской мошны. Не Правительство считает это нужным, а его заставляют, пользуясь критическими обстоятельствами, переживаемыми Родиной. Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России, извлекать выгоды из народного бедствия и всеобщего разорения. Русские люди несут невероятные лишения и страдания и на фронте и в тылу, а еврейские банкиры покупают своим сородичам право использовать беду России для дальнейшей эксплуатации обезкровленного русского народа... Говорилось и о финансовых, и об экономических, и о военных, и об общеполитических соображениях в пользу жеста по еврейскому вопросу, но не упоминалось об опасности с точки зрения рассеяния по всей России источника революционной заразы, каковым являются евреи; достаточно припомнить роль этого племени в событиях 1905 года, а в отношении нашего времени министру внутренних дел вероятно известно, какой процент иудеев приходится на лиц, ведущих революционную пропаганду и участвующих в различных подпольных организациях... У меня рука не подымается поставить свою подпись под этим журналом. Я категорически отказываюсь дать свою подпись, но решению Совета Министров подчиняюсь и разногласия не заявляю».

Честное и правдивое заявление Рухлова вызвало некоторое смущение у министров. «Конечно, С. В. Рухлов глубоко прав в своих указаниях на разрушительное влияние еврейства», заметил кн. Щербатов, «но что же нам остается делать, когда нож приставлен к горлу? Если неоспорима зловредность еврейства, то неоспорима и необходимость денег для ведения войны. А деньги в еврейских руках». А А. В. Кривошеин с какой-то безнадежностью прибавил: «Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но тем не менее журнал о льготах этим самым евреям подписал, ибо сознаю неизбежность такого акта. Как я уже говорил в Совете Министров, нельзя одновременно вести войны и с германцами, и с евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия».

Итак, в эти памятные июльские и августовские дни 1915 года русское Императорское Правительство капитулировало перед организованным еврейством, капитулировало без боя, без сопротивления, с какой-то трусливой поспешностью. И в результате это самое еврейство через полтора года смело Царский режим и устроило в России кровавую баню, которая продолжается и до сих пор.

А тем временем натиск на власть продолжал систематически производиться. В середине августа среди членов Государственной Думы и

Государственного Совета образовалась группа под названием «прогрессивного блока», с обще-либеральной программой, включающей и «министерство общественного доверия», и амнистию всем политическим преступникам, и, конечно, еврейское равноправие. Но настоящая сущность этого нового хода была как нельзя лучше формулирована Горемыкиным: «Я считаю самый блок, как организацию между двумя палатами, неприемлемым», сказал он. «Его плохо скрытая цель — ограничение Царской власти. Против этого я буду бороться до последних сил».

Но по тем же самым соображениям, которые вызывали отрицательное отношение престарелого председателя к новому оружию революции, блок получил активную поддержку «левой» части министерства, главным образом, Поливанова и Сазонова.

Эти представители революционной буржуазии использовали для атаки на Горемыкина вопрос о роспуске Государственной Думы на осенний перерыв. Такой роспуск был не только законен и обычен, но, по обстоятельствам времени, представлялся почти необходимым. Действительно, Дума, совершенно отбившаяся от всякой законодательной работы, обратилась в сплошной и крикливый митинг, тормозящий и расстраивающий ход государственного механизма. Даже левые депутаты признавались Кривошеину, что Дума начинает безудержно катиться по наклонной плоскости.

Однако, министры-оппозиционеры, начиненные директивами заправил Государственной Думы, пытались изобразить естественный акт Правительства — указ о роспуске законодательных палат, как вызов, брошенный стране, вызов, который неминуемо произведет бунт и кровопролитие. На этом основании министры предлагали снова возбудить вопрос об отказе Государя от принятия Верховного Командования, т. к. было бы опасно соединить два повода к беспорядкам — эту перемену и роспуск Думы. Но этот обходной маневр встретил решительный отпор со стороны Горемыкина. Тогда министры, свершив новый внезапный поворот, заявили, что вопрос о роспуске Думы должен быть связан с вопросом о новом Правительстве, пользующемся «общественным доверием». «Следовательно», заметил Горемыкин с обычной своей спокойной иронией, «вопрос о роспуске Думы должен быть отложен до распределения портфелей и ограничения Монарха в прерогативе избрания министров?» Такая прямая постановка вопроса не могла быть приятной министрам-оппозиционерам; приходилось раскрыть свои карты, что Кривошеин и сделал: «Пусть Государь пригласит определенное лицо», сказал он, «и предоставитъ ему наметить своих будущих

сотрудников». Было ясно, куда клонил Кривошеин и его сторонники; здесь уже шел разговор не об изменении личного состава министров, а, как метко указал Горемыкин, об ограничении Монарха в прерогативе назначения их по своему выбору.

По мере того, как снимались стыдливые покрывала с настоящего лица большинства Совета, тон министров становился все наглее и наглее по отношению как к своему председателю, так и к Монарху. Управляющий делами Совета Яхонтов отмечает, что «Поливанов больше помалкивает и изредка кусается. Его резкость в отношении Ивана Логгиновича переходит границы приличия. Старик едва сдерживается при всей своей корректности».

Скоро «старик» дал своим коллегам новую пищу для злобных выходок. Уезжая в Ставку с докладом Государю, Горемыкин с грустью сказал Яхонтову: «Да, тяжело огорчать Государя рассказом о наших несогласиях и слабонервности Совета Министров. Его воля избрать тот или другой путь действий. Какое ни будет повеление, я исполню, во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя от Царя нападки и неудовольствия. Пусть ругают и обвиняют меня, я уже стар и недолго мне жить. Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность Царской власти. Сила России только в Монархии. Иначе такой кавардак получится, что все пропадет. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогоним немцев». Эти простые, честные и здравые мысли были, конечно, совершенно чужды затуманенным головам большинства министров. И это сразу и обнаружилось при возвращении из Ставки Горемыкина, привезшего, как и следовало ожидать, Высочайшее повеление о роспуске Думы и приказание членам Совета Министров оставаться на своих местах. Государю на фронте было не до министерских интриг, но Он повелел Горемыкину передать, что, когда будет возможно, Он вызовет Совет Министров и лично все разберет.

Заседание Совета прошло под знаком бури. Тон споров поминутно подымался, и собрание скоро обратилось в крикливый митинг, в котором спокойным оставался один председатель. Особенно волновался Сазонов, дошедший до какого-то исступления в угрозах и обвинениях против Горемыкина. «Кровь завтра потечет по улицам», выкрикивал он, «и Россия окунется в бездну. Зачем и почему? Это все ужасно. Во всяком случае громко заявляю, что ответственность за ваши действия и за роспуск Думы в теперешней обстановке я на себя не принимаю».

«Ответственность за свои действия я несу сам и никого не прошу ее делить со мною», невозмутимо ответил Горемыкин. «Дума будет распущена в

назначенный день и нигде никакой крови не потечет». А когда, закрыв заседание, Горемыкин выходил изъ зала, ошалевший Сазонов кричал истерическим голосом: «Я не хочу с этим безумцем прощаться и подавать ему руку». Затем, шатаясь, он направился к двери, поддерживаемый управляющим делами Яхонтовым и, наконец, очутившись в передней, перешел почему-то на французский язык и, взвизгнув: «il est fou, ce vieillard!», опрометью бросился вон.

Таков был российский министр иностранных дел в самое тяжелое для Родины время.

Конечно, прав оказался не истеричный Сазонов, а спокойный и опытный Горемыкин: Дума была распущена и «нигде никакой крови не потекло». Тщетно главари движения пытались вызвать брожение на фабриках; рабочие хотели работать, а не баррикады строить.

Французский посол Палеолог отмечает в своем дневнике: «Опасаться еще нечего; это только генеральная репетиция». Впрочем, посолъ гораздо лучше и яснее сознает положение, чем представители оппозиции, во главе с Милюковым. За обедом в знакомом доме он им прочитывает настоящую нотацию, с решительностью указывает им, насколько поведение их бессмысленно и преступно, и прибавляет: «Я считаю своим долгом напомнить вам, что вы находитесь против неприятеля и что вы должны отказаться от всякого действия, всякого выступления, которое могло бы ослабить ваши военные усилия».

Сконфуженные либералы, повесив нос, спешат обещать Палеологу «подумать», но посла не легко провести. Он сознает, что готовится революция, и дает себе ясный отчет в ее ужасных последствиях. Палеолог депешей сообщает Делькассэ о своих сомнениях; «до последнего времени можно было предполагать, что до конца войны не произойдет революционных беспорядков. Теперь же я за это не поручился бы. Итак, ставится вопрос о том, будет ли Россия еще в состоянии, через некоторое более или менее отдаленное время, продолжать действительно выполнять свои обязательства союзницы»....

Посол не ошибался. Люди, с которыми он только что обедал, изменяли уже своей Родине, а восемнадцать месяцев спустя должны были предать и союзников.

Строгий урок патриотизма, преподанный им Палеологом, не мог, разумеется, ни повлиять на тех, кто готовили революцию, ни тронуть их совесть; но они поняли, что их планы не вызывают сочувствия у французского посла, а, между тем, сознавали, что нравственная поддержка союзников им

необходима для действия. Они тогда обратили свои взоры на представителя Великобритании, сэра Джорджа Бьюкенена.

Роль, которую этот англичанин сыграл во время инкубационного периода революции, получила весьма строгую оценку в позднейшем общественном мнении. Но и в те дни английское посольство считалось связанным с оппозицией и осведомленным о готовящейся революции. Об этом совершенно определенно указывают Родзянко, французский посол Палеолог и английский историк James Mavor. Даже осторожный Жильяр признает в своих мемуарах, что Бьюкенен, плохо осведомленный, «допустил ввести себя в заблуждение». Княгиня О. В. Палей, супруга Великого Князя Павла Александровича, со своей стороны так отзывается о после:

«Английское посольство, по приказанию Ллойд Джорджа, стало очагом пропаганды. Либералы, как князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т. д., встречались там постоянно. Именно, в английском посольстве было решено сойти с законных путей и вступить на путь революции».

Тщетно, в своих воспоминаниях, Бьюкенен пытался оправдаться. Он вынужден был сам признать, что «обвинение это все еще тяготеет над ним и что он бессилен его сбросить». Недавно за память своего отца вступилась дочь посла, мисс Мэриель Бьюкенен, которая в книге, переведенной и на русский язык, старается, по понятным причинам, обелить своего отца.

Оставляя даже в стороне моральный облик Бьюкенена и обращаясь к его же собственным признаниям, к бесспорным фактам и к опубликованным документам, приходится признать, что деятельность этого союзного дипломата была, в течение всей войны, направлена ко вреду России и к скорейшему ее разрушению.

С чисто британской самоуверенной наглостью, Бьюкенен совершенно открыто вмешивается во внутреннюю политику России, громко выражает свои симпатии и антипатии, якшается с оппозицией, предъявляет русскому Правительству и даже Царю требования, звучащие, как угрозы. О некоторых этих неприличных выступлениях мы будем говорить подробнее в следующих главах. Ограничимся здесь указанием на более мелкие случаи вмешательства Бьюкенена не в свое дело и дерзкого нарушения русских интересов.

В июне 1916 года, прослышав, что Государь решил уволить истеричного Сазонова, особенно угодного Англии, Бьюкенен обращается к Монарху с секретной телеграммой от 6/19 июня, в которой убеждает Его оставить министра иностранных дел на месте, осмеливаясь, вместе с тем, угрожать Царю «серьезными последствиями».

Когда же Государь, не испугавшись «серьезных последствий», все же уволил Сазонова, то за дело вытаскивания провалившегося министра взялся представитель английского правительства. В январе 1917 года он предложил Государю не более не менее, как... назначить Сазонова первым министром. «В Сазонове Ллойд Джордж был уверен», пишет канцлер Бетман-Гольвег .

Наивная британская дерзость сказалась также на одном приеме Государем английского посла в 1916 году. Речь шла о более активном вступлении Японии в войну, и вот Бьюкенен предложил дать Японии в виде компенсации за помощь союзникам... северную часть Сахалина. Бесполезно говорить о том, как встретил Государь такое предложение.

Какие могли быть побуждения у английского посла и его правительства в этом систематическом натиске на русскую государственность, на силу самодержавия, на национальное достоинство России?

Говоря об обвинениях кн. Палей против Бьюкенена, французский журналист де-Ровил замечает, что, для посвященных, в них нет ничего нового и, ставя вопрос шире, он прибавляет: «Большевизм родился 5 сентября 1914 года в Лондоне; когда Россия потребовала для подписания договора, чтобы проливы были ей отданы после войны, Англия принуждена была согласиться: тогда содействие России было необходимо; но, решив про себя никогда не допустить России до Средиземного моря, где в ее руках оказался бы один из ключей индийскаго пути, Англия озаботилась, чтобы непредвиденный случай сделал этот договор недействительным. Этим «непредвиденным случаем» оказалась революция 1917 года — которой и Германия сумела воспользоваться — и, если Англия ничего не сделала для спасения Императора Николая II, двоюродного брата своего короля, то потому, что несчастный Царь был одним из подписавших договор 5 сентября, и в случае, если бы Он остался в живых и вновь приобрел Престол, Он мог бы напомнить Альбиону о честном выполнении своего обязательства».

И вот, подготовка этого «непредвиденнаго обстоятельства» и была поручена сэру Джорджу Бьюкенену.

Генерал Жанен приводит, со своей стороны, рассказ одного своего русского собеседника, в котором последний утверждает, что русская революция вызвана была при содействии Англии. «Сэр Д. Бьюкенен ее организовал, а также и лорд Мильнер... Петроград в то время кишел англичанами; он (собеседник) мог бы назвать улицы и номера некоторых домов, в различных частях Петрограда, где жили английские агенты. В первые дни революции они раздавали деньги солдатам, подстрекая их к бунту, и лично он видел на Миллионной некоторых лиц, известных ему за английских

агентов, раздающих двадцатипятирублевые билеты нижним чинам л.-гв. Павловского полка, за несколько часов до того, как они взбунтовались.

А. А. Гулевич, всегда прекрасно осведомленный в вопросах международной политики и, в особенности, в английских делах, утверждает, что, по имеющимся у него данным, лордом Мильнером было израсходовано более 21 миллиона рублей на финансирование русской революции.

Не удивительно, что Ллойд Джордж, при известии о падении русской Монархии, воскликнул с радостью: «Одна из целей войны для Англии наконец достигнута».

6 сентября был опублнкован приказ Государя о принятии Им Верховного Главнокомандования вооруженными силами Империи. Вместе с тем, в чрезвычайно милостивом рескрипте на имя Великого Князя Николая Николаевича, Государь указывал причины Своего решения, продиктованного чувством долга к Родине, и назначал Великого Князя Николая Николаевича Наместником на Кавказ и главнокомандующим кавказским фронтом.

К великому огорчению оппозиции, отъезд Государя на фронт не только не вызвал в войсках никакого брожения, но, напротив, поднял их дух и ознаменовал начало счастливого перелома в ходе войны.

На фронте начинается кипучая работа. Работают также и петроградские либеральствующие салоны, но производят они пессимизм, безнадежность, тревогу, неудовольствие и клевету, которые экспортируются на фронт с целью подточить, растворить мужество, доверие, волю бойцов.

Государь прекрасно осведомлен об этом.

28 сентября, по возвращении из Ставки, Государь принимает в Царском Селе французского посла. Палеолог отмечает: «У Государя прекрасный вид, выражение уверенности и спокойствия, которого я давно у него не наблюдал». Закончив официальную беседу, Палеолог спрашивает Государя о Его впечатлениях на фронте. «Превосходные», отвечает Государь. «У меня больше уверенности, чем когда-либо. Жизнь, которую я веду во главе своих войск, такая здоровая и бодрящая. Как чудесен русский солдат! Я не знаю, чего нельзя было бы с ним достигнуть. И у него такая воля к победе, такая вера в нее!»

«Я счастлив слышать это от Вас», замечает обрадованный Палеолог, «так как нам предстоят еще огромные усилия, и мы можем быть победителями только благодаря упорству».

Тогда, сжав кулаки, Государь заявляет:

«Я углубился в упорство по самые плечи, я в него окунулся. И я из него выйду только после окончательной победы».

Затем Государь, заговорив о жизни Палеолога в Петрограде, замечает: «Я Вас жалею, что вам приходится жить в среде, столь упавшей духом и пессимистически настроенной. Я знаю, что вы мужественно сопротивляетесь отравленной атмосфере Петрограда. Но если когда-нибудь вы почувствуете себя зараженным, приезжайте ко мне на фронт, и я вам обещаю, что вы немедленно поправитесь».

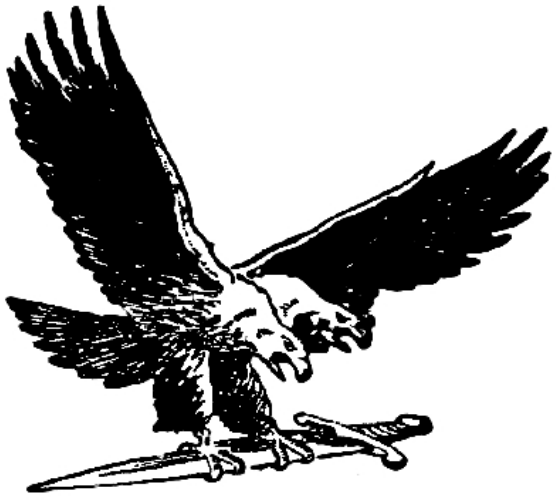
И, омрачившись, Государь прибавляет суровым тоном:

«Эти миазмы Петрограда — их чувствуешь даже здесь, на расстоянии двадцати двух верст. И этот смрад идет не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какая мелочность! Можно ли быть до такой степени лишенным совести, патриотизма и веры!».

И в то самое время, когда Государь говорил о доблести русского солдата, о долге, о вере в победу, петроградское общество, «лишенное совести и патриотизма», упивалось слухами о готовящемся перевороте. На другой же день после этой памятной аудиенции, Палеолог получает блестящее подтверждение сурового мнения Государя о столичных салонах. Г-жа П..., у которой он обедает, с чисто женским жаром говорит ему, захлебываясь от удовольствия, о заговоре против Государя: «Очевидно надо прибегнуть к решительным средствам прошлого, единственно возможным и действительным при Самодержавии — надо низложить Государя и провозгласить на Его место Цесаревича Алексея, с Великим Князем Николаем Николаевичем, как Регентом... Время не терпит».

Да, время не терпит, так как близкая победа России была бы поражением революции.

И. П. Якобий – «Император Николай II и революция». Tallinn, 1938.



Испытывая форму рядового, Государь Николай II
прошел по жаре 14 километров в полном обмундировании.

АВГУСТЕЙШИЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ
- императрица Александра Федоровна,
великие княжны Ольга Николаевна и Татиана Николаевна.

Священнопроповедник Михаил Михайлович Джега

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОМ ИМЕНОВАНИИ САМООТВЕРЖЕННЫМ СВ. ЦАРЯ-МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ.

«Если будете бояться Господа и служить Ему и слушать гласа Его,
и не станете противиться повелениям Господа, и будете и вы и царь ваш,
который царствует над вами, ходить вслед Господа, Бога вашего;
а если не будете слушать гласа Господа и станете противиться
повелениям Господа, то рука Господа будет против вас (...)
только бойтесь Господа и служите Ему истинно, от всего сердца вашего,
ибо вы видели, какие великие дела Он сделал с вами;
если же вы будете делать зло, то и вы и царь ваш погибнете».
(1 Цар. 12: 14-15, 24-25)

В этом году исполняется 100 лет со дня свержения последнего Самодержца Российского – а также последнего Православно-Христианского Императора – Николая II Александровича Романова. Россия лишилась Своего Царя, а Вселенная – Поборника Православного Мира. Надо сказать, что вместе с «взятием от среды удерживающего» (2 Фес. 2:7), исчезла симфония Церкви с государственной светской властью в лице Благоверных Православных Императоров. Они ведь были точно Поборниками Православия: «Царь есть всеобщий защитник (καθολικὸς δεφένσωρ) Церкви и канонов» (5-я гл. синодального деяния 1380/82 г.).[1].

Поэтому никого не должно удивлять заявление относительно верноподданой присяги, выраженной в синодальном акте Константинопольского патриархата при патриархе Михаиле III Анхиале в 1171 г.: «Как отрекшийся от веры в божественное изгоняется из общества православных, так и давший клятву на верность царской власти, но расположенный к ней злонамеренно и враждебно кажется нам недостойным называться по имени Христа, если и носящий царский венец и диадему несомненно есть помазанник Господень»[2].

Но многие в этом не видят никакого урока для человечества, даже считают это пережитком прошлого. Здесь уместно привести замечание преп. Иустина (Поповича), который писал: «В наше время существует немного людей с живым ощущением истории. Обычно события оцениваются фрагментарно, вне их исторической целостности. Эгоистическое ослепление, будь то индивидуального, национального или классового характера, заключает человеческий дух в беспросветные норы, где он мучается в своем собственном аду. Выхода оттуда нет, потому что нет человеколюбия. Не может человек выйти из своего адского солипсизма, если подвигом самоотверженной любви не перенесет душу свою в других людей, служа им евангельски преданно и искренно»[3].

Церковь Православная именует угодившего Богу правителя (государя – государыню, императора – императрицу, царя – царицу, короля – королеву, князя – княгиню, деспота – деспотину, принца – принцессу, господаря – господарыню) «БЛАГОВЕРНЫМ (ОЙ)» (греч. εὐσεβής)[4]. Это выражение в истории использовалось в разных случаях:

1. как Эпитет в славословиях в честь римских, а затем и византийских императоров, указывавший на строгое следование государя принятым официальным морально-религиозным установлениям Церкви Православной;

2. как Титул в богослужении Русской Православной Церкви по отношению к членам императорской фамилии[5];

3. как именование Лика (Чина) святых из императоров, царей, князей[6].

Почитание христианских царей имело начало в эпоху Вселенских Соборов. Историческая судьба Константинопольского Патриархата, всегда была тесно связана с Византийской империей. Православный император, по выражению самого равноапостольного Константина I Великого, имел статус «поставленного от Бога епископа внешних дел Церкви» (Euseb. Vita Const. IV 24). В церковном почитании византийских государей «находит выражение теократический идеал царского служения»[7].

Для того, чтобы признать Царя Святым и Благоверным должны были быть соблюдены следующие условия:

1. праведность;

2. «нееретичество» – т. е. соблюдение чистоты Православия и защита её в своем государстве[8]. И это была главная причина народного воспоминания, а затем и почитания Царя, скончавшегося в «благоверии».

ВЕРНОСТЬ ПРАВОСЛАВИЮ сливается для благ. царя Мануила II Палеолога (1350-1425) С ВЕРНОСТЬЮ ОТЕЧЕСТВУ, а потому обращение к другой вере автоматически предполагает ИЗМЕНУ ОТЧИЗНЕ. Для

православных греков измена веры являлась тягчайшим грехом – так как чувство патриотизма было неотъемлемым качеством добродетельного человека. Служение отчизне, в системе ценностей Мануила II, также является и наградой за труды. Таким образом, некто, добровольно отказавшийся от своей родины, лишается права считать эту землю своей. «Он обязательно должен расценивать собственную землю как чужбину»[9].

Святые благоверные князья составляют особый, весьма многочисленный чин святых в Русской Церкви. На Руси можно насчитать около 158 святых правителей Русской Земли, канонизированных к общему или местному почитанию, тем или иным собором Русской Православной Церкви или Русской Православной Церкви Заграницей. Все они - представители всего двух династий, правивших на Руси: Рюриковичей и Романовых. Среди этих русских благоверных государей находятся: два московских царя – Феодор Иоаннович и Николай Александрович; 40 великих князей и 101 удельный; 17 представителей рода Романовых. Интересно отметить, что большинство из них были членами одного рода (Рюриковичи и Романовы связаны между собой благоверным царем Феодором Иоанновичем, который по отцу был Рюрикович, а по матери – Романов).

I.
Подвиг царского служения и царственное мученичество.

«Власть есть функция воли».
Проф. И. А. Ильин[10]

Для правильного понятия Святости Царей и Князей надо привести ценную научную концепцию ЦАРСКОЙ СВЯТОСТИ, принадлежащую Е. В. Никольскому[11], для которой «идеал царского служения заключается в непрерывном принесении себя в жертву за весь народ – ЖЕРТВЕННОСТЬ СЛУЖЕНИЯ СВОЕМУ НАРОДУ: «Рассмотрев жизненный путь святых государей, мы приходим к выводу, что в основе царственной святости лежит жертвенность. (…) Другой стороной царственной святости является высочайшее смирение и глубокая внутренняя аскеза: несмотря на то, что земной монарх окружен славой, роскошью, а порою и раболепием поданных, он всегда имеет пред своими очами Царя Небесного и помнит о том, что в очах Бога он ничем не больше последнего из своих подданных»[12]. «В основу канонизации святого государя кладутся его подвиги как христианина, воплотившего в своем трудном служении идеалы, завещанные нам Господом и

Спасителем Нашим Иисусом Христом, Царем Вселенной. В этом пример праведных монархов для других христиан, в том числе и для благочестивых мирян и боголюбивых иноков»[13].

Уместно здесь привести слова проф. И. А. Ильина: «Чтобы верно увидеть идею Государя, надо понять, что принадлежащая ему в государстве **верховная власть** отнюдь не безгранична, а связующие его **верховные обязанности** возлагают на него такое бремя, с которым человек может справиться, **только принося себя целиком в жертву**, испрашивая благодатную помощь Свыше и опираясь на всенародное верное служение в своей стране. Это означает, что дело Государя есть **самоотверженное служение**, и что служение это состоит в государственно-верховном **властвовании**. Такое единство **властвования и служения** имеет существенное, определяющее значение; оно не может и не должно расторгаться. Гражданин, видящий одно только властвование монарха, становится на путь протеста, легко переходящего в возмущение, в заговор, бунт и революцию. Монарх, разумеющий свое дело лишь как властное произволение, незаметно впадает в противогосударственный «абсолютизм», презирает право и закон, становится деспотом и тираном, начинает править террором и вырождает всю государственную жизнь. В действительности же, властвование Государя должно быть осмысливаемо – и им самим, и гражданами, – как **служение** и притом в **каждом** совершаемом акте; а служение его состоит именно в том, что он **возглавляет**, а во многих случаях и воплощает начало власти в государстве. Государь **властвует**. Но не потому, что он «властолюбив», а потому, что он к этому**призван и обязан**: в этом его **служение**»[14].

Здесь надо сказать, что многие монархи весьма сознательно подходили к своему служению как подвигу, а не властвованию, причем не исключали долга самоотвержения ради блага своего народа. Это замечает проф. И. А. Ильин: «Ввиду всего этого надо признать, что Государь, усвоивший свое призвание и всю полноту своей ответственности, начинает чувствовать себя**пленником**, а нередко и **мучеником** своего престола. Он всю жизнь призван жить не по своему вкусу, желанию и выбору, а по зову трона, то подготовляя себя к будущему, то проницая данные обстоятельства и предстоящих людей, то жертвуя всем, главным и любимым, то заставляя себя превозмогать во имя своего народа сущую муку жизни, от которой ему нельзя отказаться. Имея это в виду, нетрудно понять, что у Государя, стоящего перед престолом, отдающего себе полный и ясный отчет в своей ответственности и **не чующего в себе призвания к власти**, могут быть часы, и дни и годы, когда он

будет **мечтать о неприятии трона**, об освобождении своей личности и своей частной жизни от этого плена и мученичества; в особенности, если ожидающий его трон окружен дурными, низкими и развратными людьми»[15].

Эта жертвенность не только проявляется в заботе о своём народе, ведь «Государь есть призванный и ответственный **воспитатель** своего народа. Он должен верно разуметь его характер, уровень его правосознания и его национальную идею»[16].

Он также несет ответственность пред Богом за свой народ, «поэтому надо признать, что в служении Государю нет «перерывов»: в каждую минуту своей жизни он несет все бремя своего служения и своей ответственности. (…) Поэтому Государю естественно и необходимо приучить себя к тому, что просто «личной» жизни, «частной» жизни, как таковой, которая «никого, кроме него, не касается», у него – нет и не будет. Можно было сказать, что Государи проводят свою жизнь, как бы в большом стеклянном помещении, стены, пол и потолок которого состоят из огромных увеличительных стекол, так что весь народ все время смотрит в эти стекла, видит все, – и излишнее, и ненужнее, и нередко наоборот, не видит самого главного; и всегда остается готов к всевозможным пересудам и кривотолкам. **Личная** жизнь Государя есть во всем и всегда**достояние его народа**: ее нельзя выделить из этого великого исторического потока, невозможно объявить ее «безразличной» во всенародном масштабе. Сказать, «что до этого никому нет дела», значит высказать неверное и совершить целый ряд ошибок в жизни»[17].

Поэтому как пишет проф. И. А. Ильин: «Кто раз вчувствуется и вдумается в Государево дело и призвание, тот убедится в **жертвенности его служения**. Дело обстоит совсем не так, что его ждет участь, исполненная развлечений, наслаждений и всяческих самоугождений, как воображают иные легкомысленные авантюристы, честолюбцы и завистники. Должно прямо признать, что чем ближе сам претендент на престол к такому воззрению, тем менее он разумеет свое призвание, тем менее он вообще способен стать Государем, тем более он исказит свое служение и навредит своему народу. Напротив, Государь должен быть готов пожертвовать всеми своими силами, своим досугом, своими пристрастиями, своим личным счастьем (в любви и браке[18]), своим здоровьем и своей жизнью. (…) Государь, вступая на престол, становится не просто властелином, но **пленником и мучеником своей власти**. Так разумел это дело и Император Николай Павлович, отвечая своей матери Императрице Марии Федоровне при приятии престола от Константина Павловича: «Это еще вопрос, которую из двух жертв в этом случае должно считать выше – со стороны ли отказывающегося или со

стороны принимающего»… – Достаточно помыслить о том, сколь великое число монархов пало от руки убийц, чтобы погасить раз навсегда завистливые разговоры о привилегиях Государя и его звании и увидеть все это по-новому, из глубины и в верном величии»[19].

Жертвенное служение своему народу привело многих из царей и князей к мученичеству, но ЦАРСТВЕННОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО имеет свою специфику, о чем пишет Е. В. Никольский следущее: «Не случайно царская святость связана с мученичеством и страстотерпчеством. Ведь положение монарха и исполняемые им обязанности, если использовать современное словоупотребление, являются самой опасной для жизни человека профессией, а вернее, должностью, по статистике, является должность правителя того или иного государства: королевства, империи, республики и прочих образований. (…) Естественно, не всякая насильственная смерть монарха является мученичеством и поводом для причисления его к лику святых. Но очень часто в истории случалось так, что тот или иной Государь умирал за Христа»[20].

История знает много примеров ЦАРСТВЕННОГО МУЧЕНИЧЕСТВА среди христианских правителей[21]. Среди них цари грузинские (казнены за отказ принять ислам) - **Арчил II** († ок. 744), **Димитрий II Тавдадебули (Самопожертвователь)** († 1289), **Луарсаб II Карталинский** († 1622). В таком же положении оказывались и многие русские князья XIII-XIV вв. (татаро-монгольское иго), из которых несколько были казнены в Орде (в Сарае на Волге) и почитаются святыми (самый известный – Михаил Тверской). В Валахии известный пример - князь**Константин Брынковян**, который 15 августа 1714 года, в день Успения Божией Матери, вместе со всеми **четырьмя сыновьями: Константином, Стефаном, Радом и Матфеем** и слугой Янаком Вэкэреску, был казнен за отказ принять ислам. Перед смертью Господарь обратился с последним словом к сыновьям: «Сыновья мои, будьте смелее! Мы потеряли все, что имели на этом свете; спасем, по крайней мере, свою душу, омыв все наши грехи своей кровью!». Подвижническая его кончина вызвала глубокий отклик в душе румынского народа. Вскоре после гибели Константина началось его почитание как мученика. 20 июня 1992 года все они были прославлены Румынской Православной Церковью.

В Греческой истории тоже можем найти немало примеров ЦАРСТВЕННОГО МУЧЕНИЧЕСТВА, но, думаю, лучший - последний василевс Трапезунда. Исторической справедливости ради стоит отметить, что последним благоверным православным греческим царем был **Давид II Великий Комнин** (ок. 1408–1463). Он был последним царем Трапезундской империи в 1459–1461 годах. 26 октября 1461 г. он сдал город Трапезунд, чтобы

тем самым спасти его жителей от резни, похожей на ту, которая была при взятии турками Константинополя. Нельзя забыть о том, что в битве за Трапезунд турецкими войсками командовал Махмуд-паша (грек, принявший ислам). И его двоюродный брат Георгий Амируци, который был советником Трапезундского царя Давида, тоже принял ислам вместе со своими детьми. Император Давид был лишен трона и после этого еще несколько лет прожил в ссылке. Спустя несколько лет был арестован, султан Мехмед II Завоеватель подозревал Его в тайных связях со своими врагами. Царь был привезен в Стамбул вместе со своими сыновьями и племянником Алексием, и посажен в темницу-крепость «Семи Башен» (тур. Yedikule Hisar). Давиду было предложено принять ислам, но он отказался. После этого решения, он вместе со **своими сыновьями: Василием, Мануилом, Георгием и племянником Алексием** были казнены 1 ноября 1463 года[22]. Мученический подвиг царя трапезундской империи никак нельзя сопоставить с поведением последнего царя византийской империи Константином XI, который 12 декабря 1452 в храме Святой Софии восстановил Флорентийскую Унию (которая хотя была подписана 5 июля 1439 году во Флоренции, но не была объявленной в самом Царьграде из-за опасности народного бунта) 12 декабря 1452 года, т. е. за полгода перед Падением Царьграда. Уния была объявлена 12 декабря 1452 г. во вторник 29-ой седмицы по Пятидесятнице, в день памяти свят. Спиридона, еп. Тримифунтского, чудотворца († 348). Именно в день памяти великого Поборника Православия против ереси арианства, совершалось отступление Византийской Империи от Православия. Отступление, которое можем смело назвать капитуляцией Второго Рима – Константинополя, принесенной наследнику падшего Первого Рима – Римскому Понтифику (Папе). Вот как об этой измене Св. Православию писал знаток истории Церкви Православной проф. А. П. Лебедев: «Константин XI, за неимением других надежных средств пособитъ беде, задумывает искать защитника Греции в лице папы и для этого заводит сношения с папою Николаем V, соглашаясь на церковную унию съ Римом. Уже, кажется, довольно произведено было опытом унии с Римом, - и все они были неудачны. Пробовать устроять это, не шедшее на лад, дело казалось совершенно напрасно, но Константин, с отчаяния, снова затевает унию с Римом, в надежде на материальную помощь от папы и римско-католического Запада. Но изо всего этого ничего не вышло, или, лучше сказать, получился тот же результат, как и прежде: в унии Греки находили повод ко взаимным раздорам, так как в подобных случаях всегда являлись среди них две партии – партия врагов унии и партия поборников за унию. Сношения Константина с Римом начались незадолго до падения

Константинополя и имели последствием то, что в столицу восточного христианства папа прислаъ известного русского экс-митрополита, кардинала Исидора, со свитою; на него возложено было поучение устроить самым делом унию между двумя церквами. И действительно в Константинополе 12 декабря 1452 года провозглашено было единение Восточной церкви с Западной. Этот факт принадлежит к самым печальным в истории жизни последнего Византийского иммператора. **Что ни говорили бы в защиту его, все же последний православный Византийский государь был изменником православия. Ренегатство это было тем позорнее, чем менее оно было искренно.** Вот слова, которыми императоров и единомысленные с ним лица успокоивали не желающую унии толпу; они говорили: потерпите немного, подождите, чтобы Бог избавил столицу от великого дракона (Турок), который хочет пожрать нас, тогда вы увидите: искренно ли наше примирение с азимитами»[23].

Вот вывод Е. В. Никольского в его исследовании ЦАРСТВЕННОГО МУЧЕНИЧЕСТВА: «Рассмотренные примеры показывают, что помимо верности Христу даже до пролития крови, царственные мученики, жертвуя жизнью и материальными благами ради Христа, дают пример своим поданным. И тем самым утверждают в мире веру во Христа и в торжество добра»[24].

II.
Ересь царебожничества как проявление антрополатрии.

«Един и посредник между Богом и человеками».
(1 Тим. 2:5)

Начиная с 90-х годов на территории бывшего Советского Союза начинают распространяться разные лжеучения, среди них ересь царебожничества, которая является местным вариантом антрополатрии (человекопоклонничества), поскольку это догматическое погрешение против Веры Православной.

Следует сказать, что об опасности этой ереси предостерегал учитель истинного Богопочитания преп. Иустин (Попович). По выражению свт. Кирилла Александрийского, нам открыты были «догматы истинного богопочитания» (PG 74, 537), сама же антрополатрия есть противоположна всем этим догматам, поскольку она центром всего делает Человека, вместо Богочеловека. Именно в этом преп. Иустин (Попович) видел самую большую

опасность гуманизма, который по Его мению сводится к обоготворению человека, т.е. антрополатрии. Последняя же есть прямая подготовка к воспринятию лже-христа, т.е. антихриста – который будеть как раз мессией гуманизма. Такое определение ереси царебожничества как ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ВМЕСТО ОБОЖЕНИЯ твари замечает современный исследователь этой проблематики Е. В. Никольский[25].

По учению свв. Отцов обожение (греч. – θέωσις) есть цель человеческой жизни и оно неразрывно связано с человеческим спасением. Оно совершается во Христе благодатью Святого Духа, но его достижение невозможно вне христианского подвига. По учеию преп. Иустина Поповича, следовавшего мнению св. Макария Великого, путь к обожению лежит через претворение в жизнь евангельской этической триады – веры, надежды и любви. Этой триадой личность формируется по образу Христа, пока не станет «христообразной». Вот что пишеть преп. Иустин: «Человеку для спасения нужна каждая добродетель. Для постижения спасения, человеку надлежит проходить и подвиг веры, и подвиг любви, и подвиг молитвы, и подвиг поста, и вообще – подвиг каждой евангельской добродетели. Без веры нет спасения, ибо "без веры невозможно угодить Богу" (Евр. 11,6). То же самое и без любви, без молитвы, без поста, без милосердия и без всех прочих дел»[26].

Здесь надо сказать, что самому свт. Кириллу пришлось встретиться с аналогичным случаем, когда один старец в Нижнем Египте, подвижник высокой жизни, начал считать, что ветхозаветный праведник Мелхиседек был Сыном Божиим. Свт. Кирилл пригласил его к себе и, зная, что старец творит чудеса и Бог исполняет всякую просьбу его, попросил его разрешить будто бы возникшее недоумение и помолиться Богу, чтобы Господь открыл ему, кто же Мелхиседек – Сын Божий или простой человек. Старец помолился Богу, чтобы Он открыл ему о Мелхиседеке и через три дня Господь открыл ему истину. Получив просимое, он пришел к свт. Кириллу и сказал: – Мелхиседек человек, а не Сын Божий. И да будет тебе, владыко, известно, что сие, действительно, так. Свт. Кирилл весьма обрадовался, что спас душу того старца и, поблагодарив, отпустил его. Старец, удалившись, стал проповедовать всем, что Мелхиседек человек, а не Сын Божий. Так мудро наставил угодник Божий невежду на путь истинный[27]. Так видим, к чему довело неправильное понимание Боговоплощения и, с другой стороны, обожествление твари.

Но церковное предание через преп. Иоанна Кассиана Римлянина передает нам еще другой и более печальный случай, где один подвижник начал представлять Бога антропоморфным, то есть подобным человеку. И здесь надо сказать, что этот пример очень важно привести в назидание **имябожникам**.

Монах этот сделал неправильный вывод из учения Библии о том, что, поскольку человек сотворен по образу и подобию Божию, то допустимо и обратное – Бог является подобным человеку. Он точно оказался в ПРЕЛЕСТИ, которая ему не позволила принести раскаяние за это еретическое учение. Даже когда доказали ему неправоту, он вдруг посреди церкви, где должен был принести публичное покаяние, с плачем воскликнул: «Вы лишили меня моего Бога!». Многолетняя привычка искажения учения о Боговоплощении довела его до такого состояния, что он уже не знал, как следует молиться Богу, и был вынужден учиться все по-новому.

1) Поклонники этого учения, отвергають правильное понятие того, чем является Святость. Если посмотрим на все лики Угодников в Церкви Православной то увидим, что все они последовали Христу своими подвигами в добродетелях, доходя этим до Святости (т.е. о**божения, богоуподобления**) как конечной цели христианской жизни, **но никак не участвовали в Его Искупительном деле**. Преп. Иустин (Попович) осуществление Православия видел именно в Богочеловеке и Богоуподоблении Ему. В своих Подвижнических и Богословских Главах писал: «Семена всех добродетелей – богоподобие: все они произрастают в нем, пока не преобразятся в святые добродетели – в дары Духа Святого. Грех помрачил, расслабил богоподобие – богоподобие воли, ума, сердца, всецелой души. Поэтому необходимо Боговоплощение, Духоявление» (Стословие Второе, 97). «Непрестанное богоуподобление на основе богоподобия, с помощью Божественных свойств Богочеловеческих, в Богочеловеческом теле церкви, на основании ипостасного соединения двух естеств в теле церкви Христовой» (Стословие Первое, 74).

Преп. Иустин (Попович) именно в богочеловеческих подвигах и последованию им видить суть Православия: «Чтобы быть Христовой, соборной и вселенской, наша поместная церковь должна непрестанно осуществлять эту цель в нашем народе. Какими средствами может она осуществлять эту богочеловеческую цель? – Никакими иными как только богочеловеческими, ибо богочеловеческая цель может достигаться исключительно богочеловеческими средствами, никогда – человеческими и никогда никакими другими. В этом Церковь существенно отличается от всего человеческого, земного. Богочеловеческие средства не суть иное что, как богочеловеческие подвиги. В них с успехом могут пребывать только богочеловеческие христоносные подвижники. Богочеловеческие подвиги находятся между собой в органической связи: один зарождается в другом, один другого дополняет». Преп. Иусти приводить пять богочеловеческих подвигов, которые суть: 1) подвиг веры, 2) подвиг молитвы и поста, 3) подвиг

любви, 4) подвиг кротости и смирения богочеловеческий и 5) подвиг терпения. Затем Он объясняет зачем они нужны для самой Церкви. «Миссия нашей церкви: богочеловеческие подвиги соделать правилом народной жизни; душу народную соткать из христианских добродетелей. В этом – спасение души от мира, от всех его душегубных, людоедских, безбожных движений и организаций. Культурному атеизму и политизированному людоедству современной цивилизации необходимо противопоставить христоносные личности, которые будут кротостью агнца побеждать разъяренные волчьи страсти и голубиным незлобием спасать народную душу от культурного и политического злосмрадия»[28].

Проф. В. М. Живов дает такое обяснение термина Преподобие: «Преподобие в древних славянских переводах может означать святость и соответствовать гр. [греч] οσιοτης; святость понимается при этом как высшее осуществление того образа и подобия Божиего, которые даны человеку в творении. Монах, получая в постриге новое рождение, обновление для возрожденной жизни во Христе, своей святой жизнью и раскрывает в себе Божие подобие, становясь преподобным Божиим»[29].

2) Царебожники погрешают против Святой Православной Веры, исповедуя что Св. Царь-Мученик Николай II является «искупителем». Это противоречит оснополагающему догмату Христианской Православной Церкви, которая исповедует, что ЕДИНСТВЕННЫМ ИСКУПИТЕЛЕМ всех людей является ХРИСТОС (Мф. 20:28, Мк. 10:45, Рим. 3:24, Кор. 1:30, Гал. 4:5, Еф. 1:7, Еф. 1:14, Еф. 4:30, 1 Тим. 2:5, Кол. 1:14, Евр. 9:12, Евр. 9:15, 1 Пет. 1:18-2 Пет. 2:1, Откр. 5:9).

Правильно замечает Е. В. Никольский: НАЗЫВАНИЕ СВ. ЦАРЯ-МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ II «ИСКУПИТЕЛЕМ» ЯВЛЯЕТСЯ ФАКТИЧЕСКИМ ОТРЕЧЕНИЕМ ОТ ХРИСТИАНСТВА[30].

И с этим, конечно же, нельзя не согласиться. Изучая истоки современного движения царебожников (русских растафариан[31]) Е. В. Никольский приходить к выводу, что это движение: 1) уходит корнями в дореволюционное сектантство; и 2) типологически близко культам обожествленных правителей Древнего мира. Замечая сходство воззрений царебожников с представлениями о монархе в древнем язычестве, Е. В. Никольский заключает: данное религиозное движение при наличии внешней христианской атрибутики пропагандирует сугубо языческое мировоззрение, когда вместо Бога начинается поклонение Его творению (здесь Царю). Одновременно им прогнозируется окончательная дехристианизация царебожников[32].

Последний царь Российской Империи Николай II Романов в разговоре с П. А. Столыпиным в 1909 году, прекрасно выразил первейшую обязанность царского служения – ПОДВИГ ЖЕРТВЕННОСТИ, известными словами: «Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России: я буду этой жертвой – да свершится воля Божия!»[33].

Подвиг Царя заключается в Его нежелании покинуть свой народ и убежать за границу. Царь, полагая душу свою за други своя, разделил участие своего народа и остается вместе с ним.

Но чтобы читатель понял, что имел ввиду Царь Николай, говоря «пусть я буду этой жертвой», надо привести другие Его высказывания, среди которых заставляют глубоко задуматься такие слова Царя: «Я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи - в руках Господа. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его Волей». Здесь нетрудно понять, кто был для Царя Николая единственным Спасителем.

Слово «искупительная» надо понимать здесь в смысле готовности исполнить заповедь Божию положить душу свою за други своя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин.15:13), иное понимание, в смысле способности прощать грехи, есть вероучительное отступление, т.е. ересь. Но именно это высказывание стало для царебожников камнем преткновения (Рим.9:32-33).

Не будем забывать, что человек «никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» (Пс. 49:7). И следует добавить: не только брата своего, но и самого себя, о чем учит вселенский учитель св. Василий Великий: «Что может человек найти столько ценного, чтобы дать в искупление души своей? Но нашлось одно, равноценное всем вместе людям, что и дано в цену искупления души нашей, – это святая и многоценная кровь Господа нашего Иисуса, которую Он пролил за всех нас»[34]. И так как в праотце нашем «Адаме мы согрешили Богу, став по природе чадами гнева Божия» (Еф. 2:3), став должниками смерти, ибо, как говорит апостол, «возмездие за грех смерть» (Рим. 6:23), **только Христом мы искуплены для жизни вечной (1Ин.5:11)**. Еще в Ветхом Завете сам Господь взывает к израильскому народу: «Обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя» (Ис.44:22), чтоб дать ему понять, кто может его освободить от вавилонского плена.

Е. В. Никольский даёт важное объяснение ошибки царебожников: «Слово «искупительная» можно понимать здесь в смысле готовности исполнить заповедь Божию положить душу свою за друзей своих, иное понимание, в смысле способности прощать грехи, было бы хулой на святого страстотерпца. Пребывая в плену враждебных христианству властей, Николай II, судя по его

дневникам и воспоминаниям современников, воспринимал свои страдания как исповедание веры во Христа, как жертву во искупление своих грехов, (правильнее сказать: для исправления своих грехов). Иначе говоря, Николай II готов был умереть и умер за народ, вверенный ему Богом в акте Помазания на царство, как умирает воин на поле сражения. Видеть «… в царственном страстотерпце искупителя можно лишь в плане заступничества святого, избавляющего нас своими молитвами перед Милосердным Господом от тех или иных бед. Его кончина не является искупительной жертвой, в смысле взятия на себя грехов нашего народа и дополнения искупительного подвига Иисуса Христа». Не менее красноречиво высказывание царебожников о том, что смерть на поле брани за Царя, даже если погибшие были из неверующих или иноверцев, вменяется в мученичество за Самого Христа. Это значит, что в плане своих сотериологических полномочий монарх прямо приравнивается к самому Христу, коль скоро смерть за него является мученичеством – высшим христианским подвигом»[35].

3) Царебожники утверждают, что земной царь, сразится с антихристом и победит последнего. Но Церковь учить, что полную и окончательную победу над сатаной одержит только Христос, в день Своего Второго Пришествия (Откр. 19:13-20). Это искажение свое они берут из неправильного восприятия значения и места Императора в Церкви Православной. Царь не является наместником Христа на земле, надо сказать что папы-реформаторы как раз ввели такое понимание себя, и тем самым исказили Христианское Учение о Христе как главе Церкви. Приведем ценную заметку проф. А. Пападакиса: «Аргумент апостоличности стал для пап-реформаторов основанием и того, чтобы отождествлять себя с апостолом Петром. Григорий VII заявлял даже, что наместник апостола Петра буквально является воплощением апостола. Он ясно выразился в одном из своих писем: «его викарий… который сейчас живет во плоти» («eius vicarious… qui nunc in carne vivit».) (MGH. Bd. 2. p. 576). Подобные аргументы стали высшей точкой претензий папства. Желая утвердить принцип послушания папе в качестве догмата или объявляя соборные постановления недействительными просто в силу того, что они противоречат папским декретам, деятели реформ использовали все свое красноречие. Возможно, их последователи, жившие в XII веке, осознавали, что повторяются, и пытались искать новые формулы и титулы. Именно тогда впервые термин «викарий Христа» (обычно применявшийся лишь по отношению к императору) занял центральное положение как своего рода замена идеи о том, что папа лично наследует святость апостола Петра и мистически тождествен ему. К концу века Иннокентий III был даже готов

отказаться от старой формулы «викарий самого Петра» взамен на более всеобъемлющую – «викарий Христа». Как подчеркивал этот папа, «мы являемся наследником князя апостолов, но мы – не его викарий и не викарий кого-то другого из апостолов, но викарий Самого Иисуса Христа (PL 214, 292A»[36]. Царебожники такое понимание проявляют в своем преувеличении места Царя в Церкви. Учение Церкви об Императоре и православной Империи есть неотъемлемая часть церковного Предания, но оно у царебожников искажено папистским учением о сверхсущности папы как главы Церкви.

Здесь надо объяснить православное учение о царском достоинстве Христа. По словам свт. Нектария Эгинского оно проявляется следующим образом: «Спаситель основал на земле Царствие Небесное сразу после Вознесения Своего, когда сел одесную Отца и принял от безначального Отца Своего власть на Небе и на земле. Царство Его на земле есть Церковь Его, которую Он основал в день Святой Пятидесятницы, послав Всесвятого Своего Духа на святые Свои ученики и апостолы. Иисус, как царь основывает Царство вечное, промысляет о Своем Царстве, ставит условия, запечатывает видения и пророчества и прекращает жертву и приношение, управляет и руководит им вечно священными Своими литургиями, и непрестанно и изобильно передаёт дарования Святого Духа к утверждению, развитию и распространению его. Спаситель как Царь освящает. Утешает. Охраняет, воздвигает и прославляет народ свой (Ин. 15:26; Деян. 2:33-36); как Царь соблюдает в царстве своем чин, дающий Церкви служителей, Иисус как Царь дал законы народу своему. Как Царь призвал этносы и народы, чтобы уверовали в Него, как Царь просил подчинения закона Своим, как Царь приносил жертву и самой жизни от последователей Своих за Себя и за Царство Своё, как Царь воздвигает брань против злобы и подает мир добродетели. Иисус как вечный Царь царствует в сердцах верных. (…) Иисус, как Царь, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его, вводя праведных в Царствие Небесное, где будет соцарствовать вечно с Отцем и Святым Духом, грешников же посылая в вечное Наказание. Иисус был Царь и до Вознесения Своего, ибо как Сын Небесного Отца имел Царствие Его на небе. Об этом уверяет и Сам Христос, когда был спрошен Пилатом: "Ты ли Царь Иудейский?". Он исповедал, что "Царство Его не отмира сего" (Ин. 18:36)»[37].

Тоже важно привести заметки свт. Нектария, что «1) Иисус Христос – царь духовный (Мф. 20;28; 18:36). 2) Престол Его[38] – одесную Бога (Деян. 2:33). 3) Скипетр Его – духовный (Ис. 53:1; Пс. 110:2). 1) Граждане Царствия Его суть духовные люди (Фил. 3:20; Ефес. 2:19). 2) Управление – духовное (Захар. 4:6-7). 3) Законы – духовные (Ин. 4:24). 4) Благословение и наказание –

духовные (1 Кор. 5:4-11; 2 Кор. 10:4; Ефес. 1:3-8; 1 Тим. 4:12; Тит. 2:15)»[39]. Как видим Христос является преимущественно ЦАРЕМ ДУХОВНЫМ, а не земным как думают царебожники.

4) Царебожники учат о Царе как о Первосвященнике, и этим прежде всего выявляют источники своего лжеучения. Ведь Первосвященник, иначе называемый Великим Понтификом (лат. Pontifex Maximus), это языческий титул высшей жреческой должности в Древнем Риме. С императора Августа должность получали главным образом римские императоры, но в 382 году этот порядок был отменен императором Грацианом (учеником свт. Амвросия Миланского и великим противником ереси арианства), который отказался в начале правления от предложения римских жрецов принять священный титул Великого Понтифика, считая его несовместимым с христианской верой.

Для Христиан истинным Первосвященником является сам Христос (Евр. 5:5). Господь Иисус Христос явил Себя миру и совершил Свое служение как Пророк, как Царь и как Первосвященник. Согласно свт. Нектария Эгинского именуется Он Мессией = Христом (т.е. Помазанником), чем выражается смысл пророческого, архиерейского и царского достоинства Спасителя[40]. Святитель Нектарий так объясняет Его архиерейское достоинство: «Спаситель как Великий Архиерей принес Самого Себя как непорочную Богу и Отцу умилостивительную жертву, быв жрецом и жертвой, и умилостивил, и удовлетворил божественную правду, нарушенную грехом человеков через преступление божественного закона, взяв как безгрешный представитель человеческого рода пред Богом и Отцом всё наказание, которого человек, согрешивший, был достоин, и пролив на кресте честную и спасительную Свою Кровь, и утвердив Новый Завет, который заключил с Отцом, которым спасается каждый верующий в Него, исповедующий умилостивительную крестную Его смерть. Жертва эта есть очистительная купель человечества, очищающая и омывающая от скверны греха человеческий род и освящающая верующих Ему и крещающихся во имя Святой Троицы, утвердившей Новый Завет»[41].

Антихрист захочет – подобно Истинному Христу – сосредоточить в своих руках всю троякую власть и совершить свое всегубительное служение и как Пророк Гуманизма будучи учителем нового человечества, как Монарх Всемирной Империи, и как Первосвященник Всемирной Религии, требуя при этом себе поклонения как Богу. Диавол через Антихриста надеется получить, то чего всегда желал – ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ, но оно ему недоступно, поскольку он раз на всегда лишился пребывания с единственным и истинным Божеством – Пресвятой Троицей, как следствие желания заменить собой Триединого Бога.

5) Царебожники тоже делают разные прибавки к Цареградскому Символу Веры: «верую в православное царское самодержавие...», тем самым подпадая под анафемы Вселенских Соборов запретивших вносить изменения в Символ Веры. Об этом сказано во время 5-го деяния 4-го Вселенского Собора[42], 18-го деяния 6-го Вселенского Собора[43], в 7-ом деянии 7-го Вселенского Собора[44], а также в 1-ом правиле 6-го Вселенского Собора[45]. Православная Церковь чужда идеи ДОГМАТИЗАЦИИ отношения Церкви к той или иной государственно-политической системе и форме правления. Деятели Русской Церкви говорили о монархии как о лучшей, если вообще не единственно допустимой форме правления, указывая этим на ее ПОЛЕЗНОСТЬ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ, но ни в коем случае НЕ ВКЛЮЧАЛИ монархизм в вероучение Православной Церкви.

6) Следующим погрешением является восприятие клятвопреступления как наследственного греха. Православная Церковь знает лишь один наследственный грех – первородный, происшедший вследствие падения наших прародителей Адама и Евы: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, ПОТОМУ ЧТО в нем все согрешили» (Рим. 5:12). Поэтому и Богочеловек-Христос установил Таинство Святого Крещения, в котором изглаживается в человеке первородный грех, унаследованный от прародителей.

7) В конце явным погрешением против Церкви является не признание церковной иерархии из-за «греха цареизмены». Достаточно было бы обратить внимание только на то, что при обсуждении в июле 1918 г. на Соборном Совете Поместного Собора вопроса о заупокойном поминовении убиенного Государя Святейший Патриарх Тихон принял решение о повсеместном служении панихид с поминовением Николая II как Императора, но никак не Бывшего Императора.

Надо еще заметить, что царебожники являются движением чисто мистическим, в котором Царю Николаю приписывается сверхсущественное место и прерогативы. Но такое понимание давно разоблачил преп. Иустин (Попович) убежденно заявляя, что «Православие не знает мистицизма. Оно знает Богочеловеческую действительность, Богочеловеческое переживание, опыт, жизнь. Никакой мистицизм вне Богочеловеческой действительности не несет в себе ценности. Единственный посредник между Богом и людьми – Богочеловек Христос. Все другие – самозванцы, лжехристы, лжепророки, лжеучителя. Нет никакого внеблагодатного мистицизма. В Православии все благодатно: добродетельная действительность, подвиг, переживание. Все в категории Богочеловечности»[46]. Это увлечение мистицизмом связано с

использованием царебожниками творений печально известного монаха Авеля – «русского Нострадамуса», жившего в XVIII веке. Достаточно сказать что в научной литературе имеется уже статья в которой разоблачена вся правда об этом прелестнике и еретике[47]. В своей статье Н. Колчуринский доказывает, что Авель был бесовским прелестником, фантастом, еретиком. Толкование Авеля на книгу Бытие, (по свидетельству Епископа Костромского и Галичского Павла: он нашел Мессию в лице еврея Феодора Крикова), антиправительственная ориентация предсказаний имеющих в себе исключительно политической характер жизни государства. Приведем лишь итоги этой превосходной статьи, автор совершив глубокий анализ фигуры монаха Авеля вполне оправдано пишет: «Перед нами почти неоспоримые свидетельства о лжепророке, пребывавшем в демонической прелести, вера которого характеризовалась грубыми искажениями догматического характера. Мы имеем косвенные свидетельства в пользу того, что Авель со своими “пророчествами”, к которым относились с большим доверием в столичных светских салонах, мог быть в той или иной степени ангажированным в большие политические интриги своего времени, (возможно, в связи с деятельностью масонов) — слишком политизированным был характер его “пророчеств”. В этом ключе становится объяснимым таинственный источник его огромного богатства. Существующий в настоящее время образ Авеля как православного подвижника-монаха и истинного пророка о судьбах России, присутствующий в том числе и в православных изданиях, представляется нам не соответствующим фактам, реально имевшим место в прошлом. Остаётся только удивляться, в силу чего все эти факты, доступные для широкого читателя на протяжении более чем столетия, традиционно игнорируются теми, кто пишет о прорицателе Авеле».

Среди многих Епископов-Новомучеников Российских можно найти примеры того, как они уважали ПОДВИГ ЦАРСКОГО МУЧЕНИЧЕСТВА Св. Царя-Николая.

Свои убеждения выразил пред лицем будущих палачей священномученик Гермоген (Долганов), епископ Тобольский и Сибирский, запечатлевший верность Свв. Царственным Мученикам даже до смерти. Святитель не помнил Царю обиду за свое увольнение из епархии. Сам Государь раскаялся в этом, и они простили друг друга. Возведенный при новом режиме на Тобольскую кафедру, находившийся к тому времени в Жировицком монастыре за преслушание Монаршей воли, Владыка нашел в себе духовные силы принести Царственным узникам покаяние, сохранив Им верность перед лицом разлившегося зла. Владыка тайно посылал заключенным Царственным

узникам иконы, просфоры, молитвы и благословения, поддерживал с ними переписку, называя их Августейшими Страстотерпцами и многострадальным Святым Семейством, – то есть, предвидя их скорое мученичество. На литургии Владыка всегда вынимал частички за Царскую Семью. Как известно, 25 декабря 1917 г. в Покровском храме Тобольска в присутствии Царской семьи диакон Евдокимов провозгласил Им многолетие, как положено по церковному Уставу. Будучи арестованным, на допросе настоятель храма прот. Алексий Васильев заявил, что не подотчетен «рачьим и собачьим депутатам», а диакон Евдокимов сказал: «Ваше царство минутное, придет скоро защита Царская, погодите еще немного, получите свое сполна». На запрос из совдепа епископ Гермоген, отказавшись от какого бы то ни было личного общения, письменно ответил, что, во-первых, «Россия юридически не есть республика, никто ее таковой не объявлял и объявить не правомочен, кроме предполагаемого учредительного собрания»; во-вторых, «по данным Священного Писания, Государственного права, Церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана как такового и соответственных им титулов», а потому в действиях причта Покровского храма «ничего предосудительного не усмотрел и не вижу».

III.
Почему в России не воспринимают правильно мученический подвиг Св. Царя-Мученика Николая?

«Нет больше той любви как если
кто положит душу свою за друзей своих».
(Иоан 15:13)

Различный смысл вложен и в прославление Государя Николая II, и это различие как и другие средства наводимые врагами Святой Руси делаются лишь для одного – разделения Русского Народа, ибо его будущее только в Единстве, которое возможно достичь только в Любви и Истине.

Первым шагом для восстановления Единства Русской Церкви и Ея Народа было прославление Св. Царя-Мученика Николая II и Его августейшей семьи с прочими Новыми Мучениками Российскими совершенного Русской Православной Церковью Заграницей (РПЦЗ) 19 октября / 1 ноября 1981 года в Нью-Йорке в Знаменском кафедральном соборе Архиерейского Синода. С одной стороны РПЦЗ этим прославлением завершила сложившееся в русском

церковном зарубежье почитание святых Новомучеников, но что еще важнее, исходя из многочисленных просьб верующего народа из советской России, открыла Возрождение России.

Но этот шаг готовился сознательно долгие годы. Русская Православная Церковь Заграницей с самого начала относилась почтительно к Св. Царю-Мученику. Свт. Иоанн (Максимович) уже в 1934 году в своей проповеди высказывал надежду на то что царственные мученики будут со временем прославлены. Святитель употреблял в их именовании лишь слово «мученики»[48]. Он делал это неоднократно, видя в ГРЕХЕ ЦАРЕУБИЙСТВА причины зол, постигших Родину с ее народом. Прославление Св. Царя-Мученика Николая для Святителя Иоанна была неизбежным зачалом Восстановления Святой Руси: «Чем скорее весь Русский народ преклонится перед Ним в слезах покаяния, тем ближе станет возрождение и благоденствие России», — сказал иерарх в своей проповеди в брюссельском храме-памятнике 17 июля 1959 г. (День скорби 4/17 июля / / Церковная жизнь. 1959. № 7-8. С. 118.).

Чтобы убедиться что Епископат Зарубежной Церкви, в отличие от иерархов Московской Патриархии, к делу прославления Св. Царя-Мученика Николая относился с большим трепетом и уважением. Приведем в сжатом виде весь путь к прославлению Свв. Царственных Мучеников. Уже Архиерейский Собор РПЦЗ в 1938 г. установил особо отмечать дни памяти царя Николая II, определяя совершать всенародные (торжественные литургии и панихиды) поминовения убиенного императора в день его рождения (6/19 мая), в день расстрела (4/17 июля) и в день тезоименитства (6/19 декабря). Этот Собор предписал совершать на всех заупокойных ектениях поминовения царской семьи[49]. Русское Зарубежье искренне желало видеть своего любимого Св. Царя-Мученика среди Святых Господних. В адрес Второго Всезарубежного Собора вывшего в Сремских Карловцах в 1938 г. поступили требования церковного прославления Царя Николая. Хотя этот вопрос на самом Соборе не поднимался, но за то в посланиях Собора Царь Николай именовался уже мучеником[50]. В одном из документов, подписанных митрополитом Анастасием, говорилось, что император положил «душу свою за благо своего народа, верность родной земле и священным заветам ее истории»[51]. Кроме того день мученической кончины Царя и Его августейшей семьи стал именоваться в русском зарубежье «Днем русской скорби». В этот день по царской семье служились панихиды[52]. Архиерейский Собор РПЦЗ 1950 г. предписал совершать заупокойные богослужения «во всех храмах Русской Зарубежной Церкви по Царе Мученике

Николае II в день его рождения 6 мая, в день тезоименитства 6 декабря и особенно в скорбный для всех русских людей день 4/17 июля, когда должны быть совершаемы кроме панихид и заупокойные литургии о невинно убиенных страдальцах»[53]. Архиерейский Собор РПЦЗ 1956 г. принял решение объявить по всем приходам день 17 июля (день казни Царя) "Днем всеобщего **поста и покаяния**", во время которого по совершении панихиды предписывалось читать особую покаянную молитву, в основу которой была положена библейская "«Молитва трех отроков вавилонских". **Архиерейский Синод 1964 г. напомнил о необходимости соблюдать пост и пребывать в молитве в день убийства царской семьи**[55]. Архиерейский Собор 1967 г. постановил во всех богослужебных поминовениях именовать императора "убиенным Царем-мучеником"[56]. Архиерейский Собор 1971 г. поручил Архиерейскому Синоду начать сбор материалов о новомучениках и исповедниках Российских, сразу заявляя что сонм Новомучеников будет возглавлен "Царем Мучеником и Царской семьей"[57].

В итоге Архиерейским Собором в 1981 г. Царь Николай II со всей царской семьей был прославлен именно в лике МУЧЕНИКОВ – как засвидетельствовших свою веру во Христа. Обратимся к официальным документам РПЦЗ по прославлению Царя-Николая.

Итак, в докладе Председателя Комиссии по подготовке к прославлению Архиепископа Антония Лос-Анжелосскаго от 19 авг./1 сент. 1974 г. составленным во исполнение указа Архиерейскаго Синода от 9/22 марта 1972 года, о собирании материалов по вопросу прославления сонма Новомучеников Российских разъяснялось, для чего нужно их прославление для русского народа: «При наличии небывалых гонений и страданий наших верующих братьев в порабощенной России, где человеческая помощь бессильна, улучшить положение может только небесная помощь через молитвы св. мучеников, которые можно и необходимо привлечь прославлением их. Такой путь получения небесного заступничества в переживаемый нами период небывалых потрясений, страданий и колебаний особенно уместен (…). Принимая во внимание все вышеизложенные основания, представляется необходимым совершить торжественное местное прославление св. Новомученников Российских, во главе с Помазанником Божиим Царем-Мучеником Государем Императором Николаем Александровичем и Его мученически убиенной Августейшей Семьей»[58].

Весьма важным является доклад «О прославлении Новомучеников Российских» Епископа Сиэтлийский Нектария (Концевича) к предстоящему прославлению Новомучеников и Новых Исповедников Российских,

прочитанного им на Съезде Русской Православной Молодежи, состоявшемся в гор. Сан-Франциско (Калифорния) в августе 1981 года, незадолго до канонизации: «Как мы уже сказали, все Новомученики уже давно прославлены Богом с момента их мученической кончины, но редко кто обращает внимание на мистическую сторону вопроса, а это очень важно, т. к. претерпев мучения, они являются победителями зла, имеют дерзновение у Господа молиться о нас и пополняют число Угодников Божиих. Поэтому кажущаяся победа мучителей, умерщвляющнх свои жертвы, является поражением этих же мучителей»[59].

В Акте о прославлении Новых Мучеников Российских, совершенного 19 октября/1 ноября 1981 года говорится: «За 64 года советского владычества десятки тысяч храмов и монастырей были разрушены и замучены миллионы людей за то, что они хранили свою православную веру и не поклонились идолу материализма. Молитвенно склоняясь перед всеми ими, Архиерейский Собор определяет причислить к лику святых всех пострадавших от безбожников в России мучеников и исповедников: святителей, священнослужителей, иноков, инокинь и всех православных людей, за православную веру от начала Святой Руси умученных и убиенных. Имена всех этих святых столь многочисленны, что полностью могут быть известны только Всеведущему Богу, а Архиерейскому Синоду надлежит дополнять их именослов по мере поступления заслуживающих доверия данных о понесенных теми или иными людьми подвига веры во славу Божию. Особое место в лике святых Новомучеников занимает Царь-Мученик Николай Второй как Помазанник Божий, носитель идеи Православной Государственности, и Его Семья. Им поэтому на день их убиения, день скорби 4/17 июля, посвящается нарочитая служба с чтением на литургии установленной ранее для панихиды покаянной молитвы. Всем сим святым мученикам и исповедникам будем возносить хвалу, моля их, чтобы своим заступничеством у престола Божия они вымолили России свободу от безбожников и возрождение православной жизни, а примером своим побудили и других чад Русской Церкви стать на путь подвига, веры и благочестия. Общий праздник Российских Новомучеников и Исповедников устанавливается в воскресный день между 22 и 28 января по православному календарю. Память же отдельных мучеников и исповедников должна совершаться в день их блаженной кончины, когда таковой известен, а в противном случае в день общего праздника Новомучеников»[60].

Члены Царской Семьи были прославлены как: св. царь-мученик НИКОЛАЙ, св. царица-мучц. АЛЕКСАНДРА, св. царевич-муч. АЛЕКСИЙ, св.

царевна, мучц. ОЛЬГА, св. царевна-мучц. ТАТИАНА, св. царевна-мучц. МАРИЯ, св. царевна-мучц. АНАСТАСИЯ.

С этого прославления Новомучеников начался закат коммунистического режима в России, поэтому оно вызвало бурную реакцию со стороны Московской Патриархии, которая в этом шаге видела атаку на свою советскую родину СССР.

Конечно, прославление Зарубежной Церковью адский СССР сразу понял как попытку уничтожить его, оно стало фундаментом для возрождения будущей России, но чтобы этот фундамент стал крепким, он должен быть признан всем русским народом – т.е. – всей полнотой Русской Православной Церкви. Однако **Московская Патриархия не только не признала зарубежного прославления, но и произвела свое альтернативное**, которое на самом деле являлось искажением признания святости Царя-Мученика, тем самым Московская Патриархия задержала чаемое всем русским народом Воскресение России. Акт прославления Царственных Мучеников 2000 г. не упомянул о том, что они были прославлены раньше РПЦЗ в 1981 году и в последние годы почитались таковыми большой частью народа в России. Причина этого неупоминания была лишь одна, стремление придать прославлению иной смысл почитания Св. Царя-Мученика Николая.

Что сделала своим прославлением МП? Ответим категорично – она сорвала процесс Воскрешения России, начатый РПЦЗ в 1981 году прославлением Царя Николая и Новых Мучеников Российских. Сознательно ли МП это сделала? Если повнимательнее посмотрим на весь путь к прославлению, то поймем настоящие причины этого прославления.

Впервые иерархия МП занималась темой возможности прославления Новомучеников на Архиерейском Соборе 31 марта - 4 апреля 1992 года, было поручено Синодальной Комиссии по канонизации святых «изучение подвигов новомучеников Российских начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской семьи». В период с 1992 по 1997 год синодальная комиссия посвятила этой теме аж 19 заседаний. Итоги работы комиссии были изложены ее председателем (сотрудником КГБ) митр. Ювеналием на Архиерейском Соборе 1994 года в особом докладе, который Собор одобрил. Через два года комиссия завершила работы по этой теме и доложила итоги Синоду на заседании 10 октября 1996 года. И тогда случилось невероятное: комиссия на следующем Соборе 1997 года предложила приостановить прославление Новомучеников, в связи с отсутствием единодушия в церковном народе. Виной была представлена монархическая убежденность Русского Народа, как об этом в своем докладе утверждал митр.

Ювеналий… Таким образом иерархия МП всю вину в преждевременности прославления Новомучеников сбросила на Русский Народ. Архиерейский Собор 1997 года согласился с предложением комиссии процесс прославления задержать. И ограничился изданием брошюры «Материалы, связанные с вопросом о канонизации Царской семьи» (Москва, 1997), которая была разослана всем иерархам МП и духовным школам. На основе уже упомянутого доклада Собор МП 1997 года сделал ужасный по сути вывод, что ни в государственной, ни в церковной деятельности последнего Российского Самодержца не имеется оснований для Его канонизации[61]. Но Собор находит возможность Его прославления вместе с семьей лишь задним числом, т.е. они могут быть причислены к лику святых ЛИШЬ КАК СТРАСТОТЕРПЦЫ, то есть люди, пострадавшие и безропотно принявшие мученическую смерть. Именно по этой унизительной и запутанной формуле МП прославила Царскую семью на своем Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г.

И так, вопрос о прославлении Св. Царя-Мученика Николая II и Новомучеников Российских в России утихает на целые 3 года. Но в это время агентура КГБ находит важную причину для прославления Новомучеников Российских. Этой причиной является окончательное уничтожение РПЦЗ, как последним оплотом Русского Народа вне постсоветской России. Конечно, прославления 1981 года не было прощено Зарубежной Церкви Красным Кремлем, поскольку это доказывало что СССР – не рай на земле, а настоящая преисподняя для всякого верующего человека. Но надо было найти ловушку для обольщения Русских Эмигрантов восстановлением Православия в России. Не будем здесь входить в подробности, скажем только, что УЧАСТНИКИ БОГОБОРЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ ПРЕЕМНИКИ НИКОГДА НЕ БЫЛИ И НЕ БУДУТ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ В ВОСКРЕШЕНИИ СВЯТОЙ РУСИ!

Самым важным погрешением МП при прославлении 2000 года стало искажение мученического подвига Свв. Царственных Мучеников как «страстотерпцев», т.е. stricte и de facto не мучеников, а жертв пострадавших от своих «политических противников». Здесь надо углубиться в смысл слова «страстотерпец» для того, чтобы понять, для чего именно это слово МП посчитала адекватным подвигу Царя-Мученика. При этом мы легко убедимся, что таким образом Иерархи МП сознательно исказили духовный смысл подвига Свв. Царственных Мучеников.

Иерархия МП добившись в 2000 году паралича Архиерейского Собора РПЦЗ, летом 20 августа этого года проводила в Храме Христа Спасителя в Москве свое прославление Новомучеников и Исповедников Российских XX

века, в том числе и Царской семьи в полном составе. Деяние о соборном прославлении гласит: «Прославить КАК СТРАСТОТЕРПЦЕВ В СОНМЕ новомучеников и исповедников Российских Царскую семью: Императора Николая II, Императрицу Александру, царевича Алексия, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию. В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4 (17) июля 1918 года, был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке...». Мы намерено выделили это чудаческое выражение «как страстотерпцев в сонме», ибо оно как раз доказывает, что МП выделила Царскую Семью из сонма Новых Мучеников Российских, выделяя их в некую автономность. Возможно Русский Народ под эйфорией торжественности событий 2000 года не заметил скрытого плана, который был тогда выполнен.

Но здесь надо сделать пояснения кого понимаем мы под выражением «страстотерпец», ведь это выражение не чуждое для Русских Церковных Святцев. В истории Русской Церкви такими страстотерпцами были святые благоверные князья Борис и Глеб (†1015), Игорь Черниговский (†1147), Андрей Боголюбский (†1174), Михаил Тверской (†1319), царевич Димитрий (†1591).

Если, посмотрим в словари, то легко убедимся, что употребление митр. Ювеналием выражения «страстотерпец» является почти превратным смыслом этого термина.

«Страстотерпец – мученик» (Словарь Даля, 1882 г.).

«Страстотерпцы – название всех христианских мучеников, особенно тех, которые потерпели за Христа по клевете и коварству своих единоверцев» (Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь, 1913).

«Именем «страстотерпцев» в православной церкви называются вообще все христианские мученики, – но в частности это имя прилагается к тем из них, которые претерпели страдания во имя Господа по коварству и клевете ближних своих единоверцев» (Полный церковно-славянский словарь, 1899).

«Страстотерпец – претерпевающий или претерпевший страдания; мученик, пострадавший за Христа» (Словарь церковно-славянского и русского языка, 1867)».

«Страстотерпец, наименование христианских мучеников. В принципе это наименование может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим

страдание (страсть, гр. [греч] παθος, [греч] παθημα, лат. passio) за имя Христово. Преимущественно же это наименование относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев – в силу их злобы, коварства, заговора. Соответственно, в данном случае подчеркивается особый характер их подвига – беззлобие и непротивление врагам» (В. М. Живов, Святость. Краткий словарь агиографических терминов, 1994. С. 105-106).

В Православной Церкви страстотерпчества, как отдельного христианского подвига, не существует, не существует соответственно и такого чина. Об этом или забыл митр. Ювеналий в своем Докладе или намеренно ввел этот термин для унижения Святости Царя Николая. Заметим, что один из лучших российских агиографов профессор Е.Е. Голубинский считал, что **Борис и Глеб были причислены к лику святых не как страстотерпцы, а как чудотворцы**, причем: «Первыми нашими святыми были страстотерпцы Борис и Глеб. Но страстотерпцев, понесших насильственную смерть от руки Святополка, было не двое, а трое,—вместе с Борисом и Глебом был убит последним третий брат Святослав. Если причислены были к лику святых не все трое, понесшие совершенно одинаковую насильственную смерть, то причиной сего было то, что не всех троих, а только двоих первых Бог прославил даром чудотворений, На могилах Бориса и Глеба, погребенных в Вышгороде, скоро начали совершаться чудеса; но могила Святослава, на которой бы могли совершаться чудеса, отсутствовала, ибо убитый во время бегства в Венгрию где-то в горах Карпатских он не был привезен в Россию, а погребен был на месте убиения, и вот, хотя и совершенно одинаковый с Борисом и Глебом страстотерпец, но не явленный подобно ваг от Бога чудотворцем, он и не причислен был вместе с ними к лику святых»[62].

Вторым погрешением МП было прославление узкого количества людей (860 человек), тогда, как РПЦЗ при прославлении прославила не только конкретных лиц, но и сам феномен мученичества в коммунистическом государстве. Но надо здесь сказать, что РПЦЗ поставила четкий критерий прославления Новых Мучеников Российских.

В определении Архиерейского Собора РПЦЗ об именах Новомучеников от 9 / 22 октября 1981 г. постановлялось: «Прослушав предложенный Собору список Новомучеников и Исповедников Российских, мы с умилением лобызаем их общий подвиг. Теперь Собор считает необходимым поручить особой Комиссии проверить и отредактировать этот список и представить его на утверждение Собору на одном из следующих заседаний. **Полагаем, что в окончательно отредактированный список должны войти все**

Новомученики и Исповедники, пострадавшие до декларации Митрополита Сергия от 16 / 29 июля 1927 г., породившей неизжитый и до сего времени раскол в среде верующих. Мы преклоняемся перед подвигом и страданиями всех пострадавших и позже, но здесь должна быть проявлена особая осторожность при уточнении списка. За невнесенных в список между тем будет продолжатся возношение заупокойной молитвы, а Господь укажет еще времена и сроки для пополнения списков». Список утвержден Архиерейским Собором РПЦЗ в 1981 г., состоит из 36 страниц, и в него не включены сергианцы. Это очень важно, ибо как сразу после совершения прославления новомучеников, так и теперь делаются обвинения свят. митрополита Филарета (Вознесенского) в том, что в списки были намеренно включены сергианцы. Выше приведенное решение Архиерейского Собора подтверждает, что прославления РПЦЗ сторонников митр. Сергия не было.

Московская Патриархия противоположно Зарубежной Церкви прославляла ограниченное число Мучеников. Но также поставила в одном ряду Последователей Христа с Его врагами. И так МП включила лица, которые отказались признать богоборческую власть и были убиты за свою верность Вере во Христа. Но наряду с ними МП прославила и те лица, которые преуспевали в сотрудничестве с большевиками, видя в этом "спасение" для самой Церкви. Они не только не дождались этого, но были еще этой властью убиты (в ходе выполнения безбожной пятилетки 1930-х годов). **МП отказалась в прославлении почти всех противников церковного курса митр. Сергия (Строгородского), который является основоположником МП.** Так что среди прославленных в 2000 году не нашлось таких Столпов Православия как Митр. Иосиф (Петровых) Петроградский, основатель Катакомбной Церкви, а также многих ее членов, среди них и Монахини Марий (Лелянов) Гатчинской[63]. МП также отказалась в прославлении ректора Московской духовной академии Архиеп. Феодора (Поздеевского), возглавившего т.н. «даниловскую» оппозицию против митр. Сергия. Зато прославила другого противника митр. Сергия – Митр. Кирилла (Смирнова) Казанского, тем самым можно сказать, что МП хотела этим поделить Новомучеников на своих и не своих, нужных и бесполезных! Хотя и известны случаи прославления МП епископов, которые не признавали митр. Сергия, но многие из них уже подвергаются деканонизации. Возможно некоторые епархии МП проявили себя свободно в вопросе, кого можно прославлять, поэтому и в среде прославленных МП в 2000 году нашлись такие представители ИПЦ как: Архиепископ Николай (Добронравов), Архиеп.

Иваново-Вознесенский Августин (Беляев), Еп. Глуховский Дамаскин (Цедрик), Еп. Кинешемский Василий (Преображенский), Еп. Красноярский Амфилохий (Скворцов), Еп. Лубенский Аркадий (Остальский), Еп. Нижнетагильский Никита (Делекторский), Еп. Липецкий Уар (Шмарин) и др. Тем самым МП исказила историю Русской Церкви в XX веке и умалила или упразднила вовсе подвиг наиболее стойких мучеников и исповедников Церкви Российской.

МП прославиляла Новомучеников следующим видом: в 1989 г. – 1 святой; в 1992 г. – 7 святых; в 1994 г. – 2 святых; в 1997 г. – 3 святых; в 2000 г. – 1097 святых; в 2000 г. – 57 святых; (2000г. приводится 2 раза) в 2001 г. – 122 святых; в 2002 г. – 147 святых; в 2003 г. – 102 святых; в 2004 г. – 58 святых; в 2005 г. – 72 святых; в 2006 г. – 56 святых; в 2007 г. – 33 святых; в 2008 г. – 12 святых; в 2009 г. – 3 святых; в 2010 г. – 2 святых. Как видим, при нынешнем патриархе МП число причисляемых к Собору Новомучеников свелось к минимуму. В 2017 году, как заявил настоятель храма РПЦ МП на Бутовском полигоне, процесс канонизации новомучеников в МП сведен на нет, доступ к государственным документам прекращён.

(Напоминаю ещё раз. Надо окончательно определиться: употреблять МП в мужском роде – Московский Патриархат, или в женском – Московская Патриархия. Московский Патриархат – 2-е официальное название РПЦ. Московская Патриархия – канцелярия патриарха, находящаяся по адресу: г. Москва, Чистый Переулок, 5. В РПЦЗ, и не только в ней, очень часто употребляли неправильно. Можно по традиции продолжать это неправильное употребление, но хотя бы знать, что мы допускаем небрежность в официальном наименовании церкви. В отличие от положения в имперской России – название РПЦ (МП) закреплено юридически).

Третьим погрешением МП является определение подвига Св. Царя-Мученика Николая как кротко перенесшего со своей семьей страдания, подобно «миллионам православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке». И этим способом Иерерархия МП прославлает Царя Николая без упоминания О ЕГО ПОМАЗАННИЧЕСТВЕ И ЖЕРТВЕННОЙ СУТИ ЕГО ПОДВИГА.

Обратимся вновь к докладу Епископа Нектария (Концевича), где находим интересующее нас толкование места, какое занимал Царь Николай как Помазанник Божий: «Особенно важно отметить мученическую кончину нашего Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Его Семьи. Он был последним Монархом, помазанный святым миром на царство. ГОСУДАРЬ, ПОМАЗАННИК БОЖИЙ. Это таинство совершается Церковью во время Коронации, и Помазанник Божий входит Царскими Вратами в алтарь

к престолу и причащается Святых Таин как священнослужитель, отдельно Тела и Крови Христовых. Этим Святая Церковь подчеркивает великое духовное значение подвига Царского Служения, приравнивая его к священнослужению. Итак, Государь – Помазанник Божий. Священное Лицо, носитель Благодати Духа Святого. Эта божественная сила, действующая через Помазанника Божия, удерживала распространение зла "тайны беззакония". Апостол Павел во втором послании к Фессалоникийцам пишет: "Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды Удерживающий теперь" (II Фес. 2:7). Наш духовный писатель епископ Феофан Затворник и другие поясняют, что под "удерживающим" нужно понимать Царскую Власть. Диавол уже как бы давно силится явить миру антихриста, но не мог, потому что божественная благодать, сугубо действующая через Помазанника Божия – Удерживающего, не давала этой возможности. "Тайне беззакония" для того, чтобы получить свободу действия, необходимо было "взять от среды" Удерживающего, что и произошло по попущению Божию за грехи всего Русского народа. Совершилось страшное злодеяние — ЦАРЕУБИЙСТВО. Убит Государь – Помазанник Божий, Покровитель Православной Церкви, Глава Православного Государства. Убит Удерживающий. И с этого момента "тайна беззакония" получила свободу и все мы являемся свидетелями безудержного разгула и распространения зла во всем мире».

О ГРЕХЕ ЦАРЕУБИЙСТВА как самом тяжком, совершенном во время революции, говорит в своем послания Русской пастве в рассеянии сущей Второй Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви Заграницей: «Стояние в вере Православной должно заключаться не в одном лишь точном исповедании учения Православной Церкви, а и в жизни сообразно вере. Посему оплачем грехи и преступления наши, которыми мы осквернили себя, навлекли на себя гнев Божий, покаемся в них от всего сердца. Прежде всего вспомним тот грех, который, как тяжелое бремя, лежит на всем Русском народе, поскольку он является одним организмом, и который служит, быть может, главною причиною теперешних бедствий его и нашего изгнания с Родины. Грех тот есть измена Помазаннику Божию, коей запятнали себя творцы и вдохновители нашей революции. Вспомним, как отнеслись мы все к тем событиям, которые погубили Россию, как многие радостно приветствовали захват власти восставшими на Государя и отверглись от Того, Кого незадолго перед этим всюду восторженно встречали. Понося, слушая и распространяя клеветы на невинного страдальца, русские люди позволили врагам России лишить его свободы и сослать вглубь страны, оставив беззащитным в руках

преступников. Мученическая смерть Царской Семьи явилась непосредственным следствием этих преступлений и лежит на совести не только тех, кто непосредственно участвовал в этом величайшем злодеянии, но и на всех нас, поскольку мы не приняли мер для того, чтобы уберечь Государя от руки преступных убийц. Пролитая праведная кровь вопиет от земли к Богу, как кровь Авеля, и свидетельствует против тех, кто виновен в ее пролитии. Пусть каждый, не оправдывая себя, покается, усердно моля Бога о прощении сего великого греха себе и всему русскому народу и вознося молитвы об упокоении убиенных Царственных мучеников и всех невинно с ними пострадавших. Вместе с тем будем молить Бога, чтобы Он облекши нетленною славою Царя-Мученика, проявил милость Свою русскому народу и возвратил на престол Российский Своего Помазанника Православного Царя»[64].

Посмотрим как, – в отличие от иерархов МП, – смотрел на Царя Николая II, святитель Русской Зарубежной Церкви Архиепископ Иоанн (Максимович): «Человек создан по образу и подобию Божиему, и всякий человек должен в себе являть то подобие своими добрыми качествами, отражающими в нас подобие Божие. Грех осквернил природу, и человек стал неспособен к истинному добру, потеряв живое общение с Богом. Христос Сын Божий, воплотившись, показал нам опять Первообраз, которому мы должны уподобляться. «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе», пишет св. апостол Павел верующим (Флп. 2, 5). Таким живым напоминанием о страданиях Христовых явился в дни своих испытаний Царь Николай II. Предан он был теми, кому доверял. Оставлен был почти всеми приближенными, лишь немногие пошли с ним на его Голгофу. Толпы, еще недавно с восторгом встречавшие и приветствовавшие его, теперь поносили его, приветствуя тех, кто желал его казни. Как друзья Иова, недавно казавшиеся преданными ему, обвиняли его в несовершенных им преступлениях. «Распни, распни его» слышалось всюду и те, кто оставался верен ему, не смели возвысить голоса, скрываясь «страха ради иудейска». С беззлобием и всепрощением переносил то Царь-Мученик. «Я родился в день Иова Многострадального и мне предназначено страдать», говорил он еще задолго до скорбных дней. С терпением и кротостью переносил он все выпавшее на его долю и до дна испил чашу своих страданий. Как Иов, много делавший добра и прежде, еще больше, чем добрыми делами, прославился своими страданиями, так и Царь Николай II еще больше, чем многими славными деяниями своего царствования, прославился на весь мир страданиями и великодушным перенесением их. Через много тысяч лет он в себе явил древнего прообраза Христова Иова, сам уподобившись ему, и с Павлом может сказать: «Я язвы Господа Иисуса ношу

на теле моем» (Гал. 6, 17). Он явил всем пример исполнения заповеди Христовой и примет от Него вместо венца царского венец правды. Безгрешен был невинный страдалец Христос, но не безгрешны ни праведный Иов, ни Царь-Мученик. Но, кто с Христом страдает, с ним и прославится. За согрешивших друзей Иова мог умолить Бога только сам праведный Иов, и за согрешившую страждущую ныне Русь нужна и сильна ныне молитва Царя-Мученика»[65].

В других проповедях Святитель Иоанн объясняет, в чем суть ГРЕХА ЦАРЕУБИЙСТВА: «Великий грех поднять руку на Помазанника Божия. Когда Царю Давиду принесли известие об убийстве Саула, то он велел казнить вестника, хотя он не принимал участия в убийстве, но только поспешил принести эту весть и приписал себе убийство Царя. Не остается и малейшая причастность к такому греху неотмщенной. В скорби мы говорим «кровь его на нас и на детях наших». Но будем помнить, что это злодеяние всего народа совершено в день св. Андрея Критского, зовущего нас к глубокому покаянию. Будем помнить, что нет предела милости Божией и нет такого греха, которого нельзя смыть покаянием. Но покаяние наше должно быть полное, без всякого самооправдания, без оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого его начала»[66].

Святитель, сопоставляя убийство царя Саула с убийством Царя Николая II, замечает: «В сколько же раз тяжелее и греховнее убийство православного Помазанника Божия, во сколько раз большая кара должна лежать на убийцах Царя Николая II и его семьи?! В противоположность Саулу, отступившему от Бога и за то оставленному Им, Царь Николай II является образцом благочестия и полной преданности воле Божией. Восприняв не ветхозаветное возлияние елея на главу, а благодатную «Печать дара Духа Святаго» в Таинстве Миропомазания, Император Николай II был до конца жизни верен своему высокому званию и сознавал свою ответственность перед Богом. Император Николай II в каждом поступке отдавал отчет перед своей совестью, вечно «ходил пред Господом Богом». «Благочестивейший» во дни своего земного благополучия не по имени только, а и самым делом, Он во дни своих испытаний проявил терпение, подобное терпению праведного Иова. На такого-то Царя поднялись руки преступников, и притом уже тогда, когда он от перенесенных им испытаний очистился, как злато в горниле, и был невинным страдальцем в полном смысле того слова. Преступление против Царя Николая II еще тем страшнее и греховнее, что вместе с ним убита вся его Семья, ни в чем не повинные дети! Такие преступления не остаются безнаказанными. Они вопиют к Небу и низводят Божий гнев на землю. Если подвергся смерти

иноплеменник — мнимый убийца Саула, — за убийство беззащитного Царя-Страдальца и его семьи страдает ныне весь русский народ, допустивший страшное злодеяние и безмолвствовавши, когда Царя подвергли унижению и лишению свободы. Глубокое осознание греховности содеянного и покаяние перед памятью Царя-Мученика требуется от нас Божией правдой. (…) Величайшее преступление, совершенное в отношении его, должно быть заглажено горячим почитанием его и прославлением его подвига. Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь (…) Тогда Царь-Мученик и его сострадальцы станут новыми небесными защитниками Святой Руси. Невинно пролитая кровь возродит Россию и осенит ее новой славой!»[67]

Благоверные Императоры из-за своего Помазания на престол занимали в Церкви Православной центральное место, не были рядовыми мирянами, как мыслится иерархии МП. Такое понимание Императоров является неотъемлемой частью церковного Предания. «Цари издревле называются "помазанниками Божіими". Самое это названіе свидетельствуетъ о томъ, что цари не есть ставленники народные, но что Самъ Богъ облекаетъ ихъ властно на земле. и повелъваетъ имъ повиноваться, такъ-какъ все помыслы и стремления Даря всегда направлены ко благу Его народа. Самый актъ Священнаго Коронованія и Міропомазаннія и есть молитвенное обращеше къ Царю Дарствующихъ, да ниспошлет Отец, Всеблагій, на Монарха дары Духа Своего Святаго, да умудрить Его царствовать ко благу и мирному преуспеянію Его подданныхъ. Весь внутренней смыслъ этого церковнаго обряда ясно познается изъ молитвы, съ которою Монархъ во время коронованія коленопреклоненно обращается къ Престолу Всевышняго и в которой молитъ Отца Небеснаго раставить в деле, которому посланъ служить; молить о ниспослании премудрости, дабы Господь Богъ даровалъ Ему, Царю, способность управлять царствомь къ пользе врученных Его управленію людей и къ славе Божіей»[68].

Вот как говорил значении христианской монархии в одной из своих проповедей Архиепископ Аверкий (Таушев): «Самая идея монархии, в возвращении к которой, как исторической исконной форме государственного управления России, многие справедливо видят спасение, свята и дорога нам **не сама по себе**, а лишь постольку, поскольку она имеет опору для себя в нашей Православной Вере и Церкви – поскольку Царь наш – ***«Царь Православный»***, как и поется в нашем старом государственном гимне: поскольку он не формально и официально только, а и на самом деле является первым сыном и, вместе с тем, высоким Покровителем и Защитником Православной Веры и

Церкви, поскольку он действительно – **«Помазанник Божий»**, получивший в совершенном над ним Церковью Таинстве Миропомазания особые благодатные дары быть «царем и судиею людем Божиим», как исповедует он сам в молитве, читаемой им при священном короновании в храме, перед всеми. Поэтому он и входит в алтарь царскими вратами и причащается перед св. престолом, наравне с остальными священнослужителями, чего, конечно, не мог бы делать всякий другой монарх – не православный и не отвечающий требованиям Церкви, не облагодатствованный Ею»[69].

Прекрасное объяснение этого находим в письме Архим. Пантелеймона, настоятеля Преображенского Монастыря в Бостоне, когда тот находился в юрисдикции Русской Зарубежной Церкви. В ответе на вопрос, поставленный Епископом Константином (Ессенским) Бостонским, относительно места царственных мучеников в среде новомучеников, Архимандрит пишет:

«Согласно греческому обычаю, при поминовении усопших, особенно же на еже-субботних панихидах, а также в Родительские Субботы, порядок поминовения таков: а именно: **„о самодержцах, иерархах, иереях, иеромонахах, иеродиаконах, монахах и монахинях, и о всякой душе православной христианской...**”. Таков порядок, который мы получили от древних времен, как в рукописях, так и в богослужебных текстах, кои печатаются уже несколько столетий. За последние пятьдесят лет, или около того, особенно в связи с более поздними политическими разделениями в Греции между монархистами и республиканцами, некоторые модернисты, – но также и некоторые благочестивые люди – стали спрашивать, почему цари поминаются первыми, даже перед епископами. Они задают вопрос – не отдает ли это цезарепапизмом? По временам, этот вопрос возникал даже здесь, в нашем монастыре, хотя мы и придерживаемся церковного порядка поминовения в томъ виде, в котором мы его получили. Тем не менее, нам приходилось рассматривать этот вопрос и мы пришли к заключению, что нет, это не имеет ничего общего с цезарепапизмом, и что в церковном порядке (поминовения) нет ничего приниженного, подобострастного, нет оттенка льстивости в отношении к царственным особам. Этот порядок зиждется на церковном понятии о власти; он выражает собою наше богословствование. Это положение впервые находит свое полное выражение у Евсевия в житии Св. Константина (царя), где Евсевий сравнивает Св. Константина, первого христианского императора, с епископом. **Император тоже является «эпископос», епископом, не в литургическом смысле, не в смысле права рукополагать духовные чины, но в смысле божественного помазания и избрания свыше, которое он, (император), получил для «надзора» за своей**

«епархией», т. е. над империей, oikouméne, вселенной. Как епископ должен быть хранителем и правилом веры, то таким же (par exellence) является и император. Это мы видим из примеров истории Церкви. Например, – не было абсолютной необходимостью (для облечения в церковную власть) чтобы император был бы рожден в ней, чтобы он был «порфирородный» (багрянородный). Принадлежность к какой-то определенной этнической группе тоже не была непременным условием; императоры были и римского, и испанского, и армянского, и греко-македонского происхождения. **Единственным условием было то, что император должен был быть православным христианином, и только при этом условии мог он получить двойное помазание, как царь и как епископ.** Это понятие подтверждается также и богослужебными текстами. Например, в стихирах на вечерне праздника Свв. Константина и Елены, на «Слава»... – говорится: «...священник извещен и царь елеем, утвердил еси церковь Божию, православных царей отче...» Из того, что Св. Константин, называемый «отцом Православных царей», был помазан как священник и как царь, следует, что все его преемники, (в свою очередь), обладают теми же атрибутами. Обращение к нему как «Равноапостольному» указывает на его служение, как защитника и распространителя Православной Веры. И это тоже является атрибутом каждого Православного монарха, несущего ту же ответственность в отношении к своей «Епархии», (т. е. царству), какую несет каждый епископ по отношению к своей епархии. Так же как и епископ является образом Христа, Великого Первосвященника, так и император является образом нашего Спасителя, Правителя всех (Вседержителя). Далее, именно в силу своей двойной роли, как священника и как царя, **в день своего венчания на царство, монарх приобщается Св. Таин у Престола, в алтаре, вместе со всеми иерархами и прочим духовенством**. То обстоятельство, что монарх получает видимое помазание из рук епископа, не изменяет факта первенствования (pre-eminence) монарха, ибо Сам Спаситель наш принял крещение от Св. Иоанна Крестителя, и это обстоятельство не означает, что Св. Креститель был больше Христа. С другой стороны, те, кто утверждают, что епископ есть больший, так как это он помазует монарха, сами впадают в папский цезаризм, как это и произошло на Западе, где Папа, казалось бы религиозная личность, пытался захватить в свои руки политический и военный контроль над всей Европой. Из этого следует, **что нарушение в этом деле церковного порядка и понимания, привело бы к папскому пониманию вопросов власти и экклиологии**. (…) Однако, совершенно необходимо указать на то, что непреложным условием для этого двойного служения, как

священника и как царя, была его (монарха) безоговорочная принадлежность к Православной Вере. Без нее он не имел никаких прав в глазах Церкви и православного народа. Например, в житии Св. Даниила Столпника мы видим, что когда выяснилось, что Император Василиск не держался Православной Веры, то народ, как один человек, восстал с криком: «Православный Царь для Вселенной (oikouméne)!» И для того, чтобы не лишиться ни трона, ни самой своей жизни, Император принес перед народом исповедание (истинной) веры, хотя исповедание его и не было искренним. Принимая все это во внимание, становится очевидным, что порядок поминовения в богослужебных текстах установлен продуманно и правильно. **Он (порядок) не был установлен ни случайно, ни неразумно, ни с какой бы то ни было заднею мыслью (ulterior motive). Он отражал в себе богословскую мысль Церкви по данному вопросу**»[70].

В конце архим. Пантелеймон дает следующий ответ относительно места Царственных Мучеников среди Новомучеников Российских: «Итак, исходя из церковных богослужебных текстов и всего церковного мышления (mentality) в этом вопросе, естественно следует, что **тот же самый** порядок надлежит соблюдать и в отношении к новомученикам, пострадавшим от большевистского ига. Так как мы имеем столь великий сонм новомучеников из одного народа, и так как Царская Семья этого народа тоже была умучена (в их числе), то естественно и правильно поставить царственных мучеников во главе (всего сонма) и (естественно и правильно) чтобы они имели то же самое место чести и первенства, какое Они имели здесь, на земле. Мы думаем, что это будет правильно (meet), ибо наше мышление в этом вопросе сложилось под влиянием богослужебных текстов и (церковного) понимания. Поистине, именно этот порядок поминовения был бы единственно правильным даже в том случае, если бы, хронологически, царственные мученики были бы умерщвлены на десять, пятнадцать или двадцать лет позже первых мучеников, погибших от руки безбожной власти»[71].

Но мы объяснить в этом месте, что согласно итогам свободного референдума в Греции по вопросу о реставрации монархии 8 декабря 1974 года, эта страна стала парламентской республикой. Население страны высказалось в пользу республиканского строя, король Константин был лишен престола. Поэтому греческий народ навсегда лишился восстановления своего Второго Рима – Царьграда. Следствия этого отречения видим именно сегодня в ужасном для греческой нации кризисе, который кажется уничтожит ее навсегда. К сожалению, Элладская Церковь не стала тогда на защиту монархии, и здесь мы имеем в виду и Старостильную и Новостильную ее

части. В России вопрос о восстановлении монархии никогда не покидал сердце Русского Народа, тем более это важно, так как большевистская революция, пришедшая с Запада в Россию – ставила одной из своих целей уничтожение Православного Самодержавия в России.

Четвертым погрешением МП является факт того, что патриархийная комиссия по прославлению отвергла и ритуальный смысл цареубийства, лишая тем самым Русский Народ объяснения, в чем заключается духовный всемирный смысл революции 1917 года: зачем антихристианскими силами была свержена удерживающая православная государственность в лице Православного Российского Государя и тем самым открыта дорога для построения нового мирового порядка антихриста.

Приведем фрагмент из выше приводимого уже доклада Епископа Нектария (Концевича), в котором прекрасно изъясняется ритуальный смысл убийства Царя Николая: «Из сказанного абсолютно ясно, что злодеяние было РИТУАЛЬНЫМ, а не политическим убийством, о чем свидетельствует также и каббалистическая надпись на стене подвала Ипатьевского дома, где было совершено это поистине сатанинское злодеяние. Подобно тому, как Христос был распят на Голгофе за грехи всего мира, всеми оставленный, так и Государь принесен в жертву за грехи всей России, так же всеми оставленный. Никто не оказал помощи своему Государю во дни его тяжких испытаний, когда он был узником богоборческой сатанинской власти. Поэтому смертный грех цареубийства тяготеет над всем русским народом, а следовательно, в той или иной степени над каждым из нас. И если это так, то для того чтобы иметь хоть маленькую надежду на снятие греха с совести России, необходимо, помимо нашего сугубого покаяния, прославить Государя во главе всех Русских Новомучеников. Ведь принял он мученическую кончину за Православную Веру, Святую Церковь, за Отчизну»[72].

Наконец, последним погрешением МП было установление Московской Патриархией собственной даты Праздника Новомучеников Российских. Если при прославлении Святых Новомучеников и Исповедников Российских Русской Православной Церковью Заграницей было решено праздновать Их память в воскресенье между 22 и 28 января, ближайшее ко дню убийства в Киеве митрополита Владимира, то Московская Патриархия свой Праздник установила на 25 января или следующий за сим воскресный день – как было определено Поместным Собором 1918 г. – но одновременно пропустила тот факт что в решении 1918 года имелась в виду ТОЛЬКО панихида, поскольку Новомученики еще не были прославлены. Небольшое отличие от дат в определении Поместного Собора 1918 г. Зарубежная Церковь объяснила тем,

что в некоторые годы приготовительные недели к посту начинаются уже в январе, поэтому праздник Новых Мучеников Российских устанавливается до возможного наступления этих недель. Своим установлением МП как раз пропустила вопрос учета Постной триоди[73].

Установление в МП отличной от Зарубежной даты памяти Новомучеников Российских, а также отказ использования зарубежной службы Новомученикам были настоящим манифестом непризнания прославления 1981 года как каноничного или, говоря проще – как не имевшее места.

Так вот мы показали, как активно МП разделила Русский Народ в признании и почитании Новых Мучеников Российских, тем самым доказала что ей (т.е. МП) чужды идеалы Русского Народного Единства.

В конце этой части нашего труда, хочется ответить митр. Воронежскому Мефодию (Немцову), который в прославлении Царской Семьи видит лишь одно: «Начало формирования новой, объединяющей национальной идеи 21 века – идеи Великой России с чистой и светлой душой Святой Руси», словами упомянутого выше И. В. Киреевского: «Ибо православие есть душа России, корень всего ее нравственного бытия, источник ее могущества и крепости, знамя, собирающее все разнородные чувства ее народа в одну твердыню, залог всех надежд ее на будущее, сокровище лучших воспоминаний прошедшего, ее господствующая святыня, задушевная любовь. Ее-то опорою почитает народ царя своего, и потому так беспредельно предан ему, ибо не разделяет Церковь с Отечеством»[74].

IV.
Правильное почитание Царя-Мученика – забота Русской Церкви и обязанность Русского Народа.

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
(…) В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа.
А. Пушкин. Стих «Андре Шенье» (1825)

И. В. Киреевский в своей «Записке об отношении русского народа к царской власти» (1885) писал: «Русский человек любит своего царя. Это действительность несомненная, потому что очевидная и ощутительная для

каждого. Но любовь к царю, как и всякая любовь, может быть истинная и ложная, хорошая и дурная, – я не говорю уже о притворной. Ложная любовь та, которая любит в царе только свою выгоду; это любовь – низкая, вредная и, в минуты опасные, готовая к предательству. Истинная любовь к царю соединяется в одно неразделимое чувство с любовью к Отечеству, к законности и к Святой Православной Церкви. Потому эта любовь может быть великодушная. И как в сем деле отделять любовь к царю от закона, Отечества и Церкви? Закон – это воля царя, перед всем народом объявленная; Отечество – это лучшая любовь его сердца; Святая Православная Церковь – это его высшая связь с народом, это самое существенное основание его власти, причина доверенности народной к нему, совокупная совесть его и Отечества, живой узел взаимного сочувствия царя и народа, основа их общего благоденствия, источник благословения Божьего на него и на Отечество. Но любить царя русского раздельно от России – значит любить внешнюю силу, случайную власть, а не русского царя (…) Любить царя и не уважать законов или под покровом его доверенности, под прикрытием его власти, нарушать законы, им же данные или им утвержденные, – это враждовать против него под маскою усердия, подкапывать его могущество в корне, убивать любовь Отечества к нему, отделять в народе понятие об нем от понятия о справедливости, о порядке и благосостоянии всеобщем – одним словом, в сердце народа отделять царя от тех самых причин, для которых Россия хочет иметь царя, от тех благ, в надежде на которые она так высоко уважает его. Наконец, любить его без всякого отношения к Святой Церкви как царя сильного, а не как царя православного, думать, что его господствование не есть служение Богу и Его Святой Церкви, но только управление государством для мирских видов…»[75].

Мы привели столь обширные выдержки из этой записки для того чтобы показать читателю на сколько важна искренняя любовь и преданность своему царю, и как важно чтоб она не была одной рутиной, а настоящим чувством к нему.

Царебожничество никак нельзя признать за правильное и достойное почитание Св. Царя-Мученика Николая II. Оно, наоборот, глумится над Ним, так как Царь Николай был горячо верующим Православным Христианином. Никогда не видел надежды в сынах человеческих (Пс.145:3), а только в одном Боге. Никогда себя не ставил выше Бога.

Интересное замечание делает Пьер Жильяр, воспитатель Цесаревича Алексея, относительно настоящей причины отречения Царя и Цесаревича от престола: «Император с тревогой следил за развертывавшимися в России

событиями. Он видел, что страна стремительно идет к своей гибели. Был миг, когда у него промелькнул снова луч надежды, - это в то время, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, становившейся со дня на день все более угрожающей. Безмерна была печаль царя, когда временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное еще средство избежать неминуемой катастрофы. Тогда я в первый раз услышал от государя раскаяние в своем отречении. Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дела спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови. Но вот спустя самый короткий срок, вслед за удалением царя появились Ленин и его спутники – несомненные наемные немецкие агенты, – и их преступная пропаганда развалила армию и вконец растлила страну. Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо родины, – он принес ей вред своим отречением. Эта мысль, все чаще приходя в голову государя, все больше его угнетала, и впоследствии ей суждено было сделаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственного страдания»[76].

Грузинская Церковь еще в средние века причислила одного своего царя-мученика к лику святых как пострадавшего за свой народ. Им был правнук блгв. царицы грузинской Тамары – блгв. мученик Димитрий II, царь единой Грузии (1269/70-1289; память 12 марта). Святой царь Димитрий, снискал себе в Грузии имя Тавдадебули (Самопожертвователь) - как положивший жизнь свою за свой народ.

После смерти Абага-Хана, за трон насмерть начали биться его брат и сын Аргун. Царь Димитрий против своей воли был ввергнут в междоусобицу. Победивший Хан-Аргун, наказав всех противников, вызвал грузинского царя в Орду. Царь Димитрий сразу же догадался, что мог означать этот вызов, что его также могут казнить. Он созвал дарбази (придворный совет) и объявил о своем решении ехать в Орду, но придворный совет предложил ему укрыться в горах Мтиулети или Зап. Грузии. Царь не принял совета и ответил: «Коли уберегу себя... пред ним [монг. ханом. – М. Д.] возлежит все царство мое, смотрите, сколько душ христианских смерти предаст и в плен возьмет и церкви осквернит и разрушит, кресты и иконы уничтожит... Я сложу душу мою для народа моего и не откажусь пойти в Орду». Подданные всеми силами

старались убедить его, что нельзя идти на верную гибель и оставлять страну без царя. Только Католикос Авраам поддержал решение Димитрия: «Царю-христианину зачтется за великое благо сложить голову за спасение своей страны и этим искупятся все его земные грехи», – сказал он. Выслушав эти слова, царь с радостью стал готовиться к отъезду в Орду. Он взял с собой Католикоса Авраама, священника Моисея, сына своего Давида и избранную свиту. В Орде вина молодого грузинского царя не была доказана, однако его поместили в темницу. Верные подданные сумели проникнуть к нему и предложили совершить побег. Тронутый их преданностью царь отказался бежать и тем самым подвергнуть опасности свою страну. "Какая польза мне, если обрету весь мир и погублю душу свою?!", – сказал он. При повторном судилище Хан приговорил Димитрия к смерти. Перед казнью царь усердно молился, причастился и вверил душу свою Господу. Внезапное Богоявленное чудо потрясло всех: солнце затмилось и зловещая мгла покрыла все и вся.

Известный новомученик Российский священномученик Андроник (Никольский), Архиепископ Пермский и Соликамский, изложил свой взгляд на отречение Государя от престола в своей речи к православному народу 5 марта в кафедральном соборе Перми. В своем слове он говорит об отречении царя, как о САМОПОЖЕРТВОВАНИИ ВО ИСПОЛНЕНИЕ ЗАПОВЕДИ ХРИСТОВОЙ: «Ведаю, братие, что ждете от меня слова по поводу всех переживаемых нами событий. Но что же я могу сказать вам, грешный, кроме той печали, которая обдержит сердца наши. Начнем по порядку. – Не стало у нас на Руси Царя. Беззаветно любящий свое Отечество и свой народ, беззаветно желающий ему только одного блага и счастья, Царь сложил с себя царскую корону и отрекся от наследственного прародительского престола. Бесчестные царские слуги и советники в своих мелких расчетах скрывали от Царя правду жизни народной, обманывали Царя и делали все, чтобы разъединить Царя с народом и народ с Царем. И добились своего. Но когда обнаружилось это разъединение, когда открылась беда, тогда они же первые и оставили Царя одного, оттолкнувшись от него и спасая только себя, а не Царя или Отечество. Увидевши это, Царь понял, что нужно народу в данное время. Он в этот исторический момент жизни нашего Отечества явил подражание нашему Великому Первоархиерею Христу. А Христос, видя, как погибает народ, расстраиваемый грехом, решил Себя Самого предать на Крест и принести в жертву спасения людей для примирения их с Богом. Так и сей кроткий царь решился на самопожертвование высокое, чтобы объединился и утихомирился разгневанный народ. Царь за себя и за наследника отрекся от

царского престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу – своему царственному брату»[77].

Поэтому во избежание дальнейшего развития царебожнического лжеучения среди Русского Народа, НЕОБХОДИМО Русской Церкви дать более определенное именование Царя-Мученика, которым она предохранила бы своих чад от ереси языческого царебожничества. Последнее есть удар, нанесенный врагами и противниками Воскрешения Святой Руси, которое не может произойти иначе как вследствие раскаяния Русского Народа в грехе клятвопреступления, но никак не обоготворения Царя-Мученика. С другой стороны, оно безусловно нужно для правильного определения Его почитания в Церкви Православной, одновременно и предостережения пред искажением Его почитания и восприятия Его мученического подвига, которое в итоге часто приводит увлекшихся так наз. царебожничеством в сторону обоготворения самого Царя.

Некоторые из российских императоров за свои особенные черты характера, были названы современниками и историками особыми эпитетами. И так первый царь из династии Романовых – Михаил Федорович наименован «Кротким», его сын и наследник Алексей Михайлович назван «Тишайшим». Три венценосных Александра удостоились своих особых эпитетов – Александр I Павлович «Благословенный», Александр II Николаевич «Освободитель» и Александр III Александрович «Миротворец». Считаем, что такой особый эпитет должен быть определен и лицу последнего российского императора – этим будет подчеркнут Его значение в истории России. Как подходящий лицу Николая II Александровича признаем эпитет «Самоотверженнный», так как этот Царь не только всем своим правлением, но и ценой своей жизни и жизни Августейшей Семьи, засвидетельствовал свою самоотверженность в служении благу своего Народа.

Таким именованием должно стать выражение «Самоотверженный», которое дает правильное понятие мученического подвига Св. Царя Николая как Мученика за Христа, но также как пожертвовавшего собой для своего народа. В словаре С.И. Ожегова «Толковый словарь русского языка» "самоотверженный" определяется как «жертвующий своими интересами ради других, ради общего блага», а слово "подвиг" определяется как «героический, самоотверженный поступок». Именование Самоотверженный безусловно достойно присвоить Нашему Благоверному Св. Царю-Мученику Николаю.

Завершим наши размышления словами Архимандрита Константина (Зайцева): «Значение России в деле домостроительства спасения человеческого рода определилась не только тем, что Россия стремилась всецело воплотить в

своем быту Истину Православия, оправдывая тем свое существо «Святой Руси», но и тем, что так возникло **избранничество** ее, как Православного Царства, возглавляемого Монархом, выполняющим миссию «Удерживающего»! В этом **мистический** смысл теории Третьего Рима, выношенной церковным сознанием Москвы еще в те времена, когда она только еще слагалась в мировую силу политическую, и оставшийся знаменем высокого послушания, выпавшего в уделе России - Нового Израиля на все будущие времена - не исключая и Императорского периода. Отсюда вытекает, что **измена**, совершенная Россией, была **двоякой**: изменяя своей природе Святой Руси, Россия одновременно изменяла, поскольку отказывала в верноподданническом послушании своему Православному Царю, и своему высшему вселенскому назначению: хранить Церковь Православную. В этом плане сливаются воедино оба выше поставленные нам вопроса! Россия Историческая есть Православное Царство, и не в каком ином облике не представимо восстановление ее Исторической Личности. Но, выбывая из состава мира в своем образе Православного Царства, Россия тем самым обрекает весь мир на переход в план уже эсхатологический, ибо четвертого Рима не будет! Если мир хочет существовать дальше, то Непременным условием этого является возвращение к жизни России в образе Православного Царства. И тут – третьего не дано!»[78].

Св. Благоверный Царе-Мучениче Николае, моли Бога о нас!

Священнопроповедник Михаил М. Джега

[1] V. Laurent, Les droits de l'empereur en matière ecclésiastique. L'accord de 1380/82, Revue des études byzantines (Paris) 1955. T. XIII. P. 16. В Российской Империи, 42-й параграф Основных законов Российской Империи провозглашал: «Император, яко Христианский Государь, есть Верховный Защитник и Хранитель господствующей веры и Блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». Потому только одно обстоятельство могло освободить подданных от присяги на верность императору – отпадение его от Православия.

Как справедливо замечает Г. В. Вернадский **для Византии характерной не была диархия царь и сенатъ так как она лишь остатки римскихъ государственныхъ формъ эпохи принципата: «Характерна для Византии диархия другого типа, двоица Епанагоги – царь и патриарх**. Царь и патриарх в Византии – представители не разных властей, государственной и церковной. **Царь и патриарх – две главы одного и того же церковного-**

сударственнаго тела. Лишь обе главы вместе – царь и патриарх – знаменуют собою полноту земной верховной власти в Византийскомъ царстве». (Г. В. Вернадский, Византийские учения о власти царя и патриарха. // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова (Recueil d'études dediées à la mémoire de N.P. Kondakov). Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 154.). Крупнейший представителей русской эмигрантской науки и основатель Византологического института в Белграде, академик Г.А. Острогорский делает важное замечание относительно византийской диархии власти: «Важно, что с IX–X века между верховной светской и духовной властью фактически устанавливается некий параллелизм, охватывающий наимельчайшие подробности. Государственному централизму соответствует централизм церковного строя и управления в константинопольской епархии. Как при императоре существует сенат, так при патриархе – синод, давно уже ставший постоянным учреждением. Как императору, так и патриарху подчинен целый ряд канцелярий и чиновников, при помощи коих патриарх управляет своей епархией, и которые частично носят те же титулы, что чиновники императорские. Наконец, патриарх имеете свой двор, во всем подобный императорскому. Этот параллелизм, это уравнение верховной светской и духовной власти никоим образом не означало отделения церковной сферы от государственной. Подобная идея была совершенно чужда Византии. Напротив, **идеалом Византии был тесный и нерушимый союз между царством и священством, соединение и слияние православного государства с православной церковью под водительством православных императора и патриарха константинопольских**. Этот идеал в значительной мере и осуществлялся жизнью, хотя и не без перебоев. Церковное значение императора заключалось, конечно, не в тех пустяковых церковных функциях, которые он, как мы видели, мог отправлять при богослужении, и не в том давлении, которое он мог от времени до времени оказывать на церковные дела, вообще не в том, что он делал в самой церкви, а в том, что, стоя вовне, он, как православный государь, являлся общепризнанным защитником церкви, и что эта миссия была возложена на него самим Всевышним, поскольку власть его от Бога. Император является защитником церкви, а патриарх советником императора. Сотрудничество же византийских церкви и государства, сотрудничество тесное и постоянное, диктовалось прямыми интересами обеих сторон. Государство преследовало еретиков как государственных преступников, а церковь анафематствовала бунтовщиков (Ср. синодальное постановление 1026 г.). **Того, кто противился православному государю, церковь карала отлучением; того, кто не подчинялся православной**

церкви, отвергало и государство». (Г. А. Острогорский, Отношение Церкви и государства в Византии. // Seminarium Kondakovianum, IV, 1931. С. 130–131.).

[2] А. Павлов. Синодальный акт Константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 года о приводе архиереев к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею с формой самой присяги, Византийский временник. 1895. Том II. С. 390, 391.

Архиереи в Царской России как и все остальные подданые были обязаны в верности Православному Государю. За всю историю Российской Империи с трудом можно найти Архиерея, который бы изменил Царю. Но такой всёже был, и это не должно удивлять, ибо и среди Свв. Апостолов тоже нашелся один предатель… В Царской России был таким Варлаам (Шишацкий), лишенный сана бывший архиеп. Могилёвский и Витебский (Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии всероссийской со времени учреждения Святейшаго правительствующего синода (1721-1895). Спб. 1896. С. 17). В начале Отечественной войны 1812 г. остался в Могилёве, который был оккупирован французским корпусом. 13-го июля оккупанты приказали архиепископу вместе с духовенством принести присягу новым властям. Обсудив ситуацию с членами консистории и секретарем, 14-го июля в кафедральном соборе Варлаам присягнул Наполеону; консистория предписала духовенству сделать то же самое, и присягнуло 2/3 духовенства. Варлаам также поминал во время литургии и молебна имя Наполеона (!). После изгнания французских войск из Российской Империи, по приказу Государя Св. Синод освободил Варлаама от управления епархией и провел расследование. Итогом которого был указ от 1 мая 1813 г. в котором Варлаам был лишен Архиерейства и Священства, с отобранием знаков ордена Св. Анны 1-й степени: «за принесение в кафедральном могилевском соборе присяги импер. Наполеону; служение литургии и молебна с воспоминанием его имени; и рассылку из Консистории указов об исполении сего всем подчиненным местам и лицам». Чин снятия сана совершил архиеп. Михаил (Десницкий) 29 июня (по др. сведениям, 12 июня) 1813 г. в кафедральном Спасском соборе Чернигова. Мы привели этой случай только для того, чтобы показать насколько сурово Церковь Всероссийская наказывала лиц духовых, нарушивших присягу Российскому Государю.

[3] Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). Т. 1. Пер. с сербского. М., 2004. С. 150.

[4] Переводятся также как «благочестивый».

[5] По отношению к императору (царю) и его супруге употреблялся титул «Благочестивейший (ая)».

[6] Православная Энциклопедия. Т. 5, С. 251-252.

[7] Г. П. Федотов, Святые Древней Руси. // Собрание сочинении в 12 т., т. 8, М. 2000, С. 62.

[8] Святая Православная Церковь прославила всех христианских Императоров, которые созывали семь Вселенских Соборов, а именно: Константин Великий - Никейский Собор в 325 году, Феодосий Великий - I Константинопольский Собор в 381 году, Феодосий II Юнейший - Ефесский Собор в 431 году, Маркиан - Халкидонский Собор в 451 году, Юстиниан Великий - II Константинопольский Собор в 553 году, Константин IV Новый - III Константинопольский Собор в 681 году, и Ирина - II Никейский Собор в 787 году.

[9] Такой взгляд встречаем у других византийских деятелей, как свят. Симеон Фессалоникийский.

[10] Проф. И. А. Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 гг., Том II, С. 550.

[11] Е. В. Никольский, Благоверие царей и князей в истории Христианской Церкви, М. 2014. он же, Царский путь и святость. Культ правителя в истории, М. 2016.

[12] Е. В. Никольский, Благоверие царей и князей в истории Христианской Церкви, С. 260.

[13] Там же, С. 262.

[14] Проф. И. А. Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 гг., Париж 1956, Том II, С. 549-550.

[15] Проф. И. А. Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 гг., Том II, С. 558. Дальше проф. Ильин приводит следующий пример в доказательство правоты своих представлений по сему вопросу: «В этой связи нельзя не вспомнить замечательного и глубоко прочувствованного письма Великого Князя Александра Павловича, которое он написал 10-го мая 1796 года своему другу Виктору Павловичу Кочубею. «Да, милый друг, повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а между

тем, они занимают здесь высшие места, как напр., З…, П…, Б… оба С…, М… и множество других, которых не стоит даже называть, и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что **не рожден** для того высокого сана, который ношу теперь и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого **я дал себе клятву отказаться тем или другим образом**… Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совести ставлю первым для себя законом, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дело **не по моим силам**?».

[16] Проф. И. А. Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 гг., Том II, С. 553.

[17] Проф. И. А. Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 гг., Том II, С. 556-557.

[18] «Но на нем лежит еще многое другое и особенно – великая ответственность за свой **царский род** и его продолжение, а также за всю **династию**. Государь, получающий свой трон в порядке кровного преемства, должен иметь хорошую наследственность в **естественно-органическом**отношении. Телесно – или душевно больной монарх не сможет нести бремя своего призвания и трона. Несчастие, конечно, может постигнуть каждого человека и от заболевания (телесного или душевного) оградить можно далеко не всегда. (..) Государь естественно и неизбежно отвечает за здоровье своих наследников и должен предвидеть все поддающееся предвидению. Брак, заведомо грозящий больным потомством, недопустим ни в смысле родительского разрешения, ни в смысле взрослого самостоятельного произволения. А это означает, что каждый член династии должен быть готов к тому, чтобы отречься во имя законов «евгенетики» (наука и практика здорового потомства) от своей самой сильной любви и влюбленности. Здесь жертвенность монарха не знает пределов. В вопросах **брака** Государь столь же мало свободен, сколько и в вопросах образования и быта, ибо брак царя есть дело **династическое и государственно-всенародное**; и поэтому лучше отказаться от престола во имя «всепоглощающей» личной любви, чем ввести больную наследственность в династическое преемство». // Проф. И. А. Ильин, С. 552

[19] Проф. И. А. Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 гг., Том II, С. 558-559.

[20] Там же, С. 159, 162.

[21] Там же, С. 168-174.

[22] Ιστορία του Ελληνικού Έθνους, Τ. 9. Οι Αυτοκράτορες της Τραπεζούντας, σ. 335. Подробнее, см. W. Miller, Trebizond. The last Greek Empire of the Byzantine Era: 1204-1461, 1926 (Chicago: Argonaut, 1969), p. 96-109; С. П. Карпов, История Трапезундской империи, СПб. 2006.

[23] А. П. Лебедев, Очерки истории византийско-восточной Церкви от конца XI–го до половины XV–го века, М. 1892, с. 638-639. Из того что папа Николай V требовал от императора в своем письме, исполнено было почти все, кроме одного. Униатами предъявлялось требование предоставить патриарший престол Исидору Русскому, император опасаясь вызвать в городе раздор, счел невозможным осуществление этого требования. Интересно отметить, что эта служба была отслужена по папскому обряду. Причастие состояло из опресноков (что является ересью), и в чашу с вином добавили холодной воды (пропуск этого обряда был по его смыслу недопустимым).

[24] Е. В. Никольский, Благоверие царей и князей в истории Христианской Церкви, С. 174.

[25] Подробрее см. Е. В. Никольский, Царский путь и святость. Культ правителя в истории, М. 2016, С. 295-309.

[26] Преподобный Иустин (Попович), Православная Церковь и экуменизм, М. 2006, С. 94.

[27] Об этом упоминается в 611-ом вопросе препп. Варсонофия Великого и Иоанна Пророка в их «Руководстве к духовной жизни в ответах на вопросы учеников».

[28] Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). Т. 1. С. 213-215.

[29] В. М. Живов. Святость. Краткий словарь агиографических терминов, М. 1994. С. 84.

[30] Е. В. Никольский, Царский путь и святость, С. 305.

[31] Афроамериканские царебожники (растафариане) считают искупителем и деизируют последнего эфиопского императора Хайле Селассие.

[32] Е. В. Никольский, Ересь царебожия как «реинкарнация» культа деизированных правителей Древнего мира. // Studia Humanitatis. 2014. № 3.

[33] С. А. Нилус, На берегу Божьей реки, Ч. 2, Сан-Франциск 1969, С. 149-150.

[34] Св. Василий Великий. Беседы на псалмы. // Творения. М., 1845, Ч.1. С. 360.

[35] Е. В. Никольский, Царский путь и святость, С. 302

[36] А. Пападакис, Христианский восток и возвышение папства. Церковь в 1071-1453 годах. М. 2010. С. 76.

[37] Свт. Нектарий Пентапольский, Христология или о божественном характере и деле Спасителя нашего Иисуса Христа и об исполнении пророчеств в божественном Его Лице. Пер. с новогреческого. Н. Новгород, б.г. С. 186-187.

[38] Святитель дает еще такое пояснение Престола Христа: «Престол Иисуса в Святых Писаниях предстает под различными видами, соответствующими различными отношениям, которые Он имеет с народом Своим и миром: как престол благодати (Евр. 1:16), как престол суда (Апок. 20:11-15) и как престол славы (Апок. 4:2-5 и 5:6)». // Там же. С. 187.

[39] Там же. С. 187.

[40] Там же. С. 12.

[41] Там же. С. 184.

[42] Деяния Вселенских Соборов, Т. 4, С. 48.

[43] Там же, Т. 6, С. 222.

[44] Там же, Т. 7, С. 285.

[45] Там же, Т. 6, С. 274.

[46] Подвижническихе и Богословские Главы. Стословие первое. 92. // Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). Т. 1. С. 120-121.

[47] Н. Колчуринский, Монах Авель – мифы и историческая правда? // Альфа и Омега. 2009. № 1. (54). С. 134-151.

[48] Памяти мучеников / / Церковная жизнь. 1934. № 8. С. 137.

[49] Церковная жизнь. 1939. № 1-2. С. 8.

[50] Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви заграницей. Белград, 1939. С. 16, 25.

[51] Там же. С. 24.

[52] «Церковная жизнь». 1954. № 7-12. С. 145.

[53] «Церковная жизнь». 1951. № 2. С. 2.

[54] «Церковная жизнь». 1958. № 1-6. С. 25-26.

[55] «Церковная жизнь». 1964. № 7-12. С. 46.

[56] «Церковная жизнь». 1967. № 1-12. С. 71.

[57] «Церковная жизнь». 1971. № 7-12. С. 46.

[58] Архиепископ Антоний. К прославлению Новых Мучеников Российских. Лос-Анжелес 1974. С. 6, 10.

[59] Еп. Нектарий Сеаттлийский, О прославлении Новомучеников Российских. // Православный Путь за 1985 г. (Джорданвилл 1986). С. 51.

[60] «Православная Русь». 1981, № 15/28 октября. С. 1-2.

[61] Кроме митр. Ювеналия в святости жизни Царя Николая также сомневаються и дригие иерархии МП – митрополиты: Владимир (Котляров),

Сергий (Фомин), Илларион (Алфеев). Кроме этого, митр. Николай (Кутепов) утверждал, что «Николай II повинен в гибели 60 миллионов русских людей», а проф. МДА Осипов заявлял, что в случае канонизации Государя «наши святцы превратятся в помойку» (Русь Православная, март-апрель 2000 г.).

[62] Е. Голубинский, История канонизации святых в русской церкви, Издание 2-ое, М., 1903, С. 265. Тоже надо сказать словами церковного историка Г. П. Федотова что: «Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный, чин "страстотерпцев" – самый парадоксальный чин русских святых. В большинстве случаев представляется невозможным говорить о вольной смерти: можно говорить лишь о непротивлении смерти. Непротивление это, повидимому, сообщает характер вольного заклания насильственной кончине и очищает закланную жертву там, где младенчество не дает естественных условий чистоты. Замечательно, что возлюбившая страстотерпцев русская церковь ничем не выделила из ряда святых своих мучеников, которые в греческой церкви, (как и в римской) всегда занимают первое место и в литургическом и в народном почитании. Большинство русских мучеников за веру или местно чтутся или забыты русским народом. Много ли православных людей знают варягов Федора и Иоанна, печерского инока Евстратия, Кукшу, просветителя вятичей, Авраамия, мученика Болгарского, литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия или казанских Иоанна, Стефана и Петра? Никто из них никогда не мог сравняться в церковном прославлении с Борисом и Глебом – страстотерпцами. Это означает, что русская церковь не делала различия между смертью за веру во Христа и смертью в последовании Христу, с особым почитанием относясь ко второму подвигу (…) Но этот парадокс, конечно, является выражением основной парадоксии христианства. Крест, символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становится знамением победы, непобедимым апотропеем против врагов». // Г. П. Федотов, Святые Древней Руси. // Собрание сочинении в 12 т., т. 8, М. 2000, С. 26.

[63] Негативно отнеслась к декларации митр. Сергия (Страгородского) и призывала не посещать храмы, где его имя возносится за богослужением. В 1981 году была причислена Русской Зарубежной Церковью к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских как новопреподобномученица Мария Гатчинская.

[64] Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14-11/24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии. Белград 1939. С. 700-701.

[65] Слова иже во святыхъ отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Санъ-Францисского Чудотворца. Санъ-Франциско 1994. С. 236-237.

[66] Там же. С. 229.

[67] Там же. С. 229-231.

[68] П. П. Пятницкій. Сказаніе о венчаніи Русскихъ царей и императоров. М. 1896. С. I-II.

[69] Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете слова Божия. Слова и речи. Том II. (1961-1968 гг.). Jordanville 1975. С. 65.

[70] «Православное Обозрение». Издание Русской Православной Зарубежной Церкви. Montreal 1981. №53 (Апрель). С. 3-6.

[71] Там же. К сожалению, на общеизвестной иконе Всех Святых, писанной в Бостонской Обители – где все фигуры изображены в белых одеждах – невозможно найти среди Лика Новомучеников Российских Царя Николая, а среди Лика Новомучениц Российских Царицу Александру. Тоже весьма инетресным представлается отсуствие на этой иконе Лика Благоверных, при изображении всех остальных. Оставляем эту нашу заметку без комментария.

[72] В переводе на русский язык этот текст гласит: «Здесь, по приказу тайныхъ сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы» Слова «par ordre de la force des ténèbres» в этом контексте, было бы правильнее перевести по-русски: «по приказу сатанинских сил». // Е. Е. Алферьев. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая, Великого Страстотерпца. Jordanville 1983. С. 143-145.

[73] См. Постановление Архиерейского Собора МП 2013 г.: «Члены Собора выражают согласие с выводами Синодальной богослужебной комиссии относительно времени празднования Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской в связи с различием практик, принятых в Русской Зарубежной Церкви и в Церкви в Отечестве. Освященный Собор определяет установить празднование Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской: 25 января (по старому стилю), в случае совпадения этого числа с воскресным днем; в предшествующий этой дате воскресный день, если 25 января (по старому стилю) приходится на дни от понедельника до среды; в последующий этой дате воскресный день, если 25 января (по старому стилю) приходится на дни от четверга до субботы».

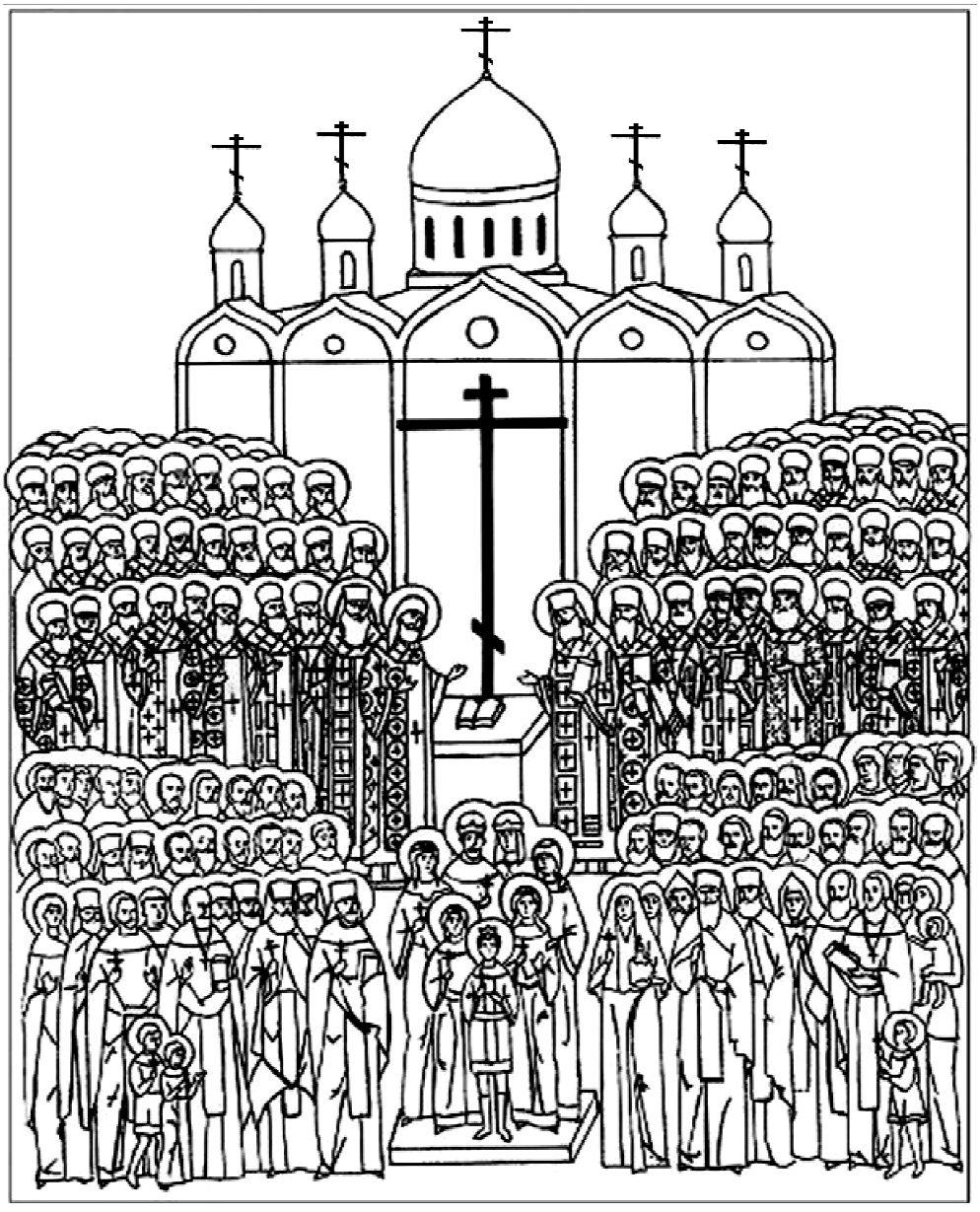
[74] И. В. Киреевский, П.В. Киреевский, Собрание сочинений. В 4 т. Подг. изд. доктор филол. наук проф. А. Ф. Малышевский. Калуга 2006. Том 1. С. 133-163.

[75] Там же.

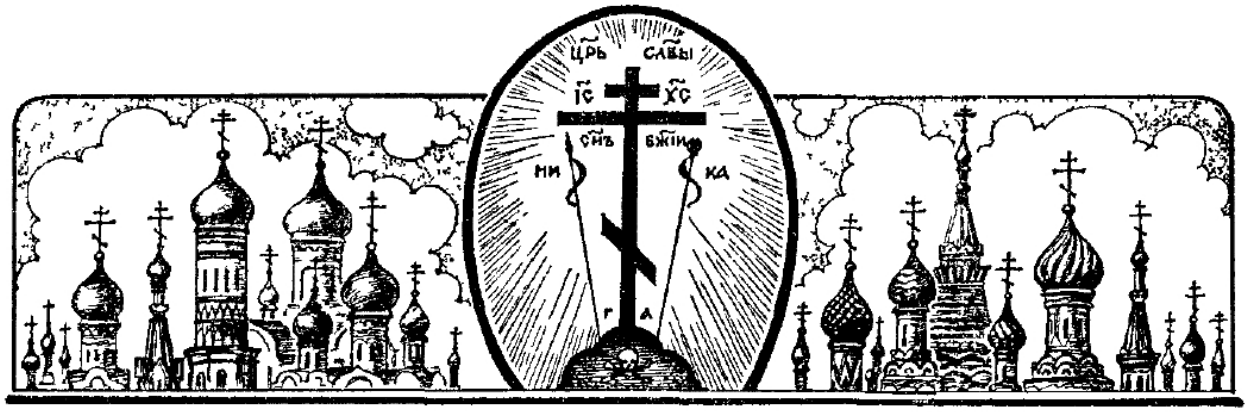
[76] Трагическая судьба русской императорской фамилии: Воспоминания бывшего воспитателя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Пьера Жильяра. Пер. с франц. Ревель 1921.

[77] Материалы по истории русской иерархии. Статьи и документы. Сост. П. Н. Грюнберг. М., 2002. С. 92-98.

[78] Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо Русской истории. Jordanville 1970. С. 311.



СВЯТАЯ РУСЬ
И
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО.



Князь Петр Сергеевич Лопухин

СВЯТАЯ РУСЬ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО.

От. Ред.: *Впервые широко по этому вопросу Петру Сергеевичу пришлось выступить, когда в борьбе против нехристианских либеральных течений Архиепископ Серафим (Соболев) Богучарский провозгласил, что монархический образ правления есть учреждение богоустановленное, что это догмат Церкви и что каждый православный христианин должен верить в принцип самодержавного царя, как верит в догмат единства Божия. Против такой догматизации самодержавия возражения раздавались главным образом с внецерковных либеральных позиций. Отталкиваясь всем своим кипучим сердцем от этих внецерковных позиций, Петр Сергеевич выступил против догматизации монархии с позиций церковных. Напомнив, что в истории России самыми плодоносными в смысле святости краями были Новгородская и Псковская республики, Петр Сергеевич обосновал на одной из мыслей Митрополита Антония стройное и глубокое государственное мировоззрение. Митрополит Антоний учил, что в то время как чисто церковную, вероучительную и нравоучительную области Церковь строго догматизирует, по всем вопросам в этих областях провозглашая свои непреложные, вечные, никогда не меняющиеся определения – остальные области человеческой мысли и деятельности Церковь предоставляет свободному труду человеческой мысли. Непреложными истинами могут быть только истины абсолютные – они и могут и должны быть догматизированы. Все остальные явления суть явления временные и имеют лишь относительную ценность, как говорит св. Иоанн Златоуст и другие святые отцы. Это вещи средние и могут быть и добрыми и злыми. Таковы здоровье, смерть, согласие между людьми, власть, различные виды человеческой деятельности и т. д. Например, смерть грешников люта, но смерть праведников блаженна. Здоровье вожделенно для людей, но для человека страстного оно может*

быть вредоносным. Согласие между людьми похвально, но согласие строящих Вавилонскую башню было злом, которое Господь разрушил, внеся в их среду полезное в этом случае разделение. Петр Сергеевич понимал и любил эту мысль о непреложности Божественной жизни и относительной ценности всего временного. Во главу угла своего учения о православной государственности он ставил мысль о том, что государственная власть есть явление временной жизни человека, и потому догматизировать ее нельзя. Но если Церковь не догматизирует эту область, то она никак не безразлична к ней. Петр Сергеевич больше всего хотел разъяснить людям: как относится Церковь к государственной области, какие дает руководящие указания для решения возникающих в этой области вопросов; сказать, как должны вести себя чада церковные в государственной и общественной жизни. Итак, государственная область предоставлена Церковью свободному человеческому творчеству. Церковь не предписывает в этой области готовых формул и рецептов. Государственные формы вырабатывались человечеством постепенно и в языческий и в христианский периоды его истории, и русское православное самодержавие является плодом таких многовековых усилий. Но, добавлял Митрополит Антоний, и Петр Сергеевич с любовию подхватывал эту мысль: не догматически, не доктринально, но по соображениям практической душевной пользы Церковь полюбила самодержавие, ибо в самодержавии верховная власть принадлежит тому, что в греховном человеческом естестве менее всего испорчено – совести. В самодержавной монархии правит совесть монарха. Эта совесть не должна быть ограничена ничем, ни даже внешним руководительством Церкви в вопросах, не относящихся к вероучению и нравоучению церковному. Церковь только предъявляет к царю требования быть в своем служении верным Божиим заповедям, нравственному закону и быть всегда честным в своем царском служении, всегда повиноваться голосу своей неподкупной царской совести. И еще: наследственная монархия есть единственная форма правления, при которой верховный носитель власти не добивается ее, а принимает ее как обязанность, становится правителем не из греховного чувства властолюбия, а из праведного чувства нравственного долга. И тот, кто помнит Евангельские слова: «не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые», понимает все преимущества такого строя. «МОНАРХИЯ НЕ ЕСТЬ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ БОГОУСТАНОВЛЕННАЯ, НО ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ – БОГОУГОДНАЯ», любил говорить Петр Сергеевич Лопухин.

Каждый народ имеет свои дарования, определяющие характер его стремлений, интересов и жизни, согласно которым народы сознают и называют себя. Так, по стремлению к силе и богатству, назвала себя "Великая" Британия, "Учёная" Германия, и "La Belle" France назвала себя по любви к изяществу и красоте.

Русский народ, особо одарённый религиозно, НАЗВАЛ СЕБЯ – по особой любви к святости – "Святая Русь".

Это удивительное историческое событие.

"Святая Русь" – это национальная жизнь народа, признающего смысл и радость жизни в приобщении Богу. Это - народ, выше всего почитающий святость, которая и есть приобщение Богу, природнение к Ему. Как часто в исторической жизни люди ненавидели праведников, убивали их; пророка Исайю перепилили деревянной пилой за то, что в стремлении к святости смысл и правда и радость жизни. И только в этом. И как прекрасен образ старика, пришедшего за несколько тысяч километров из Сибири, чтобы немного побыть с Преподобным Серафимом.

"Святая Русь" не есть жизнь святого народа: история Русского Народа есть сказание о его грехах; но не только о них. ОСНОВНОЙ ЧЕРТОЙ ЕГО, определившей и давшей право на имя "Святой Руси", БЫЛА И ЕСТЬ – ВЕРНОСТЬ ПРАВДЕ: ЧЕЛОВЕК СВЯТОЙ РУСИ ГРЕШИТ, НО НЕ ЛЖЁТ, и потому знает, куда и к чему надо возвращаться, когда согрешил и упал. Верность правде – самая существенная и дорогая черта человека Святой Руси, воспетая Достоевским, и она критерий Русскости.

Святая Русь именно есть русская национальная жизнь, её характер и настроение, внутренняя жизнь, а не внешняя, не формы жизни, и потому отнюдь не надо представлять себе Святую Русь только и непременно в одеждах того или иного исторического периода. Нет, она может быть во всех одеждах.

НЕ НАДО СМЕШИВАТЬ СВЯТУЮ РУСЬ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ: они созвучны, но это явление разного порядка: одна есть стихийная жизнь, определяемая верой, взглядами, вкусами, настроением, а другое – есть плод сознательной и целеустремлённой деятельности человека. И та и другое есть общественная жизнь людей, но одна руководится стихийной силой, другое сознательной силой власти.

Мы никогда не говорили "Святая Русь" – как государство, но "Святая Русь" – как НАРОДНАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. Мы не знаем "священного государства" и не говорим, как католики, "Священная Империя"

– ибо у нас НЕТ СВЯЩЕННЫХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: У нас НЕТ ДОГМАТА О ГОСУДАРСТВЕ.

Во всех Евангелиях нет ни слова об этом. После Ветхого Завета, когда вся социальная жизнь, все нормы уголовного и гражданского права были религиозно санкционированы, поразительно Евангельское умолчание об этих, так остро интересующих людей предметах и вопросах общественной жизни. В Евангелии на эту тему есть только одна фраза: "воздавайте Кесарю-кесарево", т.е. живите государственно, но как, в каких формах, на каких принципах строить государство и государственную власть, – об этом нет ни слова.

Христианством дан смысл жизни - приобщение к Богу. Это единственная спасительная цель и все, вся жизнь должна подчиняться этому. Но если "вся", то значит и государственная жизнь.

Христианство не ставит человеку цели построения совершенного государства или социального строя, или ещё каких-либо целей в плоскости культуры. Всё это имеет значение второстепенное, служебное и относительное - поскольку это служит главной и единственной цели.

Христианство обращает внимание человека во внутрь, ибо там совершается приобщение Богу и Царству Божию. "Царство Божие" на земле не должно мыслиться во внешних, ему присущих, "священных" формах: Царство Божие не приходит "приметным образом". "И не скажут: вот, оно здесь, или: вот там. Ибо вот, – Царствие Божие внутри вас есть". (Лк. XVII, 20-21).

Евангелие освобождает человека от "священных", обязательных для него, форм жизни. Оно призывает его к свободе, зовёт всю жизнь свободно подчинить исканию Царства Божьего. Оно как бы говорит человеку: "Нет указанных форм жизни, всё позволено, но не всё полезно".

И МЫ СТАВИМ СЕБЕ ВОПРОС, КАК БУДЕТ СТРОИТЬ СВОЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ПРИЗВАННЫЙ К СВОБОДЕ СЫН СВЯТОЙ РУСИ?

Смысл жизни, путь спасения ему ясен. От государства он может и должен требовать УСЛОВИЙ для возможности беспрепятственно жить христианством осмысленной жизнью.

Царство Божие, Божественная жизнь на земле, может существовать на земле при всех условиях и нельзя внешними мирами и государственными порядками не допустить до человека Благодать Божию. Но условиями жизни можно до крайности затруднить человеку возможность её усвоения.

На человека влияет среда, нравственная обстановка: мы зависим друг от друга и влияем на окружающих. Можно создать такие отношения, такую обстановку или воздух общественной жизни, что в них жить до крайности

тяжело. В каждом государстве, как в доме или семье, есть свой дух. Вот почему для христианина не только не безразлично, но имеет огромное значение устроение государственной жизни, её цели, основы, "философия права" государства, определяющая направление, характер и дух жизни, наших отношений друг с другом, нашей общественной жизни.

Государственную жизнь направляет власть, и у власти всегда есть своя философия, и руководясь ею, власть управляет и устраивает общественную жизнь. Нет и не может быть власти без философии - без того или иного понимания своего смысла и цели. Если кто скажет, что власти не нужна никакая философия, что государство есть только техническая организация для удовлетворения нужд и воли большенства, то и такое утверждение уже есть своего рода философия государственного права.

Поэтому, если данное государство не примет христианского положения, что вся жизнь, а следовательно и государственная, должна быть подчинена христианскому смыслу жизни, то на место этой философии оно должно поставить другую; но человек Святой Руси все способы устроения государства будет расценивать по тому, насколько они отдаляются или приближаются к принципу подчинения Христианству всей жизни, насколько они создают обстановку благоприятную для жизни и развития христианина.

Самое тяжёлое для духовного роста человека, но самое соблазнительное - жить в обстановке торжествующего зла. Когда зло не только не преследуется, но поощряется властью. Зло празнует свою победу и кажется непобедимым. Такова жизнь под богоборческой властью. Это такая несносная тяжесть, такое зло и мерзость, что люди бывают морально раздавлены такой жизнью и становятся жертвами зла и уныния.

Внешне не так мучительно, но может быть не менее соблазнительно, жить в обстановке безразличия к добру и злу. Таков воздух государственной и общественной жизни там, где проводится принцип отделения государства от церкви. В этом воздухе холодеет душа и гаснет огонь исповедания. Таков воздух в демократических государствах: в них высший закон – веление блышинства, и они лишь техническая организация, "аппарат" для исполнения приказов этой изменчивой воли: нет вечной истины, нет смысла, нет служения Истине и гаснет дерзание веры. Нет вечных ценностей, пустота, и Церковь приравнена в правах к анониму Акционерной Компании.

Морально тяжело и соблазнительно жить во всех тоталитарных государствах, даже в том случае, когда это не открытый, богоборческий тоталитарный коммунистический режим.

Если отвергнуть принцип подчинения государственной власти христианской идее и если ей неприемлем принцип демократического духовного "бессмыслия", власть должна дать иную идею, иную главную руководящую цель. Но какую бы она цель ни указала – будь то величие государства, нации, современный социальный строй и т.д. – всегда будет наличие 3-х характерных для всякого тоталитаризма положений: "вместо" всем доступного христианского принципа, выставляет другой, выработанный партией и ей принадлежащий. Это основа партийного режима: его оправдание в том, что только партия знает, как жить и устраивать жизнь осмысленную, и потому только она призвана управлять. В таком сознании своего исключительного значения причина, почему все тоталитарные партийные режимы подозрительно или враждебно относятся к Церкви: она им мешает, потому что имеет своё понимание осмысленной жизни и своим бытием оспаривает правильность партийного самосознания и претензий. Наконец, при всех партийных режимах не может быть гибкой внутренней политики соответствующей требованиям жизни: последние в глазах партии неоправданны, т.к. опираются не на "осмысленную" партийную программу, по которой и надо устраивать жизнь.

Вот эта подмена подлинных и реальных ценностей искусственными и придуманными и претенциозность характеризует партийные режимы. На них на всех, резче или слабее, всегда всё та же печать изнурительной тоталитарной тоски, а имя ей – "тоска советская".

Святая Русь хочет государства, в котором беспрепятственно живёт и развивается ХРИСТИАНИН. Она хочет, чтобы не было "в воздухе" безразличия ко злу и добру, чтобы была борьба со злом, чтобы не было разделения и властвования одних над другими, чтобы не было соблазнов и тяжких искушений, чтобы была борьба против них. Святая Русь хочет, чтобы у власти было православное мировоззрение или философия, чтобы власть, а за нею и вся руководимая ею общественная жизнь, ясно сознавала цель борьбы со злом.

Но как нет типикона спасения, и оно требует инициативы, энергии и чуткости "бодренного сердца" и "трезвенной мысли", так и в государственной жизни, в деле управления нет расписания действий власти на все случаи жизни: у власти должно быть живое ощущение добра и зла.

Святая Русь хочет власть, СОЗДАЮЩУЮ ДОБРО И ЧУТКУЮ К НЕМУ: ей дорого, чтобы носитель власти понимал и чувствовал, какое настроение, какой воздух жизни нужен или полезен или вреден для христианина, где и в чём для него препятствия и соблазны.

Поэтому Святая Русь хочет власти не партии, не аппарата, не нравственно безответственного анонима-большинства, не духовно мёртвой юридической личности, а хочет ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКА, НРАВСТВЕННО ОТВЕТСТВЕННОЙ ЖИВОЙ ЛИЧНОСТИ. Ей дорого верное сознание, живое сердце и воля носителя власти.

Святая Русь знает, что никакими внешними, юридическими нормами, приказом и голосованием нельзя создать такое сознание, сердце и волю. Это ясное и твёрдое знание и утвержденное стремление найти желанную власть и приводят Святую Русь к решению государственной проблемы оригинальному и непохожему на решение Западного мира.

Последний настороженно относится к власти, обеспокоен её возможностями, хочет следить за ней, вводит для этого систему ограничений и контроля и, боясь власти, хочет её обезличить.

Святая Русь, наоборот – отбрасывает все эти приёмы воздействия на власть: вместо юридических норм контроля и ограничения она устраивает духовные и нравственные условия, гарантирующие желанную ей власть: она дает носителю власти полную свободу и налагает на него нравственную ответственность без этой свободы немыслимую.

Она хочет власть свободную и самодержавную и ставит одно условие этого самодержавия: свободный самодержавный носитель власти должен царственно свободно исповедывать свою веру и дать обещание осуществлять свою власть, руководствуясь этой его верой. Эта связь власти Государя с его верой настолько глубока, что дала основание митрополиту Антонию сказать: "моя верность Царю определяется его верностью Христу".

Когда Царь принесёт этот обет в торжественной обстановке коронации, тогда в ответ на его готовность посвятить себя на подвиг Царского служения Церковь совершает Таинство Миропомазания и освящает власть Царя.

С того момента или события носитель власти собственно и становится Царём – Помазанником Божьим: ОН НЕ ТОЛЬКО ГЛАВА ГОСУДАРСТВА, НО И СЛУГА БОЖИЙ. "Царь" и "царствование" – есть не только чин государственный и служение его, но и чин Церковный, и служение Церковное. На Царе благословение Божие и через Царя или, лучше сказать, в Царе благословляется и государство: Царь получил благословение потому, что принёс свою готовность посвятить свою власть на служение правде Божией, но он мог это сделать потому, что Святая Русь в свободной любви к святости захотела царского служения Царя и благословения Божия на свою государственную жизнь: "Царь Божией милостию и монархия волею народа,

который участвует в создании государства, христианской власти и возможности царского служения".

Такова принципиальная основа построения Святою Русью - Русской Государственной и Царской власти.

Это построение кардинально отличается от всех систем и принципов решения проблемы устроения власти в других государствах.

Для человека не знающего и не верующего в силу нравственных отношений - ответственности, просьбы, обещания – эта система непонятна и выглядит наивной, а Святая Русь знает, какая огромная сила воздействия и воспитания в духовных и нравственных требованиях, какими она обставляет власть. Она доподлинно знает, насколько они реальнее и действеннее юридических мер воздействия. Знает, как они охраняют Царя на его великом подвиге, как облагораживают власть и всю государственную жизнь, вводя в неё нравственные силы, как законно признанные.

Свобода Царя, его свободное исповедание веры и целей своего служения, нравственные отношения Царя и народа – их общая цель создания христианской государственности, нравственная ответственность Царя, Его посвящение себя на Царское служение, освящение Его власти и помазание Царя на Царство и подвиг – таковы основные законы государства, создаваемого Святой Русью, таковы основы этого действительно "sui generis" государства.

Эта конституция создавала соответственный ореол Русских Царей. Есть прекрасное свидетельство о характерном оттенке этого ореола. О нём говорят русские поэты, духовно тонкие и благородные, умевшие "истину Царям с улыбкой говорить". Скромно-почтительно они говорят, что русских Царей характеризует честность: "Он честно правит нами", – говорит Пушкин. "Наш честный Русский Царь", – пишет Тютчев.

Святая Русь пришла к своему государству сознательно, трезвенно и твёрдо в поисках христианской государственности! Не потому она хочет Царя, что это Богоустановленная государственная форма и догмат, не потому, что ей полюбилась власть единоличная и красота власти, а потому, что она не знает, как иначе построить христианскую власть.

"Всё позволено", и свободная мысль свободной Святой Руси пересмотрела все решения.

Отбрасывая все безбожные тоталитарные теории, она не принимает и демократизм как принцип, потому что не может принять его лозунга и знамени – "высший закон – воля народа"! Нет, высший закон - служение Правде, и воля народа должна ему подчиняться!

Не принимает она и такой попытки разрешения задачи христианской государственности, такого хода мыслей – христианским государство будет, якобы, если фактически христианские взгляды и настроения будут главенствовать и характеризовать жизнь. Но нужна фактическая победа, а не декларация. Пользуясь демократическими свободами, надо распространять христианское влияние на государственную жизнь. Отсюда лозунг – "Вера и Отечество". Так приходят к тому, что не надо решать проблемы христианской государственности! Но это только как будто: на самом деле защитники этого лозунга и тактики решают её и приходят к утверждению нехристианского принципа демократизм и его безразличия к добру и злу. Так, "во имя христианства" они приходят к утверждению антихристианского принципа! И нет исповедания сознания добра и зла, нет присяги, нет сознания, чего надо держаться и к чему возвращаться при падении. Указанный лозунг у одних – способ уклониться от решения проблемы; у других – плод недодуманной мысли и может быть страха, демократического страха, выпустить из своих рук инициативу, контроль и влияние...

Рядом с этим холодом мыслей развивается и чисто демократическая концепция, как бы с некоторым моральным обоснованием: "Государство создаётся людьми, и они должны нести за него ответственность". Но для того, чтобы нести ответственность, нужна свобода творчества, – нельзя нести моральную ответственность за то, в создании чего я не участвовал. Поэтому нельзя отвечать за теократическое монархическое государство, созданное, как одни толкуют, Богом или – Божественным "делегатом", "представителем высших сверхъестественных сил" (см. у Л. Тихомирова), но не людьми или народом. Но если верно положение, что "люди должны нести ответственность за государство", то тогда не должна существовать теократическая монархия, ибо при ней нельзя эту ответственность нести. Можно думать, что такое рассуждение в разных оттенках и вариантах сопутствовало борьбе с монархией на Западе, где монархия обосновывалась теократически (или иногда аристократически). Тогда борьба значит велась за право народа на творчество и связанную с ним ответственность.

Потребность иметь свободу творчества и связанную с ней ответственность – чувство законное и оправданное, и оно требует удовлетворения, а поставленный вопрос – ответа.

Теократическое понимание монархии подразумевает такое положение: с одной стороны – власть повелевающая; с другой, противоположной, – народ, покорный власти, народа, у которого добродетель не творчество и ответственность, а покорность.

В государстве Святой Руси положение иное: там у власти и у народа в глубине нет противопоставления и разделения, а наоборот: единство главной творческой цели – создания христианской государственности и общая ответственность. Монархия для человека Святой Руси не есть извне установленный строй. Нет! Для него это есть единственный способ осуществления поставленной им себе дорогой цели создания христианской государственности. Поэтому само бытие монархии, понимание её смысла, защита её, верность её - всё это есть проявление творческой воли человека Святой Руси.

Наконец, есть ещё одна попытка решения проблемы: передать власть не человеку, а части народа определённого христианского вероисповедания. Она из своей среды должна выбирать носителя власти. Так устанавливается вероисповедный аристократизм, связанный со внутринародным разделением и всеми последствиями его. Русь тоже передаёт власть человеку определённого мировоззрения, но не разделяет людей; наоборот, перед ним все люди всех вероисповеданий совершенно равны: "Царь не есть Царь только православных, или образованных, или рабочих, или крестьян, НО ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ".

Святая Русь любит Царя и Царское служение и радуется, когда Он, в чине коронации, облечённый силой и славой, падает ниц перед Богом и Божией Церковью, принося эту силу на служение Богу и правде Его. Митрополит Антоний говорил, что этот момент, когда Россия сливается со Святой Русью, момент подлинного духовного ликования, как на Пасху. Это радость победы Добра, или вот на глазах всего народа создаётся "Удерживающий" зло, для спасения многих.

Святая Русь не хочет выбирать Царя, чтобы человеческими земными расчётами и делами не повлиять на Царя, не связать его свободы, ибо ГДЕ НЕТ СВОБОДЫ – НЕТ ЦАРСКОГО СЛУЖЕНИЯ И НЕТ "УДЕРЖИВАЮЩЕГО". Поэтому она просит Бога указать Царя.

Любовь к Царю и Царской власти так понимаемым не есть плод мечтательности или настроения. Нет, её основа гораздо глубже: того требует душа человека. Мы видим, что даже среди народов, уже давно поставивших власть под контроль и наблюдение парламента, всё-таки живёт любовь к христианской богоответственной власти. На последней коронации в Англии представитель церкви такими словами изложил идею коронации и королевского служения: "В коронации Королева принимает на себя на всю последующую жизнь трудности и радости христианского долга своего высокого призвания. Она позвана Богом на своё служение и принимает его. Она повинуется призыву к послушанию. Она обещается всю свою жизнь

отдать своему народу, чтобы вести его и ободрять его. Для этого нужны больше чем человеческие силы, и эти силы подаёт ей Христос в короновании, чтобы духовно возвышать жизнь христианского народа". В этих словах есть нечто от нашего понимания, хотя нет призыва к борьбе со злом, и это не есть речь об "Удерживающем"[1].

Народ, люди любят идею христианской власти. В туманной Англии это только туманная мечта, традиции и красота: подлинно во всём этом только народное желание христианской власти, а фактически – бедная Королева "свободной Англии" – в плену у главенствующей партии, и сегодня призванная "духовно возвышать жизнь христианского народа", "получив на то силы от Христа", – завтра, по воле главенствующей партии, она покорно протянет руку гонителю веры и христианства.

Христианская Царская власть в России была не мечта или идея, а подлинная сила. Огромная мировая сила! И вот – нет Царя, и нет мира в мире. Это была сила "Удерживающего" зло, и потому-то для того, чтобы убить Царя, нужно было поднять богоборческую революцию. Когда народ в своём огромном большинстве, хоть на время, потерял Веру и Бога, Царь остался одинок и беззащитен.

Доколе жив человек – жива душа его, и она упорно любит идею Христианской власти.

Душа наша знает, что Правда государства – в Христианской власти. СВЯТАЯ РУСЬ ВСЕГДА ВЕРНА ПРАВДЕ. Сыны Святой Руси или те, кто надеется быть сыном её, стоят за Царя, Царское служение, потому что, как Святая Русь, они не знают иного способа установления Христианской власти.

Июнь 1953 года.
Лесненская обитель

«Православное Обозрение» (Издание РПЦЗ). 1959 г. №26 (Май)

[1] Православному русскому сердцу всегда быдо очень горько видеть, какъ королеву Английскую или Английсклго короля, носителей этого высокого принципа христианских правителей, вынуждали принимать подлинных убийц и каторжников, попущением Божиим ставших вершителями судеб целых народов, деяния которых не могут обелить их министерские посты. При последнем посещении Англии Тито Господь явно указал англичанам недопустимость такого насилия над их королевой. Его визит от самого перехода через Гибралтар до торжественного авиационного парада в Англии был ознаменован рядом катастроф, в которых трагически промыслительно погибли многие юные английские авиаторы.

Великий киевский равноапостольный
князь Владимир Красное Солнышко, креститель Руси.

Проф. Иван Михайлович Андреев

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И СУДЬБА РОССИИ.

От Ред.: *В этой статье впервые в «зарубежной» идеологии появляется образ «второго крещения Руси» – нового обращения России к Православию, чаемого всеми истинными сынами России.*

Один из самых замечательнейших церковно-общественных деятелей митрополит Антоний (Храповицкий) предложил праздновать день памяти св. равноапостольного Великого князя Владимира (15/28 июля), как день Русской культуры.

Русская зарубежная общественность живо откликнулась на призыв митрополита - главы Русской зарубежной Церкви, и стала отмечать этот день.

У некоторых других русских эмигрантов возникла мысль днем Русской культуры считать рождение Пушкина.

Слово "культура" происходит от "культ", которое, в свою очередь, требует раскрытия своего содержания и направленности, ибо "культы" могут быть различными.

Предметом культа обычно становятся высшие духовные ценности. В иерархии этих высших ценностей самое важное и высшее место занимает религия. Личность и деятельность св. равноапостольного князя Владимира имеет несомненно несоизмеримо большее религиозное значение, чем личность и деятельность Пушкина.

Отсюда ясно, что при сопоставлении двух имен, святого князя Владимира и гениального поэта Пушкина, первому имени должно быть отдано безусловное предпочтение. Ибо святость выше гениальности и равноапостольная деятельность выше всякой иной общественной деятельности. Св. князь Владимир - отец, творец, родоначальник всей русской духовной культуры; он - первый служитель того истинного и высочайшего культа, - культа духа Христова, без которого, собственно говоря, немыслима никакая живая культура. Пушкин же - только лучший и благоухающий цветок

в необозримом дивном саду русской культуры, только самый драгоценный алмаз в сокровищнице великой литературы.

Св. Апостол Павел глубже всех вскрыл сущность человеческого существа в своем учении о духовном, душевном и телесном. Это учение было развито св. отцами и учителями церкви в целую стройную и глубокую систему (См. об этом в творениях еп. Феофана Затворника и в творениях еп. Игнатия Брянчанинова).

Мы знаем теперь, что дух настолько выше души, насколько душа выше тела; мы знаем, что если дух покидает душу, то она нравственно разлагается, подобно телу, лишенному души. Пушкин - величайшее достижение в области душевных ценностей русской культуры, к которым нужно отнести все искусство и литературу, всю философию и науку. Святой же князь Владимир – основоположник более высших, чем душевные ценности, ценностей духовных.

"В ответ на царский призыв образоваться (т. е. на реформы Петра Великого) Россия ответила через 100 лет огромным явлением Пушкина", сказал Герцен.

В ответ - же на личный подвиг и на деяния (крещение Руси) св. князя Владимира - можем сказать мы — Россия ответила дивным сонмом русских святых.

Из этого следует, что днем духа русской культуры - должен быть день св. князя Владимира, а днем ее души - день Пушкина. Духовная русская православная культура началась со времени крещения Руси. Этим величайшим событием истории было спасено от гибели само Православие, которое умирающая Византия не смогла бы одна сохранить.

Св. Великий князь Владимир умер в 1015 году, а в 1054 г. произошло разделение церквей. Католичество несомненно поглотило бы рано или поздно Византийское православие, если бы на историческом горизонте не появилось православия Русского.

Чудны и неисповедимы пути Господни. Жесточайший гонитель нарождающегося христианства Савл - стал величайшим Апостолом Христа Павлом, основателем исторического христианства.

Величайший язычник нарождающегося варварского государства Великий князь Владимир — становится равноапостольным, святым и основателем Русского Православия, ставшего Вселенским.

Проблема роли "личности в истории" - находит свое разрешение не в крайностях взглядов Карлейля и Толстого, а в мудром, простом и ясном учении Вл.Соловьева о Богочеловеческом процессе в истории. Личность св. князя Владимира – микрокосм Русского национального лица.

Провиденциальное значение этих ликов ясно. Миссия их – определенна. Судьба – однозначна.

Св. князь Владимир из ярого, яркого, яростного язычника – превращается в истинного христианина и дает задание всему народу русскому и каждому русскому человеку – повторить этот путь. И со времени крещения Руси до сего дня, вся Россия в целом и каждый истинно русский человек в отдельности несут в душе своей борьбу двух начал язычника и христианина, которую так славно и победоносно вынес св. князь Владимир.

Личность св. князя Владимира – ключ к пониманию национального лица России. Сам русский из русских, кровь от крови и плоть от плоти своего народа, князь Владимир падал до низины низин нравственного падения, каялся до глубины глубин русской души и вознесся на высоту ее духовного подвига.

Язычник из язычников, самый земной из земных, самый чувственный и развратный, самый гордый, богатый и властный, греховный из грешных, блудник и убийца, беспощадно жестокий к окружающим, - перерождается в "смирением богатого" христианина, кроткого, милостивого и ласкового, заботливого об убогих и нищих.

Все идолы его души ниспровергнуты в прах и вся душа его, освобожденная от пут идолопоклонства, - преисполняется любви Христовой.

Чудное и дивное зрелище!

Перед крещением физически ослепший, а во время совершения великого таинства прозревший не только телесными, но и духовными умными очами, - св. князь Владимир совершает равноапостольный подвиг – крестит весь русский народ, и закладывает на фундаменте, которого врата адова не разрушат, здание русской духовной православно-христианской культуры.

И вот, после крещения Руси, медленно, но неуклонно начинает рушиться языческий русский мир, построенный на идеях – идолах и идеях – истуканах; рушится мир рабства, насилия, произвола и лжи, мир беззакония и страха, и начинает нарождаться совершенно новый мир, мир христианский, православно-русский.

Живая личность Христа, которая есть "истина, и путь и жизнь" открывает русским людям живого Бога, который есть любовь.

И эту "любовь широкую, как море, вместить не могут жизни берега". Все преображается, все осмысливается, все становится ясным, как небо. Прежде всего, уясняется идея власти, столь необходимая для нормального развития государства. Власть есть иерархия, восходящая к Богу. Появляются церкви и монастыри. Они несут с собою письменность и просвещение. Первые учители первых школ – священники. Почти все знаменитые писатели начинают свою

деятельность в монастырях. Древняя письменность дает Летописи (основу исторической науки), жития святых, поучения и молитвы (основу для новой религиозно-нравственной жизни).

Появляются новые суды и сборники новых законов – знаменитая "Кормчая книга" с церковными апостольскими правилами Вселенских соборов. При церквах и монастырях появляются хозяйства, основанные на личном бескорыстии иноков и на неустанном труде их на пользу всей братии. В этих христианских хозяйствах и христианских экономических предприятиях совершенно не было места таким понятиям, как "эксплуатация человека человеком, или "прибавочная стоимость". В этих хозяйствах не было рабов, ибо "церковь" и "рабство" - две вещи несовместимые. Но самое замечательное, самое трогательное, самое благодатное явление новой жизни – были личные примеры святых подвижников и мучеников.

Первые деятели русской духовной культуры были святые.

Два сына св. князя Владимира, - Борис и Глеб, были тоже святыми. Языческая Русь стала превращаться в христианскую православную Святую Русь. Но соблазны зла сильны и идеи – идолы упорны. Утопленные в Днепре истуканы оставили в душах многих русских людей неизгладимые следы и посеяли семена сомнений в правде новой жизни. Недаром древняя заповедь предупреждала: "не сотвори себе кумира". Много кумиров было сотворено в эпоху язычества и сохранилось в душах русских людей с приходом христианства. В Новгороде христианство встретило сопротивление силой; у вятичей – упорное многовековое сопротивление бытом. Кумиры гордости, самолюбия, тщеславия, независимости, вольности, свободы и самовластия – восстали против христианского культа любви и покорности воле Божией. Междоусобицы и братоубийственные войны, а с ними и распыление общегосударственных сил, было роковым следствием поклонения кумирам и идеям – истуканам. Для смирения гордости и исцеления от язв, раздирающих душу и тело нарождающегося государства Российского, Богом были посланы народу русскому благодетельные тяжкие наказания и испытания, но одновременно с ними, как это всегда бывает у Бога, было послано и так называемое "избытие", т.е. помощь свыше для скорейшего избытия скорби.

Первым суровым наказанием было татарское иго над телом народа и первым испытанием – угроза еще более страшного ига Ливонского над душей народа. А первым избытием – были: светлый и мудрый Архистратиг христолюбивого русского воинства – святой благоверный князь Александр Невский, духовный брат св. великомученика Георгия Победоносца,

наместника Архистратига Божия Михаила на земле, и св. преподобный Сергий Радонежский – великий игумен всея Св. Руси.

Вторым наказанием и испытанием народу русскому был Грозный царь Иван с опричниками, а избытием – серафимски-пламенный митрополит Филипп. Будучи главой Русской православной Церкви, митрополит Филипп, в Успенском соборе в Москве, бесстрашно обличил царя православного в неправославных делах. Замученный за правду Христову, святитель через 100 лет вернулся в Москву, нетленный и благоуханный, с целебными святыми мощами своими, и молча встал, во свидетельство истины, на то самое место в Успенском соборе, откуда он некогда обличал Грозного Царя. А новый царь Алексей Михайлович положил на грудь святителя челобитную грамоту и коленопреклоненно молил о прощении грехов покойного несправедливого и грозного царя.

Затем пришло страшное смутное время. Не было видно конца мучительному лихолетию и народ русский понял, что за измену заветам св. великого князя Владимира он потерял благодать таинства крещения.

Но православная Церковь имеет целебное средство и от этой духовной смертельной болезни. Это средство – другое таинство, покаяние, которое иначе называется "крещение слезами". Потерянная благодать крещения, после покаяния, возвращается вновь, и вот в Московском Успенском соборе происходит исключительное по своему мистическому значению богослужение. Служат одновременно два русских патриарха: престарелый, уже ушедший на покой Иов и новый патриарх – Гермоген. Молящиеся в соборе, собранные со всех концов необъятной земли русской, богомольцы плачут и каются за всю православную Русь. И патриархи простят народ русский от его грехов. Происходит как бы второе крещение Руси – крещение слезами всенародного покаяния.

После этого, смутное состояние православных душ начинает рассеиваться и появляться надежда на возрождение России.

Замурованный в тюрьме Москвы поляками, св. патриарх Гермоген пишет в последнюю минуту послание – благословение на организацию ополчения, а сам, замурованный насмерть, становится на непрерывную до смерти молитву мученика – ходатая за землю русскую.

Юному отроку, скрывшему послание на своей груди, возле русского сердца, удается вынести из Москвы, через все преграды, драгоценную грамоту патриарха и донести ее до Нижнего Новгорода, где Минину и Пожарскому, по молитвам мученика-святителя, удается организовать ополчение. Ополчение, имеющее на себе благословение св. патриарха Гермогена, побеждает врагов, и

Россия, успокоенная, выходит из смуты. Затем на короткое время устанавливается в России единственная во всей мировой истории ИДЕАЛЬНАЯ церковно-государственная власть, когда глава Церкви, патриарх Филарет, был отцом по плоти главы государства – царя Михаила.

Но идеи-ИДОЛЫ, идеи-истуканы, и в новые одежды одетые старые языческие кумиры – снова соблазняют наивных и легкомысленно-доверчивых русских людей, и начинаются новые смуты, и новые бунты, новые настроения. Оставляя огненный след, проходит сквозь душу народную вереница мрачных и злых лиц и событий: Гришка Отрепьев, Стенька Разин, Емелька Пугачев, Декабристы, 1905-й год, февраль –июль-октябрь 1917 7. 17 июля 1918 г. (мученическая смерть царской семьи), последняя война 1941-45 гг. и горше войны – последний – "мир" с тихими и зловещими апокалиптическими ужасами, орденоносной церковью, распинающей истинную и святую катакомбную православную Церковь, "патриархом" в восторге от противоестественного союза с богоборческой властью лобзающим пяту у слуги Антихристова; огромное количество верных сынов св. князя Владимира, умученных до смерти и изгнанных за правду Христову в концлагеря, и в рассеянии по всему миру сущих.

Все эти ужасы и страдания невозможно было бы вынести, если бы по бесконечной милости Господней, не было послано избытия – помощи свыше.

На пороге последних событий, начавшихся с тонкого ядовитого аромата деятельности декабристов и кончающихся зловонием заживо-разлагающихся деятелей Октября, был послан Богом великий пророк и утешитель св. преподобный Серафим Саровский, зовущий русских людей, оставшихся верными сынами св. князя Владимира, целью своей жизни поставить "стяжание Св. Духа". Спасти умирающую духовно и телесно Россию, возможно уже вторично потерявшую благодать святаго таинства крещения, - может только таинство елеосвящения (соборования), т.е. сугубое покаяние с помазанием елеем.

Елей этот – молитвы всех святых в земле Российской просиявших, и молитвы всех и непрославленных святых и всех угодивших Богу невидимых и неслышимых молитвенников в отечестве и разъяснении сущих, страждущих и гонимых за Церковь и Родину.

Этим елеем помазанная, кровавыми слезами покаяния омытая, бесконечным терпением и смирением непрестанно молящаяся молитвой Мытаря и молитвой Разбойника, Россия, распятая справедливо за греха свои на Голгофе, рядом с Христом, - может надеяться на прощение грехов своих, грехов безмерных, подобных грехам Каина, Хама и Иуды.

Будет ли такое покаяния и с ним победа?

Веруем, что будет!

Залогом нашей веры является прообраз судьбы народа русского: далеко-далеко, в колыбели русской духовной культуры, в Китеже нашем – городе Киеве, на Владимирской горке, ясно и высоко стоит памятник св. князю Владимиру с крестом в руках.

А крест – всегда побеждает!

«Православная Русь». 1948 г. № 13 (417). 1-14 июля.

Великій Князь Владиміръ Равноапостольный.

980 — 1015г.

Проф. Иван Устинович Палимпсестов

МАТЬ СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ И МЫ, РУССКИЕ ЛЮДИ.

Речь, сказанная в годичном собрании Богоявленского Братства в Москве в 1891 г.

От Ред.: *Иван Устинович (Иустинович) Палимпсестов (1818-1901) – российский агроном и духовный писатель. Профессор агрономии в Императорском Новороссийском университете, автор ряда книг по сельскому хозяйству, общественный деятель, секретарь Императорского общества сельского хозяйства Южной России, действительный статский советник.*

Повторение слов или мыслей, относящихся к истине и добру, признается не только не лишним, но и полезным, даже необходимым. Истины Евангелия и все основанное на нем повторяются почти 2000 лет, и кто же позволит себе сказать, что повторение их излишне? Излишним, и не только излишним, но и вредным и предосудительным, и пагубным должно считаться говорение или повторение только того, что ведет к растлению души человека или служит к подрыву его внешнего благосостояния; к расслаблению или разшатыванию тех основ семейной, общественной и государственной жизни, без которых немыслима счастливая жизнь человека здесь, и блаженная за гробом.

Исходя из того неоспоримого положения, что повторение истин, ведущих к добру, должно быть признано полезным и даже необходимым, я повторяю то, что говорили другие и что было некогда высказано и мной. Речь моя будет идти о значении православной церкви для русского народа, и я начну ее теми строками, которые однажды были мною напечатаны.

«От крещения в купели русского Иордана, в струях Днепра, в течении девяти веков и до сего дня русский народ смотрел с полною верою и искренним убеждением на свою православную церковь, как на чадолюбивую, одаренную свыше могучими, непреодолимыми силами матъ, как на верную руководительницу и самую сильную помощницу на всех путях его жизни. То был и есть для него тот кокош, который учил и учит его, как питаться зернами тех божественных глаголов, которые имеют обетования живота временного и

вечного; то был для него и есть тот кокош, под крыльями которого он согревался и согревается самою животворною теплотою, укрывался и укрывается от врагов внешних и внутренних, от всех бед и напастей. Вся ваша история подтверждает, что православная церковь была для русского народа и царства зиждительною силою, щитом и ограждением; что ей и самодержавию, охраняемому церковию, учением Евангелия, обязав русский народ тем, что он возрос и возмужал в мировую семью, в одно из могущественных царств в мире».

Без веры в истинного Бога, без страха Божия, без развития высших нравственных начал, – одним словом – без просвещения, человек или данный народ – те же дикие звери. Но кто просветил и продолжает просвещать русский народ? Вот как отвечает на этот вопрос наш народный мудрец, приснопамятный святитель Москвы Филарет, в такой полноте изучивший дух, сердце и прошедшие судьбы русского народа. «Со времени принятия христианства и до настоящего времени, говорит бессмертный святитель, русский народ не имел других учителей, кроме духовенства, т. е., поясним, служителей православной церкви, устами которой они и учили. Духовный отец, испытующий своих прихожан, поучающий их во храме, освящающий их таинствами, молящийся с ними во всех важнейших, торжественных случаях жизни, принимающий самое близкое участие в их скорбях и радостях, был и есть самый естественный учитель и начальник сельского училища, и что духовенство, или, прибавим, в лице его православная церковь, оправдало призвание наставлением народа, тому доказательством служит вся русская история. Он перенес трудные времена княжеских междоусобий, татарского ига, самозванцев и борьбы с поляками, а потом с французами; он великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII века и заслужил удивление сдержанностию своею после объявления ему положения 19 февраля 1861 года. Во всех этих случаях, в течении 900 лет, он имел для всей своей массы одно училище – церковь, был руководим одним учителем – духовенством»[1].

Мать или отец с большею силою проявляют свою любовь к детям, имея о них самое большое попечение, во время постигающего их несчастия, например, болезни и т. д.; это проявление родительской любви становится в особенности памятным и детям. Над русским народом более двух столетий тяготело татарское иго, до того тяжелое, что он мог бы исчезнуть даже с лица земли. Но кто поддерживал народный дух в это тяжелое время? Кто помог

[1] Отчет митрополита за 1863 г.

русскому народу свергнуть с себя страшное иго диких татарских орд? Вот как отвечает на эти вопросы бессмертный наш историк Н. М. Карамзин. «Если мы в два столетия, ознаменованных духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество, как страну православия»[1].

Припоминаем другое тяжелое время, тяготевшее над русским царством, так называемое смутное время; и здесь православная вера является первою народною или государственною силою, сокрушившею врагов, отстоявшею целостность русского государства и восстановившею в нем законную верховную власть. Православная церковь, в лице Троицкого Сергиева монастыря, в это время рассылала по русской земле грамоты, призывая всех и каждого спасти от врагов внешних и внутренних родную землю. И «Троицкие грамоты, – грамоты православной церкви, говорит другой незабвенный наш историк С. М. Соловьев, не могли остаться без действия, народ готов был встать (и встал) как один человек, непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры, угрожаемой врагами внешними»[2].

Другой наш историк Н. И. Костомаров, посвятивший так много трудов на изучение этого рокового для русскаго царства и народа смутного времени – времени самозванцев и покушения со стороны Польши завладеть русскою землею, говорит: «Государство Московское как ни долго составлялось, но в эти печальные годы стало показывать признаки разложения. Но в Руси крепче государства была другая соединяющая связь – вера. Пскович, новгородец, русский казанец, сибиряк, казак, все чувствовали одинаково, что они православные, все люди одной русской веры, принадлежат одной церкви. В житейских бедах, не находя ни средств, ни способов избавиться, русский человек видел единственную отраду в уповании будущей жизни, а к ее достижению вела церковь, – понятно, что народ сохранял в ней то, что было дороже, что оставалось в утешение тогда, когда все отнималось; понятно, поэтому, что чем угнетеннее его положение, тем он живее ощущает важность церкви; тут все одинаково чувствовали, одинаково мыслили и все одинаково

[1] Н. М. Карамзин. *История Государства Российского*. Изд. 5 (И. Эйнерлинга). СПб. 1842. Т. V. Гл. IV. С. 218.

[2] Т. VIII. 442.

поднимались против поляков, когда убедились, что поляки, овладев Москвою, посягнут на эту святыню. Нельзя сказать, что больше поднимало русский народ – страх ли польских насилий над своими телами и "животами", или страх за веру; и то, и другое соединилось вместе. Вообще надобно сказать, что духовенство главным образом боролось с врагами веры и отечества, что ему главным образом и принадлежит та заслуга, что, с одной стороны, православие русских в это время осталось целым, а с другой и государство русское осталось навсегда независимым, самостоятельным»[1].

«В этой борьбе, говорит о том же смутном времени еще один исследователь судеб русского царства, профессор Подгурский, народ выстрадал свою самобытность, почувствовал, что у него остается еще много богатых данных для будущего, и, собравшись со свежими силами, начал развивать эти данные в своей жизни! Но в этом периоде, в этой борьбе нельзя не остановиться с благодарным вниманием на русской церкви и не признать за нею огромного значения. Церковь, в лице своего духовенства, помогла народу выстрадать свою самобытность, пробудив в нем своим религиозно-нравственным влиянием угасавшие силы любви к отечеству и вере»[2].

Мы могли бы привести немало свидетельств мужей науки, изучавших судьбы русского народа, что и во времена княжеских междоусобий, от которых русское государство распадалось на части, и лились потоки родной крови, постоянно раздавался миротворный голос чадолюбивой матери православной церкви, и этот голос помог русскому народу сплотиться в одну родственную семью под скипетром единодержавного вождя – царя, под мощную руку которого, при помощи той же православной веры, подчинилось неало других племен, теперь составляющих одну с русскими народами неразрывную, родственную семью.

«А в достопамятную войну двенадцатого года раздается голос с церковной кафедры одного из глубокомысленных пастырей церкви. Не силой ли веры спасена Россия? Эта вера подняла весь народ на защиту отечества; она научила собирать войска без военачальников; она мирные селения обратила в укрепленные станы; она ополчила на брань не только мужей, но и жен. Она неграмотных поселян сделала ораторами, которые своими пламенными речами воодушевляли своих односельцев; она лиц, никогда не бравших оружия,

---

[1] Н. И. Костомаров. *Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604-1613)*. В 3. т. Т. 3. *Московское разоренье*. СПб. 1868. С. 332-349.

[2] Ю. Д. Подгурский. *Русская церковь на служении государству в период смутного времени*. // «*Труды Киевской Духовной Академии*». 1861. Т. 3. № 11. Ноябрь. С. 277.

сделала и тактиками, и стратегами»[1].

Припомним самую блестящую страницу из тысячелетней жизни русского народа – освобождение им от многовекового рабства славян, родных ему по вере и крови. Что побудило русский народ к этому подвигу, который стоил ему стольких потоков драгоценной крови и других народных жертв? Что вызвало его на брань с поработителями, на брань, где на полях битв стоял сам верховный Вождь его, Его братья и наследник русского престола, подвергая себя всем случайностям войны? Что здесь воодушевляло наше христолюбивое воинство на те геройские подвиги, на самоотвержение, которым положительно нет примеров в истории всего человечества?

Что? мелочное честолюбие стоявших во главе народа? Народная гордыня? Корыстные виды? Нет, нет и нет! Это признает весь мир. Что же? – ОДНА ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ. А эту любовь кто вдохнул и возгревает в русском народе? – Святая православная церковь. Эта страница в нашей истории действительно есть самая блестящая, как отблеск Евангельского света; подобной страницы, за исключением крестовых походов, но и то не всецело, нет в истории всего человечества; она украшене, честь, гордость русского народа, и ее могла написать своими перстами только одна святая церковь.

Правда, за наши величайшие жертвы, за нашу чистую кровь, за наши подвиги во имя христианской любви, платят нам самою черною неблагодарностью; но здесь открывается новая блестящая страница нашей истории. Мы не мстим неблагодарным, и повторяем: *Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят*. Не дерзаем утверждать, но невольно представляется, что в этой блестящей странице нашей истории отобразились черты из истории Евангельской. Вот Богочеловек возвещает миру божественные истины и самую высшую добродетель – любовь, раскрывает зло, губящее человека, расточает щедроты своего сострадания к нему, – и за все это – голгофский крест. Освобожденные племена мы, если позволено так выразиться, погрузили во всю глубину нашей христианской лкбви, мы положили за них драгоценные души сынов родной земли, осыпали их благодеяниями, – и они готовы обратить против доблестной христианской русской груди те орудия смерти, которые мы подарили им для их безопасности. Неблагодарность самая черная! Но мы, сыны православной христовой церкви, повторяем то, что слышала Голгофа: *Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят*. Неблагодарность есть

[1] Прот. М. И. Некрасов (буд. Лаврентий, еп. Тульский и Белевский; †1908). // «*Душеполезное чтение*». 1883. Январь. С. 103.

самое черное пятно в человечестве; но она так обычна в том мире, который, по слову св. Писания, весь лежит во зле. Мы не раз спасали от погибели и Пруссию, и Австрию; но они едва ли не были бы рады, если бы русскому народу выпал жребий нести самый тяжелый крест.

Обратимся от этих прискорбных явлений и гаданий туда, откуда так утешительно, так живительно и сладко раздается голос, – голос нашей матери св. церкви.

Да, сообразивши все, что сделала для русского народа и царства православная вера, нельзя не признать, что это была и есть для них воистину зиждительная и животворная сила, и ей мы обязаны самыми выдающимися страницами нашей истории.

Но в настоящее время православная церковь та ли же сила, та ли же мать для русского народа? На этот вопрос отвечу словами одного из просвещеннейших архипастырей нашей церкви, в Бозе почившего епископа смоленского Иоанна: «Укажите мне силу, взывает архипастырь, стоя во св. храме, которая бы без особенных побуждений, без начальственных распоряжений, безъ всякого насилия, а одним мановением могла двинуть народные массы к самым важным и тяжким подвигам, к неодолимой борьбе со всякою противною силою, к самым великим пожертвованиям, даже до жертвы всем своим достоянием и самою жизнью. Укажите силу, которая одним словом могла бы вызвать голос народа, во всю мощь потрясающего грома и несокрушимого действия». – Эта сила для русского народа, по словам архипастыря, православная вера. «Благодарение Богу, говорит он, что еще горит на Руси этот священный огонь, освещающий и согревающий душу народа; что еще не угашен он ветром вольнодумства, волнующим ум нашего времени, не подавлен искусственным усложнением современной жизни. Сколько при помощи этого огня можно сделать истинного добра народу в его просвещении, нравственности, в быту общественном; но за то, как и беречь его надобно и обществу, и правительству, как осторожно обращаться с ним, чтобы или не дать ему ложного направления под видом усиления, или, подбрасывая в душу народа всякий хлам новых идей и стремлений, не разжечь этого огня до бурного пламени: и тогда его сила, из мирной и успокаивающей народ, сделается страшно разрушительною для всего противного вере народной»[1].

Эти могучие и высоко-правдивые слова были сказаны без малаго четверть века тому назад. А в это время многое пережила наша православная Русь. И

[1] *Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского и Дорогобужского*. Изд. 2. Смоленск 1877. С. 210-213.

невольно ставится вопрос: не подкладывался ли и не подкладывается ли в этот божественный народный огонь «всякий хлам новых идей и стремлений?».

Незабвенный борец за все народно-государственнные, веками сложившиеся устои нашей жизни, покойный Ив. С. Аксаков вот какую сущую правду однажды написал: «Трудные времена переживает христианская церковь, более трудные, чем когда-либо; не внешняя опасность грозит ей, не новое нашествие варваров, даже не новый вероисповедный раскол: опасность внутри ее самой, – ОПАСНОСТЬ не от неверия только, даже не от равнодушия или индиферентизма, а ОТ ВНУТРЕННЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ СОБСТВЕННЫМ СВОИМ НАЧАЛАМ, ослабляющего ее силы для борьбы съ врагомъ, котораго могущество, во всеоружии науки и знания, стало особенно грозным в XIX в., которому ходячее имя: "современный прогресс". Я опередил церковь, говорит этот прогресс»[1].

К величайшей скорби всякого истинно-русского человека – христианина, преданного вере отцов, любящего свое отечество и не зараженного космополитизмом и нигилизмом, мы должны сознаться, что современный прогресс, стремящийся разрушить первоосновы христианства, коснулся и православной русской земли. Мы, как горький многолетний опыт показывает, неумело, по ребячески воспользовались дарованною нам свободою, на всех своих путях, и самым сильным орудием современной жизни человечества – печатным словом. Это-то слово и набросало в наши незрелые головы, даже в наш «народный огонь веры всякий хлам новых идей и стремлений», в подрыв нашей веры и священных заветов нашей истории. Не место, да и едва ли возможно перечислить все роды и виды того хлама, который бросался в этот огонь в недавнее расшатанное илн, по выражению одного изъ просвещеннейших государственных мужей, К. П. Победоносцева, «смутное» время, – бросался, но отчасти не перестает бросаться и до настоящей поры. Укажу на некоторые явления этого хлама. Мы верим, что Иисус Христос – Бог и Спаситель мира. Но в одном учебнике по Всеобщей истории, замечу, даже расхваленном, он назван просто «идеалистом, разсказывавшим галилейским крестьянам, (когда такового и имени тогда не было) о разных добродетелях». Не зловреднейший ли это хлам, бросаемый в наше молодое поколение? Мы верим, что учение нашего Искупителя есть учение божественное, сообщившее миру истины, которых он не знал; но вот доктор философии (г. Соловьев), во всеуслышание, чрез журнал «Русская Мысль», провозглашает православному русскому миру, что «вообще при созидании новозаветного храма не было

[1] «*Русь*». 1881, № 56.

надобности изобретать новый материал; Христос и его апостолы употребляли в дело те кирпичи, которые были у них под руками. Даже самый план здания был нов не в своих частях, а в их соединении, В ЦЕЛОСТИ религиозного идеала. Ближайшим образом евангельская идея соединяла в себе то, что было положительного и истинного в трех еврейских партиях: саддукейской, ессейской и фарисейской». Не хлам ли это первой величины?

Мы верим, что св. Евангелие написали апостолы и евангелисты, лично слышавшие и видевшие, что творил на земле Искупитель мира. Но нашим детям, в вышеупомянутом учебнике по истории, говорят, что Евангелие есть произведение отцов церкви IV в., между тем как все истинно ученые люди, даже неверующие в божественность Христа Спасителя и его учения, после самых тщательных исследований, пришли к убеждению, что все четыре евангелия написаны непосредственными учениками Иисуса Христа, и находились в руках первенствующей христианской церкви до 70-годов по Р. Х. Для чего же нужно было составителю учебника для детей пустить подобную нелепость в ход? Может быть, с тою же целью, с какою он назвал воплощенное Слово, Богочеловека, некиим идеалистом.

Не могу, хотя в самых кратких словах не указать еще на некоторые виды хлама, внесенные в божественный огонь русского народа, или правильнее – в известную часть его.

Мы, или вообще весь истинно христианский мир, верим, что в тайне воплощения Бога-Слова – все домостроительство Бога о своем творени – о человеке, – тайна, в которую не могут проникнуть и самые ангелы. Но вот на православной русской земле, в одном из толстых русских журналов, выкрест из евреев кощунственно издевается над этой великой тайной, на которой зиждется вся христианская вера. Звучные стихи этого кощунства тысячами русских людей читаются и тысячами рук русского молодого поколения переписываются и, конечно достигают и наших народных школ, в лице, по крайней мере, тех учителей, которые находятся под веянием нового времени, пресловутого прогресса. И удивительно: если бы кто из нас, на площади или на улице в слух всех, позволил себе кощунствовать над святынями православной веры, – он подвергся бы самой строгой каре. Но кощунствовать чрез печать, игриво сложенными стихами, что естественно сопровождается неизмеримо большим злом, – для кощунствующего остается преступлением каким-то невменяемым или извиняемым.

Св. Евхаристия, одно из величайших таинств христианской веры; брак православная церковь признает также за таинство, которое и кладется в основу семьи, а семья, как известно, есть первооснова народно-государственной

жизни; далее – вера православного русского народа в своего верховного вождя как в помазанника Божия установилась и освятилась веками и есть самый верный залог благоденствия русского царства. Но что против этих первооснов нашей христианской, общественной и государственной жизни проповедуется в писаниях, приписываемых такому прославленному писателю, как гр. Л. Н. Толстой, – в писаниях: Церковь и государство, Моя вера, Крейцерова соната и т. д.? Может ли быть что кощунственнее, как написать, что попы ради своих корыстных видов крошат хлеб в вино и говорят, что это тело и кровь Христовы? или что брак, освящаемый церковью, служит только к разврату и убийствам; что христианские народные вожди суть не помазанники Божии, а нечто вроде народных бичей и т. д.? И все это и подобное тому мы читаем в упомянутых произведениях этого сумасбродного составителя нового евангелия. И все это литографируется, гектографируется в тысячах экземпляров, или тысячами рук, особливо молодых, переписывается; и все это, как запрещенный плод, с жадностию читается громаднейшею массою православного русского народа! Но по одному здравому смыслу может ли быть что губительнее подобных чтений, особливо не вызревшими и не окрепшими головами, которые не могут отличатъ истины от лжи, как слеппы – белого цвета от черного?

Спаситель мира, Иисус Христос, основывая свою церковь в лице первых ее служителей или пастырей, назвал всех преемников их светом миру, солью земли. Из этих слов прямое заключение, что пастыри церкви имеют самое высокое значение и поставлены во главе ее. А следовательно, если взводить на них разного рода хулу, чернить их в глазах пасомых, – значит принижать и самое достоинство церкви, значит набрасывать и на нее самую мрачную тень. В самом деле, если эта соль обуяет, то можно ли будет смотреть на церковь, как на сокровищницу благодатных даров, как на великое училище, на дом молитвы? Что же провозглашают чрез печатное слово об этой соли? А вот что: будто бы «все сословие пастырей и учителей русской церкви находится в непроглядной духовной тьме, отверглось Христа, не понимает его учения, сделалось грубым, полуязыческим, всею своею жизнью провозглашает один грубый культ мамоны; что оно не только само ходит в этой тьме неверия и безнравственности, но и распространяет ее повсюду, где еще сохранился свет учения Христова; что оно и не только само нечестиво и безнравственно, но и в других убивает всякое религиозно-нравственное чувство своим мертвящим влиянием; что если бы вручить нашу, зарождающуюся школу теперешнему духовенству, то в ней очень скоро не осталось бы даже отдаленного намека на религиозно-нравственные начала, точно также, как не осталось следа их в

семинариях и духовных училищах, где и приготовляются пастыри церкви»[1]. Были, конечно, и есть на св. Руси служители алтаря Господня без понимания высоты своего призвания и притом не чуждые тяжких грехов; но по Иуде предателе можно ли заключать, что и все апостолы были таковы? Среди нашего христолюбивого, доблестного, самоотверженного воинства есть и трусы, и негодяи, и воры, и разбойники; но было бы безумием всенародно провозглашать, что и все это воинство состоит из таких же нравственных исчадий.

Не есть ли подобные лжеучения своего рода гонение на православную церковь, на веру во Христа Спасителя, – и где же? от кого? – На св. Руси и от кровных сынов ее. В силу этих лжеучений, нельзя не признать, что среди нас стало распространяться неверие в Бога, в св. промысл, в загробную жизнь, в суд над человеком Верховного Судии Бога. Так часто повторяющияся самоубийства, которые в прежние, даже не давние, времена так были редки, не подтверждают ли этого печального явления на русской земле? И что прискорбнее всего, так это то, что безверие и разного рода заблуждения всего более замечаются среди тех, которые, по своему образованию или положению, должны бы стать впереди народного движения по тому пути, по которому шел русский народ и сложился в мировое царство, и который, как многовековый опыт показывает, и есть для него самый прямой путь и на земле, и к небу. Часто ли мы видим в ваших св. храмах наше учащееся молодое поколение, и частнее – ищущее высшего образования, – то поколение, с которым так тесно связаны судьбы нашей Народной и государственной жизни? Студенты Оксфордского университета ежедневно бывают при богослужении, что вменено им в такую же обязанность, как и прилежно учиться и безукоризненно – честно вести себя, даже не курить в святилище науки, в стенахъ университета, за нарушение чего полагается строгое наказание.

И ведется борьба с подобными лжеучениями, нанесенными на русскую землю с запада Европы, – борьба во всеоружии неопровержимых истин

[1] Из статьи проф. МДА П. И. Казанского. *В защиту русского духовенства*. // *Прибавления к Творениям Святых Отцов*. 1881. Ч. 28. Кн. 4. С. 520-564; 1882. Ч. 30. Кн. 2. С. 564-638. В дальнейшем была издана отдельной книгой «Правда ли, что наше духовенство не хочет и не умеет учить народ?». В этой работе он старался защитить духовное сословие, и духовную школу от обвинений и незаслуженных порицаний; указывая на близость духовного сословия к народу и понимание духовенством нужд последнего. Отмечая важность церковного воспитания народа, возражал против критических высказываний о педагогической несостоятельности и нравственных пороках духовенства, против желания «вытеснить из школ влияние Церкви».

христианства, здравого разума, науки и опыта. Но кто следит за этой борьбой? кого может она поставить на путь истины, правды и нравственного добра? Я здесь должен указать на печальнейшее явление в нашей жизни. Выходят целые книги в обличение лжи и заблуждений и остаются на складах в лавках. Труды истинно Богомудрого Святителя Филарета могут быть названы сокровищем и для временной жизни, и для вечной; но из 6000 экземпляров, начавшихся печататься с 1873 г. и давно уже окончившихся печатанием, едва ли по сие время разошлось по православному русскому миру до 500 экземпляров. У нас издаются духовные журналы, цель которых, между прочим, ограждать веру во Христа Спасителя и основанную им церковь от наветов вражиих; но кто читает их? Самые лучшие из них не имеют и 2000 подписчиков, – это изъ слишком восьмидесяти миллионов православного населения в России. Не то мы видим на западе Европы, особливо в Англии, или в Соединенных Штатах Америки, Канаде и т. д. Явление воистину прискорбное! А между тем какое-нибудь безумное произведение, вроде Крейцеровой сонаты, запрещенной даже в Соединенных Штатах Америки и обличенной во лжи нашими писателями, тысячами рук, какъ я сказал, переписывается и тысячами тысяч русского народа прочитывается.

Но пусть, как я однажды выразился, желтеют и опадают листья, осталось бы невредимым самое дерево – т. е. русский, в простоте души верующий народ.

К величайшему горю, мы и на этот раз видим прискорбные явления. Кто не знает, с какою быстротою на русской земле, преимущественно на юге ее, распространяется штунда, которая с корнем вырывает у русского народа веру в православную церковь; которая даже не признает верховной самодержавной власти и живет чаяниями какой-то другой иноземной власти? Не зло ли это неизмеримо громадной величины? Это именно тот опасный «хлам», который, по выражению епископа Иоанна, может разжечь огонь веры до бурного пламени: и тогда, как он говорит, «его сила из мирной и успокаивающей народ сделается страшно разрушительной для всего противного вере народной».

И откуда появилась эта проказа? Говорят, не без оснований, что от наших приемышей, завладевших лучшими землями благодатного юга России. Мормонов преследуют Соединенные Штаты Америки; проповедников мормонизма или многоженства изгнала от себя Швейцарская республика. Не через край ли льется наша веротерпимость, дозволяющая жить на земле, купленной и упитанной драгоценной русскою кровью, тем, которые служат для темного русского народа заразой, и хотят подточить, как черви, самый корень нашей народной жизни? Этой веротерпимости мы отдаем в жертву, в

вечную погибель, кровных сынов русской земли! Явление воистину непонятное! Прибавим к этому. Борьба со штундою есть вопиющая необходимость; но она в настоящее время почти всецело – возложена на одно православное духовенство, которое и борется с этою проказою, с такою быстротою распространяющеюся среди православного русского народа, может быть (а некоторые утверждают, что так), при помощи внешних наших врагов, желающих отнять у нас то, что куплено бесценными нашими жертвами. Да, духовенство борется с этим великим злом; но история дала нам самый назидательный урок для нашей жизни, именно: православная церковь и предержащие власти во всю свою жизнь на русской земле шли рука об руку; это-то братское единение, эта-то взаимная помощь и послужили к созиданию и укреплению русского царства. На основании этого мы вправе ожидать, что в свое время могучею рукою власти будет вырван из русской земли самый корень штундизма. Скопцы преследуются нашей властию и наказываются ею; но учение скопцов, как противоестественное, не может быть так опасным, как штунда; и мы видели, что первая никогда не распространялась так быстро, какъ вторая. Но мало правительственной власти в этом деле; надобно, чтобы мы сами относились к нему с полным убеждением, что это есть великое зло для русской земли. Но относимся ли мы так? Увы! многие и многие из русских людей, причисляющих себя к людям образованным, даже желают размножения штундистов, якобы эти сектанты представляют собою самую честную, трезвую и трудолюбивую рабочую силу; другие, тоже не в малом числе, под влиянием толстовщины и пашковщины, открыто проповедуют, что штунда и есть истинное учение Христа. Борись после этого, смиренный пастырь православной церкви! По нашему убеждению, в деле распространения штунды мы первее всего должны винить наше легкомыслие, веяние нового времени, для которого так малоценны родной народ, священные заветы нашей истории. Проявление этого легкомыслия, под влиянием веяния нового времени, мы видим и в других случаях. Давно ли было то время, когда из наших народных школ был изгнан язык нашей церкви, и детям нашего народа давались учебники и книги для чтения такие, где и слова не было о Боге, о православной церкви, о христианской нравственности? Осталось ли бесследным такое направление в наших школах? Да и теперешние народные школы вполне ли соответствуют высшим потребностям народной души? Не видит ли эта душа, что такъ называемые церковно-приходские школы более ей по сердцу и более ведут к добру? Что дадут русскому народу эти школы – покажет будущее; но что первые дали немного – об этом идет общая молва.

Считаем не безполезным припомнить следующие слова богомудрого

Филарета. «Можно подвергнуться обвинению в варварстве, если сказать, что и мужского пола крестьянских детей не слишком усиленно и поспешно надобно привлекать в училища; однако сие может сказать осторожность не невежественная. Надобно не в очень обширном размере удостовериться опытами, точно ли доброе направление получит в них грамотность и не возбудится ли жадность к чтению суетному, развлекающему, производящему брожение мыслей, – это может сделаться более вредным, нежели без-грамотность»[1]. Ясно, что мудрое предостережение приснопамятного святителя-мудреца имело в виду не грамотность, а то, что будут читать грамотные дети нашего народа. Святитель боялся, как бы в среду народа не проник «всякий хлам новых идей и направлений». И не сбывается ли его опасение? Правда, в настоящее время наши народные школы и библиотеки при них очищены от вторгшегося в них тлетворного хлама; но сколько этого хлама вне школ? О, если где, то при выпуске разного рода писаний для народного чтения, требуется самая большая бдительность или осторожность. Увы! мы и здесь разлиберальничались!

При настоящем случае я не могу не указать на пьянство, становящееся как-будто стихиею нашего народа, открывшего источник для нее в 150000 питейных домов, трактирах и многочисленных местах тайной продажи этого злого зелья или правильнее смертоносного яда, чрез который ослабляются семейные узы, умаляется родительская власть, увеличиваются семейные разделы, как следствие того, входят в народный обычай кривосудие и безначалие: все это, как всем и каждому известно, послужило к народной нищете и к растлению богобоязненной, честной, трудолюбивой народной души. Но и этого мало. Люди науки на основании самых тщательных наблюдений и проверенных опытов, уверяют, что пьянство родителей отражается мрачными тенями не только на детях, но и на детях детей, в четвертом и даже седьмом поколениях. Не упивайтеся вином, в нем же есть блуд, говорит апостол. Какое глубоко поучительное предостережение! Те же ученые люди, да и всеобщий голос опыта, утверждают, что от сожительства в пьяном виде дети рождаются слабосильные, слабоумные, даже идиоты или со склонностями к помешательству ума. И кто не замечает, что русский народ мельчает, что нет в нем крепости сил дедов и прадедов, и что он начинает не долюбливать труд, стал полюбливать праздношатательство и разгул: это явное ослабление и душевных его сил. Не забудем, что русский народ, по признанию

[1] *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам*. Т. 3. СПб., 1885. С. 573.

всех умных людей, считается самым богатым по своим душевным способностям, по своему врожденному уму-разуму. Этот-то ум-разум и помог ему быть властелином чуть не шестой части света. Сила великая! и ее-то русский народ, какъ выше было сказано, можетъ лишиться чрез свое поголовное пьянство, которое, нет ни малейшего сомнения, ухудшает и его пищу. Каша – мать наша, испокон веков говорил русский народ; но теперь слышно, что каша у него подается на стол только в праздничные дни. И не мудрено, если он, по расчетам незабвенного ревнителя русского добра, М. Н. Каткова, одним кабатчикам ежегодно уплачивает из средств своей жизни до 500 млн. руб.

И все эти горькия явления суть горькие плоды того тяжелого явления, что сердце русского народа видимо хладеет к своей чадолюбивой матери – православной церкви, что в нем слабеет начало всякой премудрости в жизни – страх Божий. Да и как не хладеть русскому народу к его матери – св. церкви, когда он окружен «сетями ловчими», соблазнами, которым так легко поддается темная, невызревшая народная масса? 150 тысяч домов для продажи вина, но сколько так называемых трактиров и постоялых дворов, в которых также продается зта народная отрава, и которые, сверх того, нередко служат притоном для народного разврата! сколько тайных кабаков! А храмов Божиих едва ли наберется ¼ против этих вертепов для народного соблазна. Как же не быть соблазну? как не попасть в «сети ловчие?». Странным ли после этого может показаться явление такого рода: вокруг питейного дома или трактира толпы народа, даже подростки и женщины; а в церкви Божией несколько согбенных старушек?...

И мудрено ли после этого видеть, как становятся многочисленны те святотатственные руки, которые грабят наши св. Храмы – явление почти неведомое в других христианских государствах; как эти руки с такою быстротою развязываются на разного рода воровства, грабежи, убийства, даже отцов и матерей, и все это, повторяем, горькие плоды народной нищеты и умаления страха Божия в народе; – плоды его охлаждения к своей матери – св. церкви.

Но мы укажем на некоторые явления в нашей жизни, которые если не всецело, то отчасти могут объяснить нам и с другой стороны, как зарождаются и при каких условиях зреют эти воистину горькие плоды.

Я указал на тот хлам новых идей и стремлений, который подбрасывается в огонь нашей народной веры; но этот хлам не так видим или осязателен, как те виды этого хлама, которые подбрасываются открыто и для всех видимы.

Вот раздается величаво торжественный звон с Ивана Великого. Он сзывает православных христиан в священный Успенский собор помолиться в

навечерие пред храмовым праздником Успения пресвятой Богородицы. Этот храмовый праздник есть праздник не только первопрестольного града Москвы, но, можно сказать, всей русской земли; ибо на эту св. церковь мы имеем основание смотреть как на собирательницу земли русской, как на нашу историческую святыню, как на хранительницу драгоценных для русского народа святынь, и притом, здесь, в этом священном храме, венчаются на царство наши цари, помазанники Божии. Раздается, говорю, величаво-торжественный звон в навечерие всероссийского престольного праздника; идет православный народ молнться в этом священном для него храме; но в это же время идут театральные представления, на которые также сходятся православные русские люди. Скажите, положа руку на сердце, вольномыслящие люди, не соблазн ли это? Не следует ли такое оскорбительное для православной церкви явление назвать тем хламом, который прямо и открыто бросается в православную народную душу, гася в ней огонь его веры и любовь к воспитавшей его матери св. церкви? Но это не единичный случай: мы знаем, что частные театры, разного рода концерты и другого рода публичные увеселения открыты у нас в дни св. постов и в навечериях не только воскресных дней, но и больших праздников. Могут ли они не содействовать охлаждению русского народа к его вере и церкви? и желательно ли это охлаждение? Но этого мало: не послужит ли все это к совершенному искоренению тех добрых начал, которые положены в него православною церковью? И видим ли мы подобные явления в таких высокообразованных, таких крепких и устойчивых государствах, каковы, например, Англия, наследный принц которой отказался быть на вечере или на балу у императора австрийского, потому что этот вечер был накануне воскресного дня? Если такие святыни, какъ церковь, будут так принижаться в глазах православного русского народа; то как не найтись среди его рук к святотатству, к грабежам, разбоям, смертоубийстваи и самоубийствам? Как чистокровный и православный русский человек я, да таких нас можно считать целыми миллионами, не могу без самой сердечной боли видеть или знать, как в дни самого великого из наших постов являются иностранные актеры, разъезжают по православной Руси и дают свои представления. Для кого? для иноверцев? Но разве эти иноверцы не должны иметь уважение к господствующей вере в русском государстве? К чему эта поблажка или уступчивость тем, которые являются на русской земле, чтобы есть хлеб ее и наживаться? Но нет, этих заезжих актеров слушают русские люди, забывая заветы своей матери св. церкви. И странно: в дни великого поста или в навечериях пред праздниками представления в казенных театрах, на родном

языке, считаются неуместными, оскорбительными для православной церкви; но на иностранных языках для тех же русских людей – уместными и не оскорбляющими народной святыни, т. е. православной веры.

Не то ли у нас делается, как-будто из прямого желанья оторвать православный народ от груди целые века воспитывавшей его матери св. церкви? Не превращаются ли у нас в иные дни и иные храмы Божии в театральные зрелища, куда сходится народ не ради смиренного возношения своей молитвы пред Подателем всех благ, – Богом, а ради слушания, по выражению одного из вселенских соборов, «бесчинных воплей»? Забываем мы, что у матери церкви должен бытъ один понятный для народа голос, который он мог бы переносить и в свои дома; забываем мы, что пение в доме молитвы есть та же молитва, или как говорит глубокоуважаемый анхипастырь Александр, викарий Московской митрополии, «молитвенное выражение наших верований и чувств словами св. церкви, – есть та же молитва, или как выражение глубоко благодарной души, или как скорбный вопль грешника». В наших храмах нередко повторяется то, что творилось в первые века христианства, как наследие языческих времен, против чего и восставали св. отцы нашей православной церкви. «Как осмеливаешься ты, говорил вселенский учитель Св. Иоанн Златоуст, одному певцу, это ангельское славословие петь таким сатанинским напевом»? А вот слова бл. Иеронима: «Неужели я слышу христианских певцов, неужели я слышу тех, которые имеют обязанность петь в церкви не устами, а сердцем? Мы не должны воспевать Господа сладкими напевами, подобно комедиантам; мы не должны улучшать наш голос, чтобы наполнять церковь театральными напевами и мелодиями. – Мы должны выражать нашим пением страх Божий, благочестие и приготовляться к нему, изучая писание; потому что главное тут не голос наш, а воспеваемое нами божественное слово. Злой дух, мучивший некогда Саула, не мог быть изгнан теми, которые сами служили ему. Точно также и ныне злой дух уныния не может быть изгнан теми, которые из дома Божия сделали языческий театр».

Скажите, положа руку на сердце, любители бесчинных, потрясающих своды храма воплей, или вы, любители напевов, перешедших в православные храмы из театров, – не вырываете ли вы чрез это добрый, верующий народ из нежных объятий его матери церкви? будет ли он после этого смотреть, на св. храмы, как на дома молитвы и на великое народное училище? Да, я не обинуясь скажу, что на пение, не достойное святых храмов и своего высокого назначения, следует смотреть как на величайшее зло для нашего народа, как на принижение в глазах его первой народной святыни, его матери св. церкви.

Правда, «бесчинные вопли» и вторгшиеся в наши св. храмы иноземные театральные напевы – не есть общее достояние наших храмов, но и не составляют каких-нибудь редких исключений, а в будущем едва ли не будут иметь самого большого распространения, если не будут употреблены против этого явного соблазна и оскорбления святыни наших храмов законные меры.

Не могу еще умолчать об одном явлении в современной нашей жизни, явлении, которое также служитъ причиною к разлучению нашего народа с его материю – св. церковью, явление это – наши торжища в праздничные дни. Мы не знаем, что может быть для человека – христианина священнее, выше, обязательнее заповеди Божией? И может ли тварь доходить до большего дерзновения пред своим Творцом и Верховным для нее Законодателем, когда эта тварь, съ трибун наших самоуправлений, во всеуслышание провозглашает, что такая-то заповедь Его не обязательна? Что же, если не заповеди самого Бога, должно считаться высшею святынею для человека или верующего народа? Но мы сделаем еще одно неопровержимое умозаключение. Все заповеди Божии равны: так учит и один из апостолов; но если одна из них подвергается попранию; то не естественным ли становится вопрос: почему же другие заповеди должны иметь для человека обязательную силу? Почему не провозгласить, что и заповеди Верховного Законодателя Бога: не укради, не убий, не прелюбодействуй – также не обязательны? Наш легкомысленный взгляд на IV-ю заповедь дошел до того, что 1500 лиц из торгового сословия нашей северной столицы дали подписку, что они в ознаменование великаго чуда милости Божией, явленной русскому народу 17 октября 1888 г., не будут производить торговли в праздничные дни. Пусть и так: по пословице, лучше что-нибудь, чем ничего. Но не в обиду будь сказано, в обычае у нашего торговаго сословия и обмеривать, и обвешивать, с призыванием при этом во свидетели самого всевидящего Бога. Это есть нарушение III-й и VIII-й заповедей Верховного Законодателя. Но не странным ли было бы заявление от торгующих людей, что они во ознаменование вышесказанного чуда милости Божией не будут ни обвешивать, ни обмеривать и не употреблять при этом имени Божия всуе, не кляться именем Божиим? Едва ли что можетъ быть гибельнее для народа, как ослабление первооснов его христианской и государственной жизни; или что сильнее может разлучать его с его матерью св. церковью, как публичное признание необязательности заповедей самого Бога. На первопрестольной Москве в этом отношении лежит самое черное пятно. Ведь в позднейшее время дело здесь дошло до того, что едва ли каких-нибудь пять дней, но вернее один день в году, – первый день св. Пасхи, прекращается торговый труд. Примеры такого раболепного поклонения

своекорыстию, такого порабощения трудового народа, можно встретить только в языческом мире древних времен, но не среди христиан, не среди братьев во Христе. Недавно заседавшая в Берлине конференция по рабочему вопросу единогласно признала, что по крайней мере один день в неделе должен быть свободен от обыденных трудов; и здесь имелись в виду и требование религии, и необходимый отдых для рабочего класса. И конечно, заседавшие в этой конференции, собравшиеся почти из всех государств западной Европы, образованные люди были убеждены, что это не нанесет ущерба промышленности. Да и можно ли сомневаться в том? Англия, ее столица Лондон, есть всемирное торжище; но там IV-я заповедь чтится свято и ненарушимо.

Москва, недаром носящая имя благочестивой, златоглавой, сердца земли русской, – едва ли не забывает своего великого прошедшего и своего назначения в текущем времени. К голосу ее, как матери городов русских, прислушивался православный русский народ целые столетия; прислушивается и теперь; но голос ее иногда раздается как голос злой мачихи. Правда, не все прислушиваются к этому не материнскому голосу: мы видим, что, например, на юге России даже небольшие города, состоящие притом из разноплеменных жителей, почитают св. праздники, т. е. исполняют IV-ю заповедь Божию, – исполняют и не извиняют первопрестольного града тем, что он есть центр русской торговли, указывая на Лондон, как на центр всемирной торговли. Я сказал, что не все прислушиваются к голосу Москвы, как к голосу злой мачихи. Но все-таки Москва не может не принять на себя строгой ответственности пред Богом, пред своею совестью, пред позднейшим потомством, что она подает самый пагубный пример православному русскому народу, что и она отчасти способствует расторжению уз, связующих его с матерью св. церковью, что и она в свою очередь подрывает основы народной богобоязненности и благочестия. А в этих основах вся народная душа, вся сила народа. Вот что говорит воистину богомудрый святитель первопрестольной Москвы, бессмертный по своим мудрым творениям Филарет: «Спросим: как из малых племен возникают и возрастают народы, не подавляются сильнейшими соседами, но и сильнейших по временам преодолевают, или себе подчиняют? Как напротив того великие народы, которых естественная сила увеличивается искусствами, ей служащими, не всегда возвышаются, но в свою чреду падают и рассыпаются? И не посвященная в таинства судеб Божиих история на сие ответствует, что благочестие, хотя иногда недовольно просвещенное, но искреннее, ПРАВОТА И ДОБРОТА НРАВОВ ВОЗВЫШАЮТ И ОБЛЕКАЮТ ПОБЕДОНОСНОЮ СИЛОЮ ДУХ НАРОДА; чго напротив того уменьшение в

народе благочестия, повреждение нравов, преобладание пороков, разрушают единодушие, ослабляют верность и мужество, похищают у законов силу, и, почитаемые средствами общественного благоустройства, образованность и просвещение обращают в орудия дерзости, беспорядка и разрушения»[1]. Сколько святой правды в словах приснопамятного святителя!

Но да не подумают, что я как-будто питаю что-то неприязненное к нашему торговому сословию. Я принадлежу к числу тех, которые всякое сословие ценят, как необходимое звено в народной или государственной жизни. Поселянин-пахарь или торговец также необходимы для этой жизни, как посвятивший себя науке или столбовой дворянин, состоящий на государственной службе, или служитель алтаря Господня. Но и по другим причинам нельзя не относиться с особым уважением и любовию к нашему торговому сословию. Кто первый отзывается на призыв помочь какой-нибудь открывшейся нужде, – будет ли то нужда государственная, общественная или частная? Сколько построено святых храмов на святой Руси, сколько украшено их на средства нашего торгового сословия, сколько раздается призывных звуков на молитву в дома молитвы! Но сколько на русской земле на щедроты этого сословия устроено и поддерживается разных благотворительных учреждений? Забудем ли, что, например, московская городская дума хранит у себя громадные суммы, вложенные почти исключительно торговым сословием для оказания помощи бедным в их нуждах, или, что одно Московское купеческое общество ежегодно жертвует из своих капиталов на разные благотворительные и учебные заведения до миллиона рублей? Сколько здесь приносится горячих молитв, сколько льется благодарных слез за Цурикова[2], Морозовых, Ермаковых, Бахрушиных, Рукавишниковых, Хлудовых, Дервиза, Боева, Шемшурина; Горихвостовых, Великолеповых, Назаровых и т. д. и т. д., которые во имя христианской любви принесли и приносят столько пожертвований на разные благотворительные дела!

Но вотъ в прошлом году раздается, среди того же торгового сословия Москвы, воодушевленный христианскою любовию голос глубокоуважаемого градского головы: помочь устройству лечебницы душевно-больных – и в несколько месяцев в руках его более миллиона рублей, – и существование лечебницы обеспечено. Вот раздается и в другой раз его же задушевный голос, пробудивший даже Московскую губернскую земскую управу от ее

[1] *Сочинения Филарета*. Т. III 43. Изд. 1877 г.

[2] Известен как самый щедрый жертвователь на построение и украшение церквей. Ему обязан своим возобновлением и величественный храм Воскресения в Новом Иерусалиме, на что истрачены сотни тысяч рублей.

пятнадцатилетней сладкой дремоты, – раздается помочь той же вопиющей . нужде, для таких же земских больных Московской губернии, – и новые пожертвования со стороны того же торгового сословия, в чем такое горячее участие принял и воистину благостный владыка митрополит Иоанникий.

Утешительно, мало того, в высшей степени отрадно, что, несмотря на подбрасываемый хлам легкомыслия, еще горит среди русского народа огонь веры во Христа Спасителя миру, заповедавшего нам «новую любовь» к ближнему. Но кто возжег этот огонь? Кто поддерживает его, хотя и незримо для нас? – Кто? НАША МАТЬ СВ. ЦЕРКОВЬ. После этого как же не любить и не чтить ее всею полнотою дущи? И не долг ли каждого из нас ограждать ее от наветов вражиих, возгревать любовь к ней в наших ближних и видеть в ней самую могучую силу для нашей христианской и благоденственной народно-государственной жизни, – ту силу, которая освящает, охраняет своими молитвами и своим учением, и ту силу, без которой даже немыслимо существование русского царства – САМОДЕРЖАВНУЮ ВЛАСТЬ ПОМАЗАННИКА БОЖИЯ, – ПРАВОСЛАВНОГО ЦАРЯ И ОТЦА РУССКОГО НАРОДА!

«Странник». 1891. Т. 1. С. 277-301.

Архимандрит Сергий (Титов)

О СОЮЗЕ ГОСУДАРСТВА С ЦЕРКОВЬЮ.

Слово произнесено в день Святителя Николая и тезоименитства Государя Императора в Новгородском Софийском соборе за Литургией 6 декабря 1908 года.

Есть у насъ обычай приветствовать близко знакомых и дорогих нам лиц в день их тезоименитства и приносить им разные дары.

Какой же дар принесем ныне мы, русские люди, Августейшему нашему Имениннику, благочестивейшему Государю, Отцу нашего отечества? Конечно, не дар вещественный, в котором Он не имеет нужды, а дар искренней сердечной любви, сыновнего послушания, дар горячей молитвы к Богу о здравии и благоденствии Царя и решимость служить Ему верою и правдою до конца своей жизни. В этих приношениях и дарах Он нуждается гораздо более, чем последний бедняк и самый низший слуга в Его империи, ибо без помощи Божией невозможно успешно проходить великое царское служение и без совестливого исполнения каждым Его подданным своего гражданского долга трудно установить гармонический, стройный порядок общественной жизни, трудно набдюдать за исполнением законов, творить суд и правду в столь обширном государстве, раскинувшемся на необозримых пространствах Европы и Азии.

Подвиг царского служения по своей трудности - единственный, исключительный. Царь исполнен непрестанных забот и мучительных тревог, опасений за личную жизнь от руки злодеев и за жизнь народа от замысла крамольников. Нужно Ему охранять мир с другими державами и в тоже время иногда приходится вести войну внутри страны с изменниками и искателями власти. Нужно путем мудрых законов, развитием промышленности, науки и искусства содействовать благу всего народа и в тоже время оградить права и счастье всякого отдельного человека. Когда над родиною начинают собираться грозовые тучи, то удары грома прежде всего отдаются с болью в царском сердце. Когда политические страсти, как подземные вулканы, сотрясают

почву, прежде всего это ощущается на троне царей. Недаром некоторые правители народов, живя в блеске и роскоши дворцов, считали счастливыми землекопов и мирных хлебопашцев, живущих в своих хижинах под соломенною крышей. Недаром благословенный русский Царь в годину Отечественной войны, страдая душею за Россию и желая всем пожертвовать для спасения ее, выразился, что он скорее уйдет в Сибирь и будет там питаться корками хлеба, чем подпишет стыд своих подданных. Вот почему величайший Апостол Павел, понимая всю страшную трудность царского служения, заповедал чрез своего ученика, епископа Тимофея, христианам прежде всего *творитъ молитвы за царя* и за лиц, облеченных от него властию (I Тим. II, 1-2); нужно, чтобы общие усиленные молитвы подданных сосредоточились на личности царя и *отразилисъ* в душе его чистыми лучами кротости, милосердия, правды, мужества и мудрости, граничащей с прозорливостью, необходимою и в избрании себе советников и в издании полезных законов для страны. Не ответственностью пред народом, не страхом суда человеческой истории, а страхом праведного суда Божия, ответственностью пред Господом Вседержителем, дающим власть царю, определяется трудность и величие царского дела: *Божий бо слуга есть* (Рим. XIII, 4), говорит св. Апостол.

Здесь мы невольно подходим к одному чрезвычайно важному вопросу современной жизни—об отношении религии к политике и христианской Церкви к государству. Вопрос этот не может быть охвачен в кратком поучении, но сегодня — в день прославляемого по всей подсолнечной Святителя Николая и тезоименитства Государя Императора, в радостный праздник Св. Церкви и царства Русского не лишне хотя несколько коснуться этого вопроса, чтобы наметить правильное направление православной мысли к разрешению его.

Если в одной католической стране силою порвана связь государства с церковью и она гордится тем, что за порог ее школы не переступает священник и учащимся запрещено произносить на уроках имя Христово, то ведь и у нас в православной России, следующей западно-европейским модам во всем, не исключая равнодушия к вере и даже открытого безбожия, есть ныне не мало людей, которые также желали бы совсем разъединить христианский церковный алтарь п царский престол.

В числе многих обвинений на Русскую Церковь (только—христианскую! только—православную!) в ее безжизненности, духовной окаменелости и бесплодности, в нравственном омертвении и параличном состоянии, особенно часто и с особенным злорадством указывают на то, что она состоит, будто бы, *на службе у государства*, и ее пастыри, как чиновники, получая жалованье от

казны, служат не религии, а политике. Словно в ту великую пятницу, когда иудеи плевали в лицо нашему Господу и били Его по ланитам, в последние годы еврейская печать, а вслед за нею некоторая и русская, еврействующая и торгашеская снова вывели Его на позор и поругание толпы, снова со скрежетом зубовным кричали: „распии, распни Его!.." Убей Его, умертви, изгони Его из совести, из сознания, из памяти людей: „да будет пропят!.." Они кричали на Христа, глумились над Ним, что Он не спас мир, что Его религия не удалась", что христианство—уже пройденный шаг человеческаго процесса, „пережиток" и „вредный продрассудок"... Когда этому крику христианский народ не совсем поверил, непримиримые враги Христа притворились сторонниками Евангелия и свои безбожные мысли прикрыли его священными глаголами: нещадно, например, избивая из-за угла лучших, верных царских слуг, бросая бомбы в толпу женщин и детей, они вопили, что христианство запрещает смертную казнь и требовали всем своим сторонникам-злодеям, душегубам и грабителям, спокойно резавшим детей на глазах у матери — по их выражению „освободителям" и „экспроприаторам"—полной „амнистии"—прощения. Когда же русское правительство не исполняло такого их „требования", они с яростыо обрушились на то, что всегда служило оплотом русского престола, связкою, цементом русской государственности — на православную Церковь и ее служителей.

В каких только пороках и исторических грехах не обвиняли русское православное духовенство (только—православное! только—русское, а не еврейское, не мусульманское, не ламаитское!..)!? И в сословных недостатках и в личных слабостях, и в так называемом „черносотенстве" и в гашении народного просвещения, и безмерном человекоугодничестве и в гнусной корысти, ради которой, будто бы, они и проповедуют покорность властям, отстаивают выгодные им порядки самодержавного „бюрократического" строя...

Когда евреи в претории Пилата шумели, неистово кричали (Лк. XXII, 18-23) и много на Него лжесвидетельствовали, Он, Агнец Божий, *не отвеща ему, судье и обвинителям, ни к единому глаголу, ни на одно слово* (Мф. XXVII, 12-14), *будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии праведному* (I Петр. II, 23), как говорит Апостол. Не нужно отвечать безумному по безумию его, бесполезно оправдываться там, где руководятся злобою, а не истиною.

Уже самая эта ярость и очевидная озлобленность, с которыми нападают на русское православное духовенство, бесспорно показывают, что его невольно признаюг за могучую нравственную *силу* в народе, на которую, как на

передовую крепость, нужно действовать натиском, чтобы расшатать ее, свалить, унижить и обессилить...

Да, это—сила! Сила, внедрившаяся в народе, сплетшаяся глубоко своими корнями с православным людом, жившая с ним безразлучно на его полях, в его лесах, делившая с народом его горькую нужду, его маленькия радости и тяжелые муки... Ведь в былые века никакие радетели и „просветители" не интересовались народом и единственным воспитателем народного духа, учителем и руководителем народной совести было духовенство, такое же, как и народ, бедное, приниженное, полуголодное. Единственными школами для народа были тогда храмы и св. обители, где народ учили не многому, но самому важному - учили страху Божию, честному труду, покорности воле Божией, беззаветной любви к родине.

Худо или хорошо русское духовенство, само мало тогда поученое, учило народ, об этом не нам судить. Но мы знаем *историю* своего родного народа. Мы знаем, какое значение имело христианство для русской земли со дней Св. князя Владимира, когда главными колонизаторами севера и востока, насадителями новой, гуманной, культуры среди кочевых и воинственных племен были люди без меча и щита, мирные иноки с именем Иисусовым на устах. Мы знаем, как здесь „господин Великий Новгород" в старину бушевал иногда, но как расходившиеся страсти стихали и кровопролитная междоусобная брань городских сторон и пятин кончалась, когда отсюда, из Св. Софии, выходил к вольнице смиренный епископ с крестом в руках. Мы знаем, как древние русские святители тихим и „уветливым" своим словом прекращали братоубийственную войну удельных князей, целованием креста заставляли их „держать мир" и благословили маленькую тогда Москву на собирание Великой Руси. Мы знаем, как во дни злой татарщины, когда одно имя татарина заставляло вздрагивать русские сердца, кроткий Игумен Радонежский благословил великого князя Димитрия Иоанновича на смертный бой с грозными мамаевыми полчищами и как вдохновляемые пророчеством и молитвою св. пустынника доселе робкие русские воины стеной повалились на врагов и под своими костями похоронили своих страшных поработителей. Мы знаем, как в смутные годы самозванцев и междуцарствия, когда поляки овладели уже сердцем России—Москвою и ее свящ. Кремлем, та же Троицкая Лавра, выдержавшая 16-ти месячную осаду от врагов, всячески старалась пробудить в русских людях самосознание и любовь к своей родине, как рассылала она грамоты о сем по русской земле и как одна из этих грамот попала в Нижний Новгород и там так ударила по русскому сердцу, что гражданин Минин и князь Пожарский, с собранною дружиною, взявши

чудотворный образ Казанской Божией Матери, двинулись к Москве и не отошли от нее, пока не вытеснили из ее стен всех неприятелей; после чего собран был земский собор и на нем после молитвы к Богу избран был на Русское царство русский юный боярин Михаил Феодорович, родоначальник ныне царствующей династии.

Говорить ли о том, какое значение имело духовенство русское в годины других войн и невзгод нашей государственной жизни? Религиозно-нравственное влияние священника на пасомых не подлежит осязательному учету: религиозное чувство есть *тайна* души, святыня ее и нравственное влияние на человека религиозной веры нельзя измерять меркою, а можно только видеть в жизни. Не было подвига, на который не пошел бы охотно русский воин, воспитанный в благоговейной любви к царю и верности своему долгу до последней капли крови. Русские славные войска, бывало, иногда терпели поражения от сильного врага, своевременно и хорошо вооруженного, но никто еще не победил в русских солдатах *готовности отдаватъ свою жизнъ за Веру, Царя и Отечество*... В последнюю несчастную войну с Японией наши воины вместе с неприятельскими разрывными снарядами и огнями засыпались от русских изменников и крамольников разными „прокламациями", революционными воззваниями, но они не изменяли крестного целования своему Государю и кротко умирали на далекой чужбине за русское имя, прося священника разрешить их грехи и передать от них низкий поклон родной земле-матушке.

Отнимите у русского христолюбивого воинства вдохновение св. веры; измените его взгляд на присягу; научите воинов смотреть на царя, как на обыкновенного человека, без которого можно обойтись; вытравьте из их сердец привязанность ко всему милому родному и к родному приходскому храму, и к дорогим могилам, и к преданиям и обычаям родной старины; скажите им, что теперь хотят навязать, т. е. что нет Бога, нет Его промысла в мире, нет вечных нравственных законов для человечества; запечатайте православные монастыри и храмы, изгоните духовенство из школ, порвите живой союз государства с Церковью,—и вы с ужасом скоро увидите, какая великая сила сразу будет потеряна у Престола и у государства...

Что сказано о значении религиознаго чувства для воспитания одушевленного, верного присяге воинства, тоже нужно сказать и о прочих силах и частях государственной жизни.

Государства сильны не столько пушками и пулеметами, не столько армией и флотом, сколько *нравственною мощью общества*, твердостыо его духа. В нравственно-расслабевшем организме государства уже не родятся мудрецы, не

являются герои, и высокие царские троны их, подобно гордому, богатому Вавилону, часто рассыпаются в прах, как великан на глиняных ногах. История дает много доказательств, что древние огромные царства падали и даже совсем исчезали с лица земли, когда в них падала общественная нравственность и умножались народные пороки. Нравственность же, всегда требующая от человека борьбы со своим себялюбием, самоограничения, жалости к людям и готовности душу свою положить за других, опирается на веру и *не возможна без религии*, как дерево без корней. Недаром все мудрые правители много заботились о поддержании в своих странах народной религии, хотя иногда очень невысокой по своему мировоззрению и поклоняющейся идолам. Но поддержка религии властью не есть *выдумка* ее правителями для обуздания и подчинения себе народных масс именем богов, как говорят люди, не знающие ни истории народов, ни истории религий; она не есть и выдумка жрецов ради их корысти и славы: нельзя измыслить и навязать всем людям, во все века и на всех ступенях их развития до самых высших по умственному просвещению,— нельзя измыслить и создать того, что не кроется в душе самого человека, как *прирожденная, неискоренимая ее потребность*—стремиться к началу своего бытия, искать Бога, любить Его.

Но если в языческой римской империи поддержка, покровительство властей религии доходили до того, что императоры носили в тоже время титул высшего жреца, то совсем не то было с христианством.

Христианство – учение Света и Истины, благовестия Царства Божия, как по своему происхождению и сущности, так и по распространению в мире было *чудом истории.* Больше трех веков оно не только не пользовалось поддержкою или покровительством власти, а напротив испытало *жесточйшие гонения* от иудеев и десяти римских императоров. Сам Божественный Основатель христианства по приговору римского прокуратора Понтия Пилата был избит, претерпел бичевание и позорную смерть на кресте среди разбойников. Первые ученики Его, святые апостолы, мирные рыбаки галилейские, все, за исключением одного Иоанна Богослова, умерли мученическою кончиною. Дальнейшие ужасы гонений на христиан нельзя выразить словом: тысячами их сожигали на кострах, тысячами распинали иа крестах, топили в озерах, бросали в цирках голодным львам, разрывали тела их на куски, вытягивали суставы, морили голодом в темницах...

Что же христианство?! *В какие отношения* встало оно к гражданской власти? Ненавидело ее за гонения и притеснения? Проклинало ее? Составляло заговоры? Не повиновалось ей?!

Да, не повиновалось в том, что касалось *святыни их сердца*, их религиозных евангельских верований и любви к сладчайшему Иисусу! Тут христиане, даже дети их, едва научившиеся говорить, смело и твердо отвечали начальникам: *судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога* (Деян. IV, 19), и радостно умирали в страшных муках за свое исповедание, не согдашаясь *ни за что* отречься от Христа и принести жертву идолам. Во всех же других *житейских и общественных* отношениях христиане были самыми кроткими, послушными гражданами, беспрекословно подчиняясь распоряжениям власти.

Господь Иисус Христос на коварный вопрос иудеев: *нужно ли* им давать дань кесарю,— им, которые считали себя чадами Авраама, свободными от всякого ига, наследниками всей земли,— к посрамлению спрашивающих ответил, что религиозные обязанности *не освобождают* человека от гражданского долга. *Отдавайте*, сказал Он *кесарево кесарю, а Божие Богу* (Лк. XX, 22-25). И вслед за этим заветом Христа роду человеческому св. Апостолы наставляют и повелевают христианам: *Бога бойтесь, царя чтите* (I Петр. II, 17), и другой - *всякая душа да будет покорна высшим властям... Отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь* (Рим. XIII, 1-7). Эти слова, как закон для нас, написаны в посланиях двух первоверховных Апостолов - Петра и Павла.

Каких царей повелевают чтить Апостолы? Каким властям обязывают они христиан повиноваться, и при том *не толъко за гнев, но и за совесть* (Рим. XIII, 5)?! Языческим властям, господствовавшим тогда во всем мире. Они велят чтить царей: Ирода, который поднял руки на христиан, убил Ап. Иакова, брата Иоаннова, и самого Петра, в угоду иудеям, скованного посадил в темницу (Деян. XII, 1-6); Нерона, который в саду своем на пиршествах устраивал на деревьях факелы из живых христиан, обливая их предварительно горючим веществом, и при котором самих этих Апостолов ждала казнь: меч для усекновения главы Павла, как римского гражданина и крест для распятия на нем Петра вниз головою.

Стало быть, уже сели обвинять Церковь в рабском прислуживании государству ради взаимных услуг и поддержки с его стороны, то нужно обвинять в этом Самого Господа, повелевшего отдавать *кесарево кесарю*. Уж если подозревать служителей Церкви в корыстных побуждениях их проповеди народу о подчинении властям, то нужно прежде всего заподозрить в этом первоверховных Апостолов. А такая нечестивая мысль не согласуется ни с жизнью, ни с кончиною этих скитальцев, которые терпели *голод и жажду, и наготу и побои* (I Кор. IV, 11), которые каждый день умирали (I Кор. XV, 31) и

были - по суждению тех же властей—*как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне* (I Кор. IV, 13).

Нет, Божественное Провидение, по дивному усмотрению, так устроило, что христианство распространялось на земле не только без содействия человеческой силы, мудрости и знания, не только без покровительства земной власти и доказательств человеческой науки, а *наперекор* им: оно овладевало умами и сердцами людей при всем злобном усилии иудейских книжников, языческих философов и грубой толпы осмеять христианство, оклеветать его, обвинить христиан в человеконенавистничестве и ужасных тайных пороках; оно воцарялось в мире при самом решительном намерении римских императоров потопить христианство в потоках его собственной крови. За то, что люди, гордые своим умом, никогда *не заботилисъ иметъ Бога в разуме, заменили истину Божию ложью и поклонялисъ и служили твари вместо Творца* (Рим. I, 28, 25), за то, что они унизили власть и имя Божие на земле, *не познали Бога в премудрости Божией,* восхотел Бог юродством – безумием - проповеди о кресте спасти верующих (1 Кор. I, 21) и надолго отверг участие в христианстве князей и мудрецов мира сего. *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамитъ мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамитъ сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднитъ значущее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. I, 27-29), для того, чтобы всем было очевидно, что спасение людей идет от Бога, *а не от человеческой мудрости и силы.* Христианство, как истинное чудо Божие, стоит вне всякой зависимости от научных изысканий, от философских систем и логических доводов. Оно не искало опоры для себя в гражданской власти и совершенно *не нуждается* в человеческой поддержке. *Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. XVI, 18). Это сказал Тот, Кто есть живая Глава Церкви (Еф. I, 22), ее вечный великий Архиерей (Евр. IV, 14), Кто дал нам дыхание и жизнь, Кому покорятся некогда все царства, *поклонится всякое колено небесных, земных и преисподних* (Филип. II, 10).

Не покровительством государственной власти утвердилась Церковь Христова на земле, а выросла на крови св. мучеников. Только уже в IV веке жизни христианства царская власть подошла к нему, но подошла не для того, чтобы покровительствовать и помогать деснице Вышняго, а для того, чтобы ей самой встать под осенение благодати Божией, явившейся в мире. Император Константин Великий, по особому видению, сделал на своих знаменах языческих знак креста, сим оружием непостижимой и Божественной силы победил Максентия, и с тех пор началось постепенное сближение жизни

государственной с жизнью церковною. Государственные учреждения скоро стали наполняться христианами, как людьми неподкупной честности и жизнь государства мало-по-малу стала сливаться в одно русло с земною жизнью Церкви, ибо одни и те же люди были и гражданами государства и чадами Церкви.

Таким образом, союзъ с Церковью явился как потребность *самого государства*. И если, начиная с Константина, цари и царицы стали строить храмы христианские, богато украшать их, если они целым рядом указов определяли положение и права Церкви и помогали служителям ее, то это было не плодом исканий и домогательств Церкви, а делом сердца и горячей веры самих императоров, как бы во исполнение пророческих слов о Церкви: *и будут цари питателями твоими, Сионе. и царицы кормилицами твоими* (Ис. IL, 23).

Церковь и государство соединились не по взаимной *выгоде*, а по уважению *к истине:* гражданская власть языческой империи увидела в христианстве откровение свыше, спасение от Бога, а Церковь оказывала почитание власти, как *установлению Божественному*. Государство, состоящее из людей, не могло быть *чуждым* для Церкви, имеющей своим назначением всех людей, весь организм человечества постепенно претворить в Тело Христово, покорить Христу, *да будет Бог все во всем* (I Кор. XV, 28).

И христианство сделало бы мир *новою тваръю,* если бы оно всеми искренно принималось и проникало всю жизнь людей. Царство Божие приблизилось бы к царствам человеческим и осияло бы их своим светом и блаженством, если бы люди действительно воплотили в себе эту двойную, но соединенную по сродству во едино, заповедь Аностола: *Бога бойтесь, царя чтите.*

Бога бойтесь, царя чтите! Из этих двух настроений— из страха Божия, который в св. Писании (Пс. CX, 10; Прит. IX, 10) называется *началом премудрости* и из почитания царя, которое является первым правилом гражданской жизни, складывалось бы *то тихое и безмолвное житие,* та святость христианина и доблесть гражданина, при которых и в частной, и в общественной жизни исчезло бы много пороков и преступлений. Боящийся Бога непорочно ходил бы в законе Господнем, почитающий царя не позволил бы себе нарушений закона царского. Боящийся Бога и чувствующий себя всегда как бы пред лицом Его не допуститъ обмана, почитаюший царя и оберегающий славу имени его не присвоит себе достояния народного. Боящийся Бога не обидит ближнего, почитающий царя защитит слабого от руки обидчика. Первый по своей богобоязненности вносит в свое дело всю свою совестливость и евангельскую доброту в отношении к людям — братьям

во Христе, второй отличается верностью, честностью, любовью к службе, поручаемой ему царем или его советниками. Первым настроением — богобоязненностью — создается непременно и второе: кто боится Бога, тот не может не чтить царя, ибо он знает, что *существующие власти от Бога установлены* и что *посему противящийся власти противится Божию установлению, а противящиеся сами навлекут на себя осуждение* (Рим. XIII, 1-2).

Итак, почитание царя и молитва за него Церковью христианскою проповедуется, как *истша христианства*, как *прямая заповедъ Божия*. Служители церкви учили и будут учить верующих этой истине не потому, что покровительство власти, будто бы, полезно и выгодно для Церкви и их, а по своей священной обязанности, потому, что, как выражается св. Апостол, *это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу* (I Тим. II, 1-3), потому, что *такова естъ воля Божия*, говорит другой Апостол, *чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей* (I Петр. II, 13-15), которые, видя христиан—мятежников, заговорщиков, непокорных власти, унизили бы Самого Христа, назвали бы Его не только „социалистом", как ныне некоторые называют, но, подобно древним иудеямъ, стали бы клеветать, что *Он развращает народ и запрещает давать подать кесарю* (Лк. XXIII, 2), и Евангелие Христово тогда сочли бы другие не благовестием царства Божия, а проповедью анархии и отвратили бы от него свой слух.

Если бы Вышний, владеющий царством человеческим и дающий его тому, кому захочет (Дан. V, 21), отдал нас, как теперешних восточных христиан, в руки царя неверного, не только не расположенного к Церкви, но даже гонящего христиан, служители алтаря должны бы учить православных терпеливо, кротко переносить страдания, повиноваться законной власти во всем, отдавать кесарево кесарю, не изменяя только Богу, не поступаясь своею святою православною верою.

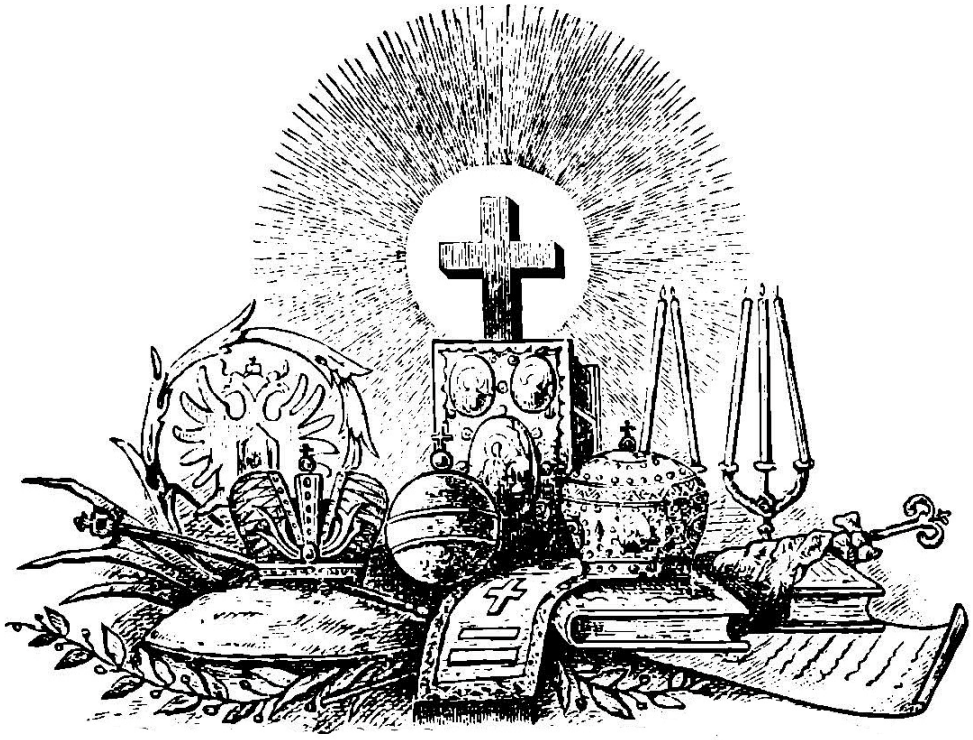
Церкви Русской и миллионам православных чад ее Милосердый Господь давно уже не посылал такого тяжкого испытания ига, возводя на престол русский царей поистине благочестивых, смиренно верующих одною верою со своим народом, живущих одним христианским упованием с ним, причащающихся от Единого Хлеба и Чаши благословения (1 Кор. X, 16-17). Когда русский Царь приемлет священное помазание на царство в древнем Московском Доме Пречистой, где почивают святители—собиратели Руси; когда Он потомъ склоняет свою венчанную главу до праха земного пред гробницею Пренодобного Сергия, печальника и молитвенника Русской земли, много раз спасавшего наше отечество на краю гибели, — то весь

многомиллионный православный народ в эти минуты соединяется с Ним незримыми, таинственными узами святой веры, надежды и пламенной любви, сильнее которой нет ничего на свете...

Мы со слезами умиления читали некогда, как Царь наш, забыв свое величие земное, пришел в Саров на поклонение „убогому Серафиму". Мы живо помним и никогда не должны забывать, как в недавние годы Он, Самодержец, в тяжелую пору для своего отечества, молился в этом древнем храме с народом святителям Новгородским, и как благословлял святою иконою, подобно набожному, любящему отцу, своих храбрых воинов на брань с врагом...

Православные люди! Русские люди! Вспомните, чем создалась и всегда сильна была Русская земля! Вспомните — в Кого веровали с трепетом наши отцы и деды и кому верою и правдою служили они! Вспомните Бога и Царя! *Бога бойтеся, Царя чтите!* Аминь.

«Новгородские епархиальные ведомости». 1908. № 51-52. С. 1613-1625.



Филипп Алексеевич Терновский

УЧАСТИЕ ДРЕВЛЕ–РУССКИХ АРХИЕРЕЕВ В ДЕЛАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ.

В период удельно-вечевой.

Положение архиереев в древней Руси было далеко не таково, каким оно является в эпоху после–петровскую. Чтобы убедиться в этом, достаточно только сличить пределы архиерейской власти, как они обозначаются по *церковному уставу* св. Владимира и по *духовному регламенту* и другим узаконениям Петра Великого. По *церковному уставу* св. Владимира число лиц, подлежащих исключительно суду архиерейскому, весьма велико. Сюда, кроме лиц, принадлежащих к духовному сословию – относятся еще слепец, хромец, задушный человек (т. е. раб, отпущенный господином на волю по духовному завещанию), сторонник, и – по некоторым спискам – лечец (врач), прощеник (т. е. получивший чудесное исцеление), вдова, калека, прикладень (т. е. находящийся под церковною эпитемиею) и паломник. По узаконениям Петра Великого архиереи не могли управлять даже собственными крестьянами, приписанными к той или другой архиерейской кафедре; даже духовные лица, обвиняемые в политических преступлениях, были судимы светским судом и отсылаемы к архиереям только для снятия сана. – По *уставу* св. Владимира не только вышеисчисленные классы людей были в архиерейском заведовании, но и все остальное народонаселение русской земли подлежало архиерейскому суду: а) во всех преступлениях против веры и церкви, и б) в делах семейных, понимаемых в самом широком смысле. В частности суду архиереев подлежали: а) еретичество, волшебство и колдовство и укоризна в них, и еще – по некоторым спискам, – святотатство, ограбление мертвых тел, повреждение могил или церковных стен, введение животных в храм без нужды и другия, совершаемые в храме неблагочиния, и наконец, грехи двоеверия – моления под овином, в роще или у воды; б) похищение жен, вступление в брак в запрещенных степенях родства, драка между мужем и женою об имении, обличенное прелюбодеяние, развод, побои родителям от детей, тяжбы о наследстве, и еще – по некоторым спискам, – обвинение в незаконном

сожительстве, неблагопристойная защита мужа женою, покинутие матерью незаконнорожденного дитяти, противоестественные пороки. Епископу же принадлежало наблюдение за правильностию весов и мер[1]. Только дела о разводе и о браке в близких степенях родства остались исключительно подлежащими суду архиерейскому по узаконениям Петра I.

Различно было юридическое положение русских архиереев в первом и последнем периоде русской истории; различно было и отношение их к обществу, степень и характер их участия в делах общественных. В настоящей статье мы будем говорить об участии древле–русских архиереев в делах общественных во времена удельно–вечевого уклада. Митрополиты киевские и древние южнорусские епископы дадут нам собирательный тип русского архиерея, живущего и действующего среди княжеских междоусобий: владыки новгородские представят нам образ архиерея, пасущего свободолюбивых вечников.

I.

Еще прежде начала удельного периода и утверждения митрополичьей кафедры в Киеве, еще при св. Владимире мы видим уже примеры участия древле–русских архиереев в делах общественных. «Жил Владимир в страхе Божием», (говорит начальный летописец), и умножились разбои. И сказали епископы Владимиру: вот умножились разбойники; отчего не казпишь их? А он отвечал: боюсь греха. Епископы же возразили: ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье: следует тебе казнить разбойников, но с испытанием. И Владимир, отвергнув виры (т. е. право денежного вознаграждения за преступления) начал казнить разбойников. И сказали (конечно уже после более зрелого размышления) епископы и старцы: воевать приходится много; пусть лучше вира будет употребляться на оружие и коней». Владимир согласился и на это, т. о. отменил смертную казнь и опять восстановил виры[2]. Не будем строго осуждать древле–русских архиереев за то, что они дали Владимиру совет, по-видимому, столь несогласный с духом религии любви и мира. Быть может, разбои были слишком наглы и бесчеловечны; быть может, эти умножившиеся разбойники (по весьма вероятной догадке г. О. Миллера) были не кто иные, как киевляне, не захотевшие креститься, и убежавшие из города по боязни княжеского гнева,

[1] О церковном уставе Владимира см. Преосв. Макария, История Русской Церкви. т. I. стр. 118–138; 267–278.

[2] Макария, История Русской Церкви. т. I. стр. 144. Полное Собрание Русских летописей. I. 54.

следовательно, враги не только общества, но и христианской веры, поэтому самому наиболее антипатичные архиереям; быть может, греческое уголовное законодательство подсказывало епископам такое суровое отношение к преступникам[1]. Как бы то ни было, но довольно того, что архиереи сами скоро раскаялись в своем суровом совете, и сами же предложили Владимиру возвратиться к более мягким мерам наказания преступлений.

Скупая на всякого рода известия летопись не говорит нам ничего о других советах по делам общественным, даваемых Владимиру архиереями; но что такие советы были, в этом нельзя сомневаться. М. Иларион в похвальном слове Владимиру, говорит: «ты, часто собираясь с новыми отцами нашими, – епископами, – с великим смирением советовался с ними, как установить закон христианский среди людей, недавно познавших Господа»[2]. При неразрывной связи религии с жизнию общественною советы архиереев Владимиру необходимо должны были касаться и того, как перестроить весь строй общественной жизни согласно с началами христианства. Со свойственным ему гостеприимством Владимир собирал к себе архиереев во дни праздничные. В эти дни Владимир поставлял три трапезы, из которых первая была назначена для митрополита, епископов и духовного чина[3]. Что было говорено архиереями на этих духовных пиршествах, осталось неизвестным, но конечно беседа вращалась не около одних только отвлеченных вопросов христианского вероучения. По народным былинам *о Владимире и его богатырях* на пиршестве гостеприимного князя находится и владыка Черниговский. Он принимает довольно живое участие в том, что совершается пред его глазами, и пред поединком Алеши Поповича с Тугарином Змеевичем, держит заклад за Алешу[4].

Умер св. Владимир, «красное солнышко» земли русской, (15 июля 1015); умер после долгого и благополучного государствования и сын его Ярослав Мудрый († 1054), построивший Киево–Софийский собор и уставивший при нем митрополию. После Ярослава настало время удельных распрей; «сеялись и разрастались на Руси междоусобия; среда княжеских крамол сокращался век людской; в те времена редко русские равнины оглашались песнями поселян; но часто каркали вороны, деля трупы человеческие, и галки перекликались между собою. Русскому человеку приходилось горько жалеть, что нельзя

[1] Макария, История Русской Церкви. т. I. прим. 292.
[2] Филарета, Русские святые, чтимые всей церковью или местно, июнь. стр. 101.
[3] Филарета, Русские святые. июнь, стр. 103.
[4] И. П. Сахарова, Сказания русского народа. СПб. 1841. т. I, ч. IV.

старого Владимира пригвоздить к горам Киевским», т. е, сделать бессмертным[1].

Что же делали Киевские митрополиты и другие русские архиереи среди совершавшихся пред их глазами удельных распрей? Равнодушными к этим распрям архиереи оставаться нс могли, во 1–х потому что от усобиц лилась кровь христианская и страдала паства; во 2–х потому, что княжеские договоры, которыми определялись взаимные отношения князей, скреплялись религиозным обрядом *целования креста*, и притом в присутствии архиереев или других духовных лиц. В 1096 г. Святополк и Владимир Мономах приглашают Олега в Киев следующими словами[2]: «поиди к Киеву, да поряду положим о русской *земле пред епископы и игумены* и пред мужи отец наших...». И хотя гордый Олег отвечал: «несть мене лепо судить епископом или игуменом или смердом нашим бояром», но самое приглашение указывает на существовавший обычай заключать договор в присутствии духовных лиц. Иначе впрочем и быть не могло, так как торжественное целование креста считалось самым существенным действием при заключении договора. Увы! и этот символ вечного спасения христиан – *честный и животворящий крест*, большею частию оказывался недостаточным, чтобы сдержать в пределах справедливости и умеренности князей со взволнованными и разнуздавшимися страстями[3].

При всем том мы встречаем не особенно много известий о деятельности архиереев среди княжеских распрей. Много усобиц начиналось и оканчивалось без того, чтобы архиереи становились к ним в какое-нибудь определенное и отмеченное летописцем отношение. Самая простая причина этого явления – та, что почти все митрополиты Киевские в до–монгольский период (20 из 23) были греки; греки же были многие епископы, восседавшие на других русских кафедрах. Архиерею, греку, прибывшему на Русь из Византии, естественно нужно было употребить много времени, чтобы выучиться по-русски, приглядеться к русским нравам и обычаям, ознакомиться со своими пасомыми, и в этом проходила наибольшая часть святительского служения. Но эта причина довольно безучастного отношения русских архиереев к княжеским распрям далеко не главная и не единственная. Если бы на месте православных

[1] Слово о Полку Игореве.

[2] Никон. лет. под 1090 г. в Собрание Русских летописей. IX, 125.

[3] Под 1146 г. находим в летописи пример особенного заклятия, употребленного епископом в дополнение к крестному целованию. «Епископ же Черниговский Онуфрий пресвитерам своим рече: *аще кто сего целования* (Давидовичей к Игорю) *соступит, да проклят будет Господскими 12 праздниками*. И по мале дний соступиста Давидовича крестное целование». Н. М. Карамзина, История Государства Российского. прим. 290.

архиереев были римские бискупы, они конечно поспешили бы воспользоваться всякою усобицею для посильного осуществления своей идеи о теократическом государстве. Но православные архиереи были слишком честны, прямодушны и преданиями православия не приучены к тому, чтобы среди бедствий паствы преследовать какие-либо своекорыстные клерикально–политические тенденции. Они умели только молиться и возлагать надежду на Бога, что Он устроит судьбу Руси к лучшему. Иного почти и не оставалось делать в ту мрачную эпоху, когда идеал правильного государственного устройства был еще не выработан, а перемена того или другого киязя на том или другом княжеском престоле для общего блага Руси в сущности почти ровно ничего не значила. Одного только могли желать русские архиереи, чтобы по возможности меньше лилась кровь христианская. Поэтому всюду, где они выходят на политическую арену, они являются в качестве миротворцев и врагов кровопролития. Так в 1135 г. м. Михаил успел примирить враждующих в. князя Ярополка и Ольговичей, убедив великого князя отдать Ольговичам то, чего оии требовали (т. е. отчину их, города по Сейму). Ольговичи подступили уже под самый Киев; Ярополк с большим войском готов был их отразить, как мир был заключен *ходячю межи ими честному митрополиту Михаилу с крестом*[1]. В 1138 г. 8 ноября умер Ярополк, великий князь Киевский. Место его занял брат его Вячеслав, *и благослови его пресвященный Михаил, митр. Киевский и всея Руси*. Не прошло еще трех недель, как на Киевский престол явился новый претендент в лице Всеволода Ольговича, который, подступив к Киеву с большими силами, послал сказать Вячеславу: «поиди добром из града Киева». Что было делать? Вячеслав, по совету митрополита, во избежание кровопролития, согласился без боя уступить своему сопернику; *преосв. же Михаил, м. Киевский и всея Руси, смири их и утверди их крестом честным*[2]. В 1149 г. воевали между собою Юрий Долгорукий и племянник его Изяслав, великий князь Киевский. Так как великий князь находился тогда в Переяславке, то дело миротворца взял на себя Евфимий, епископ Переяславский. «*Княже*», говорил Евфимий Изяславу, «*мирися с дядею своим, да благо будет ти от Христа Бога и державу свою избавиши от великих бед*». Изяслав не послушался неоднократных внушений епископа, и потерпел решительное поражение[3].

Любовь к миру и отвращение от кровопролития простирались в русских архиереях до такой степени, что они предлагали мир и забвение обид даже

[1] С. М. Соловьева, История России. II, 108, прим. 204.
[2] Никон. Летопись под 1138 г. в Собрание Русских летописей. IX, 163.
[3] Никон. Летопись под 1149 г. в Собрание Русских летописей. IX, 180.

там, где справедливость требовала бы наказания за преступление. Самые возмутительные события в истории княжеских отношений удельного периода были: ослепление Василько (1097 г. нояб. 6) и убиение Игоря (1147 г. июня 5). Василько ослеплен был безвинно, будучи вероломно захвачен в области Святополка, кн. Киевского, по наущению Давида, кн. Волынского; ослеплен чрез неколько месяцев после любечского съезда, на котором князья клялись во взаимном доброжелательстве. Это было, по словам Мономаха, такое зло, какого еще не бывало в русской земле. Князья, непричастные этому элому делу (Владимир, Олег и др.), решились наказать виновников, и подступили с войсками к Киеву, грозно требуя у Святополка отчета, зачем ослеплен Василько. Святополк испугался и хотел бежать. Тогда митр. Никифор принял на себя обязанность миротворца. Убедивши Святополка, чтобы он принес покаяние в своем злом деле, митрополит отправился к князьям мстителям с такими речами[1]: «*не мозите погубити русския земли; аще бо сотворите рать межи собою, погании имут радоватися, и возмут землю нашу, юже беша стяжали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбръством, поборающе по русской земле, и иныя земли приискиваху; а вы хощете погубити русскую землю, и за то и в настоящем, и в будущем страдати имате; но сотворите межи собою мир и блюдите земли русския содного, а брань творите и боритеся с погаными*». Речь митрополита[2] достигла своей цели; дело обошлось без кровопролития.

Убиение Игоря Ольговича не менее возмутительно, как и ослепление Васильково. Этот несчастный князь, лишенный престола, взятый в плен и постриженный в монашество в киевском Феодоровском монастыре, был убит разъяренными киевлянами, которые порешили, что добром нельзя разделаться с потомством Олеговым. Родственники убитого Игоря, конечно – судя по человечески, имели достаточное основание для того, чтобы злобиться на киевлян и киевского князя за смерть Игоря и готовиться к отмщению при первом удобном случае. Но тут опять является высшее духовенство со своим примирительным влиянием. Епископ белгородский Феодор и печерский игумен Феодосий, по поручению Изяслава, князя киевского, отправляются к князьям черниговским и приводят их к крестному целованию, что они отложат всякую вражду за Игоря и не будут впредь злоумышлять на великого князя[3].

---

[1] Никон. Летопись под 1097 г. в Собрание Русских летописей. IX, 132.

[2] Это тот самый митр. Никифор, который писал нравоучительное послание Владимиру Мономаху. См. Макария, История Русской Церкви. II, 155, 162.

[3] Соловьева, История России. II, 157. Еще подобный факт. В 1228 г. митр. Кирилл увещевал Владимира Рюриковича не мстить Даниилу Романовичу за то, что отец Даниила

Архиереи были врагами кровопролития и тогда, когда подобного рода миролюбивые тенденции подвергали их некоторым неприятностям. В 1135 г. митр. Михаилу пришлось быть в Новгороде в то время, когда новгородцы сбирались идти войною на Ростов и Суздаль. Митрополит всячески старался отговаривать новгородцев от кровопролития и, когда они не слушались, сказал: *аще преслушав мене поидете на Суздаль и на Ростов, неугодно вам будет; аще бо и грешен есмь, но и мене грешнаго услышит Господъ Бог, молящася Ему со слезами*[1]. Новгородцы стали негодовать на митрополита, задержали его у себя до конца похода и уже потерпев неудачу, позволили ему возвратиться в Киев. – Отвращение от кровопролития в архиереях было так велико, что они в случае надобности готовы были принять на себя грех нарушения крестного целования, чтобы только отстранить кровопролитие. Такой случай представился в 1195 г., когда Всеволод суздальский потребовал у Рюрика киевского тех городов, которые Рюрик уже отдал своему зятю Роману, закрепив свой договор крестным целованием. Положение Рюрика было затруднительно: отнять города у Романа, значило нарушить крестное целование; не исполнить требования Всеволода, значило навлечь на себя нападение могущественного врага. В таких затруднительных обстоятельствах Рюрик обратился за советом к митрополиту, и митр. Никифор отвечал следующее: *княже, мы есмы приставлены в русской земли от Бога востягивати вас от кровопролития,... ныне аъ снимаю с тебе крестное целование и взимаю на ся, а ты послушай мене, возми волость у зятя своего, дай же старшему; а Романова даси иную в тоя место*[2]. Рюрик так и сделал.

Только в одном случае русские архиереи отступали от своего обычного миролюбия; именно, когда дело шло о борьбе с иноплеменниками, нападавшими на русскую землю. Мы видели выше, что митр. Никифор I в 1097 г., убеждая русских князей не мстить за ослепление Василька, в заключение говорит: *сотворите межи собою мир,… а брань творите с*

Роман лет 25 тому назад насильно постриг в монахи отца Владимирова Рюрика. Увещания были тщетны. *Такия дела не забываются*, говорил мстительный Владимир. Карамзина, История Государства Российского. II, 154, прим. 326.

[1] Никон. Лет. под 1135 г. в Собрание Русских летописей. IX, 159.

[2] Ипатьевой лет. под 1195 г. Соловьева, История России. II, 319. Подобный случай был и в 1127 г., когда Мстислав, кн. Киевский, согласно своему крестному целованию, должен был вооруженною рукою поддерживать Ярослава Святославича против племянника его, Всеволода. Тогда, за отсутствием митрополита, андреевский игумен Григорий обратился к Мстиславу с увещанием, что лучше преступить крестное целование, чем проливать кровь христианскую. «И совокупи весь собор ерейский, митрополита же в то время не бяшо, и рекоша Мстиславу: *на нас буди тот грех*. Мстислав же сотвори волю их, и преступи крест к Ярославу, и плакася того вся дни живота своего». Никон. лет. под 1127 г. в Собрание Русских летописей. IX. 154.

погаными. В 1189 г митр. Никифор II мирил русских князей (Святослава и Рюрика) и советовал им бороться с католиками Венграми, которые завладели Галичем. «*Се иноплеменницы отняли отчину вашю*»; говорил митрополит, «*лепо вы бы потрудитися*»[1]. В 1169 г. по случаю неудачного набега Половцев на Плон (Полонное), митр. киевский Константин с сыном своим кн. киевским *с великою радостию* благодарственно воспеша[2]. Но зато не было большего огорчения для архиереев, как то, если князья делали половцев участниками в своих удельных распрях. Под 1138 г. читаем, что князь киевский Ярополк с большими войсками пошел на князей черниговских. Князья черниговские – Ольговичи, хотели бежать к Половцам, конечно с тем, чтобы опять возвратиться в свою землю с полчищами этих варварских союзников, но епископ остановил князей такими словами: *аще поежите в Половци, то власть свою погубите, и вспять не можете возвратитися, тако сотворивше. Писано бо есть: Бог гордым противится, смиренным же дает благодать... Смиритеся убо с вел. кн. Ярополком*. Слова эти произвели желаемое действие. Старший из Ольговичей, Всеволод, отвечал; «права и истинна есть словеса твоя, отче святый; буди тако, якоже глаголал еси»[3].

Посильное миротворение было единственною политическою программою дровле–русских архиереев. Не видно, чтобы у них были какие–либо любимые политические идеи, какие–либо симпатии или антипатии к тем или другим князьям; не видно напр. чтобы в борьбе Олеговичей и Мономаховичей, или Мономаховичей старшей и младшей отрасли (потомков Мстислава и Юрия), архиереи становились на ту или на другую сторону. Одно было постоянное правило древле–русских архиереев при всех политических переменах; печаловаться за слабых и угнетенных. Так в 1101 г., когда Святополк князь киевский взял в плен восставшего против него племянника Ярополка и заключил его в оковы; то митрополит стал умолять князя позволить племяннику жить в Киеве на свободе, *и сняша с него* (Ярополка) оковы *и пустиша его, укрепивше крестным целованием и раками св. страстотерпец Бориса и Глеба*[4]. Так когда киевляне хотели убить Игоря Ольговича, то митр. Климент усердно, хотя безуспешно, умолял их пощадить несчастного князя –

[1] Ипатьевск. лет. под 1189 г. Соловьева, История России. II, 315.

[2] Никон. лет. Под 1169 г. Соловьева, История России. IX, 237.

[3] Никон. лет. под 1138 г. в Собрание Русских летописей. IX, 169.

[4] Никон. лет. под 1101 г. в Собрание Русских летописей. IX, 137. Соловьева История России. II, 72. Пред ослеплением Василька печаловались за него киевские игумены; отсутствие же ходатайства митрополичьего объясняется тем, что митрополита не было тогда в Киеве. *Уведаша игумени и начаша молитися о Васильке Святополку, а митрополиту сущу тогда в Синелице граде.* Собрание Русских летописей. IX, 130.

инока[1]. Так, когда Юрий Долгорукий хотел выдать Ярославу галицкому несчастного двоюродного брата его Ивана Берладника на верную гибель, то митрополит стал говорить Юрию: *грех ти есть, целовавши к нему крест, держати в толицей нужи, а и еще хощеши выдати на убийство*, и Юрий послушался митрополита[2]. Так митр. Никифор ходатайствовал пред киевским князем Рюриком за восставшего против него зятя его Романа, и, по ходатайству митрополита, Роман снова получил волость[3].

Любовь архиереев к миротворетву, а может быть и уменье миротворить были причиною того, что князья отправляли иногда епископов в качестве послов для мирных переговоров. Конечно, это бывало не часто, в особенно важных случаях: обыкновенно же являются послами в удельный период бояре и священники. Кроме указанных выше, нам известны следующие случаи посольства епископского: в 1210 г. митр. Матфей ездил ко Всеволоду суздальскому послом от Ольговичей[4]; в 1187 г. черниговский епископ Порфирий ездил в Суздаль ходатайствовать пред Всеволодом за князей рязанских и совершил это ходатайство при помощи Владимирского епископа Луки[5]; в 1206 г. смоленский епископ Михаил ездил к тому же Всеволоду ходатайствовать о прощении своего князя[6]; в 1288 г. епископ перемышльский Мемнон ездил ко Владимиру Васильковичу Волынскому от Льва Даниловича Галицкого просить бретскаго удела *на свечу для гроба Даниилова* и т. д.[7].

Не легко бывало архиереям быть миротворцами, особенно не легко, потому что не видно было полезных следствий. Митр. Михаил, который всего более любил быть миротворцем, наскучив непрерывными волнениями, удалился в 1156 г. в Константинополь и не возвращался. «Отшедшу же преосв. Михаилу, митр. киевскому и всея Руси к патриарху в Царьград, (говорит об этом летопись) и тамо ему сущу, *услыша наипаче многи волны и которы в Киеве и всей русской земле и того ради не приложи возвратитися на свой стол в Киев*»[8].

---

[1] Никон. лет. под 1147 г. в Собрание Русских летописей. IX, 178. Соловьева, История России. II, 175.

[2] Ипатьевск. лет. под 1156 г.

[3] Соловьева История России. II, 322.

[4] Соловьева История России. II, 346.

[5] Соловьева История России. II. 348.

[6] Соловьева История России. II. 352.

[7] Карамзина, История Государства Российского. IV, прим. 175.

[8] Никон. лет. под 1156 г. в Собрание Русских летописей. IX, 205. Случалось также, что гнев князя на известную область, обрушивался на епископа, предстательствовавшего за свою паству. Так было с рязанским епископом Арсением в 1208 г. Соловьева, История России. II, 351.

Справедливость требует заметить, что летописи сообщают нам два случая непохвального участия архиереев в делах политических. Так, митр. Константин Грек, прибывший в Киев в 1156 г., проклял память покойного великого князя Изяслава Мстиславича, желавшего установить самостоятельную, независимую от константинопольского патриарха, русскую иерархию. Но вероятно впоследствии совесть мучила митр. Константина, что доказывается его странным завещанием, в котором он просил лишить себя чести погребения[1]. Так в 1164 г. черниговский епископ Антоний играл весьма двусмысленную роль в истории взаимных отношений князей черниговских, но зато летопись и отметила о нем: епископ Антоний[2] «молвляше, лесть тая в собе, бяше бо родом гречин».

Удельные междоусобия продолжались до самого татарского нашествия. Миролюбивое вмешательство архиереев мало могло ослаблять эти распри. Нашествие татар дало нашим предкам более действительное нравоучение. Под тяжестию громадного общего бедствия стали стихать княжеские ссоры и перекоры. Заря лучшего будущего стала появляться в Москве. Московские государи, справедливо названные *собирателями земли русской*, стали объединять под своею державою всю Русь, чтобы тем удобнее избавить ее от ига татарского. Русские митрополиты, со времен св. Петра (1325 г.) поселившиеся в Москве, а вслед за ними и другие архиереи, скоро усвоили новый политический идеал, обещавший России лучшее будущее, и усердно стали помогать московским государям в объединении Руси. Началась новая эпоха в истории участия архиереев в делах общественных, эпоха, – изображение которой уже не составляет задачи настоящего очерка. Видим впрочем и в эту эпоху остатки прежнего исключительно примирительного участия архиереев в княжеских отношениях. Под 1296 г. читаем: «бысть нелюбье межи князи: Андреем, великим князем, Иваном переяславским, Данилом московским и Михаилом тверским: и сведе их на любовь владыка Симеон и владыка Измайло». Под 1301 г.: «заратися Иван князь, да Константин, смири их владыка Симеон». В 1480 г. рознь, возникшая между вел. кн. Иваном Васильевичем и братьями его Андреем и Борисом прекращена посредничеством митр. Геронтия, архиепископа Вассиана и Троицкого игумена Паисия[3].

[1] Карамзина, История Государства Российского. II, 168. 174.

[2] Карамзина, История Государства Российского. II, 181, прим. 406.

[3] В. И. Сергеевич, Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М. 1867, стр. 136.

Но эти примеры – только запоздалые остатки архиерейской примирительной деятельности прежнего периода.

II.

Владыка вольнаго Новгорода принимал гораздо большее участие в общественных делах своей паствы, чем все другие древле–русские архиереи, взятые в сложности.

Обширное участие в делах общественных было приобретено владыками новгородскими не с самого учреждения епископской кафедры в Новгороде. Первые 8 новгородских епископов (Иоаким Корсунянин, Лука Жидята, Стефан, Феодор, Герман, Никита, Иоанн Попин и Нифонт), присылаемые в Новгород из Киева и избираемые отчасти из иноков печерского монастыря, – судя по летописям, – принимали слабое участие в делах гражданских, за исключением разве последнего из них Нифонта. В 1156 г. по смерти владыки Нифонта в первый раз избран был на новгородском вече новый епископ Аркадий. С этого времени начинается период значительного участия владык в делах гражданских, продолжающийся 325 лета, (1156–1480) до самого падения Новгорода и объемлющий собою времена управления одного епископа (Аркадия) и девятнадцати архиепископов (Иоанна–Илии, Григория–Гавриила, Мартирия Рушанина, Митрофана, Антония, Спиридона, Далмата, Климента, Феоктиста, Давида, Моисея, Василия–Григория, Алексея, Ивана Хутынского, Симеона–Сампсона, Евфимия–Емилиана, Евфимия II, Ионы и Феофила); не считая нареченных владык: Арсения (1223–25) и Феодосия (1422–24). Все вышеисчисленные владыки, как урожденные Новгородцы и как избранники Новгородского веча, отличались горячим патриотизмом и усердием ко благу Новгорода; вольный Новгород стоял в то время на высокой степени могущества и пользовался почти полным самоуправлением; оба эти обстоятельства содействовали развитию широкого участия владык в делах общественных.

Так как основою этого участия служило народное избрание владыки на вече, то скажем, прежде всего, несколько слов о самом избрании.

В избрании владыки принимали участие князь, (когда был в Новгороде), посадник, тысяцкий, игумены, попы, Софьяне (т. е. лица, принадлежащие к собору Софии и ко двору владычнему) и многонародное множество новгородцев; вообще избрание владыки принадлежало к числу дел, решаемых на вече, в котором могли принимать участие все граждане Новгорода, и которое на этот раз собиралось близ Софийскаго собора.

Было два способа избрания: 1) без жребия и 2) по жребию. Первый способ был наиболее употребителен в древние времена Новгородской жизни. Он состоял в том, что представители веча, «много думавше и гадавше», останавливались наконец на одном кандидате, которого и признавали достойным епископской кафедры. Впрочем, избиратели думали, что их избранник потому и избран, что предопределен для епископства самим Богом, почему и называли его *мужем, от Бога назначенным*. Этимъ способом были избраны: Аркадий, (1–й владыка этого периода), Иоанн–Илья (2–й), Григорий–Гавриил (3–й), Антоний (6 й), Арсений, (временно исправлявший должность епископа), вероятно, Далмат (8–й), Климент (9–й) Феоктистъ (10–й), Давидъ (11–й), Моисей (12–й), Григорий–Василий (13–й); всего 11 владык.

Но так как вече не всегда могло остановиться на одном избраннике, так как весьма легко могло явиться разногласие, то естественно должен был возникнуть новый способ избрания: *по жребию*. Он состоял в том, что избиралось три кандидата; имена их писались на трех совершенно одинаких жребиях и полагались на престоле в храме св. Софии; потом, по совершении литургии, преемственно выносились к народу, дожидавшемуся на вече, два жребия, которые признавались отвергнутыми от св. Софии; последний жребий, оставшийся на престоле, содержал в себе имя будущего владыки. Жребий брал при избрании Мартирия слепец; при избрании Спиридона малолетний княжич Ростислав; во всех остальных случаях протопоп Софийского собора. Этот способ избрания предпочитался первому, потому что здесь яснее открывалось указание божественного промысла; избиратели, – говорит летописец, – «не восхотеша от человек избрания, но восхотеша от Бога прияти извещение». Сама св. София отвергала от своего престола двух кандидатов и изволяла принят третьего себе служебником. Способ избрания по жребию, возникши в 1193 г., по поводу споров при избрании Мартирия, сделался особенно употребителен в позднейшие времена Новгородской жизни. Этим способом избраны: Мартирий (4–й, влад. этого периода), Спиридон (7–й), Алексей (14–й), Иван II (15–й), Симеон–Сампсон (16–й), Феодосий, временно исправлявший должность владыки, Евфимий I (17–й), Евфимий II (18–й), вероятно, Иона (19–й) и Феофил (20–й) – всего 10 владык[1].

[1] Совершенно исключительный случай представляется при избрании Митрофана (3–го владыки). В 1199 г. владыка Мартирий, отправляясь к в. князю по делам Новгородским, на дороге умер, тогда в. князь Всеволод (Большое гнездо) сам распорядился выбором ему преемника, и назначил Митрофана. Не смотря на то, что кажется этот самый Митрофан 6 лет тому назад, самими новгородцами был поставляем в числе кандидатов на владычество, новгородцы вероятно не ласково посмотрели на него, когда он явился владыкою помимо народного избрания, и впоследствии низвели его со владычества.

Все владыки Новгородские до избрания своего принадлежали к клиру Новгородской епархии. Трое из них (Иоанн–Илья, Григорий–Гавриил, Василий–Григорий) были белые священники; остальные были чернцы[1]. Все владыки были природные Новгородцы; два раза в числе кандидатов были греки, но жребий не падал на них[2].

Какъ скоро избранный владыка с поклоном и честию был возводим на владычний двор, тотчас – еще до посвящения, – начиналось его постоянное участие в делах общественных.

И во первых – *во внешней политике Новгорода*. Владыке принадлежало руководительное влияние на внешнюю политику. Все важные политические дела, как то: заключение договоров с другими державами, принятие князя, объявление войны, заключение мира совершалось не иначе, как с согласия владыки и по его благословению. Мы видим, что все вообще договорные грамоты Новгорода с другими державами начинаются следующею формулою: *благословение от владыки* или – если грамота составлялась после войны: по благословению пресвященного архиепископа В. Новгорода и Пскова, владыки (имя рек)... и проч. Что эта формула была не пустым словом, это доказывается, напр., следующим местом из летописи: «тоя же осени (1398 г.) *по владычню слову и благословению*, по Иванову,... взяша мир с князем в. по старине» (Собр. рус. лет. IV, 141; см. также III, 100). Об участии владыки в приеме князя мы находим, напр., такое свидетельство летописи: в 1419 г. «прииде в Новгород с Москвы князь Константин Дмитриевич: милостию Божиею *и архиепископа Симеона благословением* прияша Новгородца в честь» (Собр. рус. лет. III, 109). Очень часто (как увидим ниже) владыка сам ездил приглашать в Новгород князя. Об участии владыки в объявлении войны летопись говорит нам, что в 1406 г., когда Псковичи звали Новгородских воевод идти войною на Литву, эти последние отвечали: «нас владыка не благословил идти на Литву» (Собр. рус. лет. IV, 197). В 1398 г., по случаю разлада с в. кн. Василием Димитриевичем, Новгородцы били челом своему владыке: «благослови, господине отче владыко, поискати св. Софии пригородов и волостей», и владыка Иоанн благослови своихъ детей, рекъ им тако: «пойдите св. Софиа пригородов и волостей поищите, а своей отчины». (Собр. рус. лет. III, 99). Об

[1] Антоний (6–й) Арсений, Алексей (14–й), Сампсон–Симеон (16–й) Емилиан–Евфимий (9–й) были простые чернцы; Спиридон (7–й) и Феофил (20–й) были диаконы: остальные священноиноки и игумены, —в том числе Климент (9–й) и Давид (11–й) духовники прежних владык.

[2] В 1423 г. был наречен на владычество Феодосий, уроженец чуждой области, *шестник*: но новгородцы скоро (еще до посвящения Феодосия) свели его со владычня дворя, приговаривая: *не хотим шестника владыкою*.

участии владык в заключении мира летопись сообщает весьма много свидетельств: напр., под 1386 г. записано, что Новгородские послы докончали мир с Димитрием Донским *по владычню благословению*, а по Новгородскому поклону, (Собр. рус. лет. IV, 94. см. также III, 100; IV, 211). В псковской летописи под 1434 г. записано: «послании псковичи послы в В. Новгород миру имать, и помилова Бог и св. София, *и владычне благословение*, Псковское челобитье приняли и взята мир по старине» (Собр. рус. лет. IV, 208). В 1449 г. *по благословению архиепископа* В. Новгорода и Пскова, Псковичи и Новгородцы взята мир на полтретьядцать летъ с кн. Мостером Гизским и пр. (Собр. рус. лет. IV, 204; см. также II, 204; V, 221.)

Уважение Новгородцев к своему пастырю, вера в его мудрость, святость и патриотизм, были причиною того, что владыке предоставлялось руководительное участие во внешней политике. При допущении владыки к суждениям о войне и мире не мало значило также и то, что у владыки был свой полк, содержавшийся на его иждивении и находившийся в его распоряжении. Как велик был этот полк, мы не знаем: но должно быть он был довольно не мал, потому что в летописях бездействию владычнего полка приписывается неудача Шелонской битвы (Собр. рус. лет. V, 88).

С особенною силою руководительное влияние владыки на внешнюю политику Новгорода сказалось в 1465 г. Тогда, – по словамъ летописи, – «бысть рогоза псковичам с Новым городом *про владычню землю и воду*, что псковичи отняли у Новгорода, а били им (новгородцам) челом много, абы помогли против немцев, – и новгородцы не пособиша ни словом, ни делом». Наконец, псковичи принуждены были смириться», и послаша послы своя в Новгород, ркучи: *се вам воды и земля владычня, и вси оброки по старине*». Тогда Новгородцы «взята мир со псковскими послы, а владыка благословил» (Собр. рус. лет. IV, 229).

Соседние державы (особенно Псков и Москва) очень хорошо понимали руководительное влияние владыки на ход новгородской политики. По этому псковичи, когда имели нужду в Новгороде, прежде всего старались расположить владыку в свою пользу. В 1426 и 1431 годах псковичи, утесняемые литовцами, «*много биша челом владыке Евфимию* и всему Новгороду», но тщетно. (Собр. рус. лет. IV, 204; V, 27). Точно также и вел. князья иногда слитком ласкали владыку; иногда, оскорбляемые его постоянным сочувствием къ новгородской вольности, сильно гневались на него. В летописях часто читаем, что в таком–то году владыка (имя рек) был у в. князя в Москве *на чести* (Собр. рус. лет. III, 71). В договорных грамотах Новгорода с в. князем также находим следующее условие: *а что ты, княже,*

гнев на владыку,… то ти нелюбье отложити; а кто ти почнет вадити, тому веры не пяти. (Акт. Арх. т. I, № 91). Причины этой чести и этого нелюбья были, конечно, политические[1].

Давая направление новгородской политике, владыка в то же время был ее органом и посредником при сношениях Новгорода с другими державами и нередко отправлялся в качестве посла, особенно к великому князю[2]. Не трудно понять, почему это было так. В Новгороде владыка был единственный человек, который во имя своего священного сана мог говорить с князьями смело и свободно, не роняя чести новгородской. Послушаем, напр., как говорит вл. Алексей с князем Димитрием Донским, когда тот шел войною на Новгород и стоял уже в 30 верстах от города: «княже, тебе благословляю, а вел. Новгород весь челом бьет о мире, чтобы, господине, кровопролитья не было». (Собр. рус. лет. V, 93). Лучшего уполномоченного не могла найти для себя национальная гордость Новгородская. Со своей стороны и князья, уважая священный сан, находили сообразнее со своим достоинством сноситься со владыкою, чем с кем-либо из мужей новгородских. Владычня просьба льстила княжескому самолюбию. Так о Витовте говорится, что он заключил мир

[1] Когда Дим. Шемяка скрывался в Новгороде от преследований Василия Темного, то митр. Иона писал ко вл. Евфимию письмо с убеждением выдать Шемяку, (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. I, V, 372), след. преполагалось, что владыка может иметь в этом деле значительное влияние.

[2] Вот важнейшие случаи посольства владычнего. В 1172 г. владыка Иоанн I ходил к Андрею Боголюбскому, для устроения *на всю правду* (Собрание Русских летописей. III, 15). В 1199 г. вл. Мартурий отправился к вел. кн. Всеволоду за сыном (–V, 171). В 1222 г. вл. Митрофан идет к в. кн. Юрию за кн. Всеволодом (–III, 38). В 1240 г. вл. Спиридон идет к в. кн. Александру за сыном (–IV, 37). В 1255 г. вл. Далмат приглашает Александра Невского на престол в Новгород (–III, 56). В 1269 г. вл. Далмат возвращает в Новгород разгневанного Ярослава (–III, 61). В 1317 г. вл. Давыд идет к Михаилу Тверскому для выкупа заложников (–III, 72). В 1328 г. вл. Моисей идет в Псков к гонимому князю Михаилу Александровичу Тверскому, с предложением идти в орду (–III. 74). В 1333 г. вл. Василий ходил к Ивану Калите для мирных переговоров, (–III, 77). В 1540 г. вл. Василий ходил к в. кн. Симеону Гордому для мирных переговоров (–III, 80). В 1341 и 1346 годах, тот же владыка ходил к тому же князю звать его в Новгород (–V, 221; III, 88). В 1308 г. вл. Алексей ходил к в. кн. Димитрию Донскому для заключения мира по старине (–III, 99). В 1386 г. тот же владыка к тому же князю для мирных переговоров (–III, 94). В 1397 г. вл. Иванъ II–й ходил к в. кн. Василию Димитриевичу для мирных переговоров (–IV, 102). В 1428 г. вл. Евфимий I–й идет в Псковскую область для мирных переговоров с Витовтом (–IV, 201) В 1441 и 1456 годах вл. Евфимий II–й ходил к в. кн. Василию Темному для заключения договоров Демонского и Яжелбицкого (–IV, 211, 217). Наконец, в последнюю эпоху Новгородской независимости последний владыка Феофил многократно (в 1471,–72,–77 и–78 гг.) вступал в переговоры с в. кн. Иоанном III о делах новгородских (–IV, 242, 252, 258; –V, 36, 3 и т. д). Иногда вместо владыки в качестве посла отправлялся его уполномоченный. Так при договоре с шведами 1339 г. является от владыки сестричин его Матфей (–V, 221), при договоре с Витовтом в 1327 г. наместник владычний Парфей (–V, 26); при договоре с Дим. Донским 1386 г. два архимандрита и попов семь (–IV, 94).

владычня ради поклона (Собр. рус. лет. IV, 205), Точно также о Иоанне III–м в летописях неоднократно говорится, что «отчину свою пожаловал и винных людей помиловал *ради богомольца своего вл. Феофила*. «В частности московские князья находили для себя удобным иметь дело с владыкою, потому самому, что владыка стоял в иерархической зависимости от моск. митрополита, и след. не мог стать в окончательный разлад с Москвою; а Псков охотно сносился с владыкою, потому что чтил в нем своего собственного архипастыря. Наконец, сам владыка совмещал в себе все нужные условия, чтобы быть органом новгородской политики. Он был по тогдашнему времени человек наиболее просвещенный, по своему священному сану вестникъ мира и порука ненарушимости договоров, горячий патриот и отличный знаток положения дел новгородских.

Велико было участие владыки и *во внутренних общественных делах Новгорода*. Все древне-русские архиереи (как показано на первой странице настоящего очерка) заведовали многими судебными и административными делами, которые ныне подлежат гражданскому ведомству; но владыка новгородский заведовал и такими общественными делами, которые стояли вне круга деятельности других древле–русских архиерев. Владыке принадлежало право *утверждения* дарственных записей и *жалованных грамоъ*. Так, напр., жалованные новгородские грамоты Соловецкому (Акт. Арх. I, № 62) и Троицко Сергиеву монастырю (–№ 104) писаны по благословению владычню и закреплены владычнею печатью.

Владыка хранил и копил общественную казну Новгорода, которая расходовалась новгородцами в случае какой-нибудь важной общественной надобности. Так в 1364 году при вл. Алексие новгородцы «поновиша город каменный детинец вземше сребро у св. Софии *из палаты владычни Моисеева копления*»; (Собр. рус. лет. III, 228); а в 1391 г. при владыке Иване «после пожару взяли у св. Софии с полатей сребра 10000 *скопления владычня Алексия* архиепископа» (–III, 233)[1].

Такъ как владыка был хранителем общественной казны, то естественно, что новгородцы просили его благословения и разрешения при всяком общественном предприятии, требовавшем выдачи денег. Так в 1352 г. «добиша челом новгородцы вл. Василию: чтобы еси, господине, ехал, нарядил *костры* в

[1] Вот еще приводимые в летописях случаи пользования казною Софийскою: в 1386 г. новгородцы взяли из Софийской казны 3000 руб. (Собрание Русских летописей. IV, 94); в 1387 г. – сколько нужно было для построения крепости в Порхове (–IV, 138); в 1428 г. – 6000 руб. (–III, 110), а по другому варианту 15000 руб. (–V, 26); в 1441 г. – 8000 р. (–III, 113); в 1456 г. – 5000 р. (–IV, 132).

Орехове; и он ехав костры нарядил» (Собр. рус. лет. III, 85). В 1334 г. вл. Василий «заложи с своими детьми, с посадником и тысяцким и со всеми новгородцы *острог каменъ* по оной стороне от Ильи святого к Павлу святому» (–III, 77). В 1333 г. владыка каменный город покрыл. В 1387 г. «благослови вл. Алексей Новгород ставити порхов камень; и поставиши город камень» (–IV, 138).

Так как владыка, благодаря щедрости новгородцев был богатый землевладелец и имел свою значительную казну, то нередко он производил траты на общественные предприятия из своих сумм. Так в 1400 г. «приеха вл. Иван в Псков и повеле посаднику наняти наймитов ставити костер над Псковою, *а владыка свое сребро дал*» (Собр. рус. лет. IV, 195). В 1477 г. «приеха вл. Феофил в Псков и часы повеле своим мастером поставити самозвоныя на светогорском дворе». (Собр. рус. лет. IV, 254)[1].

***

Все, что говорено было нами выше об общественной деятельности владыки, относится ко временам мирной и благополучной жизни Новгорода. Но не всегда Новгород жил благополучно; нередко постигали его и физические бедствия, и внутренние смуты и разногласия, и политические несчистия, т. е. притеснения от сильных соседей. И тогда–то, в трудные минуты новгородской жизни владыка выступал преимущественно с характером полезного общественнаго деятеля и оказывал своей пастве услуги незаменимые.

1) Деятельность владыки во время физических бедствий, постигавших Новгород и Псков.

Физические бедствия, – как–то: голод, мор, пожары и проч. в древней Руси были более страшны и опустошительны, чем в настоящее время. Незнакомство с естественными науками и свойственная русскому народному характеру беспечность не позволяли нашим предкам принимать нужные предохранительные и предостерегательные меры против возможных и действительных бедствий. Не было ни карантинов на случай мора, ни хлебных магазинов на случай голода, не могло быть громоотводов на случай грозы и т. д, и не давалось никаких врачебных пособий при повальных болезнях. Поэтому бедствия, ничем не предупреждаемые и не противодействуемые,

[1] Быть может к этому же ряду фактов относится след. известие летописи: в 1268 г. новгородцы, сбираясь в поход на Ливонию, «изъискаша мастери порочные, и начата чинити пороки *во владычни дворе*» (Собрание Русских летописей. III. 59).

развивались обыкновенно до страшных размеров, о каких мы не можем иметь понятия в настоящее время. Голод являлся иногда в том виде, как он записан под 1130 г.: «изби мраз на Воздвижение Ч. Креста обилье по волости нашей и оттоле горе уставися велико... и разъидеся град наш и волость наша, и полни быша чужия грады и страны братьи нашей и сестр, а останок почата мерети: и кто не прослезится о сем, видяще мертвеца по улицам лежащя и младенца от пес изведаемы? (Собр. рус. лет. III, 46). Пожары иногда бывали такъ часты и сильны, что люди не смели жить в домах, но скиталась по полю (–III, 81). Мор бывал так силен, что один здоровый приходился на десять больных и умирающих; иные дворы вымирали совсем, в иных оставалось по одному, по два человека (–IV, 115); во время мора, известного подъ именем *черной смерти*, в Пскове, священники не успевали хоронить умерших, – на кладбищах не было места для погребения, – так что принуждены были хоронить на полях, вдали от церкви; испуганные Псковичи думали, что вся область вымрет без остатка. В таких трудных случаях безоружные против бедствий Новгородцы и Псковичи естественно искали утешения в религии и прибегали к своему владыке, как представителю религии и ходатаю о них пред Богом. Псковичи, имевшие обыкновение постоянно ссориться с владыкою по вопросу о подъезде и церковном суде, – в случае бедствия сами посылали за владыкою, надеясь спастись его предстательством (Собр. рус. лет. IV, 62. 64. 96). И действительно во время физических бедствий владыка оказывал своей пастве услугу незаменимую. Он возбуждал упадший дух народа и поддерживал в нем нравственыую энергию, необходимую для благодушного перенесения бедствий – чрез учреждение торжественных процессий, крестных ходов, постов, построение обыденных церквей и т. п. действия, имевшие целью смягчение гнева Божия и умилостивление Божества. Исчислим некоторые примеры такой деятельности владыки во время бедствий. В 1342 г. по случаю частых пожаров «владыка с игумены и попы замысли пост и хождаху с кресты по монастырем и по церквам, весь град, моляще Богу и пресвятей Богородицы, дабы отвратил от нас праведный гнев свой» (Собр. р. лет. III, 81). В 1361 г. «бысть мор силен в Плескове, и прислаша послове Псковичи ко владыце с мольбою и с челобитьем, чтобы ехал в Плесково, а их бы благословил, и вл. Алексей послуша мольбы их и моления, пришедши благослови их от велика даже до убога; и абие обходи со кресты весь град Псков, и литургии *три* сверши в св. Божиих церквах» (Собр. рус. лет. III, 87). Тоже самое почти – в 1352, 1389 и 1390 г. (–III, 85. 95. IV, 96). В 1417 г. во время страшного мора, «вл. Симеон со всею 7 соборов и с христианы, с кресты обходи около всего города, моляся Богу и преч. его матери о престатии гнева

Божия; а христиане, ови на конех, ови пеши из леса бревна привозив, поставиша церковь св. Анастасии в память ея; и свяща ю арх. Симеон, того же дни и святи ю, и литургию сверши; а в остаточных бревнах поставиша церковь св. Илии» (Собр. рус. лет. III, 107) и пр. Наконец, в 1421 г. 19 мая во время страшной грозы с проливным дождем и даже – по словам летописи, – с камнями, являющимися из облака, «вл. Симеон вшед в церковь св. Софии с иереи и крилошаны повеле молебен пети пр. Богородице за весь род христианский о престатии гнева Божия» (Собр. рус. лет. III, 109. 139). Несомненно то, что устрояемые владыкою церк. процессии весьма благотворно действовали на поддержание в народе мужества и духовной энергии. Люди все-таки не сидели сложа руки, уныло дожидаясь грядущих бедствий, как неизбежного и неотразимого зла; они все-таки предпринимали некоторые меры к пресечению бедствий в их первой причине, и надежда на успех этих средств и на возвращение милости Божией давала им возможность силою духа преодолевать физические бедствия. Благотворные следствия возбуждения духовной энергии сказывались очень скоро. После рассказа о торжественных процессиях, совершаемых владыкою, почти всюду читаем: «и оттоле лучши нача бывати милость Божия, абие преста мор!» (Собр. рус. лет. III, 87) или: «Божиею милостью и св. Софии стоянием, и владычним благословением преста мор»; или: «и молитвою владычнею преста мор» (–III, 95).

Должно заметить, что владыка не ограничивался богослужебно обрядовыми процессиями, но принимал иногда и внушаемые практической мудростию меры для пресечения бедствий. Так в 1230 г., когда люди умирали от голода и непогребенные трупы валялись по улицам, вл. Спиридон, опасаясь, чтобы гниение трупов не произвело заразы, устроил скудельницу у св. апостол и выбрал надежного приставника для погребения трупов, которых оказалось 3030 (Собр. рус. лет. III, 46). Так в 1338 г., когда сильное наводнение разрушило волховский мост, «делаша мост нов повелением влад. Василия; сам бо владыка пристал тому и почал, и кончал своими людьми, и много добра сотвори Христианом» (Собр. рус. лет. III, 78).

Никакая деятельность владыки не располагала так сильно в его пользу общественное мнение Новгорода, как его деятельность во время бедствий. Народ считал его ангеломъ–хранителем Новгорода, предстателем и молитвенником пред Богом и спасителем от гнева Божия, выражающегося в физических бедствиях. Но не дешево доставалось владыке это уважение паствы. Много нужно было самоотвержения, что бы напр. из безопасного Новгорода идти в зачумленный Псков и совершать там торжественные

молебствия, при полной возможности самому стать жертвою смерти. Влад. Василий, будучи позван в моровой Псков, действительно умер на возвратном пути оттуда, от язвы ли, как полагает Карамзин, или от истощения чрезмерными трудами, как думаютъ наши церковные историки; во всяком случае эта поездка стоила ему жизни. Мало того. Если Новгородцы были уверены, что напр, «молитвою владычнею преста мор», то они легко могли додуматься и до обратного заключения, что сила и продолжительность бедствий зависит от того, что Новгород в лице владыки имеет недостойного за себя молитвенника пред Богом. Во имя этих соображений, они действительно прогнали нареченного владыку Арсения *бьюще со владычня двора*, так что едва не убили его до смерти, за то, что в ту осень (1228 г.) шли частые дожди и была продолжительная оттепель, – и это обстоятельство приписывалось недостоиниству владыки[1].

2) Деятельность владыки во время общественных смут Новгорода.

В Новгороде общественные смуты составляли очень нередкое явление. Причиною этого явления было разнообразие элементов, из которых слагалась новгородская общественная жизнь, разнохарактерность интересов и целей лиц, принимавших участие в Новгородском управлении. У князя была свои интересы, у новгородских аристократов свои, у народа («*у простои чади*» по выражению летописи) опять свои. От этого Новгород постоянно делился на различные партии: были там своего рода аристократы и демократы, поборники народной независимости и *милостивцы княжие*, приверженцы Москвы и приверженцы Литвы и проч. Нередко по известному вопросу два конца Новгорода держались известного мнения, два другие конца противоположного, а остальная часть Новгорода держала нейтралитет. Общественная жизнь Новгорода еще не достигла до такой зрелости, чтобы из борьбы противоположных интересов и стремлений выработывалась общая гармония, чтобы общественное мнение умело распознать законную сторону в стремлениях каждой партии и заставило каждого уважать свободу чужих мнений во имя неприкосновенности свободы своего собственного мнения. – Ничего этого не было в Новгороде. Всякая партия уважала законность только своих собственных стремлений и добивалась победы во чтобы то ни стало, какими бы то ни было средствами: спорный вопрос решался большею частью господством случайного большинства, – при чем для убеждения иномыслящих

[1] По мнению преосв. Филарета, Новгородцы за то низвели владыку Митрофана, что в том году (1211 г.) город был опустошен пожаром, истребившим до 1300 дворов (Филарета, Русские святые. I, 188).

не скупились на доказательства грубой силы, а следствием этого были драки, кровопролития, убийства. При таких общественных смутах Новгорода, владыка очень не редко был посредником и примирителем враждующих.

Мы можем различать три степени его примирительной деятельности, а) Когда разногласие касалось только нескольких значительных лиц Новгорода, и не захватывало собою всего новгородского общества, то владыка, прежде всего, старался примирить враждующих. В 1220 г. кн. Всеволод хотел убить посадника Твердислава. Новгородцы стали на защиту посадника. Испуганный князь послал к гражданам вл. Митрофана «со всеми добрыми повестьми, и сведе их владыка в любовь, и крест целова, и князь и Твердислав». (Собр. рус. лет. III, 38).

б) Когда одна из враждующих в Новгороде партий побеждала и неумеренно пользовалась правами победы, а другая была побиваема и преследуема, то владыка принимал гонимых под свою защиту и давал им убежище во владычнем дворе или в храме св. Софии; так, напр., в 1287 году, когда новгородцы неизвестно по какой причине восстали на посадника Семена, пошли на него со всех концов и разграбили дом его, «то Семен прибежал ко владыце; и владыка провади и в св. Софию и тако ублюде Бог и заутра снидошася в любовь». (Собр. рус. лет. III, 65). Вообще двор владыки и храм св. Софии считались местом неприкосновенным, местом убежища, где всякий мог скрываться, не боясь ярости народной. Новгородцы признавали такое право убежища и нередко заранее сажали н*а епископль двор* сменяемых князей или кияжиих наместников, чтобы обеспечить их от ярости народной. Так в 1136 г. новгородцы посадили на епископль двор изгоняемого князя Всеволода; (Собр. рус. лет. IV, 5); в 1142 г изгоняемого князя Ростислава, (–III, 9); в 1210 г. изгоняемого князя Святослава (–III, 31); в 1314 г, сменяемых наместников в. к. Михаила Тверского (–III, 7). Это делали новгородцы, чтобы в порывах ярости и негодования не сделать с изгоняемым князем или наместником какого-нибудь жестокого и оскорбительного поступка, в котором пришлось бы впоследствии тяжко раскаиваться[1].

Владыка брал под свою защиту гонимых не тольво живых, но и мертвых. Так в 1209 г. Новгородцы хотели лишить погребения труп нелюбимого и изгнанного посадника, но владыка не допустил этого. Летопись говорит об

[1] Впрочем, бывали случаи, что и владычний двор не доставлял безопасного убежища; так в 1289 г. «убиша Самоила Ратьшинича *во владычне дворе* (Собрание Русскихъ летописей. III, 65). Точно также в 1477 г. при падении Новгорода Новогродцы убиша *у владыки во дворе* некоторых граждан, обвиненных в преданности Иоанну III–му и в измене Новгороду (–VI, 06). Врочем, может быть это исключительные случаи, последнее объясняется особенно растроенным положением новгородцев.

этом следующее: «привезоша Дмитра Мирошкиница из Володимира и погребоша и у св. Георгия в монастыри подле отчя; а Новгородцы хотеша нь с мосту сврщи, но возбрани им арх. Митрофан» (Собр. рус. лет. III, 30).

в) Когда же враждующие стороны были равносильные и хотели решить дело оружием, то владыка являлся между ними в качестве примирителя с крестом в руке, и со следующими или подобными речами: «дети! не доспейте себе брани, а поганым похвалы, а св. церквам и месту сему пустоты; не сьступайтесь на бой». (Собр. рус. лет. III, 8). И посредничество святителя бывало успешно, кровопролитие прекращалось. Летописи сохранили нам три примера примирительного участия владыки в новгородских распрях. В 1342 г. на вече поднят был вопрос о причинах смерти новгородца Луки, убитого вдали от Новгорода в стране заболочской. Сын убитого обвинял в убийстве новгородских граждан Феодора и Ондрюшку. И обвинитель, и обвиняемые нашли себе поддержку в общественном мнении: образовались два враждебных веча и вступили в борьбу между собою; бой былъ утром, уже после обеда явившийся владыка успел положить конец насилиям (Собр. рус. лет. III, 81–82). В 1359 г. славянский конец сменил старого посадника и выбрал нового; софийская сторона вступилась за старого посадника и пошла с оружием на славянский конец; начались битвы и насилия. Тогда между враждующими сторонами явились старый вл. Моисей и новоизбранный Алексей и убедили прекратить кровопролитие. Чтобы победа не оставалась ни за теми, ни за другими, избран был новый посадник. (–III, 87). В 1418 г. вл. Симеон был примиряющим посредником в деле о Степанке и боярине Ботине. Сколько мы могли понять это запутанное дело, многократно и витиевато изложенное в летописях, оно представляло собою борьбу новгородской аристократии с чернью. Какой-то простолюдин Степанко, поймавши на улице боярина Божина, к которому вероятно питал личную антипатию, закричал: «друзи, пособствуйте ми на злодея сего!» и начал бить его. К Степанке присоединилось много товарищей: боярина избили и бросили с мосту: какой то рыболов спас боярина в лодке, но за то поплатился разграблением собственного дома. Между тем избитый боярин не хотел остаться без удовлетворения: он поймал Степанку и хотел сотворить отмщение, *и за то сташа чернь с одиноя стороны, а съ другоя бояре*. Частное дело приняло общий характер; произошло много грабежа и убийства. Тогда вл. Симеон «не хоча кровопролитья в христьянех, оболкся в ризы, и весь сбор иде со кресты, со владыкою на мост; и нача благословляти на все стороны крестом, и плакати нача, и весь народ нача призывати: Господи помилуй!... И утишися от брани народ святителевым молением, а разъидошася кождо в домы своя, славя Бога».

(Собр. рус. лет. III, 107–8. 137, V. 117–118. V, 261). Народ уважал примирительное посредничество владыки; почти после каждой подобной истории в летописях содержится приписка: «не допусти Бог до конца диаволу порадоваться, но возвеличен бысть крест в род и род». (Собр. рус. лет. III, 87). После истории о Степанке содержится похвала вл. Симеову. Но само собою разумеется, что являться среди раздразненного народа было не особенно безопасно.

Скажем в заключение, что владыка, зная образ мыслей новгородцев, предостерегал их от могущих быть общественных смут, и спасал их от беззаконных и неразсчетливых поступков, в которых они впоследствии сами бы стали раскаиваться. Так в 1210 г. когда Мстислав Торопецкий удалился из Новгорода, новгородцы хотели излить свою ярость на друзей Мстиславовых, но были укрощены владыкою. В 1460 г. когда Василий Темный с сыновьями Юрием и Андреем поехал в Новгород; вечники стали уговариваться, как бы его умертвить и с детьми. Это намерение не было приведено в исполнение только потому, что архиепископ представил всю его безполезность: с Василием не было старшего сына – соправителя; смерть старого князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть к новгородцам и навлечь на них страшное мщение Иоанна, который и без того исчислял в уме все их старые неправды[1].

3) Деятельность владыки во время политических бедствий Новгорода.

Политическая жизнь Новгорода почти постоянно была подвержена опасностям. Новгородцы получили себе самостоятельное политическое существование, соединенное со многими правами и вольностями во время упадка велико–княжеской власти вследствие усобиц. Когда удельный период миновал, когда под боком у Новгорода образовалось сильное великое княжение, сначала суздальское, потом тверское, наконец, московское, то новгородцы почувствовали, что их права и вольности также легко могут быть утрачены, как легко были приобретены. Действительно, от так называемой суздалыцины, т. е. похода суздальцев на Новгород в 1169 г., до покорения Новгорода, (1480 г.) редкий из в. князей не грозил Новгороду серьезною опасностию. В 1169 г. была знаменитая суздальщина. С 1312 по 1318 г. продолжалась распря Новгорода с в. кн. Михаилом тверским, опасная для Новгорода, потому что Михаил всегда мог пресечь новгородцам пути сообщения и морить их голодом. В 1340 г. Симеон Гордый с войском шел к

[1] С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. Историческое исследование. М. 1846, стр. 67–81.

Новгороду и доходил до Торжка. В 1386 г. Димитрий являлся со страшным ополчением под стенами Новгорода. В 1398 г. Василий Димитриевич воевал с Новгородом и занял Волок, Торжок, Вологду и Бежецкий верх. В 1428 г. Витовт, князь литовский, едва не покорил Новгород, вошедши в новгородскую область с многочисленным войском. В 1440 г. и в 1456 г. Василий Темный двигал сильную рать на Новгород. Наконец, в 1480 г, Иоанн III окончательно покорил Новгород после троекратного похода в 1471, 1478 и 1479 г. Мы исчислили только важнейшие опасности для Новгорода, не упомянув о менее важных. Что же делал владыка при этих политических бедствиях Новгорода? Само собою разумеется, что владыка, как горячий патриот, не мог оставаться спокойным, когда вопрос шел о том: *бытъ или не быть Новгороду*, когда все Новгородцы были волнуемы самыми разнообразными ощущениями страха и надежды, бодрости и уныния. Но деятельность владыки сообразовалась с тем, каким способом новгородцы думали отделаться от предстоящей опасности.

Иногда новгородцы воодушевлялись мужеством, решались идти на отчаянную борьбу и с оружием в руках спасать свою независимость. Так было в год суздалыцины, (1169 г.) во время нападения Михаила тверского (1318 г.) и Василия Димитриевича (1398 г.) В таком случае владыка благословлял новгородцев постоять крипко за св. Софию и делал все усилия, чтобы поддержать в них мужество. Так в год суздалыцины вл. Илия вышел с образом Божией Матери в полном облачении и стоял под тучею стрел со стороны осаждающих (Собр. рус. лет. V, 9–10). Так в 1318 г. вл. Давид сопутствовал новгородскому ополчению, шедшему против Михаила тверского (–III, 72). Но редко новгородцы решались на войну; чаще всего богатый город думал откупиться деньгами от предстоящей опасности. В таком случае владыка должен был отправляться в стан неприятельский с предложениями мира и денег и со многою мольбою. Случаи посольства владыки с мирными переговорами уже исчислены нами выше.

Само собою разумеется, что от владыки требовалось много мужества и самопожертвования для спасения Новгорода от опасности как войною, так и миром. Не безопасно было напр. стоять с иконою под тучею стрел неприятельских, или сопутствуя войску переносить все невзгоды войны. Не безопасно было даже благословлять новгородцев на войну с вел. князем, потому что за это можно было поплатиться церковным отлучением и заточением; как это показывает пример вл. Иоанна. После того как владыка Иоанн (в 1398 г.) благословил новгородцев на войну с Москвою, то вскоре по заключении замирения (1401 г.) вел. князь, убедив митрополита вызвать вл.

Иоанна в Москву будто бы для святительских дел, посадил его в Чудов монастырь и держал в заточении три года с половиною.

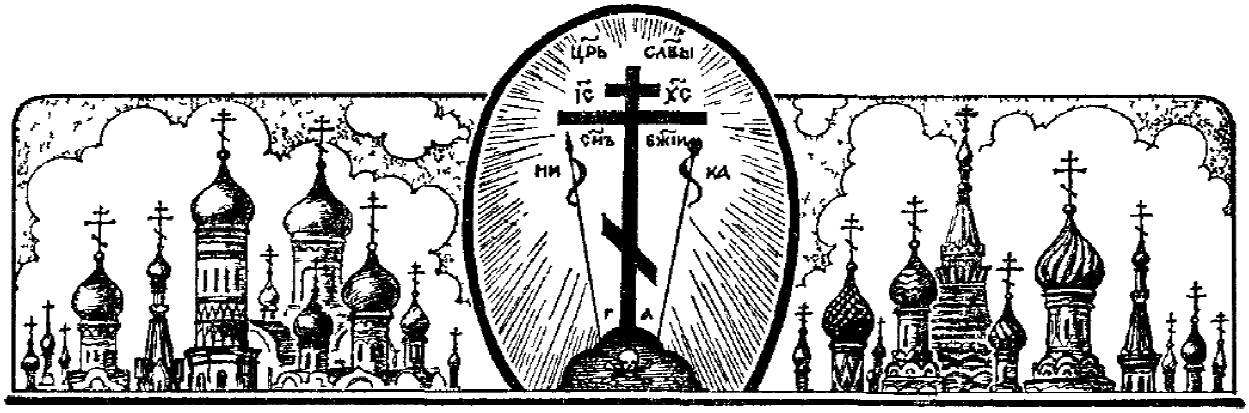
Точно также требовалось много самоотвержения, чтобы идти съ мирными предложениями в стан неприятельский. Хотя владыка вообще держал себя с достоинством, но иногда крайняя опасность Новгорода побуждала и его говорить смиренно. Летопись не напрасно, говоря о посольствах владычних, употребляет выражение: *со многою мольбою*. – Софийская летопись так заставляет говорить вл. Феофила пред Иоанном III: «господине вел. кн. Ив. В. всея Русии милостивый! Господа ради пожалуй винных пред собою людей в. Новгорода, своей отчины; учини, господине, свое жалованье, смилуйся о своей отчине, уложи своего гнева, меча своего поуйми, огнь в земли угаси, грозы своей утиши, старины своей не изруши, дай света видети, смилуйся, как ти Бог на сердце положит» (Собр. рус. лет. VI, 213). Должно заметить, что владыка не вдруг еще был допущен на аудиенцию к вел. князю.

Новгородцы очень хорошо понимали, как дорого стоит владыке участие в спасении Новгорода от гибели и высоко ценили патриотизм своего пастыря. Это видно из тех смиренных выражений, какими они молили владыку благословить их на войну или идти ходатайствовать о мире. «Биша челом весь Новгород господину своему арх. вл. Алексею, чтобы еси господине ялся, ехати к вел. князю» и проч. (–III, 91). Это видно также из тех сказаний, где владыки прославляются, какъ великие патриоты, которые и по смерти горячо сочувствуют судьбам своего отечества. Так одно сказание сообщает, что пред падением Новгорода выступила кровь на гробах владыки Мартирия и других владык, как знамение близкой кончины Новгорода. Так в сказании о видении пономаря Тарасия целый лик святителей встает из гробов и молит Бога о спасении Новгорода от грядущих бедствий. Так наконец по одной легенде, сохраненной в псковских летописях, новгородские святители стали являться первому владыке московского избрания Сергию, и много претили ему, какъ он смел войти на престол Феофила, неправедно, не по правилам изгнанного, которого вся вина состояла в преданности интересам Новгорода.

***

Вот все почти, что говорят нам летописи об участии древле русских архиереев в делах общественных в период удельно–вечевой русской жизни.

Труды Киевской Духовной Академии, 1870, № 2. С.474–511.



Священномученик Архиепископ Андроник (Никольский)

РУССКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ СТРОЙ ЖИЗНИ ПЕРЕД СУДОМ ХРИСТИАНИНА, ИЛИ ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛ ЦАРСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ.

Глава I

Теперь уже, кажется, можно сказать, что нагнанный за последние годы на нашу российскую жизнь и действительность туман в значительной степени рассеялся. В значительной степени прошел также и угар от разных свобод, до свободы убивать и грабить включительно. Нет или гораздо меньше теперь и той страстности, с которою относились в недавнюю пору к разным политическим вопросам на Руси. Ибо в минувшую пору мы уже были свидетелями предначатия исполнения пророческого слова Христова о конечных судьбах мира: *тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга* (Мф. 24,10); *предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их* (Мк. 13, 12). Но благодарение Создателю: теперь все это в сильной степени миновало, как бы предупредивши нас своими страхами и бедами, что *все это начало болезней* (Мф. 24, 8), дабы мы под впечатлением такого грозного предостережения *вспомнили, откуда ниспали, и покаялись, и творили прежние* добрые *дела веры*, как говорит ангелу Ефесской Церкви Сидящий на Херувимах и на престоле высоком и страшном: *а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься* (Откр. 2, 5). Итак, теперь среди некоторого, хотя и не вполне прочного, замирения есть возможность более спокойно разобраться в том, что совершается среди и кругом нас, более спокойно и уравновешенно отнестись и к тому, что нам не нравится.

А разобраться во всем происшедшем и происходящем теперь уже настало время, чтобы после полученных суровых уроков более сознательно, разумно и уверенно относиться к тому, что было, бывает и еще может быть.

Пусть никто не верит наговорам обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни. Нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем (1 Кор. 5, 10). А потому нам вовсе не безразлично, что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения, а в иных случаях и вовсе его преследовать на смерть. Помним мы и другое слово апостола Павла: *все ваше*, пишет он христианам: *Павел ли, или Аполос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий* (1 Кор. 3, 21-23). И еще: *Ангелы не все ли суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?* (Евр. 1, 14). Итак, если все в этом видимом и даже невидимом ангельском мире существует для нашего душевного спасения, то мы имеем самое твердое основание и непременную обязанность разобраться в том старом, что было доселе, и том новом, что нам предлагают, насколько то и другое способно помочь главному назначению нашей жизни на земле – спасению или, наоборот, препятствовать ему.

С этой именно стороны и надлежит смотреть христианину как на все в жизни, так и на гражданский стой. И эта точка зрения есть единственно безусловная и бесспорная. Ибо как ни вертись человек, а от вопроса о цели своей жизни на земле, о смысле ее, о том, что есть там в потустороннем невидимом, но несомненном мире и что будет с нами за гробом, – от этих вопросов никто не может уйти или замолчать их. И те, что прикидываются неверующими, именно лишь прикидываются такими от легкомыслия своего, подобясь известной птице, которая в виду угрожающей ей опасности укрывает свою голову под крыло, очевидно будучи уверена, что опасность исчезает для нее по мере того, как она перестает видеть ее. Безусловно утверждаем, что подлинных неверов нет и быть не может, ибо это противоречит самой сущности нашей жизни, не телесной только, но и духовной. Пусть некоторые уверяют и себя, и других, что не верят они ни в Бога, ни в свою душу. Умолчим о том, что они жестоко ошибаются, подобно упомянутой птице. Но все же они во что-либо верят: одни в науку или человеческий ум, другие в искусство, иные в благотворительность, а некоторые даже в удовольствия и веселую жизнь и т. п. Вот все это для них и есть смысл жизни и, следовательно, бог, заменяющий Истинного и Единого Бога Творца неба и

земли. К новым язычникам, бегущим от света Христова, вполне применимо глубокое по своему смыслу слово апостола Павла, сказанное им о язычниках древних: *но как они, познав Бога, не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, - то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте… Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь* (Рим. 1, 21-25). Так и сии неверы ощутили в себе потребность во что-либо верить, на чем-либо обосновать свою жизнь; но от того, что уже дано для этого, уклонились и создали своих измышленных, нередко низких, богов. А Божественная Истина, ими замалчиваемая и попираемая, пребывает по-прежнему светлою и просветительною, ибо Она есть Солнце правды, Христос Бог наш, создавший весь видимый мир.

Со стороны этого-то света, со стороны смысла жизни и должны мы рассмотреть самый гражданский строй жизни нашей. Как же при свете Откровения, с точки зрения высокого дела душевного спасения смотреть христианину на современную жизнь, в которой теперь у нас борются два начала - исконного Русского Самодержавия Царского и западного конституционализма партийного?

Посильным ответом на этот вопрос и будет дальнейшая наша речь.

Глава II

Прежде всего нужно совершенно освободиться от той искусственной натяжки, какую делают обычно из Святого Писания в утверждение исключительной правильности и совершенства лишь строго монархического образа правления. Прошу всякого читателя своего не страшиться и не бросить самое чтение моей заметки, если я, убежденный царист, скажу решительно, что в Святом Писании нет таких свидетельств, ибо и цель его, как слова Живого Бога, иная, а именно: *да знают* люди, живущие во всякой обстановке и во всяких внешних условиях жизни всего мира, *Единаго Истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3.) И вот, у евреев сначала совсем не было царя, и это не только в патриархальный период, а и по выходе из Египта, когда они являются целым народом-завоевателем других народов. Тогда как эти народы управлялись царями, евреи, напротив, представляли из себя приблизительно то, что теперь называется республикой, и управлялись вождями и судьями, которых выдвигала на это дело сама жизнь и благословлял

Бог, как мужей разумных, сильных и (всякий в свою меру) радеющих о народе. Даже больше того: когда евреи, из подражания соседним языческим народам, пожелали иметь своего царя, то пророк Самуил весьма восскорбел о сем, а Господь, чтоб успокоить его, сказал ему: не тебя, а Меня оставили евреи и вместо Меня, Бога Живого, возжелали иметь земного царя человека над собою. Так, потерявши живое сознание и ощущение Вездесущего и Всеведущего над собой Бога, евреи восхотели заменить его земным царем. И только из снисхождения и опасения, как бы евреи и вовсе не позабыли Бога и не погибли во зле и взаимной вражде, Господь повелел пророку Самуилу поставить им царя. Таков основной взгляд Святого Писания на всякую вообще внешнюю власть и, в частности, на царскую: она лишь предохранение и обеспечение от больших зол. А вид этой власти обусловливается уже внешними данными: характером народа или целой страны, условиями места и времени, ходом и складом исторической жизни государства. В этом отношении имеем характерное свидетельство в книгах Маккавейских; в них (1 Мак. 8 гл.) писателем подробно описывается и похваляется республиканский образ правления у римлян того времени. Имея над своим народом выдвинутых Богом и условиями времени преемников власти царя Давида, братьев Маккавеев, писатель, однако, с уважением относится и к совершенно иному способу управления, созданному к тому времени и историей, и народным характером римлян. И в Новом Завете как Господь Иисус Христос, так и апостолы подчинялись и учили подчиняться всякой в мире власти как от Бога поставленной, хотя бы это была и языческая власть, следовательно не освященная действительным благословением и помазанием Божиим, как это имеем теперь мы, во Христе живущие.

Глава III

Итак, царская власть сама по себе не есть исключительно священная и Богом благословенная для всех и навсегда. И, однако, мы без смущения утверждаем, что исторически и фактически именно царская, в строго монархическом смысле, власть была и есть обеспечивающая у нас всему без исключения населению государства веру и даже уравненный для всех порядок и благополучие. И на самом деле, настоящую религиозность, охватывающую всю душу и жизненный быт человека, можно находить только у нашего народа, не тронувшегося еще от западной, несвойственной нам культуры, у греков Турции, у арабов и сиро-халдейцев, а вне христианства - у наших инородцев мусульман, у китайцев, у турок и персов, тогда как в странах конституционных и республиканских вы хотя и найдете благочестие и

религиозность, но они давно уже занимают лишь определенный уголок и в жизни, и в душе человека и народной. Там, по-видимому, свято чтут христианство, особенно в воскресный день, но лишь как часть той культуры, которою люди и народы теперь живут, без чего, следовательно, нельзя уже быть и культурным, как без школы нельзя быть образованным. Следовательно, на христианство смотрят с чисто утилитарной точки зрения, ценят его как полезное для приятной теперь людям культуры, если не в настоящее, то, во всяком случае, старинное время, когда складывалась эта культура. Особенно ясно это сказывается на судьбе наших южных славян. Долго жили они под тяжелым турецким игом, а вера у них была крепка, и христианская жизнь была высока. Но смотрите, что сделалось с теми же славянами лишь за последнюю четверть века, когда они пользуются благами данной им прославленной конституции? Или, что сделалось с их соседями – греками конституционного королевства? И те и другие скорее полуфранцузы, чем греки или славяне. Вера у них иссякла, в жизни мало что осталось христианского. И в то же время греки турецкие сильны благочестием, хотя и с борьбой приходится им содержать его. Конечно, много значит в этом отношении положение гонимых и угнетаемых, но еще большее значение имеет государственный строй. В данном случае весьма важно то, что строго монархический строй всем и каждому обеспечивает уравненное во всех отношениях положение в государстве. Конечно, если при этом худо правительство, то будут злоупотребления, но за них оно же и отвечает перед Монархом, а всякому подданному без различия национальностей, верований и положения остается одно – исполнять обязательный для всех закон, остальное же все обеспечено. Не то в конституционных странах; здесь главная энергия идет у всех и каждого на партийную борьбу. Всем известно по примеру конституционных стран, а теперь нам очевидно и по собственному опыту троекратных государственных выборов, что творится за одно время этих выборов. Забывается все: вера, Отечество, семья, дело – лишь бы восторжествовала партия, к которой кто принадлежит. Лишь только за три года этой конституционной встряски ведь не узнать нашу страну – и к худшему, а не к лучшему: и вера, и нравы ослабели и оскудели до того, что безбожие, бесстыдное распутство, пьянство, попрошайничество сделались поразительными по своей очевидности и откровенности, не говоря уже о таких страшных ненормальностях, как грабежи и разбои. Вся эта партийная и выборная агитация - это сплошной угар, которому люди предаются всецело, забывая все прочее. Так и дальше: какая партия проберется в большинство, та и управляет всем, крича, что она только и есть голос народа. Но кто же может в это верить, как в догму правовой

конституции, когда у нас выдавали себя за народ сначала революционеры открытые, а потом и они, и революционеры скрытые - кадеты, сами теперь сознающие свое поразительное меньшинство среди действительного народа, почему они и покровительствуют всякому террору, через него надеясь удержаться на своих позициях? Разве была и есть действительная забота о народе, об Отечестве, когда все сводилось и сводится к партийной борьбе и то´ржеству? А дело веры заброшено было настолько, что даже в вероисповедную комиссию были выбраны, кроме неверующих или маловерующих, евреи, поляки и мусульмане. И это в стране, где господствующее население русское, православное и верующее?! И эта кучка смеет выдавать себя за народ и свои бредни за голос его?! Да ведь это явная насмешка над хваленой конституцией, в которую, очевидно, и сами они не верят!.. Хотя не входит в нашу задачу, но кратко мы тоже должны сказать и о всей внешней жизни: провозглашаемого равенства и правды для всех в стране тоже быть не может при конституции; благополучие будет только тем, кто принадлежит к господствующей в управлении партии, а все остальные будут лишь терпимы, а может быть, и гонимы. Посмотрите на пример Франции, где прорвавшаяся к власти еврейско-масонская партия открыто глумится даже над верой действительного народного большинства; а воцарится иная партия, и порядок будет иной, и от нее никому не будет житья.

Глава IV

Итак, для главного душевного дела – для веры больше благотворного воздействия мы имеем получить от строго монархического правления, чем от конституционного. И это не потому, чтобы вера могла существовать только при поддержке от царской власти, ибо мы видим, что греки мусульманской Турции под султаном-мусульманином лучше содержат веру, чем греки конституционного греческого королевства. Нет, дело именно в том, что при монархизме все вверяется власти, почему духовная энергия может быть свободно направлена на благочестие; а при парламентаризме все забрасывается, лишь бы восторжествовала партия и пробралась к власти. Это прекрасно поняли мы еще издавна в истории. В самом начале нашей государственности мы представляли из себя республику и, однако, сами решили, что это нам не подходит, - делом заниматься люди не будут, а только будут спорить да драться за господство и за выгоды, а порядка общего не будет, как и не было. Поэтому сами решили, что нужен князь как глава всего разбросанного и богатого народа, и ему-то вверили всю власть над народом. А народ оставался постоянным пособником у князя в деле управления,

выделивши из себя к нему дружину, а потом и служилых, и боярских людей. И были князь и народ как нераздельное целое. По мере того, как разрастался народ, росла и увеличивалась и власть князя, и, наконец, он явился в народе как Царь самодержавный, живший в народе и по быту мало чем отличавшийся от народа. А главное то, что сам народ помог великому князю сделаться единым над всей страной Царем, или, лучше сказать, его одного он провозгласил Царем над собой, подчинивши ему всех остальных князей, прекрасно понимая, что во многовластии для великого и размножившегося народа не будет порядка, как смерть или развал тому улью, в котором появилось несколько маток. Но вот и Царя, народом созданного, выношенного и взлелеянного, мы потеряли. Установлялась у нас опять то республика, то конституция; шведы и поляки сулили нам и заморские блага, а порядка все не было. И опять, научившись сим горьким опытом, народ вспомнил и еще больше возлюбил то царское самодержавие, которое он же сам создал, сам поддерживал, своим пособничеством Царю увеличивая его царскую самодержавную власть. И весь народ, как один человек, не послушавшись обещаний льстецов, пробиравшихся к власти, не убоявшись и внешних врагов, обложивших уже столицу – Москву Белокаменную, то издевавшихся над нами, то суливших заморские блага, – весь народ собрался и снова поставил над собою Царя Самодержавного, ему вверивши опять власть над собой, а сам лишь помогая и содействуя общим советом и делом молодому Царю устроить порядок на земле. И были опять Царь да Собор от земли, своим советом поставивший Царя воистину Самодержавным, высшим всех возможных партий и злоупотреблений людей власти, от земли поверяя ему советы и волю – как лучше устроять страну, чтобы не было кому-либо забвения или насилия. А после этого мы, весьма задержанные в своем развитии долгим татарским игом, и после него, быстро оправившись и развернувшись в одно лишь царствование Грозного Царя, затем снова растерявшись в Смутное время, – после того быстро собрались с природными богатыми силами и уже в два царствования процвели духовно и граждански, раскинувшись от моря до моря в Европе и почти до Великого океана в Азии. А главное, у нас процветало благочестие, которым издревле так дорожили мы, и находили особенное обеспечение для свободы в царском самодержавии, занятом устроением земли со всех сторон. Благочестие настолько было сильно и пленительно, что инородцы страны свободно переходили в Христову веру от Магомета и идолов. Мало того, мы не стремились сделать их русскими, а они сами легко такими делались во всем.

Глава V

Таково было благо нашего Царского Самодержавия, созданного в истории самим народом и покоившегося на полном единении Царя с народом, постоянным выражением которого были земские соборы, созывавшиеся Царем по обычаю на совет с землей, на выслушание ее воли. Это и была наша неписаная конституция, по которой ни Царь без народа, ни народ без Царя: от земли – совет и воля, а от Царя – решение и власть. Стоя выше временных или случайных течений и увлечений, а равно с высоты царского престола созерцая положение своей страны и соседних народов, Царь, выслушавши голос земли, решал так, как он находил то лучше, отвечая за Царство и перед Богом, и перед народом в истории. И продолжать бы нам эту нашу конституцию, проводить бы ее глубже в жизнь, свято охраняя исторически созданное и выношенное народом Царское Самодержавие. Смело можно сказать, что это была бы самая лучшая в свете система управления и самая прочная, как основанная на нравственном, жизненном и потому самом прочном союзе между Царем и его народом; при таком только союзе и нет места розни, вражде и недоверию между Царем и народом, ибо оба стоят у одного и того же дела по взаимному, бытом утвержденному, не записанному, но перед Богом и царскою, и народною совестью священному договору. И к нам бы пришли другие народы учиться у нас, как примирить народы с властью, вечно борющиеся между собою за господствование одного над другим. Но… два века тому назад положен был конец этой нашей священной бытовой народной, по-теперешнему – демократической конституции, чуждой всякой партийности, а с нею и лжи неизбежной и неправды. Увлекшись сильной централизацией власти западного королевского и императорского абсолютизма, Петр I перенес ее и к нам, объявивши себя Императором и вместе с этим своим титулом насадивши у нас и все западные порядки в управлении, совершенно нам несвойственные, как имевшие под собою начало разобщенности между властью и народом, ею порабощенным или завоеванным, и, во всяком случае, чуждой народу, чего у нас не было, ибо власть мы сами создали и поставили над собою. Плодом сего насильственно введенного в нашу русскую жизнь, как зараза в организм, абсолютизма власти было то, что на манер Запада и у нас оказалось разобщение Императора с народом, средостением между которыми оказалась правящая власть, сначала и состоявшая из иностранцев, а потом, хотя и из русских, но по духу уже ушедших от народа. И остались Царь русский сам по себе, а народ русский сам по себе, между ними же стояла прикрывавшаяся именем Царя, централизовавшая около себя весь порядок

народного управления правящая власть, разобщившая Царя с народом; а с другой стороны, в последнее столетие - земство, выдававшее себя за голос народа, когда как в нем народа-то не было. Так как между народом и чуждой ему, с ним не имевшей ничего общего властью нравственный, духовный союз был естественно утрачен, то сам собой сложился такой порядок, что обе половины ухищрялись часто, а потом и постоянно, обойти и обмануть друг друга, чтобы власти держать в повиновении народ, ее не знающий за свою родную власть, а народу - показывать вид повиновения власти и как можно дешевле добиваться через это права на свое спокойное житие личное, хотя бы и в ущерб общему благосостоянию. Постепенно и образовалась какая-то нескрываемая даже вражда у народа к эксплуатирующей его власти, и у власти – к обманывающему ее народу. Но и при всем том Царь и народ все-таки оставались хотя и в скрытом, но самом задушевном и потому прочнейшем союзе. И поэтому тот же самый народ, который критиковал надоевшее ему всяческое начальство и, казалось ему, обманно только прикрывавшееся именем Царя, – этот же народ исполнялся и исполняется неописуемого восторга, радости, счастия до слез, когда, наконец, видал лицом к лицу свое Красное Солнышко – Царя, которого он с сердечною нежностью и со слезами на глазах называл: "Родной Ты наш, дорогой Ты наш, Отец родной"… Дерзая проникнуть за таинственную завесу, скрывающую от нас сокровенные сердечные думы и болезни Государя нашего Царя, надеемся - не ошибемся, если скажем, что вся Его забота за последние три года сводится к тому, чтобы восстановить тот древний союз Свой с народом, который нами так круто был порван два века тому назад; чтобы Царское Самодержавие Его было действительно как встарь - сильным и не обходимым никакими происками; чтобы, действительно, Сам Царь самодержавно правил Своим народом через поставленное от Него правительство, а не оно, прикрываясь Его именем, управляло народом и озлобляло его против Царской власти. Но беда наша в том, что и правящие классы, и высшие классы народа, по духу совершенно ушедшие от него, совершенно утратили самое понимание этого нашего исторического народного Царского Самодержавия, и потому все теперь норовят перевести на проторенные уже Западом дорожки и одеть в изношенные одежки так называемой конституции, стараясь еще более забрать власть в свои партийные руки и еще более таким образом разобщить Царя с народом, чтобы потом и вовсе устранить его, как излишнего при системе партийного большинства, и все перевести насильственно над народными чувствами на партийную республику. Но страшен бес, да милостив Бог. Хочется надеяться, что начавшееся сперва робко, а теперь все смелее и

воодушевленнее собирание (под именем черной сотни) действительного, а не товарищеского, "сознательного" народа русского скоро выльется (уже и выливается) в общее народное движение за своего исконного Царя Самодержавного и оно, как прах, сметет с лица русской земли и всякие партии, и террор.

Глава VI

Вот главные основания, на которых в народной жизни и сознании утверждается наш царизм, бытовое, самим народом выработанное и созданное Самодержавие родного русского Царя, Отца своей земли и народа. И как бы самые злые наши враги или идущие на поводу у них слепые маньяки ни ухищрялись поколебать, высмеять, принизить или даже разрушить дорогое нам наше родное Царское Самодержавие, его не истребить, не вырвать им из души народной, ибо оно записано не на скрижалях каменных, а на скрижалях народной совести, в сердце всякого действительно русского человека. Еще, пожалуй, на время можно обмануть народ какой-либо подтасовкой; но это удастся лишь на самое короткое время, как показала история всей нашей двухдневной не народной разбойной и обманной революции. Особенно теперь, при возбужденности просыпающегося действительного объединения народа, все покушающиеся лично на нашего родного Царя пусть помнят, что, во-первых, им не умертвить самого Царского Самодержавия – мы его скоро, хотя и не без крови (которой особенно так очевидно и жаждут для русской земли все заговорщики против Царя), возродим и воссоздадим, ибо без Царя мы, Россияне, жить не можем, а во-вторых, уже и теперь достаточно собравшийся народ в случае, – да минет нас чаша сего попущения Божия, – исполнения кровавого и коварного замысла заговорщиков в клочья растерзает всех этих, именующих себя освободителями, без различия партий, чтобы с корнем очистилась русская земля от этой гнили, которая завелась на нашем народном теле и хочет загноить и растлить все тело.

Это была бы уже наша настоящая народная война за Царя, за возрождение и очищение его Царского Самодержавия, захваченного, загрязненного и обворованного хищными, святотатственными и грязными бесцеремонными руками. Сего народного гнева бойтесь и революционеры по призванию своему, и революционеры-сотрудники разные. Без кровавого упорного боя не отдаст русский народ своего Царя, как усиленными стараниями не могли заменить для народа Царя Императором. В самом деле, более двухсот лет всячески даже за богослужением ежедневно до двух десятков раз поминают Государя, называя Его Императором, а народ Его все-таки называет Царем,

каким именем до титула "Император" Он назывался лишь со времени Грозного всего полтора столетия. Очевидно, это слово "Царь", дорогое, милое для народа слово, при одном произнесении которого сердце исполняется самою нежною любовью к родному Царю-Батюшке, а глаза увлажняются от сердечной мягкости; тогда как слово "Император" как было, так и осталось чужим, как его ни вводят в народное сознание даже частым произнесением за богослужением.

Глава VII

Теперь, когда достаточно подробно выяснены нами главный смысл и религиозные, бытовые, народно-исторические и жизненно-практические основания нашего русского царизма, ясно, какого характера должно быть и участие Церкви в гражданской политике настоящего времени и какова должна быть деятельность духовенства, как и всякого православного христианина в общественной жизни. Соответственно тому, что сказано нами о царизме и что на самом деле в нем дано и мыслится как народная святыня, наш русский царизм, по существу, есть наша теократия – богоуправление, при котором Сам Бог является управляющим через помазанного Им Царя. В лице призванных из-за моря только лишь для управления князей в крещенной Руси он постепенно обратился во власть Царя над народом, ему вверившимся, что и есть законное, правовое основание власти, а начало внутреннее, сродняющее до глубокой взаимной любви и доверия народ и Царя, есть начало нравственное, начало совести, которым Царь и руководится в своем не столько господствовании над достоянием, Ему от Бога данным, сколько в прохождении сего высокого ответственного служения перед Богом и всеми людьми, как и говорится в церковной молитве на Царское коронование. Этим же высоким нравственным началом руководятся и все русские верные подданные своего Царя, повинуясь Ему не только за страх, но и за совесть, по апостолу. Смотрите на русского человека, истинного цариста: он так живо чувствует свою духовную связь с царем, что и на отсутствующего царя смотрит, как на близкого к нему, перед лицом которого он как бы постоянно стоит в полной собранности и верной совести.

Это не иным чем может быть объяснено, как именно тем высоким христианским началом, которое вложено самим русским народом в дорогой ему, им выношенный и построенный царизм. В том и высота, и сила, и красота нашего царизма, что в нем через Царя Сам Бог веруется правящим нами. А что может быть выше, вернее и прочнее этого вечного, незыблемого основания жизни? Всякие иные основания, законы, права и обязанности власти и

управления, во-первых, временны и условны и, следовательно, уже по этому самому не прочны, во-вторых, всегда обходимы при достаточной изворотливости и находчивости человеческой на зло. А Бога, а совесть свою не обойдет человек. Правда, это имеет значение лишь для верующего человека. Но неверующий, не признающий совести и суда Божия, тем более обойдет совершенно условный внешний закон, как и обходят его. И теперь закон нарушают люди или вовсе неверующие, или со слабым религиозным сознанием, со слабым чутьем суда Бо-жия к себе теперь и после смерти. Поэтому нужно усиливать в нашем сознании эту религиозную основу и проводить в жизнь, а не ослаблять силу царизма, заменяя его именно такими формами правления, которые не обеспечивают внутренней силы закона. С этой стороны нужно смотреть и на все то, что породило так называемое освободительное у нас движение.

Все либеральные партии – чада его – как раз именно и стараются заменить это начало нравственное в управлении и быте народном внешним законом, правом; даже больше того: на самую религию, на христианство они смотрят или прямо отрицательно, как социалисты и революционеры, или как на терпимое зло – суеверие, которого пока еще держится народ, а не как на дело первейшей и самоценной важности. За минувшие три года мы уже достаточно насмотрелись на глумление, на открытый поход освободителей против нашей непорочной христианской веры. Видели, как они издевались над святынями, над нетленными мощами, над храмами, над крестом; слышали, как они глумились над духовенством, над монахами; слышали, как они открыто кричали, что Бога нет, церквей и попов не надо… И все эти газетные сплетни, кричащие о недостатках духовенства, о явных грехах носителей сана, издевательства над дорогим народу именем отца Иоанна Кронштадтского исходят не из ревности о добре, об очищении церковного дела, а имеют исключительно одну скрытую цель: уронить в глазах народа сначала авторитет даже такого человека, как отец Иоанн, в соображении, что если всему и не поверят, то все-таки кое-что из худого в душе и осядет, а потом подкопать и самую веру в народе, которая в нем все-таки еще сильна. Народ чутьем понял это, и ряды освободителей поредели. Пока бунтовали против начальства, народное сочувствие находилось. Но как только открыто начали кричать против веры и Царя, тотчас же начала собираться русская сила, насмешливо прозванная от освободителей черною сотнею, и дала отпор возмутителям. Очевидцами этого мы сами были в Уфе в несчастные октябрьские дни. После такой неудачи начали бунтовать против помещиков. И это удалось, потому что на чужое добро охотников, особенно под пьяную руку, всегда много, да и

помещики памятны народу по барщине, а многие и сами насолили своим кулачеством. Но веры народной и Царя все-таки не смеют уже открыто касаться. Поэтому может ли быть какое-либо общение у духовенства, как служителей Церкви, и у всякого православного христианина с носителями этого освободительного движения, в основе противорелигиозного? А поэтому можно ли принимать какое-либо участие и в партийной борьбе, к чему все и сводится в теперешней гражданской политике, заглушая все иные более священные интересы, до религиозных включительно? Нет и нет! Напротив, всячески нужно оберегать народ от этих партий до октябристов включительно, охранять его часто от скрытного, но зловредного яда, вести с ним открытую и серьезную борьбу, чтобы явлены были всем их истинные стремления.

Нужна такая работа, чтобы сорганизовать весь народ русский во единую семью, твердо и сознательно стоящую за свое святое, народное, историческое достояние - веру христианскую и Царя самодержавного. Нужно упорно и старательно отгребаться от всяких партий и народ сохранять именно как народ, чуждый партийности, ибо где эта партийность, там разделение, там несогласие, там борьба, там порядка не ждать и целое должно распасться. И поэтому когда говорят, что в числе партий есть и партия русская, то это или ложь, или недоразумение. Нет, это сам русский народ, собирающийся с духом, оглядывающийся уже сознательно по сторонам и решающий твердо стоять за свое сокровище и не поддаваться хитрым замыслам его врагов. Черная сотня для партий тем именно и опасна и тем она сильна, что стоит на своей народу основе, говорит ему о том, что свято для него само по себе.

Это и есть начало собирания Руси, действительное пробуждение народа к своей именно жизни, враждебной для всего наносного. И смотрите: левые партии тайно давно уже собирались со своими силами, сплачивались под одним знаменем, три года тому назад обманом они повели было и народ за собой, но обманулись в расчете, поторопившись раскрыть свои настоящие карты и планы: тотчас же из этого самого народа собралась черная сотня, сначала пугливая, через два дня уже многотысячная, а теперь даже вопреки сильной революционной власти двух распущенных Дум – уже многомиллионная и по всей Русской земле. Наоборот, левые не увеличиваются, а уменьшаются в своем количестве, качественно совершенно выродившись в экспроприателей-разбойников. Собирайся же плотнее, Русский Народ, как триста лет тому назад ты, забитый, обманываемый, обольщаемый всеми, собрался около Минина и Пожарского и прогнал от себя всех явных и льстивых – тайных врагов, поставил перед Господом Богом Царя над собой и с ним водворил порядок по всей разворованной земле на зло посрамленным

врагам! Собирайся и ныне и помоги Царю твоему вывести нашу жизнь на родную нам дорогу из тех дебрей, куда завели ее наши враги, пособи ему устроить мир и порядок в стране на славу нам - на страх врагам. Сторонись от всех льстивых партий, желающих обворовать тебя в самых святых чувствах, знай Бога и Царя своего самодержавного, чтобы при твоем старании и единодушии быть Ему действительно самодержавным, чтобы была от Него правда на земле. Помни, что все эти появившиеся партии не добро твое имеют в виду, а лишь господство над тобой: будут в Думе кадеты в большинстве, как они обманно были в прежней Думе, и будут властвовать насильно над всеми; будут социалисты или другие из левых – они сделают то же, и некому их будет удержать, пока другая какая-либо партия не составит большинства. А главное – все эти партии стараются извести веру в земле твоей, ту веру, которою ты живешь уже тысячу лет, и вместе с тем стараются еще более разъединить тебя с Царем твоим, потом же и вовсе его устранить, того Царя, которого ты перед Богом поставил над собой и который по совести управляет тобой, а ныне хочет быть еще теснее с тобой, чтобы процветала Русская земля.

Глава VIII

Хотя прямого отношения к поставленному нами вопросу и нет, но мы считаем необходимым сказать и о том, что для Русской земли только в Царском Самодержавии, без всякой заморской конституции, и есть спасение. Чтобы согласиться с этим утверждением, нужно принять во внимание помимо всего того, что нами высказано выше, ту многоплеменность, которою отличается наша страна по составу населения. У всех многочисленных народов нашего Отечества свой особый быт, свои собственные верования и нужды, свой характер. Можно представить, что будет при конституционном или тем паче республиканском строе в управлении, когда соберутся вместе представители всех этих народностей? Воистину новое столпотворение вавилонское может произойти, когда всякий будет говорить лишь свое, презирая другого и думая, что только о нем все и должны заботиться. Можно с уверенностью сказать, что концом такой сходки, на которой без драки не обойдется, будет полный развал целой России на ее составные части, но не в самостоятельные государства, ибо всякая из них в отдельности слаба сама по себе и стеснена среди других, – нет, раздел России между соседями будет концом такой конституции. Все это уврачевать и предупредить может лишь Царское Самодержавие, стоящее выше всяких партий и даже народностей и охраняющее исключительно только благо единой Русской земли, в которой под единым русским народом и около него одного живут все прочие народы,

всяк в свою меру пользуясь общим и своим благом. Как раз именно это и было у нас издавна. По природе своей русский народ не насильник, не деспот, не эксплуататор других, – скорее он свое отдаст другому, более пронырливому, или расторопному, или нуждающемуся.

Поэтому-то без особенного труда, можно сказать даже стихийно, он и расширился почти на два больших материка. Никакой искусственной обрусительной политики не преследовалось нами прежде, а между тем инородцы сами постепенно и охотно делались русскими и по вере, и по духу, и по быту. Даже больше того: соседние народы, погибавшие или от междоусобий, или от внешних врагов, искали дружбы и соединения с русским народом, искали дружбы и соединения с русским народом, как, например, Грузия и даже Финляндия. Почему?

Потому что имя Белого Русского Царя издревле было всем хорошо известно, как воплощение правды, равной для всех, покровительства и защиты для угнетенных. Изменилось это лишь за последнее столетие, или даже меньше того, когда сами мы, все дальше уходя от своего родного духа и пути жизни, и к подвластным народам начали применять политику искусственной и насильственной русификации. Но беда в том, что под именем русского проводилось как раз именно не русское, а чуждое нам и искусственно натасканное на нас самих, исполненное гордыни и самолюбия, сухой черствости и холодного формализма и безразличия ко всему и ко всем, соединенное с болезненным упорством все вогнать в строго определенные и одинаковые рамки. Плодом этого и оказалось, что вместо того, чтобы всем под собою давать благо жить и развиваться, мы всех разозлили и вооружили против себя; мало того: теперь дело дошло даже до того, что присоединившиеся к нам по свободному договору и присоединение считавшие для себя величайшим благом теперь всеми силами ищут своей самостоятельности, а против нас настроены даже враждебно и почти воинственно. Все это плод того ложного пути, на который мы стали два века тому назад, презревши свое достояние и придя к кризису, под именем восхваляемой конституции представляющему конец и завершение всего петербургского, нерусского периода нашей истории.

Нет, должна быть целая, единая, неделимая Россия, какою мы унаследовали ее от предков для лучшего будущего. Пусть у нас, как встарь, будет сильный русский народ, дающий жить всем иным народам, составляющим нераздельное целое с ним. Пусть и мы русские, хозяева своей страны, и все у нас в стране наслаждаемся общим благом единой, сильной державы и не разделения ищем, а напротив, еще большего объединения. Но для этого нужно

отбросить всякий конституционный и партийный бред, лишь обессиливающий нас как государство и ведущий нас к разделению, а через это и под власть врагов. Должно быть восстановлено наше родное исконное Царское Самодержавие, почивающее прочно на теснейшей духовной связи Царя с народом и оберегающее общее государственное благо, не в ущерб и не в излишек какой-либо из составных частей целого Государства Русского. Этого желает и Царь наш, уже не раз возглашавший с высоты своего царского престола напуганному и вопрошавшему его народу, что самодержавие его останется таким, как было встарь. К этому делу очищения затемненного Его самодержавия и призывает Он свой народ. Этого только действительного народного пособничества Ему в общем отечественном деле Он и желает, и ждет от всех и каждого из своих подданных. Никаких кривотолков о Его в сем воле быть не должно. Никакой конституции с партийной борьбой за власть, как стараются это сделать, после опыта наших неудачных Дум быть у нас не может и не должно; такова воля и Царя, о сем взывавшего к народу, и народа, ясно уже обнаружившего свою волю против навязываемых ему новшеств, не свойственных его делу, как ни старались обмануть его разными подтасовками. Да живет наш Царь Самодержавный и единая неделимая Русь на благо всем своим народам!

Глава IX

Так подошли мы и к концу нашей речи. Надеюсь, теперь для всех ясно и понятно, с какой стороны нужно рассматривать русский гражданский строй. Дело не в борьбе двух режимов управления, а в борьбе между верой и неверием, между христианством и антихристианством. Древний антихристианский заговор, начавшийся от тех, которые кричали Пилату с яростью на Иисуса Христа: *распни, распни Его; кровь Его на нас и на чадах наших*, – продолжавшийся в разных разветвлениях и тайных обществах, в XVI веке вылился в особый тайный противохристианский орден "Рыцарей Храма", а в XVIII веке еще более определился в Иллюминатах, Розенкрейцерах и, наконец, в франкмасонстве слился со всемирной иудейской организацией. В конце XVIII и начале XIX века масонство скрывало свои противо-христианские цели под разными просветительными, благотворительными и чисто нравственными задачами. А теперь, забравши силу до того, что Франция оказалась совершенно в руках масонов, оно - масонство - там уже открыто гонит христианство из жизни; в конце же концов масонство и выльется в одного человека беззакония, сына погибели - Антихриста (2 Сол. 2 гл). В этом разгадка и наших самых последних свобод: цель их - погибель христианства на

Руси. Вот почему прежнее французское слово "либерал", означавшее у масонов "щедрого" жертвователя на масонские цели, а потом получившее смысл "свободолюбивого" по вопросам веры, теперь перешло уже в открытое антихристианство. В этом разгадка и той упорной борьбы за обладание школою, которая идет и в земстве, и в Государственной Думе: заберет школу либеральное течение – успех антихристианства обеспечен. Вот разгадка и сочувствия либералов всяким сектам в христианстве и нехристианским религиям. И сектанты не дремлют, принялись теперь и за малых детей. Недавно в Москве устроили сектантскую беседу для детей, в заключение которой поучали их, как отнестись к диаволу, если он явится им в чувственном виде, и давали совет отнестись к нему деликатно, вежливо, как и Христос к нему относился при жизни. Вероятно, советуется даже по головке погладить явившегося диавола, чтобы был поласковее. Следующим внушением, вероятно, будет совет кланяться диаволу, как это делают во Франции последователи "черной мессы". А вот и еще свидетельство о том же. Может быть, многие и из моих читателей видели и читали очень милое по наружному виду издание Горбунова-Посадова "Ясная Звездочка". Это хрестоматия для детского чтения. Отцы и матери, полюбуйтесь, что преподносится детям в изящной, безукоризненной по внешности книжке. Один смущенный ребенок своим зорким вниманием еще чистой перед Господом детской души открыл в этой книжке то, что, очевидно, ускользнуло от внимания родителей, к которым он и обратился со своим недоумением: почему из стихов Кольцова выкинуто все, что о Боге? В самом деле, в стихотворении "Урожай" оказались пропущенными строфы: "люди сельские Божьей милости ждали с трепетом и молитвою"; затем: "третью думушку как задумали, Господу Богу помолилися" – подчеркнутые слова пропущены. В описании ржи: "словно Божий гость на все стороны дню веселому улыбается" и заключительная строфа: "но жарка свеча поселянина пред иконою Божией Матери", – все это исключено. Как назвать это богоненавистническое безумие? Как назвать это литературное свинство? Для чего все это, понятно и без разъяснений. А подрастут ваши дети, попадут в университет – там Милюков и К°, так же подтасовывая и обманывая, будут учить их, что наука доказала происхождение человека от обезьяны. И сделают ваших детей действительно зверями, с той лишь разницею, что обезьяна смирное и послушное животное, а эти звери-человеки будут горды, дерзки, жестоки и грязны. Это еще только цветочки, а когда созреют ягодки-то освободительства, тогда такие свободы узнаете, что воплем отчаянным завоете, хуже чем полтысячи лет назад под лихим татарином. Вот в этом заговоре против Христа и вся разгадка всего освободительства, а вовсе не

в том, чтобы жизнь человеческую сделать лучшею и благополучною ради перемены одного гражданского строя на другой. Посему надлежит бережно хранить и смело, и твердо отстаивать то, что нам может обеспечить святое достояние веры Христовой. Как яда смертоносного, следует оберегаться всего, что предлагается вместо нашего родного и бытового достояния. Не обеспечит нам веры масонская конституция, как мы это видели выше. А Царское Самодержавие и обеспечивало, и может обеспечить ее в будущем по самому существу своему. Если мы желаем быть христианами, то за него, за это родное Самодержавие и стоять должны, как стоял в Смутное время блаженной памяти Патриарх Российский Гермоген. Если мы за Христа, то должны сторониться всего, что с Антихристом.

Глава X

После всего сказанного остается только кратко заключить - в чем же должна быть и наша деятельность в настоящую пору нашей гражданской жизни. Очевидно, в заботе о процветании церковно-на-родного дела. Все понимающие смысл событий должны уяснить в народном сознании родное нам Царское Самодержавие, чтобы народ мог дать должный отпор всем, кто льстивыми речами смущает его. Вместе с тем, нужно тщательно и задушевно раскрывать и нравственный смысл, духовное значение Царского Самодержавия во всей нашей народной жизни, чтобы все ясно понимали и ценили то незыблемое начало совести и духовного взаимного родства Царя и всего Русского народа, на котором основано и почивает наше исконное Царское Самодержавие.

А чтобы его единственно верное и вечное начало совести было действительной основой нашей народной жизни под Царем, нужно всячески стараться о твердом и светлом религиозно-нравственном воспитании народа, в постоянном памятовании, что иссякнет вера в народе, упадут нравы – тогда никакие законы не оградят общего народного благополучия от расхищения. Раз это все будет проведено в народное сознание, тогда поймут, кого следует и к Царю от себя посылать в Думу на совет. Это должны быть люди испытанной честности и ума; имеющие страх Божий в сердце; свято чтущие Царя; понимающие, что в Думу к Нему нужно идти не для криков и ругани, а на настоящий совет о том, в чем беда наша, какая есть неправда на земле и как устроить правду жизни. Ни о каком согласии с какими-либо партиями, хотя бы они льстиво и называли себя партией народной свободы, не может быть и речи. Народное дело и должно быть народным, а не партийным. А как только партии в народе, так и разложение народное. Только явное недомыслие и

непонимание народной души или излишняя, хотя бы и искренняя, горячность и задор при виде очевидных злоупотреблений у власти, – только это, вероятно, и загнало некоторых даже из духовенства в ряды разных трудовиков, кадетов и т. п. А настоящий народник, духом свой народу, никогда не успокоится на какой-либо партии без родного нам Царя Самодержавного. Напротив, видя явные ненормальности в нашей гражданской жизни, он чутьем вместе с народом поймет, что это потому лишь, что Царь не знает; а понявши это, он придет теперь на призыв скорбящего о наших бедах Царя и всею своею силою поможет ему устроить правду.

Первоначально напечатано в «Колоколе» за 1907 г., №№ 480, 481, 483 и 484.

Цари Иоанн и Петр Алексеевичи, малолетний царевич Алексей Петрович и патриарх московскй Адриан и митрополит киевский Варлаам (Ясинский). С гравюры Кариона Завулонского (1693 г.).

Спас Нерукотворный с предстоящими царями Михаилом Федоровичем Кротким и Алексеем Михайловичем Тишайшим. Федор Зубов. Оружейная палата (1678).

Священномученик Архиепископ Никон (Рождественский)

НЕИСПОВЕДИМЫЕ СУДЬБЫ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ИЗБРАНИИ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Царь и боговдохновенный пророк Божий Давид, созерцая дивные пути Господни в судьбах народов земных, говорит: «С небесе призре Господь, виде вся сыны человеческия. От готового жилища своего призре на вся живущыя на земли» (Псалом 32, стих 13). Удивляясь, как «Господь вникает во все дела их», как «разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов» (Пс. 32, ст. 15 и 10), песнопевец восклицает: «Блажен язык, емуже есть Господь Бог его, людие, яже избра в наследие себе» (Пс. 32, ст. 12).

Размышляя в благоговении о судьбах Божиих в истории России, невольно повторяешь эти вдохновенныя слова псалмопевца, применяя их к нашему народу: блажен, счастлив ты, Русский народ, которому Господ Бог вручил великое сокровище – святую веру православную, которого избрал Он предпочтительно из всех народов земных хранить это сокровище, а посему и самого тебя хранит, яко народ избранный; счастлив ты, что на самой заре твоего исторического бытия Господь послал тебе дивный образ отчества Верховной власти в лице твоего просветителя, славно-державного князя Владимира – Красного Солнышка, коего благословенный род провел тебя чрез целых семь веков многих исторических бурь и невзгод, давая тебе таких самоотверженных вождей и печальников земли Русской, каковы были: Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, Иоанн Калита, Димитрий Донской... Много согрешал ты перед Богом по немощи человеческой и Господь, вразумляя тебя, наказывал; но ты не изменял вере православной и потому Господь, наказуя тебя отечески, миловал, и в тяжкие годины испытаний, когда, казалось, ты стоял уже на краю гибели, Он посылал тебе, кающемуся, избавление.

Древние родословцы повествуют, что шесть веков тому назад, в мрачные годы монгольского ига, татарский мурза Чет, на возвратном пути из русских городов в Орду на Волге, при впадении в нее реки Костромы, тяжко заболел и во сне имел видение: ему явилась Пресвятая Богородица с Предвечным

Младенцем и с предстоящими пред Нею в молении св. Апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием.

Потрясенный этим видением, Чет дал обет креститься, если выздоровеет и, поправившись от болезни, приял Св. крещение, под именем Захария, а на месте бывшего ему видения построил монастырь, ныне именуемый Ипатьевским.

От этого Захарии пошел род Годуновых, которые считали Ипатьевский монастырь как бы родною себе обителью, делали в него вклады и способствовали его укреплению и возвышению.

Шли годы, многие знатные роды, роднясь между собою, вступали в родственные связи с царями всея Руси.

Но ни один из боярских родов не был так близок к потомству Св. Владимира, как род Романовых-Юрьевых-Захарьиных. Исследования родословия показывают, что в течение XIV, XV и XVI веков между представителями этого именитого рода и потомками князя Владимира было заключено 12, а по некоторым сведениям – 16 брачных союзов и, наконец, сам Царь Иоанн IV Васильевич женился на боярышне Анастасии Романовне Юрьевой-Захарьиной.

Браку этому предшествовало следующее обстоятельство, в коем несомненно проявлен был промысел Божий. В 1530 годах преподобный Геннадий Костромской прибыл в Москву и посетил, по приглашению, дом боярыни Иулиании Феодоровны, супруги окольничьего Романа Юрьевича Захарьина, прабабушки Михаила Феодоровича, и, благословляя детей ее: Даниила, Никиту и Анастасию, сказал последней: «ты ветвь прекрасная, плодовитая, будешь нам Царицею». Его предсказание сбылось в точности; Анастасия была первою супругою Иоанна Грозного, любимицей Царя и народа: благоговейное воспоминание о ее добродетелях много содействовало призванию на Царство сына ее племянника – Михаила. Преподобный Геннадий в 1549 г. сам присутствовал при крещении дочери Царицы Анастасии Романовны.

Таким образом, Романовы-Юрьевы-Захарьины и по свойству и по родству с Государями Московскими преемственно были ближайшими к Царскому роду между боярами и, пользуясь вполне заслуженным доверием Царским, занимали в Государстве Московском первые места. И у Престола Царского, и в делах ратных, и в службах посольских это были, поистине, вернейшие, храбрейшие и усерднейшие слуги Царя и Отечества.

Самыми видными представителями Рода Романовых в те времена были: боярин дворецкий Никита Романович, брат Царицы Анастасии и его старший

сын Феодор Никитич, даровитейший человек своего времени. Преисполненный высокими качествами ума и сердца, он был украшением московского боярства и пользовался большою известностью даже между иноземцами. Оба они: и отец, и сын, отличались необыкновенною скромностью и благочестием, а Никита Романович так и звался в народе «печальником опальных». Царь Иоанн Васильевич настолько ценил заслуги Никиты Романовича, что назначил его, перед своею кончиною, членом верховной думы при Наследнике Царевиче Феодоре Иоанновиче, с титулом «правителя».

Во второй половине XVI века породнились с Романовыми и с Царскою семьею Годуновы: Иван Иванович Годунов женился на боярышне Ирине Никитишне Романовой, племяннице Царицы Анастасии, а Царевич Феодор Иоаннович вступил в брак с Ириной Феодоровною, родной сестрою Бориса Феодоровича Годунова.

Но Богу угодно было к царственному служению Родине приуготовить семью Романовых страданиями и тяжким крестным подвигом. Пока жив был Царь Феодор Иоаннович, Годунов наружно старался поддерживать самые дружеские отношения с Романовыми, так что престарелый Никита Романович, обманутый этою дружбою, умирая, поручил ему свою семью, при чем Годунов клялся, что будет заботиться о его сиротах, как о своих детях, а когда сам Борис сделался Царем, то решил одним ударом отделаться от всех Романовых. Их оклеветали в злом умысле против Бориса и боярин Феодор Никитич и его супруга были разлучены и насильственно пострижены в монашество, а братья Феодора: Василий, Александр, Михаил и Иван Никитичи сосланы в далекие пределы Северного края, где трое из них, после тягостного года ссылки, были умерщвлены жестокими стражами.

Старший из братьев, Феодор Никитич, постриженный под именем Филарета, был заточен в Антониевом Сийском монастыре, супруга его Ксения Ивановна, во инокинях Марфа, отправлена в Заонежье, а их сын 5-летний Михаил с тетками – сослан на Белоозеро, и все они трое неисповедимым Промыслом Божиим уцелели от руки гонителя, во спасение нашего Отечества.

В 1605 году судьба Романовых совершенно неожиданно изменилась. Среди наступившей смуты и нашествия самозванца Царь Борис Годунов скоропостижно скончался, а его сыт был убит.

Воцарившийся самозванец, желая показать, что он почитает родственников якобы родителя своего – Царя Грозного, – возвратил из ссылки всех оставшихся в живых Романовых, а инока Филарета возвел в сан митрополита Ростовского.

Процарствовав 11 месяцев, Лжедмитрий был свергнут с Престола князем Василием Ивановичем Шуйским, который сам сделался Царем, но смута не унималась: появлялись новые самозванцы, по всему лицу земли Русской бушевали разбойничьи шайки и четырехлетнее царствование Шуйского было сплошным несчастием.

В 1610 году нелюбимый ни боярами, ни народом Шуйский был свергнут с Престола и насильственно пострижен в монахи и водворен сначала в Чудовом, а потом в Иосифовом Волоколамском монастыре, а верховная власть перешла к совету, состоявшему из семи бояр, которые, под страхом окончательного разорения и покорения Московского Государства королем Сигизмундом, или воцарения Тушинского вора и под давлением гетмана Жолкевского, вошедшего в Москву с польским войском, присягнули сами и народ Московский заставили присягнуть сыну Сигизмунда королевичу Владиславу.

Сигизмунд не вполне остался доволен таковым решением боярской думы и требовал присяги не только сыну своему, но и себе и для подкрепления своих требований, во главе польского войска, осадил город Смоленск.

Тогда для переговоров с Сигизмундом под Смоленск было отправлено Великое Московское посольство, при чем происками Жолкевского, чтобы удалить из Москвы опасных для Владислава соперников, во главу посольства были поставлены: митрополит Ростовский Филарет и боярин князь Василий Васильевич Голицын, которым Святейший Патриарх Московский и всея Руси Гермоген накрепко наказал требовать, чтобы Владислав до прибытия в Россию принял православие, не входил в сношение с римским папою, не строил в Москве костелов и не держал ксендзов, наказывал бы смертью отступников от православия, женился на русской, имел при себе ограниченное число поляков и не ставил их на государственные должности.

Сигизмунд не соглашался на условия Московского посольства и требовал от Филарета и князя Голицына, чтобы они приказали боярину Шеину сдать ему Смоленск, а сам посылал в Москву Жолкевскому секретные грамоты, что королевича он на Московский престол не отпустит, а Государством Московским будет управлять сам.

Поняв, что Сигизмунд только тянет переговоры, чтобы выиграть время, а сам обманывает русских, Гермоген, опасаясь допустить на Московский престол такого заклятого врага православной веры, разрешил Московский народ от присяги королевичу Владиславу, запретил присягать Сигизмунду и разослал по городам грамоты, призывая народ ополчиться за святую веру и идти на очищение Москвы от поляков.

Когда под Смоленск пришла весть, что к Москве собираются ополчения городов, Сигизмунд приказал заковать Московских послов в цепи и отправил их, как пленников и заложников, в дальние польские крепости.

По очищении Москвы князем Пожарским, был созван Великий Земский Собор, состоявший из высших духовных чинов, бояр, воевод и выборных людей всякого звания, съехавшихся со всех концов земли Русской.

Прежде чем приступить к избранию Царя, этот Земский Собор три дня постился и в Успенском храме у Св. Мощей угодников Божиих усердно просил благодатной помощи в великом предстоящем деле.

7-го февраля в первом же совещании на Соборе было единодушно провозглашено имя боярина Михаила Феодоровича Романова, но для большей уверенности в том, что это есть истинное желание всей земли, Собором были посланы особые уполномоченные проверить по городам подлинность мнения их выборщиков.

Посланные вернулись и подтвердили, что во всех городах и уездах, во всяких людях от мала и до велика та ж мысль: что быти на Московском Государстве Государем Царем Михаилу Феодоровичу Романову».

21-го февраля архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит, как старший из всего освященного Собора, с келарем Троицко-Сергиевой Лавры Авраамием Палицыным и с боярином Василием Петровичем Морозовым вышел из Кремля на Красную Площадь и с Лобного места спросил у собравшегося народа, кого они хотят в Цари.

Народ Московский ответил: «Михаила Феодоровича Романова».

Юный новоизбранный Царь со своей матерью, великою старицею инокинею Марфою Ивановною, находился в Костромской Романовской вотчине, селе Домнине и от преследования искавших его Польских и Литовских шаек лихих людей должен был укрываться в Костромском Ипатьевском монастыре.

Великий Московский Земский Собор, утвердив свое избрание грамотою, снарядил особое посольство с архиепископом Феодоритом и боярином Феодором Ивановичем Шереметевым во главе идти в Костромские пределы просить Михаила Феодоровича пожаловать на Государство.

Трогательными чертами изображают летописцы моление послов от Земского Собора пред смиренным отроком. С одной стороны, в лице послов покаянное чувство исстрадавшегося народа, жаждущего твердой, Богом установленной власти; с другой – искреннейшее смирение юного избранника Божия, сознающего все величие и тяготу возлагаемого на него креста служения Царственного и свое к тому недостаточество; а рядом с сим полная

мудрости и жизненного опыта стойкая твердость старицы-матери, и в конце всего всесовершенная преданность воле Божией и матери и сына.

«Аще есть на сие воля Божия, буди тако», изрек Михаил, и с этой священной минуты он стал Великим Государем и Самодержцем всей Русской земли, благочестивая мать взяла сына за руку и вместе с ним благоговейно склонила колени перед благодатным ликом Феодоровской иконы Богоматери: «В твои пречистыя руцы предаю чадо мое: настави его на пути истины, устрой ему полезная, а с ним и всему роду Христианскому».

Так великая старица благословила своего сына на великий подвиг служения Царского; так совершилось воцарение Михаила Феодоровича, спасителя Веры и Царства; так благословил, наконец, Господь, Царь царствующих, многострадальную землю Русскую дарованием ей Царя по сердцу Своему, благословенного родоначальника ныне благополучно царствующего Дома Романовых.

Насколько глубоко воспринято было сердцем народным это призвание Михаила Феодоровича на Царство именно как великой милости Божией к народу Русскому, как явное указание Божие, свидетельствует самоотверженный подвиг простого крестьянина Ивана Сусанина. Он явился в свою очередь также избранником Божиим, чтобы запечатлеть своею мученическою кровию любовь народную к Царю, избраннику по сердцу Божию.

Сопоставляя события, предшествовавшие воцарению Михаила Феодоровича и сопровождавшие оное, и проникая в глубину внутреннего их смысла и связи между собою, не можем не видеть Промысла Божия, явно руководившего историческими судьбами, приведшими на Престол Русский чудесно уцелевший отпрыск многострадального Рода Романовых, в лице Михаила Феодоровича, и сохранившими, ради юности его, маститого его родителя, мудрого советника в делах Государственных.

В течение веков Романовы верою и правдою крепко и честно служили Царям и Родине, не возносясь в гордости и не употребляя во зло близости своей к Царской Семье, и когда умирающий Царь Феодор Иоаннович предполагал передать скипетр двоюродному своему брату Феодору Никитичу Романову, тот смиренно уклонился от этой чести, явно действуя в пользу шурина Царского Бориса Феодоровича Годунова.

Насильственным пострижением и заточением отплатил ему неблагодарный Годунов, но, неисповедимыми путями Божиими, через это самое пострижение Филарет достиг величайшего святительского сана Патриарха.

Вся семья Романовых была обречена Годуновым на истребление, но младенчество Михаила Феодоровича спасло его от гонения.

Самозванец, принявший имя убиенного Царевича Димитрия, казалось, пришел и воцарился на погибель Государства Московского, но неисповедимыми судьбами он оказался орудием Промысла Божия, так как вызвал из ссылки остатки семьи Романовых, поставил Феодора Никитича митрополитом Ростовским и тем самым спас для России Царя и Патриарха.

Предки Царя Бориса Годунова, как бы в предвидении, что между потомками их явится жестокий гонитель Романовых, и как бы искупая вперед содеянный им тяжкий грех, устраивали и укрепляли Ипатьевскую обитель, неисповедимым Промыслом Божиим сделавшуюся местом спасения избранника Божия и народного.

Великое Московское посольство, ввергенное Сигизмундом в оковы и тяжкое заточение, почти все погибло в неволе, не исключая и первого боярина князя Василия Васильевича Голицына; неисповедимыми судьбами Промысла Божия уцелел лишь один митрополит Филарет, которого Господь после шести лет тяжкого плена и заточения привел на престол Патриарший.

Перст Божий и покровительство Божией Матери, во всем этом несомненные и очевидные, проявляются также и в следующем:

Осенью 1263 года великий печальник земли Русской благоверный великий князе Александр Ярославович Невский, возвращаясь из Орды, дорогою занемог и, не чувствуя себя в силах продолжать путь, остановился в расположенном на берегу Волги, недалеко от Костромы, городе Городце, у сродника своего, тогдашнего удельного князя Городецкого, и 14-го ноября, приняв схиму, предал праведный дух свой Господу перед иконою Пречистой Его Матери, именуемою Феодоровскою, которая составляла и поныне составляет главную святыню древнего Городца, а 14-го марта, 1613 года, также близ Костромы, в Ипатьевском монастыре, иконою того же явления Божией Матери Феодоровския великая старица инокиня Марфа Ивановна благословляет на Царство сына своего Михаила.

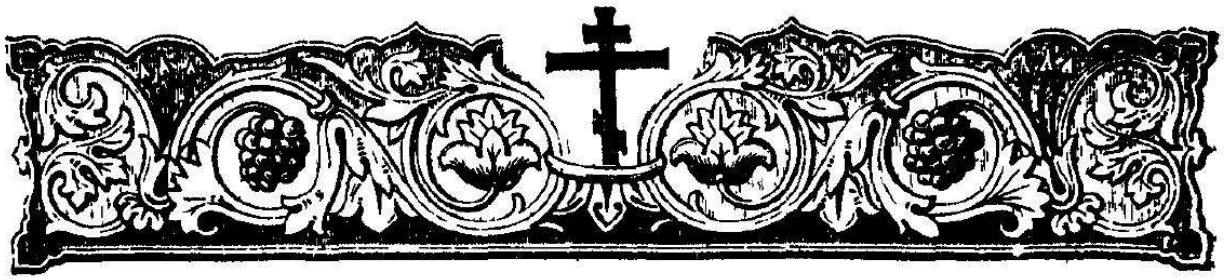
Не знаменательно ли, что одна и та же икона Божией Матери была свидетельницею кончины прародителя старой Московской династии и участницей благословения на Царство родоначальника новой.

Мы, верныя чада Русской земли, послушные чада Церкви Православной, веруем и исповедуем, что Господь наш есть Владыка царей земных (Апок. 1, 5), Царь царствующих и Господь господствующих (1 Тим. 6, 15), что Он возносит избранных от людей Своих (Пс. 88, 20) и посаждает их на престоле (Пс. 131, 11), и Его премудростию они царствуют (Притч. 8, 15). Тако веруем и

радуемся о Царе своем, и молим Бога, да возрадуется и Царь наш о Господе, да исполнит Господь вся прошения Его во благо родного Ему народа, и да хранит благословенный Род Его могуществом Десницы Своей на многие веки. Аминь.

Летописный и лицевой изборник Дома Романовых. Юбилейное издание в ознаменование 300-летия царствования, 1613-1913 гг. Издание С. С. Ермолаева. Вып. 1. М., 1913. С 27-32.

Благоверный Император Михаил Романов Самодержец Российский
– основатель Царского Рода Романовых,
сын Святейшего Патриарха Московского Филарета.



Митрополит Антоний (Храповицкий)

САМОДЕРЖАВИЕ И ЦЕРКОВЬ.

Проект законоположений о Православной Российской Церкви.

От Ред.: *Владыкой Антонием был разработан проект для установления норм взаимоотношений между Самодержцем и церковной властью и этот проектъ был изложен в следующих пунктах.*

Как, вы стоите за абсолютизм? Вы, который всю жизнь посвятили на отстаивание свободы церковной от царского засилия и в этих убеждениях воспитали целые поколения? Ведь около ста архиереев и сам Патриарх Тихон ваши ученики по академии и вы теперь отстаиваете самодержавие русских царей?

Отвечаю: я всегда его отстаивал и всегда говорил, писал и печатал, что всякая конституция в России есть дверь для революции и не только против самодержавия, но прежде всего против Церкви. В последнем и революционеры более заинтересованы, чем в первом. Даже большевики, указывая на памятник Петру I, говорили: «Он наш, его мы не тронем». Ничего, что Петр был абсолютист больше всех прочих Царей, но он не церемонился с Церковью и архиереями.

Да мы неоднократно сетовали в печати на царский деспотизм и произвол в церковной жизни, но и указывали на то, что такая зависимость церковной жизни от Самодержца далеко не так унизительна и не так сильна, какъ при конституциях разного рода и тем менее при республиканских, когда высшая церковная власть находится в полном рабстве у 1) министра духовных дел, 2) у совета министров, 3) у парламента и 4) все-таки монарха. Затруднения помимо злой воли и враждебности к религии со стороны светской власти заключается еще в трудности самой задачи, самой проблемы об отношении церковной власти к государственной. Об этом написаны целые книги еще со времен Златоуста, но воспроизводить эти исследования и программы в историко-каноническом смысле мы не будем, а ограничимся приведением нашей

краткой формулировки в восемнадцати параграфах, составленных по поручению представителя прежней государственной власти.

Правда, помянутое затруднение о разделении властей в этом проекте не вполне устранено. Собственно затруднение это двояко — одно, пожалуй, устранено в проекте — о способе назначения главы Церкви, т. е. Патриарха, но не устранено второе — об утверждении дел, касающихся одновременно и церковной и государственной жизни, здесь определенное разграничение в законодательном акте или проекте едва ли возможно, ибо навсегда останется неразрешенным вопрос о том, к какого рода делам должно относить некоторые вопросы, связанные с церковной и государственной жизнью, например, о преподавании закона Божия в светской школе, о содержании духовенства и т. п.

Правильное разрешение таких вопросов зависит от добросовестного отношения к ним обеих властей и, в частности, от того, согласны ли они следовать слову Апостола Павла: «друг друга честью большя творящя».

Конечно, за уступчивостью представителя Церкви дело не станет и никогда у нас не стояло, но ведь это не разрешение вопроса. Справедливо писал И. С. Аксаков († 1887), что наши высшие иерархи возбуждали огорчение и даже негодование не попыткой к расширению своей власти в государстве (как, например, католики), а беспрекословной уступчивостью подчас существованным правам и требованиям церковного права и церковной пользы.

В вышеизложенном проекте, хотя не безусловно, (что невозможно) но, по крайней мере, по возможности устанавливаются нормы взаимоотношений между Самодержцем и церковной властью.

§ 1. В Российском Государстве, как Государстве христианском и православном, Православная вера есть первенствующая и господствующая.

§ 2. Император Всероссийский почитает Себя верным сыном Православной Церкви и не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной.

§ 3. Император Всероссийский, яко православный Государь, есть Верховный защитник Православной Церкви и охранитель ее веры и всякого в Церкви святой благочиния.

§ 4. Император Всероссийский, как Глава русского православного народа, считается защитником и покровителем всех православных христиан во вселенной и имеет попечение об их нуждах.

§ 5. Император Всероссийский, в ближайшее время по восшествии на прародительский Престол, сподобляется, по обычаю древних христианских

государей и Боговенчанных Его предков, Священного Миропомазания по древнему чину Православной Церкви.

§ 6. По установленному при Царе Алексее Михайловиче чину, должно совершаться поминовение Его Императорского Величества и Его Августейшей Семьи на богослужении, а равно и погребение умирающих Высочайших Особ.

§ 7. Порядок избрания Патриарха будет установлен в России Императором совместно с Архиерейским Собором в согласии с древним обычаем. Император об избрании Патриарха оповещает Высочайшим Манифестом, награждает Патриарха орденом Андрея Первозванного и жалует ему полное патриаршее облачение.

§ 8. Православные иерархи, начиная с Патриарха, должны быть верноподанными Российского Императора.

§ 9. Епископы не могут умалять чести Императора. В противном же случае они подлежат ответственности по правилам Карфагенского и иных Соборов.

§ 10. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и сношениях с другими Автокефальными Церквами незазисима от государственной власти и, руководясь заповедями Божиими и своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда, правами самоопределения и самоуправления. Все акты и определения Церковной Власти, в пределах, в сей статье указанных, имеют законную силу.

§ 11. Дела церковно-государственные, требующие издания новлго закона, дополнения, изменения или отмены существующего закона, а также новых или дополнительных от казны ассигнований, разрешаются по соглашению с государственною властью.

§ 12. Патриарх имеет непосредственное сношение по делам Церкви с Императором. С высшими государственными установлениями Патриарх сносится через Референдария. Референдарий избирается Патриархом и утверждается Императором, после чего Патриарх совершает над ним хиротесию.

Патриарх имеет древнее право печалования пред Государем Императором за всех опальных, заключенных и невинно страждущих.

§ 13. Император сносится и объявляет свою волю Патриарху чрез своего личного представителя, несменяемого при смене кабинетов.

§ 14. Император обращается к Патриарху по делам государственным в форме — «повелеваю», а по делам церковным «сыновне прошу». Патриарх

обращается к Императору в форме — «всеподданейших докладов» по делам государственным, а по церковным почтительно извещает.

§ 15. К Всероссийскому Священному Архиерейскому Собору Император, если пожелает обратиться непосредственно, то пишет по делам церковным — «сыновне прошу». К Императору Собор обращается в форме — «всеподданнейших просьб».

§ 16. В Российском Государстве, все не принадлежащие к Православной вере подданные, природные и в подданство принятые, также иностранцы, временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной, а также правом проповеди, в частных или особо к тому установленных зданиях.

Примечание: Свобода вероисповедания не распространяется на лиц, исповедующих учения явно безнравственные или антигосударственные .

§ 17. Свобода вероисповедания присвояется не только христианам инославных исповеданий, но и всем иноверцам: да все народы в России пребывающие, возносят молитвы разными языками по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствования Российских Монархов, моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи.

Примечание: Все инославные и иноверные религии, коим присвоятся свобода вероисповедания, будут своевременно указаны в особом перечне.

§ 18. Лица, не исповедающие никакой религии или принадлежащие к религиям, Государством не признанным, подвергаются некоторым ограничениям, в Государственных законах указанным, но во всяком случае они лишаются права вступать в церковный брак с православными христианами и не могут занимать должности по военному, гражданскому и судебному ведомству, а также педагогические.

«Царский Вестник». Орган народного движения за восстановление Престола Православного Царя-Самодержца (Белград). № 3. 2 сентября (20 августа ст. ст.) 1928 г. С. 2-3.

Епископ Григорий (Граббе)

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В БУДУЩЕЙ РОССИИ.

Предисловие Митрополита Антония (Храповицкого): *Предлагаемая статья под заглавием: «Церковь и государство в будущей России», принадлежащая перу научно-осведомленного и талантливого автора Юрия Павловича Граббе, по прямой линии правнука знаменитого А. С. Хомякова, отличается полной канонической и философской осведомленностью и совмещает в себе, кроме теоретической обоснованности, еще и твердую практическую перспективу и в этом смысле может служить программной статьей для православных канонистов и практических работников в области церковного управления. Достоинства ее заключаются, между прочим, в том, что она, исходя из бескомпромиссного верования в догматическую Церковь, отлично сознает, что и церковные иерархи не ангелы и, изымая их из прямого подчинения государственной власти, она не требует совершенного отрешения их деятельности от наличной жизни народа и государства, но стоит на точке зрения независимости церковного управления от мирской власти, но отнюдь не отрешения последней от государственной жизни и тем менее от жизни народной.*

* * *

Целью человеческой жизни на земле должно быть спасение души, т. е., по слову Христову, постоянное совершенствование своей нравственной природы на пути к недостижимому в полной мере идеалу — совершенству Божию (Мф. 5, 48). Вследствие падения первых людей, достижение этого совершенства связано для каждого из нас с большой работой над собою — Царство Божие нудится (Мф. 11, 12). Но грех прародителей повлек за собою не только порчу нравственной природы человека, но и вместо легкой райской жизни, сделал

необходимой физическую борьбу за существование: в поте лица нашего снедается хлеб наш.

Трудности земного существования не допускали обособленной жизни людей и приводили к единению родов в общества, постепенно развивавшияся в государства. Но если таковы внешние, материальные причины возникновения государств, то было бы крайне ошибочно упустить из виду другую сторону вопроса. Человек состоит не только из тела, но и из души. Тяготы жизни ложатся на эту последнюю часто еще в большей мере, чем на тело и взаимная моральная поддержка необходима людям не меньше, чем физическая. Так в народах объединялись не только тела, но и души.

Природа человеческая проявила способность массового душевного совершенствования или упадка. Народ — это коллективный организм, который обладает главными свойствами своих отдельных сочленов. Поэтому государство, в зависимости от тех принципов, которые старается осуществить, оказывает сильнейшее влияние на каждого отдельного своего подданного, создавая условия жизни, способствующие или препятствующие делу спасения его души. Т. н. демократия приводит народы к нравственному упадку. Очень образованный и наблюдательный человек кн. Д. А. Хилков, пожив в Америке, пришел к выводу, что республика «вызывает в человеке наихудшие его инстинкты и качества. Проповедуя равенство, на деле не существующее, она извращает все его понятия и на деле, как напр. в Америке, приводит к господству самых низменных и пошлых идеалов». (Письма, Богосл. Вестник, июль-авг. 1916). Вот почему смысл существования государства, его задачи, нельзя ограничивать одним удовлетворением материальных потребностей (экономических, полицейских и т. д.). Его главная задача материальная, земная, но оно не должно в служении телу забывать о душе, хотя дело спасения ее прямо лежит не на нем, а на Церкви, которой государство обязано оказывать всяческую поддержку.

Но даже если отбросить указанные нами высшие идеалистические цели, государство должно всячески поддерживать Церковь ради себя самого, ибо здоровая нравственость народа, невозможная без религиозного на него воздействия, необходима и для государства, как такового. Народ, не проникнутый никакими высшими религиозно-моральными принципами, народ без веры, скоро развращается и рано или поздно приводит государство к полному развалу. Разрушение древних империй связано прежде всего с духовно-нравственным падением их народов. Отсюда видно, насколько важно и для Церкви и для Государства правильно установить свои взаимоотношения так, чтобы Государство, выполняя свои прямые задачи, не мешало, а помогало

Церкви и эта последняя, оздоровляя, совершенствуя народ, укрепляла благоверное государство. Я говорю именно о благоверном Государстве, ибо отношения между Церковью и Государством находятся прежде всего в зависимости от идеалов, лежащих в основе последнего. Если идеалы эти антихристианские, то Церковь не может не бороться так или иначе с осуществляющим их Государством. В таком случае уже самое существование ее есть борьба с ним и она естественно оказывается в состоянии гонимой (древний Рим, СССР). В Государстве же безрелигиозном, не отличающемся воинствующим антихристианством, но и не исповедующем Христианство, Церковь фактически оказывается в положении только терпимого общества. Полное развитие блзготворного влияния Церкви на народ достижимо лишь в том случае, когда между Ею и Государством существует союз, а это возможно только если последнее православно, т. е. сообразует свою жизнь с учением Церкви о вере и добродетели. Конечно, это связано с моральным подчинением Государства Церкви, которое, однако, не должно бы пугать христиан, ибо, если в своей личной жизни они стремятся к соблюдению учения Христа Спасителя, то к тому же должны стремиться и будучи объединены в народ .

Но Церковь никогда не добивалась такого слияния с Государством (или, точнее, такого поглощения Государства), при котором архиереи, например, были бы одновременно и губернаторами. Она хочет только, чтобы государственная жизнь в общих линиях направлялась соответственно Ее учению. Так и в частной жизни отдельных сынов своих Церковь через пастырей постоянно научает их добродетели, но не вмешивается, например, в ведение ими домашнего хозяйства или торговли, пока они явно не нарушают в этих делах своих заповеди Божии.

Само собою разумеется, нормальные отношения между Церковью и Государством достижимы не при всяком образе правления. В нашу задачу не входит обсуждение постановки этих отношений при демократическом строе, при котором Церковь в России всегда будет если не гонимой, то, в лучшем случае терпимой. Церковь, основанная на иерархичности и послушании, слишком противоположна строю, основанному на примате воли народной, никаким религиозным началом не ограниченной. Поэтому действительный союз Церкви с Государством возможен только при Монархии, и при том, по справедливому замечанию Льва Тихомирова, только при Монархии Самодержавной, имеющей в основе своей власти волю Божию. Но и при Монархии возможна неправильная постановка взаимоотношений. Тихомиров насчитывает три типа отношений ее к религии:

«1. Превращение верховной государственной власти в центр религии. Тут происходят различные степени обожествления Монарха. Наиболее типично такое отношение в языческих государствах. В христианских же оно проявляется в различных степенях так называемого цезарепапизма.

2. Полную противоположность этому типу государственно-религиозных отношений составляет подчинение государства церковным учреждениям. Сюда относятся различные формы жрецократии, иерократии, папоцезаризма. Здесь в сущносги нет монархической власти.

3. Третий тип отношений составляет союз государства с Церковью, который достигается подчинением Монарха религиозной идее и личной принадлежностью к Церкви, при независимости его государственной верховной власти. Это можно назвать истинным выражением теократии (а не иерократии) т. е. владычеством Бога посредством Царя, Богом (а не церковной властью) делегированного». (Монархическая Государственность, т. III, стр. 67).

Далее Тихомиров отмечает, что для «чистой» т. е. Самодержавной Монархии только и возможен третий тип отношений. Дело в том, что при народоправстве на котором основано большинство современных государств, по идее, государство управляется не этическим началом. Демократия по идее имеет целью обеспечить только материальные интересы всех граждан, ставя их в равноправное положение. В основе демократии лежит отстаивание прав, а не сознание долга и ответственности. Наоборот, монархия зиждется на верховенстве этического начала, источником которого является Церковь се Ее учением о добродетели, что и приводит Монархию к сознательному исканию союза с Церковью. «При этом, говорит Тихомиров, является двойная задача: для Монархии нужно сохранить свое верховенство во всей области государственных отношений, в которые входит церковная организация. Для Церкви — в свою очередь нужно сохранить свою верховную власть в области духовной. Во всей же области социальной взаимные отношения Церкви и Государства определяются желаниями и потребностями церковной организации, посколько их признает удовлетворимыми Государство и, требованиями Государства, посколько им способна подчиняться Церковь» (там же, стр. 83-84).

Именно такова была постановка отношений между Церковью и Государством Византии и в Московской Руси до упразднения Патриаршества Петром Первым. Начало этим отношениям было положено первым христианским Императором Константином. Черпая свои мысли в христианском мтровоззрении, он создал новую идейную основу для власти,

результатом чего было возрождение Империи. Церковь со своей стороны признала его заслуги перед нею, причислив его к лику святых.

Каковы же идеи Константина о верховной власти и отношении ее к Церкви?

Известный церковный историк Евсевий, близко знавший Императора, говорит, что он смотрел на себя как на Божия служителя, действующего об руку с Церковью. Он считал, что власть ему дана для привлечения рода человеческого к служению «священнейшему закону» т. е. христианскому. Св. Константин, наконец, называл себя «епископом внешних дел» и «сослужителем епископов» (в речах к Первому Вселенскому Собору). Проф. Курганов так разъясняет смысл этих наименований: «Императоръ считалъ себя обязанным заботиться о мире святых Божиих церквей, наблюдать за точным исполнением церковных постановлений между своими подчиненными мирянами и самим духовенством и заботиться о распространении христианства между язычниками».

Идеи св. Константина получили осуществление и при его преемниках, хотя, конечно, нередки бывали и ошибки, и злоупотребления. Но, во всяком случае, принципы были правильны. Поэтому и все построение церковно-государственных отношений в Византии дает нам ценный материал для будущего. Ниже я по возможности использую его, а покуда коснусь того положения, которое было в России как до реформы Петра Великого, так и после нее. Работа о. Иоанна Максимовича[1] освобождает меня от необходимости останавливаться на церковной истории Московской Руси. Достаточно сказать, что Церковь и Государство сотрудничали там довольно гармонично, хотя, конечно, бывали самые горестные ошибки, как со стороны иерархов, так и со стороны Царей. Значение Церкви в нашей истории общеизвестно. Она влияла и на государственную политику, и на законодательство. Митрополиты, а потом Патриархи принимали ближайшее участие в делах правления. Голосъ Церкви оказалъ громадное влияние на законодательство, ибо иерархи принимали участие в разработке законов, — для которых одним из главных материалов служили правила Церкви. Так, напр. во вступлении Уложения Царя Алексея Михайловича читаем: «Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Русии Самодержец в двадесятое лето возраста своего, в третье лето Богом хранимыя своея державы, советовал с Отцем своим и богомольцем, сватейшим Иосифом, Патриархом

[1] Иоанн, епископ Шанхайский. *Происхождение Закона о Престолонаследии в России*. Шанхай 1936.

Московским и всея Русии, и с Митрополиты и со Архиепископы, и с Епископом, и со всем освященным собором, и говорил с своими Государевыми бояры, и с Окольничими и с думными людьми, которыя статьи написаны в правилах Святых Апостол, и Святых Отец, и в градцкихъзаконех Греческих Царей, а пристойны те статьи к государственным и земским делам. И те бы статьи выписать».

Но при всем том, при Тишайшем же Царе выявилась возможная опасность чрезмерного захвата власти в Церкви Государством. Епископы в своем управлении, в назначениях священнослужителей были все более и более связываемы Монастырским Приказом. Вот причина, почему на соборе 1667 г. в защиту самостоятельности Церкви выступали и некоторые враги Патриарха Никона. Митрополит Павелъ Крутицкий и архиепископ Илларион Рязанский говорили Восточным Патриархам: «мы... терпим всякую нужду в своих епархиях и всякие затруднения, и хотя много тяжкого по неволе терпеливо переносим от властей: но страшимся еще худшего впереди, когда утверждено будет, что государство выше Церкви, хотя и не имеем в виду той мысли, чтобы пришлось нам терпеть такие несправедливости и оскорбления в благополучное царствование богохранимого и добропобедного Царя нашего Алексия Михайловича, боимся за будущее...» (Из соч. Паисия Лигарида, Богосл. Вестник, окт. 1892, стр. 58-59). Решение Собора, вынесенное в духе Византии, удовлетворило всех. — «Итак, заключили Патриархи, да будет положен конец слову. Да будет признано заключение, что Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх в церковных, дабы таким образом, сохранилась целою и непоколебимою во веки стройность церковного учреждения. Все воскликнули: сие есть мнение богоносных отец, так мыслим все»... (тамъ же, стр. 62-63).

Но такое принципиальное разграничение сфер совсем не равносильно отделению Церкви от государства. Оно существовало уже в Византии и тем не менее Императоры принимали громадное участие в жизни Церкви. Они охраняли Церковь от беспорядков, созывали соборы, и наблюдали за проведением в жизнь их постановлений, принимали деятельное участие лично или через представителей в заседаниях соборов и синода, ставили соборам на разрешение различные вопросы, касающиеся церковного благочиния и учения. Церковь признавала благодетельность этой опеки. И когда пала Византия, Восточные Иерархи признали русских Царей преемниками Басилевсов — охранителей Вселенской Церкви (см. грамоту собора 1561 г. под председательством Константинопольского Патриарха). В качестве таковых они стали Царями всех православных. Так, напр., в рукописи, хранящейся в

одной из церквей Сремских Карловцев под 1711 годом записано: «В том же году поднялся благочестивый и христолюбивый князь Московский царь и самодержец всех православных повсюду обретающихся Петр Алексеевич со всею силою своею на Измаильтян. Помоги Господь Царю нашему».

Но участвуя в жизни Церкви, иногда применяя строгие меры к некоторым недостойным иерархам, созывая соборы, силою мешая внести в них беспорядок, утверждая их постановления, — Византийские Императоры и наши Цари признавали себя не самовластными, а обязаннными соблюдать преждебывшие церковные постановления. В этом отношении было исключением решение Петра Первого об упразднении Патриаршества. Необходимость возглавления всякой поместной церкви старшим иерархом установлена 37 правилом Св. Апостолов и во всю историю Церкви не известно примера, чтобы где-нибудь существовало управление ею подобное тому, которое установилось в России с 1721 года. История знает грубые насилия Византийских Императоров, сводивших Патриархов с престолов и назначавших новых, нарушая т. о. каноны, но никто из них не посягал на самый строй Церкви. Впрочем реформа опиралась не на канонические основания, а на соображения о возможности соперничества между церковной и государственной властями. Она откровенно была направлена к ослаблению церковной власти, которая apriori признавалась неправой во всяком могущем возникнуть столкновении с государством. Это ясно высказано в духовном Регламенте; «от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единаго собственнаго правителя духовнаго». Под «соборным правлением» тут конечно надо понимать не управление при помощи соборов в собственном смысле, а правление коллегиальное. Заметим еще, что ни один Патрииарх у нас никогда не принимал участие ни в каких мятежах. «Ибо простой народ, продолжает Регламент, не ведает како разнствует власть духовная от Самодержавной: но великою высочайшаго пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковый правитель, есть то вторый Государь Самодержцу равносильный или и больший его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство и се сам собою народ тако умствовать обыкл». Далее Император прямо ставится *во всех вопросах* над церковною властью и даже называется верховным пастырем: «Тако простые сердца мнением сим развращаются, что не так на Самодержца своего, яко на верховнаго пастыря в коем либо случае смотрят». Упразднение Патриаршества мотивируется тем, что в случае столкновения между Царем и Церковной властью народ может примкнуть к Патриарху. Но, говоря о папоцезаризме, автор Регламента не может привести фактов, подтверждающих

основательность такого опасения. Он ссылается на «историю Константинопольскую нижае Юстиниановых времен» и на пример... Римского папы. Относительно России он односложно ссылается на «подобные и у нас бывшие замахи», кстати сказать, если и бывшие при Патриархе Никоне, совершенно уже не имевшие места при Петре Первом. При новом порядке Церковь должна быть вполне безгласна и покорна: «Ибо несть зде и на самом президенте (коллегии) великия и народ удивляющия славы, несть лишния светлости и позора, несть высокаго о нем мнения, не могут ласкатели безмерными похвалами возносити его: понеже что-либо таковым правительством доброе делается невозможно единому президенту восписоватися. Самое имя президент не гордое есть, не иное бо что значит, только председателя и не может убо ниже сам о себе, ниже кто иный о нем высоко помышляти. А когда еще видит народ, что соборное сие правительство, Монаршим указом и Сенатским приговором уставлено есть, то и паче пребудет в кротости своей и весьма отложит надежду иметь помощь к бунтам своим от чина духовнаго».

Итак, Духовный Регламент провозгласил полное упразднение законной высшей церковной власти и учреждение Царем для управления Церковью коллегии подобно всем другим отраслям государственной жизни. Император из покровителя, охранителя Церкви, превратился в Ее повелителя. Он фактически и в Ее делах становился Крайним Судьею, как и именовался в присяге членов Св. Синода вплоть до отмены в царствовании е Императора Николая II.

Мы видели, что права Православного Императора — Базилевса весьма велики в отношении Церкви. Но эти права вытекали из очерченных мною выше обязанностей и обладатели их сознавали себя в делах Ее ограниченными канонами. Так напр. Имп. Маркиан, очень властно поддерживавший порядок на IV Вселенском Соборе, не позволявший Епископам разъехаться, пока они не решат всех вопросов, заявил однако: «что определит святый и вселенский собор и подаст мне на письме, тому я следую, тем довольствуюсь, тому верую» (Деяния, Т. 4, стр. 75). Никто из Императоров не только не совершал подобных переворотов в церковном строе, но по большей части они не захватывали даже право назначать Патриархов (разумеется бывали исключения, нарушавшие норму), хотя, конечно, голос их при избрании имел громадное значение. Известный канонист Епископ Никодим Далматинский, опираясь на исторические примеры и свидетельство Св. Симеона Солунского, пишет, что совершенно ошибочно мнение, будто Патриархи в Византии назначались Императорами, а решение Собора имело второстепенное

значение. Все дело Императора сводилось к тому, что он следил за законностью выборов и был исполнителем соборного решения, а не принимал его самостоятельно, причем делал это не по какому-нибудь особому собственному праву, но по праву, которое было ему даровано Церковью как своему охранителю и защитнику. (Правила Прав. Церкви съ Толков., Новый Сад, 1895, стр. 322-323). Петр Первый пошел несравненно дальше осуществления таких прав: он взял в свои руки всю церковную власть — административную и судебную. Вот почему автор Духовного Регламента не мог ссылаться на каноны, а два Восточных Патриарха, несмотря на старания Русско го Правительства, отказались признать новоустановленный строй.

Государство получило в Церкви полноту власти. Архиепископ Волынский Агафангел (1866-1876) доказывал, что обер-прокурор имел в жизни Церкви больше власти нежели имел Всероссийский Патриарх и более нежели каждый министр во вверенном ему министерстве. Тихомиров так определяет создавшийся строй: «Фактически можно сказать, что высшее управление Церкви перешло в руки особого министра» (обер-прокурора) при консультации «коллегии» или «собрания» церковных иерархов. При этом власть обер-прокурора увеличивается тем, что назначение членов Синода зависит от Государя Императора, а представитель Государя при Синоде и Синода при Государе — есть сам обер-прокурор, т. е. фактически он имеет если не абсолютное, то огромнейшее влияние на вызов епископов для присутствия в Синоде. Состав Синода всегда таков, какой желает иметь бюрократия так вазываемого «духовного ведомства» (Мон. Гос. Ч. III, стр. 175). Такой строй Церковного управления поневоле отзывался на личном составе епископата. Архиереи сталкивались с обер-прокурором как с начальствомъ почти во всех вопросах епархиальной жизни. «В настоящее время, — писал в своей четвертой докладной Записке Синоду (в 1906 г.) Епископ Волынский (ныне Митрополит) Антоний, — да уже и давно, централизация церковного управления усилилась до крайности. Всякая попытка к административной инициативе в епарии должна ведаться с высшим церковным управлением; епархии лишены своей казны, лишены управления над церковными школами, над преподаванием Закона Божия в школах светских; поставление настоятелей монастырей, членов консисторий, издание всякого рода общих распоряжений, — все исходит от высшего церковного управления. В нем главное условие церковного творчества, от него исходит учение Церкви, имущественное содержание церковных учреждений; в него стекаются собираемые в храмах деньги; епископы являются более исполнителями предписаний высшей власти, нежели начинателями церковных

дел». Если мы к этому добавим систему повышения архиереев, выражавшуюся в перемещении с худшей кафедры на лучшую, награды орденами и архиепископским или митрополичьим саном по инициативе обер-прокурора, бывшего фактическим распорядителем в Синоде, — то станет понятно, что только иерархи с особенно сильным духом могли сохранять в себе хоть некоторую долю независимости и инициативы. Присоединим к этим соображениям очень правильное замечание Тихомирова, говорящего, что при прежнем Синодальном строе, состав иерархии, в общем (разумеется были исключения), и не мог быть другим, что в этом даже нет особенной личной вины обер-прокурора. «По духу Православия нельзя назначить «министра Церкви», а между тем обер-прокурор фактически должен исполнять обязанности министра над Церковью. Он не может действовать явно диктаторски и принужден постоянно сохранять вид соборности управления и уважения к духовному авторитету. Приказать епископу прямо, как приказывает министр губернатору, обер-прокурор не может и потому принужден прибегать к обходным путям. Если бы при этом оказалось много независимых и неуступчивых архиереев, то управление Церковью стало бы для обер-прокурора невозможным. Поэтому-то, даже не ставя себе прямо иезуитской системы подбирать епископат послабее, чиновничество неизбежно ведет к этому результату, так как при обсуждении участи каждого нового кандидата, каждый раз оно естественно будет отдавать предпочтение тому, который обещает быть для него менее неудобным» (там же, стр. 179). Характерно, что установление нового строя ознаменовалось террором по отношению к епископату, еще не подобранному по признаку уступчивости. Из списков в сочинении А. П. Доброклонского «Руководство к истории Русской Церкви» видно, что за первое 10-летіе после учреждения Синода большая часть русских епископов побывала в тюрьмах, были растригаемы, биты кнутом и т. п.

Итак, Синодальный строй приводил к тому, что Церковь оказывалась в полном подчинении у Государства, ни в чем не могла мешать его начинаниям (а мешать она может только тем изъ них, которые противоречат Ее строю и учению), но достигая это, Государство рубило сук, на котором сидело. Ослабляя Церковь, — ослабляли источник самого твердого монархического мировоззрения; ослабляя и связывая духовенство, состав епископов, — ослабляли проводников этого мировоззрения. В результате оздоровляющая сила Церкви почти не сказалась в дни революции и епископы, привыкшие подчиняться Царскому обер-прокурору, так же легко подчинились и революционному. Никто, кажется, кроме Архиепископа (ныне Митрополита)

Антония, не проявил открытого неодобрения перевороту и никто из епископов не встал на защиту незаконно сведенных с кафедр Митрополитов Макария и Питирима. Но несмотря на эти недостатки строя, Церковь только ослаблялась, переставала быть такой твердой опорой Государства, какой могла бы быть, но она и доныне осталась сильной духом, что и показала в дни гонений.

С победой революции русская Церковь получила право созвать Собор, который в значительной мере был уже подготовлен Предсоборным Присутствием в царствование Императора Николая II. Работы этого Присутствия сделали возможным созыв Всероссийского Собора до захвата власти большевиками. Вместе с тем резолюция Государя, положенная 31 марта на Всеподданнейшем докладе Святейшего Синода о необходимосги созвать Собор для восстановления Патриаршества, хотя и содержала мнение о несвоевременности (недостаточном спокойствии) момента, выражала волю созвать в будущем Собор для «канонического обсуждения вопросов веры и церковного управления». Обстоятельства, при которых было восстановлено Патриаршество, а также оценка каноничности Собора 1917 года составляют тему особого доклада. Поэтому я не буду сейчас останавливаться на этом вопросе. Но замечу сейчас, что Церковь после революции, несмотря на восстановление канонического строя оказалась во многих отношениях, конечно, в худшем положении, чем в Синодальный период своей истории. При всех недостатках этого периода, Церковь находилась под опекой Императоров, к ней принадлежавших и действительно желавших Ее преуспеяния. Если некоторые мероприятия и шли Ей во вред (напр. стеснительные распоряжения Петра Первого[1] или уничтожение монастырских вотчин в 1764 г.), то в общем намерения Императоров, особенно во второй половине Синодального периода, были несомненно добрыми. Государство, чувствуя свою связь с Церковью, во многом оказывало Ей большую помощь, охраняя Ее от беспорядков и расколов, поддерживая Ее материально. К тому же, если после революции и восстановлено Патриаршество, то радостность для Церкви этого события омрачается тем, что под влиянием духа времени демократические принципы получили отражение во многих постановлениях Собора.

Я имею в виду, например, громоздкую организацию Высшего и епархиального Церковного управления с выборными представителями мирян, слишком снисходительные правила о разводах и т. п. С наступлением гонений

[1] В «Выписках из полного Собрания Законов» К. П. Победоносцева находим такие законодательные мероприятия: № 3910 — запрещено ходить из церкви с образами на дом. № 3912 — Архимандриты под присягой обязуются не держать затворников и много т. п.

церковные учреждения демократического характера сами собою исчезли и уступили место чисто иерархическому правлению. Патриарх Тихон и его Заместители принимают решения по совещании только с Епископами, то, несомненно легко будет ввести в России вполне канонический строй с чисто епископским правлением. Этому будет способствовать и дороговизна строя, выработанного Московским Собором. Надо думать, что Церковь наша будет управляться Синодом из старейших Иерархов и созываемым периодически или по мере надобности епископским Собором, может быть, с совещательным участием мирян. Такой строй скорее всего может предотвратить опасность разделений, и Государство в лице Императора, Охранителя Церкви и благочиния в Ней, должно стремиться к его осуществлению. Это будет одной из первых задач нашей церковной политики. Чем проще будетъ строй Русской Церкви, чем меньше он будет зависеть от шаткой «воли народа», тем легче будет наладить взаимоотношения между Церковью и Государством. Не буду, впрочем, останавливаться подробно на затронутом вопросе — он заслуживает спецтального исследования — но перейду к своей непосредственной теме.

Годы коммунизма с его гонением на Церковь, расколами внутри Нее, с развращением населения, его отвыканием от Монархии и т. п. приводят к такому положению, при котором ни Государство, ни Церковь, отделенные друг от друга не могут возродиться во всей силе. Церкви нужно, чтобы истинно православное ядро Ее получило поддержку Государства, которое физической силой обеспечило бы выполнение судебных постановлений будущей церковной власти при суде ее над недостойными Иерархами. Церкви необходима помощь Государства для воссоздания законного высшего и епархиального управления, для восстановления святынь, для возобновления духовных школ и т. д. Но не меньше, если не больше чем Церковь в правительственной помощи, Государство будет нуждаться в поддержке Церкви. Оно не может укрепитъся, пока народ не очистится от развращающих наслоений коммунизма. А очистить их может только Церковь, в мученичестве последних лет скопившая колоссальные возрождающие силы. Самая жизнь России будет зависеть от того, насколько широко Государство даст Церкви использовать эти силы.

Конечно, осуществлене этой задачи может оказаться успешным или нет, смотря по тому, насколько она будет близка руководителям, как церковной, так и государственной жизни. Первый шаг, сделанный в этой области — я имею в виду Проект законоположений о Православной Российской Церкви — дает надежду, что в восстановленной России взаимоотношения Церкви и Государства будут построены на безупречных началах. Проект очень

последовательно проводит мысль, что Патриарх первенствует в делах церковных, а Император в гражданских.

Формула эта проста и ясна, но не надо закрывать себе глаза на то, что осуществление ее может быть связано с большими трудностями. Даже между ведомствами того же самого государственного аппарата нередко возникают трения, тем более это возможно между церковными и государственными учреждениями. Поэтому заранее зная, что такие трения неизбежны, нужно заботиться только о том, чтобы предотвратить возможность крупных столкновений. А это возможно лишь если будет твердо усвоен принцип, по которому Государство не предпринимало бы никаких мероприятий, затрагивающих церковные интересы без соглашения с церковной властью и наоборот. Для этого связь между властями должна быть постоянной, осуществляясь как между Главами их, так и между церковными учреждениями и Министерствами.

По Проекту Патриарх имеет непосредственные сношения с Императором. По каким это может быть вопросам? — Прежде всего, очевидно, Патриарх будет осведомлять Его о всех важнейших событиях церковной жизни, а также представлять ежегодные Всеподданнейшие доклады, подобные прежним Всеподданнейшим отчетам обер-прокуроров. Доклады Патриарха должны будут касаться приблизительно следующих вопросов:

1. Замещение епископских кафедр. Епископы не должны назначаться без Высочайшего соизволения.

2. Учреждения епархий и изменения их границ.

3. О духовных учебных заведениях и монастырях.

4. О сношениях с другими Автокефальными церквами и положении в оных.

5. О материальном положении Церкви и об ассигнованиях, требующих Высочайшего утверждения.

6. Испрашивание соизволения на общие меры государственной власти для защиты Церкви от сектантов, непокорных церковному суду или против опасных нарушителей общественной нравственности.

7. О всех прочих вопросах, требующих Высочайшего соизволения.

По перечисленным вопросам Патриарх будет обращаться к Царю. Но возможны и случаи, когда Государь будет обращаться к Патриарху за поддержкой государственных начинаний Церковью или когда Монарх будет возбуждать вопросы церковного характера. Древние обычаи, как Византийские, так и Русские, знают неоднократные выступления Царей с инициативой по чисто церковным вопросам. Они не только решали вопросы

церковно-государственного характера, но, в качестве охранителей церковного благочиния, побуждали иерархов обсуждать и уклонять различные недостатки в церковной жизни. Так, например, в Деяниях Стоглавого Собора читаем: «Некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христолюбиваго государя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца, что по многим святым церквам звонят и поют не во время кроме церковнаго устава и многие церковные чины не сполна совершаются по священным правилам и не по уставу. Он же благочестивый царь о том таковая слышав не просто вмени, но разжегся Духом Святым. Вскоре повеле и списать о тех и многоразличных церковных чинех, которые не по уставу и не сполна совершаются и не вдает на соборе отцу своему Макарию митрополиту всеа Русии. И повеле ему всех о тех церковных чинех разсудив указ учинить по божественному уставу и по священным правилом». Соборъ принял это царское заявление и вынес соответствующие решения по всем возбужденным вопросам. (Стоглав, Казань, 1862 г. гл. 6 стр. 77-79). Это было совершенно в духе Византии, где соборы созывались Императорами по поводу различных догматических и канонических споров, раздиравших Церковь. В частности, все Вселенские Соборы были созваны Императорами. Это право не было регламентировано законами, но сразу же было признано Церковью за Императором Константином. В будущей же России оно непременно должно быть внесено в закон о Церкви.

В случаях применения этого права, как и вообще во всех тех случаях, когда Монарх выступает по чисто церковным вопросам, сношения Его с Патриархом должны быть непосредственными.

Но п. 13 Проекта предусматривает сношения Государя с Патриархом и через Председателя Совета Министров. Тут очевидно надо иметь в виду сообщение через него Патриарху Высочайшей воли, но он отнюдь не ставится посредствующей инстанцией. Практически должно быть такое положение: Патриарх по всем вопросам обращается непосредственно к Царю с устными или письменными докладами, но Высочайшие решения в случаях, сколько-нибудь касающихся Правительства, сообщаются Главе Церкви через Председателя Совета Министров, в лице которого они таким образом принимаются к сведению или руководству Правительства.

Сношения Высшей церковной Власти с правительственными учреждениями, согласно Проекта, производятся через референдария. Это должность для России новая, включенная в проект по примеру Византии. Там «назначение этого чиновника, как показызает самое его название, состояло в том, что он служил для сношений Патриарха со светским правительством... Об

этом референдарии списки говорят, что он посылается от Патриарха к Царю и к высоким сановникам в важных случаях. Само собою понятно, что миссия референдария заключалась не только в том, что он относил письменно изложенное представление или словесное требование со стороны Патриарха, но и ходатайствовал перед кем следовало об успехе своего поручения, представляя в пользу этого известные мотивы и основания, словом был чиновником для непосредственных сношений Патриарха со двором и высшими сановниками государства по делам Церкви и заведовал этой частью» (Т. Барсов, Константинопольский Патриарх и его власть над Русской Церковью, СПБ, 1878, стр. 289). Такой характер обязанностей референдария делает весьма важным, какъ для Церкви, так и для Государства, чтобы должность его была занимаема человеком, приемлемым и для Патриарха, и для Правительства. Потому вполне естественно, что по п. 12 проекта референдарий, избираемый Патриархом, утверждается Императором.

Конечно референдарий будет преимущественно церковным чиновником. Он будет докладывать Патриарху и Синоду точку зрения Правительства, но не будет представлять его. Между тем во многих случаях нужно, чтобы эта точка зрения отстаивалась во время принятия церковных решений. В Византии для этого на заседания Синода приглашались царские сановники. Они от имени Правительства участвовали в обсуждении тех вопросов, которые в той или иной мере касались государственной власти. «Просматривая синодальные акты,- читаем в цитированном сочинении проф. Барсова,- в которых говорится о присутствии светских чиновников в собраниях Синода, мы видим, что они заседают в Синоде при рассмотрении вопросов об учреждении епископий, архиепископий и митрополий, т. е. таких предметов, которые относились непосредственно к государственному управлению. Далее мы видим, что они присутствуют при рассмотрении дел и вопросов брачных, в которых тоже самым непосредственным образом замешаны интересы гражданского общества. Потом мы видим, что они принимают участие в обсуждении мер к пресечению распространения сект, опасных для государства и вредных для гражданского общества, и вообще при обсуждении неправославного учения, противного духу Церкви и несогласного с интересами государства. Наконец, мы находим, что они принимают участие в осуждении духовною властью своим судом лиц, замешанных в возмущениях, противных государственному и общественному порядку, также при суде над духовными лицами, которых преступления заключали признаки противления общему порядку управления» (стр. 244-245). В этом «присутствии» отчасти выражалась идея того надзора, который по праву принадлежит государству относительно действий духовного

правительства в делах и вопросах, имеющих отношение к порядку гражданскому и государственному» (там же). Практически этот опыт Византии дает основание предложить, чтобы на заседания Синода приглашались представители заинтересованных в разбираемых вопросах ведомств.

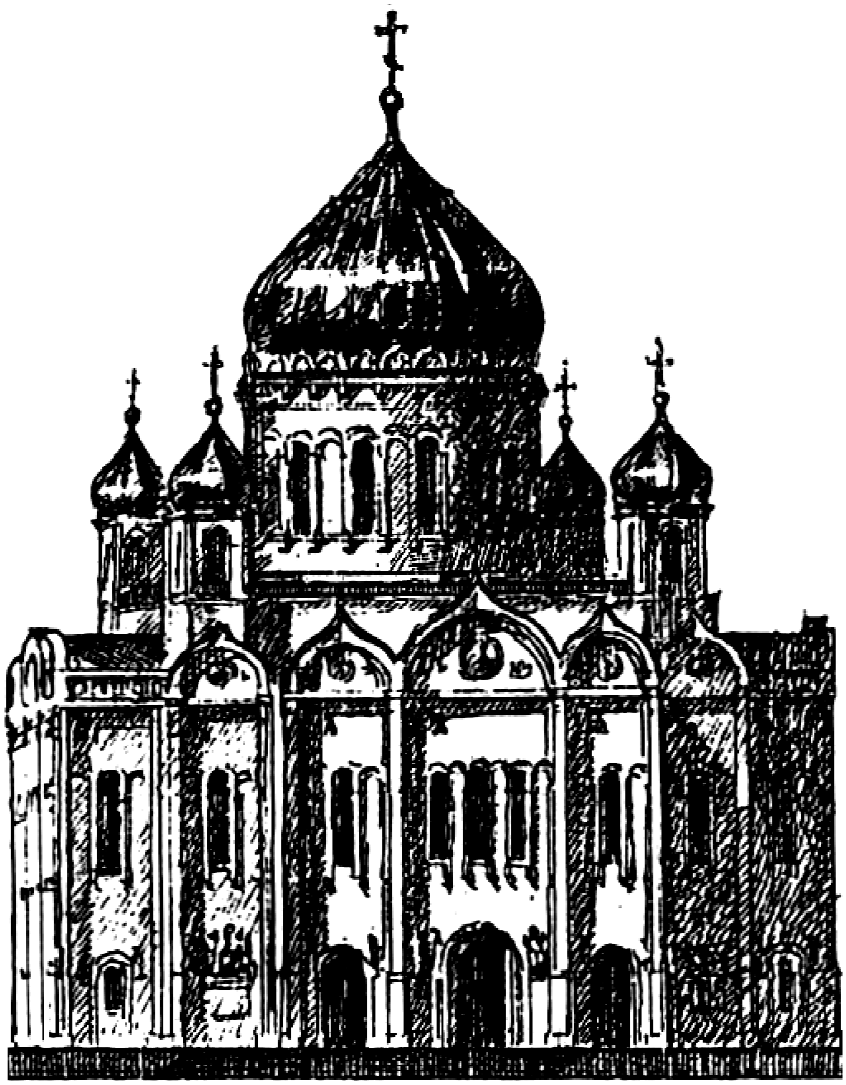
Помимо обязательного участия представителей правительства на некоторых заседаниях Синода, последнему (а равно и Собору) должно быть предоставлено право, в тех случаях, когда по существу предположенных постановлений или распоряжений он признает недостаточными собственные средства для поддержания их силы и действительности обращаться к содействию государственной власти и просить утверждения его собственных постановлений. Это может иметь место в вопросах церковного благочиния, суда и т. д. Такой порядок широко практиковался в Византии.

Установить порядок, при котором решения церковной власти согласовались бы с интересами Государства, мы должны коснуться и обратной стороны. Пользуясь правом вмешиваться в касающиеся его дела Церкви, Государство, в свою очередь, должно Ей дать возможность оказывать влияние на разрешение государственных вопросов, которые касаются Ее непосредственно или имеют отношение к народной нравственности. Впрочем, надо признать, что так или иначе касаться этого могут почти все вопросы, кроме чисто технических, финансовых, военных и т. п. Прежде защита интересов Церкви в Правительстве лежала на обер-прокуроре, входившем в состав Совета Министров. Было бы естественно и теперь допустить референдария к участию в заседаниях Совета Министров. Для Государства это не представляло бы неудобства, а вместе с тем поднимало бы значение Церкви и облегчило бы поддержку нормальных отношений Ее с Государством. Помимо этого было бы естественно ввести представительство от Церкви в высшие законодательные учреждения. Отдельные же Министерства должны извещать референдария, когда в них обсуждаются вопросы, имеющие отношение к Церкви, чтобы он мог присутствовать сам или прислать одного из своих помощников».

Вот вкратце те соображения, которые могут лечь в основу положений, регулирующих взаимоотношения между Церковью и Государством. Не представляя неудобств ни для одной из сторон, они дали бы возможность осуществить идеалы, о которых я говорил в начале записки и тех принципов, которые легли в основу «Проекта законоположений». Мне приходится признать, что положительная часть записки может быть страдает чрезмерной краткостью. Это неизбежное последствие того, что составитель конечно пользовался лишь довольно скудным материалом и, кроме того, не мог в своих

предположениях исходить из определенного уже строя как государственного, так и Церковного управления. Поэтому приходилось намечать лишь принципиальные положения, приложимые при всякой системе монархического правления.

Гр. Ю. П. Граббе. Церковь и государство в будущей России. С предисловием Митрополита Антония. Белград, 1931.



Евгений Игнатьевич Комаревич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Среди враждебных в русской Православной Церкви и русской империи организаций, как религиозного, так и общественно – политического характера, существует убеждение, что Русская Православная Церковь не была вполне канонической, ибо во главе ея стоял Российский Император, как Глава Церкви. В современной печати нередко встречаются об этом упоминания и целые выступления.

Все это не соответствует истине и опровергается как Основным Законом Российской Империи, так и взаимоотношениями между Всероссийским Императором и Русской Православной Церковью.

Для обстоятельного уразумения взаимоотношений между Верховной Властью и Православной Церковью необходимо сделать хоть поверхностный экскурс в прошлое.

Православная Церковь с момента своего основания на Руси не была отделена от государства и находилась с ним в тесной гармонической связи. Церковь заботилась о государстве, помогала ему, советовала, одобряла и благословляла, а государство ограждало Церковь, жертвовало ей, советовалось с ней и принимало от Церкви благословение, освящение и благодать.

Преподобный Сергий вдохновлял и благословил Вел. Князя Димитрия Донского на борьбу с татарами, а святители Петр и Алексий помогали князьям освобождать Русь от татар и объединять ее.

Московский Митрополит Макарий ввел первое царское коронование Ивана Грозного на Московский Престол.

С другой стороны наши святители и корили великих князей за незаконные действия: Митрополит Филиппъ обличал Иоанна Грозного до своей мученической кончины.

Церковь принесла на Русь грамоту и культуру, законы и чины Византойскаго Царства. И единственно Православная Церковь была собирательницей разрозненных русских княжеств. Церковь же оберегла от подчинения ляшскому игу в эпоху смуты и самозванства.

Поэтому история России и неотделима от истории Русской Православной Церкви, что дало основание А. С. Хомякову сказать: “Наша святая Русь создана самим христианством”.

Такая гармония между Государством и Церковью служила величию и росту Русской Государственности и ее правопорядка.

Русские цари никогда не были и не именовали себя главою церкви. Связь русских самодержцев с Православною Церковью обуславливалась не узурпацией государством прав церкви, а вытекала из природы Русского Государства, как единственного в мире государства теократического.

Весь священный чин коронования — миропомазание, вхождение Государя через Царские Врата, стояние у св. Престола, приобщение св. Таин прямо из Святой Чаши, по образу священнослужителей — все это утверждало связь Церкви с Государем, первым Ее слугой и могущественным Ее Земным покровителем.

В древней Византии императорский сан был соединен с особою формою служения Церкви, т. н. “епископа внешних дел”. Но это было обусловлено историческим ходом событий, начиная с императора Константина Великого, который был Председателемъ Первого Вселенского Собора и он же утверждал деяния Собора.

Русская Православная Церковь вначале возглавлялась митрополитами, которые носили титулы сначала “Киевский и всея Руси”, а затем “Московский и всея Руси”. В 1596 г., по соглашению с предстоятелями восточной церкви, возглавитель Русской Церкви стал “Патриархом Московским и всея Руси”.

До Императора Петра I было на Руси 10 патриархов, которые играли большую роль в жизни Русского Государства, а зачастую являлись спасителями его от разрухи и погибели. Особенная роль в этом принадлежит Патриарху Ермогену, мужественно до мученичества за Русь возвышавшего свой голос к русскому народу объединиться и спасти Русь от ляшского и вообще иноземного владычества. А этот голосъ замучиваемого Патриарха был подхвачен Троице-Сергиевской Лаврой, привел к освобождению Москвы и Руси от ляшского ига, к избранию династии Романовых и к восстановлению правопорядка на Руси, после 15 лет смуты и разрухи в Московском Царстве.

Патриарх Ермоген был канонизирован в годину празднования 300-летия бытия Дома Романовых.

Прославление сонмом русских иерархов произошло в Большом Успенском Соборе в Кремле 12-го мая 1913 года.

Встреча Патриарха Антиохийского Григория IV произошла в 9 часов утра. После часов на средину храма вышли Митрополиты Московский — Макарий, Петербургский — Владимир, Архиепископы Новгородский — Арсений, Тульский — Парфений, Тамбовский — Кирилл, Епископы Дмитровский — Трифон, Серпуховский — Анастасий, Чистопольский — Анастасий, архимандриты и протоиереи.

В конце литургии одушевленное слово произнес епископ Серпуховский — Анастасий, ныне Первоиерарх Русской Православной Церкви заграницей.

По окончании литургии пред ракой Святейшего Патриарха Ермогена начался молебен, во время которого, при пении тропаря святителю — “Российския земли первопрестольниче и неусыпный о ней к Богу молитвиниче”, из собора вышел крестный ход.

В предшествии иереев и архимандритов следовало несение святынь: корсунских хрустальных крестов, иконы Владимирской Божией Матери, большой иконы Патриарха Ермогена и затем мантии и посоха, кои по преданию принадлежали Святителю. На Лобном Месте, в окружении всей Москвы, протодьяконом было Прочитано Евангелие и ектении и народ на все четыре стороны был осенен иконой Святителя.

Молебенъ закончился в Успенском Соборе чтением молитвы пред ракой Святителя.

При первых двух царях из династии Романовых патриархи Филарет и Никон возвысились до титулов “великих государей”, были соправителями Царей и благоустрояли русское государство.

Со времени Петра I произошли крупные изменения в положении Церкви, вызванные смутой и походом против резких реформ Петра со стороны группы Царевича Алексея, поддержанные Церковью.

После смерти последнего Патриарха Адриана, новый Патриарх не был избран, а Церковь управлялась местоблюстителем Патриаршего Престола Митрополитом Стефаном Яворским, и лишь в 1721 году был издан регламент, по которому в Церкви вводилось коллегиальное управление, по образцу государственных коллегий, и возглавление Церкви стало Синодальным, так как орган Управления стал именоваться “Святейший Правительствующий Синод”. Для связи между Синодом и Государем была установлена должность Обер-Прокурора Синода, на обязанности которого было наблюдение, чтобы решения Синода не были враждебны интересам Государства.

Во внутренние дела Церкви, как таковой, светская власть не вмешивалась и могла лишь подавать Советы и высказывать свои пожелания. Если же и были порой недоразумения, то они возникали на личной почве и не имели принципиального значения и не влияли на существо жизни Православной Церкви.

Если мы от сих общих высказываний и соображений обратимся к основным законам Российского Государства, то в них найдем следующие определения:

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ:

Ст. 62. “Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания.

Ст. 63: Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедоватъ никакой иной веры, кроме православной.

Ст. 64: Император, яко Христианский Государь, есть Верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния.”

В силу этого русский император являлся в роли ктитора Церкви. Его поведение определяется уставами Церкви, а попечение о земных нуждах Церкви лежит на его обязанности.

Наша жизненная русская Конституция заключалась в том, что, при венчании на царство, Царь произносил всенародно в церкви исповедание Православной веры, и по возложении короны и порфиры, коленопреклоненно читает молитву, оканчивающуюся словами: “Буди сердце мое в руку Твоею, еже вся устроити к пользе врученных Мне людей, и к Славе Твоей, яко да и в день Суда Твоего непостыдно воздать Тебе Слово”.

Такой порядок царил у нас, на Русской Земле, ибо русский народ чтил Царя своего, как хранителя Христовой веры, защитника православной веры и всего Православия, а отсюда народ твердо знал и называл Государя — Царь Православный, что и вошло в наш народный гимн — “Боже, Царя храни”.

Вся церковная работа в Синоде велась нашими иерархами самостоятельно и синодальный период явился эпохой наибольшего оживления и расцвета Церкви в России[1].

Русские Государи были преданнейшими сынами Церкви и обуславливали благо государства благом церкви. В этом смысле даже злейшие враги России

[1] За 200 лет Синодального Управления Православная Церковь возросла до 53546 приходов, из них мужскихъ монастырей 529 с 10998 монахами и 10203 послушниками. Женских монастырей 456 с 15003 инокинями и 55450 послушниц (Рус. Кал. Сытина за 1915 г.)

не могли бросить упрека Царям, за исключением секуляризации церковно-монастырского имущества, допущенного при императрице Екатерине II.

Отношение Императора Павла I к Православной Церкви было самое доброжелательное и его русский народ почитает, как святого, предательски убитого врагами России. Равно также Импер. Александр I, прозванный Благословенным, в народном сознании отожествляется со старцем Феодором Кузьмичем.

Император Николай I, этот рыцарь на троне, провозгласил принцип:

“Церковность — основа Государственности" и этот принцип проводил неуклонно в течении своего 30-летняго царствования.

Император Александр II Освободитель был христианнейшим из европейских правителей, единственно своим державным велением освободил 22 миллиона русских крестьян из крепостной неволи, балканских славян от ига мусульманского и павший на своем посту жертвой врагов национальной России.

Наконец, Император Николай II был верным и жертвенным сыном Православной Церкви, в царствование которого произошли многие открытия мощей святых, начались работы по созыву Церковного Собора, и не взирая на многие тормозы со стороны светских и духовных влиятельных лиц, если бы не мировая война и революция, то Русская Церковь была бы возглавлена исторически оправданной на Руси властью Патриарха и на Руси водворилась бы **гармоническая ДВОИЦА — Царя и Патриарха**.

Да и обер-прокурорами Св. Синода были люди высоко образованные и сделавшие много добра для Церкви и Русского Государства.

К. П. Победоносцев и В. К. Саблер были более популярны среди иерархии и духовенства, чем среди мирян. Кн. А. А. Ширинский- Шихматов старался вернуть церковно-государственную жизнь в ее прежнее “русское русло”. Он старался освободить Церковь от чуждых ей наслоений и восстановить ее подлинность в эпоху Св. Руси. С. М. Лукьянов находился в теснейшей связи с иерархами, но не с синодальными чиновниками. И. П. Извольский — великолепный представитель знати и придворный кавалер. Его религиозная настроенность привела к тому, что он переменил блестящий мундир на скромную рясу священника и скончался в Бельгии в роли приходского настоятеля. Н. П. Раев — сын б. Петербургского Митрополита Палладия — насквозь пронизан церковностью, но не долюбливался духовенством, ибо духовенство вообще не любит духовного начальства, вышедшего из их среды.

Из приведенных данных следует, что Российский Император не был и не считал себя Главой Православной Церкви и, как верный сын Ее, заботился об

Ее лучшем благоустроении. Неограниченный наш самодержец был во многом ограничен исповеданием государственной религии. По основным Законам об Императорской Фамилии — даже дети великих князей, рожденные от законной супруги, но не присоединившейся к православию, лишались прав наследования императорского престола.

Особенною же преданностью Православной Церкви отличался последний Император Николай II, который любил нашу церковность и русский церковный народ и так всегда был доступен для служителей церкви, а также был внимателен и отзывчив к их голосу и совести.

Так, например, при затянувшемся на 5 лет прославлении свят. Иоасафа Белгородского к Государю явилась делегация почитателей этого святителя с просьбой об ускорении торжества, на что Государь ответил ей, что “он глубоко почитает св. Иоасафа и с "нетерпением ждет указа Синода о прославлении Угодника, но торопить Синод не считает возможным”.

На прославлении Преподобного Серафима Саровского Чудотворца — 19 июля - 1 августа 1908 года, Государь являл собою простого верующего русского богомольца и это народ чувствовал, плотной стеной окружавший Царя. Охранять приходилось внешний порядок, охранять же Царя, Его Семью не нужно было. Его охранял русский народ.

С глубокой верой и благоговением причащаясь Св. Таин, был обычным причастником. Принимая благословение после церковной службы, Государь, целуя крест, целовал и руку священнослужителя. Некоторых молодых иереев это приводило в смущение. Будучи благочестивым, как это и значилось в царском титуле, Император Николай мог служить примеромъ для каждого.

Следует обратить внимание на Высочайший рескрипт 12 января 1909 г. на имя Петербургского Митрополита Антония о ежегодном поминовении о. Иоанна Кронштадтского. Там сказано: “будучи по собственному влечению нашему и по силе основных Законов Первым блюстителем в отечестве нашем интересов и нужд Церковных... мы ожидаем, что Св. Синод... и т. д.”.

Один из виднейших и авторитетнейших иерархов русской православной церкви Митрополит Антоний Храповицкий, говоря об Императоре Николае II, сказал: “**Наш Царь был одним из величайших подвижников Церкви последнего времени, подвиги которого заслонялись лишь его высоким званием монарха. Стоя на верхней ступени лестницы человеческой славы, Государь видел пред собою только небо, к которому неудержимо стремилась его святая душа, тяготившаяся этой славой, желавшая сбросить с себя и корону и царскую порфиру и уйти от мира, чтобы всецело отдаться служению одному только Богу**” (Цар. Вест. 1930 г.).

Равно также мы не слышали нареканий на синодальную систему ни от о. Иоанна Кронштадтского, ни от великих праведников - старцев, Саровских, Оптинских, Валаамских и др., а наоборот, от них слышали, что благоденствие церкви связано с Государственным Правопорядком, что нужно беречь и любить Государя, охранять прерогативы царской власти, ибо воля Царя выражает на земле волю Божью.

Почитаемый же всем православным миром и многими иноверцами о. Иоанн Кронштадтский пророчески сказал: — “Держись же, Россия, твердо веры твоей, и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколеблемой людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя Православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. И если не будет покаяния у русского народа, — конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами”.

Русская Православная Церковь признает единого Главу Церкви — Господа Иисуса Христа и считает единственно православным, чтобы Церковь строилась и управлялась Вселенскими и Поместными Соборами, равно также, как и другие поместные Церкви и не признает све тской власти за епископами.

Поэтому ложно и то, что Русская Православная Церковь признаетъ над собою главенство светской власти, уже хотя бы потому, что Государь не имеет права священства и не имеет никакого авторитета в вопросах вероучения и общецерковного благочиния. И никто в России не верил в светского Главу Православной Церкви.

Обычно лгущие на Русскую Православную Церковь ссылаются на то, что акты Священного Синода скреплялись подписью Императора, забывая при этом, что этой подписью давалось право обнародования церковных законоположений и распоряжений, что совершенно не тождественно с властью законодательной. Равно также в пользу врагов Русской Православной Церкви ничего не говорит наблюдавшееся иногда влияние Государя на назначение епископов и членов Синода, заменявшего патриарха.

Это явление наблюдалось в древней Церкви и даже Римской, и в настоящее время во всех странах римского исповедания такая зависимость встречается довольно часто.

Таков был путь Православия в России за последние два века. 19-й век дал России дивный расцвет духовной культуры. И расцвет этот был дан людьми, просвещенными духом Православия. Они создавали свои дивные

произведения во всех отраслях творчества, не ведая непосредственного клерикального руководства, ибо поучения и советы великих русских праведников углубляли и умудряли души русских творцов, но никогда не претендовали на руководство русским творческим талантом. И вся русская культура от начала своего существования и до последних дней, на протяжении своего славного и героического тысячелетия, дала гениальное цветение русского духа из корней Православия, но не под руководством Церкви.

Эта спасительная роль Православной Церкви дала свои результаты не только во время Императорской России, но и после революции, когда при всей системе гонений и заушений со стороны безбожной коммунистической власти, Православная Церковь и в рубищах и в гонениях хранит истоки истинного Православного Духа, который бережно хранится в сердцах и душах угнетенного и поруганного русского народа, не говоря уже о Зарубежной Руси, где Православная Церковь является оплотом русского единства и русского самосохранения среди бушующих волн чуждой культуры и чуждых мировоззрений.

Мы верим в воскресение Руси и русского народа. Когда власть коммунистических извергов будет сброшена и русский народ освободится, то снова возродится на Руси чудная Двоица Императорской власти и Православной Церкви, увенчанной Патриархом и русский народ под мудрым и исторически оправданным управлением этой Двоицы быстро залечит физические и духовные раны, нанесенные ему коммунизмом и бодро и радостно пойдет к светлому будущему и наш легендарный Град-Китеж всплывет на поверхность русской земли, на которой, обильно орошенной русской кровью и потом, взойдут чудные и богатые урожаи Правды Божьей и русского самостояния.

«За Право и Правду», № 5, октябрь 1959 г.

ХРИСТИАНСКАЯ МОНАРХИЯ КАК БОГОУГОДНАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ.

Архимандрит Фотий (Романовский)

ВОЗДАДИТЕ КЕСАРЕВА КЕСАРЕВИ И БОЖИЯ БОГОВИ[1].

I. В сих словах Господа и Спасителя нашего указаны главные и существеннейшие обязанности наши, – обязанности к Богу и царю земному. Обязанности эти так важны, что исполнением их определяется истинное значение и достоинство человека, как гражданина и христианина. Только тот истинный гражданин и истинный христианин, кто верно и вполне воздает *кесарева, кесаревы и Божия, Богови.*

Эти двусторонние, священнейшие обязанности наши, с первого взгляда, кажущиеся как бы слишком розными, далекими одна от другой и противоречивыми, – на самом деле, нисколько не противоречат и не препятствуют исполнению одна другой. Истинное и правильное служение царю нисколько не препятствует служению Богу и, взаимно, истинное служение Богу не препятствует служению царю земному. Сего мало.

Две эти важные обязанности наши дружественно сходятся между собою, одна из другой исходят, одна к другой ведут и одна другой взаимно вспомоществуют; одна без другой и не должны быть в общественном мире христианском .

Воздавая *кесарева кесаревы*, мы воздаем вместе и *Божия Богови,* в известной мере; и, воздавая *Божия Богови,* воздаем и непременно будем воздавать и *кесарева кесареви.* Истинный слуга царев, по христиански служащий царю, есть вместе и слуга Божий, и истинный слуга Божий есть вместе и истинный слуга царев. – Раскроем эту истину яснее и подробнее.

Воздавая кесарева кесареви, – служа царю, в духе евангелия, мы чрез это служим вместе и Богу – приносим жертву Богу. Ибо что звачит воздавать кесарева кесареви? Значит – воздавать ему должное, законное, чего требует его богоподобный сан, что предписывает его верховная власть. Глубочайшее, благоговейное почтение к особе царя, как наместника Божия на земле, богоподобным саном, от Бога облеченного, – искренняя сыновняя любовь к

[1] Матф. 22, 21.

нему, как отцу, данному нам от Отца небесного, – полная, безусловная, сыновняя ему преданность, беспрекословное, безропотное и охотное повиновение ему, ревностное и усердное исполнение обязанностей, от него возлагаемых на нас в служении общественном; усердная молитва о царе, тихое, благоустроенное и доброе житие, во всяком звании и на всяком месте: – вот должная, священнейшая дань царю от всякого верноподданного ему. Но все это, как дело весьма благое и к истинному благополучию нашей жизни относящееся, очевидно, есть дело благоугодное Богу. Господь, пекущийся о нашем благе, даже прямо и непосредственно высказывает о сем Свою волю, Сам внушает нам это и требует от нас этого в Своем слове. Слово Божие ясно и прямо говорит нам: *Царя чтите; несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть. Повиноватися подобает не токмо за гнев, но и за совесть.* Потому, воздавая священную дань царю-помазаннику Божию, мы вместе приносим, во всем этом, и приятную жертву Богу, и – к нашему счастию, во всем, без изъятия. В первые века христианства, когда христиане имели царей-язычников, воздавая кесарева кесареви, по слову Божию, принуждены были, по Божию же слову, делать изъятие из сей жертвы, относительно веры, дабы, воздавая кесарева кесареви, не лишить жертвы Бога. Мы, благодарение Господу, имея над собою государей не только единоверных и благоверных, но и благочестивейших, в воле коих так верно отражается воля Божия, ревностных защитников и покровителей церкви, желающих во всех нас видеть истинно-преданных вере православной и в своих особах подающих пример истинного и искреннего благочестия, – мы не имеем такой нужды делать это изъятие. Потому, всякий из нас и во всем, воздаваемом царю, по священному долгу верноподданного, приносит, вместе, жертву и Господу Богу.

Тем более приносим жертву Господу Богу, воздавая кесарева кесареви, служа царю земному, совершая это весьма благое и нужное дело, – делаем его с тою *ясною и непосредственною* мыслию, что на все это есть прямая воля Божия, что все это заповедано в слове Его, – т. е., если водимся и одушевляемся в этом деле побуждениями веры. Тогда наши дела гражданские, – дела службы, совершаемые в таком духе и направлении, примут высший характер; и всякое истинно полезное общественное и частное дело наше будет делом Божиим – для Бога соделанным. Исполняя, таким образом, должность свою, мы будем служить Богу, *делать дело Божие,* ибо делаем ради Бога. Моисей, вождь народа израильского, когда, по целым дням, с утра до вечера, разбирал, безъ отдыха, жалобы и тяжбы евреев в пустыне, по повелению Божию, – явно, служил Богу и угождал Ему сим занятием, совершая свое дело,

как Божие поручение, – ревностно, усердно и точно. Господь, Отец небесный, любит наше общее истинное благо. Потому, некоторым избранным Своим, вопреки их собственной склонности и намерению – жить и угождать Богу, подобно другим угодникам Божиим, в глубине пустыни, Господь, видя в них особенную нужду для служения народу, повелевал изыти из уединения, и идти на служение общему благу ближних [1]. Потому, можно ли справедливо сказать, что кто, *например*, целую жизнь провел в исследовании, разборе и своде разнообразных и многочисленных законов, дабы яснее открывалась правда, обличалась неправда подсудимых, и соблюдался правильный порядок дела; – или – кто проливает свою кровь и полагает жизнь на поле брани, за веру, царя и отечество, – можно ли сказать, что такие люди, если только они водятся внушениями веры, – не приносят жертвы Богу? Нет! они великую приносят жертву Богу! Воины, в духе веры, полагающие свою жизнь на поле брани, справедливо могут считаться как бы за мучеников по вере; – и церковь, с особенным усердием возносит о них свои теплые молитвы к Богу. Так, истинный – верноподданный слуга царев, служащий несвоекорыстно, ищущий не своих только выгод, а наипаче блага отечества, есть вместе и слуга Божий. Напротив, кто неверен царю, тот неверен и Богу, как в преступлении заповеди Божией о верности царю, так – и во всех заповедях Божиих. Ибо, если он неверно служит царю, которого видит, коего награды и угрозы пред глазами, – какъ может быть верным Богу, Которого не видит, которого награды и угрозы, большею частию, в будущем отдаленном.

Противник законной власти есть противник и Божий, изменник и враг царя и отечества есть вместе и враг Божий и церкви, которая, водясь Духом Божиим и всегда верная воле и мановению Господа, справедливо отвергает таких от себя и анафематствует. Так тесно соединены между собою служение царю и служение Богу. Потому, воздавая кесарева кесареви, мы, в этом самом, воздаем, частию, и Божия Богови.

II. Равным образом, и с другой стороны, *воздавая Божия Богови,* мы воздаем и не можем не воздавать *и кесарева кесареви.* Истинный христианин есть, и не может не быть истинным гражданином, истинным верноподанным царя земного. Что значит быть истинным христианином и воздавать Божия Богови? Значит, знать истинного Бога Отца и, *Его же послал* Он, *Иисуса Христа,* Спасителя нашего, и верить, от сердца, всему тому, чему учил Господь и учит Его церковь, а, по вере, располагать и жизнь свою; любить Бога всем сердцем, не словом только, а наипаче, делом, иметь к нему

[1] Св. Николай и св. Златоуст.

благоговейный страх, славить Его словом и жизнию, молиться Ему, обращаться к Нему в разных нуждах, призывать Его наипаче во время скорби, защищать Его славу, и все делать во славу Его; уповать на Него, предаваться Ему сыновним сердцем и исполнять Его волю, как ясно высказанную, в тоне требования, так и исследовать, чего от нас Он желает испытывать, *что есть благоугодно Ему*, и всячески стараться угождать Ему во всем, стремясь ко всему истинному, доброму, честному, достохвальному и святому; а если в чем нарушим волю Его и оскорбим Его, всячески стараться примиряться с Ним, чрез истинное покаяние. Вот – главное – что значит воздавать Божия Богови, и быть истинным христианином. А человек, одушевленный таким духом, с такими мыслями, чувствами и правилами жизни, непременно будет, и не может не быть верноподданным гражданином – верным слугою царю и отечеству. Быть верным царю, служить ему от всего усердия – есть воля Божия, для истинного христианина драгоценнейшая и непреложная. Это внушают ему не только законы государственные, а и закон евангельский, которому истинный христианин внимает всем умом и сердцем. *Воздадите кесарева кесареви; царя чтите; всяка душа властем предержащим да повинуется, нестъ бо власть, аще не от Бога.* Это говорит Сам Бог, чрез Своего апостола. И может ли не слушать этого гласа истинный христианин, всем существом желающий угождать Господу Богу? Нет, быть верным слугою Божиим, и не воздавать кесарева кесареви, не служить царю, невозможно: ибо истинный христианин верует и служит Богу не на словах только, а на деле, и старается исполнять все, чего требует воля Божия. Он искренно и благоговейно чтит царя, любя его, яко отца; потому что слышит святое слово Божие: *царя чтите.* Взирает на царя и видит в нем лице Богоподобнейшее, наместника Божия на земле, которого Бог изъемлет из среды людей, возносит, посаждает на престоле и помазует. И так взирает он – истинно и верно, ибо это открывает ему святая, истинная вера. Слово царево для него свято; он повинуется царю не токмо за *гнев, но и за совесть.* Повеление власти, Богом поставленой и Богом правимой, он исполняет беспрекословно и безусловно: ибо слышит слово: *вся* повелеваемое Богом и царем – слугою Божиим, *творите без роптания и размышления,* не расследывая, верны ли и основательны повеления. Размыслено уже без меня теми, коим от Бога дано право давать повеления; мое дело, говорит он, исполнить повеление точно и усердно. Истинный христианин усердно молится о царе своем: ибо, кроме других побуждений, имеет на это ясную заповедь Божию – *творити моления за царя и за всех, иже во власти суть.* Он видит, что сама св. церковь православная, Матерь наша, которой он и верен и предан, как истинный сын

ее, так часто и так усердно возносит молитвы о своем первенце и защитнике, и о всем его Августейшем Доме; потому и он не может не последовать ее примеру, и вместе с нею не возносить сердечных молений о Царе и его Доме. Он охотно и верно воздает священную дань служения царю; ибо знает и твердо помнит, что сам Господь и Спаситель наш, давший нам эту заповедь: *воздадите кесарева кесареви,* Сам прежде сотворил и научил; Сам давал дань кесарю римскому, будучи царь и Творец царей и всей вселенной, и при самом рождении Своем, благоволил записаться в число подданых кесаря римского.

Сыновне боясь Бога и благоговейно чтя царя, истинный слуга Божий, в должной мере, *чтит и другие* власти законные, Богом чрез царя поставленные, и искренно и охотно повинуется им. Он не рассуждает и не разбирает, в этом случае, как делают иногда гордые сыны не духа Христова, а духа противления, достойные ли люди над ним начальствуют, стоят ли они почтения и повиновения? Разбирать это он почитает для себя чуждым делом и преступным. Только гордость, которой не нравится и несносно все, что выше ея, и что, сколько нибудь, ограничивает ее самолюбие и своеволие, почитает это стеснением для себя, имеет эту дерзость – судить своих властей, судить судей своих: истинный христианин всегда чужд такой дерзости гордой, и не рассуждает об этом. Для него довольно, что над ним поставлена законная власть, следовательпо она от Бога, и он охотно по совести, повинуется ей, какого бы достоинства личного люди ни занимали ее; для него важно, что всякая законная власть от Бога.

Истинный христианин, верный слуга Божий, верно и усердно исполняет *дело свого звания и служения* общественного. Слыша внушения Апостола: *всяко еже аще что творите, от души делайте, от крепости, юже подает Бог,* вообще зная, что на дело его всегда взирает Господь сердцеведец, истинный христианин исполняет долг служения своего с полным усердием, от всей души, от всей силы, по крайней возможности, *Господеви работающе*, и пред Его очами. Водящийся духом, не евангельским, может удобно не служить от всей души и силы, особенно если имеет много способностей и сил. Он так иногда рассуждает: служа в своем круге, я, действуя и в половину своихъ сил, могу быть исправным, могу уравняться в деятельности с другими сослужащими, могу даже и превзойти – покрыть их своею деятельностью, потому я не имею нужды действовать от всех сил. Истинному христианину чужд и не свойствен такой образ мыслей делателей, можно сказать, лукавых. Он строго исполняет волю Божию: *от души и от всей силы делайте*; тем паче, что он давал, может быть, **неоднократно и клятву Богу или присягу** – служить царю от всей силы, до капли крови. А эта присяга для него не есть

праздный обряд, или только форма, при поступлении на место служения, о которой иные не только не помнятъ после, но и не думают во время совершения ее: а – **есть священнейшее и страшное обязательство** – служить верно и усердно, обязательство, подтвержденное свидетельством или как бы поручительством Самого Великого Бога. Потому, истинный христианин должность свою принимает, какъ поручение и дело Божие; проходит ее как служение Самому Богу, ревностно и усердно; и так себя располагает, чтобы нестолько место было ему полезно и служило, сколько он месту, – об этом более заботится. И, без пышного разглагольствия о благе общем, искренно любит общее благо самым делом, не на показ, и по тщеславию, а скромно и усердно делая свое дело. А усердное и добросовестное служение как важно и дорого для верховной власти и для всякого звания и должности! Много для места служения значат способности служащего; но еще более – усердие и добросовестность служения. Но истинного усердия не могут породить в душе ни предписания государственных законов ни даже награды и угрозы штрафа. Производят и они, но неглубокое, не постоянное и непрочное усердие, ибо не бескорыстное; а все корыстное и земное непрочно. Стремление служить пользе государства и народа по естественному разумному представлению доблестного и высокого, и немногим доступно, и слабо само в себе.

Только вера может породить и поддержать постоянное усердие в служении своему долгу и благу отечества. Ее только одушевление всегда твердо и стойко, какие бы испытания ни колебали человека. И христианин, неверно и неусердно исполняющий свою общественную должность, если бы даже был, по чувству, и благочестив, не вполне истинный христианин по жизни своей, поверхностно благочестив, ибо **благочестие состоит не в чувствах только, но наипаче в жизни и делах**.

Верный последователь Христов есть вместе верный и искренний сын отечества. Любя, можно сказать, весь род человеческий и каждого человека, как брата, по Адаму, а наипаче христиан, яко братий во Христе, он, по примеру Апостола Павла, любившего народ свой до самоотвержения, и примеру Самого Иисуса Христа, явившего особенную любовь Свою к Иерусалиму – главе родной Ему Иудеи, – он особенно любил отечество свое, где и отцы, праотцы и предки его, где он получил жизнь, вскормлен и возращен, которому (отечеству) потому он обязан пожизненною благодарностию своею за это неоплатное благо.

Истинный христианин с постоянным и неослабным усердием исполняет свою должность *во всех обстоятельствах* жизни и службы. Его не награждают на поприще службы. Человек, водящийся духом мира, огорчается

в этом случае, вопиет в слух мира, что он обижен, и – хладеет в усердии к служению своего звания, потому что погасает жар надежды наград, который разогревалъ его ревность. – Истинный христианин, верно служащий Богу, не теряет ни своего благодушия, ни своего усердия в подобном случае. Свойственное ему христианское смирение и евангельское любомудрие содержат его в этом благом духе и расположении. Не имея самолюбивой гордости, которая алчет честей и наград, которая смотрит только на свои часто мнимые достоинства, и заслугам своим не находит даже достойной цены; – он скорее сознает себя недостойным наград и чести; а если бы и видел в себе что-нибудь достойное, то, по внушению веры, скорее пожелает не иметь наград в сей жизни. Ибо, получая почести и награды, трудно не приложить к ним сердца, – а за что мы вознаградимся таким образом здесь, не будем награждены там – в вечной жизни, за временное лишимся вечного, ибо дважды за одно не получают наград.

Потому, истинный христианин, как покорный власти, приемля награды, если их дают, не ищет их с алчностию честолюбия, а потому и не скорбит, когда их не получает.

Истинно-верующий, будучи усерден и верен делу служения своего царю всегда, верен и *усерден везде на всяком месте, во всяком звании.* – Низка, не по моему достоинству должность, если не всегда в слух, то в сердце нередко вопиет человек, не проникнутый духом веры; и – начинает небречь об этой должности своей. Здесь нет и обыкновенного правильного и благородного, скромного размышления. Если и в самом деле должность твоя ниже тебя, не по самолюбию гордости, которая придает себе мнимое величие; – то будь выше должности отличным и особенным ее исполнением, возвысь ее в себе, будь украшением своего звания и места. Истинный христианин водится еще высшим образом мыслей и чувств, собственно христианским. Для него никакая, ко благу общественному служащая, должность не низка; тем паче, если она состоит в управлении людьми, хотя бы и низкого звания, людьми, коих почтил Господь образом Своим, для коих низшел на землю Сам Он и делает их членами Своего тела.

Тесен круг деятельности моей, не по моим силам, я желал бы и мог бы делать более добра в обширнейшем круге, с некоторым ропотливым сожалением, от которого может родиться охлаждение к делу, – жалуется иной. Голос добрый, если только искреннее усердие к добру произносит его, но не вполне, и отзывается нетерпеливостию самолюбия.

Тесен круг твоей, деятельности? *Будь верен о мале,* и Господь, если будешь верен и достоин, *над многими тя поставит.* Он, может быть, испытует

тебя, – и *твой часъ еще, не у прииде.* Но верен ли и о *мале?* Исполнен ли даже, а не только преисполнен – и этот тесный, по твоему понятию, круг полезною деятельностию твоею? – Глубоко вполне проникнутый верою не стесняется и не падает духом от тесного круга служения, если бы и чувствовал в себе силы к большему. Если Моисей, воспитываемый Богом в вождя народу израильскому, две части жизни своей был в тесном круге деятельности, дабы потом третью часть жизни провестъ в обширном служении благу народа; если Сам Господ и Спаситель наш тридцать лет был в неизвестности в тесном кругу родительского крова, уготовляясь к трехлетнему действованию для торжественного служения спасению рода человеческого: то христианину ли томиться долговременною теснотою круга своей деятельности? Истинный христианин готов на большие дела, но и меньшие делает благодушно, усердно и успешно. Он вверяет участь свою в руки Божии, в том уповании, что Господь лучше его знает силы ого, и что, если Ему угодно, Он даст ему место служения, для коего и он будет истинно полезен, и оно полезно его истинному благу п спасению.

Истинно верный Богу верен и царю своему всегда и неизменно, ибо служит с полным самоотвержением. Бывают случаи и времена, когда в служении царю и отечеству нужно самоотвержение. И здесь-то, непроникнутые духом веры, водясь только надеждою наград и страхом наказания, вообще выгодами своими могут оказаться не всегда верными царю и отечеству, если только это может обещать им выгоды и пользу. Кто неверен Богу, удобно нарушает волю Его, и ни во что ставит заповеди Божии; тот удобно может преступать и законы государственные, и быть неверным царю земному. Только верный Богу, всегда, искренно и неизменно верен и царю земному; и на него всегда и везде можно положиться**. Из всех изменников законной власти, в христианском мире, как показал опыт, не было ни одного истинного христианина, верного сына церкви, и из всех истинных христиан не было ни одного изменника. Это несовместимо.** Верный Богу всегда верен своему званию и долгу. Он усердный к своему делу и внимательный к подчиненным начальник, покорный подданный и подчиненный, правдивый и внимательный судия, верный друг и супруг, попечительный о детях отец, послушный сын, верный слуга, снисходительный господин. Во взаимных отношениях с ближними он скромен, доброжелателен, уживчив и миролюбив. Такой человек все, что ни делает, делает с добрым успехом, ибо Господь помощник ему. *Вся елико аще творит от, успеет. Не тако нечестивии, не тако!* – Верные Богу, изыдут ли на поле брани, возвращаются победителями, ибо Господь благословляет вход и исход их и

поборает им. **Истинно, не силы, не искуство — главные причины победы, а Бог.** Без помощи Божией, и силы и искуство ненадежны. *Не спасется исполин крепостию своею,* и – *ложь – ненадежен – конь во спасение* – или в безопасность. А, с Богом, Моисей и вдали отъ воинства, одним подъятием молитвенных рук как много способствовал израилю в победе его над врагами! Если же оставит и выдаст одну сторону Бог, и станет как бы на другую, начнет держать эту сторону; – кто тогда победит сторону, защищаемую Богом? – кто против Крепкого в бранех? Какая сила станет против Всемогущего? С Богомъ *один поженет тысящи* и тьмы. Он послал некогда одного ангела Своего помочь воинству еврейскому против ассириян, и от невидимого меча невидимого ратоборца, в одну ночь пало сто восемьдесят пять тысяч в войске ассириян, и – евреи торжествовали победу. Бытописания нашего православного отечества, по истине богоспасаемого, исполнены подобными опытами помощи Господни. Когда, во время бедствий и несчастий – боголюбивые предки наши обращались к Богу с молитвою, – Он обращался к ним с милостию Своею, и помогал им. Он всегда поможет и нам, яко с нами Бог; и с нами будет Он всегда, если мы будем с Ним .

Верное служение Богу всюду и на все доброе распространяет *благуспешество*, ибо на все низводит Божие благословение. И чем более в государстве людей, верно служащих Богу, тем большее приобретение для государства, тем надежнее и прочнее его благоденствие и величие: ибо *семя свято – стояние его; в благословении правых возвысится град,* и целый народ. Чем более преданных Богу, тем более искренно преданных царю, тем более для него возможности быть отцом о чадах веселящимся.

Так совершенно несомненна истина, что верно и по-христиански служащий царю, служит и Богу; а искренно служащий Богу, есть верный и всегда неизменный слуга царю земному. Воздающий *кесарева кесареви,* воздает вместе и *Божия Богови;* и воздающий *Божия Богови,* воздает усердно и *кесарева кесареви.*

Так **нераздельны** эти священнейшие обязанности наши сами в себе; так **нераздельны** они в евангелии: да будут же они всегда **нераздельны** и в нашем уме, сердце и жизни. Это заповеди Божии – евангельские, и – заповеди наших отцов и предков, завещавших нам своим примером верно служить Богу и Государю. – Верно служащий Богу и Государю истинно достопочтенен между людьми, угоден царю и Богу, счастлив и благословен на земле, блажен на небе.

«Христианское чтение». 1868. № 7. С. 3-18.

Святитель Тихон Задонский

I. О ВЛАСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ВООБЩЕ И ПОДВЛАСТНЫХ.

Видим, что в христианском обществе двоякая власть: гражданская и духовная. Гражданская власть управляет внешними делами, а духовная власть наблюдает то, что касается до внутреннего, душевного состояния. Гражданская законами гражданскими управляет, а духовная словом Божиим исправляет. Гражданская бесчиние и соблазны подвластных мечом пресекает, а духовная словом Божиим, страхом и судом Божиим и отлучением временным от христианского общества неблагообразно ходящих смиряет. Обеих властей, гражданской и духовной цель должна быть не иной, как благое состояние подвластных и слава имени Божия.

Всякая власть, великая или малая, от Бога есть, по Писанию: *Нет власти не от Бога*. Учинена же власть от Бога, как видим, для доброй цели:

1) Для отвращения всякого неблагополучия, которое в обществе может произойти.

2) Для усмирения бесчинства, нахальства и насилия дерзких людей, для защиты невинности и незлобия добрых людей, как апостол Петр учит, что правители посланы от царя *для наказания преступников и для поощрения делающих добро* (1 Петр. 2:14). И Павел святой говорит: *Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое* (Рим. 13:3-4).

3) Для снискания и хранения всякого благополучия как телесного, так и душевного. «Бог, – говорит святой Златоуст, – для общей пользы начальства учинил» (Беседа 6-я на 1-е Послание к Тимофею).

Потому всякая власть, как голова в теле человеческом, в обществе своем. Всякое общество подобно человеку живому. Что в человеке, то в обществе власть. Голова в человеке, как ума и рассуждения седалище, управляет всеми членами и о всех них промышляет. Так и власти должно всеми своими

подчиненными управлять и о них промышлять. И как голова печется о добром состоянии всего состава телесного, так и власти подобает заботиться и стараться о всяком благополучии подчиненного себе общества, ибо именно для этого Богом и установлена, как выше сказано. Всякий властелин избирается и поставляется не ради него самого, но ради пользы подчиненных, потому о пользе их и заботиться должен.

Поэтому всякий благочестивый властелин, гражданский и духовный, должен быть своим подчиненным, как отец своим детям. Как отец благоразумный детей своих в страхе содержит и милует их, так и властям должно со своими подвластными поступать. Они в том высочайшей и безначальной Власти, Самому Небесному Отцу, подражать должны, Который нас согрешающих наказывает и милует, бьет и милости не отнимает, уязвляет и исцеляет, опечаливает и утешает. Средним путем идти должно властям и с подчиненными своими поступать: не давать им по своей воле жить, согрешающих наказывать, страхом обуздывать и к добронравию приводить, и мучительства над ними не делать.

Из вышеописанного видно: 1) Только тот истинный и полезный властелин, кто добросовестный и разумный, а иначе быть не может. Ибо злой властелин, хотя и разумный, будет бессовестно с подчиненными поступать, о них нерадеть, о себе, а не о них печься, своей корысти, а не их пользы искать будет, и так вместо общего благополучия злополучие обществу учинит. Также и добросовестный, но без разума, властелин мало что успеет. Ибо хотя и будет печься об общей пользе, но от оскудения ума часто не то будет делать, что должно, и когда должно, кому и что должно; и так хотя для доброй цели производить будет дела свои, но часто во вред общества своего. Однако полезнее обществу добрый властелин без мудрости, нежели злой с мудростью и хитростью своей.

2) Весьма худо делают те власти, которые о своей корысти, а не об общем благополучии пекутся. Так они противятся Божию установлению, Который властей учиняет к сохранению общего благополучия. Ибо всякая власть не ради своей корысти, но ради целости общества поставляется, как сказано. Того и искать обществу должно, ради чего поставляется. Но когда превратно, вместо общей пользы, своей ищет, то и приносит обществу вред, а не пользу, и так не созидает, но разоряет общество и, вместо благодетеля, делается того врагом.

3) Как те власти худо делают, которые своих подчиненных неумеренно и не по делам наказывают и мучат, так и те, которые оставляют преступников закона без наказания. Так подают им повод к другим грехам и беззакониям. Вор, не наказанный за беззаконие его, на то же беззаконное дело опять

обращается. Ибо беззаконие, без наказания оставленное, не иное что, есть, как дверь к прочим беззакониям. Оттуда последует привычка ко греху и ожесточение во грехе, чему явная погибель следует. Потому преступника без наказания оставлять – это не милость, но бесчеловечие и безумие, которое и милующего к погибели ведет. Умеренность везде похвальна: и наказание с милостью, и милость с правосудием и наказанием требуется от благочестивого властелина. Это показывается и от естества, в котором и мороз неумеренный, и зной чрезвычайный вреден, но теплота прохлаждением и сухая погода дождем растворенная полезны. Так и общество умеренностью созидается и процветает.

4) Худо и не по-христиански поступают те, которые всякими происками, или ходатайством других, или мздою, или иным каким способом на честь восходят. Тем они показывают, что страдают или славолюбием суетным, что христианам неприлично, или желанием скверного прибытка, что им самим и обществу вредно, и так тем самым исканием показывают себя недостойными власти. Ибо всякая власть христианину не покой и честь, но больший есть крест, большими и множайшими трудами, попечением и всегдашним терпением обремененный, чего никто не пожелает. Надобно всякому прежде сделать и уготовать себя достойным чести и звания Божия ожидать, которое бывает избиранием высших и преимущественных властей.

Должность к властям подчиненных им:

1) Подчиненные своим властям должны повиноваться во всем, и повиноваться Господа ради, как учит апостол Петр: *Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа* (1 Петр. 2:13). Бог их учинил – Бога ради должно им и повиноваться. Бог их повелевает слушать – ради Бога повелевающего и слушать их должно. Кто власти повинуется, тот Богу повинуется, как и *противящийся власти противится Божию установлению* (Рим. 13:2). Если что повелевают согласно Божию закону, Божие есть повеление, а не человеческое, хотя и люди повелевают.

2) Должно их с любовью почитать, как отцов и промыслителей своих. Сама совесть убеждает нас любить и почитать тех, которые о пользе нашей пекутся и промышляют. Благочестивые же власти не иное что суть, как общего благополучия искатели и хранители. Отцов наших по плоти любим и почитаем, ибо родили нас и промышляют о нас. Тем более властей благочестивых, которые и о нас и о наших отцах пекутся и промышляют, – промышляют, говорю, о нас, ибо промышляют об обществе, в котором и мы заключаемся. Ибо кто заботится о пользе всего тела, тот заботится о пользе и всех членов телесных, из которых тело состоит. Они – Божии служители, Божии посланники и как бы Божии наместники, которые должность, порученную им

от Бога, живущего на небесах, отправляют на земле; поэтому как Божиих посланников и служителей, в пользу нашу посланных, принимать и почитать должно.

3) Должно о них молиться Богу, дабы сохранил их жизнь в целости и укрепил, соблюл их от всяких вражьих наветов, вразумил и умудрил их в общую пользу, чтобы они могли отвращать все то, что обществу вред наносит, и делать то, чем общее благополучие созидается и умножается. Ибо от добрых и разумных властей общее благополучие зависит. Дом тот в добром состоянии находится, в котором добрый и разумный хозяин имеется. Так благополучен тот град, в котором добрый и премудрый градоначальник живет; благополучны те люди, которые доброго, мудрого и тщательного пастыря имеют; благополучно то воинство, которым добрый, искусный и тщательный полководец управляет; благополучно то государство, над которым добрый, премудрый и тщательный царствует монарх. Поэтому нужно всем подвластным о властях своих со усердием молиться Богу, дабы они исправны в деле своем были, и так при благополучии их и сами были благополучными. К сему христиан апостол святой увещевает: *Прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу* (1 Тим. 2:1-3).

Христиане, которые вышеописанных должностей не исправляют, тяжко грешат. Видно, что таковые не знают, что есть и от кого учинены власти, и для какой цели учинены; и ни мало не чувствуют, откуда проистекает общее благополучие, в котором и их (благополучие) заключается. Но более те бесстыдно и беззаконно поступают, которые злые умыслы сочиняют и восстают против своих властей, законно учиненных, и такие не иное что есть, как сыны погибельные и враги отечества и общего благополучия. Надобно им опасаться Страшного Суда Божия, постигшего Корея, Дафана и Авирона, которых живыми земля поглотила в наказание за то, что они восстали на Моисея и Аарона (Числ. 16:25-32).

Спросит кто: «Что делать властям, которые неправду делают?»

Ответ: 1) Что неправду делают, что к тебе? Ты свое делай и по должности своей поступай. За неправду свою они воздадут ответ праведному Богу, *Который исследует дела их и испытает намерения. Ибо* они, *будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией*, и прочее (Прем. 6:3-4 и след.).

2) Что не противное закону Божию приказывают, слушай и исполняй, а в противном не слушай, так как *должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян. 5:29). Так поступали мученики святые. Повелевали им нечестивые власти землю копать, копали; камни носить, носили; в темницу и ссылку идти, шли; под меч головы подклонять, подклоняли; имения у них отнимали, отдавали, – и прочее, закону Божию не противное, делать приказывали, делали. Повелевали отречься от Христа и прочее богопротивное делать, не слушали. Так и ты поступай. Велит тебе господин твой всякую работу делать, делай; велит неправду делать, обидеть, украсть, солгать и прочее, – не слушай. Грозит за то казнью, не бойся, ибо подобает более бояться Бога, имеющего власть *и душу и тело погубить в геенне*, нежели человека, *убивающего* только *тело, души же не могущего убить* (Мф. 10:28). Лишает жизни – не противься, ибо жертвующий жизнью за правду в грядущем веке обретет ее.

Об истинном христианстве. Кн. 2. Гл. 1. § *453-459.*

II. О ДОЛЖНОСТИ БЛАГОЧЕСТИВЫХ МОНАРХОВ И ПОДДАННЫХ ИХ.

1) Монарх не имеет над собою обладателя на земле, но имеет на небесах Того, Который небом и землею владеет: *Владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет* (Дан. 4:22). Не имеет повелителя на земле, но имеет на небесах; не имеет надзирателя и судьи – человека, но имеет Бога, Который все дела, слова и помыслы человеческие видит (см. Пс. 32:13-15; 138:1-16), и судит всякого *по делам его* (Рим. 2:6), *не убоится лица и не устрашится величия* (Прем. 6:7). Сего ради благочестивый монарх, во-первых, что подданным своим повелевает, то сам долг имеет делать, и что им запрещает, от того сам прежде (должен) удаляться, дабы за что прочих судит, в том самого совесть не судила перед Богом.

2) Царь на высоком месте сидит и потому всем виден; все на него обращают глаза свои, не только присутствующие, но и далеко от него живущие, дела и слова его примечают, и все хотят знать, что делает в палатах своих, и образ жития своего от него приемлют, и по примеру его обращаться хотят. Того ради хотя и всем христианам, но особенно высоко поставленным, как на свечнике, нужно примечать Христово слово: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5:16).

3) Царский престол много окружает ласкателей, как довольно того видим в историях, от которых иные, желая в милость монарху вкрасться, иные злобу, на другого начавшуюся, совершить, много могут лестным и ядовитым своим языком успеть, недостойных хваля, а достойных минуя или пороча, и так человека, не знающего умыслов сердечных, обмануть, и тем обществу вред нанести. Поэтому благочестивая корона одолжается не скоро таковым верить, но испытывать, а клеветников изгонять, по примеру святого царя Израилева Давида: *Тайно клевещущего на ближнего своего – сего я изгонял; с имеющим гордое око и ненасытное сердце – с сим я не ел* (Пс. 100:5).

4) Царскую корону украшают премудрость, правда и милость: *правдою утверждается престол* (Притч. 16:12). *Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой* (Притч. 20:28). Правда требует, чтобы всем воздавать должное, добрым и верноподданным за верность их награждение, злым и неисправным наказание, дабы и прочие хотящие нечествовать страх имели. Милость хочет объятьями своими всех согревать, но, поскольку многие являются милости недостойны, премудрость растворяет ту правдою и научает добрых жаловать, неисправных наказывать, но с милостью и надеждою исправления, ожесточенных отсекать от общества добрых, дабы и те злостью их не повредились.

Так поступает с нами праведный, милостивый и премудрый Царь Небесный, Царь царей и Господь господствующих, *гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Петр. 5:5); добрых любит и благословением Своим обогащает их; неисправных наказывает, но наказанных и смирившихся милует; ожесточенных отвергает от лица Своего и предает вечному наказанию. Этому примеру Небесного Царя подражать имеют долг учиненные Им и подчиненные Ему цари земные, и так со своими подданными поступать, и с царствующим пророком петь Господу: *Милость и суд воспою Тебе, Господи* (Пс. 100:1и след.). Строгость излишняя вредит, и милость безрассудная неполезна. Первая в негодование, огорчение и уныние людей приводит; вторая к расслаблению, своевольству, бесчинию и развращению дверь отворяет; правда же, с милостью сопряженная, все то отвращает.

Сие-то есть премудрость властелина, это есть царский путь – правды держаться и милости не забывать. Худо там являть милость, где наказание требуется; худо прощать и щадить того, кто не оставляет греха и не кается. Грех ненаказанный к иным грехам подает повод, и один злодей прощенный многим к подобному злодеянию поощрение подает. Ибо злые, видя ненаказанного злодея, на то же злодеяние обращаются с такою надеждою, что

и им так же прощено будет в случае обличения. Отсюда последует умножение злодеяний, и от тех отечеству немалая утрата.

Напротив того, не хорошо там меч употреблять, где пластырь милости и обвязывание требуется, где грех от немощи, каковому и добрые люди подлежат, а не от умысла и предрассуждения совершен, бесполезно и того наказывать, который сам себя добровольно наказывает. От мудрости удаленно то наказание, которое не по мере преступления налагается. Везде умеренность, как в природе, так и в гражданстве, похвальна и полезна, как выше упомянуто. Поэтому везде нужно здравое рассуждение и нескорое определение.

5) Истинное правосудие лица человеческого не приемлет: с богатым и нищим равно поступает, сановитого не стыдится и простого не презирает, не смотрит лиц, но дела их рассуждает и по тем суд издает. Простого, неисправного наказывает и сановитому, не по чести сана и присяге своей поступившему, не спускает, но поскольку от большего и высшего лица больший грех, то и (большему) греху последующее большее наказание заключает, рассуждая, что, если неправду делать простому – зло есть, то большее зло – сановитому, который на то учрежден, чтобы неправду искоренять и правду насаждать.

Поэтому благочестивый царь, когда хочет правосудие хранить, хранить же необходимо нужно, должность имеет лиц не принимать, но на дела их смотреть и по ним судить, по примеру Небесного Царя, Который *не взирает на лице человека* (Гал. 2:6), *не убоится лица и не устрашится величия* (Прем. 6:7). Великие и малые, сановитые и простые – равно отечества сыны, равно отечество составляют, равного отеческого о себе промысла от монарха требуют и в покойном отечества лоне согреваться и питаться хотят. Однако же считающиеся более низкими большую приносят пользу. Что город без деревни может? Откуда хлеб и прочее, к содержанию жития нужное? Деревня приносит все в город, поселянин питает гражданина, и земледелец господина. Запустеет город без деревни, и господин оскудеет без владельца. Полководец без солдат как тело или голова без рук и ног. Как равно отечество все составляют и пользу приносят, так равно и монарх благочестивый, как глава о своих членах, обо всех промышлять отечески обязуется, и как великого гордого смирять, так и малого насилуемого защищать и избавлять.

6) Хотя на высоком месте сидит царь, однако помнить ему необходимо нужно, что он такой же человек, как и прочие люди, так же умирает и земле предается, как и подданные его, где нет никакого отличия царя от подданного, и господина от раба, и вельможи от простолюдина. Смерть всех равными делает и в землю возвращает и обращает. Поэтому, по Писанию, *сколько ты*

велик, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа (Сир. 3:18). Если Христос, Царь царей и Господь господствующих, верных Своих не стыдится *братиями называть* (Евр. 2:11; см. также Ин. 20:17; Пс. 21:23), то насколько более человеку подобных себе людей за братию иметь достойно. Отсюда проистекут христианские добродетели, как ручьи от источника; отсюда терпение, христианская победа, которая не над побежденными врагами, но над своим торжествует сердцем; отсюда кротость и незлобие, которыми сердце в тишине сохраняется. Блаженна та корона, которую сии многоценные и не мира сего каменья украшают. Более она прославится, нежели победами над врагами внешними: преславнее себя победить, нежели людей. Более она сохранит грады свои, нежели оружие воинское, ибо Бога Защитником своим иметь будет. Более научит людей своих, нежели законы и указы, ибо более научаемся делом, нежели словом, и примером добрым, нежели повелением высших.

7) Благочестивым царям долг надлежит защищать и умножать Церковь Святую, по пророчеству святого Пророка: *И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими* (Ис. 49:23). Поэтому должно им от гонителей и ругателей ее защищать, о добрых пастырях промышлять; учения полезные, которыми она утверждается, умножается, расширяется и процветает, расширять; училища, в которых сеются семена учений, насаждать, распространять и их правильно содержать.

8) Благочестивых государей должность о тишине и благополучии отечества своего промышлять. Поэтому нужно им избирать и посылать на власти добрых и разумных людей, которые бы правосудие, как зеницу ока, хранили, и общей, а не своей пользы, на власти будучи, искали, и так бы подданных его целость и благополучие хранили и умножали. От добрых и разумных властей целость и благополучие общества зависит, как от злых и неисправных оно изнемогает, разоряется и падает.

9) Должность благочестивых монархов – отечество свое от иноплеменников защищать. Потому, когда начинают войну, должно им крайне беречься от неправильной войны и брани без правильной причины не начинать, свое хранить и чужого не касаться, дабы и своего не лишиться, и подданных своих напрасно кровь не проливать, и перед Богом в том тяжко не согрешить. И одного человека напрасно кровь пролить страшно, тем более многих. Одного, напрасно убиенного, кровь вопиет на небо и отмщение низводит, тем более многих. За всех, на неправильной войне убиенных, следует ответ дать Богу, Который сердца человеческие испытывает, и замыслы и начинания знает, в книге Своей записывает все (Пс. 138:16).

10) Поскольку не человеческой, но Божией мудростью управляется царство, и не человеческой, но Божией всемогущей силой защищается и сохраняется, потому благочестивый царь долг имеет молиться Царю Небесному, дабы Сам Он наставил и умудрил его управлять царством, ему порученным.

11) Цари великое бремя трудов несут, всегдашним попечением о целости отечества отягченное, и от того не мало скуки, печали и изнеможения им временами находит. Поэтому благочестивое монаршее сердце в этом случае может себя утешать надеждою будущего в вечной жизни воздаяния, ибо все труды, скорби и печали скоро минуются, и за многие труды, вкратце о Христе подъятые, многое и бесконечное будет воздаяние. Праведен Господь: всем воздаст по делам их.

Должность верноподданных к своему благочестивому монарху:

1) Должно его от чистого сердца любить, как первого по Боге отца, промыслителя и попечителя, о целости отечества и общем благополучии неусыпно пекущегося.

2) Высокое ему, как от Бога посланному, и любовное отдавать почтение.

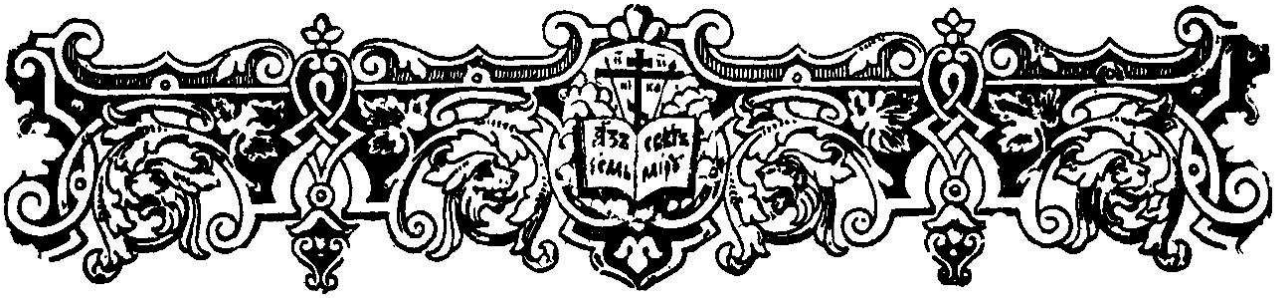
3) Повеления и указы его, как в пользу общества учиненные, без роптания и с усердием исполнять.

4) Дань, от него требуемую, давать доброхотно и без задержания.

5) О здравии его, как отечеству нужном, мирном царствовании и мудром правлении молить усердно Бога, ибо у Него *совет и правда;* Он *разум, у* Него *сила*. Им *цари царствуют и повелители узаконяют правду;* Им *начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли* (Притч. 8:14-16).

6) При случае за здравие его и своего здравия не щадить. Главу в естественном теле, когда следует ей опасность, все члены защищают и хранят, хотя и сами страждут, ибо от бедствия главы и всему телу следует бедствие. В обществе глава – царь, которого целость и здравие всем хранить должно, ибо от его целости и общества целость зависит, и от его бедствия всему обществу бедствие бывает.

Об истинном христианстве. Кн. 2. Гл. 2.§ 460-461.



Святитель Феофан Затворник

О ПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ И СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ.

«*Всяка душа властем предержащим да повинуется*».
(Рим. 13, 1)

Обстоятельства времени учат человека и внушают ему разные наставления по роду своему. Так – дни царские невольно склоняют внимание на царя и царство, а здесь – во храме – переносят мысль от царства земного к Царству Небесному и побуждают соразмерять служение в одном с служением для другого. В самом деле, братия, когда в дни царские мы собираемся в храмы Божии, в коих обыкновенно служим Богу истинному, – *творити молитвы, моления, прошения, благодарения (*1 Тим. 2, 1) за Царя и царство, то сим исповедуем не только то, что Вышний владеет царством человеческим и, куда хощет, направляет его, но и то, что, служа отечеству, мы сим самым служим Богу. Как же приходит некоторым на мысль, будто между сими служениями нет союза и будто посвятивший себя одному неизбежно оставит и забудет другое? Если здесь приносим мы благодарение Богу за прошедшие успехи в служении общественном и просим помощи на дальнейшее в нем преспеяние, если то есть сие служение отсюда как бы исходит и сюда же возвращается, то, когда действительно, может быть, кого отвлекает оно от служения Богу и ослабляет в ком дух благочестия,– не зависит ли это от вины нашей, а не от самого служения? Когда Господь говорит: *воздадите кесарева кесаревы, а Божия Богови* (Мф. 22, 21), то внушает, что совмещать сие обоюдное служение не только можно, но и должно. Свойство же самого дела показывает, что как тело есть орудие, посредством которого душа обнаруживает свои внутренние действия, так и общество и служение в нем есть лучшее поприще для раскрытия и обнаружения невидимого духа благочестия, и не для обнаружения только, но вместе для образования и укрепления. В сем несомненно уверимся, если внимательнее рассмотрим учение апостольское о служении общественном (Рим. 13, 1-8).

Апостол Павел в послании к Римлянам пишет: *всяка душа властем предержащим да повинуется* (13, 1). Когда говорит: *всяка душа*, то не исключает никого, кроме верховной главы царства, всем правящей, и когда говорит: *властем предержащим*, то разумеет всякую вообще власть, законно поставленную. Если теперь в благоустроенном обществе все члены находятся во взаимной зависимости и взаимном подчинении, то оно есть область взаимно повинующихся и, следовательно, училище повиновения. Обратите внимание на то, что значит повиновение в христианской жизни: это есть такая добродетель, которою одною, можно сказать, содержится в целости весь состав нравственности и благочестия. Будем судить по противоположности: начало всех грехов – в неповиновении первого человека повелению Бога – Царя, и теперь – что есть всякий грех, как не плод непокорливости? Спросите: отчего более всего страждут ревнители благочестия? – От своенравия своей воли.– Против чего преимущественно вооружались святые подвижники? – Против своей воли. Что препятствует человеку грешнику оставить грех и обратиться к Богу – на путь правды? – Упорство и развращение своей воли. Как, потому, должно быть благодетельно – истреблять или, по крайней мере, умалять в нас сие зло – свою волю, сокрушать сию выю железную? Но чем и как удобнее можно это произвести? – Ничем более, как повиновением, отречением от своей воли, преданием себя воле другого. Ибо несомненно, что сия последняя едва ли станет свои распоряжения склонять в угодность нам; а когда против воли нашей, то сия по необходимости будет смиряться и вступать в должные пределы. Если теперь общественное служение есть поприще повиновения, то судите сами, как приспособлено оно к истинно христианской и благочестивой жизни! Полагая преграды юношескому жару или обдуманным планам мужа и в то же время обязывая к известным занятиям не по сердцу страстному, оно не только не дает исхода злу из сердца, возвращая его внутрь – как бы на истребление себя, но и подавляет его там, делая постоянный перелом воле действительным служением. Справедливо, что в обществе требуются дела более внешние, тогда как воля может таиться внутри; но какой благоразумный человек позволит навсегда оставаться в себе такому раздвоению! Не понудится ли, напротив, всякий и сердце свое приложить к тому, что делает вовне? И может ли притом быть такое разногласие продолжительным? Искра сама собою гаснет, если не раздувать ее намеренно, и росток в семени замирает, если не возбуждать его живительными стихиями. То же бывает и с своеволием: оно само собою будет слабеть, умаляться и, наконец, совсем сделается незаметным, если не раздражать его исполнением его требований. Вот почему между постоянно служащими, после довольно продолжительной службы,

можно встречать людей, большею частью, тихих, смиренных, благопокорливых. Так, Господь чрез общественное служение всех нас заключил в повиновение, чтобы всех возвратить к Себе чрез уничтожение своеволия и образование смиренной покорности. Ибо, кто людям покорен, тот тем охотнее покорится Богу, и, кто исполняет человеческие постановления, тот тем ревностнее будет исполнять заповеди Божии.

Но скажет кто: «Мы сотворены для Бога; Ему единому и работать должны, чтобы удостоиться потом быть с Ним в Царствии Небесном». Но какое общение между служением земным и трудами Царствия ради Небесного? – Служа ради людей, и притом ради земного их благоденствия, не отдаляемся ли мы тем от своего назначения, сколько небо выше земли и тварь ниже Творца? – Против такого помышления послушайте, что говорит далее Апостол: *несть власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Всякая власть от Бога. Следовательно, и та, под которою каждый из нас непосредственно учинен и какой должен повиноваться. Потому, независимо от того, высока ли сия власть или невысока, она тем не менее есть власть от Бога, и, повинуясь ей, тем не менее повинуемся Богу. Вот связь служения человеку с служением Богу. *Повинися всякому человечу созданию Господа ради* (1 Пет. 2, 13),– и будешь работать уже не человеку, а Богу; человек тогда исчезает из внимания и сердца, а будет там Бог един и Его святая воля. Не видно ли, что – как обратить служение общественное в средство к богоугождению и стяжанию Царствия Небесного зависит от каждого самого? Управь сердце свое, очисть его намерения, освяти ожидания,– и угодишь Богу, отправляя какую-нибудь, по видимому незначительную, должность в обществе. Господь благоволит не к одному только количеству дел и их величию, но, главным образом, к тому расположению, с каким они совершаются. Лепта вдовицы оказалась пред Ним многоценнее богатых вкладов, и стаканом воды оказанное благотворение обещал Он не забыть в Царстве Небесном.

Итак, если чье служение отечеству не восходит к Богу и не превращается в служение Ему, тот, верно, не так служит, как должно, не те имеет цели, не с тем расположением ходит в сем служении. Так, кто исправен по службе и повинуется начальству из страха наказания, тот служит неправо: ибо повиноваться должно, по Апостолу, *не только за гнев, но и за совесть* (Рим. 13, 3). Такой слуга ненадежен. Если отнять у него узы страха, он предастся всему буйству своеволия, несмотря на то что есть Бог, всевидящий и вездесущий. Так же – кто делает все из выгод, в надежде на награды, в ожидании возвышения, тот служит суете и страстям, а не Богу. В обществе необходимы награды, чтоб отличить труды и достоинства от лености и не достоинства, необходимы

повышения, чтобы заместить степени, требующие делателей опытных, которые обыкновенно восходят в меру сию долговременностью и разнообразием занятий. Но кто и целью своего служения поставляет подобное искательство, тот извращает в сердце своем намерения правительства и Божии, по коим нередко бывает нужно умолять, подобно Моисею, чтоб избрал достойнейших. И служение обществу для общества же есть служение неправое. Как будто общество существует само для себя и имеет цель в себе. Господь благоволил быть на земле гражданскому устройству для того, чтобы, вспомоществуя друг другу, друг друга вразумляя и исправляя, тем успешнее достигали вечного блаженства, чрез исполнение Его святой воли и умножение Его славы на земле. Общество есть средство. Кто поставляет его целью, тот отнимает у него цель и делает его как бы пустым и безжизненным. Не оттого ли нет порядка, спокойствия и благоденствия там, где служат обществу для самого общества? Ибо, кто всего ожидает от него, тот первый обратится против пего, коль скоро ощутит себя в нем забытым, незамеченным. Но кто работает ему Господа ради, у того жар ревности не охладеет от холодности и невнимания людей.

Говорить ли, наконец, о том, какое обширное представляется в обществе поприще для упражнения любви к ближним, которая есть вторая главнейшая заповедь – ближайшее средство к богоугождению (1 Ин. 4, 16) и прямейший путь в Царство Небесное, – когда это очевидно само собою; ибо общество есть союз людей, взаимно работающих друг для друга, или, что то же, – ходящих в делах любви. Сравнивают общество с живым телом. В теле живом каждый член живет для всех и все для каждого, и таким всеобщим самопожертвованием хранится целость и здоровье тела. Таким же точно образом зиждется и благосостояние общества. А в этом кто не видит духа любви, которой главное свойство не *своих си точию искать* (1 Кор. 13, 5), *но и дружних смотрять, – не себе только угождать* (Рим. 15, 1), *но и друг друга тяготы носить* (Гал. 6, 2). Потому и, наоборот, действуя здесь как должно, чему скорее всего научиться можно, как не любви, когда ходишь непрестанно среди занятий, не только не чуждых любви, но и требующих ее? Посему Апостол в изображении общественного служения прилагает далее: *воздадите убо всем должная: емуже убо урок, урок; а емуже дань, дань; а емуже страх, страх; а емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга: любяй бо друга, закон исполни* (Рим. 13, 7-8). То есть, по Апостолу, могут еще прекращаться и изменяться дела служения общественного, но любовь должна быть чувством непрестающим, как чувство долга, неуплаченного и неуплатимого по конец жизни. Как в дереве, хотя каждый год снимают с него известную меру плодов, как дань, сила жизни

остается и после, как основание будущего плодоношения; так и любовь неизменною пребывать должна в сердце истинного служителя отечеству, при всем обилии видимых дел. Не будем же обольщать себя, братие. Если союз общества в любви и служение ему учит любви, то, наоборот, каждое служение ему истинную цену свою должно получить только от присутствия в нем любви. Дело служения внешнее нельзя почитать худым; не должно, однако ж, думать, что оно-то и есть все, чем обязаны мы обществу. Помнить должно, что мы действуем пред Господом, Которого *и есть завещание – да любим друг друга* (1 Ин. 3, 11) и Который, вверяя служение другим для укрепления любви, не оправдает тех, кои успели охладить ее сим служением, а еще менее – тех, кои самое служение обращают в случай к делам, противным любви.

Итак, *всяка душа властем предержащим да повинуется*, и повинуется Господа ради, да воздаст всем должная, никому ничем не оставаясь должною, кроме любви. В этом сокращенно содержатся все наши обязанности к Богу, ближним и себе самим. Потому благочестно надеяться должно, что плод служения отечеству столь же велик, сколь велика награда благочестию и добродетели. Только надобно влагать в сие служение и истинный дух. В одних делах службы внешних может и не быть сего духа, как нет жизненного духа в часах, исправно идущих. Служащий без истинного духа в сердце есть хорошо изваянная статуя – из холодного и мертвого вещества. Он – то же в обществе, что мертвая часть в теле, которая носится другими членами и обращается туда, куда направляется все тело. Итак, братие, молясь ныне о благосостоянии отечества нашего, помолимся и о том, да ниспослет нам Господь истинный дух служения Царю и отечеству, чтобы благоденствие его было прочно и непоколебимо. Что же в сем деле зависит от нас, сами предложим от себя, как жертву на алтарь отечества, чтобы с сего алтаря она вознеслась, однако ж, и к престолу Божию, – это самоотверженное повиновение, благочестие и любовь. Аминь.

«Душеполезный собеседник». 1906. Январь. С. 9-13.

Преподобный Иустин (Попович)
ОБ ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ К ВЛАСТЯМ.

«*Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам*» *(Деян. 5, 29).*

Вот она — душа, самое сердце православной Церкви; вот оно — Ее Евангелие, Ее Всеевангелие. Вот чем Она живет, и ради чего живет. Вот в чём Ее бессмертие и вечность; в этом именно Ее непреходящая всеценность.

Повиноваться Богу больше чем людям, это Ее принцип над принципами, святыня над святынями, мерило над мерилами.

Это Всеевангелие — сущность всех святых догматов и всех святых канонов православной Церкви.

Тут нельзя даже ценою всех цен со стороны Церкви делать никаких уступок никаким политическим режимам, никаких нельзя устраивать компромиссов ни с людьми, ни с демонами. Меньше же всего с откровенными церквоборцами, церквогонителями и церквоуничтожителями.

«Повиноваться больше Богу, нежели человекам» — это устав православной Церкви, Ее вечный и неизменный устав — всеустав, Ее вечное и неизменное стояние — всестояние. Вот он и есть первый ответ первым гонителям Церкви: Деяния Апостолов 5, 29; и это Ее ответ всем гонителям сквозь все века до Страшного суда.

Для Церкви Бог всегда на первом месте, а человек, люди, всегда на втором месте. Людям надо покоряться постольку, поскольку они не против Бога и Божиих законов. Но если они выступают против Бога и Его законов, то Церковь должна им воспротивиться и противостать. Если она не поступает так, разве это Церковь? и представители Церкви, — если не поступают так, — разве они апостольские представители Церкви? Оправдывать себя при этом т.н. церковной икономией (снисхождением) — это значит не что иное, как скрыто предавать Бога и Церковь. Такая икономия — просто напросто предательство Церкви Христовой.

Церковь — это вечность во времени, во временном мире. Мир меняется, а Церковь не меняется; не меняется Ее вечная божественная Истина, Ее божественная правда, Ее вечное божественное Евангелие, Ее вечные божественные средства. Не меняется, ибо не меняется Господь Христос, Который таков и творит так. Такова Евангельская истина и действительность: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

Церковью вечность присутствует во времени для того, чтобы время освящалось Ею, обновлялось Ею, овековечивалось Ею и равнялось бы по Ней. Не Она должна равняться по времени или по духу времени, но время должно равняться по Ней как вечной, и дух времени — по Ней как носительнице духа вечности, духа богочеловечности. Ибо Она всегда святая, всегда апостольская. Она всегда соборна, всегда божественна, посему и не смеет никогда жертвовать вечное — временному, Божие — человеческому, небесное — земному.

Не приспосабливается Она к духу времени, напротив, Ей подобает приспосабливать время к вечности, временное — к вечному, человеческое — к богочеловеческому. Вечный Ее путь через этот мир: сперва — Бог, а потом человек; впереди — Бог, а за Ним человек: *Дабы иметь Ему* / Господу Христу / *во всём первенство* (Кол. 1, 18).

Власть в принципе от Бога (Рим. 13, 1-6): и иерархия ценностей и иерархия порядка — от Бога. Поэтому в принципе надо покоряться власти как упорядочивающей и как содержащей этот богоданный и божественный порядок в мире. Иначе — падение и впадение в безвластие, анархию.

Властям надо покоряться, поскольку они содержат божественный порядок в мире, поскольку они — «слуги Божии» и как слугам Божиим. Покоряться властям надо, потому что как слуги Божии они носят меч, которым наказывают зло и защищают добро. Покоряться властям надо, потому что они, слуги Божии, «страшны для злых дел», а не для добрых.

Но когда власти становятся страхом для добрых дел, когда власти гонят Божие добро, и больше всего добро и вседобро этого мира — Господа Христа, и тем Его Церковь, тогда таким властям не следует покоряться, ни слушать их. С ними христианин должен бороться, и именно святыми, Евангельскими средствами бороться. Никогда христианин не смеет более покоряться людям, чем Богу, особенно же людям, которые против Бога истинного и против Его Евангелия.

Власть в начале, в самом принципе от Бога. Но когда власть отпадает от Бога и выступает против Бога, тогда она превращается в насилие и этим перестает быть от Бога и становится от диавола.

Значит, мы, христиане, знаем и тайну власти и тайну насилия: власть — благословлена Богом, насилие же проклято Богом. Всё, что от Бога — добро, коль скоро им злоупотребляют — оно от диавола. Злоупотребление Божиим — вот диавол, и вся диавольщина всех миров, в том числе и человеческого. Власть — от Бога; и пока она держится в Боге и под Богом и с Богом, она — благословенна. Оставив Бога, она превращается в насилие, и тем подчиняет себя власти противобога — диавола.

Таково Евангельское, апостольское, святоотеческое, православное учение о природе и ценности власти. Таково святое и непогрешимое учение православное Церкви Христовой об этом, таково оно от начала и доныне, и отныне во все веки веков. Свидетели этого? — Все святые апостолы, все святые отцы, все святые мученики. Особенно, святые мученики, начиная от св. первомученика Стефана и все до наших новомучеников и остальных святых мучеников нашего времени. Все они страдали за Господа Христа, все вместе от царей, королей и князей; одним словом, от богоборных властей века сего. И таких святых исповедников не тысячи, их — миллионы. Все они святы и бессмертны как свидетели богочеловеческой Истины: христиане должны противиться безбожным и противобожным указаниям царей, владык, властодержцев мира сего, где бы они ни были, и кто бы они ни были.

Всякий святой мученик, всякий святой исповедник веры Христовой — живое воплощение и бессмертное олицетворение пресвятого Всеевангелия православной Церкви: «Богу повиноваться больше, чем людям». Всякий из них всею душой, всем сердцем, всей силою, всецелым умом держался этого божественного Всеевангелия. И за это им и причиняли мучения, зло, за это их убивали богоборческие властители из века в век.

Вот некоторые из этих бесчисленных и бессмертных свидетелей:

1) Св. мученик Гликерий, пресвитер (303 г.), говорил царю Максимиану в Никомидийском храме, переполненном христианами, которых царь собирался сжечь вместе с храмом — что и сделал — если они не отрекутся от Христа:

«Обещанные тобою дары не привлекают нас царь; угроз же твоих мы не боимся. Всё, что ни есть в мире, мы почитаем как бы за сон и даже вменили бы себе в скорбь и Божие наказание, что не претерпеваем за Христа жесточайших мучений... Не боимся мы твоих гонений: Царь всяческих даровал нам свыше оружие, которым мы так же вооружаемся и защищаемся, как ныне ты своими оруженосцами. Противостоя тебе, мы твердо надеемся одержать чудесную

победу, ибо, **будучи побиваемы, мы одолеваем, а падая — побеждаем**» (28 декабря).

2) Св. мученик Иаков Персянин (421 г.) и царь Издигерд.

Царь — мученику: «Знай, что ты повинен смерти; но только я не казню тебя мечом, чтобы ты не умер скорою смертью, а долго и жестоко буду мучить тебя и предам горчайшей смерти» (святому отрезали пальцы и все члены по одному — прим. пер.).

Св. Иаков отвечает: «Что хочешь делать, делай, царь, скорей, но знай, что не устрашат меня слова твои, которые подобны ветру, дующему на каменную скалу. **Я не боюсь смерти, памятуя, что временная смерть есть только сон,** ибо все люди восстанут из гробов своих во время страшного второго пришествия Христа моего и Господа», т.е. воскреснут (27 ноября).

3) Св. мученик Тивуртий (230 г.), говорит царскому епарху в Риме Фавиану:

«Угрожаешь ли ты мне мучением? но разве нам, христианам, страшно пострадать за нашего Бога? усечением ли меча? так мы, освободясь от плотской темницы, получим небесную свободу; огнем ли? но мы угасили в теле больший пламень похоти, и сего огня не убоимся; изгнанием ли? но Бог наш везде и, **где мы с Богом, там место наше**» (18 декабря).

4) Св. мученик Мина (304 г.) и царский градоначальник Ермоген, мучитель христиан (ставший впоследствии и сам святым мучеником — прим. пер:). Ермоген требовал исполнения царских приказаний; св. Мина отвечает:

«Почитать царей — дело святое, ради их власти и начальствования; но когда цари неправильно и неблагочестно почитают Бога, Который есть начало всего, и не воздают Ему надлежащей чести, тогда чтить царей несправедливо».

Дополнение из другой беседы тех же лиц: «Скажи мне, нечестивец, на что надеясь ты дерзнул возмутить народ не повиноваться царю?...».

Св. Мина: «Не я возбуждаю народ не повиноваться нечестивому царскому приказанию, а ревность Божия, ибо народ ревнует о Господе Своем...

Если же я и отзывался худо о богах царя твоего пред народом, то ведь всякому человеку, имеющему правильный взгляд и здравое суждение о деле, подобает не любить и ненавидеть то, что он увидит и признает ложным; Истину же должно любить и почитать. А Истина для людей, относительно которой нет никакого сомнения, есть Сам Христос!» (10 декабря).

5) Царский наместник Ариппин выговаривает святому мученику Платону (306 г.): «Как же ты смеешь нарушать царские законы и совращать других?»

А св. Платон отвечает: «Я знаю уставы Бога моего и делаю, что повелевают Его святые и животворные заповеди» (18 ноября).

6) Св. мученики епископ Акепсим, пресвитер Иосиф и диакон Аифал (пострадали около 376 г.), и их мучитель князь из персидских магов.

Князь говорить мученикам: «Не противьтесь царской воле».

А они отвечают: **«Всякий, исполняющий волю беззаконного вашего царя, противится Богу»** (3 ноября).

7) Св. мученик Трофим (около 303 г.) и судья Аттик, царский наместник.

Судья Аттик спрашивает мученика: «Читал ли ты императорские указы о христианах?»

Святой отвечает: «Прочел. Но что они нам? Между благочестием и бесовским обольщением такая же разница, как между днем и ночью» (19 сентября).

8) Св. преподобномученик Андрей Критский (767 г.) отвечает царю Константину Копрониму (иконоборцу):

«Не дай Боже, чтобы я отрекся от моего Христа... Ты бы царь лучше занимался военным делом и управлением народа, чем гнать Христа и Его слуг» (4 июля).

9) Св. великомученица Евфимия и с нею 48 мучеников (304 г.) и царский наместник Приск.

Приск спрашивает: «Вы ли противитесь велению царскому и нашему, уничижая жертвоприношение, совершаемое в честь великого бога Арея?»

Мученики отвечают: «**Повелению царскому или твоему, проконсул, — если оно не будет противно Небесному Богу, — без сомнения, нужно повиноваться; если же оно противно Богу, то не только должно не повиноваться, но даже и сопротивляться.**

Если бы повелевали нам то, в чём мы обязаны повиноваться властям, то мы воздали бы кесарево кесарю (Мф. 22, 21). Но так как ваше повеление богопротивно и богомерзко, ибо вы повелеваете почитать тварь вместо Творца и заставляете поклониться и принести жертву бесу, а не Богу Вышнему, то сего повеления вашего мы никогда не исполним, ибо мы — истинные поклонники живущего на небесах истинного Бога» (16 сентября).

10) Св. мученица Нимфодора и ее святые сестры Минодора и Митродора(пострадали около 305- 311 г.) говорят своему мучителю князю Фронтону, вельможе царя Максимиана:

«Неужели ты думаешь устрашить нас мучениями и жестокими ранами? Собери сюда со всей вселенной орудия мучений, мечи, колья, когти железные, призови со всего света всех мучителей, соедини вместе всевозможные мучения

и предай им наше слабое тело; увидишь ты, что скорее сокрушатся все те орудия, у всех мучителей устанут руки и все виды мучений твоих истощатся, нежели мы отвергнемся от Христа нашего: **горькие муки за Него для нас будут сладким раем, а смерть временная— вечной жизнью**» (10 сентября).

11) Священномученик епископ Филипп (304 г.) отвечает царскому наместнику Иустину:

«Я — христианин и не могу сделать того, что ты требуешь; ты можешь меня мучить, но не можешь победить меня».

А после семи месяцев, когда тот же наместник вновь спрашивает этого святого: «Почему ты так неразумно противишься воле царя?» — тот отвечает ему:

«Не поступаю я неразумно, а исполняю волю Бога, Творца и Судии всех. Священное Писание говорить: **«Отдавайте Богу Божие, а царю царское». Это именно я и делаю. Правомочным приказам царя я всегда повиновался**».

12) Осмеивая князя-мучителя и муки, которыми он его мучил, св. мученик Калинник (250 г.) громко кричит ему:

«Ты грозил мне великими муками, а налагаешь на меня весьма малые. Нанеси мне раны побольше, приложи лютейшее мучение: я не боюсь ни огня, ни меча, смеюсь над смертью, ожидая от Господа моего принять жизнь вечную».

13) Св. великомученик Пантелеимон (305 г.) отвечает царю, люто мучающему его:

«О, царю! Все умершие за Христа не погибли, а нашли себе вечную жизнь. И если Анфим, будучи стар и немощен телом, мог вынести жестокие мучения за Господа нашего, тем более мне, юному и сильному телом, должно безбоязненно претерпеть все муки, на которые ты меня обречешь, **ибо я буду считать жизнь пустою, если не умру за Христа, а если умру, сочту это приобретением**» (27 июля).

14) Св. мученицы, монахини-девственницы (305 г.) отвечают старшему волхву, мучающему их:

«Мы поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу, а царева приказа не слушаемся, — делай с нами, что хочешь».

15) Священномученик Антипа, епископ Пергамский (ученик св. апостола Иоанна Богослова, пострадал в конце I -го века) отвечает царскому воеводе:

«Одно знай, правитель, что я — христианин и повиноваться безумному и нечестивому повелению царя отнюдь не желаю» (11 апреля).

16) Царский наместник Евпсихий спрашивает св. мученика Феодула (около 300 г.): «Разве ты не знаешь, что ты должен исполнять приказания царей, обладающих вселенною?»

Св. Феодул отвечает: «То, что повелевает Владыка неба и земли, — поистине справедливо и достойно внимательного выслушивания и немедленного исполнения. **Что же повелевают временные цари ваши, то из их повелений должно исполнять лишь те, которые окажутся справедливыми и не противными Творцу небесному, повеления же несправедливые ни в каком случае не следует исполнять**» (5 апреля).

17) Севастиан, воевода римского императора Антонина (Марка Аврелия 161-180 года), сообщает воину Виктору, св. мученику: «К нам пришел царский указ, повелевающий принуждать вас, христиан, к жертвоприношению нашим богам, а не повинующихся предавать тяжким мучениям».

Но св. Виктор отвечает: «Я не послушаю безбожного повеления смертного царя и не исполню его воли, ибо я раб бессмертного Царя, Бога и Спасителя моего Иисуса Христа, Царство Которого бесконечно, и исполняющие волю Которого будут жить вечною жизнью**, а вашего смертного царя и царство временно, и исполняющие его нечестивую** (о. Иустин переводит точнее: **«безбожную») волю погибнут во веки»** (11 ноября).

18) Св. мученица Иулиания (около 275 г.) отвечает царю Аврелиану:

«Я не боюсь твоих мук и не обращаю внимания на твои угрозы, ибо есть на небе Бог, Который может избавить нас от твоих нечестивых (точнее у о. Иустина: «безбожнических») рук. Предай меня всем мучениям, которыми располагаешь, и увидишь помощь, оказанную мне среди них Господом моим Иисусом Христом» (4 марта).

19) Св. мученик Кодрат Никомидийский (около 250 г.) на приказ царского проконсула Перенния: «Покорись царским, а не Христовым законам», отвечает:

«Я покоряюсь законам Царя Небесного, а не безумному повелению незнающих Бога людей. Впрочем, Св. Писание повелевает нам молиться за них, дабы они обратились и уразумели истину».

Дополнение: О. Иустин опустил последнюю фразу, мы же добавили ее с целью указать, какая молитва о таких правителях, и вообще о заблудших, возможна.

Укажем и на последующие слова и события в этом житии, ибо «аргументы» безбожно-идолопоклоннической власти мало менялись: «Если ты совершаешь молитву за царя, то и заповеди его должен исполнять, потому что и в ваших писаниях пишется: «*отдавайте кесарево кесарю, а Божие*

Богу.» (Мк. 12, 17)... Знаешь ли ты, — спросил проконсул, — какое множество христиан принесло жертву нашим богам, и неужели ты думаешь быть гораздо лучшим их?»

Мученик Кодрат, дерзновенно обличив отступивших христиан, привел их к покаянию. Далее св. Кодрат обращается к Перенниию с такими словами:

«Я поклоняюсь истинному Богу Отцу и Единородному Его Сыну и Святому Духу... я не боюсь ни бесов, ни тебя, обладающего кратковременной властью. По прошествии немногих дней, я отойду к моему Богу, ты же вечно будешь горько стонать, потому что не захотел познать Бога, даровавшего тебе настоящую жизнь. Сын сатаны, брат диавола, сообщник бесов нечестивых, превосходящий свиней своим бессловесием, бешеный пес, кровопийца, змей, алчнее зверей, пожирающий омерзительное мясо в капищах идольских... О погибельные! Сами впали в погибельный ров и нас желаете столкнуть в него» (10 марта) (прим. пер.).

20) Священномученик Власий, епископ Севастийский (316 г.), говорит царскому игемону Агриколаю:

«Не боюсь я твоих угроз, мучай меня, как хочешь, — вот, я предаю тебе за Христа моего тело мое, один Бог имеет власть над душою моею» (11 февраля).

21) Воевода Нерона, св. мученик Виктор (около 64 г.), говорит нероновому наместнику Севастьяну:

«Я хочу исполнять волю небесного и бессмертного Царя Христа, а о повелении земного царя Нерона, чтобы я гнал христиан, и слышать не хочу» (31 января).

22) Священномученик Климент, епископ Анкирский (312 г.), смеется по поводу слов наместника Домициана и говорит:

«Мы, правитель, думаем совершенно наоборот словам твоим. Ваши дары мы признаем ничтожеством, ваш почет — бесчестием и высокий сан — работою пленника. Напротив, бесчестие, угрозы, мучения доставляют нам радость и утешение, и что больше всего, соединяют нас с Богом. Зная это, ты не надейся отвратить нас от благочестия — ни обещанием почестей и даров, ни угрозами мучений» (23 января).

23) Царскому епарху Аквилину, который истязает св. Трифона (250 г.) и предлагает ему поклониться царскому изображению, св. мученик отвечает:

«Если я самому царю оказал презрение и его нечестивыми повелениями пренебрегаю, то неужели я поклонюсь его бездушному изображению?» (1 февраля).

24) Царскому наместнику Кинтиану, который св. мученице Агафии (251 г.) в тюрьме предлагает свободу, она говорит:

«Свобода наша в порабощении себя Христу».

Затем, на суде тот же наместник хочет, чтобы она покорилась царскому повелению, она же на это отвечает:

«Суетны слова твои и несправедливо повеление царя твоего, которое оскверняет и самый воздух...» (5 февраля).

25) Св. апостол Онисим (около 109 г.) говорит епарху царя Траяна Тертиллу:

«Твои муки не могут устрашить меня, как бы сильны они ни были, ибо я, утешаемый ожиданием будущих благ и укрепляемый силою Христа моего, с легкостью перенесу страдания, которым ты подвергнешь меня» (15 февраля).

26) Свв. мученикам Евтропию, Клеонику и Василиску (308 г.), является Господь и говорит им:

«Когда вас мучили, то Я стоял перед вами, глядя на терпение ваше. Так как вы мужественно перенесли первые страдания, то Я буду вашим помощником, пока не окончите ваш подвиг и впишутся имена ваши в книгу жизни» (3 марта).

27) Св. преподобномученик Конон (275 г.) говорит воеводе царя Аврелиана Дометиану: «Умереть за Христа — это не смерть, а получение вечной жизни» (6 марта).

28) Священномученик Зиновий, епископ Эгейский, говорит Лисию, князю царя Диоклетиана:

«Сия временная жизнь без Христа не есть жизнь, но смерть; нет, я лучше предпочитаю претерпеть временные мучения за моего Создателя, а потом с Ним вечно жить, нежели отказаться от Него ради сей временной жизни и потом вечно мучиться во аде» (30 октября).

29) От св. великомученика, воина Феодора Тирона (306 г.), царский игемон Публий требует исполнения богопротивного веления и грозит ему, а св. Феодор отвечает:

«Я не боюсь ни тебя, ни твоих мук, как бы люты они ни были. Делай, что хочешь... Ожидание будущих благ, которые у Бога моего, побуждает меня к мужеству... Твои муки мне не страшны. Ибо предо мною — Господь и Царь мой Иисус Христос. Он избавит меня от твоих мук. Но ты не можешь Его видеть, т.к. ты не можешь смотреть духовными очами... Как ты можешь принуждать меня оставить живого Бога и поклониться бездушному камню? Со Христом моим я был, есть и буду: ты же делай, что хочешь» (17 февраля).

30) Священномученик Садок, епископ Персидский (около 343 г.), и царь Сапор. Св. Садок и страдающие с ним 128 мучеников принуждаются муками к исполнению богопротивного повеления царского, но не хотят слушаться царя.

Св. Садок говорит: «Мы — христиане, и поклоняемся Единому Богу, Творцу неба и земли; Ему мы и служим всей душою и всеми силами нашими; а солнцу и огню мы не поклоняемся и не почитаем их, ибо они созданы на службу людям, не послушаем мы царского повеления и не отступим от Бога нашего, не устрашимся смерти, которая приводит нас из сей временной и суетной жизни в вечное царство; итак не медлите — убейте нас, не жалейте крови нашей, уже не раз проливавшейся пред вашими глазами».

После сего вторично пришло повеление царское к святым: «Если вы не послушаете моего повеления и не исполните моей воли, то скоро вас постигнет злая гибель».

Святые же как едиными устами отвечали: «Не погибнем мы у Бога нашего, не умрем мы во Христе Его, ибо Он оживляет нас блаженной и вечной жизнью и дает нам бессмертное царство в наследие и покой; ты же не отлагай нашей смерти, ибо мы с усердием готовы пострадать за Бога нашего; не станем мы поклоняться солнцу и огню, **не станем мы слушать нечестивых, безбожнических повелений царских, исполненных смерти и гибели**» (20 февраля).

31) Царю Антонину Пию и римскому Сенату св. мученик Иустин Философ (167 г.), первый философ, ставший христианином, пишет в своей знаменитой «Апологии» следующее: «Вы нас можете убивать, но не можете нам повредить» (1 июня).

32) Царским посланникам — патрициям, среди них епископу Феодосию, св. Максим Исповедник, игумен (662 г.), объявляет:

«Я с удовольствием исполню все, что повелит мне царь, если это не богопротивно и не вредит вечному спасению души» (21 января).

33) Св. Феодор Студит, игумен (826 г.), заявляет царю Льву Армянину:

«Бог в Церкви поставил одних апостолами, других пророками, иных благовестниками, иных пастырями и учителями, к совершению святых» (Ефес. 4, 11-12). Апостол не сказал: иных царями. Тебе, царь, вверено управлять мирскими занятиями и городскими делами да военным делом. Об этом и старайся, а церковные дела предоставь пастырям и учителям, как то и Апостол учит.

Если же не так, то знай, что мы не будем слушаться учения, которое противно нашей православной вере, даже если его принесет Ангел с неба, как же мы послушаем тебя, земного, перстного человека».

И тот же св. Феодор Студит говорит тому же царю в царских палатах: «Царь, пойми и уразумей, что не твое дело — рассматривать и исследовать церковные постановления: твоей власти свойственно обсуждать мирские дела

и ими управлять, а дела церковные подведомственны святителям и учителям церковным; тебе же приказано только следовать им и повиноваться. Так и Апостол сказал: «Бог поставил в Церкви во-первых Апостолов, во-вторых Пророков, в-третьих учителей» (1 Кор. 12, 29), а не царей. И в других местах Св. Писание повелевает церковными делами управлять церковным учителям, а не царям» (11ноября).

34) Царь Лев 5-ый Армянин, иконоборец и гонитель православной Церкви, старается через посланников обещаниями и угрозами привлечь на свою сторону св. Феофана Сигрианского, исповедника (818 г.).

«Зачем же, царь, — отвечает тот, — ты устрашаешь меня своею угрозою как какого-нибудь малого отрока розгою. Приготовь для меня мучения, зажги огонь, и я, хотя и не могу ходить по болезни моей, как это ты видишь, — однако за правоверие я брошусь в огонь».

А затем тот же св. исповедник пишет царю из темницы**: «Твое дело, царь, вести войну против иноплеменников, исследовать же церковные догматы и законы подобает Св. Отцам, а не царям»** (12 марта).

35) Св. Михаил исповедник, епископ Синадский (818 г.), говорит царю Льву 5-му Армянину: «Я почитаю св. иконы Спасителя моего Иисуса Христа и Пречистой Девы, Его Матери, и прочих святых и покланяюсь им; твое же распоряжение не считаю возможным исполнить» (23 мая).

36) Неустрашимый исповедник Истины, учитель вселенной, св. Иоанн Златоуст (407 г.) посланникам царицы Евдокии, требовавшей: «Перестань противиться нам и не касайся наших царских дел, ибо и мы не касаемся церковных дел, но предоставляем тебе самому устраивать их...», отвечает:

«Царица желает, чтобы я походил на мертвого, не замечал совершаемых несправедливостей, не слушал голоса обижаемых, плачущих и воздыхающих, не говорил обличений против согрешающих; но т.к. я епископ и мне вручено попечение о душах, то я должен на всё смотреть недремлющим оком, выслушивать просьбы всех, всех учить, наставлять и обличать.

Ведь я знаю, что если я не буду обличать беззакония и наказывать беззаконнующих, то подвергнусь наказанию, и потому боюсь, как бы ко мне не были приложены слова пророка Осии: скрыша жерцы путь Господень («скрыли священники путь Господень». Так в греческом и церковно-славянском тексте Библии: Осия 6, 9)... Ибо божественный Апостол повелевает пред всеми изобличать согрешающего, дабы и другие имели страх...

Я обличаю беззаконие, а не беззаконнующих; никому не говорил я в лицо о его, беззаконии, никого не запятнал бесчестием и никогда не упоминал в

проповедях имени царицы для обличения ее... **Если же кого из слушающих мои поучения осуждает совесть за содеянные им дурные дела, то ему подобает гневаться не на меня, но на себя самого, и пусть он уклонится от зла и сотворит благое...** Итак, пусть царица гневается, как хочет, а я не перестану говорить правду. Ведь для меня лучше прогневать людей, чем Бога: «Если бы я и поныне угождал людям, то не быль бы рабом Христовым» (Гал. 1, 10) (13 ноября).

37) Светолучный столп Церкви православной, свт. Василий Великий (379 г.) говорит царскому правителю Модесту на его угрозы:

«Если ты отнимешь у меня имение, то и себя этим не обогатишь, и меня не сделаешь нищим. Полагаю, что тебе не нужны эти ветхие мои одежды и несколько книг, в которых заключается всё мое богатство**. Ссылки нет для меня, потому что я не связан местом, и то место, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни сошлют, будет мое. Лучше же сказать: везде место Божие...** А мучения что могут сделать мне? — я так слаб, что разве только первый удар будет для меня чувствителен. Смерть же для меня благодеяние: она скоре приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь, и к Которому давно я стремлюсь».

Модест говорит на это: «Никто так дерзновенно не говорил со мною до сих пори».

А святитель отвечает: «Да, потому что тебе не случалось ране говорить с епископом. Во всём ином мы показываем кротость и смирение, но когда речь идет о Боге и против Него дерзают восставать, тогда мы, всё прочее вменяя за ничто, взираем только на Него Единого...».

Модест отвечает: «Поразмысли до завтра, ибо я тебя предам на погубление».

Св. Василий отвечает: «Я и завтра буду таким же, как сегодня, однако желаю, чтобы и ты оставался при своем слове» (1 января).

38) Богозрачное солнце православной истины, херувимский ревнитель православной веры, пресветлое око Церкви православной, св. Симеон, Новый Богослов, игумен (1020 г.), говорит в глаза своему епископу, патриарху Константинопольскому, который его посылал в ссылку и преследовал его хитро и лукаво:

«Возьмись нас учить согласно Св. Писанию, следуя древним Св. Отцам, и мы тебя примем как равного Апостолам, и будем землею и прахом под твоими св. ногами; и ты будешь ходить по нам, и мы будем считать это освящением для себя, как хиротонию. И не только это, но и повеления твои мы будем исполнять до смерти. Но если ты не будешь нас

учить так, чтобы мы побуждались к покорению твоим повелениям... то, в таком случае, мы не сможем тебе ответить ничем иным, как только словами учеников Христовых: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29).

Таков порядок, таков путь, такова Истина православной Церкви Христовой от св. Апостолов до днесь, и от сего дня до самого конца мира сего земного. Касательно этого порядка, этого пути, этой Истины, невозможны ни уступки, ни компромиссы, ни отступления. И это ни от кого, даже и от самого Вселенского собора, если бы он состоялся».

Св. муч. Дасий Доростольский († ок. 292-303, пам. 20 нояб.) служил в римском войске. Во время праздника в честь языческого бога Сатурна ему выпал жребий играть роль земного воплощения божества. Будучи христианином он решил предпочесть мученическую кончину за Христа и открыто исповедал свою веру. На следующий день он предстал перед судом легата легиона Васса, но снова отказался поклониться богам и образу императора, разбросал благовония и опрокинул идолов. После жестоких истязаний ему отсекли голову.

Митрополит Иннокентий (Фигуровский)

I.
О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

«Несть власть аще не от Бога: сущия же власти от Бога учреждены суть. Тем же противляяйся власти, Божию повелению противляется... Хощеши не боятися власти, – благое твори, и, имети будеши похвалу: – Божий бо слуга есть, тебе во благое» (Рим. 13, 1-4).

Так учит слово Божие о законной власти, которая от Бога, Богом учреждена на благо людей, и повеления которой, вполне согласные с волей Божественной, суть повеления Божии. Истинная власть, которой мы обязаны повиноваться, как самому Богу, зиждется на законе. Под законом же мы разумеем волю Божию, ясно и точно изложенную в слове Божием и не менее ясно начертанною на скрижалях сердец всех людей. Власть для того и установлена от Бога на земле, чтобы она твердо соблюдала закон и была бы верной хранительницей закона. Пока ее повеления вполне согласуются с волей Божественной, она тверда и божественна, теократична, под ее державой народ процветает и благоденствует. Так было не только в Израиле, но и в Египте, и в Ассирии, и в Халдее и других древних и новых государствах. Но когда власть отступала от Божественного закона и свою волю или лучше произвол объявляла законом, то такая власть не могла почитаться божественной; она попускалась Богом временно, как стихийное зло, – для вразумления народа. Так избранный Богом и от Него помазанный, первый Израильский царь Саул, когда отступил от заповедей Божиих, то был лишен царства и еще при жизни его на его место был избран и помазан пророк Давид.

Отсюда вполне ясно, что христиане обязаны повиноваться только законной власти; исполнять и подчиняться только тем законам и постановлениям, которые согласны с Божественной волей, в противном случае они должны, по примеру Св. Апостолов, слушаться больше Бога, чем людей

(Деян. 4, 19); по примеру Самого Спасителя, христиане должны быть послушны Богу Отцу даже до смерти и смерти крестной (Фил. 2, ст. 8).

Отсюда вполне также ясно как следует смотреть на большевицкую власть.

Большевики бесстыдно и открыто пред всем светом заявляют, что они безбожники и не признают Христа. А всякий дух, говорит Апостол Иоанн, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не от Бога, но от духа антихриста (I Иоан. 4, 3) Итак, нет никакого сомнения, что большевики предтечи антихриста; а если так, то они от диавола и похоти отца своего хотят творить, а он человекоубийца был искони и во истине не стоит, ибо нет истины в нем; когда говорит он ложь, от своего говорит, ибо он ложь и отец лжи. (Ев. Иоан. 8, 44).

И эти дети диавола действительно творят дело отца своего, это истые каиниты, и не одна кровь Авеля вопиет ко Господу, но миллионы загубленных ими братских душ взывают к Богу об отмщении. При их сатанинском самодержавии целые громадные области, когда-то густо населеннейшие, превратились в пустыни; люди одичали до такой степени, что сделались хуже зверей, едят трупы, дети убивают и пожирают своих родителей, родители – детей. Но этого им мало, они хотели бы вытравить самую душу в русском человеке. Для этого они воздвигли неслыханное в истории Церкви гонение на православие, более кровавое и жестокое чем то, которое было при Нероне и Диоклетиане. Священные алтари разрушены и осквернены, храмы отобраны и обращены в увеселительные заведения. Епископов и клириков большевики лишили всяких прав, даже самого священного права на существование; их хватают и казнят, как величайших злодеев, обливая на морозе холодной водой, зарывая живым в землю и сажая на кол. О мирянах и говорить не приходится. Но что всего ужаснее, большевики до такой степени развратили детей, что несовершеннолетние девочки занимаются абортами, а семилетние мальчики заражены сифилисом. Воистину все силы ада выступили на борьбу с Православной Церковью.

Можно ли после этого утверждать, что власть большевиков от Бога и Богом установлена на благо людей? Это было бы величайшей хулой на Бога. Нет, это власть князя тьмы, власть сатаны, антихриста.

Как же относиться к такой власти?

Так, как относились к беззаконным царям и правителям пророки, мученики, апостолы и святители, и Сам Христос, о чем свидетельствует вся история Ветхозаветной и Новозаветной Церкви.

Для вразумления и обличения делателей Своего виноградника, т. е. правителей Израильского народа, Бог посылал пророков, но нечестивые и

безбожные правители одних из посланных пророков били, других убивали, иных камнями побивали, а иных пилами распиливали. Величайший из пророков Иоанн Предтеча был томлен в темнице и усечен во главу за то, что обличал Ирода царя за незаконное сожительство с Иродиадою, женой брата своего. Наше развратное время осудило бы пророка за то, что он вмешивался в семейные дела своего законного царя. Оно осудило бы и Самого Христа за то, что Он непочтительно относился к Ироду царю и подрывал своими грозными обличениями авторитет народных правителей. Когда фарисеи говорили Христу, чтобы Он скрылся, ибо Ирод хочет убить Его, Спаситель ответил им: «идите, скажите этой лисице, изгоняю бесов и исцеления творю сегодня и завтра, и в третий день кончу» (Лук. 13-32). А восседавших на Моисеевом престоле книжников и фарисеев Христос не только всенародно называл лицемерами и слепыми вождями, но и порождениями ехидины за то, что они оставили суд, милость и веру. (Мф. 23 гл.)

Св. Церковь ежедневно за утренним богослужением (7 и 8 п.) ублажает трех отроков, брошенных царем Навуходоносором в раскаленную печь, которые не послушались безумного веления мучителя, презрели огненные угрозы и оплевали царюющаго повеление. (Вел. Четверток п. 8 Воздвижение Честн. Креста п. 7)

Невозможно перечислить имена всех мучеников и святителей Новозаветной Церкви, мужественно боровшихся с произволом и нечестием земных владык. Кто не знает, как громил в своих проповедях Св. Иоанн Златоуст нечестивую царицу Евдоксию; или как митрополит Филипп обличил безумного царя за его опричнину, разорявшую и угнетавшую русский народ. Христос для того и основал Свою Церковь на земле, чтобы Она бесстрашно боролась с князем мира сего, с духами злобы поднебесной, действующими в сынах противления, т. е. диавола (Еф. 6, 12). Ужасы этой мировой борьбы – Царства Христова с царством диавола картинно изображены в Апокалипсисе. В последние дни своего господства на земле диавол покорит себе все царства земные и оснует единую монархию на земле, на престоле которой он посадит человека греха, сына погибели, который будет превозноситься превыше всего, именуемого Богом, или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, являя себя Богом (2 Сол. 2, 3-4). Ему будет дано вести войну со святыми и победить их, и поклоняться ему все живущие на земле, коих имена не будут написаны в книге жизни. В честь его будет учреждена всемирная государственная религия, которую возглавит зверь, вышедший из земли, т. е. из среды христиан («вождь Завета» – Дан. 11, 22), который будет иметь два рога, подобные агнчим, и будет говорить, как дракон, т. е. диавол, он будет

творит великие знамения и чудесами будет обольщать живущих на земле. Он заставит их поклоняться образу зверя, который (образ) будет говорить и действовать так, чтобы убиваем был всякий непоклоняющийся образу (Ап. 13 гл.). И тогда будет скорбь велия, каковой не было от начала мира доселе и не будет (Мф. 24, 21); никому нельзя будет ни покупать, ни продавать кроме того, кто будет иметь начертание или имя антихриста, или число имени его (Ап. 13, 17). И когда бы не прекратились дни оные, не спаслась бы никакая плоть; но избранных ради прекратятся дни оные (Мф. 24, 22). И это царство антихриста в России уже наступило.

Наша Российская Церковь первая приняла кровавое крещение и как багряницею и виссоном украсилась кровью своих мучеников. Несмотря на видимое поражение мы достигли великих результатов. Мы имеем бесчисленный сонм святых мучеников, которые предстательствуют за нас на небе и готовы помочь нам, если последуем стопам их.

И вот в это время, в самый разгар войны, нам советуют отречься от наших героев духа, принять имя антихриста, сделаться гражданами советского ада, подданными самого диавола.

Нет, тысячу раз нет, лучше самая лютая смерть, чем такой позор! Теперь более, чем когда либо, мы должны не бояться убивающих тело и помнить завет Христа: «кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет жизнь свою ради Христа и Евангелия, тот сбережет ее».

«Церковные Ведомости». 1924. № 17-18, 1(14)-15(28) сентярбя. С. 5-7 (Прибавления).

II.
МОЖЕТ ЛИ ЦЕРКОВЬ КОГДА-ЛИБО ПРИЗНАТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

Ответ на этот вопрос мы находим в 13 главе Апокалипсиса:

«И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонилась дракону, который дал власть зверю, говоря, кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним. И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их и дана была ему власть над всяким коленом, и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, коих имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (3-8).

В этих немногих стихах ясно и точно определена ВЛАСТЬ ОТ ДИАВОЛА, с которой призваны вести постоянную войну все святые (Церковь), и горе тем, кто уклоняется от этой войны, кто признает эту лживую власть законной и подчиняется ей: их участь в озере, горящем огнем и серою (Апок. 21, 8).

Такова бесспорно и есть власть советская, – лживая, сатанинская и БОГОБОРНАЯ.

Архиепископ Иннокентий (Фигуровский).

«Китайский Благовестник». 1941. № 6. Июнь. С. 13.

Протоиерей Павел Боротинский

ОТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНИНА К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НРАВОУЧЕНИЯ.

1. В течение вот уже 10 лет ни один из православных русских архиереев не дерзнул разобрать больной для всех вопрос о взаимоотношениях между церковью и нынешней гражданской властью с точки зрения нравоучения православной церкви.

Церковь должна быть аполитична, но только тогда, когда будет жить в пустыне, доколе же она живет в государстве, аполитичной она быть не может и вопрос о взаимоотношениях между церковью и государством оставаться открытым не может, а раз так, то нужно ставить вопрос ребром – можно-ли христианину признавать так наз. соввласть.

Решение этого вопроса весьма затемняется тем, что мы отождествляем понятие признания власти с понятием о повиновении власти, тогда как эти понятия далеко не тождественные... Когда мы попадаем в плен к разбойникам, мы повинуемся им, если нас заставляют мыть полы, стряпать и т.п. – поскольку их требования не идут в разрез с христианской совестью, но это отнюдь не значит, что исполняя эти требования мы считаем себя членами их шайки или признаем их, т.е. те задачи и цели, к которым направлена их деятельность – это не значит что их "радость и успехи" мы признаем за свои.

Признавать власть – значит солидаризироваться с нею и оправдывать те задачи и цели, к достижению которых она стремится, как таковая и считать противление ее противлением самому Богу (Римл. XII.2), солидаризировать это конечно, не всегда распространяется на практические способы их осуществления.

Теперь, когда карты большевиков раскрыты и ими самими и некоторыми исследователями, едва-ли можно оспаривать, что сравнение их с шайкой разбойников, является лишь слабым подобием печальной действительности, что эпитет разбойника в отношении идеологии, способов осуществления и происхождения большевистской власти является слишком мягким, что гораздо ближе к истине было бы характеризовать их как сатанистов, как и предполагалось на соборе 1917-18 годов. Проводя параллель между

соввластъю и шайкой разбойников мы легко уясняем себе, что повиновение им допустимо под влиянием насилия в пределах заповеди "Повиноваться подобает Богови, паче нежели человека".

Признание же их и добровольное служение им во всех видах совершенно недопустимо, как недопустимо признание и служение (добровольное конечно) разбойникам. Тем чудовищнее представляется признание соввласти – властью от бога со стороны нашего епископа. Подобно этому, хотя апостол и говорит, что несть бо власть аще не от Бога, но из этого не следует заключать о приложимости этих слов к соввласти.

Таким образом, по разуму св. отцов, апостол Павел относит к Богу происхождение лишь ИНСТИТУТА ВЛАСТИ, которая имеет добрые цели и задачи, власть же, имеющая какие-либо "худые виды" по мысли Златоуста – не от Бога. Государственная власть от Бога, пастырство от Бога, но не всякий пастырь от Бога...

Что эти слова не приложимы к соввласти видно из того, что основные задачи и цели, к осуществлению которых стремится соввласть – уничтожение религии и насаждение анархии таковы, что всякий христианин фатально обречен на борьбу с ними и творя "сие благое" ждать должен не похвалы, а меча... Если пастырь будет исполняя пастырский долг объяснять пасомым, что гражданский брак с христианской точки зрения есть блуд, а аборты убийство, или если же он будет удерживать их от воспитания детей в безбожных филантропических учреждениях – детских домах, то за это он конечно не похвалу получит.

2. "Религия есть опиум для народа" – центр всей философии научного марксизма и все последователи его первой своей обязанностью считают не только отступление от Бога, но борьбу против Него.

"Союз безбожников" – море антирелигиозной литературы, наводняющей большевистское царство, не выдумка, а яд, действие которого могут видеть, без антирелигиозной борьбы немыслимо даже существование соввласти.

Отвергая даже идею всякой власти и имея целью похищение божеской и человеческой власти, большевистское законодательство все пропитано классовой ненавистью, направленной в сторону насаждения анархических начал, как в области международного госуд. права, так и в области гражданских взаимоотношений в нем. Кодекс уголовный возводит в степень важнейшего государственного преступления – всякое действие, направленное в сторону борьбы против начал безбожия и анархизма, карая эти преступления со всей строгостью и беспощадностью. Поэтому соввласть и является в собственном смысле и единственной на протяжении всей мировой истории

противницей и разрушительницей Богом установленной власти и потому самому не может происходить от Бога, ибо Бог себе самому противиться не может и говорить после этого о происхождении соввласти от Бога, все равно, что утверждать и говорить – несть бо блудник, пьяница, убийца – аще не от Бога, т.к. в смысле попущения и – они от Бога, но если такое выражение недопустимо, как явно кощунственное, то в отношении большевиков оно тем более недопустимо, чем больше разница между убийцей, пьяницей и блудником – с одной стороны и сатанистом, анархистом и богоборцем – с другой.

3. Может-ли быть христианин участником будущей войны, когда знает, что целью ее является защита завоеваний революции, т.е. сатанизма. КОНЕЧНО НЕТ. Христианин не может себя считать даже гражданином советско-сатанинского государства. Все, в чем он повинуется соввласти, он делает не за совесть, а за страх, исключительно как пленник. Если идеологически мы враги друг другу, то такими останемся и при осуществлении каждой стороной своей идеологии. Если под лояльностью разуметь лишь то, что мы не выступаем с оружием в руках против соввласти, то мы в этом случае не можем быть лояльными. Плох тот христианин, который не молится о скорейшем ниспровержении этого мерзкого и богохулънейшего нового сатанинского царства.

4. Вопрос об отношении к большевизму – есть такой вопрос который имеет значение не только для христианства, но и для не христианского мира и следовательно является по преимуществу Вселенским, ибо если государствам мира впервые на протяжении всей мировой истории пришлось встретиться с учением, которое стремиться подорвать религиозные и гражданские основы.

Чтобы избежать смерти от большевистской инфекции, было бы лучшим следование указаниям патриаршего послания (анафематствование советской власти – от 19 января 1918 года) и постановлением собора от 22 января 1918 года.

9/22 марта 1928 г.

Вмч. Стефан Урош III, Дечанский, король Сербский.

СВЯТЫЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.

I. Почему с молитвами Животворящему Кресту соединяются молитвы о царях?

Крест Господень, как орудие нашего спасения, стал почитаться христианами еще во времена апостольские. Однако, во время гонения христиан, почитание его могло быть только тайным. «Христос распятый» для иудеев был соблазном, для язычников безумием. Посему христиане не высказывали открыто своего почитания креста, чтобы не подвергать его издевательствам. Они скрывали изображение креста или изображали крест так, чтобы язычники не могли догадаться, что данный рисунок прикровенно изображает крест.

В 312 году царь Константин Великий во время похода на Рим увидел на небе изображение креста с надписью «НИКА», т. е. «побеждай». Сделав войсковую хоругвь в виде креста, Константин вступил в сражении, победил врага и взял Рим. В память этой победы, царь Константин повелел поставить в Риме свое изображение с крестом в руке и надписью: «*Сим спасительным знамением я освободил Рим от тирана*». Вскоре после сего, христианское исповедание Миланским эдиктом было объявлено дозволенным; сам царь Константин показывал пример почитания креста, повелев изображать себя с крестом даже на монетах.

Видение креста царем Константином на небе повторилось еще два раза при его дальнейших походах, что еще более усилило его почитание святого креста.

По его желанию, его мать — святая царица Елена предприняла путешествие в Иерусалим и там обрела святой и животворящий Крест. Она привезла в Царьград часть его, и византийские цари, отправляясь в поход, брали ее с собой, уповая на помощь Божию.

Вот почему в дивных песнопениях, прославляющих святой крест, его восхваляли и за помощь, которую через него получали православные цари.

Вместе с тем, Православная Церковь, исполняя наставление апостола Павла молиться за царей, даже языческих, поскольку они являются защитниками порядка, а не гонителями Веры, всегда возносила моление Богу, чтобы сила крестная помогала уповающим на крест царям. Службы святому кресту по средам и пятницам, в кои дни воспоминаются страдания Христовы, и в другие праздники Животворящего креста полны таких молений. В них говорится: «*Крест царей держава*», «*о тебе вернейшие царие наши хвалятся, яко твоею силою Исмаильтейские люди державно покаряюще*», «*победы благоверным царем на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство*», «*древо честное царем на варвары победу подающее*»... Такими и тому подобными выражениями наполнены службы кресту.

Замечательно, что многия из сих песнопений написаны святыми Отцами, которые сами жестоко страдали от царей иконоборцев; они не прекращали моления за царей, твердо веря, что после злых царей будут и цари благочестивые. Не изменяли те молитвы православные греки и южные славяне и находясь под властью турок или чужих чужеземных властей, хотя бы они были иноверными.

Какой же смысл имеет моление о царях в молитвах святому кресту, когда какой-либо народ не имеет своего православного царя?

Во-первых, — православные народы должны молиться не только за своих Государей, а какъ члены одного тела — Церкви, также и за других православных Государей. Порабощенные турками греки, сербы, болгары и румыны молились за единственного тогда православного Русского Царя. Долг и русских молиться не только за своих, но и за их Государей, тем более, что проживавшие в их странах русские беженцы пользовались их защитой.

Во-вторых, — при возношении молитв о царях мы молимся не только о нынешних царях, но и о будущих православных царях, ибо по толкованию святого Иоанна Златоуста православные Государи будут держать власть до пришествия антихриста, удерживая распространение зла. Вот почему Церковь Православная не перестает молиться «*победы благоверным царем на сопротивныя даруя*». Слова сии находятся в молитве Животворящему кресту, которая особенно часто употребляется, так как является тропарем, т. е. как бы гимном, дней святого креста.

В России и в некоторых других славянских странах в ту молитву вставляли и имя царствовавшего Государя, но основное содержание ее всегда оставалось неизменным и подлинным текстом, тем, что написали святые Отцы: *Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным царем на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство*. (*Слова*

иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Чудотворца. Сан-Франциско 1994. С. 167-169.).

II. О цели установления царской власти.

Ты требовал, чтобы я написал тебе, почему Бог определил некоторым людям владычествовать над подобными себе людьми, тогда как все люди имеют одинаковую природу и все в одинаковой мере причастны оной. Не вдаваясь в излишество, я изложу кратко все, чему учили меня о сем предмете мудрые и святые мужи.

Неложное Писание открывает нам, что человек, по благодати сотворившего его Бога, получивший власть над всем видимым миром, после того, как по злоупотреблению извратил естественное направление духовного своего существа, по праведному суду Божию подверг тлению как самого себя, так и весь мир. Посему всякий человек, не исключая никого, подвержен во время многотрудной и многоплачевной жизни сей, от непостоянства ее, происходящего от неразумия и беспорядка составляющего ее вещества, бедствиям, сопряженным с нею. И это Господь установил премудро; именно Он хотел, чтобы мы, узнав по бедствиям жизни, безумно любимой нами, сколь вредно пристрастие к ней, удостоверились, что для нас полезнее оставить ее, нежели проводить, и, утвердившись в равнодушии к ней, презрели непостоянные видимые предметы, а вместо их возлюбили неизменяемые мысленные предметы.

Но поелику мы, несмотря на безчисленные бедствия, какие претерпеваем в продолжение ее, не перестаем любить ее; то всеблагий, премудрый и благопромыслительный Господь учредил между людьми царскую власть с тою целию, чтобы предотвратить то зло для жизни, которое имеет произойти от своеволия, т. е. чтобы люди не истребляли друг друга, подобно рыбам морским, не имея начальника, который бы мог удержать сильного от нападения на слабейшего. На сем основании в роде человеческом по необходимости учреждена царская власть, и люди, одинаковую имеющие природу, разделены на начальствующих и подчиненных, дабы первые руководствовали покоряющихся законам естественным, и наказаниями обуздывали нежелающих по надмению ума покоряться им, и таким образом оказывали всем правосудие, опорою коего служат страх и любовь, и которое, несмотря на различные склонности людей, утверждает повсюду мир и тишину; чего не было бы достигнуто, если бы страх не удерживал чернь от безумного стремления кбеззаконию и не заставлял ее силою жить мирно, подобно людям

благоразумным; ибо страх заставляет неразумных против воли делать то же, что разумные делают произвольно, по убеждению.

Вотъ как научили меня судить о цели учреждения между людьми царского достоинства; и это учение я признаю истинным и объясняющим существо дела. Что касается до другой причины, по коей, как свидетельствует св. Писание, учреждено оно; то ее постигнуть могут, по моему мнению, только чистые умы. Впрочем и помянутая причина не противоречит цели св. Писания, потому что и оно говорит, что когда Израильтяне отказались иметь царем своим Самого Бога; то он дозволил им избрать из среды себя Царя, дабы от беспорядков безначалия не произошло многоначалия, которое может произвести пагубное для всего рода человеческого смятение, без правителя определенного Богом, который силою убеждения склонил бы к миру тех, кои способны слушаться его, и силою власти наказал злодеев, с умыслом извращающих в себе противоестественными навыками врожденное понятие добра.

Нам же да даст Господь усердие быть под владычеством Его, и исполнять животворящие заповеди Его; и да дарует достойно уважать Царей земных, царствующих по Его воле, и исполняющих Его божественные повеления. (*Письмо преподобного Максима Исповедника. // Воскр. Чт, 1845 г. № 16. // Журнал «Радость Христианина». 1895. № 11 (Ноябрь). С. 127–129.)*

III. Кто есть истинный царь?

Истинно тот царь, кто властвует над гневом, над завистью и удовольствием, и все подчиняет законам Божиим, и, сохраняя ум свободным, не дозволяет утверждаться в душе власти удовольствий; такого человека я охотно желал бы видеть владыкой земли и моря, городов, народов и войск. В самом деле, кто поставил разум начальником над страстями души, тот легко стал бы начальствовать и над людьми согласно законам Божиим, так что был бы для подчиненных наподобие отца, обходясь с гражданами со всякой кротостью.

Тот же, кто начальствует по видимому над людьми, а сам рабствует гневу, властолюбию и удовольствиям, во-первых, можетъ показаться смешным для подчиненных, что носит золотой и украшенный драгоценными камнями венец, а благоразумием не увенчан, что все тело его блистает порфирой, а душа остается неукрашенной; а во-вторых, он не будет знать и того, как распоряжаться властью, потому что тот, кто оказался не в состоянии управлять собою, как сможет исправлять других законами? Будем стремиться не к тому,

чтобы пользоваться почестями и властью, а к тому, чтобы пребывать в добродетели и любомудрии. Сила и власть побуждают делать многое неугодное Богу; и нужна очень мужественная душа, чтобы по надлежащему воспользоваться данной честью, славой и властью. Тот, кто лишен высокого достоинства, и невольно любомудрствует; тот же, кто пользуется им, испытывает нечто подобное тому, как если бы кто-нибудь, живя вместе с благовидной и красивой девицей, положил себе за правило никогда не смотреть на нее нескромным оком.

Таково свойство власти. Вот почему даже невольно она побуждает многих к нанесению обид, воспламеняет гнев, снимает узду с языка, открывает дверь устам, обуревая душу как бы ветром, и погружая ладью в самую глубину зол. Величие чести для людей, не старающихся жить достойно этой чести, служит к увеличению наказания. (*Из Слова XXI. О начальстве, власти и славе. // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Том. XII. Кн. II. Спб. 1906. С. 628-629.)*

IV. О власти законной и власти злодеев. толкование на слова: «Несть бо власть, аще не от Бога» (Рим. 13:1).

Писал ты: что значит *несть бо власть, аще не от Бога*? — и спрашивал: неужели каждый начальник поставляется Богом? Скажу на сие (и не прогневайся на меня, ибо скажу не нечто пустое): мне кажется, что ты или не читал Павловых изречений, или же не понял их. Апостол Павел не сказал: *несть* начальник, *аще не от Бога*, но рассуждал о самом начальствовании, говоря: *несть власть, аще не от Бога*.

То самое, что у людей есть начальства, и одни начальствуют, другие живут под начальством, происходит не просто и не случайно, чтобы народы, подобно волнам, увлекались туда и сюда, но, по словам св. Павла, это есть дело Божией премудрости. Поскольку равноправие обыкновенно возжигает войну, то Бог не попустил быть народоправлению, но установил царскую власть, а потом за нею и многие начальства. Какие же, спросишь? Начальника и подначального, мужа и жену, отца и сына, старца и юношу, господина и раба, учителя и ученика.

Даже и у бессловесных животных можно видеть подобное. Поручители в этом — пчелы, которые подчинены царской власти, журавли и стада диких овец. Если же посмотришь и на море, то и оно окажется не лишенным сего благочиния. И там многие породы рыб имеют одного правителя и вождя,

посему осуществляют дальние переселения. Ибо безначалие везде всего ужаснее и бывает причиною замешательства и беспорядка. Посему, и в теле, хотя оно есть нечто единое, не все имеет равное достоинство, но одни члены начальствуют, а другие подначальны. Потому мы вправе сказать, что самое дело, разумею власть, то есть начальство и власть царская, установлены Богом, чтобы общество не пришло в неустройство.

Но если какой злодей захватил сию власть беззаконно, то не утверждаем, что он поставлен Богом, но говорим, что попущено ему или изблевать все свое лукавство, как Фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна и жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил Иудеев. (*Письмо преподобного Исидор Пелусиота к Дионисию.)*

V. О законности существования власти вообще.

«Что говоришь ты? Неужели всякий начальник поставлен Богом? Не то говорю я, отвечает. У меня теперь слово не о каждом начальнике в особенности, но о самом начальстве. Что есть начальство, что одни начальствуют, а другие подчинены, а что нет смешения между высшими и низшими, это я называю делом премудрости Божией. Ибо не сказал: нет начальника, но несть власть аще не от Бога. Поэтому, говорю, разсуждает о самом предмете, о начальстве. Подобно сему, когда премудрый говорит: от Господа сочетавается жена мужеви (Притч. XIX, 14), высказывает не то, что Бог соединяет каждого вступающего в брак, но то, что брак установлен Богом. Итак, все власти, какие бы ты ни взял в рассмотрение, отца ли над сыном, мужа ли над женою, все ли прочие, даже те, которые существуют между животными, например, между пчелами, муравьями, рыбами, — все установлены Богом» (*Толкование блаж. Феофилакта Болгарского на Послание к Римлянам. Казань, 1866. С. 178-180.*).

VI. Насколько государства, чуждые справедливости, подобны разбойническим шайкам.

Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области,

основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность. Прекрасно и верно ответил Александру Великому один пойманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить на море, тот дерзко отвечал: «Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором». *(Блаж. Августин Иппонийский. О Граде Божьем. Кн. 4. Гл. IV.)*

VI. Почему вслед за святителями, императоры изображаются с сиянием вокруг головы – венцом.

Что же касается до сияния в виде кружка, которое делается и на иконах Святых: то оно указывает на благодать, сияние и действенность в них безначального и безконечного Бога: так как они, быв укреплены и просвещены благодатию, начали брань и, успешно окончив ее, пребывают всегда с Богом, постоянно имея в себе Его благодать, которая, будучи божественною, не имеет ни начала, ни конца. Потому сияние и делается в виде круга, а на иконах Спасителя делается тройное, потому что Он есть един от Троицы, и в Нем – Отец и Дух Святый. Подобное изображение имеют и получившие архиерейскую благодать, как светоносную, равно и цари, как приявшие помазание на царство. (*Блаж. Симеон Солунский. Вопросоответ Гавриилу Пентапольскому, 18. // PG. 155, 869.*).

Проф. Евгений Евстигнеевич Голубинский

ОБ ОБРАЗЕ ДЕЙСТВОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ГОСУДАРЕЙ ГРЕКО-РИМСКИХ В IV, V И VI ВЕКАХ В ПОЛЬЗУ ЦЕРКВИ ПРОТИВ ЕРЕТИКОВ И РАСКОЛЬНИКОВ.

От Ред.: *Ниже помещаемая работа представляет собой написанное в Московской Духовной академии курсовое сочинение (Магистерская диссертация) историка Русской Православной Церкви, в будущем профессора Е.Е. Голубинского, за которое в 1859 г. он получил степень магистра богословия.*

Ереси и расколы, допускаемые Промыслом Божиим в обществе верующих, *да явятся* между вами *искусные в вере* (I Кор. 11, 19.), рано открылись в Церкви Христовой. С ними она должна была бороться еще в то время, когда против нее устремлены были все силы враждующего против истины мира языческого. Но укрепляемая Господом, Который даровал Своей Церкви обетование, что и *врата адова не одолеют ей*, (Матф. 16, 18.), мужественно она вынесла эту двойную брань, внутреннюю и внешнюю. Мир языческий покорился силе креста. С этой поры облегчилась для Церкви и борьба с ее внутренними врагами, вновь возникающими лжеучителями и возмутителями мира ее чад. Обладатели всемирной империи, бывшие дотоле врагами веры Христовой и гонителями Церкви, сами сделавшись сынами ее явились ее защитниками и покровителями в продолжающейся борьбе с ересями и расколами.

В предлагаемом исследовании будет раскрыта эта деятельность православных государей Греко-римской империи, в первые два века с половиною, со времени их обращения. В продолжение сего времени успели определиться все их отношения к Церкви и выразиться в законодательстве. В изложении своем мы постараемся раскрыть: **I)** по каким побуждениям христианские императоры действовали в пользу Церкви против еретиков и раскольников; **II)** каким образом действовали, и **III)** какие были для Церкви следствия их действования.

Предмет сей, взятый из истории древней Церкви, представляется достойным внимания православного христианина и в настоящее время. Здесь увидит он, как возвышенно понимали первые государи христианские отношение царства земного к царству небесному и власти царской к Церкви Божией; здесь увидит он, с какою ревностию православные государи исполняли долг свой в отношении к Церкви; здесь увидит он, наконец, сколь благие плоды были для Церкви Христовой, в ее борьбе с ересями и расколами, от содействия и помощи благочестивых государей.

I.

Какие побуждения имели христианские императоры в виду, принимая участие в борьбе Церкви с еретиками и раскольниками? Разрешения на этот вопрос должно искать в том, как вообще православные императоры греко-римские смотрели на свое отношение к Церкви Христовой. Действия их против еретиков и раскольников были только одним изъ частных видов общей деятельности их в пользу Церкви, и следовательно, имели свое основание в том, как вообще они понимали свои обязанности в отношении к Церкви. – Совесть христианская внушает каждому служить спасению своих собратий всеми средствами, какие Промыслом Божиим ему предоставлены. Кроме этой общей обязанности, лежащей на всяком христианине, сильные земли, которых Христос, единый вечный Царь обновленного мира, поставляет пещись о вверяемых им народах, слышат в слове Божием ближайшее призвание содействовать Церкви в достижении ее небесных целей. Сущность сего требования в отношении к царям и судящим земли достаточно выражается в псалме втором. В этом псалме Сам Сын Божий возвещает о своем воцарении над Сионом духовным: *Аз поставлен есмь Царь от Него* (Бога Отца) *над Сионом горою святою* Его (ст. 6). Опираясь на сие великое слово, царственный Псалмопевец простирает речь ко всем царям земли: *и ныне царие разумейте: накажитеся вси судящии земли. Работайте Господеви со страхом, и рад)йтеся Ему с трепетом. Приимите наказание* (почтите Сына), *да не когда прогневается Господь* (ст. 10-12). В сем требовании: почтите Сына, заключается повеление охранять Его божественные учреждения, отражать врагов Его святого имени и учения, чтобы, пользуясь всеми Его божественными установлениями, верно сохраняя Его животворное учение, все носящие Его святое имя беспрепятственно могли достигать вечного спасения. Другой Пророк, духом проникая в тайны мира новозаветного, в утешение нового Израиля, которого в начале ожидали в мире жестокие гонения, предвозвестил самое исполнение державными земли царственных повелений

Христа Господа. *И будут*, говорит он новому Израилю, *царие кормители твои, и княгини их кормилицы твои* (Ис. 49, 23). Отцы Церкви, которым суждено было жить во времена исполнения сих утешительных обетований, старались раскрыть и утвердить это учение об отношении царства земного к небесному и власти царской к Церкви. Св. Исидор Пелусиот писал: «хотя великое различие между священством и царством, – ибо оное есть как бы душа, сие есть как бы тело, – но они стремятся к одной и той же цели, именно спасению подданных»[1]. Св. Григорий Двоеслов, обращаясь к самому императору Маврикию, говорил: «на то дана Богом благочестию царей власть над всеми людьми, чтобы имели помощь стремящиеся к добру , чтобы шире отверзался путь на небеса, чтобы земиое царство служило небесному»[2].

Так понимали свои отношения к Церкви и православные императоры греко-римские. В этом смысле св. Константин Великий, первый император христианский, называл себя «служителем Божиим и сослужителем епископов»[3]; и, по свидетельству его жизнеописателя, «всеми своими подданными управлял с заботливостию епископа, и всеми способами возбуждал их стремиться к истинному благочестию»[4]. Подобным образом говорил о себе император Гонорий в одном из своих законов: «между попечениями власти нашей благоговение к кафолическому закону есть или всегда главное, или единственное; ибо и в трудах военных и в делах мира более всего заботимся о том, чтобы народ державы нашей усердно хранил истинное богопочтение»[5]. Феодосий младший также один из своих законов против несториан начинает словами: «мы думаем, что прилично власти нашей напоминать подданным нашим о религии. Ибо мы надеемся, что приобретем обильнейшее благоволение Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, когда и сами по силам будем стараться благоугождать Ему, и подданных наших наставлять тому же»[6]. Другие православные государи свидетельствовали о себе то же своими делами и постановлениями относительно Церкви.

Из сказанного легко можно объяснить, по какому побуждению православные императоры греко-римские действовали в пользу Церкви против еретиков и раскольников. Они почитали долгом православного государя возбуждать своих подданных къ истинному благочестию, заботиться о том,

[1] Lib. III. Epist. 240.

[2] Epist. III.

[3] Сократ, I. 9. 34.

[4] Evseb. De vita Constantini Lib. IV. C. 24.

[5] Cod. Theod. XVI. XI. Mandatum 3 (integrum).

[6] Cod. Justin. L. 1. 3.

чтобы подданные их усердно хранили истинное богопочтение. Но как могли бы они достигнуть того, чтобы подданные их хранили истинное богопочтение, когда бы в то же время не ограждали и не защищали со всем усердием единственную хранительницу истиннаго богопочтения – Церковь православную? Как могли бы они возбуждать подданных своих к истинному благочестию, когда бы в то же время не действовали со всею ревностию против еретиков и раскольников, которые отторгали их подданных от истинного благочестия?

В таком действовании относительно врагов православной веры православные государи греко-римские не только видели свой долг, но и залог благоволения Божия ко всем их трудам на пользу общественную. Это давало им новое побуждение к защищенно и охранению Церкви от ересей и расколов. Так, св. Константин в одном из своих посланий к церквам, разосланных после Никейского Собора, писал: «зная, по благополучному ходу государственных дел, сколь велика благодать Божественной силы, я счел нужным прежде всего иметь в виду ту цель, чтобы во всем освященном обществе вселенской Церкви соблюдалась единая вера, искренняя любовь и единое благочестие в отношении к Вседержителю Богу»[1]. Так же мыслил, так действовал и другой великий государь IV века, Феодосий. В то время, как он на востоке со всею ревностию заботился о низложени еретиков, на западе Валеатиниан II дозволял матери своей Иустине покровительствовать арианам и преследовать православных. Когда после сего Валентиниан принужден был бежать из своей империи, чтобы спастись от похитителя престола, Максима, который из Галлии шел на Италию, и искать защиты и помощи у императора восточного: то Феодосий, приготовляясь к военным действиям против его врага, прежде всего потребовал от него, чтобы он издал закон против еретиков, которым он доселе покровительствовал к уничижению и вреду православной Церкви. Побуждая к сему Валентиниана, Феодосий говорит своему молодому соправителю следующие замечательные слова: «власть государей тверда не оружием, но правотою дела; государи благочестивые, не трогая войск, одерживали победы; не вдаваясь в опасности, покоряли и делали своими данниками врагов. Так Константин Великий разбил тирана Ликиния в морском сражении. Так, Валентиниан – отец твой – счастливо управляли, сохраняя ее, при заступлении Божием, неприкосновенною от врагов, и, быв победителем на многих сражениях, покорил различных варваров. Напротив того, когда Валент – дядя твой, восстав на Бога, осквернил Церковь убийством святых и

[1] Сократ, I. 9. послан. 3.

изгнанием священников: то погиб в пламени, быв окружен, по Божественному устроению, Готами. Чти право Христа, Который не незаслуженно изгнал тебя. Твоя неверность Ему дала успех Максиму. Если Христа будем преследовать,- заключил Феодосий,- кого призовем на помощь, идя на битву?»[1] По действиям и распоряжениям прочих государей Греко-римской империи имеем право заключать, что и они руководствовались теми же началами, какие высказаны словами великих их предшественников.

Но нужно ли было Церкви внешнее содействие? Нужны ли были те меры, которые предпринимали императоры против еретиков? Церковь православная прежде всего сама ограждает себя и чад своих, как от всех своих врагов, так и в особенности от еретиков и раскольников. Она имеет собственные средства ограждать чад своих от пагубных лжеучений, измышляемых и проповедуемых еретиками, и привлекать в свои недра самих виновников лжеучений и увлекающихся ими. Средства Церкви к сему суть: богодарованная ей власть вязать и решить, слово и писания ее пастырей и учителей. Своею духовною властию она исключает упорных и закоснелых в заблуждении из своего общества, и лишает тех благ духовных, какими, по благости Божией, имеют право пользоваться ее верные чада, и тою же властию снова принимает их на лоно свое, когда придут в сознание своих заблуждений и возжелают соединения с нею. Словом и писаниями пастырей и учителей Церковь православная всем ясно доказывает и пред всеми победоносно защищает непогрешимую истину содержимого и преподаваемого ею богооткровенного учения, и законность и необходимость существующих в ней установлений. Словом и писаниями пастырей и учителей она пред всеми обличает неосновательность и лживость учений, проповедуемых еретиками, утверждает в вере верующих и призывает к ней заблуждающих. Без тех средств, какие употребляет сама Церковь против еретиков, никогда не были бы действительны против них меры внешние, гражданские. Как внешние, они и производили бы действие только внешнее, которым никак не может удовлетвориться Церковь; в то же время они были бы насилием и жестокостию. Но в соединении с собственными мерами Церкви нередко необходимы бывают и меры внешние. Одни собственные усилия Церкви не всегда могут быть действительны против людей, руководящихся в своей деятельности побуждениями вражды, честолюбия, властолюбия и вообще силою страстей разрушительных, против людей, ослепленных до упорства и ожесточения и отвращающих слух свой от истины. Люди, не внимающие

[1] Suidae Lexicon, sub voce Ουαλεντινιανος . ed. Bernhard. Vol. II, par. 1. pag. 1192.

поучающему и обличающему гласу Церкви и совращающие других в свои заблуждения, могут быть останавливаемы только внешними, принудительными мерами; и, конечно, они должны быть останавливаемы таким образом, если власть государственная признает своим долгом ограждать и защищать Церковь православную.

Что же мы видим в древней православной Церкви? Пастыри и учители Церкви со всею ревностию старались ограждать чад ее от лжеучений и привлекать в ее недра отделившихся от нее; со всею силою защищали истинное и божественное учение, содержимое Церковию, и поражали лжемудрования еретиков. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас писания знаменитейших отцов и учителей Церкви. Можно сказать, что не было из них ни одного, который бы не посвящал хотя части трудов своих обличению и опровержению ересей и защищению учения Церкви; а многие посвящали сему делу большую часть трудов своих. И в какое другое время Церковь имела таких провозвестников истины и поборников ее против лжеучений еретических? Между именами защитников древней православной Церкви и обличителей ересей стоят имена святых Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, блаж. Августина и всех знаменитых отцов и учителей IV и V веков. Но голос и таких пастырей не всегда доходил до слуха еретиков. Слово истины, ими возвещаемое, привлекало умы непредубежденные, но нередко оставалось без успеха в борьбе со слепым упорством и ожесточением, а иногда даже возбуждало в сердцах упорных и ожесточенных людей только большую вражду против свидетелей истины. Оттого и стараниями таких великих пастырей не всегда могли быть останавливаемы дерзкие усилия еретиков к распространению заблуждений. Что же оставалось делать против всех таких людей?

Тогда сами православные пастыри находили нужным напоминат императорам, что власть «предается им от Бога не только на управление миром, но преимущественно на охранение Церкви». Так писал св. Лев, папа римский, к императору Льву[1]. Тогда сами пастыри оправдывали посредство гражданской власти в низложении непокорных еретиков. Объясняя слова долготерпеливого господина в притче евангельской: да не когда восторгаются плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу. Оставите расти обое купно до жатвы (Матф. 13,29,30.) святой Иоанн Златоуст говорит: «Господь не запрещает останавливать успехи еретиков, заграждать им уста, обуздывать их

[1] Epist. 156. c. 3. Ed. Ballerin.

дерзость, нарушать их сходбища и заговоры»[1]. Пастыри Церкви даже прямо обращались к императорам с просьбою о содействии, к ограничению дерзости еретиков и к совершенному искоренению ересей. Так, святой Григорий Богослов обращался со своими представлениями к императору Феодосию Великому чрез посредство патриарха константинопольского Нектария. Св. Григорий хотел внушить государю, чтобы он обратил свое внимание на ариан, евдоксиан, македониан и аполлинаристов, вопреки собственным распоряжениям государя, нарушавших права Церкви в некоторых местах империи. Они открыто проповедовали свои лжеучения и устрояли свои молитвенные собрания в Каппадокии, где жил св. Григорий, по удалении из Константинополя. В той же Каппадокии находился в ссылке Евномий, который, по выражению Григория, старался всех привлечь к своему хульному учению. По сему случаю великий пастырь, незадолго пред тем восстановивший православие в стенах столицы, писал к Нектарию: «если нечестиво умствующие имеют право иметь свои собрания, да рассудит твоя испытанная во Христе мудрость, что, когда мы не согласны с ними в образе мыслей, дать им право иметь свои собрания значит не иное что, как признать, что их учение истиннее нашего. Ибо, если дозволяется им, как благочестивым, учить сообразно с их образом мыслей и свободно проповедовать содержимое ими учение, то не явно ли сим осуждается учение Церкви, как-будто истина на их стороне? Не естественно быть истинными двум противным учениям об одном и том же. Как же твой великодаровитый и высокий ум потерпел, чтобы не воспользоваться обычною свободою к уврачеванию такого зла? Но если прежде не было сделано сего, по крайней мере, теперь да восстанет твое неукоризненное в добродетели совершенство и внушит благочестивейшему царю, что не будет никакой пользы от всей заботливости его о Церкви, если такое зло, стремящееся к ниспровержению здравой веры, усилится по причине данной им свободы»[2]. Подобным образом целый Собор отцов Церкви африканской обращался к императору Гонорию с прошением о помощи против донатистов. Отцы Собора карфагенского 401 года, отправляя к императору посольство, повелели своим посланникам просить у него: a) против неистовства оных отщепенцев дати божественную помощь, не необычайную, – говорят отцы, – и не чуждую святым Писаниям; b)

[1] Беседа XLVI. на Евангелие Матфея

[2] К Нектарию послание 2. Творения Григория Богослова в русск. пер., часть IV, стр. 193.

возобновить и подтвердить против них некоторые, прежде данные, законы[1]; с) повелеть, чтобы даваема была (православным предстоятелям церквей) помощь от власти каждой области[2]. Наконец, укажем еще на послание папы Ормизды к императору Иустину I-му, восстановившему православие в Константинополе после Анастасия. Побуждая Иустина к совершенному искоренению ереси евтихианской, папа писал: «сделай так, чтобы враг не имел убежища, из которого бы мог снова восстать; отними у него всякую защиту, и если даже остаются какие-нибудь следы его, все сие изгладь кроткими мерами; да потребится всякое семя нечестия; богопротивный ствол да истребится, дабы зараженный ядом корень нечестия и не совершенно потребленный, не разширился снова и не пустил отпрысков»[3].

II.

Какие же меры употребляли православные государи Греко-Римской империи против еретиков и раскольников? Здесь мы имеем в виду изобразить те действия правительства Греко-Римской империи, какие оно употребляло в отношении к еретикам уже после совершения над ними суда церковного. Хотя ожесточенное упорство и делало их недостойными снисходительности: но государи не переставали испытывать над ними меры кротости, простирая к ним и после осуждения *свои увещания*, и открывая для них новые способы к вразумлению *в совещаниях* соборных. Что же касается до мер строгих, то они или упадали на *целое общество* зараженных тем или другим лжеучением, или обращались в *личное наказание* упорствующих в своем заблуждении. Таким образом, все способы, коими старались действовать православные императоры против еретиков и раскольников, могут быть разделены на четыре класса: к первому относим убеждения и угрозы; ко второму – соборные совещания; к

---

[1] Именно, **α)** «да соблюдается закон, изданный Феодосием о взыскании по десяти фунтов злата с еретиков рукополагающим и рукополагаемых, такожде и с владельцев, у которых будет усмотрено собрание их». Вместе с тем отцы просятъ, чтобы сила сего закона была распространена на тех, «противу наветов коих представили свидетельства приявшие попечение о кафолической Церкви, дабы по крайней мере сим страхом от произведения расколов н еретического безумия удержаны были отлагающие свое очищение и исправление при помышлении о вечном наказании; **β)** да будет возобновлен доныне существующий закон, который отъемлет у еретиков право взимати что-либо, пли при рукоположениях, или по завещаниям, и, просто рещи, у ослепленных безумных своим предубеждением и хотящих пребывати в заблуждении донатистов, да отымется власть или оставляти что-либо, или взимати собственное».

[2] Книга Правил, Карфагенского Собора правило 104.

[3] Epist. XLIV, ad Iustinum.

третьему – отнятие у обществ еретических прав, принадлежавших православным обществам, и, наконец, к четвертому – личные наказания еретиков.

А.

Руководствуясь духом любви христианской, императоры греческие и после осуждений соборных старались действовать на еретиков и на увлеченных ими посредством *увещаний* и *угроз*. Одни хотели таким образом предотвратить образование еретических сект. Другие старались привлечь к Церкви и еретиков, существовавших уже отдельными сектами. Вообще, не желая без нужды прибегать к мерам строгим и решительным, православные государи простирали к еретикам голос кроткого убеждения, или пытались действовать на них угрозою, во всех твх случаях, когда еще можно было хотя сколько-нибудь ожидать от сего успеха.

Первый пример такого вразумления еретиков представляет св. Константин. Он обращался се своими увещаниями к Арию и его сообщникам. Желая в самом корне истребить зло, которым угрожало Церкви лжеучение и отпадение Ариево, Константин усердно старался возвратить в недра Церкви самого ересеначальника. Для сего неоднократно писал он к Арию, убеждая еретика оставить осужденное вселенскою Церковию лжеучение и принести раскаяние[1]. Не довольствуясь тем, Константин вызвал Ария из ссылки в Константинополь, и снова, лично, увещевал примириться с Церковию[2]. Но старания государя, ревностно заботившагося об умиротворении Церкви, не увенчались желаемым успехом. Упорный еретик, по совету своих друзей и единомышленников, изъявил раскаяние, но притворное, и обманул государя. Когда Константин потребовал от него письменного изложения веры, то Арий составил и представил ему такое изложение, в котором, вовсе не показывая прямого отречения от своей ереси, старался только прикрыть ее такими словами, которые можно было толковать в ту и другую сторону, и которые сам он понимал в смысле своего лжеучения[3].

Кроме Ария, благодушный император обращался с убеждениями и к его сообщникам. Когда на Соборе Никейском ересь и ересеначальник были осуждены, Константин старался вразумить тех, кои увлеклись лжеучением прежде, нежели произнесен был над ним суд Церкви. Так, извещая церковь

[1] Сократ, I. 25.

[2] Ibid.

[3] Созомен, II. 27.

александрийскую о постановлении Собора никейского, он писал единомышленникам Ария: «возвратимся к возлюбленным нашим братиям, от которых удалил нас бесстыдный служитель диавола (Арий), поспешим к общему телу и искренним нашим членам; ибо и вашей проницательности и вашей вере и вашей святости прилично, узнав об обличенном обмане того, который оказался врагом истины, возвратиться к божественной благодати... Все с готовностию вступите на путь истины» – [1]. По всей вероятности, Константин писал тоже и к другим церквам, куда успело проникнуть лжеучение. Какой вообще был успех его стараний, не можем сказать с точностию; но в Александрии голос его был услышан не всеми. Против некоторых упорных он вскоре нашел себя вынужденным употребить меры строгости[2].

Подобно Константину Великому поступил Феодосий Младший после вселенского Собора ефесского. Когда на этом Соборе осужден был ересеначальник Несторий, то император прежде всего старался подействовать на единомышленников его мерами кроткими, и, как сам свидетельствует[3], употребил все усилия к восстановлению нарушенного мира Церкви. Он писал к сообщникам Нестория, убеждая их возвратиться в недра Церкви; писал ко многим из православных епископов и даже к некоторым пустынножителям и подвижникам (напр., Симеону Столпнику), прося у всех их содействия и помощи к восстановлению нарушенного мира[4]. Из единомышленников Нестория особенно желал он возвратить Церкви православной Иоанна, патриарха антиохийского[5]. В стараниях своих он был несколько счастливее Константина. Хотя не успел он предупредить возникновение ереси несторианской; но Иоанн Антиохийский, сильнейший из единомышленников Несториевых, и некоторые другие из значительнейших епископов скоро оставили еретика, с раскаянием возвратились в Церковь и возвратили с собою в нее многих.

В других случаях видим, что православные императоры с увещаниями и вместе угрозами обращались к целым сектам, отделившимся от Церкви. Так поступил Феодосий Великий при самом восшествии на престол. Пред ним в империи восточной, в продолжение более сорока лет, господствовали ариане, под покровительством Констанция и Валента. Еретики успели завладеть большею частию епископских престолов в империи и отовсюду изгнать

[1] Сократ, I. 9.

[2] Созомен, II. 21.

[3] Vid. apud. Baron. 432. XLVII. Epist. Theodos. ad Acacium Berveensem.

[4] Vid. apud. Baron. 432. XLVII. XLIX.

[5] Vid. ibid. 432. XLVIII.

православных предстоятелей. В самой столице у православных не было не только своего епископа, но даже ни одной церкви. Феодосий немедленно по принятии царской власти решился положить конец такому несчастному положению дел. Он дал обет, быть ревностным поборником Церкви против еретиков, употребить все усилия к рассеянию их обществ, и во исполнение своего обета, в самом начале своего царствования, в виде эдикта, падал увещательное воззвание ко всем своим подданным, в котором, объявляя о своем намерении неуклонно следовать исповеданию чистой веры апостольской, всех призывал держаться того же исповедания и веровать согласно с предстоятелями православной Церкви. Он писал: «хотим, чтобы все народы, состоящие под милостивым правлением нашим, пребывали в той вере, которую блаженный Петр Апостол предал Римлянам и которой следуют первосвященник Дамас и епископ Александрии Петр». Вместе с сим повелевая, чтобы имя кафолических христиан никто из еретиков не дерзал присвоять себе, и лишая их некоторых преимуществ, предоставленных православным, он угрожали упорствующим и Божиим судом и своим гневом[1]. К сожалению, однакож, должно сказать, что ни увещание, ни угроза не победили людей, закосневших в своей ожесточенной вражде против истины.

Впоследствии Феодосий пытался увещаниями расположить к возвращению в недра православия и других упорнейших еретиков в его царствование – македониан. Еретики сии в правление Валента, вследствие гонений от господствовавших тогда ариан[2], искали союза с православными. Для сего они обращались к римскому епископу Ливерию, представили ему исповедание веры, и были действительно приняты им в общение церковное[3]. Но по смерти Валента, когда прекратились гонения, македониане снова отпали от Церкви, и даже постановили, ни под каким видом не сообщаться с теми, которые принимают Никейский символ[4]. Имея в виду этот, хотя кратковременный и неискренний, союз македониан с православною Церковию, Феодосий питал надежду снова видеть их в ее недрах. Созвав в 381 г. вселенский Собор в Константинополе, на котором положено было, между прочим, произнести и торжественный суд над лжеучением Македония, император, вместе с отцами Собора, употребил все средства убеждения, чтобы вразумить упорствовавших в сем лжеучении. Он напомнил им, между прочим, и о посольстве их к Ливерию, и о том, что недавно сами они искали союза с

[1] Cod. Theod. XVI. I. 2.

[2] Созомен, VI. 10.

[3] Созомен, VI. 11.

[4] Сократ, V. 4.

православными. Но надежда государя и все старания его оказались тщетными. Еретики, не обращая ни на что внимания, объявили, что скорее признают исповедание арианское, чем веру в единосущие Св. Троицы[1].

Безуспешность кротких вразумлений в настоящем и в других указанных нами случаях ясно показывает, что потребны были более сильные меры, к обузданию еретиков и к вразумлению увлекаемых ими.

Б.

Когда убеждения и угрозы правительства гражданского оказывались недостаточными к вразумлению еретиков, когда и строгие меры[2] не производили на них надлежащего действия: государи снова обращались к Церкви и открывали в ней *соборные совещания* с начальниками еретических обществ о способах к примирению. Если и при этом они не всегда и не вполне достигали своих целей, то, по крайней мере, оставляли упорствующих безответными в их ожесточении. Такие совещания учреждаемы были при императорах: Феодосии Великом, Гонорие и Юстиниане.

Феодосий Великий усиливался этим способом примирить с Церковию ариан, евномиан и македониан. Это было после того, как эдикт его о православной вере и приглашение держаться чистой апостольской веры были пренебрежены еретиками. Уже император вознамерился приступить к строгим и решительным мерам против ослепленных еретиков; издано было повеление об отобрании у них молитвенных домов, которые они успели выстроить после того, как взяты были у них все церкви. Но это распоряжение произвело во многих частях империи сильные возмущения[3]. Тогда государь, снова отложив строгость, решился еще раз оказать снисхождение упорству и ослеплению еретиков. Он пригласил епископов православных собраться в Константинополь на Собор; повелел явиться и предстоятелям ересей арианской, евномианской и македонианской. Добрый государь хотел, чтобы еретики из уст православных пастырей услышали голос истины, которой с ожесточением отвращаются, чтобы они убедились в том, что нечестиво заблуждают, и увидели, что Церковь, от которой оии отделяются и против которой упорно враждуют, есть истинная и единственная хранительница отеческого и вселенского православия. Но, к нссчастию, уже при самом начале Собора нельзя было ожидать успеха. Еретики явились не с желанием узнать

[1] Сократ, V. 8.

[2] О них будет сказано ниже.

[3] Созомен, VII. 12.

истину, а с твердым намерением защищать свои заблуждения; они явились окруженные толпами диалектиков, которых приготовили для состязаний[1]. Отцы Собора, и с ними государь, зная, что прения не только не соединяют разделившихся, но еще более раздражают спорящих, решились избрать другой способ для вразумления инакомыслящих. Чтобы решить, на чьей стороне истина, православные пастыри положили избрать в судии древних учителей Церкви. Всякий истинно православный, очевидно, должен быть согласен с сими учителями: это признали за справедливое и сами еретики. Итак, прежде всего, явившимся на Собор предстоятелям ересей предложен был вопрос: как они думают о толкованиях древних отцов на св. Писание, и принимают ли сих учителей? Еретики отвечали, что очень уважают их, как своих руководителей[2], и начали хвалить их[3]. Отвечать иначе они, конечно, и не могли. Ответом отрицательным они сами о себе дали бы знать, что они отступники от всегдашнего и неизменного учения Церкви. Но тотчас же за этим ответом оии показали, что только на словах, неискренно, признавали древних отцов за своих руководителей, а на деле были упорными противниками их учения. Когда после первого ответа оии снова спрошены были отцами Собора: если они признают древних отцов как достоверных свидетелей истины, то готовы ли, на основании их изречений, прекратить всякие споры? – На этот вопрос они не поспешили дать утвердительный ответ, напротив того, под разными предлогами начали отказываться, и наконец, действительно совершенно отказались от предложенного способа к разрешению спора. Император в заключение потребовал, чтобы от каждой секты было представлено Собору свое изложение веры. Но и здесь еретики не показали ни малейшего желания к сближению с Церковию, так что императору не осталось ничего более делать с этими исповеданиями еретическими, как разодрать их[4].

Усилия Феодосия не были, однакоже, совершенно напрасны. Если вожди слепые упорно отказались от принятия истины, то, по крайней мере, многие из тех, которые доселе разделяли их заблуждения, видя теперь, что на предложение православных пастырей они могли отвечать только грубым упорством и постыдным противоречием самим себе, вознегодовали на них, оставили их и присоединились к православной Церкви[5].

---

[1] Сократ, V. 10.

[2] Сокр. V. 10.

[3] Созомен, VII. 12.

[4] Созомен, VII. 12.

[5] Сократ, V. 10. Созомен, VII. 12.

Император Гонорий в подобных обстоятельствах назначил Собор для совещания православных пастырей с донатистами. Донатисты, явившиеся в Церкви африканской по окончании гонения Диоклитианова, вначале были раскольники, и отделились от Церкви вследствие различных несправедливых обвинений, которые основатели раскола, для прикрытия своих личных побуждений, возвели на епископа карфагенского Цецилиана. Главнейшее из этих обвинений было, будто Цецилиан и епископ, его посвящавший, виновны были в предательстве священных книг (полицейским сыщикам, во время гонения). Вскоре после отпадения от Церкви донатисты начали проповедовать, что Церковь везде погибла на земле, кроме их общества, и в то же время перекрещивать совращаемых православных. Начав свои враждебные действия клеветою на Церковь, донатисты не переставали и впоследствии возводить на нее ложные обвинения. Одни из укоризн, которые они старались распространять против православных пастырей, состояли в том, что в борьбе с ними православные прибегают к защите и помощи правительства. Они как будто забывали, что сами вынуждали к тому православных, своими неистовствами. Укоризна могла колебать людей неразумных; раскольники называли себя гонимыми и мучениками и сравнивали себя с христианами первенствующей Церкви. Но между тем как православные пастыри прибегали к законной помощи государей православных, сами донатисты искали себе помощи даже у отступника Юлиана, и притом самым безчестным образом. Епископы их, при императоре Константе сосланные в заточение, по вступлении на престол Юлиана обратились к нему с просьбою о возвращении их и возвращении им отобранных у них церквей. При этом они простерли низкую лесть до того, что говорили Юлиану, будто у него, отступника, имеет место одна справедливость! Напоминание об этом поступке, как будто забытом ими, должно было заградить им уста. Итак, чтобы всем открыть глаза на мнимых страдальцев и безчестных укорителей, Гонорий повелел выставить в городах, на более открытых местах, рескрипт, выпрошенный донатистами у Юлиана, и акты, относящиеся к этому делу. «Да будет, – сказано было в повелении Гонория, – да будет всем ведомо и твердое постоянство православных (которые не хотели просить себе никаких милостей у отступника) и украшенное вероломством отчаяние донатистов»[1].

Для разрешения всех споров, неоднократно сами православные пастыри церкви африканской вызывали донатистов на публичное исследование и состязание о причинах разделения; но донатисты всегда упорно отказывались

[1] Cod. Theod. XVI. V. 37.

от такого приглашения. Наконец, Гонорий своим содействием устроил желаемый православными Собор (411 г.). Для сего он посылал в Африку своего чиновника Марцеллина. В наказе, данном ему для руководства, император писал: «дело это повелеваем устроить в течение четырех месяцев, дабы могли мы, как этого желаем, скорее узнать о возвращении умов народа к истине. Если же в продолжение назначенного времени епископы донатистов намеренно не явятся, то пусть назначен будет для упорных крайний срок, с троекратным приглашением; если же и по истечении сего срока, несмотря на вызов, они не захотят явиться, то народ вместе с церквами пусть отступит от них, видя учителей своих безмолвно побежденными»[1]. Прибыв в Африку, Марцеллин начал действовать сообразно с данным ему повелением. Как православные, так и донатисты, последние после разных попыток отдалить срок, собрались, наконец, в Карфаген. В предупреждение волнений, по представлению Марцеллина, избрано было, для присутствования на Соборе, из числа всех явившихся по семнадцати епископов с той и другой стороны. Между ними по семи епископов с той и другой стороны назначено было вести прения, по семи для совета первым, наконец, по четыре епископа с четырьмя нотариями для надзора за составлением актов соборных. На это последнее обстоятельство православные пастыри обратили особенное внимание, дабы отнять у донатистов всякую возможность впоследствии заподозрить акты в подлоге, в повреждении, или в чем-иибудь подобном.

Наконец, наступил день, назначенный для открытия соборных совещаний. С какими расположениями явились раскольники, это показали они тотчас же. Быв приглашены сесть, они отвечали: *возненавидех церковь лукавнующих и с нечестивыми не сяду* (Пс. 25, 5.); *сонм лукавых обдержаша мя* (27, 17.)[2]. И в продолжение двух первых заседаний онн употребили все усилия уклониться от тех рассуждений, для которых были призваны. Для сего они предлагали разные, почти не относящиеся к делу, вопросы, требуя, чтобы они были обсуждены прежде всего. Целию раскольников было, если не вовсе уклониться от упомянутых рассуждений, то, по крайней мере, какъ можно менее оставить для них времени, затемнить дело посторонними вопросами и таким образом хотя сколько-нибудь и как-нибудь прикрыть свое поражение, которое, конечно, ясно предвидели[3].

[1] Cod. Theod. XVI. XI. 3.

[2] Augustin. Brevicul Collat. Lib. 3. c. 4.

[3] Augustin. Brevicul Collat. Lib. 1. c. 1.

К самому делу приступлено было наконец в третье заседание. Главное обвинение донатистов на Церковь состояло в том, будто она, со времени их отделения, перестала быть истинною и святою Церковию, потому что принимает к себе падших и терпит в недрах своих грешников. Это обвинение немедленно и решительно было опровергнуто православными пастырями. Донатисты совершенно были изобличены свидетельствами св. Писания, поведением и правилами св. Киприана, которого не только уважали наравне с православными, но и хотели видеть на своей стороне, также примеромъ действования и определениями других отцов. Наконец, им было доказано, что своим учением они противоречат собственным своим действиям[1]. Таким образом, донатисты вынуждены были признать, что Церковь православная есть истинная Христова Церковь, что не наносит вреда ее целости и не нарушает ее чистоты и святости порочная жизнь некоторых отдельных ее членов и что, наконец, отделяющиеся от ее общения подвергают себя опасности вечной погибели[2]. После сего, несмотря на уклонение донатистов, отцы Собора перешли к рассуждению о причине раскола. Когда прочитаны были различные акты, относящиеся к этому делу, то открылось со всею очевидностию, что 1) православные пастыри, обвиняемые ими в предательстве священных книг и под этим предлогом выставляемые ими, как виновники происшедшего раскола, совершенно невинны во взводимом на них обвинении, и что 2) виновны в указанном предательстве большею частию сами основатели раскола.

Этим кончились соборные исследования и прения, оставалось подписать акты. Донатисты, дабы иметь впоследствии возможность обвинять православных в повреждении сих актов, сначала отказывались подписать их, и только тогда исполнили требуемое, когда православные напомнили им о постановленном вначале условии.

Итак, следствием Собора было то, что донаститы были совершенно побеждены и постыждены. Они должны были сами признать свою виновность, и вместе совершенную невинность своих противников; они должны были признать себя единственною причиною разделения, и вместе совершенную незаконность его. Правда, постыженные вожди раскола и после Собора остались так же упорными, как были прежде; после поражения они только усилили вражду свою против Церкви и православных пастырей. Но те,

[1] Своих раскольников – максимианистов, вопреки своему учению, они принимали в общение.

[2] Augustin. Epist. 152. Contra Gaudent. l. 2. in fin.

которых до сих пор они успевали своими клеветами удерживать в отделении от Церкви и в которых успевали теми же клеветами поддерживать ненависть и ожесточение против нее, видя поражени своих лжепастырей и убедившись, что не Церковь всюду погибла, кроме их общества, как слышали прежде, а наоборот, что общество их есть раскол, – спешили присоединяться к Церкви. Вообще, этим Собором нанесен был расколу решительный удар[1].

Император Юстиниан посредством соборного совещания старался склонить к миру с Церковию последователей ереси Евтихиевой. Он собрал в 532 году в Константинополь некоторых православных епископов, именно: Ипатия Ефесского, Стефана Селевкийского, Анфима Трапезундского и других; вызвал и шесть епископов со стороны еретиков. Император желал, чтобы епископы православные представили еретикам доказательство их неправоты и убедили их отказаться от несправедливого предубеждения против Собора халкидонского и отринуть осужденное Собором лжеучение. Православные пастыри в продолжение трех заседаний действительно представили еретикам все доказательства их неправоты. Так как еретики, в защиту своего лжеучения и против халкидонского Собора, хотели в особенности ссылаться на учение и писания некоторых отцов, как то: святых Афанасия и Кирилла Александрийских и других, то православные пастыри показали им, что писания и места из писаний отеческих, приводимые ими, или злонамеренно искажены, или умышленно перетолковываются ими. Какие были следствия Собора, об этом мы можем узнать из описания его деяний, составленного одним из православных епископов, присутствовавших на нем, именно – Иннокентием Маронийским. В заключение своего повествования о соборных прениях он говорит: «несмотря на все наши доводы и убеждения, предложенные со всею кротостию и терпением, был вразумлен ими только достоуважаемый епископ Филоксен (Дулихийский). Что же касается до остальных, то Бог, видя развращение сердец их, связал им уста, чтобы не могли они ни представить оправдания со своей стороны, ни изъявить своей покорности истине. Но, – продолжает повествователь, – если не епископы, которые и до сих пор пребывают в своем иномыслии, то, по крайней мере, многие из клириков и монахов, приходивших с ними (на Собор), с радостию возвратились к святому общению православия в своих церквах и монастырях»[2].

[1] Augustin. c. Gaudent. I. I. c. 29. Orosius. l. VII. c. 24.

[2] Epistola Innocentii Episcopi Maroniae ad Theoman presbyterum. Vid. apud Baron. 532. XXXI-LVI.

B.

Строгие меры правительства Греко-Римской империи против еретиков частию были направлены против целых обществ еретических, частию против известных лиц, отпавших от православия.

Общества еретические не могли пользоваться правами дозволенных в империи религиозных обществ. **1)** Общества еретиков не имели права распространять свое лжеучение и приобретать себе новых последователей из православных, или совращать их. Император Грациан в одном из своих законов против всех вообще еретиков писал: «всякий нечестивец, достойным наказания образом извращающий учение о Боге, пусть только в себе содержит сию пагубу, а другим не преподает, для их погибели»[1]. Это общее начало высказывается и в законах других императоров против той или другой ереси, как то в законах Феодосия Великого[2], Аркадия[3] и других. Особенной опасности могли подвергаться рабы, подчиненные господам, в ереси находящимся. В предотвращение насильственных совращений, императоры давали рабам право убежища в православной Церкви, соединенное со свободою от рабства[4], и воспрещали еретикам покупать православных рабов[5].

2) Еретикам воспрещаемо было собирать к себе толпы слушателей, открыто на площадях и тайно в домах, и рассуждать с ними, или вовлекать их в прения о предметах веры. На востоке воспрещали это Феодосий Великий и Аркадий арианам и евномианам[6], и всем вообще еретикам[7]; император Феодосий Младший и Маркиан несторианам и евтихианам[8]; на западе император Гонорий донатистам[9]. Император Феодосий Великий повелел даже отбирать у еретиков дома, в которых они, в городах или деревнях, собираются для преподавания своего лжеучения[10].

---

[1] Cod. Theod. XVI. V. 5.

[2] Ibid. XVI. V. 11.

[3] Ibid. XVI. V. 24. 34.

[4] Гонорий против донатистов пишет: «his, qui forsitam ad rebaptisandum cogentur, refugiendi ad Ecclesiam Catholicam sit facultas, ut ejus praesidio adversus humus criminis et societatis auctores attribute libertatis praesidi defendantur». Cod. Theod. XVI. VI. 4.

[5] Cod. Justinian. I. 5. 20.

[6] Созомен, VII. 6.

[7] Cod. Theod. XVI. IV. 3. V. 11. 34. 36.

[8] Justinian. I. 1. 3. 4.

[9] Cod. Theod. XVI. V. 45.

[10] Cod. Theod. XVI. V. 12.

3) Под угрозою строгих наказаний воспрещено было всем православным, равно как и еретикам, списывать, иметь и читать еретические книги, поелику, с помощию сих книг, заблуждения еретические, и без устного преподавания, сами собою могли постоянно поддерживаться в сектах и переходить из рода в род. Императоры повелевали отбирать их у всех и истреблять.

Первым повелел истреблять книги еретические Константин Великий. После Собора Никейского он приказал немедленно предать огню все, какие найдутся[1], сочинения Ариевы, «дабы таким образом нечестивое учение сего еретика не только исчезало, но и не воспоминалось»)[2]. Впоследствии Константин повелел отыскивать и истреблять книги и прочих еретиков, какие существовали тогда в империи[3]. Аркадий повелел со всем тщанием отыскивать отыскивать и предавать огню книги евномиан и монтанистов[4]. Феодосий Младший после Собора Ефесского писал: «никто да не смеет иметь, или читать, или списывать нечестивые книги Несториевы, написанные против православной веры п определений предстоятелей святейшего Собора, бывшего в Ефесе»[5]. Император Маркиан воспрещал писать что-либо, или иметь, списывать и распространять книги, написанные кем-либо против халкидонского Собора[6]. Юстиниан Великий повелел предать огню сочинения Севера Антиохийского, бывшего главою ереси евтихиевой в его время[7], и все книги манихеев[8].

4) Императоры предписывали отбирать у всех еретиков и раскольников места молитвенных собраний, которые когда-либо и каким-либо образом были присвоены ими от православной Церкви, как то: при первом отпадении от Церкви, или впоследствии обманом, подкупом, насилием, или повелением государей, благоприятствовавших им, и т. п. Константин Великий возвратил Церкви православной храмы, которыми незаконно владели донатисты[9] и

---

[1] По свидетельству Филостргия (II, 2), Арий, для легчайшего распространения своего лжеучения в простом народе, излагал его в приспособленных ко вкусу и пониманию народа песнях. Собор Никейский осудил книгу его, которая называлась Фалия (Сокр. I. 9. Созом. I. 21).

[2] Сократ, I. 9.

[3] Euseb. de vita Constant. III. 66.

[4] Theod. XVI. V. 34.

[5] Ibid. XVI. V. 66.

[6] Cod. Justinian. I. 5. 8.

[7] Novell. XLII.

[8] Cod. Justinian. I. 5. 16.

[9] Подлинный указ о сем Конастантина не сохранился. О нем упоминает блаж. Августин (Epist. 38. 105. Ed. Bened.).

новатиане[1]. Последующие императоры этою именно мерою начинали свои действия против еретиков; император Феодосий Младший подтвердил ее окончательно[2].

5) Правительство воспрещало еретикам и раскольникам богослужебные собрания и действия; но не против всех еретиков, и даже против одних и тех же еретиков не во все времена, действовало с одинаковою строгостию. Не все еретики, – прямо говорит император Феодосий Младший в одном из своих законов, – должны быть преследуемы с одною и тою же строгостию»[3]. Основанием такого образа действований было то, что **1)** не все еретические лжеучения были равно злочестивы; **2)** то, что не все еретики, и одни и те же еретики не во все времена, были одинаково сильны и опасны для Церкви.

Так *раскольникам* новатианам и савватианам[4] вначале даже вовсе не было было воспрещаемо отправление богослужебных действий, но только постановляемы были некоторые ограничения относительно мест их религиозных собраний. Константин Великий дозволил новатианам безъ опасения владеть Церквами, которые были устроены ими самими после отпадения от православной Церкви: но при этом повелел тщательно наблюдать, чтобы раскольники не дерзали присвоить себе тех церквей, которыми владели еще до своего отпадения и которые должны были остаться во владении православных[5]. Впоследствии Феодосий Младший воспретил новатианам и савватианам строить новые церкви и возобновлять приходившие в ветхость[6]. – Гораздо строже действовало правительство против донатистов. На них смотрело оно также, как и на еретиков: потому что они учили, будто Церковь всюду погибла на земле, кроме их секты, и на сем основании перекрещивали совращенных ими православных, – отвергая крещение церковное как недействительное. Константин Великий повелел отобрать у донатистов все места их

---

[1] Cod. Theod. XVI. V. 2.

[2] «Ante omnia quas ab orthodoxis abreptas tenent (haeretici) ubicumque ecclesias, statim Catholicae Ecclesiae tradendas esse non ambigant, quia ferri non potest, ut, qui nec proprias habere debuerant, ab orthodoxis possessas aut conditas suaque temeritate invasas ultra detineantt» (Cod. Theod. XVI. V. 65).

[3] Cod. Theod. XVI. V. 65.

[4] Новатиане отделялись от Церкви вследствие неразумной строгости к впадшим в тяжкие грехи, новатиане невозвратно отлучали их от своего общения. Савватиане были отрасль новатиан; особенностию их было празднование пасхи вместе с Иудеями.

[5] Cod. Theod. XVI. V. 2.

[6] «Novatianis et Sabbatianis omnis innovationis adimatur licentia, si quam forte temptaverint». Cod. Theod. XVI. V. 65.

молитвенныхъ собраний[1]. То же предписывали Грациан и Гонорий, строго воспрещая раскольникам где бы то ни было устроятъ свои церковные собрания. Гонорий, действовавший против них с неутомимою ревностию, много раз подтверждал это запрещение в продолжение своего царствования[2].

Что касается до еретиков, то, в отношении к свободе богослужения, от прочих должно отличить ариан, македониан и аполлинаристов. Им Феодосий Великий и Аркадий совершенно воспрещали отправлять свое богослужение и устроятъ для сего где бы то ни было[3] п какие бы то ни было места[4]; а епископам их поставлять новых епископов и клириков, и даже носить эти имена[5]. Основание, почему Феодосий Великий действовал с такою строгостию строгостию против сих еретиков, заключалось в том, что при вступлении его на престол они были крайне опасны для Церкви. Но Феодосий Младший умерил строгость своих предшественников. Он только воспретил упомянутым еретикам иметь свои церкви в каких-либо городах[6]. Причины такого ослабления строгости должно искать в том, что в царствование Феодосия Младшего ереси арианская, македонианская и аполлинарианская, близкие тогда к совершенному падению, перестали грозить опасностию Церкви православной.

Все прочие еретики, без всякого послабления, были лишены свободы отправлять свое богослужение где бы то ни было.

Это были **а)** валентиниане, маркиониты, ворвориане, монтанисты, павлиане, манихеи, фотиниане, мессалиане и авдиане.

---

[1] Указ Константина не дошел до нас. О нем упоминают блаж. Августин (Contra litt. Petil. II. 92. Contra Parmen. I. 8. Epistt. 83. n. 3. 105. n. 9. Ed. Bened), и император Грациан (Cod. Theod. XVI. V. 12). Августин говорит в письме к одному раскольнику (Egist. 88): «(Constantinus) legem constituit, ut loca congregationum vestrarum vindicarendur».

[2] Cod. Theod. XVI. V. 38. 43. 44. 51.

[3] «Vitiorum institution, ariana scilicet et caet... Neque publicis,neque privatis aditionibus intra urbium, atque agrorum ac villarum loca, aut colligendarum congregationum, aut constituendarum ecclesiarum copiam praesumat, nec celebritatem perfidiae suae vel solennitatem dirae communionis exerceal» (Cod. Theod. XVI. V. 12.).

[4] «Colligendarum congregationum vel in publicis vel in privatis ecclesiis carent facultate». (Cod. Theod. XVI. V. 14. «Nec ad imaginem ecclesiarum parietes privates ostendant». (Ibid. V. 11.).

[5] «Episcoporum faciendorum, non habeant potestatem; nomine destituti, appellationem hujus dignitatis amittant». (Ibid. V. 14.).

[6] «Arianis, Macedonianis et Apollinarianis intra nullam civitaem ecclesiam habere liceat» (Cod. Theod. XVI. V. 65.).

Константин Великий издал такое повеление против тех из перечисленных здесь еретиков, которые существовали в его время[1], в конце своего царствования. Он писал к еретикам: «поелику гибельное ваше нечестие долее терпимо быть не может, то мы повелеваем законом, чтобы впредь никто из вас не смел делать собраний. Поэтому и все ваши дома, в которых вы устрояете свои собрания, приказано разрушить; ибо наша заботливость касательно сего предмета требует того, чтобы не только в общественных, но и в частных домах не было скопищ вашего суеверного безумия. Гораздо лучше, – продолжает государь, – сделают те, которые обратятся к правой и чистой вере, вступят в кафолическую Церковь, приобщатся ее святости и чрез то в состоянии будут достигнуть истины. Итак, в благополучное наше время да уничтожится это обольщение развращенного вашего ума, – разумею нечестивое и гибельное разномыслие еретиков и раскольников; ибо благоденствие, которым мы, по милости Божией, наслаждаемся, требует, чтобы живущие благими надеждами обращались от всякого безспорядочного заблуждения на стезю правую, от тьмы – к свету, от суетности – к истине, от смерти – к спасению. А так как для сего нужно сильное средство: то мы, как сказано, повелели все убежища вашего суеверия, то есть молитвенные домы всех еретиков, если только можно назвать их молитвенными, отобрать без сопротивления и немедленно передать кафолической Церкви, прочие же места отписать в государственную казну, чтобы на последующее время не оставалось вам никакой возможности собираться. Итак, – заключает государь, – с настоящего дня беззаконные ваши общины да не дерзают делать собрания ни в каком месте, ни в общественном, ни в частном»[2]. – На остальных из перечисленных выше еретиков то же воспрещение распространили императоры Грациан и Феодосий Великий[3].

б) Евномиане. Евномиане были отрасль ариан; но они отличались от ариан особенным нечестием, так что, по свидетельству св. Амвросия[4], сами ариане гнушались ими. Ревность православных государей против них возбуждало особенно то, что они совращаемых ими православных дерзали осквернять перекрещиванием[5]. По таким побуждениям им воспрещали иметь

[1] Упоминаются валентиниане, маркиониты, павлиане, катафригийцы (монтанисты).

[2] Евсевий о жизни Константина, кн. III, гл. 65.

[3] Cod. Theod. XVI. V. 6. 11.

[4] De Fide ad Gratian. I. 4.

[5] Созом. VI. 26.

свои богослужебные собрания Феодосий Великий, Аркадий[1] и Феодосий Младший[2].

в) Несториане и евтихиане. Несторианам воспретил всякие молитвенные собрания Феодосий Младший, после осуждения Нестория на вселенском Соборе Ефесском[3]; евтихианам император Маркиан, после осуждения Евтихия на Соборе халкидонском[4]. Против тех и других еретиков подтверждали это воспрещение императоры: Лев 1-й[5] и в особенности Юстиниан Великий[6].

Г.

Обращаемся к последнему средству, которое употребляли православные императоры против еретиков упорных в своем нечестии и своей вражде на Церковь, т. е. к различным *наказаниям*.

Прежде всего, надлежит заметить, что не против всех еретических сект и не против всех принадлежавших к ним лиц были постановляемы одни и те же наказания. Секты более других нечестивые и более других опасные для Церкви, упорством и фанатизмом своих вождей и последователей, были преследуемы с большею строгостию, чем другие. Это были: секта манихейская, иечестивейшая из всех[7], потом секты монтанистов, евномиан и донатистов. Из лиц, принадлежавших к той или другой секте, после ересеначальников и их сообщников, с особенною строгостию были преследуемы те, кои усиливались распространять заблуждения еретические, или поддерживать секту. Здесь разумеются прежде всего епископы, клирики и

---

[1] Cod. Theod. XVI. IV. 34. 36. VI. 8.

[2] Ibid. V. 49. 50. VI. 6. 7.

[3] «Qous (gregales Nestorii) omnis conventus celebranti licenta privari statuimus». Cod. Theod. XVI. V. 66.

[4] «Apollinaristae, hoc est eutychianistae, sive in hac alma urbe diversisque provinciis sive in Alexandrina civitate sive intra Aegyptiacam dioecesim sunt, episcopos et presbyteros aliosque clericos creare et habere prohibemus; non ecclesias non monasteria sibi construant, parasynaxes et conventicula tam diurna quam nocturna non contrahant neque ad domum neque ad possessionem cuiusquam neque ad monasterium vel quemcumque alterum locum operaturi sectae funestissimae congregentur» (Cod. Iustinian. I. 5. 8. Vid. ibid. I. 1. 4.).

[5] Vid. Baron. 457. IX. X.

[6] Novell. 42.

[7] Папа Лев Великий, производивший нарочитое исследование о лжеучении и религиозных действиях манихеев, так отзывается о их ереси: «documentis gestorum plenissime aperitur, nullam in hac secta pudicitiam, nullam honestatem, nullam penitus reperiri castitatem, in qua lex est mendacium, diabolus religio, sacrificium turpitudo» (Serm. V de jejunio decimi mensis).

учители еретические, далее – все вообще совратители, наконец, владельцы и распространители еретических книг.

Во-вторых, надлежит заметить, что наказания не всегда приводимы были в исполнение с такою строгостию, с какою были предписываемы. Так о Феодосии Великом Созомен прямо говорит: «к законам (данным против еретиков, после Константинопольского Собора 383 г.) он присовокупил и тяжкие наказания, не приводя однакоже их в исполнение, потому что хотел не наказывать подданных, а только привести их в страх, чтобы они одинаково с ним мыслили о Боге»[1]. Можем предполагать, что таким же образом поступали и другие императоры, когда это было можно без ущерба для прав и пользы Церкви. Собственною целию, с которою они налагали на еретиков гражданские наказания и с которою иногда просили об этом государей и православные пастыри[2], было не подвергать еретиков тяжести сих наказаний, а страхом удерживать их от различных воспрещенных действий и побудить к воссоединению с Церковию.

Наказания, которым гражданское правительство подвергало разные лица и целые секты, могут быть изложены в следующем порядке:

1) Удаление из столиц, а иногда и из других городов империи. Этому наказанию прежде всего подвергались епископы, клирики и учители еретические. Феодосий Великий, в начале своего царствования, издав повеление, которым воспрещалось всем еретикам устроятъ молитвенные и всякие другие собрания, когда узнал о нарушении еретиками такого повеления, положил изгнать всех епископов, клириков и учителей еретических из столицы и всех городов империи и обратить каждого в место его рождения, с воспрещением переходить с одного места на другое[3]. Но изгоняемые, еретики снова возвращались, или успевали укрываться тайно даже в самой столице. – После Феодосия, Аркадий, преемник его на востоке, неоднократно предписывал изгнать епископов и клириков всех еретических сект из столицы[4], епископов, клириков и учителей сект упорнейших, именно Евномиевой и Монтановой, многократно повелевал изгонять решительно из всех городов империи[5]. Из

[1] Церковная История, VII. 12.

[2] См. Книга Правил, Собор Карфагенский, правило 104.

[3] «Hi, qui vel doctrinam vel mysteria conventionum talium exercere consuerunt, perquisiti ab omnibus urbibus ac locis propositae legis vigore constricti expellantur a coetibus et ad proprias, unde oriundi sunt, terras redire iubeantur, ne quis eorum aut commeandi ad quaelibet alia loca aut evagandi ad urbes habeat potestatem» (Cod. Theod. XVI. V. 12.).

[4] Ibid. XVI. V. 30. 33.

[5] Cod. Theod. V. 31. 32. 34.

последующих государей, Юстиниан Великий воспрещал являться в столицу и другие значительные города епископам евтихианским[1], которых изгнал он с престолов епископских, занятых ими в царствование государей, покровительствовавших их ереси.

Некоторые императоры изгоняли из городов и мирских последователей еретических сект. Феодосий Великий, повелев отобрать у всех еретиков места их молитвенных собраний, присовокупил, что если еретики покусятся при сем на мятежное нападение, то, по наказании за мятеж, должны быть изгнаны из самих городов[2], и впоследствии действительно исполнил свою угрозу[3]. Маркиан повелел изгонять из Константинополя всех последователей Евтихиевых[4]. Манихеи постоянно изгоняемы были из столиц и всех городов в обеих империях[5].

2) Удаление от почетной службы. Феодосий Великий, Аркадий и Гонорий всех вообще еретиков удаляли из придворной службы, и от управления областями (in scriniis, inter agents in rebus, inter palationos et in provinciae gubernatione)[6]. «Кто не согласен с нами в вере, тот не может бытъ к нам близок близок ни в каком отношении», писал Гонорий[7]. Император Иустин I прямо объявил относительно всех еретиков: «не хотим терпеть, чтобы кто-нибудь из еретиков носил какое-либо достоинство, и обладал поясом воинским или гражданским»[8].

Но, будучи лишаемы почетных должностей, еретики, в то же время, непременно были обязываемы к отправлению такой службы, которая, не пользуясь почетом, соединена была с особенными трудностями, или с обременительными повинностями по имуществам. Таковы были: военная служба в легионах, расположенных на границах империи, для защиты отъ набегов неприятельских, и гражданская служба куриальная[9].

---

[1] Novell. 42.

[2] Cod. Theod. XVI. V. 6.

[3] «Apollinarianos ceterosque diversarum haeresum sectatores ab omnibus locis iubemus inhiberi, a moenibus urbium, a congressu honestorum, a communione sanctorum» (Cod. Theod. XVI. V. 14. Созом. VII. 12.).

[4] Cod. Iustinian. I. 1. 4.

[5] Cod. Theod. XVI. V. 8. 18. 65. Valent. III. Novell. 2.

[6] Philostorg. X. 6. Cod. Theod. XVI. V. 29. 58.

[7] Cod. Theod. XVI. V. 42.

[8] Cod. Iustinian. I. 5. 12.

[9] Феодосий Младший относительно сего пишет, дополняя один из данных прежде законов: «lex, quae super eunomianis militare prohibitis ceterisque execrabilium religionum et professionum ritibus promulgata cognoscitur, nihil ad eos, qui cohortalini sunt, pertinet» (Cod.

Подобно сему поступали православные императоры и, в частности, относительно клириков еретических. Тогда как духовенство православное было освобождено от всех тяжких, или несовместных с сим званием, государственных повинностей и наделено различными преимуществами, клириков еретических императоры лишали сих преимуществ и нарочито обязывали к отправлению всех без исключения повинностей. Константин Великий относительно сего дал следующий закон: «преимущества, которые даны из уважения к религии, должны быть на пользу только чтителям кафолического закона. Что же касается до еретиков и раскольников, то хотим, чтобы они не только были чужды сих преимуществ, но и несли различные повинности»[1].

3) Денежная пеня. Феодосий Великий повелел взимать по десяти фунтов золота с каждого из тех, кто дерзнет поставлять еретикам клириков, или кто примет на себя это служение, или, быв поставлен прежде, будет совершать какие-либо действия, относящиеся к сему служению[2]. Феодосий Младший присовокупил к сему, что если виновные будут отзываться бедностию, то взимать указанный штраф с целого общества клириков той секты, к которой они принадлежат[3], и распространил этот закон на всех вообще совратителей и тех, кои дозволяли совращать себя[4]. Император Иустин I-й повелел наказывать штрафом тридцати фунтов золота еретиков, которые каким-либо образом достигали недозволенных им государственных должностей[5].

Гонорий неоднократно подвергал денежному штрафу всех вообще последователей раскола Донатова. В один раз это было по прошению православных пастырей Церкви африканской. Они, между прочим, просили

Theod. XVI. V. 61), и в другом законе: «si quos (ex Montanistis et alis hujuscemondi generibus nefaiae superstitionis) curialis origo, vel ordinum nexus, aut cohortalinae militiae illigat obsequiis et functionibus, his adstringi praecipimus, ne sub colore damnatae religionis eliciant vacationis cupitae sibi suffragia» (Ibid. V. 48. Vid. Cod. Iustinian. I. 5. 7.), где тоже говорится о всех вообще еретиках.

[1] Cod. Theod. XVI. V. 1.

[2] «In haereticis erroribus quoscumque constiterit vel ordinasse clericos vel suscepisse officium clericorum, denis libris auri viritim multandos esse censemus» (Cod. Theod. XVI. V. 21.).

[3] «Si paupertatem praetendant, de communi clericorum eiusdem superstitionis corpore vel etiam donariis ipsis extorta nostro inferatur aerario» (Ibid. V. 65.).

[4] Ibid.

[5] Cod. Iustinian. I. 5. 12.

государя, чтобы восстановлен был закон Феодосия Великого о взыскании по десяти фунтов золота с еретиков, рукополагающих и рукополагаемых[1].

4) Телесное наказание. Возложив сейчас упомянутую денежную пеню на последователей раскола Донатова, принадлежащих к классу свободных граждан, Гонорий повелел крестьян отклонять от нечестивого учения учащенными ударами[2].

5) Лишение прав наследства и конфискование имущества в пользу казны. – Манихеи и евномиане первые подверглись этому наказанию при императоре Феодосии Великом. Лишив тех и других еретиков права законным образом получать или оставлять наследство, за исключением лиц, принадлежащих к православной Церкви, или, по крайней мере, присоединяющихся к ней добровольно, и постановив, чтобы все такие имения, как выморочные, по смерти владельцев, были отбираемы в казну, император относительно манихеев постановил еще, что они должны быть лишены всех вообще прав, какие принадлежат другим подданным империи[3], как то права продавать, покупать, заключать договоры[4].

Император Гонорий распространил упомянутое наказание на монтанистов и донатистов[5], быв вынужден упорством одних и возмутительными неистовствами против православной Церкви других. Обуздать дерзость донатистов страхом подобного наказания, между прочим, просили императора и епископы африканские, именно отцы Собора Карфагенского, бывшего в 404 г., «дабы, – писали они, – по крайней мере, сим

---

[1] Книга Правил, собор Карфагенский, пр. 104. В законе, данном в ответ на просьбу отцов, Гонорий пишет: «Donatistae superstitionis haereticos quocumque loci vel fatentes vel convictos legis tenore servato poenam debitam absque dilatione persolvere decernimus» (Cod. Theod. XVI. V. 39.).

[2] «Colonos verberum crebrior ictus a prava religione revocabit» (Ibid. XV. V. 52.).

[3] «Eunomiani spadones nec faciendi nec adipiscendi habeant licentiam testamenti. Quod circa omnes, quos vivos lex invenerit, volumus custodiri nec quemquam praeteritae cuiuspiam voluntatis privilegio defensari, cum, seu facta prius testamenta seu infecta doceantur, post hanc nostri oraculi sanctionem non habeant possidendi licentiam, non petendi, non etiam relinquendi heredem nomine principali, non fideicommissario, non legatario, non tacito fideicommisso vel quamcumque in huiuscemodi negotiis nuncupationem iuris ordo constituit: sed omnia, quae talium esse vel futura esse constiterit, ut caduca fisci nostri viribus vindicentur. Nihil ad summum habeant commune cum reliquis» (Cod. Theod. XVI. V. 17.). – Manichaeis, «sub perpetua inustae infamiae nota testandi ac vivendi iure Romano omnem protinus eripimus facultatem», et. caet. (Ibid. XVI. V. 7.).

[4] Cfr. Cod. Theod. XVI. V. 40.

[5] Ibid. XVI. V. 40. 48. 54. VI. 4.

страхом от произведения расколов и от еретического безумия удержаны были отлагающие свое очищение и исправление при помышлении о вечном наказании»[1]. Наконец, Феодосий Младший, желая довершить истребление ересей, начатое и с успехом произведенное его предшественниками, Феодосием Великим и Аркадием, подверг закону о лишении прав наследства всех вообще еретиков, сохранившихся еще до времени его царствования[2].

Лишая еретиков права оставлять и получать наследство, императоры в некоторых случаях повелевали отбирать у них имение, или угрожали сим, еще при жизни владельцев. Так, имения и дома еретиков владельцев, которые давали у себя убежище еретическим епископам и клирикам и дозволяли устроятъ молитвенные собрания, были отбираемы в пользу казны, или церквей православных, или городовых обществ, немедленно по дознании о сем[3]. Император Гонорий угрожал конфискованием имения всем донатистам. Феодосий Младший, постановив различные меры к искоренению ереси несториевой, повелел наказывать конфискованием имения всех ее последователей, в случае их упорства[4].

6) Ссылка. Сему наказанию подвергаемы были преимущественно ересеначальники с их главными сообщниками, и вожди ересей, т. е, епископы и клирики еретические. Прежде всех были осуждены на заточение вожди раскола Донатова императором Константином Великим. Государь сей, желая воссоединить раскольников с Церковию, от которой они отпали незадолго до него, созывал несколько Соборов (в Риме 313 г,, в Арле 314 г.), и употреблял другие меры к примирению: но все было напрасно. Тогда, чтобы наказать виновных и упорных вождей раскола и избавить Церковь африканскую от новых смут, которые они могли произвести, Константин решился на указанную строгую меру[5]. Впоследствии они подвергаемы были тому же наказанию императорами Константом и Гонорием. Возвращенные из ссылки самим же Константином, донатисты начали совращать православных не только прельщением, но и прямо насилием, и простерли свои неистовства до того, что наполнили ужасом всю Африку. Чтобы удержать их, преемник Константинов,

---

[1] Книга Правил, собор Карфагенский, пр. 104.

[2] Cod. Theod. XVI. V. 65.

[3] Euseb. de vita Constant. III. 65. Феодосий Младший постановил: «omnia loca fiscalia statim fiant, quae sacrilegi huius dogmatis vel sedem receperint vel ministros» (Cod. Theod. XVI. V. 8. Vid. ibid. V. 12. 21. 25. 45. 65. Cod. Iustinian. I. 5. 8.).

[4] Cod. Theod. XVI. V. 66.

[5] Подлинный указ не сохранился. О существовании и содержании его мы знаем из упоминаний о нем блаж. Августина. Epist. 88.n. 3; 105. n. 9. Ed. Bened.

Констант сначала испытал кроткие меры, отправил в Африку двух своих сановников. Но когда мирным предложениям сих уполномоченных донатисты противопоставили открытый мятеж: тогда Констант, по примеру отца своего, повелел послать в ссылку виновников всех бедствий Церкви – предводителей раскола. Из этого изгнания они снова возвратились при Юлиане, и опять начали продолжать свои прежние дела. Закоснение во зле сделало их еще более упорными врагами мира, как это показали они своим поведением на Соборе Карфагенском, и после него. Быв обличены и посрамлены, они не поспешили принести раскаяние, но только усилили свое ожесточение против Церкви. Посему император Гонорий предписал: «причетники, диаконы и зловреднейшие пресвитеры донатистов да будут удалены с земли африканской, которую они осквернили святотатственным обрядом (перекрещивания), и сосланы в заточение по одному, каждый в свою страну»[1].

После вождей раскола Донатова, Константин Великий подверг ссылке Ария с его сообщниками. Император еще на Соборе Никейском объявил, что всякий противящийся догматам веры, как нарушитель божественных определений, будет наказан ссылкою[2]. Когда Арий и его единомышленники действительно воспротивились принять изложенные Собором догматы веры, Константин привел в исполнение свою угрозу. Сосланы были: сам Арий, низложенные епископы – Евсевий Никомидийский, Феогнис Никейский, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский, диакон Александрийский Евзой, и еще некоторые из друзей Ария в Александрии[3].

Феодосий Великий повелел отправить в ссылку Евномия, когда узнал, что этот ересеначальник учреждает со своими последователями церковные собрания, и, привлекая к себе толпы, совращает легковерных чтением своих сочинений[4].

Император Аркадий, повелев изгнать епископов и клириков евномианских и монтанистских из всех городов, присовокупил, что если после того они и в деревнях будут привлекать к себе народ и учреждать недозволенные собрания, то подвергнутся заточению навсегда[5]. Закон этот дан дан был Аркадием чрез нисколько дней после того, как возведен был на

[1] Cod. Theod. XVI. V. 52.

[2] Созомен, I. 20.

[3] Сократ, I. 8. Созом. II. 21. 27.

[4] Созомен, VII. 17.

[5] Cod. Theod. XVI. V. 34.

кафедру константинопольскую св. Златоуст, – и, как можно догадываться[1], по совету сего архипастыря.

Феодосий Младший послал в заточение Нестория с его главными сообщниками, после вселенского Собора ефесского[2]. Тот же император угрожал ссылкою всем предстоятелям раскола савватианского в случае, если они не перестанут праздновать пасху вместе с Иудеями[3].

Император Маркиан сослал предводителей ереси евтихианской, как то: Диоскора Александрийского, известного своими насилиями на соборище Ефесском, Тимофея Елура, производившего в Александрии после Диоскора открытые возмущения, и с ними некоторых других[4], и угрожал лишением имущества и ссылкою всем епископам и клирикам упомянутой ереси, которые позволят себе рукополагать других епископов и клириков из своей секты, равно как и вновь рукополагаемых ими. Тем же наказанием Маркиан угрожал вообще всякому, кто дерзнет писать что-либо против Халкидонского Собора, или иметь, писать и списывать изданные против него сочинения[5].

Наконец, были подвергаемы ссылке те из еретиков, кои, собирая публично или тайно толпы народа, дерзали производить прения о догматах веры. Это наказание постановил Феодосий Великий, и подтверждали Гонорий[6] Гонорий[6] и Маркиан[7]. Такая строгость была необходима по тем смутам, какие какие происходили не только в Церкви, но и в государстве от сих прений. Св. Григорий Богослов и св. Григорий Нисский свидетельствуют, что страсть к богословским прениям была одною из господствующих болезней того времени во всех классах общества, и даже в простом народе[8].

Кроме отдельных лиц известной секты иногда подвергаемы были ссылке и все последователи некоторых лжеучений, вначале еще малочисленные. Так поступил император Гонорий с последователями лжеучения Иовинианова, желая положить конец этой секте при самом ее появлении. Сослав

---

[1] Vid. Baron. Annal. 398. LXXVII. Gothofredi. Annott. ad. H. leg.

[2] Имение ересеначальников император повелел отдать Церкви Константинопольской. Evarg. I. 7. Vid. Baron. Annal. 436. II. III. Rescript-Theodos. Cfr. Pagium. 435. II.

[3] Cod. Theod. XVI. VI. 6.

[4] Evarg. II. 5. 8.

[5] Cod. Iustinian. I. 5. 8.

[6] «Proscriptos eos in exilium detrudi, qui audent disputare ea et adserere, quae institutio divina condemnat» (Cod. Theod. XVI. V. 45.).

[7] Cod. Iustinian. I. 5. 8.

[8] См. Григорий Богослов. Слово о Богосл. 1-е. стр. 6.; слово 32-о о соблюдении доброго порядка в собеседовании, и пр., стр. 155-156, 159-162. Русск. Перев. в Твор. св. отц. S. Gregorii Nyssen. Orat. De Deitate Filii et Spiritus Sancti. Opp. t. 3. Ed. Morelli. p. 466.

ересеначальиика на один из островов Адриатического моря (Боа в Далмации), император в то же время приказал всех последователей его развесть по одному на другие острова, «дабы, как сказано в указе, чрез такое рассеяние лиц прекратилось их суеверное соумышление»[1]. Тот же император повелел лишать имений и отправлять в ссылку всех единомышленников Пелагия[2].

Наконецъ **7)** изгнание из пределов империи и угроза смертною казнию.

Феодосий Великий и Иустин I-й, под угрозою смертной казни, повелевали изгонять из империи манихеев[3], и даже прямо угрожали им смертию[4]. Феодосий Великий вынужден был к такой строгости крайним упорством упорством еретиков и нечестием их учения, Иустин возобновил закон Феодосиев потому, что незадолго до него манихеи снова умножились в империи восточной; они явились здесь из Италии, вслествие гонения, воздвигнутого на них там папою Львом Великим и императором Валентинианом III. – Другие императоры угрожали смертною казнию тем лицам, кои, обратившись к Церкви из манихейства, снова отпадали в сию ересь, или, обратившись только притворно и по наружности, не переставали быть ее почитателями[5].

Кроме манихеев, угрозою смертной казни правительство еще вооружалось против духовенства евномианского и монтанистского, за распространение им своей ереси и в изгнании[6], и также против евтихиан[7]. В кодексе Юстиниановом объявлена смертная казнь вообще всем еретикам за нарушение постановленных против них законов[8].

---

[1] Cod. Theod. XVI. V. 53.

[2] Vid. Baron. Annal. 418. XX. sq.

[3] «Quicumque sub nomine Manichaeorum mundum sollicitant, ex omni quidem orbe terrarum, sed quam maxime de hac urbe (Roma) pellantur sub interminatione iudicii (capilatis scilicet)» (Cod. Theod. XVI. V. 18.). Cfr. Cod. Iustinian. I. 5. 11. 12.

[4] Феодосий Младший прямо угрожал смертною казнию енкратианам и саккофорам: «Quos encratitas prodigiali appellatione cognominant, cum saccoforis sive hydroparastatis refutatos iudicio, proditos crimine, vel in mediocri vestigio facinoris huius inventos summo supplicio et inexpiabili poena iubemus adfligi» (Cod. Theod. XVI. V. 9.).

[5] Cod. Iustinian. I. 5. 16.

[6] Cod. Theod. XVI. V. 34.

[7] «Ultimo supplicio coerceantur qui illicita dòcere tentaverint» (Cod. Iustinian. I. 5. 14.).

[8] «Haeretici coetus habere non possunt, aut conventus illicitos, aut ordinationes, aut baptismata, aut exa chos habere, aut oficia patrum, aut defensiones instituere aut curare, aut administrare viilas per se ipsos aut per interpositas personas, aut quid prohibitorum iacere. Qui transgressus haec fureit, ultimum supplicium luit» (Cod. Iustinian. I. 5. 14.).

Таковы были меры, которые употребляли императоры греко-римские в IV, V и VI веках против еретиков, для ограждения Церкви православной от ересей.

Постановляя такие меры к ограждению православия и искоренению ересей и расколов, правительство греко-римское заботилось и о том, чтобы повеления его были соблюдаемы. Для сего:

1) Императоры поручали православным пастырям нарочитое смотрение за еретиками и исполнителями законов против них. Так император Иустин, в заключение одного из своих законов против еретиков, писал: «поручаем заботливости блаженнейшего архиепископа и патриарха сего славного града (Константинополя) и святейших епископов других городов, занимающих кафедры как патриархов, так и митрополитов, и всем низшим (minoribus) надзирать, соблюдается ли ненарушимо, что постановлено нами, и доносить нам, дабы могли мы, если будет нужно, преследовать с большею строгостию тех, кои пренебрегают сии постановления о православной вере»[1].

2) Императоры предоставляли право всем вообще православным совокупным участием останавливать противозаконные действия еретиков, и даже вменяли в обязанность, под угрозою наказания, изгонять или представлять к суду еретиков, укрывающихся от преследования законов[2]. Так Феодосий Великий, воспретив всем еретикам устроять собрания, дозволил всем православным изгонять нарушителей сего постановления[3]. Гонорий в законе против последователей Пелагиевых угрожал одинаковым с еретиками наказанием тем лицам, которые, зная их тайные убежища, не изгоняют их оттуда, или не доносят судьям[4].

3) Поставляли особых сыщиков (inquisitores), которые бы еретиков, виновных в нарушении законов, или укрывавшихся от строгости их, отыскивали и представляли суду[5].

Наконецъ **4)** подвергали различным наказаниям виновных в покровительстве и потворстве еретикам; именно – **а)** государственных чиновников. Они подвергались наказаниям, когда дозволяли еретикам какие-либо воспрещенные действия, или утаевали о сих действиях; когда незаконно

[1] Cod. Iustinian. I. 5. 12.

[2] Cod. Theod. XIV. V. 40.

[3] «Ac si qui exstiterit, qui tam evidenter vetita transscendat, permissa omnibus facultate, quos rectae observantiae cultus et pulchritudo delectat, communi omnium honorum conspiratione pellatur» (Ibid. XVI. V. 14.).

[4] Vid. Baron. 418. XX. Leg. Honorii Palladio.

[5] Cod. Theod. XIV. V. 9. 15.

принимали еретиков, или содействовали им в поступлении на государственную службу; когда оказывали им какую бы то ни было помощь. Высшим государственным чиновникам законы угрожали денежным штрафом[1], и лишением мест[2]; низшим (offiiciales) также денежным штрафом[3], телесным наказанием и ссылкою[4], и наконец, даже смертною казнию[5]; городским куриалам, кроме денежного штрафа[6], угрожало лишение имения и ссылка[7]. **б)** Частные лица. Они подвергаемы были наказаниям, когда укрывали еретиков и дозволяли им у себя учреждать какие-либо собрания. Домовладельцы и землевладельцы, по дознании об их виновности, были лишаемы своих домов и имений[8], и кроме того подвергались иногда ссылке[9], арендаторы и управители управители частных и общественных домов и имений, если происходили из рабов, подвергались телесному наказанию[10] и ссылке[11] в рудники[12], а свободно–рожденные денежному штрафу[13], или, подобно рабам, телесному наказанию и ссылке[14].

III.

Усилия благочестивых государей Греко-римской империи, с таким усердием действовавших в пользу Церкви против еретиков, не оставались бесплодны. Мы поступили бы несправедливо, если бы все успехи православия в борьбе с еретиками приписали одному покровительству сильных земли. Прежде всего и более всего Церковь обязана своим торжеством над врагами истины самой истине ее учения и усердию великих пастырей и учителей, которые с победоносным словом и неутомимою ревностию восставали на ее защиту, как скоро открывалась, откуда бы то ни было, опасность. Но, тем не менее, должно признать, что успехам православия содействовали своим

---

[1] От 8 до 30 фунтам золота. Cod. Theod. XIV. V. 21. VI. 4. IX. 13. Cod. Iustinian. I. 5. 12.

[2] Cod. Theod. XIV. V. 46. Cod. Iustinian. I. 5. 8.

[3] Cod. Theod. XIV. V. 30. 46. 54. VI. 4.

[4] Ibid. 54.

[5] Ibid. X. 13.

[6] 20 фунтам золота. Ibid. V. 65.

[7] Ibid. V. 46.

[8] Ibid. V. 8. 44.

[9] Ibid. 54.

[10] Cod. Iustinian. I. 5. 8.

[11] Cod. Theod. XIV. V. 21.

[12] Ibid. 65.

[13] Ibid. 21. 25. 54. 65.

[14] Ibid. VI. 4.

участием и православные императоры. В этом уверяют нас свидетельства современные повествователей, и самая история.

Евсевий, приведши закон, данный Константином Великим в конце царствования против всех еретиков и раскольников, оставшихся от предшествующих времен[1], замечает о действии сего закона: «таким образом, по силе царского указа, темные ущелия иноверцев были разрушаемы, и звери, т. е. начальники их нечестия, обращались в бегство. А из числа тех, которые были обольщены ими, одни, страшась царской угрозы, до времени притворствовали и с подложными чувствованиями проникали в Церковь... Другие, напротив, как будто и с искренним расположением, переходили к надежде на лучшее. Последних предстоятели церквей тщательно различали, и тех, которые пытались проникнуть в Церковь под личиною притворства, далеко отгоняли, а других, делавших это с чистым намерением, долго испытывали и, достаточно уверившись, присоединяли к числу христиан, допускаемых к священным собраниям. Так поступали с бесчестными иноверцами. – Тех же, которые не вносили сами никакого нечестия в учение веры, а только усилием других раскольников отторгнуты были от общества верующих, немедленно принимали в Церковь. Последние, как бы возвращаясь с чужой стороны в отечество целыми толпами, признавали Церковь своею материю, и чем долее были в разлуке с нею, тем веселее и радостнее вступали в нее. Таким образом, члены общего тела, приходя в единение, сочетавались в стройное целое, и собранная в самой себе вселенская Церковь Божия сияла одна: на земле ни еретических, ни раскольнических обществ нигде более не оставалось»[2].

Успех деятельности против еретиков со стороны императоров православных, последующих за Константином Великим, подтверждается историею. Первый после него возобновил строгие меры против еретиков на востоке Феодосий Великий. При вступлении его на престол господствовали в империи ариане; их владычество продолжалось почти полвека, ересь Ариева успела дать новые отрасли, т. е. ереси евномиеву и македониеву; кроме того явились еще лжеучения Фотина и Аполлинария. Наконец, оставались еще из числа древних еретиков монтанисты и манихеи. Феодосий решился употребить все усилия к достижению того, чтобы в империи была одна Церковь – Церковь православная, и одно согласное учение о богопочтении: и он столько успел в своих усилиях, что если не сам видел, то ближайшим

[1] Новатиан, валентиниан, маркиенитов, павлиан, монтанистов.

[2] О жизни Константина, кн. III, гл. 66.

преемникам своим приготовил возможность видеть своих подданных действительно исповедующими единое согласное учение. Под конец его царствования большая часть ересей представляли только слабые остатки своей прежней силы, и между ними в особенности доведена была до такого состояния ересь арианская. Упорство еретиков было велико; но оно сокрушилось о непоколебимую твердость государя, содействовавшего Церкви с неослабною ревностию. Преемники Феодосия на востоке, Аркадий и Феодосий Младший, действуя против еретиков с такою же ревностию и твердостию, как и он, успели довершить дело его и достигли того, что все упомянутые нами ереси пали окончательно. После них все лжеучения четвертого века сделались едва заметны и совершенно перестали быть опасны для мира Церкви; своею незначительностию они перестали нарушать единство Церкви.

Принесли великую пользу усилия императоров и Церкви западной. Мерами Грациана и Феодосия Великого на западе положен был предел успехам арианства; при содействии императора Гонория нанесен был решительный удар расколу донатистов; его же мерами потрясена и окончательно ослаблена была ересь монтанистов и искоренена ересь Иовинианова; а мерами его и Валентиниана III были рассеяны последователи Пелагиевы и манихеи.

Приведем здесь еще одно современное свидетельство о том, как полезна была для Церкви деятельность православных государей против еретиков. Свидетельство это заимствует у блаж. Августина. В письме своем[1] к одному епископу раскола Донатова (Викентию) он, с одной стороны, показывает те препятствия успеху в борьбе, против которых или недостаточны, или вовсе недействительны были одни средства духовные, какими могут располагать пастыри Церкви, а, с другой стороны, упоминает и о тех плодах, которыми сопровождались меры государей против еретиков. Весьма важно для нас слышать мнение такого пастыря, который столько времени посвятил борьбе с разными лжеучителями, и имел довольно опытности в делах такого рода. – На Соборе Карфагенском 404 г. рассуждали о необходимости обратиться за помощию к императору, чтобы облегчить переход в Церковь обращающимся донатистам, которых еще удерживало от обращения опасение со стороны своих прежних единомышленников (циркумцеллионов)[2]; положено было просить у императоров строгих распоряжений против упорных еретиков, для

[1] Egist. 93. Ed. Benedictin.

[2] Циркумцеллионы были самыми ожесточенными врагами Церкви между донастистами.

беспрепятственного привлечения в лоно Церкви склонявшихся к миру. «Мое мнение, говорит блаж. Августин, первоначально было таково, что никого не должно принуждать к единению со Христом, что должно действовать словом, опровергать рассуждением, поражать силою убеждения, чтобы, в противном случае, открытых еретиков не обратить в православных только по наружности»[1]. Но на Соборе мнение Августина встретило сильное противоречие. Старейшие и опытнейшие епископы убедили его мыслить иначе. «Такое мнение мое, – пишет он, – было опровергаемо не словами, но примерами. Прежде всего, мне указали на мой отечественный город (Тагаст), которого жители прежде все принадлежали к расколу, но потом обратились к кафолическому единству, именно по страху императорских указов, и теперь столько гнушаются пагубной дерзости вашей (пишет он к донатисту), что как-будто никогда не были причастны ей. Потом указали еще много городов поименно, в которых последовала такая же перемена, чтобы я видел, как справедливо к сему может быть отнесено написанное: *даждь премудрому вину и премудрейший будет*» (Притч. 9, 9.). – Первым следствием такого убеждения было то, что сам Августин переменил свое прежнее мнение, и, присоединившись к прочим епископам, вместе с ними просил императоров о содействии православию против еретиков. После сего он и другим старался доказать пользу такого действования для Церкви. «Мы сами знаем, – писал он в том же письме к Винкентию, – сколь много таких, которые уже убеждены были очевидностию истины и хотели быть православными, но, опасаясь оскорбления от своих прежних единоверцев, со дня на день откладывали исполнение намерения! Сколь много таких, которых удерживала не истина, которою вы никогда не могли одержать верха, но связывали тяжкие узы застарелого обычая, так что на них оправдывалось оное божественное слово: *не накажется словесы раб жесток: аще бо и уразумеет, не послушает* (Притч 29, 19.). Сколь много таких, которые потому считали истинною Церковию раскол Донатов, что безопасность сделала их ленивыми и небрежными к познанию истины. Сколь многим заграждали путь в Церковь речи клеветников. Сколь многие, полагая, что нет различия, в каком бы обществе кто ни был христианином, потому оставались в расколе Донатовом, что там родились, и никто не принуждал их оставить его и перейти в Церковь православную! – Всем этим людям страх законов, издавая которые цари служат Богу со страхом, столь был полезен, что ныне одни говорят: уже и сами хотели мы сделать это (т. е. обратиться), но благодарение тому, который дал

[1] II. 17.

нам случай сделать это тотчас, и пресек наше медление. Другие говорят: уже знали мы, что истина на стороне Церкви, но были удерживаемы какою-то привычкою: благодарение Богу, Который разорвал наши узы и ввел нас в узы мира. Иные говорят: не знали мы, что истина здесь, т. е. в Церкви, и не хотели знать ее, но возбудил нас к познанию ее страх: благодарение Богу, Который потряс леность нашу силою страха»[1]. «О, если бы я мог показать тебе, – восклицает бл. Августин, – сколь многие стали искренними православными из самых циркумцеллионов; как они осуждают свою прежнюю жизнь и жалкое заблуждение, по которому думали, что все, что ни делали в упорной дерзости, делали для Церкви Божией, и однакоже, – прибавляет он, – люди сии никогда не были бы приведены к раскаянию и исправлению, если бы узами упомянутых законов не были связаны, подобно беснующимся[2]. – Но положим, – продолжает он, – что некоторым законы государей не приносят пользы: неужели потому должно быть пренебрегаемо врачевание, что есть одержимые неизлечимою болезнию? О таковых написано: всуе поразих чада ваша, наказания не приясте (Иерем. 2, 30.). Но должно брать во внимание, как многочисленны те, о спасении коих радуемся. Ибо, – заключает бл. Августин, – если бы действовали против них одним страхом и не учили в то же время: это казалось бы несправедливым угнетением. С другой стороны, если бы и вразумляли, но не действовали страхом: то огрубевшие в устаревших привычках неохотно подвиглись бы на путь спасения. Когда же к полезному страху присоединяется спасительное наставление, чтобы не только свет истины разгонял тьму заблуждений, но и сила страха разрывала узы худого обычая, тогда, как сказал я, радуемся о спасении многих»[3].

В V веке возникли два новые лжеучения: несторианское и евтихианское. Императоры действовали и против них своими мерами, но не с прежним успехом. Причиною сего было, с одной стороны, то, что после двух православных государей, действовавших против этих еретиков, именно после Феодосия Младшего и Маркиана, восходили на престол империи три государя (Зенон, Василиск, Анастасий), которые не только уничтожили все плоды их усилий, но и употребили все старание, чтобы сделать зло неисправимым, которые давали еретикам или совершенную свободу, или даже прямо господство над православием. С другой стороны, причину малоуспешности должно искать в том, что одни из сих еретиков, именно несториане, успели найти себе

[1] n. 18.

[2] n. 2.

[3] n. 3.

убежище от строгости государей православных во враждовавшей с империею Персии, а провинции, в которых особенно многочисленны были другие, т. е. евтихиане, скоро отняты были калифами арабскими. Наконец, не должно забывать и того, что в самой Церкви православной не было тогда таких непреоборимых защитников православия, каковы были святые Афанасий, Василий, Григорий, усилия которых, предшествуя мерам государей, могли бы увенчать последние успехом.

Этим оканчиваем наше обозрение деятельности православных императоров греко-римских против еретиков. Из всего сказанного видно: **а)** что сии государи содействовать Церкви в борьбе с еретиками и раскольниками почитали одною из своих главных и существенных обязанностей; **б)** что они содействовали Церкви в сей борьбе всеми способами и с неослабною ревностию, и **в)** что своим содействием они принесли Церкви значительную пользу.

«Прибавления к Творениям Св. Отцов». 1859. Ч. 18. Кн. 1. С. 49-115.

Император Юстиниан I с архиеп. Максимианом и свитой.
Мозаика из собора Сан-Витале, Равенна. 547 г.

Георгий Владимирович Вернадский

ВИЗАНТИЙСКИЕ УЧЕНИЯ О ВЛАСТИ ЦАРЯ И ПАТРИАРХА.

I.

Восток и Запад средневековой Европы считаются классическими образцами двух противоположных систем взаимоотношения церкви и государства в теократическом понимании этих взаимоотношений: „папоцезаризма” и „цезарепапизма”.

„В обоих случаях церковь и государство нераздельны, но на Западе церковь есть государство, в то время, как на Востоке церковь есть департамент, которым управляет император”[1].

„Византийская церковь есть наиболее значительный в истории пример государственной церкви. Главою ее был император. Он рассматриваем был, как уполномоченный Бога в сфере, куда включены были так же церковный, как и светский порядокъ”[2].

Если в отношении к Западной церкви подобные взгляды вполне согласуются с той отчетливо разработанною теорией папской власти, которая господствовала в Средние Века, то этого нельзя сказать в отношений к церкви Восточной.

Представление о византийском „цезарепапизме” только лишь отчасти соответствует действительной практике взаимоотношений между церковью и государством в Византии; что же касается теории – византийских учений о соотношении власти царской и патриаршей – то в этой области дело обстояло совершенно иначе.

---

[1] J. B. Bury, The Constitution of the Later Roman Empire (Cambridge 1910), стр. 33. Резкость характеристики смягчена в новом издании большой истории того же автора (Bury, History of the later Roman Empire from the death of Theodosius I to the death of Justynian, London 1923, въ 2 томахъ, см. т. II, 350 сл.).

[2] Bury, Constitution, стр. 31-35. Во II томе первого издания большой истории Бюри (Bury, A History of the Later Roman Empire: From Arcadius to Irene, London 1889) одна из глав прямо названа «Justinians’s Caesaropapism». Соответствующая глава в новом издании истории Бюри названа просто «Ecclesiasrica Policy» (гл. XXII во II т.).

Действительно, в Византии церковь во многих случаях находилась под сильным воздействием светской власти. Бюри считает даже, что „патриарх Константинопольский был лишь министром императора по департаменту религии, и хотя обычные формы епископского избрания соблюдались, в действительности патриарх был назначаем императором”[1].

Однако, фактическую зависимость церкви от государства в Византии не надо преувеличивать. Тот же Бюри делает яркое противопоставление Византии и Петровской России. „Русский самодержец Петръ Великий уничтожил патриаршество на Москве; Римскому императору было бы невозможно уничтожить патриаршество в Константинополе или ввести какие бы то ни было серьезные изменения в устройство церкви”[2].

Фактически, в Византии бывали отдельные патриархи, совершенно не представлявшие собою чиновников императора, а наоборот, проводившие свою собственную, властную и независимую политику. Достаточно вспомнить имена патриархов Фотия[3] или Михаила Кирулария[4]. В истории Византии бывали целые эпохи, когда церковь мученичеством многих лучших своих представителей запечатлела свою способность не подчиняться велениям светской власти в вопросах совести и веры. Такова, напр., была эпоха иконоборчества. Достаточно здесь вспомнить имя преподобнаго Федора Студита[5].

Предметом настоящего рассуждения является однако не практика, а теория, анализ не фактических взаимоотношений между царем и патриархом в Византии, а тех учений об их взаимоотношениях, которые разрабатывались выдающимися мыслителями византийского общества и нашли себе ясное выражение в некоторых памятниках византийского законодательства. В этих учениях не было единства, и можно установить по крайней мерк два основных идейных направления в этой области.

Основною чертою Византийского строя является то обстоятельство, что император стоит не вне христианской церкви, но находится в тесном

---

[1] Bury, Constitution, стр. 32.

[2] Тамъ же, стр. 41.

[3] Ср. по этому поводу замечания А. П. Лебедева, История разделения церквей в IX, X и XI веках, изд. 2-е, Спб. 1905, стр. 205-206.

[4] Ср. Н. А. Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI век, Спб. 1888, стр. 374-390; Н. С. Суворов, Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии, М. 1902.

[5] См. A. Karl Schwarzlose, Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und Freiheit, Gotha 1890.

сопряжении с нею. Сопряжение это началось со времени первого римского императора, обосновавшегося в древней Византии – Константина. Известна его фраза о том, что он является „внешним епископом" христианской церкви[1].

Для всех вселенских соборов существенно то обстоятельство, что деятельность их проходила в полном единении с императорской властью. Как высшая церковная власть, император созывал вселенские соборы и утверждал их постановления. Во время заседаний собора император следил за его деятельностью и принимал в нем непосредственное участие[2].

Помимо соборов, развивается императорское законодательство по церковным делам. В этом отношении важную роль, как и для гражданского права, играет законодательство Юстиниана[3].

Далее император принимает все более живое участие в богословствовании, в выработке самих догматов православной церкви. Константин, формально даже будучи еще язычником, подыскал для первого вселенского собора решающее слово „единосущный" – ὁμοούσιος[4]. В других случаях императоры в своем богословствовании уклонялись сами в ересь, этим возбуждая церковную смуту. Император Констанций принуждал православных заменить в Никейском символе упомянутое слово „единосущный" (ὁμοούσιος) словом „подобосущный" (ὁμοιούσιος). Император Ираклий в 638 г. издал „изложение" веры (ἔκθεσις), а Констант II в 648 г. издал „образец" веры (τύπος), составленные в монофелитском духе[5].

Церковно-общественное сознание понемногу начинает мыслить императора, как руководителя не только внешних дел церкви, но и внутренних. Создается взгляд, что император есть вместе и царь и первосвященник – βασιλεὺς και ιερύς. „Внешний епископ" постепенно стремится стать „внутренним епископом", членом клира и руководителем церкви на земле. В половине V века отцы Халкидонского собора видели в императоре Маркиане посланного Богом воителя против заблуждений,

[1] Константин говорил епископам: υμείς μέν των εισω της εκκλησίας, εγώ δέ των εκτός υπό Θεού κατεσταμένος επίσκοπον αν είη. Eusebius,Vita Const. IV, 24 (ed. I. A. Heikel, Leipzig 1902, p. 126). Сам Евсевий называет Константина „общим епископом" (κοινος Επίσκοπος) – Vita. Const. I, 44 (ibid. p. 28).

[2] Н. С. Суворов, Учебник церковного права, 4-е изд. (М. 1912), стр. 40-41.

[3] Достаточно вспомнить значение новелл Юстиниана в развитии права Восточной церкви (собрание Иоанна Схоластика, ср. 42-ю главу печатной Кормчей). К сожалению, мне не была доступна работа H. S. Alivizatos, Die Kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinian I, Berlin 1913.

[4] Суворов, 1. c., 40. Eusebius, ed. I. A. Heikel, I, 172.

[5] Суворов, 1. c., 43.

собирающего рать против сатаны[1]. Несколько лет спустя папа Лев Великий писал императору Льву Макеле, что царская власть дана ему не только для управления миром, но особенно для руководства церковью[2]. Князь-христианин должен быть причисляем к сонму проповедников Христовых[3]. К VIII веку относится заявление императора Льва Исавра „Я царь и священник" (βασιλεὺς και ιερύς εἰμὶ)[4].

В предисловии к Еклоге (ок. 740 г.) Лев Исавр от имени своего и сына своего Константина высказывает мысль, что Господь Бог, вручив им царство, вместе с тем повелел им пасти верное стадо Христово по примеру Петра, главы апостолов[5].

В оправдание мысли о царе-священнике выдвигался библейский образ Мельхиседека: „Мельхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышняго – царь правды, а потом и царь Салима, то-есть царь мира" (Евр.7,1-2)[6]. Св. Максим Исповедник (VII в.) возражал тем, кто приводил пример Мельхиседека для доказательства учения о священническом характере царского сана[7].

Образ Мельхиседека не покрывал однако вполне фигуры царя-

---

[1] См. Allocutio sancti et universalis Chalcedonensis Concilii ad Marcianum piissimum et amatorem Christi Imperatorem. Harduin, II, 643-644; Mansi, VII, 455-456.

[2] Debes, incunctanter advertere regiam potestatem tibi non solum ad mundi regimen, sed maxime ad ecclesiæ presidium esse collatam. Изъ письма Льва отъ 1 дек. 457 (459?) г. Harduin, II, 702; Mansi, VI, 325.

[3] Inter Christi praedicatores digno honore numerandum. Ibid.

[4] Об этом упоминается в письме папы Григория II Льву Исавру – Mansi, XII, 975-D. D. L. Duchesne, Liber potificalis 1886, I, 413-414, доказывает, что письмо, приписываемое папе Григорию II, на самом деле составлено в Константинополе. Это однако не опровергает подлинности самого заявления императора Льва Исавра, о котором в Констатинополе должно было быть хорошо известно.

[5] Βασιλεύς και ιερεύς ειμί», έγραψε ο Λέων Ίσαυρος στον Πάπα και ισχυρίστηκε ότι ο Θεός «το κράτος της βασιλείας εγχειρίσας ημίν ηυδόκησε, κατά Πέτρον την κορυφαιοτάτην των αποστόλων ακρότητα ποιμένειν ημάς εκέλευσε το πιστότατον ποίμνιον… Ecl. prooem. (Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, ed. K. E. Zachariae von Lingenthal, Lipsiae 1852, p. 10). Славянский перевод: Понéже оубо державу црьствїѧ поручивъ нáмъ, якоже изволи: показáнїе сѐ сóстрахомъ кнемоу, возлюблѐнія нáшего сотворѝ, по петроу верхóвнаго апостола старѣйшинству, пáсти нáмъ повелѣ вѣрное стадо. (Печатная Кормчая, гл. 50, введ.).

[6] Ср. Быт. 14, 18. Сопоставленbе данных Ветхого и Нового Завета см. в хронике Георгия Монаха (Амартола): Georgii Monachi chronikon, ed. C. De Boor, vol. 1 (Lipsae 1904), 100-101. Хроника Георгия Амартола написана в средине IX в.

[7] S. Maximi, Opera, ed. Fr. Combefis (Parisiis 1675), I. p. XXXIII-XXXIV.

священника, как она начала очерчиваться в общественном сознании Византии. За ним проступает другой образ – образ языческого римского императора, Pontifex maximus.

Римские императоры еще около пятидесяти лет после Константина продолжали носить титул pontifex maximus. Лишь в 375 г. император Гратиан отказался от этого титула[1]. Римский император, Pontifex Maximus, Divus, был как известно предметом поклонения. Культ императора развился в целую систему[2]. Отказ участвовать в этом культе был главным поводом гонений на христиан. Тем не менее, когда империя стала христианской, культ императора исчез не вполне, и не сразу.

Одинаково во второй половине IV в. и во второй половине V в. византийские императоры говорят о почитании императорской порфиры или прямо императорской „божественности”[3].

Во времена иконоборчества, когда запрещены были иконы Христа, Богоматери и святых, изображения императоров продолжали служить предметом почитания[4].

Французский византиновед Брейе сделал попытку вывести из этих данных, а также из Придворного Устава, целую „монархическую религию”, существующую наперекор религии христианской и, во всяком случае, наряду с нею отдельно от нее. В этой религии Брейе видит остатки императорского римского культа и удивляется, что религия эта не вызывала против себя никакого противодействия, даже со стороны Студитов во время иконоборчества[5].

Многие отдельные факты Брейе подметил правильно, только имеют эти факты часто иной смысл; система же, которую пытается построит Брейе, слишком искусственна.

Брейе приводит, например, такой список праздников предполагаемой

---

[1] P. Willems, Droit public Romain, 4ème éd. (Louvain 1880), 551.

[2] Le culte impérial, son histoire et son organisation depuis Auguste jusqu' à Justinien par l'abbé E. Beurlier, Paris 1891.

[3] См. законы Валентиниана и Валенга, а также Феодосия, I, 364-387 г. г. („… sacram purpuram adorare”; „… nostras purpuras adoravit” – Cod. Theod. VI, 24, 3-4; VII, 1, 70. Императоры Лев и Зинон (вторая половина V в.) в правилах о выслуге офицеров гвардии (схол) говорят о почитании императорской „божественности” („… adorata nostrae divinitatis purpura…”) – Cod. Just. XII, 29, 2.

[4] E. Beurlier, Les vestiges du culte impèrial à Byzance et la querelle des iconoclastes (Congrés Scientifique des Catholiques, 1891, Paris, Sections 1-2), p. 172.

[5] Les survivances du culte impérial à Byzance в брошюре L. Bréhieret P. Batiffol, Les survivances du culte impérial romain (A propos des rites shintoïstes. Paris 1920, см. особ. стр. 73.

монархической религии: 1) понедельник первой седмицы Великого поста (проповедь императора о посте); 2) Вербное Воскресенье (раздача крестов); 3) Св. Пасха (царское лобызание); 4) праздник 1 мая; 5) освящение Новой Церкви; 6) 11 мая – основание Города (Константинополя); 7) 21 мая – свв. Константин и Елена; 8) 20 июля – праздник пророка Илии; 9) 1 авг. процессия с частицами честного Креста; 10) 6 или 15 августа – праздник сбора винограда (fête des vendanges) „пережиток вакхических культов"; 11) Врумалии – в ноябре[1]. Легко убедиться, что весь этот список праздников не относится собственно к „монархической религии". Почти все это просто христианские праздники, за исключением некоторых языческих (врумалии или основание города), в которых однако нет ничего специально монархического.

Брейе не прав, когда он пытается открыть в Византии какую-то систему „монархической религии", отличной от религии христианской[2]. Верно, конечно то замечание, что император укладывался в общую религиозную систему Византии. Императорский сан был особою формою церковнослужения, и все чины императорского двора в Византии не просто служили, а священнодействовали.

Грандиозным памятником этого факта, своего рода служебником или требником византийского императорского двора был Придворный Устав Константина Багрянородного.

Вся официальная жизнь византийского царя представляла собою особый и добавочный вид священнослужения.

***

Как бы то ни было, с течением времени, в сознании византийского общества все отчетливее стала пробиваться мысль, что царь стоит во главе не только светской, но и церковной жизни.

В XII в. эта точка зрения была резко формулирована знаменитым византийскимъ канонистом Вальсамоном. Вальсамон высказал мысль, что

[1] Bréhieret-Batiffol, p. 54-55.

[2] Брейе упрекает Бёрлие за то, что он недостаточно развил свои мысли об остатках императорского культа в Византии, но в сущности Бёрлие именнно остановился там, где надо, куда доводят факты, Брейе же пытается насильственно истолковать факты в желательном ему духе. Взгляды Брейе проистекли из основного его положения – о несовместности императорской власти с христианством. «Logiquement, Constantin eût dû abdiquer, l'institution impériale et ses bases juridiques étant incompatibles avec le christianisme, un même homme ne pouvant à la fois être adore comme un dieu, légiférer sur la religion et obéir à l'Église. La contradiction était tellement flagrante, que même après sa conversion au christianisme en 312, Constantin resta catéchumène et ne se fit baptiser qu'à la veille de sa mort (mai 337)» (Bréhieret-Batiffol, p. 35-36).

„царь не подлежит ни законам, ни канонам”[1].

Византийскими канонистами создана была даже особая теория об основаниях для такого положения царя в церкви. Именно, основанием для этого признано было помазание царя на царство (χρῖσμα).

Первое упоминание о помазании при венчании царя находится в письме патриарха Фотия к царю Василию Македонянину (867-886). Фотий напомнил однажды царю Василию, что он стал царем благодаря помазанию (χρῖσμα) и возложению на него рук патриарха (χειροθεσια)[2]. Придворный Устав Константина Багрянородного не говорит о помазании при описании венчания византийского царя (De Cer., lib. I, cap. XXXVIII)[3].

Следующий по времени известный случай царского помазания в Византии относится к воцарению Иоанна Цимисхия (969 г.). Вальсамон в толковании на 12-е правило Анкирского собора рассказывает о воцарении Цимисхия: „Оный святейший патриарх Кир Полиевкт сперва выгнал из священной ограды святейшей Божьей Великой церкви царя Иоанна Цимисхия, как убийцу царя Никифора Фоки, потом же приял. Ибо, сказал он вместе со святым синодом... что как помазание святого Крещения стирает ранее бывшие прегрешения, каковы бы они ни были, так и помазание царства стерло ранее совершенное Цимисхием убийство”[4].

Вальсамон делает из всего этого такой вывод: „Итак заметь, что рукоположение архиереев и помазание царей стирают прегрешения (совершенные) до рукоположения и помазания, каковы бы они ни были”[5].

II.

Учение о том, что царь является главою не только светской

---

[1] Καὶ προστιθέασιν ὡς ὁ βασιλεύς οὔτε νόμοις οὔτε κονόσιν ὑπόκειται (Balsamon in can. XVI. Conc. Carthag., Migne PG, 138, 93-B.

[2] Migne PG, 102, 765. W. Sickel, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert, Byzantinische Zeitschrift. VII (1898), стр. 524 и примечаніе 80. Работа R. Poupardin, L'onction impériale (Moyen Age, t. IX, 1905), мне к сожалению недоступна. Сомненія J. Ebersolt’а см. Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines, Paris, 1917, p. 22-23.

[3] Ebersolt считает, что определенно говорить о помазании в точном смысле слова можно лишь по отношению к XIII-XIV в. в. (Ebersolt, l. c., 23)

[4] Migne PG, 137, 1156-B. Патриарх Полиевкт основывался при этом именно на 12-м правиле Анкирского собора: Τοὺς πρὸ τοῦ βαπτίσματος τεθυκότας, καὶ μετὰ ταῦτα βαπτισθέντας, ἔδοξεν εἰς τάξιν προάγεσθαι, ὡς ἀπολουσαμένους. В передаче нашей печатной Кормчей: Пре́жде святагѡ креще́нїѧ поѫе́ръ идолом, не повиненъ по креще́нїи. (Печ. Кормч, гл. 6-я, ві\).

[5] Migne PG, 137, 1157-B.

государственной власти, но также и главою церковной власти не являлось однако единственным или хотя бы во все периоды византийской истории господствующим учением византийской церковно-государственной мысли.

Учение это рано начало встречать против себя большие возражения. В конце IV в. (386 г.) св. Амвросий Медиоланский в проповеди против Авксентия сказал, что „император внутри церкви, а не над церковью; хороший император ищет помощи церкви, а не отвергает ее”[1].

Около того же времени (388 г.) св. Иоанн Златоуст говорил в проповеди на слова пророка Исаии о видении его в год смерти нечестивого царя Осии (Ис.6,1): „Священство есть власть более почетная и великая, чем самое царство[2]. Не говори мне о багрянице, ни о диадиме, ни о золотых плащах. Все это тени, скоропреходящее весенних цветов. **Всякая слава человеческая цветок полевой**” (Ис.40,6)[3].

В VII в. преп. Максим Исповедник говорил: „Если ты скажешь: Разве каждый христианский царь не есть священник? – то я утверждаю: нет. Ибо он не предстоит пред жертвенником, не подымает артоса по благословении его, не говорит Святая Святым, не елеосвящает, не рукополагает и не поставляет во епископы, пресвитеры и диаконы; он также не освящает храмов, не носит символов священства – омофора и евангелия, но символы царства – венец и диадиму”[4].

***

Существенным при рассмотрении пределов церковной власти византийского императора является вопрос о прямых отношениях царя к храму и обязанностях его, как священнослужителя. Несомненно, что Византийский царь не только следил за общим ходом церковной политики и не только священнодействовал самым своим саном, но принимал некоторое участие прямо в церковном богослужении.

Начать с того, что царь в Византии определяет часто состав входящих в церковную службу песнопений, а иногда и сам является автором таких песнопений. Феодосий II и Пульхерbя издают указ о повсеместном

[1] Migne PL, 16, 1018.

[2] Ιερωσύνη γὰρ καὶ αὐτῆς τῆς βασιλείας δεμνότερα καὶ ἐστὶν ἀρχή.

[3] Из пятой проповеди св. Иоанна Златоуста об Осии. Migne PG, 56, 130. Ср. L. Allatii, De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione (Colonie Agrippinae, 1648), p. 223. – Осия был поражен проказою, когда вошел в храм с намерением кадить Господу вместо первосвященника (2 Пар., 26, 16-21).

[4] S. Maximi, Opera, ed. Fr. Combefis, I, p. XXXIII.

употреблении трисвятой песни „Св. Боже, Св. Крепкий" и пр. Юстиниан был сам автором церковного гимна, вошедшего во всеобщее употребление восточной церкви („Единородный Сыне и Слове Божий")[1].

Во время церковной службы царь имел право входа в алтарь, куда в Византии миряне не могли входить. Об этом говорит 69 канон Трулльского собора (692 г.)[2]. Первые христианские императоры стояли в алтаре в продолжение всей литургии. Такой порядок изменился в конце IV в. после столкновения императора Феодосия Великого с Амвросием, епископом Медиоланским. Позже Византийский царь стоял литургию в особом помещении близ алтаря, входящем в состав особого царского „раздевального покоя" – Мутатория или Митатория[3].

Такие особые царские покои близ алтаря устраивались в Византии в тех храмах, где царь постоянно стоял литургию. Эти покои представляли собою разные отделения, из которых в одних цари молились, в других отдыхали и переодевались, в третьих завтракали после службы и пр[4].

Далее, царь принимал некоторое участие в совершении самой церковной службы. Придворный Устав Константина Багрянородного неоднократно, желая сказать о том, где царь стоит до конца литургии, употребляет выражение, что царь „довершает" литургию (τελεῖ τὴν λειτουργίαν)[5]. Однако, действия царя при совершении литургии очень незначительны. Когда приближалось время перенесения св. Даров с жертвенника на престол, царь облачался в хламиду и шел за амвон. В ожидании царя между амвоном и царскими вратами стояла большая свеча, которую царь должен был во время великого входа нести перед св. Дарами до св. врат алтаря. Иногда также царь

---

[1] Суворов, 1. c., 42.

[2] Μὴ ἐξέστω τινὶ τῶν ἁπάντων ἐν λαϊκοῖς τελοῦντι, ἔνδον ἱεροῦ εἰσιέναι θυσιαστηρίου· μηδαμῶς ἐπὶ τοῦτο τῆς βασιλικῆς εἰργομένης ἐξουσίας καὶ αὐθεντίας, ἡνίκα ἂν βουληθείη προσάξαι δῶρα τῷ πλάσαντι, κατά τινα ἀρχαιοτάτην παράδοσιν. Migne PG, 137, 752. Славянскій переводъ: То́кмо царь еди́нъ, ин҃ же никто́ же ѿ мирски́хъ человекъ, во ѡ҃чистилище да вни́детъ. Толкова́нїе. Не досто́итъ никомуже ѿ всѣхъ мирстѣмъ житїи живоу́щихъ, вноу́трь священного алтаꙗ входи́ти: то́кмо же сѐ, ника́ко же не возбране́но есть, царстѣй вла́сти и господству, ѥ҃гда хо́щетъ принести да́ръ созда́вшему его Богу, по нѣкоему преда́нїю дре́внихъ оц҃ъ. (Печ. Кормч, гл. 16, правило 69).

[3] Д. Ф. Беляев, Byzantina, кн. II (Записки Императорского Русского Археологического Общества, нов. сер. т. VI, Спб. 1892-93), 163.

[4] Беляев, ibid. 163-164.

[5] Греческий глагол τελεῖν имеет смысл и „доканчивать" и „совершать" или „довершать" (также посвящать – в мистерии). Ср. Am. Gasquet, De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance (Clermont-Ferrand 1879), 58.

нес свечу на малом входе перед евангелием[1]. Неся эту свечу, царь исполнял обязанность т. наз. „депутата", одного из церковнослужителей, который обычно носил свечу на большом и малом входе, а также расчищал путь пред архиереем на улице[2]. Помимо „депутата" император числился также „екдиком" или „дефензором" церкви[3]. Все это вводило царя как бы в круг церковнослужителей и выделяло его из простых мирян[4]. Все это однако само по себе было совершенно недостаточно для того, чтобы сравнять положение царя не только с епископом или священником, но даже и с диаконом[5].

Димитрий Хоматин, признающий императора „всеобщим блюстителем церквей", и ставящий его наравне с епископами, не может все-таки отрицать богослужебного бессилия царя. „Императору предоставлены все епископские привиллегии, за единственным исключением – совершать богослужение"[6].

***

Такимъ образом, в византийской мысли построение отношений между церковью и государством, царем и архиереем, шло разными путями.

Один ряд мыслей – наделение царя привиллегиями священства. Этот путь приводил в тупик, т. к. нельзя было не сознавать, что собственно в богослужении царь играл очень ограниченную роль.

Другой ряд мыслей – ограничение церковной роли царя, хотя и признание связи царя с церковью. Этот путь приводил к установлению известного параллелизма царской и первосвященнической власти, царства (βασιλεία) и священства (ιεροσύνη). Такой параллелизм нашел себе отчетливое выражение в нескольких памятниках византийского законодательства. Прежде всего здесь надо упомянуть VI новеллу Юстиниана. Предисловие к этой

---

[1] Беляев, Byzantina, II, 164-165.

[2] Беляев, ibid. 165, прим. 1.

[3] Беляев, ibidem. Папа Лев Великий писал императору Феодосию (в 449 г.): Defendite contra hereticos inconcussum Ecclesiae statum, ut et vestrum Christi dextera defendatur Imperium (Harduin, II, 25-26; 29-30; Mansi, VI, 13-14; 19). Канонист начала XIII в. Димитрий Хоматин называет царя „блюстителем церквей": κοινὸς τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιστήμονάρχης. Г. Ράλλης και М. Потлής, Σύνταγμα των Θείων και Ιερών Κανόνων, V (1854), 429. О значении термина ἐπιστήμονάρχης: ср. Суворов 1. c., 467.

[4] Впрочем, даже Вальсамон называет царя „мирянином" (в толковании на 69 канон Трулльского собора), но затем сейчас же наделяет царя высшими дарами (чрез помазание), сопоставляя его с архиереем.

[5] Есть известие о том, что византийский царь считался диаконом церкви, но оно сомнительно. Gasquet, l. c., 52.

[6] Г. Ράλλης και М. Потлής, V, 429.

новелле говорит: „Величайшие даны людям от вышнего человеколюбия Божии дары – священство и царство, одно управляет божественными [делами], другое начальствует и заботится о человеческих [делах], и каждое из двух происходит от одного и того же начала и украшает человеческую жизнь; ничто так не полезно царям, как честь иереев, которые всегда за них (царей) молят Бога. Ибо когда одно (= священство) совершенно безупречно и имеет дерзание к Богу, тогда и другое (= царство) прямо и должным образом украшает свое государство. Доброе согласие [обоих начал] доставляет всяческую пользу людям”[1].

Но наиболее ярко разработаны этого рода идеи в памятнике конца IX в. – т. наз. Епанагоге[2].

II титул Епанагоги говорит „о царе", III – „о патриархе”[3]. Постановления этих титулов могут быть распределены следующим образом.

а) Общее определение власти царя и патриарха.

Согласно 1-й главе II титула царь это „правовая власть, общее благо для всех подданных. Царь не подвергает кого-либо наказанию по антипатии к нему и не делает добра по пристрастию, но дает награды беспристрастно, подобно судьям в борьбе”[4].

---

[1] Nov. VI pr.: Μέγιστα εν ανθρώποις εστί δώρα θεού παρά της άνωθεν δεδομένα φιλανθρωπίας – **ἱερωσύνη** τε και **βασιλεία** и т. д. Это предисловие включено и в сборниках Иоанна Схоластика. Старословянский перевод: Велии в человецех соуть дари Божии съвъше данааго человеколюбия: священниѥ же и царство, ово убо божественнымъ слоужа, ово же человеческъими овладая и прилежаще ѥ, и, от ѥдинаго и того же начала обоѥ происходя, человеческоѥ украшаѥта житиѥ, яко аще тако боудеть тъщаньно царем, яко же священынъ чистота или о нихъ онѣмъ присно Бога молѧть. Аще убо непорочьна боудеть въсьде и къ Богу имать дерзновениѥ, аще право и подобьно украшаѥть прѣданоѥ ѥмоу житиѥ, боудеть съвѣщаниѥ нѣкако, все ѥже добро человеческому подая роду. Собрание Иоанна Схоластика, № – по списку Ефремовской Кормчей XI в. (И. И. Срезневский, Обозрение древних русских списков Кормчей книги, Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 65 [СПб. 1899], стр. 67. Ср. печатн. Кормч., гл. 42-я, №.

[2] Напечатана в издании K. E. Zachariae von Lingenthal, Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, Lipsiae 1852. Более поздняя редакция Епанагоги, т. наз. Epanagoge aucta нап. тем же Цахариэ в издании Jus Graeco-Romanum, pars IV, Lipsiae 1865.

[3] В расширенной Епанагоге (Epan. aucta) царю посвящены титул – I, а патриарху – II.

[4] Τίτλος Β΄. Περί Βασιλέως. Κεφ. α’. Βασιλεύς ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία, κοινόν ἀγαθόν πᾶσι πᾶσι τοῖς ὑπηκόοις, μήτε κατά ἀντιπάθειαν τιμωρῶν, μήτε κατά προσπάθειαν ἀγαθοποιῶν, ἀλλ' ἀνάλογός τις ἀγωνοθέτης τά βραβεῖα παρεχόμενος. В славянском переводе XIV века: Царь есть закон’ноѥ представител’ство, об’щте благо въсѣмъ послоушникомъ; ни же ꙁа соупротивострастїе моучне, нь противь когожде добродѣтели обладаѥмыихъ, якоже нѣкы не

Начало этой главы заимствовано очевидно из проповеди св. Василия Великого на притчи Соломоновы. Говоря о мудрой справедливости царя Соломона, св. Василий высказывает мысль о том, что „**царство есть правовая власть**”[1]. Далее, тем же Василием Великим выражена мысль и о благе подданных, как основном назначении царя. „Тем отличается тиранн от царя” – говорит св. Василий – „что тиранн всячески стремится к своей собственной выгоде, **царь же доставляет пользу управляемым**”[2].

Согласно 1-й главе III титула Епанагоги „патриарх есть живой и одушевленный образ Христов, словом и делом свидетельствующий истину”[3].

б) Основная задача царя и патриарха.

Согласно 2-й главе II титула Епанагоги „Задача царя – охрана и обеспечение существующих сил [народных] добрым управлением, восстановление поврежденных сил бдительною заботою, и приобретение новых сил мудростью и справедливыми путями и действиями[4].

подвигоположникь, почьсти равно подаѥ… Матије Властара Синтагмат, изд. Стојана Новаковићѣ – Српска краљевска академија, Зборник за историју, језик и књижевност српскога народа, прво одељење, књига IV, Београд 1907, стр. 127. ***Ред.:*** см. русский перевод: Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленное и обработанное смиреннейшим иеромонахом Матфеем, или Алфавитная Синтагма. М. Властаря, перевод с греческого свящ. Н. Ильинского, Симферополь 1892. С. 66-67.

[1] Βασιλεία ἐστὶν ἔννομος ἐπιστασία. См. 12-ю омилию св. Василия „Εἰς τὴν αρχήν τῶν Παροιμιῶν” (Migne PG, 31, 389-B). Эта формулировка принята св. Максимом Исповедником в его слове „о начальстве и власти” (S. Maximi, Opera, ed. Fr. Combefis, II, 558). Составитель Епанагоги мог заимствовать эту формулировку и через посредство Максима Исповедника и прямо от Василия Великого.

[2] Τοῦτο γὰρ διαφέρει τύραννος βασιλέως, ὅτι ὁ μὲν τὸ ἑαυτοῦ πανταχόθεν σκοπεῖ, ὁ δὲ τὸ τοῖς ἀρχομένοις ὠφέλιμον ἐκπορίζει (Migne PG, 31, 389-B). Ср. то же у Максима Исповедника (S. Maximi, Opera, l. c.).

[3] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ. α’. Πατριάρχης ἐστίν εἰκών ζῶσα Χριστοῦ καί ἔμψυχος, δι' ἔργων καί λόγων χαρακτηρίζουσα τήν ἀλήθειαν. Славянский перевод: Патріарх ѥсть образь живь Христовь, и одушевлень дѣлеси и словеси вь себѣ живописуѥ истиноу (Властарь 1. с. стр. 453). Это определение дословно приводит в XVII в. патриархъ Никон в своих ответах С. Стрешневу и Паисию Лигариду (см. Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II [1912], стр. 183; источника взглядов Никона Каптерев не называет). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 339.

[4] Τίτλος Β΄. Περί Βασιλέως. Κεφ. β’. Σκοπός τῷ βασιλεῖ τῶν τε ὄντων καί ὑπαρχόντων δυνάμενων δι' ἀγαθότητος ἡ φυλακή καί ἀσφάλεια, καί τῶν ἀπολωλότων δι' ἀγρύπνου ἐπιμελείας ἡ ἀνάληψις, καί τῶν ἀπόντων διά σοφίας καί δικαίων τροπαίων καί ἐπιτηδεύσεων ἡ ἀνάκτησις. Славянскій переводъ: Мысль ѥсть цароу прѣбываюштихь же и соуштихь силь благостїю

Согласно 2-й главе III титула „Задача патриарха во-первых та, чтобы тех людей, которых он принял от Бога, охранять в благочестии и чистоте жизни, а потом он должен всех еретиков по возможности обращать к православию и единству церкви (а еретиками в законах и канонах называются те, которые не находятся в общении с соборною церковью), а еще приводит к перениманию веры неверных, поражая их блеском и славностью и чудом своего служения[1].

в) *Цель царя и патриарха.*

Глава 3-я II титула: „Цель царя – благодетельствовать, почему он и называется благодетелем. И когда он отложит благодетельствование, кажется, что он извратит смысл понятия царь сравнительно с древними учениями”[2].

Глава 3-я III титула: „Цель патриарха – спасение вверенных ему душ; патриарх должен жить о Христе и распяться для мира”[3].

г) Свойства царя н патриарха.

Глава 5-я II титула: „Царь должен быть отличнейшим в православии и

храненїе и оутврьжденїе и погыб’шїихь вьдростнымъ прилежанїемь вьсприютнѭ, и не имѣюмыихь прѣмоудростїю и праведными н’равы и хитростьми притежанїе. (Бластарь. 1. с., стр. 127). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 67.

[1] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ β’. Σκοπός τω Πατριάρχη πρώτον μεν, ους εκ Θεού παρέλαβεν ευσεβεία και σεμνότητι βίου διαφυλάξαι, έπειτα δε, και πάντας τους αιρετικούς κατά το δυνατόν αυτώ προς την ορθοδοξίαν και την ένωσιν της Εκκλησίας επιστρέψαι, έτι δε και τους απίστους δια της λαμπράς και περιφανεστάτης και θαυμασίας αυτού πράξεως εκπλήττων μιμητάς ποιήσαι της πίστεως. Славянский перевод: Блюденїе патриархоу, Перьвѣе оубо, ихьже оть Бога приють во благочьсти и чистотѣ житїя сьхранити; по томъ же и все еретикы, по еликоу моштно тому кь православїю и съюдиненїю црьковному обратити; еретици же ѕакони и правили нарицають се, и иже сьборнѣй не приобштлющтен се цьркви; еште же и невѣрныѭ, свѣтлымь и чоуднымь юго дѣянїемь оудивляѭ, подражателѭ сьтворити вѣрѣ, и ѕрештихь дѣла, юго слоужителѭ прѣсветѣй и единослоушт’внѣи троици елико по нюмь сьдѣлати. (там же, стр. 453-454). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 339-340.

[2] Τίτλος Β΄. Περί Βασιλέως. Κεφ. γ’. Τέλος τῷ βασιλεῖ τὸ εὐεργετεῖν, διὸ καὶ εὐεργέτης λέγεται, καὶ ἡνίκα τῆς εὐεργεσίας ἐξατονήσῃ, δοκεῖ κιβδηλεύειν κατὰ τοῖς παλαιοὺς τὸν βασιλικὸν χαρακτῆρα. Славянский перевод: Кон’ць цароу юже благодѣати; темъ же благодѣанїя изнеможеть, мнить се погоубывша по древныихь царскоѭ начьртанїе. (там же, стр. 128). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 67.

[3] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ. γ’. Τέλος τῷ πατριάρχη ἡ τῶν καταπεπιστευμένων αὐτῷ ψυχῶν σωτηρία, καί τό ζῆν μέν Χριστῷ, ἐσταυρῶσθαι δέ τῷ κόσμῳ. Славянский перевод: Коньць патрїархоу, юже вьвѣренныихь томоу доушь спасенїе и юже жити оубо о Христѣ, распети же се мирови. (там же, стр. 454). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 340.

благочестии и прославленным в божественнном усердии, сведущим в догматах о св.Троице и в определениях о спасении через воплощение Господа нашего Иисуса Христа”[1].

Глава 4-я Ш титула: „Патриарху же особенно свойственно быть учительным и равно относиться без ограничений к высоким и низким, и мягким быть в правосудии, искусным на обличение неверных, а о правде и защите догматов говорить пред лицом царя и не смущаться”[2].

д) Отношение царя н патриарха к законам н канонам.

Глава 4-я 11 титула: „Царь имеет защищать и подкреплять во-первых все написанное в Божественном писании, потом также все догматы, установленные семью святыми соборами; а также избранные римские законы”[3].

Этому соответствуют главы 5-я и б-я III титула:

5. „Патриарх один только должен толковать правила древних (патриархов) и определения святых отцов и положения святых синодов”[4].

6. „Содеянное и устроенное древними отцами в соборах и епархиях,

---

[1] Τίτλος Β΄. Περί Βασιλέως. Κεφ. ε’. Ἐπισημότατος ἐν ὀρθοδοξίᾳ καὶ εὐσεβείᾳ ὀφείλει εἶναι ὁ βασιλεύς, καὶ ἐν ζήλῳ θείῳ διαβόητος, ἔν τε τοῖς ὑπὲρ τῆς τριάδος δογματισθεῖσιν ἔν τε τοῖς ὑπὲρ τῆς οἰκονομίας λαμπρότατα καὶ ἀσφαλέστατα διὰ τὴν κατὰ σάρκα οἰκονομίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ὁρισθεῖσιν. У Властаря есть только начало этой главы: Нарочить вь православыи и благочестїи дль’жнь ѥсть вяти царь, и въ рьвенїи Божїи прослоуть. (там же, стр. 128). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 67.

[2] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ. δ΄. Ἴδια πατριάρχου τό εἶναι διδακτικόν, τό πρός πάντας ὑψηλούς τε καί ταπεινούς ἀστεναχωρήτως ἐξισοῦσθαι, καί πρᾶον μέν εἶναι ἐν δικαιοσύνῃ, ἐλεγκτικόν δέ πρός τούς ἀπειθοῦντας, ὑπέρ δέ τῆς ἀληθείας καί τῆς ἐκδικήσεως τῶν δογμάτων λαλεῖν ἐνώπιον βασιλέως καί μή αἰσχύνεσθαι. Славянский перевод: Особная патрїархоу, еже быти учителноу, еже ко в’сѣмъ высокымъ же и смирѣнымь нетѣсномѣстнѣ изровняти се и крот’коу оубо быти къ вс’ѣьм пристоупающимь ѥмоу и сьбесѣдоуюштимь оученими; обличител’ноу же кь непокоряюштимь се, о истиннѣ же и о отмьштени прѣданїи и соблюденїи правды и благочьстїя глаголати прѣдь цари и не стидѣти се. (там же, стр. 454). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 340.

[3] Τίτλος Β΄. Περί Βασιλέως. Κεφ. δ΄. Ὑπόκειται ἐκδικεῖν καί διατηρεῖν ὁ βασιλεύς πρῶτον μέν πάντα τά ἐν τῇ θείᾳ Γραφῇ γεγραμμένα, ἔπειτα δέ καί τά παρά τῶν ἑπτά ἁγίων Συνόδων δογματισθέντα, ἔτι δέ καί τούς ἐγκεκριμένους ρωμαϊκούς νόμους. Этой главы в Синтагме Властаря нет.

[4] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ. ε΄. Τά παρά τῶν παλαιῶν κανονισθέντα καί παρά τῶν ἁγίων Πατέρων ὁρισθέντα καί παρά τῶν ἁγίων Συνόδων ἐκτεθέντα τόν Πατριάρχην μόνον δεῖ ἑρμηνεύειν. Этой главы, как и последующей в Синтагме Властаря нет.

особенно и соборне, патриарх должен лечить, пользовать и очищать”[1].

Общее заключение Епанагоги о природе государства и о власти царской и патриаршей находится в 8-й главе III титула.

Вот эта глава: „Государство составляется из частей и членов, подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части – царь и патриарх. Поэтому единомыслие во всем и согласие царства и священства (составляет) душевный и телесный мир и благоденствие поданных”[2].

Таким образом, согласно учению Епанагоги, государство (πολιτεία) неразрывно связано с церковью. **Человеческое общество охватывается одною общею организациею – церковно государственною; человеческое общество есть как бы одно тело с двумя главами – Царем и Патриархом**”[3].

Учение Епанагоги представляет т. о. совершенно иной строй мыслей, чем учение Вальсамона о над-церковном положении царя.

Епанагога возникла в знаменательное время византийской церковно-государственной жизни – во второе патриаршество Фотия, приблизительно в то же время, когда появился в новой редакции и номоканон XIV титулов (883 г.)[4]. Патриарх Фотий и был вероятным автором титулов Епанагоги о Царе и Патриархе[5].

***

В соответствии со взглядами на параллелизм власти царя и патриарха находилось до некоторой степени и византийское облачение царское и патриаршее.

---

[1] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ. στ΄. Τά παρά τῶν ἀρχαίων Πατέρων ἐν Συνόδοις ἤ ἐν ἐπαρχίαις ἰδικῶς καί καθολικῶς πραχθέντα καί οἰκονομηθέντα τόν Πατριάρχην δεῖ διαιτᾶν καί διακρίνειν.

[2] Τίτλος Γ΄. Περί Πατριάρχου. Κεφ. η΄. Τῆς Πολιτείας ἐκ μερῶν καί μορίων ἀναλόγων τῷ ἀνθρώπῳ συνισταμένης, τά μέγιστα καί ἀναγκαιότατα μέρη Βασιλεύς ἐστι καί Πατριάρχης· διό καί ἡ κατά ψυχήν καί σῶμα τῶν ὑπηκόων εἰρήνη καί εὐδαιμονία βασιλείας ἐστί καί ἀρχιερωσύνης ἐν πᾶσιν ὁμοφροσύνη καί συμφωνία. Славянский перевод: Жительствоу оть частен [sic, вм. частеи] и оудовь, подобнѣ чловѣкоу по нѥмоу сьставляѥмоу, великьиѥ и поноуждньйшеѥ чести [sic, вм. части] царь ѥсть и патрїархь; тѣмже и ѥже по доуши и по тѣлоу мирь и благодьнство послоушнивь царствїя ѥсть архїеренства вь в’семь ѥдиномыслиѥ и сьгласїе. (там же, стр. 454). ***Ред.:*** см. русский перевод: Алфавитная Синтагма. 1892. С. 430.

[3] Царь и Патріарх имеют при этом вселенское значение. См. В. В. Сокольский, О характере и значении Эпанагоги (Византийский временник. I [1894], стр. 38-39).

[4] О том, что Епанагога была официальным памятником византийского законодательства, а не частным сборником ср. Сокольский, 1. с. 18-27.

[5] См. Сокольский, 1. с. 34-36. Ср. также K. E. Zachariae von Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts³, 22.

Хотя, как было упомянуто, в VII в. Максим Исповедник находил коренные отличия в облачении царя и священника, однако для позднейшего времени с этим трудно согласиться, и в облачении царя и патриарха можно видеть большое сходство.

Характерными отличиями парадного облачения византийского царя являются: *а)* **дивитисий** (которому в западной римской империи соответствует **далматика**) — длинная одежда с широкими рукавами в виде широкого мешка, облекавшего тело, (одежда эта одевалась через голову); далее *б)* **лор**, узкий плат, обвивавшийся несколько раз вокруг тела; конец лора перекидывался черезъ левую руку; *в)* на ногах – **пурпурные башмаки** (ἀληθινά ὑποδὴματα); *г)* на главе – **венец** или **корона**[1].

Из этих четырех элементов первые два были и в составе византийского патриаршего облачения; один элемент появился в этом облачении только в турецкую эпоху; одного элемента византийский патриарх домогался безрезультатно.

Именно *а)* царскому **дивитисию** соответствовал патриарший **саккос** – такое же широкорукавное одеяние в виде мешка[2]. Саккос, с XVIII века составивший принадлежность обычного архиерейского облачения (по крайней мере, в России), в древнее время был принадлежностью только патриархов и некоторых митрополитов (автокефальных архиепископов). В Византии саккос употреблялся лишь в очень большие праздники[3].

Далее, *б)* царскому **лору** соответствовал патриарший **омофор**[4].

Относительно в) **пурпурных башмаков**, известно, что этого царского отличия в XI в. добивался патриарх Михаил Кируларий. Юридическим основанием этого требования для Кирулария была т. наз. Константинова грамота (подложная) или Константиново дарение (Donatio Constantini). Константинова грамота, составленная вероятно в IX веке, стала повидимому известна в Византии именно в XI веке, а в XII в. Вальсамон включил уже ее в

[1] Разных типов: более парадная – στέμμα с крестом наверху; менее парадная, без креста – στέφανος.

[2] Σάκκος и значит мешок по-гречески.

[3] По свидетельству Димитрія Хоматина (первая полов. XШ в.) только на Пасху, Пятидесятницу и Рождество – Г. Ράλλης και М. Ποτλής, V, 430.

[4] Ср. Беляев, Byzantina, кн. II, 290-291. И. Д. Мансветов, Омофор (Древности Труды Моск. Археол. Общ. III, (М. 1873), стр. 152.

свои толкования на номоканон Фотия[1]. Согласно Константиновой грамоте, папа получал от царя право носить все царские отличия. Т. к. в Византийском сознании утвердилась теория, что все права и преимущества старого Рима перешли на новый Рим, т. е. с римского папы на византийского патриарха, то Константинова грамота сделалась основанием и для византийского патриарха требовать себе царских инсигний. Т. о. и поднялся при Кируларии вопрос о пурпурных башмаках для византийского патриарха, но решен он был отрицательно.

г) Что касается царского головного убора **венца** или **короны** (типа ли στέφανος или типа στέμμα), то этой инсигнии патриарх в Византии не имел, хотя мог на нее притязать на основании той же Константиновой грамоты[2]. Тип короны с крестом позднее вошел в состав патриаршего облачения в виде **митры**; однако митру византийский патриарх стал носить лишь в турецкое время[3].

****

Учение Епанагоги было воспринято и в дальнейших сборниках византийского права, именно в Обозрении Царских Книг (Synopsis Basilicorum) конца X в.[4] и Синтагме Матфея Властаря – средины XIV в.[5].

Наличность учения Епанагоги о царе и патриархе в таком распространенном руководстве византийского права, как Синтагма Властаря, показывает лучше всего что учение это не было случайным и мимолетным эпизодом. **Наоборот, оно глубоко проникло в сознание византийского общества**[6].

---

[1] См. А. С. Павлов, Подложная дарственная грамота Константина Великаго папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе (Византийский временник. III [1896], 18-82).

[2] См. греческий и славянский текст Константиновой грамоты (изд. А. С. Павлова) в Византийском временнике. III, стр. 74-76, и греческий текст в приложении к VIIII главе Фотиева номоканона (Г. Ράλλης και М. Потлής, I, 146). В своих толкованиях Вальсамон утверждает однако, что царский венец не был предоставлен патриарху по Константиновой грамоте (Г. Ράλλης και М. Потлής, I, 148).

[3] По мнению Голубинского, митра заимствована была греками из России (История Русской Церкви I, 2², 274).

[4] K. E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, V. 130 и 542. (Соколовскій. l. c. 24).

[5] Г. Ράλλης και М. Потлής, Σύνταγμα των Θείων και Ιερών Κανόνων, VI (1859), 123 и 428-429. Славянский переводсм. в указанном выше издании Ст. Новаковића.

[6] Деятели греческой церкви внедряли это учение и в древне-русское церковно-государственное сознание. Ряд примеров собран в той же замечательной работе

***

Согласно учению Епанагоги природа верховной власти в Византийском царстве двойственна. Власть царя-василевса необходимо дополняется – и ограничивается – властью архиерея-патриарха[1].

В науке государственного права установлено мнение о **диархии – двойственности верховной власти** – в Римской империи в эпоху принципата (приблизительно до конца III в. по Р. Хр., до Диоклетиана). Римский император разделяет власть с Сенатом[2]. Определенные следы этой диархии в Византийской империи находит Шарль Диль в своем рассуждении о власти сената в Византии[3].

Но этого типа диархия (царь и сенат) для Византии не характерна. Это лишь остатки римских государственных форм. **Характерна для Византии диархия другого типа, двоица Епанагоги – царь и патриарх.**

Царь и патриарх в Византии – представители **не разных властей**, государственной и церковной. Царь и патриарх – две главы **одного и того** же церковно-государственного тела. **Лишь обе главы вместе – царь и патриарх – знаменуют собою полноту земной верховной власти в Византийском царстве.**

10. XII. 25.

Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова (Recueil d'études dediées à la mémoire de N.P. Kondakov). Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 143-154.

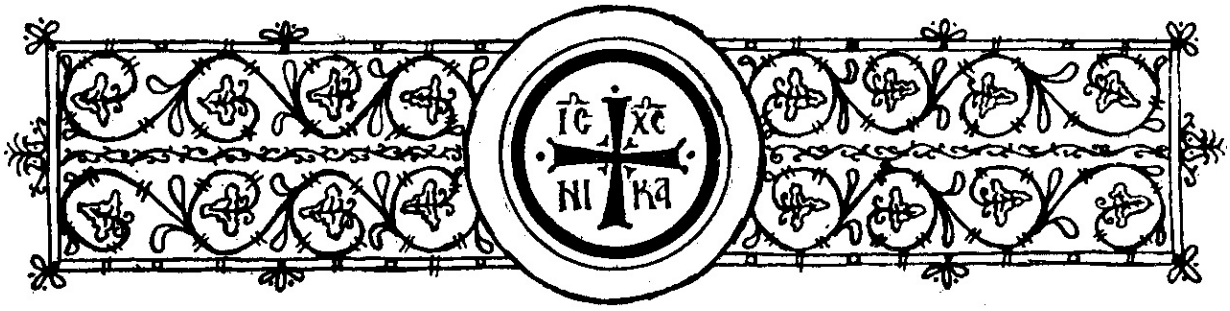
Сокольского.

[1] Если для царя-священника мог припоминаться библейский образ Мельхиседека, то для двоицы царя и патриарха могли подходить библейские образы Моисея и Аарона. См. румынскую стенопись Аргешской церкви XIV в.: «Curtea domuneasca din Arges» (Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice, Anul X - XVI, 1917-1923), Bucuresti 1923, pp. 204-205, fig. 214 и pl. VI-a.

[2] Willems, l. c. 17.

[3] Ch. Diehl, Le sénat et le peuple byzantin aux VIIème et VIIIème siècles (Byzantion, I [1924], 201-213).

Христос венчает на царство Иоанна II Комнина 1118-1143) и его сына и наследника Порфирородного Алексея. Спаситель восседает на Небесном престоле в окружении женских фигур, олицетворяющих милость и справедливость – истинно царских добродетелей. Ок. 1128 г. (Urb. gr. 2, f. 19v).



Георгий Александрович Острогорский

ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ВИЗАНТИИ.

Доклад, прочитанный на V Съезде Русских Ученых в Софии.

Вопрос об отношении церкви и государства в Византии разрешается обычно, особенно в западной науке, в том смысле, что византийская церковь полагается лишь составной частью византийского государства, всецело подчиненной воле главы светской власти[1]. Это предполагаемое отношение определяется словом „цезарепапизм", каковое слово должно характеризовать то обстоятельство, что византийский император будто бы являлся одновременно главой и государства и церкви. Некоторыми исследователями – особенно русскими[2] – против этого воззрения выдвигались возражения, но вопрос не был поставлен с достаточной широтой, а главное не был рассмотрен в надлежащей исторической перспективе. Против приводимых одними исследователями свидетельств, действительно достаточно красноречиво рисующих подчиненное положение византийской церкви, выдвигались другие свидетельства, столь же красноречиво говорящие о свободе и неподвластности византийской церкви главе византийского государства. Создавалось

[1] Перечислить всех авторов, придерживающихся этого воззрения, невозможно. Назову только наиболее авторитетных и ярких представителей этого взгляда: H. Gelzer, Das Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz. Historische Zeitschrift, 86 (1901), 193 sq.; J. B. Bury, The Constitution of the Later Roman Empire, Cambridge 1910; L. Bréhieret P. Batiffol, Les survivances du culte impérial romain (A propos des rites shintoïstes. Paris 1920. Сюда же относятся и почти все исследователи церковного права и историки церкви. Однако встречаются и исключения, например: F. Kattenbusch, Lehrbuch der vergleichenden Konfessionskunde, Frieburg 1892, стр. 379.

[2] Напр. В. Болотов, Лекции по истории древне-христ. церкви, т. III, С. Петербург 1913. В. В. Сокольский, О характере и значении Эпанагоги (Византийский временник. I [1894]). Г. В. Вернадский, Византійские учения о власти царя и патриарха (Recueil-Kondakov, Prague 1926, стр. 143 сл.) и Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das rusische Leben in XVII. Jahrhundert, Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, VI (1927) 119 sq.).

противоречие, которое и оставалось неразрешенным; общей и убедительной картины не получалось, не получалось же ее потому, что момент исторического развития слишком мало принимался во внимание как при рассмотрении судеб византийского мира вообще, так и при попытках разрешить данный вопрос, в частности. Недостаточно учитывалось не только различие значения и веса отдельных свидетельств, но и различие времени.

Так теория „цезарепапизма", все еще несомненно господствующая в науке византиноведения, грешит тем, что известные факты, сообщаемые законодательными актами Юстиниана или еще более ранними документами, она считает присущими византийскому церковно-государственному организму во все времена тысячелетнего его бытия. Как будто не стало давно и всем известно, что выращенное в эпоху просвещения представление о тысячелетнем единообразии, тысячелетнем застое и окостенении византийской империи есть легенда, порожденная неспособным к историческому мышлению веком. Как будто не знаем мы, сколь, напротив, разнообразны и переменчивы были пути византийской империи, через какие глубокие преобразования и превращения эта империя прошла, не раз совершенно обновляясь и перестраиваясь. Поэтому необходимо строго различать отдельные эпохи византийской истории, привлекая свидетельства различных времен и понимая их в их исторической обусловленности.

Византийский государственный строй не был создан самой христианской Византией. Он был создан, во-первых и прежде всего, римским императором-язычником Диоклетианом, а во-вторых, Константином Великим, стоящим на рубеже между старым и новым Римом, между язычеством и христианством. Это обстоятельство определило судьбу Византии. По своему государственному сознанию византийцы навсегда остались римлянами; римлянами именовали они себя с гордостью еще в XV в., накануне падения империи, да иного наименования для себя и не знали. Но по духу они были, и чем дальше, тем все более, греками, – греками, а вместе с тем и прежде всего – христианами. Перенесенная в сферу иной культуры, римская государственная форма послужила сосудом для греко-христианского духа. И основным для историка Византии является вопрос: как этот греко-христианский дух жил и развивался в римской форме, насколько он сумел себе эту форму подчинить и насколько сам ей подчинялся и к ней применялся. Рассматривая историю взаимоотношений византийской светской власти и церкви, мы останавливаемся лишь на одном моменте этого вопроса, но моменте весьма существенном.

Не менее чем византийский народ, а то и более, ощущали себя римлянами византийские императоры, – наследниками и преемниками императоров древнего Рима, вплоть до Августа. С римской государственной формой они переняли и все прерогативы и атрибуты императорской власти древнего Рима. Но к этим прерогативам принадлежала и прерогатива первосвященства. Император — не только верховный судья и полководец, он и Pontifex Maximus; религиозная жизнь подданных, как часть публичного права, ему подвластна. В древнем Риме, где государственной религией являлся культ гения божественного императора, это было вполне естественно. В христианской Византии такое положение, казалось бы, было немыслимо. Дальнейшее развитие и доказало его невозможность, но прошло не мало времени прежде чем новый дух прорвал путы старых традиций.

Самый титул „Pontifex Maximus" был отменен лишь через пол столетия после христианизации империи[1], а пережитки представлений о первосвященническом характере царской власти наблюдаются и дальше. Еще на соборах V и VI в. императора встречают возгласами „βασιλεὺς και ιερύς". До VII века включительно императоры сплошь не только созывают соборы, но и руководят ими в качестве их председателей. Так не только церковное управление, но и самое вероучение находится под сильнейшим воздействием светской власти.

Константин Великий созвал в 325 г. I Вселенский собор в Никее, он руководил его работами, он (в то время еще язычник!) подсказал решающую догматическую формулу, слово ὁμοούσιος – единосущный. Сын его, арианствующий **Констанций**, напрямик заявил, что его желания должны для церкви иметь каноническую силу[2]. Наряду с формулой римского права: „Quod principi placuit, legis habet vigorem" как бы устанавливалась параллельная ей формула: „Quod principi placuit, canonis habet vigorem". О **Феодосии Великом** повествуется, что на II Вселенском соборе он все произведения, вносящие разделение в св. Троице, вынеся им порицание, изорвал, содержащие же исповедание единосущия с похвалой принял[3]. Так глава светской власти выступает арбитром в вопросах веры. И в ранне-византийское время это явление отнюдь не редкое: **Зинон** в своем известном „энотике" предписал своим подданным, как им следует верить. **Ираклий** обнародовал „уложение" (ἔκθεσις), **Констант II** „образец" (τύπος) веры. **Юстиниан** издал эдикт с

1 Эдиктом императора Гратиана от 375 г.

2 Athanas. Hist. Arian. c. 33.

3 Socrates, Hist. eccl. V, 10.

десятью анафемами против Оригена; он, император, осудил знаменитые три главы.

Характерно, что именно Юстиниан, этот великий римлянин на византийском престоле, так помыкал церковью, как не решался этого делать ни один византийский император ни до, ни после него. Подобно тому, как в государственном механизме он во все сам входил и над всем неограниченно властвовал, Юстиниан стремился самовластно регулировать во всех мельчайших подробностях и жизнь церковную. Страстный и одаренный богослов, он желал быть одновременно и светским и духовным законодателем. Но замечательно, что и сама церковь признавала царя-богослова своим руководителем. На поместном константинопольском соборе 536 года тогдашний патриарх заявил во всеуслышание, что помимо воли и повеления императора в церкви ничего не должно предприниматься.

Следовательно указание, если и не на цезарепапизм[1], то во всяком случае на полное подчинение церкви государственной власти во времена Юстиниана правильно. С известными оговорками оно правильно и применительно ко всему ранне – византийскому времени. Но совершенно неправильно видеть в этом явлении нечто специфически византийское, присущее лишь православному Востоку. Такой великий западный иерарх, как папа **Лев I**, руководство церковью не только считал правом императора, но и вменял императору в прямую обязанность. „Ты должен” – так писал он императору Льву – „непрестанно памятовать о том, что царская власть вручена тебе не только для управления миром, но и в особенности для руководства церковью”. (Debes incunctanter advertere regiam potestatem tibi non solum mundi regimen, sed maxime ad Ecclesiae praesidium esse collatam)[2].

Значит, это воззрение не восточное, а попросту свойственное данному времени, и основывается оно не на византийских, а на антично-римских представлениях. В ту эпоху оно было присуще как Востоку, так и Западу; в средние века оно теряет свою силу как на Западе, так и в Византии. И важно,

---

[1] О цезаропапизме можно было бы говорить только в том случае, если бы вся полнота церковной власти находилась в руках главы власти гражданской, если бы император действительно являлся главой церкви. Ничего подобного, конечно, здесь не было, поскольку император не имел ни права учения, ни тем более права священства и рукоположения, а следовательно, разговор о цезарепапизме приходится считать простым недоразумением. Вопрос может ставиться только о мере фактического подчинения церкви государственной власти.

[2] Mansi, VI, 325.

что теряет оно свою силу на Востоке в той самой мере, в какой византийские начала здесь торжествуют над римскими.

Но даже и в ранне-византийскую эпоху неоднократно раздаются на Востоке протесты против того, чтобы религиозная жизнь считалась простою частью жизни государственной, подвластной императору. Великие отцы церкви древнехристианского периода – Афанасий Великий[1], Иоанн Златоуст[2] и мн. др. – уже требуют ясного разграничения между сферами светской и духовной власти, выступая глашатаями новой и незнакомой античному миру идеи автономности религиозной стихии.

Подлинным же борцом за эту идею был Отец церкви VII в., **св. Максим Исповедник**. С чрезвычайной резкостью восстает он против вмешательства светской власти в вопросы веры; прямо и решительно выдвигает он то положение, что император не изобретать должен догматы, в которых он, как мирянин, в сущности, ничего не смыслит, а лишь защищать и оберегать существующее, в недрах церкви сложившееся православие. На возражение противников: Разве христианнейший император не имеет достоинства священства? – Максим Исповедник без обиняков отвечает: „Нет! Ибо он не предстоит пред алтарем и после благословения не подымает св. даров, восклицая: Святая Святым; не совершает таинства крещения, не елееосвящает, не рукополагает и не поставляет епископов, пресвитеров и диаконов”[3] и т. д. и т. д., нанизывая пример за примером, ведет Максим Исповедник нить доказательств в пользу своего основного положениия, что император всего только мирянин и, следовательно, в церковных делах авторитета не имеет.

Фигура Максима Исповедника, открывающая новую эпоху в православном богословии, знаменует и церковно-политически некий поворотный пункт в истории византийской церкви. Именно в VII в., когда, благодаря великому имп. Ираклию и его преемникам, империя коренным образом перестраивается и для Византии наступает государственно и культурно новая эра, новая эра наступает и в отношениях византийских церкви и государства. Типичный представитель своего времени, св. Максим Исповедник является как бы воплощением нарождающегося византийского средневековья.

Однако, в следующем VIII в. наблюдается со стороны императорской власти сильная реакция, желание в принципе восстановить прежнее

---

[1] Athanas. Hist. Arian. C. 51 et 52. Migne PG 25, 756.

[2] Chrysost., Hom. V., Migne PG, 56, 130.

[3] Acta Maximi, Mansi, XI, 6.

положение. Еще раз пытаются императоры-иконоборцы наложить на церковь государственные оковы, стремясь насильственно искоренить принятое церковью почитание икон. И опять желает Лев III именоваться царем и первосвященником[1]. Но противодействие, которое он и его последователи встретили, показало, что императоры эти не учли и не дооценили силу своих противников, – представителей новой, средневековой церковной идеологии.

Все дошедшие до нас произведения защитников преследуемого светской властью иконопочитания нарочито настаивают на том, что вероучение есть дело церкви и церковной иерархии, император же не имеет права что-либо менять в церковных установлениях и должен безоговорочно подчиняться им, как и всякий другой христианин.

„Царям надлежит управлять государством. Церковное же управление находится в ведении пастырей и учителей. Всякое вмешательство есть разбой".

Так говорит **Иоанн Дамаскин**[2]. А у **Феодора Студита**[3] читаем:

„Церковные вопросы должны передаваться на разрешение собора иерархов, царю же вверено управление внешними делами. Они (иерархи) решаютъ все, что касается догматов и веры. Ты же (так обращается Феодор к имп. Льву V) должен слушаться их и никоим образом не посягать на их сан".

Эти свидетельства привожу лишь как пример заостренности мысли и тона. Из творений Дамаскина и Студита, а равно и из писаний их единомышленников, можно было бы привести сколько угодно подобных изречений. Так думали все иконопочитатели той эпохи. Дух, который ими руководил, не сломить было мерами внешнего насилия. И разгоревшаяся из-за иконопочитания борьба завершилась великой победой византийской церкви[4].

---

[1] „Βασιλεὺς και ιερύς εἰμὶ" писал Лев III папе Григорию II, как то видно из ответного письма папы к императору, Mansi, XII, 975. Сомневаться в подлинности дошедших до нас в греческом переводе писем Григория II к Льву III нет основания, ср. G. Ostrogorsky, Les debuts de la querelle des images (Mélanges Charles Diehl, 1930, p. 244 sq.).

[2] Migne PG, 94, 1296.

[3] Theod. Stud. Vita, Migne PG, 99, 184.

[4] A. Karl Schwarzlose, Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und Freiheit (Gotha 1890) заканчивает свое исследование таким заключением: Unter den Bildern kämpfte sie (sc. (die griechisch Kirche) um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Jm Kampfe um die Freiheit unterlag sie… ihre Eigenart wahrte und rettete sie» и даже: «Gerade weil die griechische Kirche ihre eigenartige Religiosität rettete, büßte sie ihre Freiheit für immer ein». Все эти утверждения Шварцлозе сам выписывает курсивом, как свои главные заключения. Но на чем основываются эти столь категорические утверждения о потере греческой церковью в результате борьбы за иконы своей свободы, решительно ни из чего не видно. Шварцлозе даже не задается вопросом, каково было отношение церкви и государства в

С окончанием иконоборчества миновали наиболее тяжкие распри в недрах византийской церкви, а шедшая параллельно этим распрям тяжба церкви со светской властью привела в конечном итоге к соотношению, резко отличному от характерного для ранне-византийского периода положения. Вместо подчинения церкви государству устанавливается известное равенство и равновесие между обоими началами, некая диархия константинопольских императора и патриарха.

Для того, чтобы исторически уразуметь, как такое положение могло установиться, нужно еще раз оглянуться назад и проследить длительное и постепенное восхождение константинопольского патриархата. Когда Константин Великий перенес государственный центр на берега Босфора, ядро будущей столицы империи, греческая колония Византион, была незаметным и неважным в церковном отношении городком Гераклейской епархии. Молодой град Константина вступает в соревнование с религиозными центрами Запада и Востока, славными великими церковными традициями. Константинополь никаких церковных традиций не имеет, но из политического его призвания сменить и заменить старый Рим вытекает и призвание религиозное, – и пядь за пядью он завоевывает себе искомое положение. На II Вселенском соборе, пол века с небольшим после градооснования, Константинополь объявлен первым по достоинству престолом после Рима, ибо он есть Новый Рим (3-й канон). После победы Константинопольского патриархата над Александрийским, дотоле значительно более могущественным и авторитетным, на Халкидонском соборе это постановление подтверждается, причем речь уже идет о равенстве чести (ἰσα πρεσβεῖα) старого и нового Рима (28-ой канон), а значение этого постановления еще углубляется тем, что константинопольский патриарх признается верховным судьей во всех возникающих в восточных митрополиях

Византии после иконоборческого периода, он просто почтительнейше присоединяется к формулам своего учителя Гарнака, усвоенным им уже в заглавии своего исследования. H. Gelzer накидывает еще несколько десятилетий и относит (op. cit. 239) „окончательное поражение идеи свободы церкви в восточной империи" к... эпохе Фотия; и, рассказав далее о столкновении патриарха Николая Мистика со Львом VI и о соборном постановлении 920 г., восклицает: «ein letzter aber gewaltiger Sieg der Kirche über den Staat». Но почему же, спросит изумленный читатель: «ein letzter»? Просто потому, что Гельцер не пожелал серьезно заняться дальнейшим развитием этого вопроса. В действительности ни о какой **утере** независимости византийской церковью не может быть речи; развитие идет не от какой-то первоначальной свободы к закабалению, а как раз наоборот: от естественного в римском государстве подчинения церкви государству ко все возрастающей независимости и естественному увеличению удельного веса церкви в средневековом мире. Никакой **принципиальной** разницы в этом отношении между Востоком и Западом не наблюдается.

распрях (9-ый канон, ср. также 17-ый канон). С VI века константинопольский патриарх начинает именоваться вселенским, что Римом воспринимается как прямой вызов.

Да и катастрофа, постигшая византийскую империю в VII веке, константинопольскому патриархату послужила только на пользу и поспособствовала его дальнейшему восхождению: арабское нашествие затопило Египет, Палестину и Сирию; те области, в которых находились три восточных патриархата, христианским миром были утеряны. Отныне патриарх константинопольский не имел в империи соперников. А с другой стороны растет, и именно с VII века сильно ускоряясь, отчуждение между Византией и латинским Западом вообще, и Римом, в частности. За иконоборческий период эта намечающаяся пропасть еще расширяется, а в итоге дальнейших событий становится окончательно не переходимой.

То пятиглавое церковное водительство, которое как идеал выставляет еще Феодор Студит[1], в действительности давно уже отошло в область предания; средневековая византийская церковь имела только одного руководителя: патриарха константинопольского, который в той же мере являлся средоточием всей церковной, как император средоточием всей государственной жизни.

В то время, как авторитет константинопольского патриархата все возрастал, авторитет императора, по мере созревания специфически средневекового мироощущения, как мы уже видели, из церковной сферы все более и более вытеснялся. Решающим моментом при этом был светский характер императорской власти, на который настойчиво указывали уже древне-христианские отцы церкви, особенно же Максим Исповедник. Отсутствие священнического сана заводило церковные притязания главы государства в тупик. Правда, византийский василевс известным образом выделялся из числа прочих мирян. Так, в день коронации, после совершенного над ним религиозного обряда венчания (позднее – венчания и помазания), он принимал причастие не с мирянами, но с клиром – в алтаре и из чаши. Он мог входить в алтарь, куда миряне доступа не имели; во время великого входа он имел право нести свечу перед св. дарами, иногда император нес свечу и на малом входе перед евангелием. Но этим и исчерпывались церковные функции василевса. При этом он имел известный церковно-служебный чин, но, как сообщают византийские писатели, всего на всего чин депутата. О высоте этого чина мы обладаем достаточно ясными сведениями. Псевдо-Кодин сообщает список церковно-служебных чинов, состоящий из 45 ступеней: депутат стоит

[1] Ep. II, 129 ad Sacellarium Leonem, Migne PG, 99, 1416 sq.

на 44-ом, т.е. предпоследнем месте. Что при таких обстоятельствах император никак не мог почитаться главой церкви, разумеется само собой. Формула „царь и первосвященник" оказывалась абсурдной, объединение этих двух функций в одном лице немыслимым. Византийский церковно-государственный организм требовал раздельного возглавления двумя лицами, царем и патриархом.

Такой порядок и установился в средневековой Византии. Наиболее полное выражение он нашел в знаменитом законодательном памятнике конца IX в., – Эпанагоге. Царство и священство здесь определяются по аналогии к человеческому организму, состоящему из тела и души. В ряде выдержанных параллельно параграфов перечисляются обязанности, задачи и права светского и духовного правителя, причем нарочито подчеркивается, что, подобно тому как интерпретация гражданских законов является прерогативой императора, объяснять догматы, учения отцов церкви и постановления соборов призван только патриарх; император же должен лишь охранять существующее православие.

Резюмируются эти рассуждения следующим образом: „Человеческое общество („жительство", по выражению славянского перевода) составляется из частей и членов, подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части — царь и патриарх, поэтому душевный и телесный мир и благоденствие подданных зависит от единомыслия и согласия во всем царства и священства"[1].

Таково учение о царстве и священстве Эпанагоги, официального свода законов могущественнейшей византийской династии[2]. Эпанагога устанавливает равенство между главой светской и духовной власти, независимое друг от друга, но параллельное и солидарное их действие. Ни государство церкви, ни церковь государству не подчинены. На учение Эпанагоги, конечно, уже давно было обращено внимание, и те исследователи, которые возражали против теории о византийском „цезарепапизме", естественным образом ссылались в первую голову именно на Эпанагогу. Последним, и особенно настойчиво, указывал на устанавливаемую в Эпанагоге „диархию" царя и патриарха – Г. В. Вернадский. Но поскольку прекрасная краткая статья Г. В. Вернадского[3], из которой я лично почерпал больше чем из

[1] Epanagoge, tit. III, cap. VIII. Τῆς Πολιτείας ἐκ μερῶν καί μορίων ἀναλόγων τῷ ἀνθρώπῳ συνισταμένης, τά μέγιστα καί ἀναγκαιότατα μέρη Βασιλεύς ἐστι καί Πατριάρχης· διό καί ἡ κατά ψυχήν καί σῶμα τῶν ὑπηκόων εἰρήνη καί εὐδαιμονία βασιλείας ἐστί καί ἀρχιερωσύνης ἐν πᾶσιν ὁμοφροσύνη καί συμφωνία.

[2] Ср. В. В. Сокольский, указ. соч.

[3] См. указ. соч. в Сборнике памяти Н. П. Кондакова.

какого бы то ни было другого исследования данного вопроса, не рассматривала проблемы в историческом аспекте, лишь бегло касаясь предшествующего идеям Эпанагоги развития и совсем почти не касаясь вопроса о дальнейшем влиянии учения Эпанагоги[1], она не могла не вызвать некоторых недоумений и возражений. Возражая Г. В. Вернадскому, известный славист Г. Ф. Шмид указывал, что на основании одной Эпанагоги нельзя делать заключений ни о характере взаимоотношений византийской светской и духовной власти, ни даже о господствовавших по этому поводу в Византии воззрениях[2]. Отнюдь не впервые, но особенно настойчиво, Г. Ф. Шмидом выдвигается вопрос, не явилось ли учение Эпанагоги всего только эпизодом в многовековом развитии Византии.

В противовес этому – вполне законному – вопросу и необходимо особенно подчеркнуть, что диархическое учение Эпанагоги отнюдь не было в Византии чем-то единичным, эпизодическим, что оно имело свою подготовительную историю в предшествующем и длительное действие в последующем времени, т. е. явилось звеном определенного и при том длительного развития. Не осталось оно и простой теорией, но явилось (хотя и довольно сильно идеализированным) отражением фактического взаимоотношения светской и духовной власти в средневековой Византии. И именно в силу всего этого учение Эпанагоги о царстве и священстве представляется исторически чрезвычайно важным.

О предшествовавшем развитии мы уже говорили: учение Эпанагоги было в высокой степени подготовлено теми церковно-политическими идеями, которые воодушевляли во время борьбы за иконопочитание всю православную партию; совершенно аналогичные высказанным в Эпанагоге воззрениям находим, например, и в послании, с которым восточные патриархи обратились к патриарху Тарасию по случаю созыва VII Вс. Собора в 787 году. Здесь читаем, между прочим, следующее: „Священство освящает царство, а царство дает силу священству. Об этом некий мудрый государь и благочестивый император сказал: Величайшие дары, которыми Бог удостоил человечество, суть священство и царство, из коих одно управляет делами небесными, а другое, при помощи справедливых законов, правит земными делами. Ныне (т. е. после победы над иконоборством) духовная и светская власть находятся

[1] К тому вопросу, однако, Г. В. Вернадский вернулся в своей последующей статье, напечатнной в Byz.-Neugr. Jahrb., VI (1928).

[2] H. F. Schmid въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kan. Abt. XII (1927), стр. 530 и сл.

опять в счастливом единении и мы; которые доселе были всем соседям нашим в посмеяние, возрадуемся”[1].

Эти слова восточных иерархов относятся еще к VIII веку. Однако теория диархии и еще значительно старше; она выношена тем условно названным мною средневековым миросозерцанием, зачатки коего относятся к первым векам христианства и совершенно ясны уже в творениях отцов древне-христианской церкви. Отсюда проникла она еще в ранне-византийское время в светское законодательство. Тот мудрый государь, на которого ссылается цитированное послание восточных патриархов, никто иной, как император Юстиниан, а слова, в нем приведенные, как бы они Юстинианом ни толковались, находятся в предисловии к VI новелле этого императора. Учение Эпанагоги о царстве и священстве явилось неизбежным результатом постепенно нарождавшейся в Византии средневековой церковно-политической идеологии.

С другой стороны, в последующее время учение Эпанагоги имело влияние и действие исключительное. Оно глубоко внедрилось в византийское сознание. Патриархи ссылались на него при столкновениях со светской властью постоянно. Но и сами цари его исповедовали.

Так один из наиболее замечательных византийских императоров X в., **Иоанн Цимисхий**, в дошедшей до нас речи говорил своим подданным: „В жизни сей я знаю власть двоякого рода: священство и царство; первому Творец мира вверил заботу о душах, второму – управление плотью; если обе части не терпят ущерба, то и в мире царит благоденствие”[2].

Конечно, действительность часто не отвечала идеалу- „одна из частей” нередко ущерб терпела. Византийская история богата повествованиями о столкновениях светской и духовной власти, о насильнических удалениях патриархов с законного престола. Но было бы легкомысленно отсюда делать заключения о наличии „цезарепапизма”. Во-первых, не всегда даже (хотя и в

[1] Mansi, XII, 1130.

[2] Leo Diaconus, p. 101 sq. – Сходные мысли находим и в новеллах целого ряда императоров – XI-XII вв. В новелле Никифора Ватаниата от 1080 г. (Zachariae, Jus, III, 338), Алексея Комнина от 1107 г. (ib. 413), Мануила Комнина от 1145 или 1160 или 1175 г. (i. 501, ср. F. Dögler, Regesten, II, № 1341), а также в письме Иоанна Комнина к папе Гонорию II (Sp. Lambros, Νέος Ἑλληνομνήμων, I, 1904, p. 109). Поэтому эту „диархическую” струю в церковно-политической мысли византийского средневековья следует признать господствующей, значительно более сильной и жизненной, чем струю, представляемую Вальсамоном или Димитрием Хоматином, по учению которых власть императора и в церкви неограничена. Это лишь отголоски старых и отживших представлений.

подавляющем большинстве случаев) при таких столкновениях победа оставалась за императором. Во-вторых, сила не всегда решала дело: несомненно, что в споре по поводу четвертого брака имп. Льва VI моральная победа всецело осталась на стороне патриарха **Николая Мистика**, хотя он и был путем насилия свергнут с престола. Требования Николая Мистика, кстати сказать, убежденного защитника идеи диархии[1], и по сейчас являются обязательными для всего православного мира, и сам патриарх был восстановлен в своем сане. Главное же, что насильственные смещения патриархов светской властью и т. п. в Византии и воспринимались всегда как незаконное насилие, как злоупотребление властью и нарушение ее законных границ. Я же в этом докладе намеренно ограничиваюсь изображением общего и нормального положения, оставляя в стороне частные и анормальные случаи.

Важно, что с IX-X века между верховной светской и духовной властью фактически устанавливается некий параллелизм, охватывающий наимельчайшие подробности. Государственному централизму соответствует централизм церковного строя и управления в константинопольской епархии. Как при императоре существует сенат, так при патриархе – синод, давно уже ставший постоянным учреждением. Как императору, так и патриарху подчинен целый ряд канцелярий и чиновников, при помощи которых патриарх управляет своей епархией, и которые частично носят те же титулы, что и чиновники императорские. Наконец, патриарх имеет свой двор, во всем подобный императорскому.

Этот параллелизм, это уравнение верховной светской и духовной власти никоим образом не означало отделения церковной сферы от государственной. Подобная идея была совершенно чужда Византии. Напротив, идеалом Византии был тесный и нерушимый союз между царством и священством, соединение и слияние православного государства с православной церковью под водительством православных императора и патриарха константинопольских[2]. Этот идеал в значительной мере и осуществлялся жизнью, хотя и не без перебоев. Церковное значение императора заключалось, конечно, не в тех пустяковых церковных функциях, которые он, как мы видели, мог отправлять при богослужении, и не в том давлении, которое он мог от времени до времени оказывать на церковные дела, вообще не в том, что он делал в самой церкви, а в том, что, стоя вовне, он, как православный

[1] Ср. P. Lambros, Die Abdankungsurkunde des Patriarchen Nikolaus Mystikos, Byzantinische Zeitschrift, Band 1 (1892), s. 551.

[2] Это совершенно правильно настойчиво подчеркивает Г. В. Вернадский, ук. соч.

государь, являлся общепризнанным защитником церкви, и что эта миссия была возложена на него самим Всевышним, поскольку власть его от Бога.

Император является защитником церкви, а патриарх советником императора. Сотрудничество же византийских церкви и государства, сотрудничество тесное и постоянное, диктовалось прямыми интересами обеих сторон. Государство преследовало еретиков как государственных преступников, а церковь анафематствовала бунтовщиков[1]. Того, кто противился православному государю, церковь карала отлучением; того, кто не подчинялся православной церкви, отвергало и государство.

Для уяснения интересующего нас вопроса следует хоть вкратце остановиться на истории коронования византийских императоров! И тут мы наблюдаем ту же эволюцию. Первоначально венчание на царство носит чисто светский характер, церковь в нем не участвует. Но, начиная с середины V в., обряд венчания неизменно совершается константинопольским патриархом[2] (стоит отметить, что при этом патриарх никогда не преклонял колена перед императором, как это сделал папа Лев Ш после коронации Карла Великого). Первоначально церковное венчание на царство в Византии было актом чисто формальным, механически следующим за провозглашением императора сенатом или войском и народом. Но постепенно оно получило значение церковного утверждения и несовершение его ставило императора в трудное положение[3]. Так что если император имел возможность оказывать сильнейшее влияние на замещение патриаршего престола, то и патриарху при короновании императора принадлежало отнюдь не последнее слово.

При возведении на престол необходимым условием было правоверие императора. Постепенно устанавливается обычай, чтобы император перед венчанием давал письменное заверение, что будет неизменно придерживаться

---

[1] Ср. синодальное постановление 1026 г. K. E. Zachariae von Lingenthal, Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, Lipsiae 1852, III, 320).

[2] Первое в истории церковное венчание на царство было произведено в 450 г. патриархом Анатолием над императором Маркианом (ср. W. Sickel, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert, Byzantinische Zeitschrift. VII (1898), стр. 517-518 и 539-540), т. е. за год до Халкидонского собора, столь поспособствовавшего возвышению константинопольского патриархата. На чем основано убеждение Sickel'a, что патриархи, коронуя императоров, действовали не как представители церкви, а как представители государства, остается совершенно неясным.

[3] См., например, рассказанный ниже случай с Иоанном Цимисхием. G. Schlumberger, L'Épopée byzantine à la fin du Xème siècle (Paris 1896), vol. 1, 13 из этого случая справедливо заключает, что смена правления «ne prit le caractère de la légalité qu' après avoir été solennellement.consacré par l'église».

православной веры, не пытаясь в чем либо изменить церковные установления[1]. В некоторых случаях патриарх мог поставить коронацию в зависимость от выполнения императором известных условий.

Когда И**оанн Цимисхий**, будучи провозглашен императором, направился для венчания в св. Софию, патриарх Полиевкт просто на-просто не впустил императора в храм, считая способ, каким Цимисхий достиг престола, преступным. Император должен был подчиниться, пойти на все требования патриарха, согласиться на отбывание наложенного на него покаяния. Лишь после этого ему был дозволен вход в церковь (тем временем прошло 15 дней), лишь после этого был совершен над ним обряд венчания.

Эта византийская Каносса имела не малые последствия. В XI в. видим дальнейшее увеличение силы и независимости церкви; выборы патриархов и епископов происходят зачастую при строжайшем соблюдении установленного выборного порядка[2]. А отмена тех законодательных актов императора **Никифора Фоки**, которыми возбранялось основание новых монастырей и затруднялось увеличение церковных землевладений, укрепило церковь экономически[3]. Снова движимые и недвижимые богатства широким потоком устремляются в церковь. В эпоху Комнинов, и особенно во времена имп. **Мануила**, церковное и монастырское землевладение сверх того, как из рога изобилия, осыпается различными привиллегиями и иммунитетными правами. Могущество церкви подкрепляется необычайно стойким ее хозяйственным фундаментом.

Если для последних веков византийской империи строгая централизация церковного управления не столь характерна, как для периода средневекового расцвета, то и в этом только отражаются общие судьбы Византии. В целом же, удельный вес церкви в Византии продолжает неизменно расти. Эпоха Палеологов являет все усиливающееся оцерковление византийской жизни. А съ победой исихастского движения в XIV в. и монашество достигло апогея своего могущества.

Наследница римской империи, Византия исходит из государственных идей древнего Рима. Характерной чертой ранне-византийского времени, которое с тем же правом может быть называемо и временем поздне-римским,

---

[1] W. Sickel, указ. соч. стр. 523 и 547.

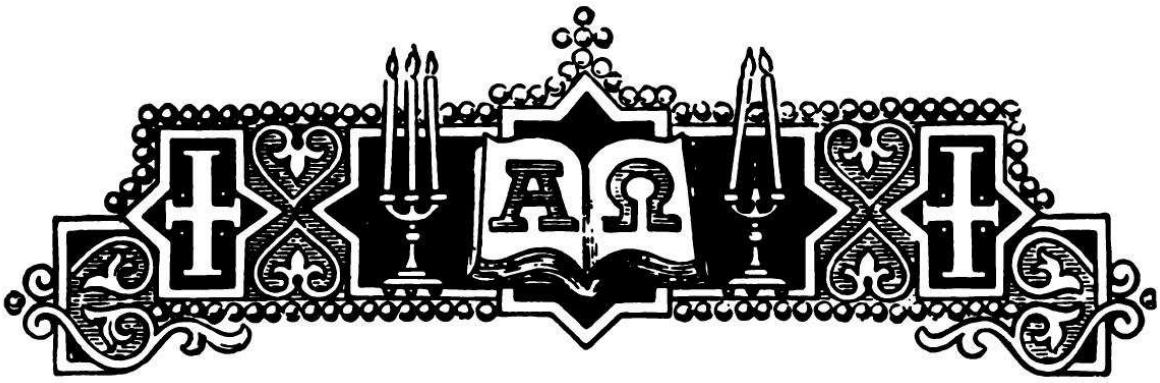
[2] Ср. И. Соколов. Выборы патриархов в Византии с середины IX до. середины XV в. С.-Петербург 1907.

[3] 30 Новелла Никифора Фоки 964 г. (Zachariae, Jus, III 292) была отменена Василием II в 988 г. (ib. p. 303). Ср. чрезвычайно характерную мотивировку этой последней меры в указ. новелле.

является поглощение церковной жизни государством, прямо вытекающее из римских традиций. Верховный представитель церкви, патриарх, заслоняется фигурой императора. Однако незнакомая античному миру, но необходимо вытекающая из самых основ христианства идея автономности церковной жизни постепенно пробивается наружу. Средневековая Византия являет существенно иной строй отношений между церковью и государством. Фигуры императора Ираклия и патриарха Сергия, стоящие на пороге византийского средневековья, имеют прямо-таки символическое значение, знаменуя нарождение этого нового строя. Пройдя сквозь бури иконоборчества, новый строй отношений между государством и церковью в IX-X в. окончательно выкристаллизовывается. Устанавливается равенство и равновесие верховной государственной и верховной церковной власти. Неслиянно сливаясь в единое государственно-церковное тело, Византия возглавляется и руководится нераздельно православным царем и православным патриархом[1].

Seminarium. Kondakovianum. Прага, 1931. Вып. 4. S. 121–132.

[1] Прения по моему настоящему докладу выяснили, что новейшие археологические исследования всецело подкрепляют выводы, сделанные мною на основании изучения исторического материала. Мой покойный друг, Н. М. Беляев, указал, что в искусств средневековой Византии идеи царства и священства олицетворялись в образах Моисея и Аарона, тогда как в ранне-византийскую эпоху обе идеи представлялись объединенно в образе Мельхиседека, и что поворотным в этом смысле следует считать именно VII век.



ТОРЖЕСТВЕННОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ И МОЛИТВА ЦАРЯ ПРИ КОРОНАЦИИ.

По основным законам Российской Империи, вступление на престол Государя Императора сопровождается Его торжественным Коронованием и Миропомазанием. «Время для совершения сего обряда, по тем же законам, назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всеобщее известие». Местом его совершения определяется Московский Успенский Собор, «в присутствии Государственных Правительств и сословий, по Высочайшему назначению к сему призываемых». А порядок указывается в «чине Православной Греко-Российской Церкви»[1].

Из сопоставления этих узаконений оказывается, что закон, определяя внешнюю или политически-юридическую сторону Коронования, всю внутреннюю или церковно-религиозную его сторону как будто предоставляет церкви и ее чиноположению.

За всем тем, в примечании к означенным постановлениям, тот же Закон присовокупляет: «Император, пред совершением сего священного обряда, по обычаю древних Христианских Государей и Боговенчанных Его Предков, произносит, в слух верных Его подданных, *символ Православно-Кафолической веры*, и потом, по облечении в порфиру, по возложении на Себя короны и по восприятии скипетра и державы, призывает Царя Царствующих, в *установленной для сего молитве*, с колено-приклонением: да поставит Его, вразумит и управит в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроити к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко да и в день Суда Его непостыдно воздаст Ему слово»[2].

---

[1] Основн. Зак. Разд. 1, стт. 35 и 36, по изд. 1857 г.

[2] Там же, примеч. 2 в ст. 86.

Прибавление это есть буквальное извлечение из изданного[1] с Высочайшего утверждения, по заключению Св. Синода, «Чина Священного Коронования».

Таким образом, и часть Священнодействия, не только по форме, но и по содержанию, Закон берет под свою охрану: и Царскому Исповеданию веры с известной молитвой (и замечательно, что только этому исповеданию и молитве, предпочтительно пред всеми другими молитвословиями и обрядами коронования) он сообщает государственную санкцию.

Спрашивается: какой же именно смысл и значение придает наше законодательство этому вероисповеданию и этой молитве Царя при Коронации?

Ответа на этот вопрос – раз он не разъяснен положительно в законе – надо искать в истории, и в одной только – истории, или, по выражению самого вышеприведенного законоположения, «в обычае древних Христианских Государей и Боговенчанных предков» Русских Государей, и в соответствующих обычаях и установлениях древнейшего народа Богоизбранного, – обычаях и установлениях, на которые указывается отчасти в самом Чине Коронования.

И во-первых, в истории народа Богоизбранного мы находим следующее, замечательное в этом отношении, постановление закона Моисеева. Еще задолго до образования из этого народа особого царства, Моисей, в своем предсмертном завещании, заповедает ему: *аще внидеши в землю, юже Господь Бог твой дает тебе в жребий, и приимеши ю, и вселишися в ней, и речеши: поставлю князя над собою, якоже и прочии человецы, иже окрест мене, поставляя да поставиши над собою князя, его же изберет Господь Бог твой... И будет, егда сядет на престоле власти своея, да напишет себе второзаконие сие в книзе от жерцев левитов, и будет с ним, и да чтет ю во вся дни жития своего, да научится боятися Господа Бога своего и хранити все заповеди сия и оправдания сия, творити я* (Втор. 17, 14-19). Очевидно, что, по смыслу этого постановления, Богоизбранный («его же изберет Господь Бог твой») и уже вступивший на престол («егда сядет на престол власти своея») – царь должен был торжественно принимать от священников-левитов, или даже – собственноручно «списывать для себя», находившуюся у последних книгу Второзакония. С какою целью? – «Чтобы читать ее во все дни жизни своей, – дабы научиться бояться Господа Бога своего и стараться исполнять все слова закона сего и все постановления сии». Имел ли этот акт только церковно-религиозное или, вместе, и политическое значение? Судя по тому, что он

[1] 1841 г. апреля 24.

предписывался книгой, имевшей значение основных, не только церковно-религиозных, но и государственных законов народа Божия, – что в нем трактовалось, между прочим, и о правах и обязанностях царя новоизбранного[1], и что он должен был совершаться – если не по требованию, то, по крайней мере, по обязательному предложению и при непосредственном участии тогдашнего представителя и руководителя народа Божия – ветхозаветного священства, нужно полагать, что он был не только церковно-религиозным, но и государственным актом, иначе сказать, был не только добровольным (хотя и торжественным) обетом царя пред Богом, но и – его формальным обязательством пред священниками и народом .

Впоследствии, при практическом применении вышеозначенного постановления, акт этот соединился с клятвенным обязательством самого народа – чтить и хранить права или оправдания царствия[2], и, таким образом, принял вид взаимного условия или договора между царем и его подданными, – договора, который совершался в одном из священных городов народа Божия, в присутствии и при непременном содействии высших служителей Божиих, первосвященников или пророков, затем письменно излагался и полагался в скинии, «пред Господем». *И рече*, сказано, например, об избрании и торжественном провозглашении Саула царем, *и рече Саул к людем оправдания царствия, и написа в книзе и положи пред Господом* (1 Цар. 10, 25). *И приидоша*, сказано также об избрании и помазании Давида на Царство, *и приидоша вси старейшины Израилевы к Царю в Хевроне, и положи им Царь Давид Завет в Хевроне пред Господем, и помазаша тамо Давида на Царство над всем Израилем* (2 Цар. 5, 3).

Но такой порядок дел, в таком теократическом государстве, как израильское, без сомнения, не мог продолжаться долее избрания и возведения на престол первых царей израильских. И мы видим, что уже Давид, в роде которого самим Богом «утверждается престол на веки» (2 Цар. 7, 13), в отмену

---

[1] А именно – об обязанностях: не передавать власти в руки иноземца, не умножать себе коней, не возвращать народа в Египет, не увеличивать числа своих жен и не собирать слишком много богатств (Втор. 17, 15-17). Перифразируя эти требования Закона Моисеева, Иосиф Флавий присовокупляет к ним еще обязательство «ничего не предпринимать без совета первосвященника и старейшин» (Древн. Иуд. кн. IV, гл. 8, п. 17); но для такого прибавления нет достаточных оснований в собственных словах Моисея.

[2] Таковы, например: право царя брать сыновей и дочерей народа к себе в услужение, право наделять слуг своих народными землями, садами и виноградниками, право на десятину с полей, садов и стад народных для своих потребностей, право на неизменную верность и всегдашнюю покорность народа, и проч. (1 Цар. 8, 11-18).

прежнего порядка, сам провозглашает сына своего «царем по себе», сам повелевает совершить над ним обряд Миропомазания и сам «завершает завет» с ним (3 Цар. 1, 30-35, 2, 1-9), так что Соломон, по воцарении, уже не предъявляет народу никаких «оправданий царствия» и не заключает с ним никакого «завета пред Господом», а ограничивается одними торжественными жертвоприношенями в Гаваоне и в Иерусалиме и – одною молитвою к Царю Царствующих – «да даст ему сердце разумное, чтобы судить народ Его и разуметь что добро и что зло, ибо кто может управить таким многочисленным народом Божиим (3 Цар. 3, 9). Точно также и последующие Цари Иудейские обходятся, по-видимому, без всяких особых заветов с народом[1], хотя, во свидетельство своей веры и верности Закону Моисееву, и завещают иногда *заветы пред Господем – еже ходити вслед Господа, и хранити заповеди Его, и свидения Его, и оправдания Его, всем сердцем и всею душою* (4 Цар. 23, 2-3).

Таким образом, позднейшие заветы царские опять стали было принимать вид первоначальных, заповеданных Моисеем, обетов царя пред Богом и его односторонних, хотя только нравственных, а не формальных, обязательств пред народом. Если же и в этом своем виде, они, как заметно, лишь изредка, и только при чрезвычайных обстоятельствах, а не при каждом новом воцарении, повторяются в дальнейшей истории Царства Иудейского, то причины такого явного отступления от Богоучрежденного порядка надобно искать уже не в упрочении в доме Давидовом престолонаследия, а, с одной стороны, в совершенном пренебрежении к закону Моисееву большей части царей Иудейских, с другой – в полнейшем неведении и непонимании силы его самими первосвященниками Иудейскими (4 Цар. 22, 8-16). История другой, отделившейся от дома Давидова и еще более позабывшей Бога, половины Царства Израильского, в которой, не смотря на постоянную смену царей и династий, ничего не говорится ни о каких заветах царей – ни с Богом, ни с самим народом, представляет лучшее подтверждение указанного объяснения. Цари не хотели, а первосвященники не умели поддержать узаконенного самим Богом, чрез Моисея, обычая, а потому он, этот обычай, и стал постепенно

[1] Исключение, кажется, представляет один Иоас, и то по случаю нарушения его бабкою, жестокою Гофолиею, утвердившихся прав престолонаследия. Первосвященник Иоддай нашел нужным, при воцарении его, на место Гофолии, завещать особый *завет между Господем и между царем и между людьми, яко быти им в люди Господни, и между царем и между людьми* (4 Цар. 11, 17), или, по Иосифу Флавию, «обязать присягою народ, чтобы он пребыл усердным и верным к новому царю, и – самого Царя, чтобы он почитал Бога и хранил законы Моисеевы» (Древн. Иуд. кн. IX, гл. 7, п. 4).

упадать, увлекая за собой к падению и самые Царства, невнимательные к велениям Вышнего.

Нельзя сказать, чтобы именно этот обычай, т. е. Богоустановленный обычай царей иудейских, перешел и в мир Христианский, – нельзя, потому что Христианские Государи долго и после того, как сделались первородными сынами и покровителями Церкви Христовой, не соблюдали никаких особых религиозных обрядов при своем вступлении на престол. Но если, во-первых, последнее обстоятельство объяснялось, между прочим, тем, что первые Христианские Государи вступали на престол еще до принятия св. крещения, и если, с другой стороны, обряды венчания и помазания греческих царей на Царство, в конце концов, во многом совпали с обрядами венчания и помазания царей иудейских[1], то и в рассматриваемом отношении в обычаях Христианских Государей нельзя не видеть некоторой исторической связи с обычаями царей иудейских.

Первое достоверное известие о царских обетах и обязательствах греческих императоров, при их короновании, относится ко времени воцарения императора Анастасия (491 г.). Историк Евагрий передает об этом следующее: «когда Ариадна (вдовствующая супруга Зенона) вознамерилась облечь Анастасия порфирой, Евфимий, Патриарх Константинопольский, отказался дать свое согласие на это, прежде чем Анастасий даст свое собственноручное клятвенное обещание, что, владея скипетром, он будет содержать веру чистою и не введет ничего нового в св. Церковь Божию[2]. Анастасий дал требуемое рукописание и вручил его Македонию сосудохранителю. Хотя клятва эта была вызвана особым случаем, именно подозрением императора в Монофизитизме, тем не менее, начало было положено, и после патриархи уже нередко предлагали императорам, при их вступлении на престол, клятвенно свидетельствовать пред ними о своей ревности по вере и твердом намерении охранять церковь Божию от напастей. Императоры, со своей стороны, никогда не уклонялись от исполнения подобных требований, и клятвенный обет веры и верности церкви Христовой стал чаще и чаще повторяться при восшествии на престол государей греческих. Так, в 662 г. патриарх Кириак требовал от Фоки Центуриона обещания пребывать постоянно в исповедании веры истинной и хранить Церковь Божию в мире[3]. Лев Исаврийский, в 717 г., должен был также обещать патриарху Никифору, что ничего никогда не предпримет во вред

[1] *А. В. Горского* «О свящ. венчании и помазании царей на царство», в Твор. св. Отцов, 1882 г., I, 125.

[2] Hist. Evagr. l. III, c. 32.

[3] Corp. Hist. Bysant. T. IV, p. 193.

церкви и не позволит себе никакого нововведения во св. догматах, правильно определенных святыми отцами[1]. Михаил Рангав в 803 году клятвенно обязался пред Патриархом Никифором «защищать Правую веру, удерживать руки свои от пролития крови Христианской и не обижать ни клириков, ни монахов и никого из людей, принадлежащих к церковному клиру»[2].

С X века, когда к венчанию греческих императоров присоединено и миропомазание, подобное обязательство становится уже обычным, хотя до самого конца Византийской империи не входит ни в кодекс гражданских законов империи, ни в канонические постановления Церкви. Симеон Солунский так описывает и объясняет совершение этого обряда в своем «Разговоре о святых священнодействиях и Таинствах Церковных»: «Потом (т. е. по провозглашении народом царя), он (царь) приходит в церковь и, являя покорность Богу, как началу всего, испрашивает даров благодати Его, как раб Божий, и молится о посвящении своем в царя; ибо Христом, Царем Царствующих, Царие Царствуют (Прит. 8, 15), и Его одного Царство вечно... В храме принимает царя иерарх, как имеющий божественную власть и силу освящения, как получивший бесстрастное и небесное начальство Духа. *И не просто дает ему, чего он испрашивает, но наперед приемлет от него Православное исповедание веры в Бога и обет благоволительного попечения о подданных, в правде*. Когда царь произнесет это устами и знаменуется рукою, – так как исповедание веры и обеты, совершенные пред Богом должны быть верны и тверды, – тогда иерарх вручает ему на возвышенном амвоне символы власти[3] и пр. По свидетельству имп. Иоанна Кантакузена[4], подтверждаемому Кодиным – в его изложении обрядов двора греческого[5], коронуемый государь предварительно составлял исповедание своей веры, потом торжественно провозглашал его в церкви, и за собственноручною подписью, передавал патриарху, а патриарх передавал это рукописание сосудохранителю на сбережение в церкви. У Кодина же находим и самый текст подобных рукописаний: «Я (имярек) верный во Христе Господе нашем, царь – император Римский, начертал сие исповедание собственною моею рукою. Верую во единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли», и проч. (по Символу Никео-Цареградскому). «Принимаю, исповедую и утверждаю Апостольские и

[1] Ibid. p. 338 et T. XXIII, p. 110.

[2] Ibid. T. IV, p. 332; T. IX, p. 98-99.

[3] §§ 112-114. См. «Писания Отцов и Учителей Церкви, относящ. к истолк. Правосл. Богослужения», т. II, ст. 197-198, Спб. 1856.

[4] В его Истории, Lib 1, c. 41.

[5] De Officüs curiae Constantinop. c. 17.

Божественные предания, также постановления и определения Вселенских соборов, вместе с поместными. Признаю все права и обычаи святейшей великой Церкви Божией. Соглашаюсь на все, что правильно, канонически и неизменно узаконили и определили по разным местам Святые Отцы наши. Обещаюсь пребыть постоянно неизменным служителем (δοῦλος) и сыном Святой Церкви; ее заступником и покровителем, милостивым и человеколюбивым к своим подданным, сколько мне позволяет это справедливость и приличие... Буду поступать по правде, и все, что отвергли и анафематствовали Святые Отцы, отвергаю и анафематствую, со своей стороны, и я, от всей души и от всего сердца моего. Все сие даю слово исполнять пред Святою соборною Церковью. Месяца N, дня и индикта N, года N. Верный во Христе, Господе нашем, Император Римский N, подписал собственноручно и предаю Святейшему Господину моему и вселенскому Патриарху, Господину N, и священному с ним Собору»[1].

Таким образом, древнеиудейский царский обет пред Богом и формальное обязательство пред народом – в империи Греческой сменились торжественным исповеданием веры и клятвенным[2] обязательством императоров пред церковью и ее «освященным собором»; древне-иудейский смешанный, т. е. церковно-политический характер этого обычая в мире Христианском уступил место одному, собственно церковно-религиозному.

Но внутренний смысл и значение этого обычая как в царстве иудейском, так и в империи Греческой, остался один и тот же, – смысл и значение торжественного, со стороны коронуемого, удостоверения, в лице представителей церкви, всех верных сынов этой церкви, а в лице последних – и всех верноподданных – в истине и чистоте своих верований и благонамеренности своих будущих действий по отношению к церкви и государству. Своею внешнею обрядовою стороною обычай этот также напоминает вышеизложенные обычаи царей иудейских совершать свои обеты пред самым венчанием или миропомазанием, совершать их не только устно и письменно, совершать в священных местах или народных собраниях[3], в присутствии и при непременном участии высших служителей Божиих, и свои рукописания передавать в церковь на хранение. Наконец, даже в исключениях, какие допускались из этого общего правила, история империи Греческой

[1] Codin. Loc. citat.

[2] Ибо и в вышеприведенной формуле разве только слова – «клянусь» – не достает, чтобы ей быть и именоваться царской клятвой или присягой, но это слово и не необходимо для существа самой клятвы (Aug. Opp. T. X, p. 147).

[3] *Niceph. Callist*. t. XVII, 40. *Nic. Cantac*. Hist. Bysant. t. XVII, p. 98.

переносит нашу мысль ко временам царства Израильского. Именно, и здесь, подобно царю Давиду, некоторые из императоров сами «украшали» своих будущих преемников «знаками царской власти» и сами брали с них клятву в вере и верности себе и церкви святой, предоставляя им в тоже время запечатлевать акты о сем, во всеобщее сведение, своею подписью[1].

Из православной Греции обычай этот перешел и в царство Русское. Только в начале, до объединения земли русской, князья наши проявляли лишь робкое подражание царям греческим, почитая самое коронование и соединенные с ним обычаи выше своего скромного княжеского достоинства (в таковом взгляде утверждали их частью сами императоры греческие). При вступлении на престол они обыкновенно ограничивались только клятвою или присягою, которую, пред Святителями, давали друг другу или народу (смотря потому – от кого получили престол), а наследственные из них, конечно, и того не делали, а по смерти предшественников прямо вступали в соборные храмы своих главных городов и здесь «с великою честью» садились на свои столы, т. е. получали благословение от местных архипастырей, причем, украшались иногда особою мантиею или «кочем» и богато украшенною шапкою или «клобуком»[2]. Как на некоторую связь с царственными обетами греческих

[1] Так, об имп. Михаиле Палеологе повествуется, что – когда он дал сыну своему, Андронику Младшему, в жены Анну Пэонию, то, «вместе с тем, украсил его знаками царской власти, причем Андроник поклялся отцу своему, во-первых, воздавать должное почтение церкви Божией и всеми мерами охранять ее преимущества и наблюдать их неприкосновенность, а во-вторых – защищать жизнь и власть царя от козней, до самой смерти». После этого, отец позволил ему «подписать эдикт о сем красными буквами, только без означения числа и месяца, а просто: Андроник, благодатию Иисуса Христа Император Римский» (Hist. Bysant. *Niceph. Cregor*. t. IV, c. VIII). Точно также, еще прежде, Василий Македонянин, Лев Хозар и пр. сами короновали своих наследников, хотя, при малолетстве последних, ограничивались одним возложением венцов на них и обычною при сем молитвою патриарха (*Constant. Porphirog*. de vita Basil. Imp. c. 34-35. *Theophan. Chronogr*. p. 379).

[2] «И почаша, говорит, например, летописец, Володимерцы молвити: мы есмо волнии, а князей призвали к себе, и крест к нам целовали на всем; а се аки не свою волость творяще, грабят не токмо волость свою, но и церкви; а промышляйте, братья» (*Иест*. по Кенигб. сп. г. 1176). Или: «ты, брате (Святослав), в нам крест целовал... а се ти крестныя грамоты» (там же г. 1190). Великий князь Изяслав Мстиславич и князь новгородский Константин Всеволодович прямо вступают в соборные храмы своих главных городов и здесь садятся на престолы княжеские. (Полн. Собр. русск. летоп., т. II, 56). Избранный на Владимирский (на Волыни) престол – сын Даниила Мстиславича – предъявляет при сем еще грамоту, которою утверждается за ним княжество. Но ни тот, ни другие не произносят при этом никаких молитв и не дают никаких обетов по отношению к вере, к церкви и отечеству (там же, 215).

императоров, можно указать здесь разве на молитву, которую читал епископ над садившимся на престол князем, и которая до сих пор читается нашими первосвятителями над преклонившем главу нововенчанным императором[1]. Во время ига Монгольского «воля ханская» или «пожалование царское», с которым князья возвращались из орды, еще менее благоприятствовало развитию у нас древнегреческой практики при короновании. Ибо в это тяжелое время не сами князья, по закону или договору, садились на престол, а обыкновенно ханы, через своих послов, сажали их на княжение[2], и церковь уже не от великих князей искала себе покровительства и защиты, а нередко от ханов приобретала охранные грамоты, или так называемые – «ярлыки ханские».

Свержение ига Монгольского и свойство наших князей, чрез Софию Палеолог, с императорами греческими – сразу открыли к нам вход почти всем обычаям греческого венчания и помазания на царство, но опять – за исключением изложенного выше – клятвенного, пред церковью, обязательства греческих императоров. Может быть, эта последняя частность упускалась вследствие несовершеннолетия первых Боговенчанных Великих Князей и Царей наших (Дмитрия, внука Иоанна III, и в первый раз венчанного – еще 3-х летнего Иоанна Грозного), ибо последующие чины венчания, по духу того времени, без всяких исправлений и дополнений, согласовались с предшествовавшими чинопоследованиями. Может быть также, – что обязательство необходимо подразумевалось при венчании и потому как бы заменялось нововведенным у нас – заключительным поучением святителя[3]. А может быть, наконец, оно казалось первым самодержцам нашим некоторым напоминанием до монгольских «крестных целований» и монгольских пред ханами обязательств, и потому с недоверием отвергалось ими при короновании[4]. Во всяком случае, только с венчания царя Федора Алексеевича

---

[1] Ср. эту молитву по древнегреческому и древнерусскому чину венчания (Твор. свят. Отцов, 1882 г., т. I, стр. 125 и 132-133) с «Чином коронования государя имп. Александра Николаевича», Спб. 1856 г.

[2] Хотя это и не исключало церковного благословения (Ср. Полн. Собр. летоп. т. I, 202 и т. V, 264).

[3] Например: «Благовенчанный и православный царь! Имей страх Божий в сердце твоем и храни веру христианскую греческого закона... Цело имей мудрование православных догматов; почитай излишне матерь твою, церковь, яко о Святом Дусе тя возроди, да и сам почтен будеши от нея», и проч.

[4] Об Иоанне III, по крайней мере, известно, что, на требование новгородцев – клятвою подтвердить их старые права и преимущества, он гордо отвечал, что «Государь не присягает» (*Кар*. VI, стр. 77. *Пахм*. о судебн. докозат. М. 1851, стр. 85, прим. 2).

мы видим, что патриарх начинает спрашивать приступающего к коронованию: «Како веруеши», и Государь начинает отвечать: «Вера убо моя сия есть: Верую во единого Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли»[1] и проч., но и то – без древнегреческих обетов покорности св. Церкви Божией и «благоволительного попечения о подданных, в правде». Последнее дополнение к чину царского венчания сделано уже с принятием нашими государями титула императоров, – когда повелители земли русской возвысились до последней степени и когда всякая тень зависимости царской власти от кого-нибудь, кроме Бога, исчезла[2].

Только и тут это дополнение явилось не в виде формального, за собственноручною, как это было у древних евреев и греков, подписью коронуемого, с произнесением слов: «клянусь», или «соглашаюсь», «обещаюсь», и не в соединении с предварительным исповеданием веры, а в виде отдельного, «по облечении в порфиру, по возложении на себя короны и по восприятии скипетра и державы, призывания Царя царствующих, в установленной для сего молитве, с коленопреклонением». Таким образом, этот древнееврейский обет Богу и народу и древнегреческое клятвенное обязательство пред Церковью у нас, в конце концов, превратились в торжественное, «в слух верных подданных», произнесение Символа Православно-Кафолической веры, и в таковую же молитву Царя к Царю царствующих о ниспослании небесной помощи к благоустроению всего на пользу народа и на славу Божию. Однако, если мы обратим внимание на обстоятельства и самую форму произнесения – как этого вероисповедания, так и этой молитвы, особенно на заключительные слова этой молитвы, если, притом, посмотрим на присоединенную, в соответствие этой молитве, благодарственную и умилостивительную, с коленопреклонением же, молитву самих верноподданных, то не можем не усмотреть в совокупности всех этих молитвословий ясных следов, с одной стороны, древних «заветов» и обетов царей израильских, а с другой менее древних, но более определенных - клятвенных обязательств царей греческих[3].

---

[1] Твор. Свят. Отцов, 1882 г., статья *А. В. Горского,* в конце.

[2] Настоящий свой вид весь чин коронования принял с Петра II. (Ср. выходы царей, изд. 1844 г. Указат. *Строева,* под сл. «Мономаховы регалии»).

[3] Можно было бы указать в истории коронования русских государей и на более совпадающие с древними формулами царских обетов – обязательства царей греческих, но, очевидно, это были только исключения, вызванные особыми обстоятельствами и потому не нарушающие составленного нами на более общих примерах – взгляда на развитие настоящего царского вероисповедания и царской молитвы (исключения эти представляют:

Вот это вероисповедание и эти две молитвы, как они совершены были при венчании в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича.

По окончании пения псалма, во время которого Их Величества, Государь Император и Государыня Императрица, вступили во Св. Успенский храм, митрополит Московский, взошед на амвон трона к Его Императорскому Величеству, сказал Его Величеству следующую речь: «Благочестивейший Великий Государь наш, Император и Самодержец Всероссийский! понеже благоволением Божиим и действием Святого и всеосвящающего Духа и Вашим изволением имеет ныне в сем первопрестольном храме совершиться Императорское Вашего Величества коронование и от Святого Мира помазание: того ради, *по обычаю древних христианских Монархов и Боговенчанных Ваших предков, да соблаговолит Величество Ваше в слух верных подданных Ваших исповедать Православно-Кафолическую Веру*, «*како веруеши*»? – И сие сказав, поднесъ пред лице Его Величества разгнутую *книгу*, из которой Его Величество *велегласно прочитать изволил Святый Символ православныя веры*: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя и проч.» – По прочтении Символа, тот же митрополит к Его Величеству возгласил: «Благодать Пресвятого Духа да будет с тобою, аминь». А прочие архиереи тоже произнесли тайно. – Митрополит сошел с амвона трона, и протодиакон

во-первых, клятва, произнесенная Годуновым, при его венчании на царство, и во вторых – присяга, данная Василием Ивановичем Щуйским, при его избрании на престол).

Для сравнения и вящшего уяснения дела считаем, однако, не лишним указать на постоянную практику в этом отношении на Западе. Карл Великий там первый короновался – как Западно-Римский император, и он же первый поклялся «пред Богом и св. Апостолом Петром – быть защитником Святой Церкви Римской во всех ея нуждах» (Baron. Sub an. 800). Впоследствии папы, еще до вступления королей в церковь для коронования, обращались к ним с вопросом: «хотят ли они быть верными защитниками и покровителями Церкви Римской» (Ib. an. 1014), и короли нередко, пред серебряными вратами храма, должны были произносить «по книге свое кесарское исповедание», не соглашаясь только иногда «письменно утверждать церковные постановления Рима и его инвеституры» (на чем, при папе Пасхалие II, остановился и самый обряд коронования, Ibid. Sub an. 1101). Католические государи Франции точно также до самого последнего времени клялись, при своем вступлении на престол, в покровительстве церкви Римско-Католической и в ненарушимом соблюдении ее прав и преимуществ. Так, уже Карл X (1825 г. мая 29) «пред Богом обещал своему народу поддерживать и уважать Святую Веру, как подобает христианнейшему королю и первородному сыну церкви». И только с 1830 года вера и церковь в присяге Французских государей остаются в стороне, а их место занимает «клятва – верно соблюдать конституционную хартию, управлять только законами и по законам» и т. п. (Manuel du droit publ. eccl. Frans., par *Dupin*, Paris, 1844).

возгласил: «Благослови, Владыко». – Архиерей: «Благословенно царство» и пр. (Началось Священнодействие коронования).

По совершении коронования, по пропетии многолетия и по окончании звона и пальбы, Государь Император, встав с престола и отдав скипетр и державу тем особам, которыми оные в процессии несены были, *соизволил прочесть, с коленопреклонением, по книге, поданной митрополитом*, следующую к Богу *молитву*: «Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим и премудростию Твоею устроивый человека, да управляет мир в преподобии и правде! Ты избрал мя еси Царя и Судию людем Твоим. Исповедую неисследимое Твое о мне смотрение, и благодаря величеству Твоему покланяюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на неже послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем. Да будет со Мною приседящая престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть право в заповедех Твоих. Буди сердце мое в руку Твоею, еже вся устроиши к пользе врученных Мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово: милостию и щедротами единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси с Пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, во веки, аминь».

По прочтении же Его Императорским Величеством этой молитвы, митрополит возгласил: «Мир всем». Лик: «И духови твоему». Протодиакон: «Паки и паки, преклоньше колена, Господу помолимся». *И все предстоявшие, кроме Его Величества, преклонили колена*, а митрополит Московский, стоя также на коленах, прочел, *от лица всего народа*, следующую молитву: «Боже великий и дивный, неисповедимою благостию и богатым промыслом, управляя всяческая, Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами, разнообразные пределы жизнь и сожительство человеческое приемлет, благодарне исповедуем: яко не по беззакониям нашим сотворил еси нам, ниже по грехом нашим воздал еси нам. Согрешихом, Господи, и беззаконовахом, и крайняго Твоего отвращения достойны сотворихомся. Ты же, о неисчетная Благостыня, милостивый и долготерпеливый, и каяйся о злобах человеческих, Владыко, наказав нас кратким бывшия печали посещением, се изобильно исполнил еси радости и веселия сердца наша, оправдав над нами царствовати возлюбленнаго Тобою Раба Твоего, Благочестивейшаго Самодержавнейшаго Великаго Государя нашего Императора Александра Николаевича всея России: умудри убо и настави Его непоползновенно проходити великое сие к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людем Твоим в правду, и Твое сие достояние в тишине и без печали сохранити, покажи Его

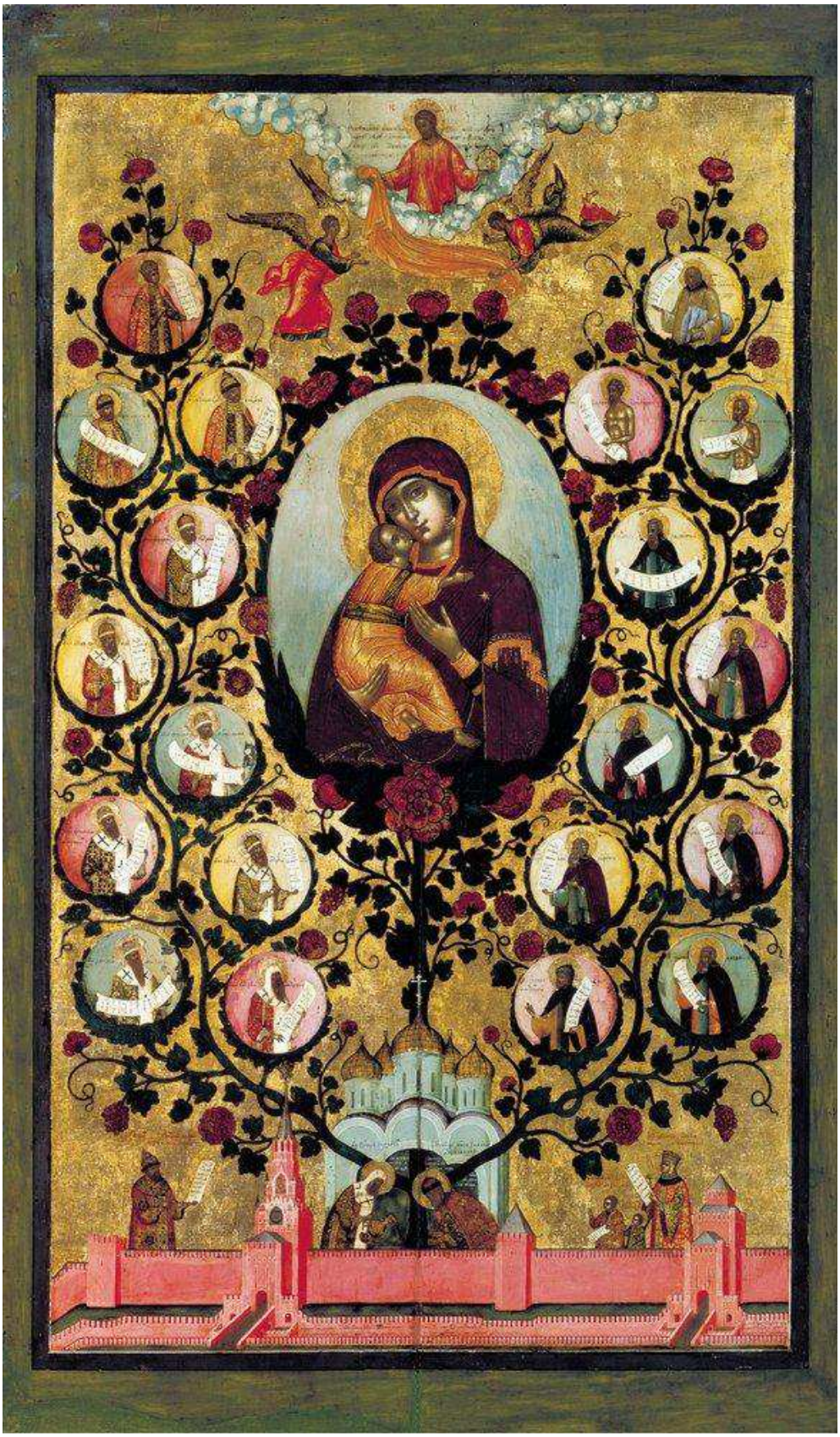
врагом победительна, злодеем страшна, добрым милостива и благонадежна, согрей сердце Его к призрению нищих, ко приятию странных, к заступлению напаствуемых. Подчиненныя же ему правительства управляя на путь истины и правды и от лицеприятия и мздоимства отражая, и *вся от Тебе державе его врученныя люди в нелицемерной содержа верности*, сотвори его Отца о чадах веселящагося и да удивиши милости Твоя на нас. Умножи дни живота Его в нерушимом здравии и непременяемом благополучии, даруй же во дни его и всем нам мир, безмолвие и благопоспешество, благорастворение воздуха, земли плодоносия, и вся к временной и вечной жизни потребная. О премилосердый Господи наш, Боже щедрот и Отче всякия утехи, не отврати лица Твоего от нас и не посрами нас от чаяния нашего, уповающе на Тя, молимся Тебе и молящеся на щедроты Твоя уповаем: Ты бо един веси, еже требуем, и прежде прошения подаеши, и дарования утверждаеши, и всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Тебе Отца светов. Тебе слава и держава со единородным Твоим Сыном, и Всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков». Лик «Аминь». После молитвы, *митрополит произнес краткую приветственную Его ВЕЛИЧЕСТВУ речь*; по окончании же оной, возгласил: «Слава Тебе благодателю нашему во веки веков». И певчие пропели: «Тебе Бога хвалим», и был колокольный звон.

За сим началась Божественная литургия.

Подчеркнутые места и взаимное сопоставление изложенного вероисповедания и молитв не оставляют ни малейшего сомнения – как в их происхождении от древнегреческих и древнееврейских царских обетов и обязательств, так и в их *удостоверительном*, церковно-государственном характере.

Прот. К. Б.

«Странник». 1882. Том II. С. 541-556.



«ДРЕВО ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»
«Похвала Владимирской иконе Божией Матери», «Насаждение древа государства российского». Писана в 1668 году Симоном Ушаковым.

Иеромонах Алексий (Виноградов)

«РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО» ПО ПАМЯТНИКАМ ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ.

Все народы и племена, на какой бы низкой степени культуры ни стояли, питают и обнаруживают к семейному союзу особенное почтение и благоговение. Издревле у народов, хранящих в чистоте патриархальный, семейный быт, отец семейства и мать, родоначальник, даже кормилица и воспитатели детей почитаются высоко; первому отцу человечества, прародителю, в различных религиях естественных воздается особенный культ, существуют изображения его, которым воздаются божеские почести. В государствах с сильным развитием и преобладанием семейно-родовых союзов, и на главу верховной власти переносятся функции и власть, свойственные отцу естественного семейства, родоначальнику, которые еще более расширяются признанием в нем Божественного права и полномочия. Христианская Церковь в лице Государя чтит помазанника Божия, непосредственное орудие Провидения о вверенном народе. Вследствие такого коренного и общечеловеческого взгляда получают важность и значение те памятники искусства, в которых естественное и церковно-гражданское родство находят свое олицетворение. В Западной, Восточной и Русской церкви есть немало этого рода художественных памятников, из которых одни представляют родословное древо Иисуса Христа, другие под тою же формою «древа» изображают родословие князей, царей и императоров. К первой категории относятся замечательные памятники западной иконографии, описанные Дидроном, именно:

«древо Иессея» – живопись на стекле в Маинцском соборе XIII века[1].

[1] Композиция изображения, лица, предметы и надписи здесь следующие (A. N. Didron, *Annales archéologiques*, vol. XV [Paris 1855], p. 355-357): в нижней части росписанного в окне собора стекла, возлежит на праздничном ложе патриарх Иессей; от него вырастает таинственное древо, на котором рассажены в симметрическом порядке: царь

Родословное древо святой Анны, матери Приснодевы Марии[1].

Родословное древо предков Иисуса Христа на фресках Пармского баптистерия[2].

Наряду с «родословным древом» предков Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии, расширяемым присоединением тех или других подробностей с поучительною целью, в Христианской Русской иконографии есть другой вид этого древа, имеющий священное значение; это – родословное древо князей и царей, встречающееся в некоторых монастырях и храмах на фресках, иконах

и пророк *Давид*, мудрый царь *Соломон и Пресвятая Дева Мария, предки по плоти Иисуса Христа*. Следующий стих, написанный над генеалогическим ложем Иессея, объясняет значение основной идеи изображения: sic ⁞ Deus ⁞ ex ⁞ Jesse ⁞ cepit ⁞ carnaliter ⁞ esse. На верху стекла находится сам Иисус Христос, над главою которого парят семь Даров св. Духа в форме семи голубей. На левой и на правой стороне родословного древа размещены пророки – *духовные предки Христа*, которые предсказали или предъизобразили воплощение Спасителя. Сюда относятся: Осия, Авдий, Аарон, Моисей, Амос, Наум, Захария, Малахия.

[1] Живопись на стекле в капелле св. Анны, в храме Пр. Девы, что в Шалоне на Марне (A. N. Didron, *Annales archéologiques*, vol. XV, p. 357-358). Капелла св, Анны, прекрасной церкви Щадонской Богоматери, имеет три картины, писанные на стекле (verrières), в стиле начала XIII столетия, изображающие жизнь матери Приснодевы и отчасти жизнь самой ее; здесь же помещается и родословное древо, в следующем виде: в самой средине сидит св. Анна, от нее идет это древо; следуют затем праведный Иоаким, св. Иосиф обрученник Пр. Девы и – сама Она, держащая на руках Иисуса и окруженная семью Духами под видом божественных голубей, которые почиют на главе Спасителя, по пророчеству Исаии (XI гл. 1-5), По боковой линии изображены: слева – Клеопа и Мария с дочерью и зятем Алфеем; апостолы – св. Иаков младший, св. Симон, св. Иуда и св. Иосиф праведник (justus); справа – Саломия от дочери которой и зятя Зеведея родились апостолы: Иаков младший и св. Евангелист Иоанн Богослов. В самом же низу находятся: Исмерия, сестра св. Анны, св,. Елизавета и Захария, отец и мать Иоанна Крестителя. Наконец, как бы в самой глубине корня дерева, находятся цари и пророки Давид и Соломон.

[2] A. N. Didron, *Annales archéologiques*, vol. XV. Стены баптистерия гор. Пармы украшены (по времени 1196 г.) изображением Родословной Иисуса Христа, заключающей в себе не только предков его по плоти, но и тех святых церкви ветхозаветной, которые полны были чаянием обетованного Мессии, пророчествовали о нём, прообразовали его; сюда относится родословное древо патриарха и его двенадцати сыновей, древо царственного патриарха Иессея, древо Пророков и соответствующие им, по числу и великой могущественной проповеди новозаветной, – двенадцать апостолов. Для всей вообще родословной и изображенных предметов, лиц, на стенах баптистерия, связующим звеном служит Бог Отец, Промыслитель о мире и человеке, представленный под видом ветхого деньми, мудрого, милосердного и праведного отца семейства, Владыки им насажденного и возделываемого чрез святых слуг виноградника. Любопытные подробности относительно этого предмета, равно как и о других сходных изображениях, автор надеется сообщить особо.

иди в синодиках. Е сожалению, до сих пор мы не имеем подробных сведений об этом иконографическом сюжете[1], по разным вариантам, а потому ограничиваемся для примера описанием только двух; один имеем в синодике новоиерусалимского монастыря, хранящемся в его библиотеке; другой – на фреске Ильинской церкви в гор. Ярославле.

Синодик принадлежал государыне великой княжне царевне Татьяне Михайловне; рисунок слегка раскрашенный писан ее рукою[2]. Вот описание его:

Изображено дерево с расходящимися в две стороны ветвями, в листьях которого расположены великие князья и цари в следующем порядке:

---

[1] ***Ред.:*** В XIII-XIV вв. сюжет «Древо Иессеево» становится широко распространенной темой в росписях византийских храмов. Композиция обычно помещается на наружных стенах или в нартексе, где, как правило, располагаются циклы прообразовательного характера, «Страшный Суд», «Вселенские Соборы», а также портреты царей, ктиторов и местных святителей. В этом контексте «Древо Иессеево» отражает связь Ветхого и Нового Заветов, раскрывает в образах темы воплощения и спасительной жертвы Христа. В XIII в. становится обычным сочетание «Древа Иессеева» с портретами царей, епископов и ктиторов. В начале XIV в. в искусстве Сербии по образцу «Древа Иессеева» была новая историческая композиция «Лоза Неманичей», представляющая родословное (генеалогическое) древо царствующей династии сербских королей. Родословная Неманичей подчеркивала тесную связь имперской идеи в Сербии с династической, что было чуждым для Византии. Построение по образцу родословия Христа должно было подчеркнуть божественное происхождение власти Неманичей. Включение в данную композицию являлось автоматическим подтверждением легитимности власти данного сербского короля. Все представители этой династии, кроме Стефана Душана, были канонизированы после смерти, таким образом, династия Неманичей стала «святородной». Ее представители воспринимались как избранники Божии – хранители и защитники Православной Веры, ведущие свой народ в Царство Небесное. Впервые эта композиция появилась в задужбине короля Милутина – монастыре Грачаница (в церкви Богородицы, 1320-1321 гг.), со временем начала появляться во фресках ряда монастырей и храмов, которым покровительствовала эта династия: комплекс Патриархии в городе Печ (ок. 1330 г.), Дечани (1335-1350 гг.) и др. Мотив Родословной Неманичей появляется в похвале и службе королю Милутину, где проводится прямая параллель между Христом и родом Немани. Согласно исследователям, именно византийский мастер Феофан Грек, включая в начале XV в. композицию «Древа Иессеева» в стенопись галереи Благовещенского собора Московского Кремля, также стремился подчеркнуть избранность московской династии. См. Л. Б. Сукина. *Генеалогия князей и царей в русской художественной культуре позднего Средневековья*. // *История и культура Ростовской земли*. 2003. Ростов 2004. С. 366-375.

[2] Отличная копия хранится в Музее Христианских древностей при Императорской Академии Художеств в С.-Петербурге. ***Ред.:*** следующую статью проф. И. И. Срезневского.

В. Князь Ярослав.
„ „ Владимир.
„ „ Всеволод Владимирский.
„ „ Александр Невский (в схиме).
„ „ Иоанн Калита,
„ „ Дмитрий Донской.
„ „ Василий (?).
„ „ Иоанн всея Руси.
Царь и В. Князь Иоанн.
„ и В. К. Михаил Феодорович.
„ Феодор Алексеевич.

В. Князь Всеволод.
„ „ Георгий Долгорукий.
„ „ Ярослав Владимирский.
„ „ Даниил Московский (в схиме).
„ „ Иоанн.
„ „ Василий Димитриевич.
Царь Василий (инок Варлаам).
„ Феодор Иоаннович.
„ и В. Князь Алексей Михайлович.

Фреска, находящаяся над крыльцом паперти Ильинской церкви в г. Ярославле, по времени написания XVII стол., имеет следующие особенности:

I. Внизу картины, посреди нее, представлен великий князь *Владимир* лежащим на земле; в одной руке у него держава, в другой скипетр, головою обращен влево от зрителя. За коленами князя произрастает древо, средний, ствол которого заканчивается в верхушке опрокинутой вниз царской короной, а в ней помещено несколько едва оперившихся птенцов, с троерогими гребешками на головках. Посредине ствола сидят два царя, один над другим: вверху *Михаил Феодорович*, внизу – царь *Иоанн*, от которых расходятся по обе стороны ветви с цветами. На каждом из цветов изображены по пояс остальные цари и князья. По обеим сторонам древа представлены еще две пальмы и за ними стоят князья: направо – *св. Борис*, влево – *св. Глеб*. На верху зеленых пальм видны опрокинутые княжеские венцы; вокруг же деревьев обвиты тонкие свитки, надписи в них стерлись. От Царя Иоанна идут по сторонам две ветви с о следующими князьями и надписями:

а) В направлении к св. Борису – царь *Василий* и царевич *Петр Петрович*.

б) В Направлении к св. Глебу – царевич *Димитрий Иоаннович*, царевич *Александр Петрович* и великий князь *Петр Алексеевич*. От Михаила Феодоровича идут ветви с следующими лицами:

а) В направлении к. св. Борису – царь Алексий Михайлович, царевич Симеон Алексеевич и царь Иоанн Алексеевич.

б) В направлении к св. Глебу – царь *Феодор Алексеевич*, *царевич Алексей Алексеевич* и царь *Петр Алексеевич*.

II. Посреди картины, над упомянутой выше короной с птенцами, видим свиток; в нем надпись: «род правых благослови».

Над древом св. Бориса в перспективной дали, на золеной луговине, изображено множество белых птиц (голубей), над которыми парит одноглавый орел с короною на голове; вверху надпись: «уповающий на Господа окрылявают и потекут».

Над древом св. Глеба, на зеленом поле, представлена битва. *Св. Георгий Победоносец*, на коне, поражает чудовищного дракона; войска неприятелей ра ссееваются, одни воины скачут на лошадях, другие попадали на землю мертвыми. Надпись над всем: «пожену враги моя... » (остальные буквы стерты от времени).

III. Над самым родословным древом парит *двуглавый орел* с большими крыльями, по обеим его сторонам изображены *Иисус Христос* и *Божия Матерь*. На груди орла представлен св. Георгий победоносец, поражающий змия. Над орлом три короны, в когтях у него диск луны с продолговатым в ней лицом человека. Надпись под ногами орла: «и луна под ногами его». Из клювов двуглаваго орла выходят узкие свитки с надписями. По направлению к Иисусу Христу, обратными буквами написано: «очи мои выну ко Господу»; по направлению к Богородице обыкновенная надпись: «очи мои выну к Госпоже...». Иисус Христос, благословляющий обеими руками, изображен по пояс в солнечном круге, плавающем в облаках. Надпись наверху: «в солнце положи селение свое». Над этими словами в свитке – облака, из которых простерта десница, держащая венец; по сторонам его еще два венца. Божия Матерь изображена также по пояс в круге, на облацех; над нею свиток, слова стерлись. Над свитком, из облаков простерта шуйца, около нее – семь звезд. Богоматерь представлена молящеюся к возлюбленному Сыну, с воздетыми руками. Наконец, в самом верху рассматриваемой картины, в облаках, изображен крест е лучеобразным сиянием; по сторонам его слова: «ІИС. ХС». Под крестом и над главами орла – свиток, разделенный на три части, в нем написано: «в сем» «знамении» «поведается».

Заметим также, что у всех царей и князей родословного древа кругом головы обведены нимбы, как у святых на иконах. Какое историческое значение имеют эти нимбы и откуда они появились в нашей иконографии при изображении даже таких лиц, которые не канонизованы Церковью как святые? Насколько можно считать достоверными портреты на двух описанных родословных древах и какие древние памятники могли послужить образцами

при составлении этих и других подобных сложных сюжетов? – вопросы, на которые ответить считаем немаловажным делом[1].

Обращаясь к древне-византийским и частию римским памятникам, влиявшим в общем и технике на русскую иконографию[2] со времени принятия св. веры, находим... с нимбами кругом головы следующих лиц: на древне-греческой резьбе из слоновой кости 1068 г.: император римский Роман и его супруга Евдокия; на Византийском ковчежце XI в., хранящемся в Московской патриаршей ризнице, – император Константин Дука; тоже имеют – император Никифор Вотаниат и его супруга Мария; – император Алексей Комнин, посвящающий свой труд Господу; на фреске Софийского собора, ныне мечети, – император Юстиниан коленопреклоняющийся пред иконою Господа Иисуса. В Успенском Московском соборе хранится барельефная икона с изображением Константина Великого на коне и убивающего дракона, а вдали – освобождаемая им женщина – Церковь и Империя; икона эта, как видно по римской надписи на ней, посвящена народом римским и сенатом изображенному на ней с нимбом царственному герою, за дарование им мира

[1] ***Ред.:*** Разъяснение по этому вопросу находим у блаж. Симеона Солунского: «Что же касается до сияния в виде кружка, которое делается и на иконах Святых: то оно указывает на благодать, сияние и действенность в них безначального и безконечного Бога: так как они, быв укреплены и просвещены благодатию, начали брань и, успешно окончив ее, пребывают всегда с Богом, постоянно имея в себе Его благодать, которая, будучи божественною, не имеет ни начала, ни конца. Потому сияние и делается в виде круга, а на иконах Спасителя делается тройное, потому что Он есть един от Троицы, и в Нем – Отец и Дух Святый. Подобное изображение имеют и получившие архиерейскую благодать, как светоносную, равно и **цари, как приявшие помазание на царство**» (*18-й ответ* митр. Пентапольскому Гавриилу). Идея «богоизбранности» верховной власти выражена также в стенописи Архангельского собора Московского Кремля, где на фресках изображены московские великие и удельные князи, начиная с Ивана Калиты. Головы князей очерчены нимбом, хотя ни один из них, за исключением Дмитрия Донского, в действительности канонизирован не был. Хорошим примером правильного изображения царского миропомазания является ктиторская икона (ок. 1375) с фронтальным изображением императора Трапезунда Алексея III Великого Комнина и св. пророка Иоанна Крестителя, держащих в руках модель монастырского собора Дионисиатской обители на Афоне. Нимб у императора пурпурного цвета, в отличие от обычного для святых нимба золотого цвета у Предтечи.

[2] См. «*Христианские древности и археология*». Ежемесячный журнал. ред. В. Прохорова. Кн.1-12 (Спб. 1864-1865); И. Е. Забелин. *Домашний быт Русских Царей и Русских Цариц* (М. 1862); И. М. Снегирев. *Памятники Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы* (М. 1842-45); Атлас «*Древностей и истории Российского Государства*», изданный по Высочайшему повелению, с рисунками академика Ф. Г. Солнцева (М. 1849-1853).

обширной монархии и свободы Христианской Церкви. На рельефе, изображающем охоту императора Траяна на вепря, видим также нимб кругом головы, царственного охотника; голова статуи Юлия Цезаря в Риме была украшена семью лучами, равносильными нимбу.

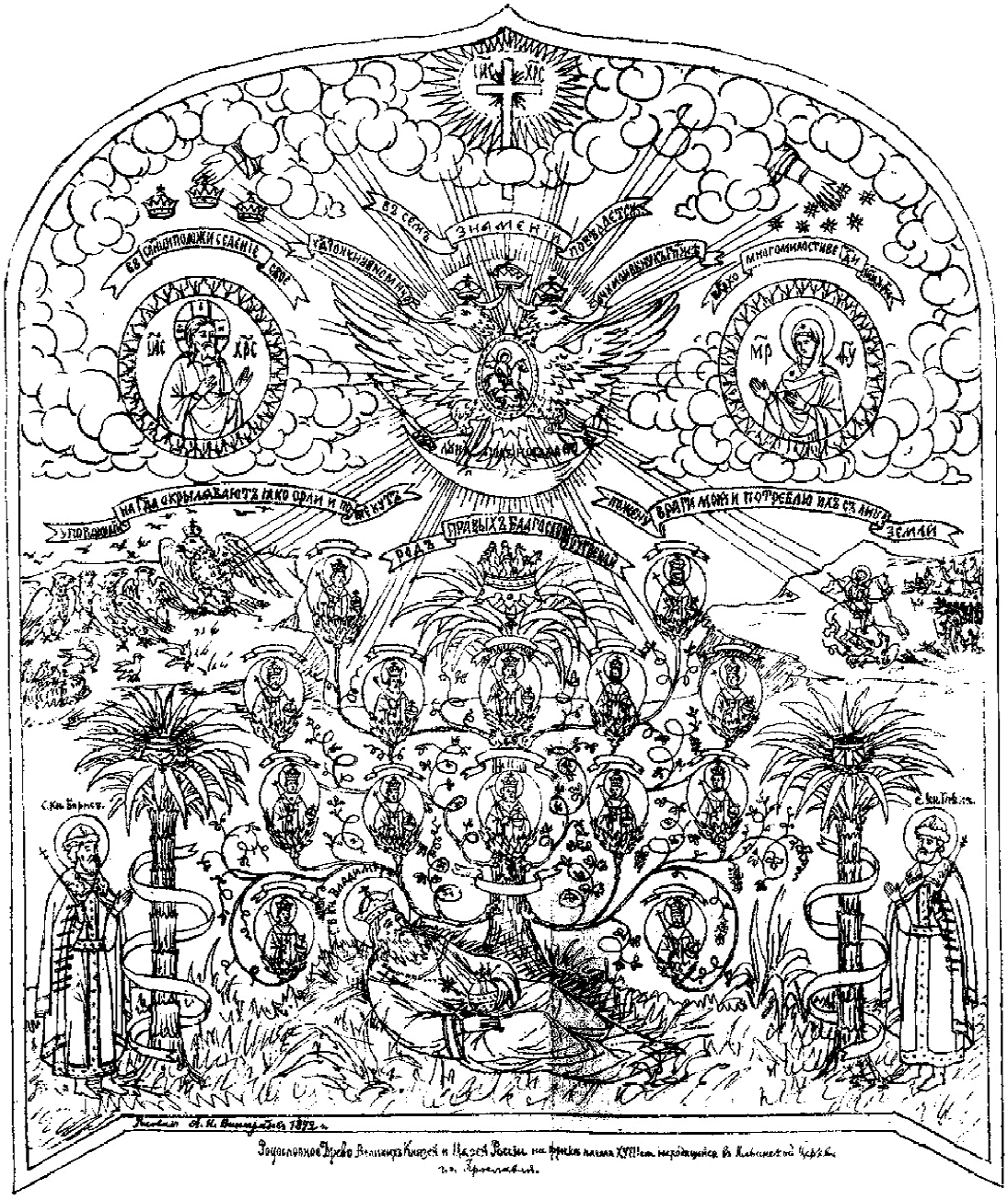
Что касается памятников собственно древне-русских, на которых бы находились подобные изображения лиц, то мы не имеем их в значительном количестве. Только с Московского периода, Великие Князья и Цари сооружают памятники, украшаемые изображениями царственных лиц, по образцу Византии. При Царе Феодоре Иоанновиче в первый раз видим росписанные стены грановитой палаты, на которых были изображены лики российских державных особ: Св. Владимира, Ярослава Мудрого, Всеволода I-го, Владимира Мономаха, Георгия Долгорукого, Св. Александра Невского, Даниила Московского, Иоанна Калиты, Димитрия Донского и его преемников до самаго Феодора I-го, подле котораго стоял у трона правитель Борис Годунов в шапке мурманке и в верхней златой одежде на опашку. В золотой царицыной палате, бывшей некогда святительской, на сводах, стенах и откосах окон, по золотому фону, написаны деяния святых Равноапостольных царя Константина и царицы Елены; – царицы Динарии, дочери Иверского царя Александра, воевавшей с персами; – Великой Княгини Ольги; собор против царя Феодора иконоборца; синаксарь на неделю православия; лики святых цариц: Ирины, Феодоры, Софии и благоверной Ольги; местами – гербы и цветы. В Московском Архангельском соборе, служившем усыпальницею царей и великих князей, до сего времени над гробницею каждого в Бозе почившего из них изображены во весь рост их фигуры-портреты. На саккосе митрополита Фотия 1411 года вышиты шелками изображения В. Князя Василия Димитриевича и В. Княгини Софии. На рукописи Ново-Иерусалимского монастыря, 1073 года, хранящейся ныне в патриаршей библиотеке, изображены князья: Глеб, Олег, Давид, Роман, Ярослав и жена Святослава; в печатном Московском апостоле 1564 г. помещена гравюра – портрет царя Иоанна Васильевича. На одной из находок гор. Рязани – гривне, из мусии, находится изображение юного князя с нимбом кругом головы и с звездовидным крестом в левой руке, и т. д.

Нимб или сияние кругом головы на означенных памятниках, встречаемый не на всех, утрачивается со временем все более и более, так что в конце XVIII ст., а тем более в XIX столетии встречается он уже редко. Что касается сходства этих изображений древних князей и царей, то во многих случаях на них полагаться нельзя, так как наряду с неловкостию техническою здесь нередко господствуют вымыслы фантазии. Тем не менее, распространение

сего рода изображений в известного рода хронологическом и генеалогическом порядке и допущение их в число церковных изображений с усвоением им нимба содействовало не мало к укреплению в народе уважения и любви к ним. Так воспитывалось, с религиозным чувством и сознанием, чувство уважения и любви к Государю. Связь народа Русского с Верховною Властью еще более утверждалась святою подвижническою жизнью Князей и Царей, которые живота своего не жалели для процветания и благоденствия государственного, мира и распространения Христианской веры и просвещения. Таковы – равноапостольные В. Кн. Ольга и В. Кн. Владимир, Мудрый Ярослав, благочестивый Мономах, страстотерпцы князья Борис и Глеб, Михаил Ярославич Тверской и Михаил Черниговский, убитый в Угличе младенец Царевич Димитрий, Князья Ярославские; Василий и Константин, схимонах Феодор с чадами Давидом и Константином, св. Александр Невский, в схиме Алексий, и много других лиц, оставивших по себе в летописях исторических и народной памяти неизгладимые образы и воспоминания. Такая традиция и жизненность прошедшего, помимо разного рода сказаний, житий, повествований, стихов, духовного, исторического или поэтического содержания, поддерживались немало распространением родословных, более или менее систематических сборников, в которых говорилось о замечательных лицах, их жизни и деяниях, о времени, когда они жили, обяснялся так или иначе смысл государственной, церковной и семейной жизни, назначение человека с точки зрения закона нравственно-христианского. Священная и церковная история и, в связи с ними – национальная, русская, рассматриваются как неразрывное целое. Художники иконописцы, как и образованные летописцы и составители означенного рода письменных памятников, идут сомкнутым строем в великом деле воспитания народного. Родословные древа, лицевые изображения святых, равно царственных лиц, наглядно воспроизводят и повторяют то, что дает письменный памятник или живое предание об этих лицах[1].

[1] Важным источником для родословия российского государства является составленный царем Иоанном Васильевичем в 1557 г. «Помянник всех великих князей и княгинь», представляющий собой список членов русской правящей фамилии (великих и удельных князей и княгинь). Первый русский царь просил константинопольского патриарха молиться не только за себя и за здравие членов своей семьи, но также требовал заупокойных молитв ко всему русскому великокняжескому роду. Этим он проявлял особую свою заботу о сохранении памяти своего царского рода. Царь предлагал внести все эти имена в синодики для поминовения на патриарших богослужениях в Константинополе и на Св. Горе Афон. Синодик московских царей был передан патриарху Иоасафу, через митрополита

Сборник Археологического Института. Кн. 3. Издан под редакциею Н. В. Калачова. Спб. 1880. С. 65-73.



Пророись фреска «Род Царствия благословится».

евгрипского и кизического Иоасафа, приезжавшего тогда в Москву за милостыней. См. *С. А. Белокуров. Синодик московских царей XVI века. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1897. Кн. 3. Отд. V. С. 25-28.* Еще в 1548 г. этот царь, по благословению московского митрополита Макария, установил общую заупокойную память во всем своем Государстве, среди указаных царским указом были также «благоверные князи», предписывалось поместить их имена в «соборныя книги» (т. е. церковные синодики). См. *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1. Спб. 1836. № 219. С. 208.*

Проф. Измаил Иванович Срезневский

РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ. РИСУНОК 1676-1682 Г.

Ред.: *С 1620-х гг. в киевских печатных изданиях появляются орнаментальные обрамления титульного листа с изображениями Киево-Печерской лавры и препп. Антония и Феодосия, св. равноап. кн. Владимира с сыновьями свв. блгвв. кнн. Борисом и Глебом и св. вел. кн. Ольги («Номоканон», Киев 1629, загл. л.), тем самым начали включать Русских князей в число почитаемых киевских святых. Другим местом, где появляется эта композиция, была гравюра из книги «Меч духовный» архиепископа Черниговского Лазаря (Барановича) (Киев, 1666. Л. 2 об.). К середине XVII в. складывается иконография «Родословного древа Киево-Печерского монастыря», сам известный пример с 1660-е гг. из церкви Киево-Печерской иконы Божией Матери города Углича (ныне хранится в УГИАХМ). Именно киевские произведения были теми, которые повлияли на формирование иконографии «Родословное древо российских государей».*

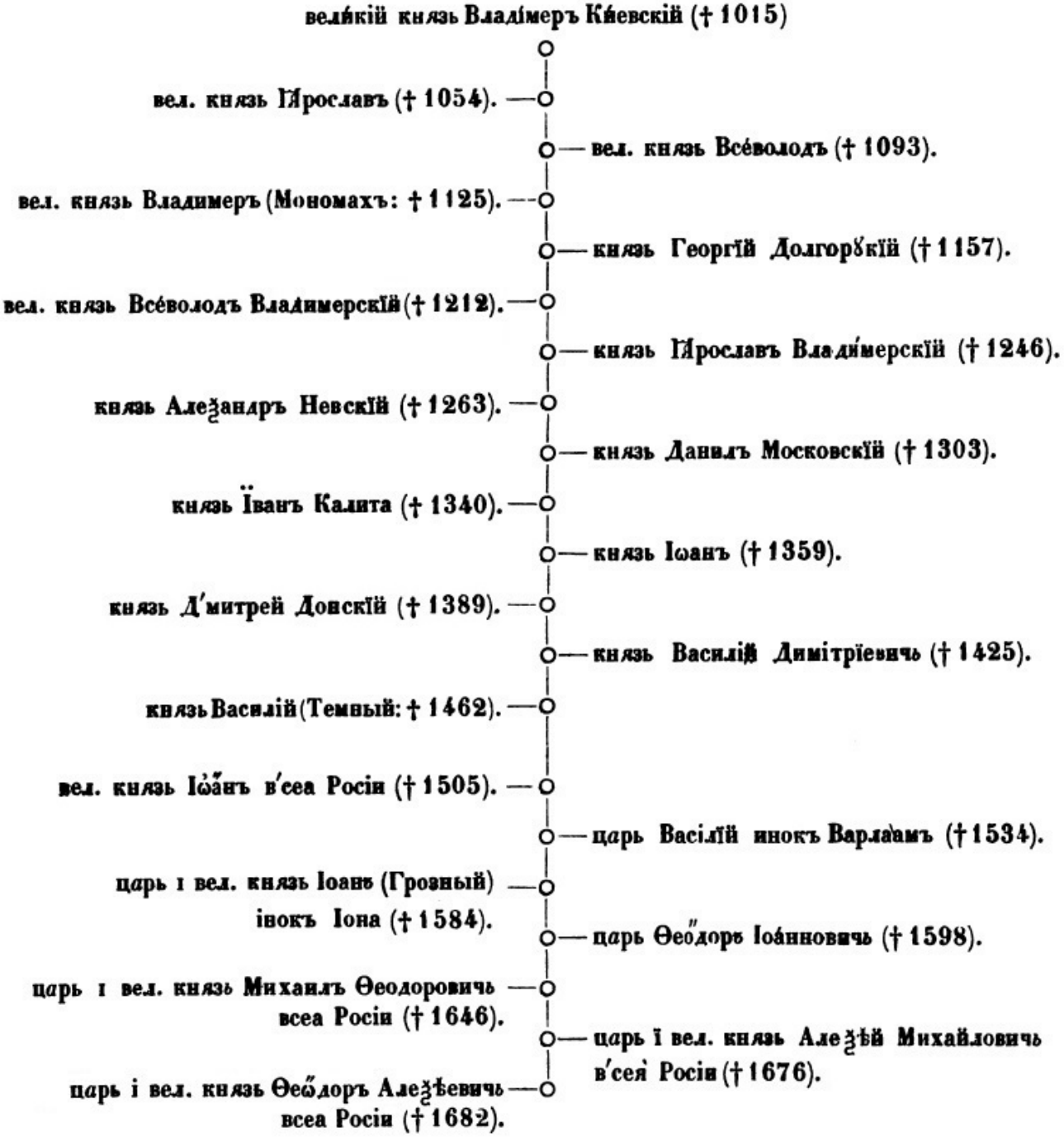
Рисунок родословного дерева Русских князей н царей, помещенный в синодике Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, представляет последовательный ряд прямых наследников рода Владимира по степеням от родоначальника до последнего в роде царя Феодора Иоанновича, и затем ряд трех царей из рода Романовых. Родословное дерево останавливается на царе Феодоре Алексеевиче; следовательно, и составлено еще при его жизни. Царь Феодор Алексеевич (род. в 1661 г.) вступил на престол по кончине отца, 29 января 1676 г., и скончался, по 22-му году от рождения, 27 апреля 1682 г.; следовательно рисунок делан не ранее 1676 г. и не позже 1682 года.

Замечательный и сам по себе, как образец русского рисовального искусства XVII-го века, он еще более замечателен, как произведение царевны Татьяны Михаиловны, мирно проведшей свою долгую жизнь в занятиях молитвой, чтением и работами. Не в первой молодости она уже была в то время, когда рисовала это родословное дерево: она родилась 5 января 1636 года (Акты Арх.

Экспедиции, III: 396; Дворцов. разряды, II: 490-491); следовательно во время вступления на престол царя Феодора ей было уже сорок лет.

Представляя знатокам дела судить о достоинстве рисунка, я сделаю только несколько заметок о его содержании.

На рисунке изображены князья и царя с надписями, одни по правую, другие по левую сторону[1], исключая первого, Владимира, занимающего место в середине на верху, в следующем порядке:



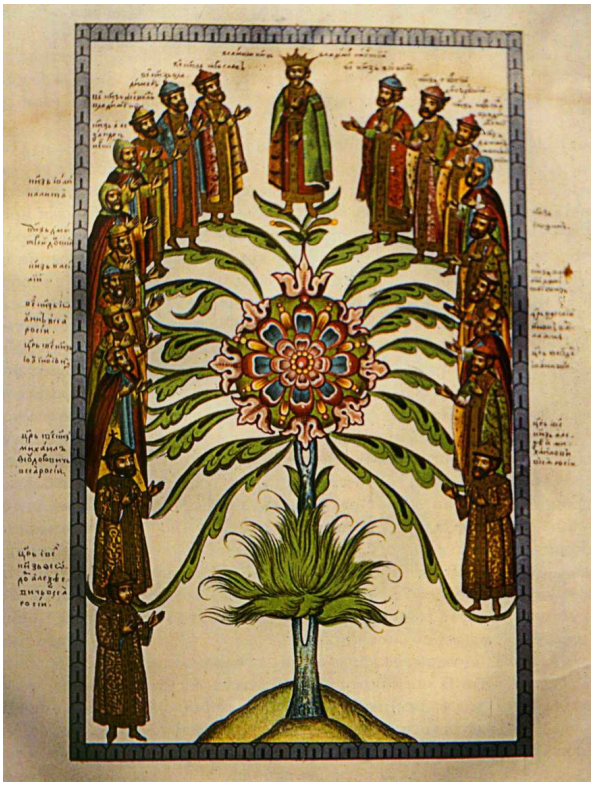
[1] Для показания, какие из князей и царей нарисованы на правой, и какие на левой стороне, ставлю черту у кружка. Кроме того, в скобках прибавляю к надписям годы кончины государей и некоторые заметки.

Один только родоначальник в. к. Владимир изображен в короне; большая часть остальных – в царских шапках; последние три царя, из рода Романовых – в таких же шапках с крестами наверху.

Все князья и цари из рода Владимира, кроме пяти, изображены в одинаковых одеждах: в кафтанах, отороченных золотым кружевом и подпоясанных золотыми тесьмами, и в охабнях, то зеленого, то красного цвета, накинутых на плеча; цари же из рода Романовых изображены в парчовых золотых платьях, обложенных золотым кружевом. Пять князей изображены в иноческих одеждах: два в монашеских мантиях с непокрытыми головами – Василий Иоаннович (инок Варлаам) и сын его Иоанн Грозный (инок Иона); три тоже в мантиях и в схимнических куколях – Александр Невский, Даниил Александрович и Иван Калита: все три действительно приняли схиму перед кончиною. Мантии – коричневого цвета и куколи – голубоватого.

Из рисунка видно, что древние княжеские одежды не были уже памятны в XVII веке.

Известия императорского Археологического общества. Т. 4. Вып. 3. СПб., 1863. С. 308-310.



«Родословное древо русских князей и царей».
Миниатюра Синодика Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря
(ГИМ. 80370. Воскр. № 66. Л. 56, 60-80-г гг. XVII в.)

ПРИСЯГА НА ПОДДАНСТВО – ЦАРЮ НЕБЕСНОМУ И ЗЕМНОМУ ВЕРНЫЕ.

Святитель Феофан Затворник

О ПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ И СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ.

«*Всяка душа властем предержащим да повинуется*».

(Рим. 13, 1)

Обстоятельства времени учат человека и внушают ему разные наставления по роду своему. Так – дни царские невольно склоняют внимание на царя и царство, а здесь – во храме – переносят мысль от царства земного к Царству Небесному и побуждают соразмерять служение в одном с служением для другого. В самом деле, братия, когда в дни царские мы собираемся в храмы Божии, в коих обыкновенно служим Богу истинному, – *творити молитвы, моления, прошения, благодарения (*1 Тим. 2, 1) за Царя и царство, то сим исповедуем не только то, что Вышний владеет царством человеческим и, куда хощет, направляет его, но и то, что, служа отечеству, мы сим самым служим Богу. Как же приходит некоторым на мысль, будто между сими служениями нет союза и будто посвятивший себя одному неизбежно оставит и забудет другое? Если здесь приносим мы благодарение Богу за прошедшие успехи в служении общественном и просим помощи на дальнейшее в нем преспеяние, если то есть сие служение отсюда как бы исходит и сюда же возвращается, то, когда действительно, может быть, кого отвлекает оно от служения Богу и ослабляет в ком дух благочестия,– не зависит ли это от вины нашей, а не от самого служения? Когда Господь говорит: *воздадите кесарева кесаревы, а Божия Богови* (Мф. 22, 21), то внушает, что совмещать сие обоюдное служение не только можно, но и должно. Свойство же самого дела показывает, что как тело есть орудие, посредством которого душа обнаруживает свои внутренние действия, так и общество и служение в нем есть лучшее поприще для раскрытия и обнаружения невидимого духа благочестия, и не для обнаружения только, но вместе для образования и укрепления. В сем несомненно уверимся, если внимательнее рассмотрим учение апостольское о служении общественном (Рим. 13, 1-8).

Апостол Павел в послании к Римлянам пишет: *всяка душа властем предержащим да повинуется* (13, 1). Когда говорит: *всяка душа*, то не исключает никого, кроме верховной главы царства, всем правящей, и когда говорит: *властем предержащим*, то разумеет всякую вообще власть, законно поставленную. Если теперь в благоустроенном обществе все члены находятся во взаимной зависимости и взаимном подчинении, то оно есть область взаимно повинующихся и, следовательно, училище повиновения. Обратите внимание на то, что значит повиновение в христианской жизни: это есть такая добродетель, которою одною, можно сказать, содержится в целости весь состав нравственности и благочестия. Будем судить по противоположности: начало всех грехов – в неповиновении первого человека повелению Бога – Царя, и теперь – что есть всякий грех, как не плод непокорливости? Спросите: отчего более всего страждут ревнители благочестия? – От своенравия своей воли.– Против чего преимущественно вооружались святые подвижники? – Против своей воли. Что препятствует человеку грешнику оставить грех и обратиться к Богу – на путь правды? – Упорство и развращение своей воли. Как, потому, должно быть благодетельно – истреблять или, по крайней мере, умалять в нас сие зло – свою волю, сокрушать сию выю железную? Но чем и как удобнее можно это произвести? – Ничем более, как повиновением, отречением от своей воли, преданием себя воле другого. Ибо несомненно, что сия последняя едва ли станет свои распоряжения склонять в угодность нам; а когда против воли нашей, то сия по необходимости будет смиряться и вступать в должные пределы. Если теперь общественное служение есть поприще повиновения, то судите сами, как приспособлено оно к истинно христианской и благочестивой жизни! Полагая преграды юношескому жару или обдуманным планам мужа и в то же время обязывая к известным занятиям не по сердцу страстному, оно не только не дает исхода злу из сердца, возвращая его внутрь – как бы на истребление себя, но и подавляет его там, делая постоянный перелом воле действительным служением. Справедливо, что в обществе требуются дела более внешние, тогда как воля может таиться внутри; но какой благоразумный человек позволит навсегда оставаться в себе такому раздвоению! Не понудится ли, напротив, всякий и сердце свое приложить к тому, что делает вовне? И может ли притом быть такое разногласие продолжительным? Искра сама собою гаснет, если не раздувать ее намеренно, и росток в семени замирает, если не возбуждать его живительными стихиями. То же бывает и с своеволием: оно само собою будет слабеть, умаляться и, наконец, совсем сделается незаметным, если не раздражать его исполнением его требований. Вот почему между постоянно служащими, после довольно продолжительной службы,

можно встречать людей, большею частью, тихих, смиренных, благопокорливых. Так, Господь чрез общественное служение всех нас заключил в повиновение, чтобы всех возвратить к Себе чрез уничтожение своеволия и образование смиренной покорности. Ибо, кто людям покорен, тот тем охотнее покорится Богу, и, кто исполняет человеческие постановления, тот тем ревностнее будет исполнять заповеди Божии.

Но скажет кто: «Мы сотворены для Бога; Ему единому и работать должны, чтобы удостоиться потом быть с Ним в Царствии Небесном». Но какое общение между служением земным и трудами Царствия ради Небесного? – Служа ради людей, и притом ради земного их благоденствия, не отдаляемся ли мы тем от своего назначения, сколько небо выше земли и тварь ниже Творца? – Против такого помышления послушайте, что говорит далее Апостол: *несть власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Всякая власть от Бога. Следовательно, и та, под которою каждый из нас непосредственно учинен и какой должен повиноваться. Потому, независимо от того, высока ли сия власть или невысока, она тем не менее есть власть от Бога, и, повинуясь ей, тем не менее повинуемся Богу. Вот связь служения человеку с служением Богу. *Повинися всякому человечу созданию Господа ради* (1 Пет. 2, 13),– и будешь работать уже не человеку, а Богу; человек тогда исчезает из внимания и сердца, а будет там Бог един и Его святая воля. Не видно ли, что – как обратить служение общественное в средство к богоугождению и стяжанию Царствия Небесного зависит от каждого самого? Управь сердце свое, очисть его намерения, освяти ожидания,– и угодишь Богу, отправляя какую-нибудь, по видимому незначительную, должность в обществе. Господь благоволит не к одному только количеству дел и их величию, но, главным образом, к тому расположению, с каким они совершаются. Лепта вдовицы оказалась пред Ним многоценнее богатых вкладов, и стаканом воды оказанное благотворение обещал Он не забыть в Царстве Небесном.

Итак, если чье служение отечеству не восходит к Богу и не превращается в служение Ему, тот, верно, не так служит, как должно, не те имеет цели, не с тем расположением ходит в сем служении. Так, кто исправен по службе и повинуется начальству из страха наказания, тот служит неправо: ибо повиноваться должно, по Апостолу, *не только за гнев, но и за совесть* (Рим. 13, 3). Такой слуга ненадежен. Если отнять у него узы страха, он предастся всему буйству своеволия, несмотря на то что есть Бог, всевидящий и вездесущий. Так же – кто делает все из выгод, в надежде на награды, в ожидании возвышения, тот служит суете и страстям, а не Богу. В обществе необходимы награды, чтоб отличить труды и достоинства от лености и не достоинства, необходимы

повышения, чтобы заместить степени, требующие делателей опытных, которые обыкновенно восходят в меру сию долговременностью и разнообразием занятий. Но кто и целью своего служения поставляет подобное искательство, тот извращает в сердце своем намерения правительства и Божии, по коим нередко бывает нужно умолять, подобно Моисею, чтоб избрал достойнейших. И служение обществу для общества же есть служение неправое. Как будто общество существует само для себя и имеет цель в себе. Господь благоволил быть на земле гражданскому устройству для того, чтобы, вспомоществуя друг другу, друг друга вразумляя и исправляя, тем успешнее достигали вечного блаженства, чрез исполнение Его святой воли и умножение Его славы на земле. Общество есть средство. Кто поставляет его целью, тот отнимает у него цель и делает его как бы пустым и безжизненным. Не оттого ли нет порядка, спокойствия и благоденствия там, где служат обществу для самого общества? Ибо, кто всего ожидает от него, тот первый обратится против пего, коль скоро ощутит себя в нем забытым, незамеченным. Но кто работает ему Господа ради, у того жар ревности не охладеет от холодности и невнимания людей.

Говорить ли, наконец, о том, какое обширное представляется в обществе поприще для упражнения любви к ближним, которая есть вторая главнейшая заповедь – ближайшее средство к богоугождению (1 Ин. 4, 16) и прямейший путь в Царство Небесное, – когда это очевидно само собою; ибо общество есть союз людей, взаимно работающих друг для друга, или, что то же, – ходящих в делах любви. Сравнивают общество с живым телом. В теле живом каждый член живет для всех и все для каждого, и таким всеобщим самопожертвованием хранится целость и здоровье тела. Таким же точно образом зиждется и благосостояние общества. А в этом кто не видит духа любви, которой главное свойство не *своих си точию искать* (1 Кор. 13, 5), *но и дружних смотрять, – не себе только угождать* (Рим. 15, 1), *но и друг друга тяготы носить* (Гал. 6, 2). Потому и, наоборот, действуя здесь как должно, чему скорее всего научиться можно, как не любви, когда ходишь непрестанно среди занятий, не только не чуждых любви, но и требующих ее? Посему Апостол в изображении общественного служения прилагает далее: *воздадите убо всем должная: емуже убо урок, урок; а емуже дань, дань; а емуже страх, страх; а емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга: любяй бо друга, закон исполни* (Рим. 13, 7-8). То есть, по Апостолу, могут еще прекращаться и изменяться дела служения общественного, но любовь должна быть чувством непрестающим, как чувство долга, неуплаченного и неуплатимого по конец жизни. Как в дереве, хотя каждый год снимают с него известную меру плодов, как дань, сила жизни

остается и после, как основание будущего плодоношения; так и любовь неизменною пребывать должна в сердце истинного служителя отечеству, при всем обилии видимых дел. Не будем же обольщать себя, братие. Если союз общества в любви и служение ему учит любви, то, наоборот, каждое служение ему истинную цену свою должно получить только от присутствия в нем любви. Дело служения внешнее нельзя почитать худым; не должно, однако ж, думать, что оно-то и есть все, чем обязаны мы обществу. Помнить должно, что мы действуем пред Господом, Которого *и есть завещание – да любим друг друга* (1 Ин. 3, 11) и Который, вверяя служение другим для укрепления любви, не оправдает тех, кои успели охладить ее сим служением, а еще менее – тех, кои самое служение обращают в случай к делам, противным любви.

Итак, *всяка душа властем предержащим да повинуется,* и повинуется Господа ради, да воздаст всем должная, никому ничем не оставаясь должною, кроме любви. В этом сокращенно содержатся все наши обязанности к Богу, ближним и себе самим. Потому благочестно надеяться должно, что плод служения отечеству столь же велик, сколь велика награда благочестию и добродетели. Только надобно влагать в сие служение и истинный дух. В одних делах службы внешних может и не быть сего духа, как нет жизненного духа в часах, исправно идущих. Служащий без истинного духа в сердце есть хорошо изваянная статуя – из холодного и мертвого вещества. Он – то же в обществе, что мертвая часть в теле, которая носится другими членами и обращается туда, куда направляется все тело. Итак, братие, молясь ныне о благосостоянии отечества нашего, помолимся и о том, да ниспослет нам Господь истинный дух служения Царю и отечеству, чтобы благоденствие его было прочно и непоколебимо. Что же в сем деле зависит от нас, сами предложим от себя, как жертву на алтарь отечества, чтобы с сего алтаря она вознеслась, однако ж, и к престолу Божию, – это самоотверженное повиновение, благочестие и любовь. Аминь.

«Душеполезный собеседник». 1906. Январь. С. 9-13.

ПРИСЯГА НА ПОДДАНСТВО.

Присягой на подданство называется торжественное клятвенное обещание неизменной верности Царю и Отечеству, даваемое подданными при восшествии на престол государей. Поэтому начала ее нужно искать в тех временах древности, когда установилась власть над народом, подобная следы существования этой присяги еще в царстве Иудейском, встречаем их в империи Греческой и непрестанно видим во все продолжение существования государства Русского.

У И*удеев* только в истории избрания и возведения на царство Саула незаметно следа верноподданнической присяги. А при вступлении на престол Давида мы уже ясно видим, что царь и старейшины взаимно обязываются клятвою, первый – в верном соблюдении условий царствования, а вторые – в неизменной верности и повиновении избранному ими в царя над собою (1 Парал. 11, 3). В последствии, при избрании и возведении на царство юного Иоаса, весь народ участвовал в завете, который завещал Иодай первосвященник *между царем и между людьми* (4 Цар. 11, 17). Из примера Седекии, царя Иудейского, бывшего постоянным данником царя Вавилонского и потому присягавшего ему на верность или подданство (2 Пар. 36; 10, 13; Иезек. 17, 8), видно, что верноподданническая присяга, по взгляду самих Иудеев, имела не только нравственно-религиозное, но и официальное, юридическое значение. Ее принимал или непосредственно сам государь, или старейшины, лично наперед удостоверившие государя в своей верности, или наконец, первосвященник. Местом совершения присяги верноподданнической преимущественно был дом Божий (4 Цар. 11, 11), в котором, вероятно, письменный памятник ее, составлявший одно с *оправданиями царствия* или заветом, заключавшимся *между царем и народом*, полагался на хранение (1 Цар. 10, 25; 2 Ц. 5, 3). В заключение и в утверждение сего обязательства приносились жертвы Богу (1 Цар. 11, 15). У евреев существовал постоянный обычай при клятвенных жертвоприношениях проходить между рассеченными частями жертвы. Тоже было и при клятве верноподданнической. По одну сторону рассеченной жертвы проходил сам царь, по другую его вельможи – или все вообще, или только знатнейшие, левиты и выборные народные, первосвященник стоял по средине, представляя в себе лице Иеговы –

свидетеля обязательств (Myroth. lib. 111, XLIII, p. 1135-6): *князья Иудины и князья Иерусалимские, и вельможи и жрецы, и все люди земли*, говорит пророк, *ходили между разделенным тельцом* (Иер. 34, 19).

В *Греции* примеры верноподданнической присяги встречаются не раньше VIII столетия по Р. Хр. Причиною такого позднего ее появления можно почитать раннее развитие и обширное значение в верноподданнических отношениях греческого народа – присяги «на верность службы», которую еще по указу Юстиниана, должны были давать все занимающие высшие государственные должности[1]. За то съ VIII в. у греков, уже до конца империи, хранился обычай клятвенно удостоверять вступавших на престол государей в своей верности престолу и отечеству. Один историк пишет, что пред венчанием на царство Константина, сына Копронимова, народ, синклит, придворные, военные и гражданские чиновники, ремесленники и художники поклялись отцу императора честным и животворящим древом креста Господня не признавать царями своими никого, кроме сыновей его, Льва и Константина[2]. Никифор Грегорас, повествуя о воцарении Андроника Палеолога, замечает, что, вслед за клятвою самого Андроника, которую он дал отцу своему в верности и всегдашнем покровительстве церкви Божией, – «весь народ римский дал торжественную клятву юному Андронику, а патриарх и все священнослужители заключили ее в письмена, общая, что как сами они, так и преемники их в управлении церковном, будут хранить царство его в безопасности от всякой измены»[3]. Кантакузен в свое время (около половины XIV в.) писал: «у греков хранится постоянный обычай, при воцарении нового императора, всем начальникам провинций (Ἐπίσκοποι τῶν επαρχίων) съезжаться в столицу и здесь клятвенно утверждать свою верность новому царю»[4]. Из описаний верноподданнической присяги у греков видно, что она совершалась у них непосредственно за избранием государей, иногда пред венчанием их на царство, а иногда после, него, и совершалась по большей части в общем собрании первенствующих членов государства, которые присягали и за себя лично, и за своих подчиненных. Рукописание этой клятвы

---

[1] На Западе, однако, еще до времен Толедского собора видны не только примеры, но даже церковные постановления относительно присяги на подданство, как свидетельствует об этом 54-е правило IV Толедского собора, бывшего в 633 году. Но мы здесь, для краткости очерка, ограничиваемся только Востоком, имевшим преимущественное влияние на наше нравственное и политическое развитие.

[2] Corp. Hist. Bysant. T. IV, p. 301-302.

[3] Hist. Bysant. Niceph. Greg. lib. VI, c. VIII, § 3.

[4] T. XXV, p. 10. II. L. 1. c. 2.

полагалось иногда в церкви на св. жертвеннике[1]. Сохранились до нас и самые слова из присяги на подданство в Греческой империи. Вот в чем состояла их сущность: «Если что увижу, открою или услышу, что может принести вред вашей чести, власти или жизни: то и до вашего сведения доведу, и сам по возможности постараюсь предотвратить»[2].

В летописях *Русских* присяга верноподданническая является делом самым обыкновенным и повсюдным еще с половины XII века. Так, под 1146 годом летопись говорит об Игоре Ольговиче, что он, по смерти брата своего, Всеволода Ольговича, «ехал к Киеву и созвал киевлян всех на гору, на Ярославль двор, и целоваша к нему крест». В 1175 году, по свидетельству летописи, ростовцы целовали крест Ярополку Ростиславичу, а в 1177 г. владимирцы – Всеволоду Юрьевичу. Под 1171 г. летопись, укоряя новгородцев за их непостоянство, говорит: «не глаголем, же прави суть, новгородцы, яко издавна свобождены суть прадеды князь наших; но аще бы так было, то велели бы предние князи крест преступити, или внуки, или правнуки соромляти, а крест честный целовавше ко внуком или правнуком, то преступати»? Но до XIV века эта присяга была делом одного обычая в Русском царстве. Только с XIV столетия она является необходимым требованием для всех верных сынов России[3]. По смерти Василия Иоанновича сделалось правилом, при каждой перемене правления, чрез митрополитов (позднее чрез патриархов) брать присягу на подданство сначала от знатнейших особ двора, потом от жителей столицы и, наконец, чрез поверенных или депутатов, от всех русских подданных, где бы они ни жили и чем бы они ни занимались[4]. С особенною строгостью это правило соблюдалось в последние два столетия. Именно: при восшествии на престол нового Государя Императора, стали издавать особые манифесты и при них определенные формулы или образцы присяги, по которым должны были присягать во всей России на верность

---

[1] Как это видно из примера присяги на верность детям Копронима (Corp. Hist. Bys. T. IV, p. 302).

[2] Niceph. Choniat. L. VII, § 3. Corp. Hist. Bys. T. XIV, p. 122.

[3] Нестор по Кенигсб. списку, стр. 255; Ник. Лет. IV, стр. 26 и V, стр. 206.

[4] Н. М. Карамзин. История государства Российского. изд. 1633-5 гг. Ч. VII, стр. 165; VIII, 3; X, 4 и 203; XI, 34, VII и 188; XII, 240 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. II, №№ 83, 84, 85, 90, 91, 142, 143, 144, 145, 198, 202, 203, 209, 210, 224 и 225. См. также крестопривод. или подреист. записки в Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедициею Императорской Академии Наук. Т. II, № 10, 44.

воцарившемуся императору и его законному наследнику[1]. В силу указа от 25 ноября 1745 г. только малолетние, не достигшие 12 лет возраста, и крепостные не давали присяги[2], но, с освобождением крестьян, и эти последние, то есть крестьяне, призваны к исполнению этой верноподданнической обязанности[3]. Остаются, на ряду с неправоспособными, свободными от присяги только женщины[4]. В 1747 году установлена общая форма присяги, как для природных жителей русских, так и для иностранцев, находящихся в русском подданстве или только переходящих в него, на русском и немецком языках[5]. Таким образом, мало по малу присяга верноподданническая развилась и приняла у нас тот вид, в котором существует доселе. По ныне действующим законам, вслед за изданием манифеста о смерти царствовавшего Государя, общенародной присягою утверждается верность новому Императору и Его законному наследнику, хотя бы даже последний не был поименован в манифесте[6]. Сенат для этой цели рассылает во все гражданские и военные учреждения печатные формулы присяги, сообщая их в тоже время в Св. Синод, для должных распоряжений по сему предмету. Каждый присягает по своей вере и закону[7], в церкви или в каком другом молитвенном собрании. В местах, где нет церквей, иноверцы присягают в присутственных местах, напр., в губернских правлениях, при членах правления[8] и, если можно, то при

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. VII, №№ 620, 622, 914, 919, 4646, 5070, 5072, 5499, 5609, 8473, 8474, 11391, 11582, 11519, 17635, 19779, 19841, 30592.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Т. XI, № 8474. Ср. Свод законов Российской империи. Т I, Пр. 2-е къ ст. 34 (статьи Св. З. приводятся по изданию 1857 г.).

[3] Указ от 1-го марта 1881 года.

[4] Освобождаются еще от присяги не признающие ее законности – меннониты и виртембергские сектанты, но и они, вместо присяги, дают честное слово на верность – «да» (Свод уст. о Колон. Т. XII, ст. 116).

[5] Полное собрание законов Российской империи. Т. XII, № 9434, Свод законов Российской империи. Т. XI, ст. 1394.

[6] Т. 1, зак. осн. ст. 3-17.

[7] Так, магометане еще царям Іоанну и Петру Алексеевичам (1865 г. окт. 5) «по своей вере, по бесурманскому закону, на Алкоране с клятвою шерть учянили». Ламайцы царю и в. кн. Феодору Алексеичу (1676 г. янв. 5) точно также «шертовали по своей калмыцкой вере и покланялись и целовали бога своего Бурхана и молитвенную книгу свою Бичик, а саблю на голову свою полагали и к горлам прикладывали на сезде». Шаманцев еще по указу Михаила Феодоровича (1642 г. іюл. 31), приводили к шерти на подданство по их шаманской вере (***Татищ***. Ч. IV, 99).

[8] Ук. от 27 мая 1807 г.

участии хотя одного духовного лица их исповедания[1]. Форма присяги подписывается самим присягающим, если он умеет писать, и потом отсылается на хранение в сенат[2]. В древности, как показывают история и летописи, эта присяга совершалась не только в церкви, но и на всяком благоприличном месте, совершалась пред крестом, который целовали присягающие, совершалась, наконец, во имя Господа Бога и Пречистой Богоматери; всего же чаще призывались в ней имена святых Божиих, – преимущественно чудотворцев Московских и тех угодников, к заступлению которых прибегали наши предки с особенною верою. Наиболее употребительною формою этого рода присяги – вступительною – была следующая: «целую крест Государю своему NN. на том, что мне Государю своему NN. служити и прямити и добра хотети во всем, в правду, безо всякия хитрости, потому, как в сей записи писано, и до своего живота, по сему крестному целованию»; а заключительною – такая: «целую сей святый и животворящий крест Господень на том на всем, как в сей записи писано; а не учну аз Государю своему служити и прямити, или какое лихо сделаю мимо се крестное целование, и не буди на мне Божья милость и Преч. Богородицы и великих Русских чудотворцев, имя рек, и всех святых»[3]. В В частных прибавлениях и изменениях, какие делались по временам в этой присяге, можно видеть не только состояние дел государственных того и другаго периода нашей истории, но и современные верования и предрассудки русского народа[4]. Впрочем, главным содержанием ее было, как и поныне бывает[5], обещание всецелой преданности и покорности государю, охранение прав и преимуществ, предоставленных царской власти, безотлучное

[1] Свод законов Российской империи. Т. IX. Зак. сост. ст. 1395 и прих к ней. Исключение из этого правила существует только для некоторых южных губерний (Т. Н. Учр. Губ. ст. 3097, р. 1, § 10).

[2] Свод законов Российской империи. Т. I, Зак. осн. ст. 34 и примечание.

[3] Из русских чудотворцев преимущественно упоминались: Петр, Алексий, Иона, Леонтий и Сергий, и др. К этому присоединялось иногда: «и не буди на мне благословения и прощения митрополита (или патриарха) русского, имя рек, и архиепископов, и епископов и архимандритов, и всего освященного собора и всех вселенских семи соборов». Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедициею Императорской Академии Наук. Т. II, №10 и 38).

[4] Так, в подкрестной записи на верность царю Борису Федоровичу (1605 г. іюня 12) читаем: «Также мне царю.... в естве и питье, ни в платье, ни в ином в чем, лиха никакого ни учинити и не испортити, и зелья лихаго и коренья не давати; на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насыпати; а как куды поедут, и мне следу волшеством не выимати, по сему крестному целованию».

[5] Т. I. Зак. осн. прил. 3.

пребывание в России, пока не потребуют противного обстоятельства и не будет на то разрешения от правительства, и обнаружение или разрушение тайных замыслов врагов государства. Со времени Алексея Михайловича верноподданническая присяга освободилась от тех ненужных прибавлений, которые отражали в себе дух старого времени. С Федора Алексеевича она стала совершаться преимущественно «во имя Всемогущего Бога, пред св. Его Евангелием»[1], и навсегда исключила из своего состава те заклинания или проклятия, которые должен был, особенно в смутные времена России, призывать на главу свою присягающий[2]. Это последнее обстоятельство важно для нас особенно потому, что оно произошло вследствие царского предложения, по соборному Определению. Царь выставлял на вид собору пастырей русских, что «Великого Государя. Его Царского Величества всяких чинов людей во всякой верности... приводят ко уверению истинного обещания пред св. Евангелием, по чиновной книге, а в той книге многие страшные и непрощаемые клятвы положены, которые к тем делам и неприличны». Собор постановил: «церковныя казни отставить, клятвы на люди не налагать, и вечною смертию их не убивать»; но при этом определил также: «чтобы государь изволил наложить тем людям свой государев указ, прещение и страх по градским законам, кто чего за каждую вину достоин»[3]. С Петра Великого мы уже видим в верноподданнической присяге на месте заклинаний то молитвенное обращение к Богу, которое доныне в ней остается; но наказания или «казни по гражданским законам» за нарушение этой присяги доселе в наших законах значится один только вид; именно: кто удаляется из отечества без Высочайшаго на то соизволения и поступает в чужую службу, тот, как говорит закон, подлежит за это *нарушение его присяги*[4] и подданнических обязанностей лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из границ

---

[1] См. «Чин, бываемый, как подобает приимати и уверяти обещающагося служити государю царю и отечеству всею правдою» (Рукоп. Рум. Муз. № 365 и Публ. Библ. № 127].

[2] Каковы: «а не учну аз по сей крестной грамоте служити и прямити и проч., ино не буди на мне милости Божией, и буду проклят в сем веце и в будущем»; «а будет аз по сей проклятой грамоте пред Богом преступлю, и аз буду потому проклят от Господа Бога и преч. Владычицы нашея Богородицы, и от Вселенских седьми соборов и русских чудотворцев», и под.

[3] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. V, № 75, предл. 5.

[4] Может быть, и в некоторых других постановлениях о наказании клятвопреступников и государственных изменников разумеется наказание за нарушение именно верноподданнической присяги, но этого так ясно закон не выражает больше нигде.

государства; в случае же самовольного возвращения в Россию ссылке в Сибирь на поселение[1].

Прилагаем общую (генеральную) форму всенародной присяги на подданство. В своих частных видах (например – для военных) она – не иное что, как присяга на верность службы.

Клятвенное обещание.

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Александру Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому, Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться поспешествовать всему, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том узнаю, не только благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать стараться, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный чин, как по сей (генеральной), так и по особенной определенной и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от поставленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды, противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

«Странник». 1881. Т. II. № 5. С. 1-9.

[1] Улож. о наказ. 1845 года, ст. 354.

КЛЯТВА ПРЕДКОВ.

«Нам смерть не может быть страшна,
Мы клятвы предков не забудем,
Россия будет спасена,
И мы Царю престол добудем».
П. Н. Шабельский-Борк.

На страницах «Нашей страны» и «Знамени России» появилась статья М. М. Спасовского «Учредительное Собрание или Земский Собор?» Почтенный автор, занявший, последнее время, место идеолога Народно-Монархического Движения, затронул очень важный вопрос, но, несмотря на пространность изложения, некоторые стороны этой проблемы им оставлены в тени.

Никто не станет спорить против того, что «гнаться за природно чуждыми нам и наглядно гнилыми западными политическими системами едва ли разумно и достойно похвалы». – Святая истина! Золотыя слова! – «И лучше всего нам вернуться, – по совету М. М. Спасовского, – к своему собственному способу и историческому состоянию в его наиболее светлых и славных страницах».

Посмотрим в таком случае, что́ говорит нам наш собственный исторический опыт. Так вот, элементарное знание истории, даже в объеме средней школы, говорит нам о том, что Земские Соборы собирались в России повелением Царей, Цари собирали лучших земских, духовных и военных людей, в качестве сведущих мужей для того, чтобы они высказали свои мнения по известным вопросам. Окончательное решение принималось Царем, по собственному убеждению, в сознании ответственности перед Богом. Таким образом, Земские Соборы не являлись учреждениями, ограничивающими самодержавную власть, но совещательными органами при монархе.

Вот в этом-то и заключается главное отличие Земских Соборов от парламентов и учредительных собраний на Западе. М. М. Спасовский главное различие усматривает в том, что учредительные собрания имеют партийный характер, а земские соборы их не имели. Это не совсем верно. Первое в истории французское учредительное собрание было выбрано не по партийным спискам. Если, в широком смысле, под партией понимать группировки, то они бывали и на земских соборах. Существенное же различие, о котором Спасовский не упомянул, это то, что учредительное собрание суверенно, оно мыслит себя изъявлением воли народа, верховного носителя власти. Это – доктрина французской революции, в силу которой народ устанавливает любой государственный порядок. В противоположность этому, наше православное учение о государственной власти ничего общего с такой рационалистической идеей не имеет.

Наш русский монархический образ правления назывался Самодержавным, по той причине, что все функции государственного управления в нем были подчинены воле Монарха, который царствовал **милостью Божией, но не волею народа**. Это – существенная особенность, означающая то, что воля монарха не может быть ограничена никакой волей человеческой, имея для себя законом и судьей свою христианскую совесть и самого Бога.

Присягу приносили не Государству, а клятвенно обещали служить Его Императорскому Величеству верой и правдой. Служить правдой это означало то, что необходимо было нести эту службу в соответствии с теми правилами, которые дает нам святая Вера наша, которая говорит нам, что Государь есть Помазанник Божий, поставленный волею Божией устроять счастье и благополучие своих подданных.

Все наши учители Церкви, святые и подвижники, о Царской Власти и ее сущности, учили согласно. Великий святитель Земли Русской отец Иоанн Кронштадтский об этом сказал так:

«Русский Царь, как получивший свою власть от Бога, может и должен быть только Самодержавным».

Вот почему, если собрать даже какое-то собрание, выбранное не по партийному признаку, но если наделить его суверенными правами, то есть правом установления государственного строя, то как бы оно ни называлось, все же оно будет учредилкой, а не земском собором. От перемены вывески нечего не изменится. Вспомним Козьму Пруткова:

«Если увидишь клетку со львом и на ней надпись «буйвол», – не верь глазам своим».

Революция порвала с установленным Богом порядком. Собирая Учредительное Собрание, мы только продолжим революцию, которой может быть конец возвращением народа, в целом, к божественным установлениям. Это возвращение должно, и может быть сделано, не через посредство голосования, а исключительно путем покаяния в грехе отступничества от царя.

Мы помним о многом, а о самом главном, что утеряли, непрестанно забываем. Предварительным условием всякого Земского Собора, чтобы он был действительно Собором, необходимо возвращение к законному порядку, через восстановление Царской Власти. Только Царь сможет собрать Земский Собор и совершенно очевидно, что в первые годы после окончания смуты этого нельзя будетъ сделать.

Необходимо вспомнить, что на эту статью может последовать возражение в том смысле, что собор 1613 года, призвавший на Царство отрока Михаила Феодоровича Романова, собрался в период междуцарствия. Это верно, но не нужно забывать, что именно собрался он в виду прекращения царствовавшей династии. Пресекся род царский и необходимо было решить, кто именно является ближайшим по крови к угасшему дому Рюриковичей. Таким был признан боярин Михаил Феодорович Романов, а в силу этого призван, а не избран на Царство.

Утвержденная Грамота Великого Московского Церковного и Земского Собора 1613 года о призвании на Царство Михаила Феодоровича Романова:

«Послал Господь Свой Святый Праведный Дух в сердца всех православных христиан, яко едиными усты вопияху, что быти на Владимирском и Московском и на всех государствах Российского Царства Государем и Царем и Великим Князем всея России Самодержцем, Тебе Великому Государю Михаилу Феодоровичу – целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, **Богом почтенного, Богом избранного и Богом возлюбленного Царя** и Великого Князя Михаила Феодоровича Всея России Самодержца, и за благоверную Царицу и Великую Княгиню, и за Царския Дети, Которых им Государям Господь впредь даст, души своя и головы положити и служити Им Государям нашим, верою и правдою, всеми душами своими и головами.

Прочтоша сию Утвержденную Грамоту на Вселенском Соборе и выслушав на большее во веки укрепление – быти так во всем и по тому, как в сей утвержденной грамоте писано. А кто убо не похощет послушати и сего Соборного Уложения, его же Бог благослови, и начнет глаголати ино и молву в людях чинити и таковый, аще от священных чину и бояр Царских синклит, и воинских, или ин кто от простых людей, и к какому чину не буди, по

священным правилам Св. Апостол и Вселенских седьми Соборов Св. Отец и поместных и по соборному уложению сего Священного Собора, — **чину своего извержен будет и от Церкви Божией отлучен и Св. Христовых Тайн приобщения, яко раскольник Церкви Божией и всего Православного Христианства мятежник и разоритель Закона Божия; а по Царским Законам месть воспримет, и нашего смирения и всего священного Собора не будет на нем благословения отныне и до века.**

Да будет твердо и неразрушимо в предыдущия лета в роды и роды, и не прейдет ни едина черта от написаннаго в ней...»[1].

Подписано Митрополитами, Архиепископами, Епископами и прочими чинами духовными и гражданскими.

Теперь спросим: имеем ли мы право отменить решение этого Священного Собора? Является ли обязательным оно для нас? и ответим: да, является!

«Торжественная и вместе страшная грамота, – говорит о ней Афонский подвижник Феодосий, – ею клятвенно связаны с Царями из Дома Романова не только сами предки, составители ее, но и все мы, потомки их до окончания Царской Династии... Соблюдение сего обета, данного за нас клятвенно нашими предками, – залог нашего благополучия, как временного на земле, так и вечного на небесах – по слову Божию; и наоборот, несоблюдение его есть великий грех перед Богом, влекущий за собой наказание, как и показала революция».

Анафема лежит безусловно на всех участниках революции, явных и тайных, на всех, кто выражал сочувствие крамоле и бунту, на всех изменниках и предателях, на всех коммунистах, социалистах и участниках свержения самодержавного строя, она лежит на них в силу постановления Священного Собора 1613 года.

Все они являются «разорителями закона Божия» и много таких врагов еще и теперь. Эти люди не хотят народного покаяния, им нужно и после свержения большевиков продолжение революции, во-первых, чтобы избежать ответственности за участие в ней, и во-вторых, что мечтают они ее немножечко продолжить.

Либеральные мечты о русском парламенте, они еще живут. В разгар таких мечтаний, в период Земского Съезда в Москве в 1905 году, наш отечественный поэт, покойный В. Мятлев написал шутливое стихотворение:

---

[1] Приводится автором согласно подлинному изданию этой Грамоты, см. *Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова*. С предисл. С.А. Белокурова. 2-е изд. М. 1906. 70-72. – *ред.*

Без диссонансов нет аккордов
В оркестре земцев наших дней!
Подайте нам палату лордов,
Кричит, который поважней!..
Но то народ пустой, бездельный
Пора бы знать ему и честь;
И дворянин малоземельный
В палату общин хочет сесть.
А я б за маленькую плату,
Любовью к родине горя,
Им предоставил по халату,
И сумасшедшую палату
На месте Русского Царя.

Совершенно очевидно, что аккорда нет и сейчас. Русские люди продолжают бродить и блудить в трех соснах революции.

Если мы освободимся от революционных увлечений, – то все станет просто. Признаем, что Царский Строй в России пал в результате измены и предательства. Если это усвоим, то и выход из революции напрашивается сам собой – в восстановлении Самодержавной Царской Власти, в лице ее Законного носителя. Только при этом революции будет положен конец, и Россия восстанет в славе и благоденствии. Тогда и учредительное собрание, при возвращении к законному порядку, оказывается ненужным, а Земский Собор, для разрешения текущих вопросов, Государь сам созовет, созовет тогда, когда в нем надобность будет.

«Владимирский Вестник». № 36. Июнь 1954. С. 1-6.

Протоиерей Петр Сперанский

ОБ АРХИЕРЕЙСКОЙ ПРИСЯГЕ.

Руки скоро не возлагай ни на когоже.
(1 Тим. 5, 22)

В православной греко-российской Церкви одну из принадлежностей постановления иерархов составляет так называемая архиерейская присяга.

В день, назначенный для рукоположения иерарха, пред литургиею, имеющие совершить хиротонию архиереи, которых по правилам церковным[1], должно быть не менее трех или по крайней мере двух, в соборном храме, в полном архиерейском облачении, становятся в известном порядке среди храма на амвоне. Вслед затем протопресвитер и протодиакон приводят к ним избранного, из алтаря – в полном облачении приличном его сану.

Избранный объявляет святителям о причине своего прихода, и пред собранием пастырей и чад Церкви воинствующей, в невидимом присутствии Церкви торжествующей и самого Главы обеих Церквей, торжественно исповедует православную веру, и дает обеты и клятвы приспособительно к должности архиерейской. Это исповедание, эти обеты и клятвы, взятые в совокупности, составляют присягу, которая по своему содержанию и вместе по названию сана, какой имеет быть возложен на присягающего, называется архиерейскою. Обратим внимание I., на историю и II., на значение этой присяги в Церкви православной.

I.

Несомненные исторические свидетельства о существовании в христианской древности архиерейской присяги, или исповедания веры[2],

[1] Апост. прав. 1. 1-го Всел. соб. прав 4.

[2] Так всегда называлась в восточной Церкви и теперь называется наша архиерейская присяга; это же наименование она носила и в российской Церкви до времен Петра великого.

встречаются лишь с IV века, и продолжаются в последующие столетия. Но при внимательном рассмотрении сих свидетельств можно видеть и то, что епископское исповедание веры существовало и прежде, – можно видеть самое его начало и происхождение.

Первое из таких свидетельств находим в правилах четвертого карфагенского собора, бывшего в 398 г. Отцы сего собора первым правилом повелевают делать избранному во епископа испытание, определяя с подробностью и то, в чем оно должно состоять. Вот это правило: «Епископ пред своим рукоположением должен быть испытываем, благоразумен ли он от природы, способен ли учить, умерен ли по нравам, чист ли по жизни, трезв ли, скромен ли, снисходителен ли, образован ли, наставлен ли в законе Господнем, искусен ли в уразумении смысла писаний, сведущ ли в церковных догматах; а прежде всего – принимает ли основания веры, т. е., согласен ли в простых словах исповедать, что Отец и Сын и Св. Дух есть един Бог, и все лица Троицы единосущны, совечны и равно всемогущи; что каждое лице в Троице есть совершенный Бог; что воплотился не Отец и не Дух Святый, но только Сын, который, по Божеству оставаясь Сыном Бога Отца, сам по человечеству сделался Сыном человека, – Матери, есть истинный Бог от Отца, истинный человек от Матери, имеет плоть из утробы матерней и человеческую разумную душу, и в Нем две природы, т. е., Бог и человек, одно лице, один Сын, один Христос, один Господь Творец всего мира, виновник, Владыка и правитель со Отцом и Духом Святым всех тварей, что Христос пострадал истинным страданием плоти, умер истинною смертью своего тела, воскрес истинным воскресением своей плоти и истинным восприятием души, и придет во плоти судить живых и мертвых. Надобно также спрашивать избранного, верует ли он, что как нового, так и ветхого Завета, то есть, как закона и Пророков, так и Апостолов есть один и тот же виновник и Бог, что диавол не сотворен злым, но сделался таковым по своему произволу; спрашивать также и о том, верует ли он в воскресение этой, которую мы носим, а не другой плоти, в будущий суд и в то, что каждый, смотря по делам, совершенным в плоти, получит или наказание или славу, – не порицает ли брака, не осуждает ли вторых супружеств, не гнушается ли ядением мяса, сообщается ли с раскаявшимися и примирившимися грешниками, – верует ли, что в крещении отпущаются все грехи, то есть, как первородный, так и произвольные, и что вне кафолической Церкви нет спасения»[1].

[1] Sacrosanct. Concil. Labb. et Cossar. Tom. XI, p. 1198 et 1199, edit. 1671 an.

Принимая в соображение обыкновение соборов как вселенских, так поместных, постановлять правила на основании апостольского предания или древних обычаев, мы со всею вероятностью можем полагать, что карфагенский собор не вновь издал это постановление, но только восстановил древний обычай, почему нибудь оставленный в африканской Церкви. Так отзывается почти о всех правилах сего собора писатель замечаний на них Северин Биний, – присовокупляя, что вся древность смотрела на IV карфагенский собор, как на сокровищницу восстановленных древних обычаев церковных. Вот слова Биния о деяниях этого собора: «На нем с величайшею ревностию занимались всецелым восстановлением церковной дисциплины. (Отцы собора) по здравом рассуждении постановили, или лучше восстановили сначала то, что касается епископов, потом – что относится к низшим клирикам; и сей собор всегда у потомков по справедливости считался как бы сокровищницею восстановленной церковной дисциплины»[1].

Притом из самого, приведенного нами, правила видно, что при постановлении его отцы собора руководствовались древними узаконениями. В заключении правила говорится: «при рукоположении епископа надобно обращать внимание и на то, имеет ли избранный тот возраст, какой должен иметь по правилам святых отцев»[2].

В пятом веке указание на исповедание веры епископов можно находить в письме Синезия, епископа птолемаидскаго. Он пишет, что когда его намеревались избрать в птолемаидскаго епископа, он, чтобы устранить от себя это избрание, хотел открыть свои мысли о существовании души прежде тела, о вечности мира, и невозможности воскресения. «Если меня позовут на епископство», писал он брату своему, «я не буду притворно исповедывать догматов.... никак не стану скрывать своих мнений, и язык мой не будет разногласить с моим умом»[3]. Отсюда ясно видно, что при Синезие был обычай, по которому епископы, пред хиротонией, должны были исповедывать веру.

Свидетельство VI века о исповедании веры епископов мы можем видеть в новеллах греческого императора Юстиниана. Во второй главе 137-й новеллы Юстиниан пишет: «следуя определениям божественных канонов, мы издаем настоящий закон, которым постановляем, чтобы рукополагаемый в епископы прежде всего представлял книгу за собственноручным подписанием,

[1] Ibid., p. 1200.

[2] Ibid., p. 1199.

[3] Synes. Epist. 150 ad fratr. Vld. Max. Biblioth. Patr. Tom. VI, p. 136, edit. 1677 an.

содержащую изложение правой веры». Нельзя не заметить, что этот закон издан был Юстинианом не как новый: ибо Юстиниан говорит, что издает его, «следуя определениям божественных канонов». Император, отличавшийся особенною попечительностью о благоустройстве Церкви, своим авторитетом хотел только дать большую силу благодетельному постановлению, существовавшему в Церкви и прежде, потому что основание закону указывается в *божественных канонах*. Новое своим законом Юстиниан ввел разве только то, что епископы с сего времени стали излагать веру на письме и скреплять собственноручной подписью, что постановление сие сделалось общим во всей римской империи, если только оно не было таким и прежде.

В седьмом веке мы не нашли свидетельств о исповедании веры епископами. Но что и в это время оно было в обычае, в том нельзя сомневаться, потому что оно было утверждено уже законом императорским.

Указание на сей предмет в VIII веке встречаем у Зонара, именно в истории Павла кипрскаго, бывшаго константинопольским патриархом при императоре Льве Копрооиме. Известно, что Павел кипрский, быв возведен на константинопольскую кафедру по воле Льва Копронима, восставал вместе с ним против почитания святых икон; но по смерти императора, он сознал свое заблуждение, и для оплакивания его удалился в монастырь. Императрица Ирина, узнав о его удалении, и, может быть, желая возвратить его на осиротевшую кафедру, сначала сама лично спрашивала патриарха о причине удаления; но, услышав от него вместо ответа и согласия на возвращение в Константинополь только сожаление о том, что он правил Церковью в столь бедственное время, хотела по крайней мере получить от него совет, как поправить дела. С этою целью она посылала к нему сенаторов; и вот что Зонар рассказывает о их свидании с патриархом: «сенаторы, выслушав его совет, спросили: почему он при своем рукоположении соглашался на то, что не надобно покланяться иконам?» – патриарх отвечал: «по причине неистовства повелителей и по вашему жестокосердию»[1]. Время, в которое Павел изъявил согласие на то, что не должно чествовать святые иконы, приводит к мысли, что он исповедал это заблуждение, как истину, вместе с исповеданием догматов веры *пред хиротониею*.

В девятом веке, как на востоке так и на западе, от епископов, во время их рукоположения, требовались рукописи для целости веры, под именем коих, без всякого сомнения, разумелись рукописные изложения веры. Свидетельство о сем можно видеть в 8 правиле константинопольского собора, созванного в 869

[1] Zonar. Annal. Tom. III, p. 88, edit. 1557.

году императором Василием македонянином на Фотия, на котором присутствовали западные и некоторые восточные епископы. Правило это читается так: «дошло до нашего слуха, что не только еретики, но и православные патриархи, получив кафедру святой константинопольской Церкви, для утверждения себя на ней требуют от священнического чина рукописей. Посему угодно сему собору, чтобы с сего времени отнюдь не требовать ни от кого таких рукописей, исключая той, которая, по обыкновению, для целости веры нашей требуется от епископов во время их рукоположения»[1].

Девятым веком мы заключим свидетельства о исповедании веры епископами при рукоположении. Из последующих веков до нас сохранились уже целые образцы этого исповедания, как восточные, так и западные.

Несколько образцов исповедания западного, которое на западе известно под именем испытания, представляет западный исследователь церковных древностей Ассеман. Вот, напр., что пишет он, на основании богослужебного кодекса, принадлежащего к X веку[2]. Испытание начинается так: «Древнее постановление св отцев, в особенности канон карфагенский, учит и заповедует, чтобы избираемый в епископа наперед со всею тщательностью и любовью был испытываем в вере в Св. Троицу и во всем, что нужно знать епископу (и этого постановления необходимо держаться в следствие слов Апостола: *руки скоро не возлагай ни на кого же),* также чтобы он прежде был научен, как надобно обращаться в Церкви Божией возведенному в сан епископский, дабы не подверглись обвинению те, которые возлагают на него руки». За тем непосредственно следуют вопросы от рукополагающего; в ответах рукополагаемый изъявляет желание: – во всем согласоваться с божественным писанием и преподавать его учение своей пастве, с благоговением принимать и хранить предания православных отцов и сообщать их другим, повиноваться римскому первосвященнику и его преемникам, удаляться от всякого зла и, с помощью Божией, стремиться ко всякому добру, всегда заниматься делом Божиим, не вмешиваться в дела земные, быть чуждым корыстолюбия, чистым и трезвым, иметь смирение и терпеливость, и учить сим добродетелям других, оказывать ради имени Господня снисхождение и сострадание к бедным и всем странным. За тем исповедует догматы: о Св. Троице, о Церкви, о воскресении мертвых и будущей жизни; проклинает всякую ересь, вооружающуюся против Церкви; наконец

[1] Sacrosanct. Concil. Labb. et Cossar. Tom. VIII, p. 1131. cont. p. 1374.

[2] Codex. Liturg. Assem. Tom VIII, p. 130, 148, et sqq., edit. 1755 an.

свидетельствует свою веру в то, что Виновник как ветхого, так и нового Завета есть один и тот же Бог всемогущий. – Начало сего образца показывает, как древлезападная Церковь смотрела на обыкновение – исповедовать веру епископам при рукоположении. Именно она видела в нем древнее постановление св. отцев.

Тот же Ассеман представляет образец исповедания епископов маронитский, явившийся, как можно догадываться, не позже XI века[1]. Вот содержание сего образца: рукополагаемый, упомянув о иерархической степени, с которой он возводится на степень епископа, исповедует веру вообще в Бога, единого по существу и троичного в лицах, и в частности в Иисуса Христа; за тем свидетельствует свою веру в таинства, и действенность молитв, живых за умерших, выражает согласие на принятие семи вселенских соборов (при чем излагает учение еретиков, осужденных ими, и показывает число отцев, присутствовавших на каждом), и других бывших на востоке и западе, и принятых кафолическою Церковью, и в то же время осуждает все то, что было осуждено сими соборами; обещается принимать все откровенныя Богом в ветхом и новом Завете книги и изъяснять их согласно с преданиями и толкованиями св. отцов, находящимися в их правилах соборных и творениях; исповедует преемство маронитских и римских патриархов; дает обет во всем повиноваться папе и своему патриарху, ничего не замышлять противного и вредного для них, оказывать им должную честь, давать нужное пособие их легатам, принимать всякого, кого примут они, и отлучать (от Церкви), кого отлучат они; в случае отступления от своего исповедания и обетов обрекает себя наказанию, положенному св. отцами и св. соборами; обязывается со всем тщанием стараться о благоустройстве вверяемой ему Церкви, и в заключение призывает Бога во свидетели искренности своего исповедания[2].

Другой западный изыскатель церковных древностей – Леунклавий сообщает нам образец исповедания веры епископов Церкви

---

[1] Мароните – часть сирских христиан, которые в VII веке, когда Сирия подпала владычеству сарацин, отпали от константинопольского императора, поставили своего вождя, заняли приморскую Финикию, а впоследствии времени (около 685 года), по смерти антиохийскаго патриарха Феофана, учредили у себя особенную патриаршескую кафедру, на которую возвели монаха Иоанна Марона, и по его имени стали называться маронитами (Codex. Liturg. Assem. Том. X, p. 157 et 159). В конце XI или в начале XII века, когда крестоносцы овладели святою землею и Сириею, мароните с своим патриархом подчинились римской Церкви и приняли ее учение (Codex. Liturg. Assem. Том. X, p. 159. confer. Церк. ист. Иннок. ч. 2, стр. 212, изд 1821 года).

[2] Codex. Liturg. Assem. Том. X, p. 16 et seq.

константинопольской[1]. Содержание исповедания такое: рукополагаемый епископ первоначально произносит никейско-цареградский Символ веры. За тем говорит: «принимаю семь святых и вселенских соборов, которые собирались для охранения святых догматов, и обещаюсь любить и хранить узаконенные ими правила. Приемлю также святые постановления, какие по различным случаям и в разные времена издаваемы были св. отцами нашими, приемлю все, какие принимают они, и отвращаюсь всех, каких отвращаются они. Еще обещаюсь хранить мир церковный, и во всю жизнь не замышлять ничего противного ему, но во всем следовать святейшему и вселенскому патриарху Николаю и согласоваться с ним. Равным образом даю обет пасти врученное мне стадо со страхом Божиим и боголюбивым намерением, сохраняя себя, сколько возможно, чистым от всякого худого подозрения». Константинопольский патриарший престол занимали, один после другого, четыре Николая: – Николай Мистик (895-911 г.), Николай Хрисоверг (около 984 г.), Николай Грамматик (около 1084 г.) и Николай Музалон (около 1148 г.). Который из них упоминается в сем исповедании, и потому к какому веку оно принадлежит, с точностью определить нельзя. Но, без сомнения, оно явилось не позже первой половины XII века, а могло существовать еще в конце IX века и даже, с другим патриаршеским именем, и раньше.

Это исповедание веры, по озарении наших предков светом Евангелия, перешло в нашу отечественную Церковь и доселе произносится нашими иерархами во время их рукоположения, но уже с некоторыми прибавлениями. Впрочем, прибавленные пункты не что иное, как развитие и частью пополнение коренных пунктов исповедания, и притом одни из них заимствованы из той же самой греческой Церкви, а другие хотя составлены российскою Церковью, но – на основании или слова Божия, или постоянного учения кафолической Церкви, или древних церковных правил; на каковое составление наша Церковь имела полное право, точно также как поместные соборы, напр. лаодикийский, гангрийский и другие имели право определять порядок и состав богослужения и постановлять правила благочиния для своих областей[2]. Из прибавлений некоторые явились до Петра великого, другие во времена Петра.

Из периода времени, протекшего от водворения в нашем отечестве христианской веры до императора Петра I, мы имеем пять исповеданий. Первое из них произнесено было новгородским архиепископом Евфимием в

[1] Jur. Gfraeco-Rom. Leucnil, p. 440 et 441, edit. 1596 an.

[2] См. правила соб. лаод. и гангр. Сн. халк. соб. правило 19.

1424 г.[1], второе – неизвестным лицем в 1456[2] [2], третье – всероссийским митрополитом Иоасафом в 1539 г.[3], четвертое – патриархом Филаретом пред вступлением его на российский патриарший престол в 1619 г.[4], пятое – патриархом Адрианом пред вступлением его на тот же престол в 1690 г.[5]. К исповеданию веры, перешедшему в нашу Церковь из константинопольской, как видно из них, до Петра великого сделаны следующие прибавления: клятвенное свидетельство рукополагаемого епископа, что он для стяжания архиерейского сана никому ничего не дал, не обещал дать и не даст[6]; обеты: – не делать ничего противного божественным и священным правилам, хотя бы к тому принуждали сильные земли или народ под угрозою смерти, также – не служить литургий, не рукополагать клириков и вообще не совершать ничего святительского в чужих епархиях, без воли местных святителей[7]; самообречение на лишение епископского сана за отступление от исповедания и обещаний; обет оказывать братскую любовь и почтение всем архипастырям Церкви; обязательства: – **учительски оберегать паству от латинства и всех ересей**[8], – соблюдать правила св. Апостолов, и благочестивых поместных соборов[9], – во всю жизнь не мыслить ничего противного православному восточному христианскому вероисповеданию. В основании сих пунктов лежат церковные постановления греческих императоров, каноны св. Апостолов и правила соборов[10]. Свидетельство епископа, самоосуждение и два первые обета находятся уже в исповедании веры архиепископа Евфимия; третий обет в первый раз встречается в исповедании митрополита Иоасафа; последние обязательства – в исповедании патриарха Адриана.

Во времена Петра великого исповедание веры епископов получило уже тот самый вид, в каком находится ныне. Прямого доказательства на это мы привести не можем; однако так думаем с одной стороны потому, что при Петре великом действительно делаемы были прибавления к прежнему

---

[1] Акт. Археол. эксп. т. 1, стр. 465.

[2] Там же, стр. 470.

[3] Там же, стр. 161.

[4] Собр. госуд. грам. и догов. ч. III, стр. 195 и 196. Изд. Румянцева.

[5] Древн. росс. Вивліоф. ч. VIII, стр. 345 и след.

[6] Зак. градск. гр. 28. Стар. Кормч. ч. 2, лист 133 на обор.

[7] Антиох. соб. пр. 13. Там же, ч. 1, лист 67 и 68.

[8] Прав. Ап. 58. 6 Вселен. соб. 19, Стар. Кормч. ч. 1, лист 16 и 183.

[9] Вселен. соб. прав. 2.

[10] Смотр. выше, предшествующия подсрочныя указания на этой странице, 5, 4, 5 и 6.

исповеданию[1], с другой – потому, что присяги, который произносимы были нашими епископами в царствование императрицы Елисаветы Петровны, по прошествии каких нибудь пятнадцати лет после Петра, уже совершенно сходны с присягами нынешними[2]. Прибавления к существовавшему до Петра исповеданию веры в его время сделаны следующие: несколько изъяснительных пополнений к никейско-цареградскому Символу, изъявление веры в предания и учение кафолической Церкви, проклятие еретиков всех вообще, и в частности Ария, Македония и Нестория, – что заимствовано из нынешнего исповедания веры греческих епископов[3]; обязательство епископа – – не принимать из чужих епархий в свою клириков без отпускных грамот от их архиереев[4], безпрекословно повиноваться св. Синоду, если он позовет архиерея на какой либо собор[5], неизменно хранить церковные предания и чиноположения; – пункты, определяющие число лиц рукополагаемых на одной и той же литургии в сан священнический и диаконский, – время пресуществления хлеба и вина в таинстве евхаристии, – отношение епископа к Государю и отечеству, – кого можно и нужно отлучать от Церкви (Матф. 18, 15-17)[6], также – касающиеся обращения епископа с противниками Церкви (2 Тим. 2, 24. 25)[7], содержания монахов[8], строения церквей[9], постановления клириков[10], посещения паствы (Деян. 14, 21. 22. 15, 36; Рим. 1, 11. 12)[11], предотвращения и истребления суеверий[12], устранения архиерея от гражданских дел[13]; – обеты епископа держаться правил, предлагаемых в уставе св. Синода и в архиерейской грамоте, равно как и постановлений, какия бы угодно было сделать вновь правительствующему Синоду, – искать разрешения всяких недоумений в священном Писании и творениях древних учителей Церкви; наконец, клятвы в подтверждение обетов рукополагаемого, за

---

1 См. Деян. Петр. вел. собр., Голик. ч. V, стр. 107 и сл., изд. 1788 г.

2 См. в Арх. св. Синод. присяги врем. Импер. Елисаветы.

3 Ευχολόγιον το μέγα.

4 Халк. соб. пр 20, Стар. Кормч. ч. 1, лист 101 на обор и **102**.

5 Соб. лаод. пр. 39. Там же, л. 80 на об. пр. 77. Там же, л. **150** на об.

6 2 Ник. соб пр. 4, Стар. Кормч. ч. 1, лист 210. Карф. соб. прав. 134. Там же л. 170. Юстии. запов. 39. Там же, ч. 2, л. 22.

7 Карф. соб. пр. 66, Стар. Кормч. ч. 1. листь 142.

8 Халк. соб. пр. 4. Там же, лист 142.

9 Карф. соб. пр. 84. Там же, лист 152. Юстин. запов. 27. Там же, ч. 2, лист 17-18.

10 Халк. соб. пр. 6. Там же, ч. 1, лист 95.

11 Карф. соб. пр 52. Стар. Кормч. ч. 1, лист 137.

12 Прав. Апост. 81 и 83. Там же, лист 22 на обор. и 23.

13 6 Вселен. соб. пр. **60,** Карф. соб. прав. 123. Там же, лист 196 и 165 на обороте.

исключением клятвенного свидетельства в непричастности его в симонии и самоосуждения: основание прибавления сии имеют в священном Писании, правилах апостольских и соборных, церковных постановлениях греческих царей и в учении православной Церкви. В царствование же Петра великого, без сомнения, сделаны небольшие изменения и пополнения в некоторых пунктах исповедания, явившихся прежде, как того требовала перемена, происшедшая при сем Императоре в российской иерархии, и **название исповедания веры заменено названием архиерейской присяги**.

Итак, хотя существование архиерейской присяги, или исповедания веры, становится исторически известным с конца IV века; но, на основании 1-го правило карфагенского собора, а в особенности на основании 137 новеллы Юстиниана и древнего мнения о сем предмете западной Церкви, какое мы видели в представленном нами образце испытания ее епископов, – можно полагать, что исповедание веры архиереями было в обычае гораздо раньше столетия, тем более, что вместе с западною Церковью можно находить основание для исповедания и даже установления у апостола Павла не только в его заповеди ефесскому епископу Тимофею – не возлагать ни на кого рук *скоро* (1 Тим. 5, 22), то есть, как изъясняет св. Златоуст, без испытания, но и в правилах тому же епископу и еще другому – Титу, определяющих предмет сего испытания, в коих св. Апостоль при постановлении епископа повелевает обращать внимание между прочим на то, держится ли постановляемый и будет ли всегда *держаться истинного слова, согласно с учением, дабы силен был и наставлять в здравом учении, и обличать противников* (Тит. 1, 9). Известная всем ревность древних христиан, тем более их епископов, к соблюдению повелений Христовых и апостольских, равно как важность епископского сана, которую, без сомнения, вполне понимали и древние, не позволяют сомневаться, что заповедь св. апостола Павла касательно испытания рукополагаемых епископов в вере, с которым неразлучно и исповедание веры, не оставалась в древней Церкви без исполнения.

II.

Главная цель, с которою епископ при рукоположении произносит присягу, есть **обезпечение единения вверяемой ему паствы со вселенскою Церковью**. Чтоб видеть, каким образом , обратим внимание 1) на значение епископа в своей частной Церкви и 2) на содержание его присяги.

1. «Сообразно с мнением, издревле господствующим в восточной Церкви, мы подтверждаем», – пишут восточные патриархи, – что звание епископа так необходимо в церкви, что без него ни церковь церковью, ни христианин

христианином, не только быть, но и называться не может. (...) Что епископ столько же необходим для церкви, сколько дыхание для человека и солнце для мира. Почему некоторые в похвалу архиерейскаго сана хорошо говорят: что Бог в Церкви первородных на небесах и солнце в мире, – то каждый архиерей в своей частной церкви; так что им паства освещается, согревается и соделывается храмом Божиим[1]. «Архиереи», –говорится в православном исповедании восточной Церкви, – «суть местоблюстители Христовы, каждый в своей области, и главы частные, но словам Писания: *внимай себе и всему стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровью своею*». (Деян. 20, 20)[2]. В следствие сего от епископа главным образом зависит, и им держится союз членов вверенной ему паствы как между собою, так и с Церковью вселенскою.

Союз членов Церкви показан апостолом Павлом в 4-й главе послания к Ефесянам. Он **состоит**, по учению св. Апостола, **в единстве спасительной веры (Ефес. 4, 5. 13), надежды (ст. 4) и святой любви (ст. 10)**. Святой Иоанн Златоуст в толковании своем на эту главу пишет: «когда мы все одинаково веруем, тогда бывает единство.... Верные всея вселенныя, и живущие, и жившие, и имеющие жить, равно как и угодившие (Богу) до пришествия Христова, суть одно тело: (потому что) Бог призвал (всех нас) к наследию одних и тех же благ: всем даровал безсмертие, всем вечную жизнь, всем безсмертную славу, всем братство, всем наследие, сделался общею всем главою, всех совоскресил и спосадил (…) Любовь созидает и производит то, что мы совокупляемся, связываемся и соединяемся между собою»[3].

Но этот внутренний союз членов Церкви не иначе возможен, как только под условием употребления ими средств, которые Основатель и глава Церкви – Иисус Христос дал ей для достижения предназначенной для ней цели. Какие же эти средства? Спаситель, намереваясь возвратиться к Отцу своему и вверяя Церковь свою Апостолам, завещал им учить: *щедше, сказал* Он, *научите вся языки, учаще их блюсти вся, елико, заповедах вам* (Матф. 28, 19. 20), и хотел, чтобы всякий, кто желает быть Его учеником, исповедовал Его, а следовательно и Его учение, пред человеками (Лук. 12, 8). Вместе с тем Иисус Христос дал Апостолам заповедь крестить все народы *во имя Отца и Сына и*

---

[1] Изложение Православного Исповедания Восточно-Кафолической Церкви. гл. 10. (1723 г.).

[2] Митр. Киевский Петр (Могила). Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. ч. 1. Вопр. 85.

[3] In. Epist. Ad Ephes, cap. IV. Homil. X et XI, p. 96, 86, 92, 98. Vid. Chrysost. oper. tom. XI. part. 1, ed. 1838 an.

Святаго Духа (Матф. 28, 19), а еще прежде повелел совершать таинство тела и крови Его в воспоминание об Нем (Лук. 22, 19), и для всякого, кто желает быть участником благ, заслуженных Им для рода человеческого, поставил непременною обязанностью участвовать в таинствах (Иоан. 3, 5. 8,43). Наконец, Он дал Церкви власть вязать, т. е., противодействовать соблазнам, и духовным судом отсекать преступления, и власть решить, т. е., отпускать грехи кающимся, и открывать им доступ к участию в дарах духовных, и повелел, чтобы все Его последователи безпрекословно повиновались этой власти, как Ему самому (Лук. 10, 16), а непокорные были извергаемы из Его царства (Матф. 18, 17). Итак **средства, данные Иисусом Христом Церкви для достижения указанной ей цели, суть: учение, законное совершение таинств и других священных действий, и управление по духу Евангелия**. Сими средствами определяется и взаимный союз членов Церкви, служащий выражением внутреннего, именно его составляют: откровенное исповедание одного и того же христианского учения, участие в одних и тех же таинствах, и вообще – в одном и том же общественном богослужении и подчинение одной и той же церковной власти.

В ком же главным образом сосредоточиваются право и власть все эти средства, без которых невозможен и от которых зависит как внутренний, так и внешний, союз членов Церкви, приводить в действие и предлагать для употребления верующим? В изложении православного исповедания восточно-кафолической Церкви касательно права преподавать христианское учение говорится, что оно принадлежит но преимуществу епископу. О праве совершать таинства в том же изложении мы читаем; «первым совершителем и священно-действователем таинств, по силе Духа, есть епископ». Наконец, касательно права – творить духовный суд тоже изложение учит: «он (епископ) особенно и преимущественно имеет власть вязать и решить и творить, по заповеди Господа, суд приятный Богу», – «он непокорных, как язычков и мытарей, отлучает от Церкви, еретиков же предает извержению и анафеме»[1]. Таким образом главный преподаватель христианского учения, главный совершитель таинств и главный судия духовный есть епископ. Если же в **правах – учить, совершать таинства и творить духовный суд участвуют и пресвитеры; то только по власти данной им от епископа, и неиначе, как в полной зависимости от него**. (См. ставл. свящ. грам.). Кроме того архиерей имеет то важнейшее право, что он один избирает и поставляет пресвитеров для своей частной церкви; посему православная Церковь по праву называет его

[1] См. Изложение Православного Исповедания Восточно-Кафолической Церкви. гл. 10.

«источником божественных таинств и дарований»[1].

После этого, по всей справедливости надобно сказать, как действительно и говорится в правилах Апостольских[2], что собственно епископу «вверены людие Господни». Надобно также согласиться с св. Григорием Богословом[3], что **благосостояние церкви находится в непосредственной зависимости от епископа, так что церковь необходимо или вдается в опасности, или благополучно идет к своей цели, смотря потому, каков епископ**. Вникнем теперь в содержание присяги, которую произносит епископ, готовясь занять такое важное место в составе той или другой частной церкви.

2) Вникая в содержание архиерейской присяги, нельзя не заметить в пунктах ее разнородности и вместе с тем соотношения с различными обязанностями епископа. Именно, одни из сих пунктов приспособлены к обязанности святителя, некоторые – к обязанности правителя Церкви. Но так как епископ, по тесной связи нашей православной Церкви с гражданским обществом, есть вместе член государства; то в архиерейской присяге есть пункты, которые определяют и отношение епископа к гражданскому обществу и Государю. На этом основании мы, чтобы яснее представить содержание архиерейской присяги, пункты, ее составляющие, относим к четырем родам. К *первому* роду причисляем пункты, определяющие обязанность епископа учительскую; ко *второму*, касающиеся его обязанности святительской; к *третьему*, относящиеся к должности правительственной; к *четвертому*, те пункты, которые касаются обязанности епископа, как члена государства.

В пунктах *перваго* рода, избранный во епископа, как будущий учитель веры, исповедует, чему он верует сам и будет учить свою паству, указывает на источники, из которых заимствует и будет заимствовать учение веры, осуждает и проклинает еретиков, вооружавшихся против православия, и **обещает охранять паству свою от латинства и всех ересей**. Исповедуя предмет своей веры и предмет будущего своего учения, он вообще свидетельствует, что во всем согласуется и будет согласоваться во всю жизнь с православным восточным христианским вероисповеданием. В частности исповедует его догматы, именно: догмат о первом лице Святыя Троицы – Боге Отце, что Он есть Творец неба и земли, всего видимого и невидимого, безначален, нерожден, не имеет вины своего бытия, а Сам есть естественное начало и вина Сына и Святаго Духа, все содержит в своей власти и своей воле; догмат о

[1] Изложение Православного Исповедания Восточно-Кафолической Церкви. гл. 10.

[2] Пр. Ап. 39.

[3] Письмо к Кесарийц. греч. энцикл. т. 1, стр. 249, изд. 1811 г.

втором лице Святыя Троицы – Иисусе Христе, что Он есть единородный Сын Божий, нестечно и безвременно, т. е. от вечности, рожденный от Отца и единосущный Ему, не сотворен, а сотворил все, для нас – человеков и для нашего спасения сшел с небес, воплотился от Святаго Духа и Девы Марии и сделался совершенным человеком, распялся ради нас при Понтие Пилате, страдал, был погребен и воскрес в третий день, как было предсказано в Писании, вознесся на небеса и седит одесную Бога Отца, снова придет со славою судить живых и мертвых и будет царствовать вечно; догмат о третьем лице Святыя Троицы – Духе Святом, что Он исходит от Отца, есть Господь, Источник жизни, Создатель тварей, Виновник пророчеств, соприсносущен и сопрестолен Отцу, а посему достоин такого же поклонения и прославления, какое прилично Богу Отцу и Богу Сыну; – догмат о Церкви, что она есть единая, святая, соборная и апостольская; – догмат о крещении, что оно есть едино и очищает людей от грехов; – догмат о действительности воскресения мертвых и будущей жизни; наконец, догмат о пресвятой Деве Марии, что Она родила плотию единого из лиц Святыя Троицы – Христа Бога нашего, и потому есть Богородица[1].

Источниками христианской православной веры и будущих своих поучений избранный признает слово Божие, как заключенное в священном писании, так и хранящееся в предании, и, как обстоятельнейшее определение и изъяснение того же самого слова Божия, – учение единой кафолической и апостольской Церкви и учение древних великих ее учителей[2].

Проклятие изрекается на всех еретиков вообще, какая бы ни была их ересь, и где бы они ни находились. В частности ему подвергаются опаснейшие из еретиков, каковы: *Арий* с своими сообщниками, который отвергал вечность второго лица Св. Троицы – Иисуса Христа, и единосущие Его с Богом Отцом, и называл Его творением, созданным прежде всех вещей из ничего, а в следствие сего почитал Его меньшим Отца[3]; – *Македоний* с последователями, который учил, что Дух Святый не есть Бог, но сотворенная сила и притом служебная Сыну Божию также как Ангелы[4]; – наконец *Несторий*, который учил[5], будто Иисус Христос родился от Девы Марии простым человеком, а Божество соединилось с Ним после за святость Его жизни, посему и Деву

[1] См. Чин. арх. прис. пункт. 1, 2 и 4.

[2] Там же, пункт. 2 и 22.

[3] Начертание Церковной Истории Преосвящ. Иннокентия. ч. 1, стр. 231.

[4] Там же, стр. 233.

[5] Там же, стр. 293.

Марию называл не Богородицею, но Христородицею[1].

В пунктах, относящихся ко *второму* роду, избранный, как будущий святитель, дает обязательство хранить чиноположения церковные согласно с святейшим правительствующим всероссийским Синодом, и четырьмя восточными патриархами, словом – согласно с православною Церковью, и **оберегать оныя от латинства и всяких странных примесей**; принимает церковные таинства, свидетельствуя свою веру Церкви о времени пресуществления хлеба и вина в важнейшем из ее таинств – Евхаристии; обещается не принимать из других епархий в свою клириков, если они не представят от своих архиереев отпускных грамот; не совершать в чужих епархиях, без воли их епископов, литургии, рукоположения и других священнодействий; – в собственной епархии рукополагать на обыкновенной литургии одного священника и одного диакона, а на литургии преждеосвященных даров – только одного диакона; вообще – поступать всегда по церковным правилам и не делать ничего противного им, хотя бы к тому принуждали сильные земли или народ, – даже под угрозою смерти[2].

В пунктах *третьего* рода, избранный, как будущий правитель вверяемой ему церкви, обещается управлять ею со страхом Божиим и боголюбивым намерением; обязывается соблюдать правила святых Апостолов, постановления семи вселенских и благочестивых поместных соборов, правила святых Отцов, вообще все каноны и святые уставы, которые в разные времена были издаваемы истинными поборниками по святой восточной православной вере. В частности дает обеты: – никого не проклинать и не отлучать от церковных таинств по пристрастию или каким нибудь неудовольствиям – ни со всем домом, ни единолично, разве кто окажется явным преступником и попрателем заповедей Божиих, или еретиком, впрочем и такого человека подвергать проклятию только в том случае, когда он не исправится после троекратнаго увещания, – и притом только одного его, а не весь дом его; – с противниками св. Церкви поступать с рассуждением и кротостью; – содержать монахов по положенным для них правилам и уставам, – не позволять им скитаться из монастыря в монастырь и входить в мирские дома (без его ведома и письменного соизволения), разве этого потребует или крайняя нужда самих монашествующих, или польза других; – ни другим не позволять, ни самому не строить вновь церквей без нужды, дабы они потом не пустели по недостатку содержания; – не умножать священников, диаконов и прочих клириков сверх

[1] См. Чин. арх. прис. нункт. 3.

[2] Чин. арх. прис. нункт. 9, 11 и 12.

нужды, по корыстолюбию, и не ставить их для наследства[1], но поставлять только тогда, когда будут нужны для церкви; – каждогодно, или по крайней мере в два или три года раз, посещать свою паству, дабы видеть, как верные, особенно священники, содержат веру и исполняют заповеди Божии; – увещаниями и запрещениями предотвращать и искоренять расколы и суеверия, каковы: почитание за святыню гробов неизвестных и несвидетельствованных Церковью, боготворение святых икон, противное образу их почитания, предписанному седьмым вселенским собором, усвоение им ложных чудес и другие; – обличать и вместе представлять гражданскому суду тех, которые притворно беснуются, в колтунах[2], ходят босые и в рубашках[3]; словом: – поступать во всем по правилам, предложенным в уставе святейшего Синода, по грамоте, которая дается от Синода всякому епископу в руководство при управлении паствою, и по прочим указам и постановлениям, которые, с соизволения Государя Императора, будут впредь издаваемы Синодом. – Здесь же избранный, как правитель паствы, подчиненной главному духовному правительству, и составляющей часть единаго духовнаго стада, дает обязательство: всегда и во всем повиноваться правительствующему всероссийскому Синоду, и, если он благоволит позвать его на какой нибудь собор, являться немедленно, не смотря ни на какие препятствия со стороны сильных земли или народа; равно – хранить мир и единомыслие со всеми архипастырями Церкви, и оказывать им духовную любовь и почтение, как братьям[4].

В пунктах относящихся к *четвертому* роду, избранный, как член государства, обязывается – верно служить и повиноваться Государю Императору и Его Наследнику**;** – по крайнему разумению, силе и возможности охранять и защищать все, как узаконенныя, так и впредь узаконяемыя, права и преимущества самодержавной власти; – споспешествовать всему, что может относиться к выгодам Государя и пользе государства; – объявлять благовременно о ущербе казны Государевой, как скоро о том узнает, и вместе стараться об отвращении онаго; – крепко хранить церковную и вообще

---

[1] Т. е., не ставить клирика, когда он просится к известной церкви не потому, чтобы она имела в нем нужду, а только для того, чтобы быть помощником в домашних работах напр. своему отцу, а по смерти его наследовать его дом и имение.

[2] Колтуном называется болезнь головы, когда волосы делаются так толстыми, что образуют как бы шапку.

[3] Ходят в рубашках и босые некоторые для того, чтобы их, считали особенными подвижниками благочестия, котораго в самом деле они не имеют.

[4] См. Чин. арх. прис. п. 5, 6, 7, 10, 14,15, 17, 18, 19, 21.

всякую, вверенную ему Государем, тайну, наконец не вмешиваться в гражданские дела, разве сильный нанесет явную несправедливость слабому, – в таком случае наперед увещевать обидчика, а потом, если увещание не подействует, доносить о нем Государю Императору[1].

Остальные пункты архиерейской присяги содержат клятвы, равно относящиеся ко всем изложенным обязательствам и обетам епископа, и потому служат ее заключением. Содержание их следующее: Избранный клятвенно удостоивается благодати архиерейства не за дары, но по изволению Государя Императора и избранию святейшего правительствующего всероссийского Синода, при чем осуждает Симона волхва с его последователями, который думал, что благодать низводить на людей дары Св. Духа можно получить за деньги, и потому хотел купить ее у Апостолов (Деян. 8, 18. 19); клянется исполнить обязанности возлагаемого на него звания со всем тщанием, по крайней своей силе; – не увлекаться ни лицеприятием, ни враждою, ни завистью ни упрямством, словом – никакими страстями, но всегда действовать по совести, со страхом Божиим, постоянно содержа в памяти безпристрастный суд Божий, и полагая началом всех своих мыслей, слов и действий искреннюю любовь к Богу и ближним, а концем славу Божию, спасение душ человеческих и созидание всей Церкви; обрекает себя на лишение сана и власти, равно и дара небеснаго, который даруется епископу Духом Святым при посвящении чрез возложение рук, если преступит какой нибудь из данных обетов, или явится ослушником и противником божественным правилам, уставам восточной православной Церкви и святейшему правительствующему всероссийскому Синоду, или если захочет отделиться от единства Церкви, и каким бы то ни было образом сделает свою епархию в чем нибудь непослушною всероссийскому Синоду; клянется всевидящим Богом, что все свои обеты понимает умом своим не иначе, как изрекает устами, т. е., – в такой силе и в таком смысле, какие в них представляются читающим и слышащим оные; поставляет для себя непременным долгом данные обещания исполнять на самом деле, до последнего издыхания, и призывает сердцеведца Бога во свидетеля их неложности, и Его же – в правосудного карателя, если обещания его ложны и неискренни. Наконец, для верного прохождения архипастырского служения просит помощи у пастыреначальника Иисуса Христа, и, воздав Ему со Отцом и Св. Духом славу, умолкает[2].

Итак, если епископ пред вступлением в свое служение исповедует учение,

[1] **См. там же 13 и 21.**

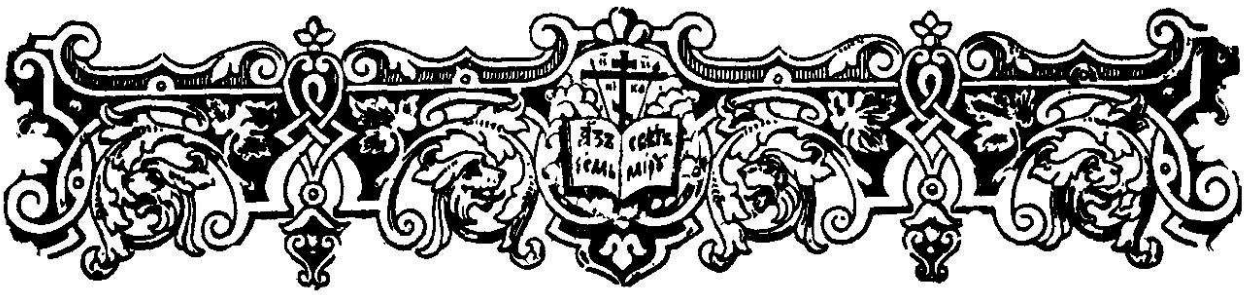
[2] См. Чин. арх. прис. пункт. 8, 21, 22, 23, 24, 25 и 26.

преданное от Бога вселенской Церкви, и обещает сие, а не другое, учение своей пастве, если принимает таинства вселенской Церкви и обязывается совершать их не иначе, как по ее чиноположениям, если , наконец , подчиняется законам вселенской Церкви и дает обеты сими, а не другими законами руководствоваться в управлении своею паствою, если притом обязательства и обеты подтверждает клятвами: то, приняв в соображение высокое значение епископа в своей частной церкви, нельзя не согласиться, что чрез **архиерейскую присягу действительно обезпечивается единение вверяемой епископу паствы со вселенскою Церковью**. Сам епископ не может, не подвергая себя неизбежному суду Божию и всей строгости правосудия церковного, умышленно изменить своим обетам и клятвам. А когда не изменит сам; то, без сомнения, не попустит поступать вопреки им и своим помощникам в пастырском служении – пресвитерам, которые во всем подчинены ему. Сила обезпечения простирается как на вселенскую Церковь, так и на вверяемую архиерею паству: Церковь после присяги епископа надеется, что не лишится части чад своих, коих она поручила его смотрению; паства питает уверенность, что, последуя во всем своему епископу, она не разлучится с своею святою матерью. В**от главная цель архиерейской присяги!**

Но, обозревая содержание ее, мы видели, что в ней есть пункты, которые не имеют отношения к сей цели; это пункты, в которых содержатся обеты епископа, как члена государства. Цель этих пунктов, очевидно, должна быть другая, нежели какую имеют прочие. Она, как можно выводит из самой сущности их, тождественна с целью присяг гражданских, то есть, сии пункты ближайшим образом служат ручательством верности епископа государству, и его главе – Самодержцу. А так как верною службою Царю и отечеству всех государственных членов достигается общественное благо; то **отдаленнейшая цель этого рода пунктов, входящих в архиерейскую присягу, есть обезпечение государственнаго благоденствия**.

Архиерейская присяга, обязывая архипастырей Церкви к верному прохождению их служения, **налагает и на пасомых священный долг повиновения сим богоучрежденным вождям на пути спасения**, дабы таким образом всем нам созидаться в тело Христово, постепенно возрастать *в мужа совершенна*, и наконец достигнуть *полного возраста Христова* (Ефес. 4, 12. 13).

«Странник». 1868. Т. II. (Апрель-Июнь). С. 91-113.



О ПОДВИГЕ ДВУХ МАТРОСОВ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯХТЫ.

«*Блажен, кто Родину не предал,*
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведал,
Но малодушно не роптал».
С. С. Бехтеев - «Немногим»

Иван Дмитриевич Седнев (1886-1918) - Матрос гвардейского экипажа Императорской яхты «Штандарт». Лакей Детей и официант Их Величеств. Происходил из крестьян деревни Сверчково, Спасской волости, Мышкинского уезда, Ярославской губернии. На службу в царскую семью попал благодаря рекомендации своего друга матроса «Штандарта» К. Г. Нагорного, который был при Цесаревиче дядькой. И. Д. Седнёв стал лакеем великих княжон, являясь не только помощником, но и телохранителем царских детей, везде сопровождая их, что было жизненно важно во времена, когда революционеры вели охоту на представителей царствующей династии. В дневниковых записях Николая и Александры упоминания о Седнёвых встречаются часто, последняя называла его *«добрый Седнёв…»*, а фрейлина, А. А. Вырубова - *«прекрасным человеком»*. Когда царская семья в августе 1917 года высылалась в Тобольск, возможность покинуть службу была у всех императорских слуг, но И. Д. Седнёв предпочёл остаться в семье отрёкшегося монарха и добровольно отправился вместе с ними в ссылку. Когда царскую семью частями (ввиду болезни цесаревича Алексея) отправляли из Тобольска в Екатеринбург, И. Д. Седнёв был отправлен в первой группе вместе с царём и царицей. Прежде чем быть допущенными в дом Ипатьева, все прибывшие с царской семьёй слуги давали чекистам расписку следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся,… даю настоящую расписку в том, что, желая продолжать служить при бывш царе Николае Романове, обязуюсь подчиняться и выполнять все распоряжения Уральского областного Совета, исходящие от

коменданта дома, считая себя на равном состоянии, как и остальная семья Романовых». Подписывая эту расписку, царские слуги подписывали собственный смертный приговор.

Климентий Григорьевич Нагорный (1887-1918) - крестьянин с. Пустоваровка Антоновской волости Свирского уезда Киевской губернии. Его родители жили на родине, женат не был. Сначала был назначен помощником боцмана Деревенько. После удаления Деревенько стал дядькой Наследника.

«Нагорный, рослый матрос - «нянька» Алексея Николаевича - всегда был рядом, готовый прийти на помощь. Веселый моряк обожал своего юного повелителя... Можно с уверенностью сказать, что он принадлежал к числу тех людей, кто остается верным своему долгу и своим хозяевам до конца...» (генерал Хенбери-Вильямс, представитель английский армии в Ставке). Цесаревич сразу полюбил молодого матроса, тот постоянно присутствует в его дневнике. Государь тоже упоминает о нем: «...урядник Муравицкий...прекрасный парень, купаясь, выкидывал в воде вместе с Нагорным разные смешные штуки» (Из письма Государя из Ставки от 1 июля 1916 г.)

Нагорный играл с Цесаревичем, выполнял секретные поручения, пестовал Его и выручал из беды друзей: «...Убежала кошка Алексея <*кот, сопровождавший Цесаревича в поездках в Ставку*> и спряталась под большой кучей досок. Мы надели пальто и пошли искать ее. Нагорный сразу нашел ее при помощи электрического фонаря, но много времени стоило заставить эту дрянь выйти, - она не слушалась Ал. Наконец, он схватил ее за задние лапы и вытащил через узкую щель. Сейчас так тихо в поезде...» (из письма Государя от 26 октября 1916 г.

Но вот Цесаревич заболевает, и «огромный, широкоплечий богатырь, с простой русской нежной душой... страдал за Него и за его несчастных Родителей, был беспомощным свидетелем отчаянной борьбы за спасение этой жизни, которая могла ежеминутно угаснуть, как слабый огонек. Для этого простого и преданного матроса Алексей Николаевич был, конечно, Наследник Престола, будущий Царь, Помазанник Божий, но также и бедный, больной ребенок, слабый и хрупкий, нуждающийся в защите и помощи» (И.П.Якобий).

Вместе с Государыней Климентий Нагорный не отлучался от Цесаревича в такие минуты, когда люди, зажав уши, пробегали мимо комнаты, не в силах слышать Его крики и стоны.

Показательный случай: в Ставке Алексей Николаевич очень ждал Высочайшего смотра, но буквально накануне подхватил насморк. Открылось

сильнейшее кровотечение. Доктор Деревенко не смог остановить кровь, Алексея Николаевича срочно повезли в Царское. Он заметно бледнел и слабел.

Дважды с Ним делались обмороки ... Всю эту ночь в поезде Нагорный, не шевелясь, поддерживал голову Цесаревича на нужной высоте, положив под нее вытянутую руку. Кровь остановилась в 6 час.20 мин. утра.

И только тогда Нагорный смог немного расслабиться. И распрямить затекшую руку.

Из письма доктора Боткина: «Состоящий при больном Клим Григорьев Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений ночей, сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и г-н Жильяр, давая возможность поспать и собраться с силами...».

Оба матроса, взрывной Нагорный и более спокойный Седнев, не могли стерпеть хамства охранников и часто с ними ссорились. По отношению к себе Нагорный сносил издевательства тюремщиков с невозмутимым спокойствием, но когда дело касалось Наследника, его охватывал страшный гнев. Нежная, заботливая нянюшка Цесаревича превращалась в боевого матроса-гвардейца, который не задержится показать подлецам, где раки зимуют. И показывал - дело доходило до бурных схваток.

Родионову (в Тобольске) Нагорный однажды пообещал, что если тот еще раз позволит себе нагрубить Алексею Николаевичу, то он, Нагорный, его просто изобьет.

Родионов, цеплявшийся за любой предлог, чтобы расправиться с непокорным матросом, отомстил быстро: сумел поймать Нагорного за совершением преступления - тот передавал пучок редиски и записку от Цесаревича Коле Деревенко. Собирался отдать его под трибунал. И отдал бы, не заступись за Нагорного генерал Татищев.

На пароходе «Русь» Родионов запер их с Алексеем Николаевичем в каюте. Нагорный негодовал: «Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!» Свита тоже протестовала: «...Ребенок болен и доктор должен иметь возможность во всякое время входить к нему» (Жильяр). А вот интерпретация этого эпизода советским историком Касвиновым: «Происшествий в пути никаких, если не считать вызывающего поведения Нагорного: он все время скандалит, протестуя против «неудобств» каюты, куда помещен Алексей».

В Екатеринбурге Нагорный снова скандалит: он бросился помогать Княжнам, которые тащили багаж под дождем, скользя в жидкой грязи. Его не пускали, ругали, отталкивали. Он не сдержался, нагрубил. Но до драки дело не

дошло: видно, понял матрос, что этих озлоблять нельзя, - отплатят не только ему, но и Княжнам.

Но снова и снова: хулиганят ли охранники, бесчинствует ли комендант - он спешит разобраться с ними и помочь Семье. В частности, требует вернуть Наследнику вторую пару обуви (*Семье разрешили иметь одну пару*), чтобы в мокрую погоду у ребенка смена была.

Теглева: «Нагорный держал себя смело и свою будущую судьбу предсказал себе сам. Когда мы приехали в Екатеринбург, он мне говорил: «Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! У одного Родионова чего стоит! Ну, пусть убивают, а все-таки я им хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!»

Судьба Нагорного, действительно, была предопределена. И задолго до Екатеринбурга. Татьяна Мельник-Боткина и баронесса Буксгевден писали, что солдаты еще в Царском Селе точили зуб на Нагорного и Седнёва, так как они позорят честь матросов. Люди, не изменившие присяге, позорят честь! Поистине, мир перевернулся.

А уж когда охранники видели, как Нагорный возит Императрицу в кресле по дворцу или в парке, то готовы были его разорвать. Письмо прислали: грозили убить, если он не прекратит служить «жене тирана».

Ни Жене, ни Детям, ни самому «тирану» матросы Нагорный и Седнёв служить не перестали. И потому, 27 мая 1918 г. были арестованы.

Из дневника Государыни: «27 мая. Понедельник ...Бэби снова провел плохую ночь, Е. С. [Боткин] сидел наверху часть ночи, чтобы дать Нагорному поспать... В б 1/2 Седнева и Нагорного забрали, причины не знаю...».

Внешняя причина ареста, в частности, заключалась в том, что матросы помешали охранникам ограбить Алексея Николаевича. Внутренняя раскрыта в словах прот. о.М.Старка: «Нагорный - простой матрос, был до последней минуты своей жизни верный в своей любви к Царской Семье. Ничто его не поколебало: и в Екатеринбурге он был все таким же, так же презрительно, резко отвечал красноармейцам и советским комиссарам, и не раз его простые слова заставляли замолкать советчиков. Они чувствовали, что этот матрос как-то выше, чем-то сильнее их, и они боялись и ненавидели его. Не случайно он был расстрелян одним из первых».

Пьер Жильяр, учитель английского языка Гиббс и доктор Деревенко, часто ходившие к дому Ипатьева, оказались свидетелями их ареста.

Жильяр: «Каково было наше волнение, когда мы узнали лакея Седнева, сидевшего между двумя стражами. Нагорный подходил ко второму извозчику. Он ступил на подножку, и подняв голову, заметил нас трех. Он пристально

посмотрел на нас несколько секунд и затем, не сделав ни малейшего движения, которое могло нас выдать, сел в пролетку. Пролетки отъехали, и мы видели, как они направились по дороге в тюрьму... Эти два милых малых были, немного спустя, расстреляны: их преступление состояло в том, что они не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки».

Нагорного и Седнёва заключили в ту камеру тюрьмы, где содержались арестованные ЧК и откуда выводили только на расстрел. Князь Львов, летом 1918 г. сидевший в той же тюрьме, рассказывал следователю Соколову, что матросы «рисовали екатеринбургский режим самыми черными красками...Обращение с Ними с каждым днем становилось все хуже.. Прогулку сократили до 5 минут. Не разрешались физические упражнения. Особенно недостойно обращались с Великими Княжнами. Седнёв с Нагорным постоянно ругались с красногвардейцами из-за Царской Семьи, преданно отстаивая ее интересы. Вот почему их бросили в тюрьму. Их слова подтвердили тюремщики, служившие и при нас, и в доме Ипатьева».

Царская Семья не дождалась возвращения матросов своих любимых матросов. В Екатеринбурге у И. Д. Седнёва и К. Г. Нагорного (прибывшего со второй партией ссыльных) практически сразу начались конфликты с екатеринбургской охраной царской семьи — бывшие матросы «Штандарта» поднимали голос в защиту притесняемых охраной узников, принялись смывать со стен стихи и рисунки неприличного и оскорбительного для царской семьи содержания, которые оставляли красноармейцы-охранники. Но окончательно решило их судьбу то, что они позволили себе открыто возмущаться тем, что охрана ворует вещи, принадлежащие царской семье.

Пьер Жильяр вспоминал впоследствии: «*…эти два милых малых не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки*». 15 (28) мая 1918 года И. Д. Седнёв и К. Г. Нагорный были взяты из Ипатьевского дома и доставлены в Екатеринбургскую тюрьму. Арестованных слуг лишили вещей и денег и поместили в общей камере тюрьмы, где содержались арестованные чрезвычайной следственной комиссией. Их сокамерником был князь Львов, который впоследствии дал показания следствию об убийстве царской семьи о рассказах арестованных матросов об условиях содержания царской семьи в доме Ипатьева.

Климентия Нагорного (31 года) и Ивана Седнёва (32 года) были выведены из тюрьмы, отведены за город в безлюдное место и тайно, убиты в спину, 23

июня / 6 июля 1918 г. «за предательство дела мировой революции» — как было указано в постановлении об их казни.. Брошенные на месте казни тела похоронили через два месяца после ухода большевиков. Опознали их по платью... Когда Екатеринбург был занят белыми, трупы И. Д. Седнёва и К. Г. Нагорного, полуразложившиеся и исклёванные птицами, были найдены и торжественно захоронены 10 августа 1918 года у церкви Всех Скорбящих. Очевидцам похорон запомнилось, что могилы бывших матросов «Штандарта» были усыпаны множеством белых цветов. Могилы их не сохранились — их уничтожили, когда советская власть устраивала на месте кладбища городской парк.

На основе книги: О. В. Чернова - «*Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников*». *М. 2010.*

Иван Дмитриевич Седнев

Климентий Григорьевич Нагорный

ФЕОДОРИТ, АРХИЕПИСКОП РЯЗАНСКИЙ И МУРОМСКИЙ – ПЕЧАЛОВАТЕЛЬ ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ И РУССКУЮ ЗЕМЛЮ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

От Ред.: *В истории России было много всевозможных испытаний, ниспосылаемых ей по неисповедимым судьбам Промысла Божия. Но редко когда эти испытания достигали такой силы, как в Смутное Время. Вскоре после мученической кончины царевича Димитрия и после смерти последнего русского царя из дома Рюрика – Феодора Иоанновича, на Руси стали появляться самозванцы, свободно разгуливавшие по многострадальной Руси. Но Бог хранил Святую Русь. Он послал ей избавителей, благодаря которым она стряхнула с себя позор бесчестия и унижения и быстро расцвела в могучее и славное государство. Одним из молитвенников и печальников за землю Русскую был Архиепископ Феодорит, архиепископ Рязанский и Муромский.*

Архиепископ Феодорит был четвертым в числе архиепископов рязанских в конце 16-го и первой половине 17 столетия; но он и предшественников своих и преемников превзошел живым и деятельным участием в судьбах нашего отечества и Церкви. Великий муж сей жил и действовал для блага отечества и Церкви в самые печальные времена России, – знал Грознаго Иоанна и сына его, кроткого Феодора, видел падение Годунова, времена самозванцев, слабое царствование Шуйского, распадение государства без царя, видел и надежду – Государя, *благословенную ветвь благословенного корене*, – видел восходящую славу России. Кому же после этого не любопытно знать: кто такой был Феодорит, и какое участие принимал он в судьбах нашего отечества?

Архиепископ Феодорит, как говорит предание, родился в 1551 г., в царствование Иоанна Васильевича Грозного. Кто были его родители и как провел он светское поприще своей жизни – нет на это достоверных известий. Есть, впрочем, предание, что он был близкий родственник боярина Шереметьеву, имел поместья в Рязани, и что патриарх Иов склонил его вступит в монашество. Принятие монашества могло последовать не ранее 1589 г.; ибо в

этом году установлен в Москве престол патриарший. История монашеской жизни сего знаменитого мужа, до посвящения его в сан архиепископа рязанского, так-же покрыта неизвестностью. Правда ,имя Феодорита встречается при следствии, по случаю смерти Димитрия царевича, убитого в Угличе (1594 г, 15 мая): в акте, написанном по этому случаю Василием Ивановичем Шуйским, – митрополитом Геласием и другими следователями, между прочим сказано: «а Осипа Волохова привели при них, при нем, при архимандрите при Феодорите и при игумение при Саватее». Но доселе еще достоверно неизвестно, кто был упоминаемый здесь архимандрит Феодорит, бущуий ли архипастырь рязанский, или другое какое либо лице. В 1605 г. архиепископский престол в Рязани сделался праздным. Игнатий Грек, бывший до того архиепископом кипрским, управляющий рязанскою епархию с 1603 по 1605 г. июня 24 день, Димитрием самозванцем был возведен на степень патриарха московского. Предусмотрительный Гермоген, будущий еще митрополитом казанским, рукоположил Феодорита в сан архиепископа рязанского и муромского. Отселе начинается деятельно служение сего мужа Отечества и Церкви в самое бедственное для обеих время. В каждом государственном событии он принимал более, или менее деятельное участие, сопровождавшееся благодетельными последствиями.

Действительно, положение России было тогда самое бедственное: она находилась во власти самозванца, который предавал ее в руки врагов. Поляки и казаки грабили города, жгли села, губили народ и делали всякого рода безчинства, насилия и грабительства. Феодорит сокрушался духом, при виде новых, угрожающих отечеству опасностей, и, чувствуя невозможность отстранит их, хотел, по крайней мере, ослабит силу их в своей епархии; он неутомимо заботился о ее спасении как от внешних, так и от внутренних врагов и усмирял мятежи, готовые вспыхнуть в самой Рязани. Кроме силы веры, сопровождаемой молитвою, и вдохновенного слова, изрекаемого от имени веры, Феодорит опирался в деятельности своей на сильных и знатных мужей: ему покровительствовали тогда Шуйский, Гермоген, друзья его Волконские; сам лжепатриарх Игнатий смирялся перед ним. При содействии некоторых из этих покровителей, он успел возвратить архиерейскому дому отнятое у предшественников своих владение.

Недолго царствовал Лжедмитрий (с 17 апреля 1605 по 17 мая 1606 г.). Василий Иванович Шуйский, покровитель Феодорита, сверг самозванца с престола и сам сделался государем всея России. Бывши тогда в Москве, святитель Феодорит участвовал в духовном торжестве, при венчании Шуйского на царство. Через два дня (3 июня) вместе с самим Шуйским и

знатнейшими духовными и светскими лицами, он встречал мощи святого Димитрия царевича, перенесенные, по царскому повелению, из Углича в Москву. Эти события сблизили Феодорита с государем. Феодорит привязался к нему всею душою и ревностно заботился о поддержании его на престоле. Пользуясь близостью и благосклонностью его, Феодорит прежде всего ходатайствовал у него за рязанское духовенство, надеясь иметь верных помощников в деле управления верующими. И Шуйский, спустя три недели после своего воцарения (июня 19 дня 1606 г.), пожаловал милостивую грамоту всему соборному духовенству с причтом и служащими при соборах.

Усердно заботясь об возвышении и обеспечении соборного духовенства, как ближайших сотрудников своих в деле служения Церкви и управления паствою, архиепископ Феодорит в то же время прилагал деятельное попечение о другом, не менее важном предприятии в престольном граде своем, в полной надежде на содействие государя Василия Ивановича Шуйского. В святой ревности о благолепии церквей Божиих, архиепископ Феодорит решился окончит постройку соборного храма. Но, не имея средства для исполнения такого важного предприятия, обратился с просьбою о помощи к Василию Ивановичу Шуйскому. Шуйский охотно исполнил просьбу любимого архипастыря.

1613 г. открывается пред нами в летописях истории России великий и славный подвиг архиепископа Феодорита в деле избрания Михаила Феодоровича Романова на престол всероссийский царем и самодержцем.

По очищении Москвы от врагов России и принесении Господу Богу искреннего благодарения за спасение, вожди ополчения, боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, стольник и воевода, князь Димитрий Михайлович Пожарский и выборный человек от всего московского государства, Кузьма Минин вместе с другими боярами, именитыми мужами и со всеми ратными людми положили заняться избранием царя всею землею, именно кого Бог укажет. Немедленно разосланы были грамоты во все города московского государства к митрополитам, архиепископам, епископам, архимандритам, игуменам и всему освященному собору, так же к боярам, воеводам и ко всем людям, с тем, чтобы из всех городов Российского царства митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены прибыли к ним с Москву; из дворян, детей боярских, гостей, торговых, посадских и уездных людей выбрав лучших, крепких и разумных людей, поскольку человеку пригоже, для земского совета и государского избрания, все города прислали-б в Москву-ж, и чтоб эти власти и выборные лучшие люди договорились в своих городах накрепко и взяли у всяких людей о государском

избрании полные договоры. В следствие такого священного призыва, архиепископ Феодорит, сделав надлежащие распоряжения по епархии, особенно касательно усиления молений к Богу Вседержителю о благополучном исходе великого и святого дела, немедленно поспешил в Москву с душою, полною радости, но в трепетном ожидании будущего. Прозорливая душа его, всецело проникнута мыслю о завете великого страдальца за веры и отечество, Гермогена, указавшего перед смерью на избранника, понимала, на кого должен был пасть высокий жребий быть царем и самодержцем, но не могла не предчувствовать великих затруднений, при столкновении партий. Рязань, по принесении общего моления Господу Богу, напутствовала своего владыку искренними благожеланиями. В январе видим уже Феодорита в Москве; в январе же государственная дума и начала свои заседания, – и прежде всего, когда еще не все власти и выборные из городов съехались в Москву, положено было наградить доблестных воевод, подвизавшихся за спасение отечества. Феодорит участвовал в написании жалованной грамоты князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому на вотчину Вагу со всем волостями и доходами «за его, – сказано в грамоте, – государству московскому многие службы и за радение ,и за промысл, и за дородство, и за храбрость ,и за правду ,и за кровь», – вообще за освобождение Москвы от поляков. Так оценили заслуги великого мужа Российские архиереи и бояре! В грамоте, после митрополита ростовского Кирилла и архимандрита Серигиева монастыря приснопамятного Дионисия, Феодорит подписался: «Смиренный Феодорит, Архиепископ Рязанский и Муромский». Затем всем собором положили с 7-го по 21 февраля принести в храмах моления подателю всех благ Богу, да дарует народу царя, и чтобы еще более преклонит на милость Вседержителя, установили тридневный пост, который содержали от мала и до велика в большой строгости; очистившись таким образом молитвою и постом, приступили к избранию царя…

И вот 21 февраля, в Неделю Православия, т. е. первое воскресение великого поста, выборные из всех городов все собрались в Москве, где был последний земский собор. Митрополиты, архиепископы, епископы и все освященный собор духовных лиц с боярами, выборными из городов и всем православным народом совершили в церкви Успения Божией Матери моление всемилостивому в Троице славимому Богу, Пречистой Матери Сына Божия и всем святым, чтобы отвратил Он праведный свой гнев и призрел милостивым оком на людей своих и «дал на Московское государство царя праведна и свята и благочестива и благородна и Христолюбива и чтоб было вечно и крепко и неподвижно в род и род навеки». Благоговейные молитвы, принесенные в лице

представителей народных всею Церковью российскую, озаривши дух народа, объединили умы и сердца русских и привели к желаемому концу: единогласным мнением всех чинов собора и духовных и светских избран был на царство и наречен *царем* и *самодержцем* шестнадцатилетний юноша, *Михаил Феодорович Романов*. Как отрадно было Феодориту слышать имя избранника Божия, указанного страдальцем Гермогеном, избранника – царя, к которому так давно горела огнем любви душа его! Власть его возвысилась когда собором поручили ему огласить имя избранника пред народом, который еще не знал, кто у него царь и отец, который еще не высказался сам торжественно, кого избрал Бог самодержцем земли Русской. Феодорит, сопровождавмый келарем Троицкой Лавры Авраамием Палицыным, Новоспасским архимандритом Иосифом и боярином Василием Петровичем Морозовым, в святительской одежде вышел на лобное место. В безчисленном множестве собранный на Красной площади народ с нетерпением ожидал, что вещает посланник земской думы, – архиепископ именитый. Умиленный душою при виде множества народа, одушевленный решением собора земли Русской, Феодорит в трепетном волнении духа, но твердо и громогласно спросил у народа, кого они хотят иметь себе царем? «Михаила Феодоровича Романова», – был единственный ответ. Так глас народа, как глас Божий, оправдал решение судеб Всевышнего – царствовать Михаилу! Феодорит возвестил народу, что и собора решение таково же, приносили моление, благодарили Вседержителя за ниспосланного Монарха; ликовали в домах своих, – и в этот день всеобщего веселия забыли свои многолетние страдания.

Немедленно присягнула вся Москва, а вслед за нею быстро присягали ему и другие области с благоговейным усердием: уже 4 марта воевода Переяславля рязанского к радости Феодорита дал знать в Москву, что жители его города присягнули Михаилу.

Между тем избранник Божий, нареченный царь Михаил, и в мысли не имел быть царем; он, по освобождении из плена у поляков в кремле, тотчас удалился в костромское имение свое и с матерью своей, инокиней Марфой Иоановной, жить в Ипатьевском монастыре города Костромы.

Надобно было склонить матерь-инокиню благословить сына на царство, а сына – принять царство. Понимали на соборе, как это трудно будет сделать, если последует отречение, – чего, без сомнения, ожидали со стороны матери и юного сына. Вследствие чего, назначая великое посольство для призвания Михаила на престол из мужей знаменитых родом, саном и заслугами, государственный собор понял, что во главе посольства должен быть муж многоименитый, крепкий душою и характером, опытный в делах веры и

благочестия, сильный в знании слова Божия и истории царств и народов, обладающий красноречием отцов, дышащий помазанием благодати. Таковым земский собор и нашел Феодорита. Посольству поручалось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси в Ярославль или где он, государь, будет».

Что же дано великим земским советом в залог верности поручаемого дела, на чем бы Феодорит с представителями в посольстве мог опереться в действиях убеждения избранного государя принят разстроенное царство? Две избирательные грамоты, одна к Михаилу Федоровичу, другая к матери его, наказа и святыня Москвы вручены были посольству; в первой излагается просьба к Михаилу Федоровичу изъявить согласие на избрание и прибыть в Москву, во второй моление к матери избранного царя благословить сына к принятию Российской короны и прибыть с ним в Москву. В наказе весь подвиг убеждения нового царя на изъявление согласия возлагается преимущественно на Феодорита: он должен был в речи своей к Михаилу Федоровичу и матери его ясно представить бедственное состояние земли Русской. На случай отказа со стороны Михаила Федоровича Феодориту с сотрудниками давалось в наказе такое наставление: «Если государь не пожалует, станет отказывать или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотением, по избранию Бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он, государь, про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Но прилагались в этом великом деле не на силу только слова и мудрость человеческую; посольству вручалось покровительству небесному: Феодорит, в напутсвие себе и посольству, принял от лица собора святыню Москвы: икону *Успения Преблагословенной Владычицы*, написанную *святым Петром* митрополитом, окрестившим основателя той обители, где укрывался Михаил, образ самого *Петра* с сопрестольниками его *святым Алексием* и *святым Ионою*, митрополитами Москвы и чудотворцами.

2-го марта послам вручен был наказ от земского собора. В тот же день Феодорит с душою, полною радостью, при сердечных благожеланиях всего народа и собора, окруженный знаменитыми сановниками от синклита и мудрыми мужами от духовенства, сопутствуемый множеством всех чинов, под

покровительством Царицы небесной и великих святителей – чудотворцев московских, выехал из Москвы. На пути многочисленные сонмы народа встречали и провожали святителя от одного селения до другого, составляя как бы стражу для него. У Сергия-Троицы, в Переславле-Залесском, Ростове и во всех местах, ознаменованных святынею, он сам *совершал молебствие*. Келарь Аврамий Палицын, Шереметьев и другие пели: колена преклоните. Таким же образом путешествие, как шествие священное, совершилось благополучно.

14 марта, в воскресенье четвертой недели великого поста, по совершении заутрени, Феодорит облачился в святительския одежды, дав благословение одеться в священные ризы и всему освященному собору, а Феодор Иванович Шереметьев и прочие послы *устроили чины по достоянию*; и, поднявши св иконы и кресты, на рассвете стали переправляться через Волгу, с священным псалмопением. при колокольном звоне в Костроме и ближайших селах. Трогательное и вместе величественное зрелище должно было представиться взорам: на встречу священному шествию Феодорита с собором духовенства и послами спустилось из города, также в ризах священных, с крестами, хоругвями и с чудотворною Ф*еодоровскою* иконою Божией Матери, все костромское духовенство, в сопровождении множества народа с женами и детьми и при устье р. Костромы, называемом Стримою, соединилось с Феодоритовымь ходом; составился таким образом торжественный крестный ход, направившийся вдоль берега к Ипатьевской обители; в сретение ему, также при колокольном звоне выходит другой крестный ход иночествующих из святых ворот, в сопровождении будущего царя и его матери инокини. Печаль выражалась на кротком лице Михаила и матери его; они предчувствовали, что их ради устроилось все это торжество. Воспитанный в отеческом благочестии, обреченный на царство юноша, исполненный душевных волнений при виде святыни, со слезами на глазах подошел к чудотворной иконе Божией Матери, – полный слез громким голосом воскликнул: «О милосердная Царице, пресвятая Богородице, Мати Христа Бога нашего! Почто толикий подвиг сотворила еси и чудостворный образ свой воздвигла с честными крестами и иным множеством чудотворных икон? Тем Пречистая Богородице молися о мне и помилуй!» Говоря это с плачем, повергся на землю пред чудотворным образом Пречистые Богородицы, и вставши приложился к нему и прочим свитым иконам с великими слезами. Потом, подошедши к архиепископу Феодориту, со слезами на глазах, спросил: «О святейший Архиепископ! зачем ты чудные и чудотворные иконы Пречистые Богородицы и честные кресты поднял и такой многотрудный подвиг сотворил?».

Иерарх Христов осенил его вместе с матерью животворящим крестом, и поднося с боярами грамоту и объявляя причину посольства, после приветственной речи по наказу, сказал: «Царь народом избранный! приими на себя государства сирого правительство», – и в безмолвии ожидал утвердительного ответа.

Михаил Федорович, изумленный такой речью, отвечал им: «Не мните нимало, чтоб я захотел царствовать, и в разум мой того не приходило, да и мысли моей на то не будет. Как мне подумать взойти на такую высоту царствования и сесть на престоле великих преславных Царей Российских, и Великого Государя моего, пресветлого блаженные памяти Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича всея Руси Самодержца? .... Таковая страшная почесть мне и на мысль не всходила.... Я отрицаюсь от нее... вручите державу мужам, заслугами прославившимся и паче меня того достойным».

Каково же было изумление Феодорита, сотрудников его и народа, когда услышали из уст Михаила такой отказ! Романов и грамоты не принял. Мать царя, подтвердила отказ сына. Феодорит, стоя с животворящим крестом в руках, при таких словах матери царя, приходил в большее и большее изумление: мысли в душе его напрягались; чувства волновались; одне другими сменялись.. Бояре держали грамоты. Все безмолствовало. Поддерживая Феодорита, Шереметьев отвечал матери царя: «Государыня! сам князь Пожарский избрал сына твоего на царство... Бояре и весь народ поклялись Романову в верности и покорстве и сию непреложную клятву присягой запечатлели». Мать царя, проливая слезы, воскликнула: «Не дам сыну благословения, чтоб был виновником новых отечеству напастей!... Кто не научился управлять народом, тот соделывается его губителем, тот зло творит по неведению... Нет не быть сыну моему на престоле».

После сих слов великая инокиня Марфа Иоанновна вместе с Михаилом Федоровичем хотела удалиться в свою келью, но Феодорит с послами стал упрашивать ее, чтобы она вошла с сыном за крестами в соборную церковь живоначальные Троицы для слушания литургии. Долго не соглашалась она идти за ними. Наконец уступила неотступным мольбам святителя с послами и народом. Народ не поместился в церкви, занял монастырь, даже во множестве стоял за монастырем. Пришедшие в церковь, все иконы поставили на приличном месте. Феодорит с архимандритами, игуменами и со всем освященным собором *нача молебна пети*; стоя на коленах со всем народом, молил он Всевышняго Царя царей, да приклонит сердце Михаила на просьбы их; – и по совершении моления опять обратились к Государю и матери его, били челом, грамоты подали и говорили по наказу речи. Представляли им, с

каким нетерпением ожидают их верноподданные в Москве; представляли им, какая безотрадная горесть постигнет всю Россию, когда разнесется весть об их отказе, и какие пагубные последствия произойдут от того; тогда возобновятся недавно прекратившиеся смуты и бедствия, явятся новые самозванцы, возгорится междоусобная брань и иноплеменники разделят царство и даже самое имя России истребится. Грамоты и челобитные речи выслушаны, – и за всем этим последовал отказ. Мать Царя, поставив Михаила Феодоровича пред царскими вратами, на глазах всего собрания в своей речи снова потвердила отказ благословения сына на царство. Тут слезы прервали голос инокини Марфы Иоанновны.

Доводы отречения сильные: они необходимо вызывали на борьбу с потрясенными неожиданностью чувствами смиренных душ силу слова и энергию духа великого мужа. Всецело проникнутый мыслью о предназначении судеб Вышняго спасти и возстановить православную Русь избранником народа, глубоко потрясенный отречением матери и сына от принятия и исполнения этого предназначения, Феодорит употребляет все красноречие в деле убеждения, и, бросивши взгляд на прошедшее России, в опровержение доводов отречения, представляет его чистым душам в истинном свете. В слезах от сильной туги и сокрушения сердца, взволнованный духом, обратившись с мольбою к матери царя, смиренно восклицает:

«О Боголюбивая, Великая Государыня, старица инокиня Мария Ивановна, призри на нас, смиренных своих богомольцев и рабов, призри на царский синклит и столь великое множество людей-христиан; услышь вопль и рыдание всего Русского народа; утоли плачь неутешный; вступи опять на царство ваше и возвеличь отечество свое, возвысь рог христианский, дай Богом избраного Царя на царство, всем нам благонадежного Государя, сына своего единородного, благоцветущую отрасль благочестиваго корени, Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца, – дай без всякого размышления, полагаясь на волю Создателя нашего и Творца, Господа нашего Иисуса Христа. Выбрали его по изволению всемилостивого в Троице славимого Бога, пречистой Его Богоматери и всех святых, не его государевым хотеньем; Бог положил единомыслие в сердца всех православных христиан от мала и до велика, как на Москве, так и во всех городах, – и люди всех чинов московского государства станут служить и прямить ему Великому Государю во всем, на чем ему Государю крест целовали и души свои дали. Прежние государи, – царь *Борис* сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень – царевича Димитрия, начал делать многие неправды, – и Бог мстил ему за убиение и кровь праведного и

безпорочного царевича Димитрия богоотступником *Гришкою Отрепьевым*; вор Гришка разстрига, по своим злым делам, от Бога месть принял, злою смертью умер. Царя *Василия* выбрали на государство немногие люди: и по вражью действу многие города служить ему не хотели и от Московского Государства отложились: все это делалось волею Божиею, да по грехам всех православных христиан; во всех людях московского государства была тогда рознь и междоусобие. Да в это же тяжкое время, по злоумышлению и по ссылке Польского и Литовского короля, пришел под Москву калужский вор с русскими и литовскими людьми. Гетман Жолковский (Жолкевский) с польскими, литовскими, немецкими людьми и русскими изменниками, умысля, чем бы Московское Государство разорить и людей прельстить, ссылался с боярами, будто Жолковский (Сигизмунд) король прислал его для водворении покоя христианского и дает на Московское Государство сына своего королевича Владислава. Московского государства всякие люди, видя тесноту от вора и от польских и литовских людей, били челом Царю Василию с мольбою оставить государство, чтобы перестала литься кровь христианская от междоусобия, и Царь Василий царство оставил. А как вошли в Москву польские и литовские люди и русские изменники, которые от короля пришли, Михаил Салтыков до Федька Андронов с товарищами, своими советникими, и Гетман Жолкевский за своею и королевскою присягою Царя Василия и с братьями в Литву свезли. Все, что учинилось над Царевичем Феодором (Борисовичем) и Царем Василием, учинилось то судьбами праведного Владыки и рознью всех людей. Но теперь, ко милости всемогущего Бога, Московского Государства люди *наказались все* и по прежнему *пришли во соединение и в братство и любовь* во всех городах, все единодушно обещались за истинную православную христианскую веру и за святые Божии церкви, за великого Государя нашего Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси Самодержца против всех его недругов и изменников стоять крепко и неподвижно и биться до смерти, а отнюдь ему Государю не изменить и другого государя из московского ли то, или из иных государств, отнюдь кроме его, никого не желать и даже не мыслить о том. На всем на этом все люди великого Российского Царства ему Великому Государю крест целовали радостными душами. А что вы, Великие Государи, думаете о святейшем *Филарете*, Митрополите, что он страждет в Литве за православную веру греческого закона и за все православное христианство, так ведайте, что и мы богомольцы ваши, и бояре и воеводы и всяких чинив люди уже послами к королю Польскому посла с прошением, чтобы он отпустил Митрополита *Филарета* из заточения на обмен многих польских и литовских чиновников, Пожарским

плененных, кто им надобен... Освобождение Митрополита в руках сына его и в руках твоих... После сего, Великие Государи, и не размышляйте, против воли Божей не стойте!».

В этой речи своей Феодорит прямо высказал великую истину народных действий, которые ручались за исход призвания на царств самый благотворный: Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди московского государства, но словам Феодорита, *наказались все*; страшным опытом дознали, что значит рознь и шатость, развязывающия руки ворам; вследствие чего подняли религиозно-нравственные силы свои настолько, что, при твердой решимости, сумели воспользоваться наказанием, восстали, соединились, очистили государство; стало быть в состоянии будут и поддержать нового государя, несмотря на его молодость и неопытность, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала инокиня Марфа. Понимали эту высокую истину в словах Феодорита чистые души, умилялись сердцем, трогались до самой глубины: и мать и сын проливали слезы, читая в душе святителя Христова великое убеждение. Но сознание немощи и неприготовленности к столь великому делу, каково царствование в разстроенном государстве, изнуренном внутренними и внешними врагами, сильное опасение подвергнуться страшной участи предшественников, что отчасти уже испытано (подвиг Сусанина), взяли верх над святыми чувствами умиления, пробужденного словом правды. Марфа и Михаил при одной мысли, что казны нет и неоткуда взять, что государство разорено, земля наполнена воровскими казаками, а вокруг их нет людей сильных умом и доброю волею, приходили в страх, который отнимал всякую решимость на предлагаемое дело, и заставлять только видеть в нем гибель себе и народу. Неотступность просьбы усугубляло негодование. И мать и сын опять отказали, и отказали с гневом. Феодорит с собором духовенства, послами и народом пришли в великое сомнение и ужас. Но богопросвещенный дух его не упал под влиянием таких впечатлений; противодействие возбуждало в нем еще сильнейшую энергию; взор ума его обратился к летописям истории и слову Божию и здесь надеялся обрести неопровержимые доводы убеждения в примерах возшествия на престол мужей, неприготовленных к царствованию, а между тем избранных на царство по указанию судеб Вышнего. Взволнованный духом, он обратился к самому Михаилу.

И столь убедительное слово Феодорита не поколебало твердого намерения Михаила не принимать короны. Бояре, дворяне и весь синклит царский, гости и торговые люди всячески поддерживали Феодорита; с ними и все православные христиане с женами, детьми и младенцами неотступно в

слезных рыданиях просили Михаила Федоровича оказать им милость – не давать их врагам на расхищение, быть милосердым Государем, Царем Великим Князем всея Руси. Михаил всячески отрицался. Мать Царя, когда за отречением сына обращались к ней с мольбою благословить сына на царство, возражала: «Не смею сына благословить на столь великое дело без воли и благословения родителя его».

Феодорит говорил ей: «Всякое отлагательство времени есть вина новых зол России! Государыня! здесь пред лицом народа и властей от царства со мною посланных, здесь призываю на главу сына твоего благословение Бога живаго, Вседержителя неба и земли: да будет Он ему вместо благословения родительского». С сим словом архиепископ пошел к престолу Божию и, став пред ним на колена, воздев к небесам руки и проливая слезы, молился сердцеведцу Богу, чтобы приклонил на их просьбы тверые сердца Михаила Феодоровича и матери его, потом от престола Божия обратился к знаменитой инокине Марфе Иоанновне и сказал ей: «Всевышний благословил уже о сыне твоём Государыня! Он вложил мысль народу избрать его на царство, и общий глас народа есть глас Божий». Но видя; что на все сии слова мать царя, потупив взоры в землю, оставалась безмолвною, огорченный тем архиепископ, тяжело вздохнув, продолжал речь свою: «За пределом гроба есть жизнь вечная: там, там должны мы явиться на страшный суд пред Царем Всевышним. Государыня! страшись праведного гнева его. Жизнодатель Бог от тебя потребует отчета за слезы и кровь людей, что от непреклонности твоей реками прольются; за разрушение царства ты будешь отвечать там, там, где каждый получает воздаяние по делам своим и где проступки раскаянием уже не исправляются».

Мать царя отвечала на то: «Не страшусь предстать на суд Божий: Сердцеведцу известные чуствия души моей. Он видит, что любовь к отечеству превозмогает во мне и самое чадолюбие... как мать не пожелала бы венца сыну своему? Но я того не желаю, усердствуя благу отечества... помыслите, кого вы избираете на престол? Отрока... Ему надлежит явить в себе монарха, достойного имени отца отечества, ибо он должен вновь основать царство, утвердить его общим благом, укрепить силою закона, должен быть сам на страже его недремленно... какой необъятный труд! А ежели он не успеет преодолеть свирепствующих в России зол, если он не в силах будет исполнить священный долг Самодержца... Тогда что последует? Гибель общая... Тогда страшный Судия, великий Бог, коего именем вы призываете его на царство, тогда сам Он изочтет вины его, взыщет их на нем и не помилует его за слезы, за стон народа, коих причиною будет неспособность его, безсилие и

неопытность. Как ужасен жребий Царя! а Царь без дел — только что Царь по имени; такого Царя царствие во все веки стыд царству... Нет, не умоляйте меня, чтобы дозволила я сыну своему принять венец для бедствия его и бедствия общего... не хочу видеть его покрытого безславием Шуйского, боюсь увидеть его под игом проклятия, Годунову воздаваемого».

Михаил подтвердил речь матери своей: «Испытаю всю важность вещания твоего, родительница моя, и совершенно отрицаюсь от державы Российской. Послы отечества! идите отсюда, возвратитесь в Москву, – там есть много мужей доблестью знаменитых, изберите мужа, силами духа и разума сто крат меня превосходнейшего, и венчайте его на царство для счастья всей земли Русской».

Произнося эти слова, Михаил Феодорович отошел от царских врат.

Архиепископ Феодорит, весь освященный собор, бояре – Феодор Иванович Шереметьев с товарищами, дворяне и все бывшие в храме, при таком поступке Михаила, от великой скорби и печали пришли в крайнее недоумение, не зная, как просить милости у Великого Государя, Михаила Федоровича и матери его старицы инокини, не зная, как и челом бить им. Неожиданность такого оборота дела глубоко потрясла дух народа: он пришел в сильное движение внезапно раздался вопль и плачь в храме, где теснилось множество народа, ожидая решения судьбы своей; плачь этот перешел во двор монастырский и распространился по городу. Отчаяние и трепет объяли всех; казалось, этот час был последний час каждаго, до кого только достигала печальная весть об отречении Михаила Феодоровича от царства. Тогда старцы, отягченные более душевною скорбью, нежели бременем лет, жены с младенцами, полные ужаснейшей горести, пробились до царя и матери его; – весь народ, повергшись пред ними на колена, с рыданием взывал: «да будет Михаил отцем детям нашим, да будет покров старцам, да приимет венец царский, да благословит его мать взойти на престол!».

Феодорит, между тем, как народ повергал свои моления и просьбы пред матерью и сыном, держал совет с послами, что делать, чтобы исторгнуть слово согласия на мольбы народа и свои собственные, – и как бы вдохновенный свыше, предложил всем вместе употребить последнее средство, – религиозное, тем более, что поразительное произшествие пред глазами давало самый благоприятный случай поколебать твердость отречения; надобно было только воспользоваться им, как следует, употребив в дело средства веры православной.

Архиепископ Феододорит входит во святилище храма, берет *крест Искупителя*, *евангелие*, чудотворную икону *Богоматери*, написанную святым

Петром, Авраамий Палицын – икону трех святителей московских: *Петра, Алексия и Ионы*, прочие – иконы других святых, – и весь освященный собор исходит из святаго алтаря, предшествуемый животворящими крестами, сопровождаемый благоговейно-умиленным архипастырем, соединяется с синклитом и выборными, в слезах подходят к тому месту, где, также со слезами, стоял Михаил Феодорович. При виде честных крестов и чудотворных икон, к нему несомых, с великим плачем и рыданием воскликнул Михаил.

Феодорит, подкрепленный силою Всевышнего, со всем освященным собором и послами, обратившись к Михаилу Федоровичу, дрожащим от прискорбия душевного голосом произносит: «Государь! не буди одержим печалью, но утешь свое сердце упованием на Бога и милостью Пречистые Богородицы и великих Чудотворцев; все благое подаст Бог и тебе и твоему царствию, только не противься, Государь, воле Божией. Отец твой, великий Государь наш, преосвященный *Филарет*, Митрополит Ростовский и Ярославский, по своей великой вере к Богу и правде, вскоре будет освобожден от такого злого плена, скорбей и бед; а милость и благословение его, великого Государя, о котором ты так заботился, ныне и всегда есть и будет на тебе, его единородном сыне. А что ты говоришь, будто мы сами, (без произволения Божия), воздвигли толикий подвиг, то мы поведаем тебе истину: не мы сей подвиг воздвигли, как ты говоришь, но сама Пречистая Богородица с великими Чудотворцами возлюбила тебя и благоволила исполнить на тебе, Государе нашем, волю Сына своего и Бога нашего. Устыдись же, Государь, пришествия Ея честного образа; послушай яко же Бог изволи и Пречистая Богородица и великие Чудотворцы, и не противься воле Божией; покорись святой Его воле, без всякого размышления. Бог творит, елико же хощет, и строит все благое своим святым хотением и волею».

Услышав это благое увещание Феодорита, произнесенное от лица всего собора, Михаил Феодорович залился слезами и ничего не мог сказать; отошел на то место, где стояла мать его инокиня. Феодорит, со всем освященным собором, весь синклит царский, христолюбивое воинство, православный народ, бывший в храме, на монастыре и за монастырем, повергаясь на землю, громогласно много времени в слезах и рыдании взывали: «О великая Государыня, старица инока, Марфа Ивановна! умились над остатком рода христианского, помилосердуй о нас, пожалей, великая и христолюбивая старица, пожалей; благослови, дай нам Богом избраннаго Царя на царство, всем нам благонадежнаго Государя, всему Российскому Государству Самодержца, сына своего единороднаго, благороднаго корени благорасленную ветвь, Михаила Федоровича!».

Затем и сына ея, Михаила Федоровича, молили прилежно со многим рыданием и воплем слезным. И сын и мать оставались по прежнему непреклонными время длилось: началось молитвенное дело, как свидетельствует государственный акт, с третияго часа дня и продолжалось до девятаго. Феодорит со всем духовенством, боярами и синклитом царским били челом сыну и матери, припадая кь ногам их и единогласно взывая: «Милосердая и христолюбивая Государыня, старица инокиня, *Марфа Ивановна*! не презри пришедших в честную обитель сию Пречистыя Богородицы чудотворнаго Ея образа и угодников Ея, великих Чудотворцев *Петра, Алексия и Ионы* и всех святых, Богу благоугодивших, положите на милость, не оставьте нас сирых и безгосударных».

Марфа Ивановна, слыша такия прошения и моления, была в недоумении на много часов, умилилась душою и, полная слез, сказала: „О преосвященный Феодорит. Архиепископ, и честных великих монастырей Архимандриты; Игумены, и весь собор и боляре! прошение ваше выше меры нашей; на такую высоту царствия и на престол такого великого и преславнаго Государства просите у меня сына моего единороднаго, света очей моих, Михаила Феодоровича, а у меня вовсе нет и мысли на то, да и у сына моего также вовсе нет ни мысли, ни хотения; Бог свидетель, Он зрит сердца наши: а если будет на то святая воля Его, яко же годе Господеви (как угодно Господу), так пусть, и будет; ибо воле Его никто противиться не может; только без промысла вышняго и всемогущаго Господа Бога и святой Его воли, вместо скорби и сетования, не возможно дать утешения исполнением вашего прошения и моления».

В этих словах Марфы Ивановны видно уже колебание души ея: умиленная при виде святых икон и животворящаго креста, тронувшись словами Феодорита с послами и слезным молением народа, истомленная слезным плачем своим, при виде слез сына, Марфа Ивановна предавалась промыслу всемогущаго Бога, сознавая, что призвание сына ее на престол России совершается по действию святой воли Его, которой никто противиться не может, только уверена была, что исполнением прошения не удалятся скорби и сетования, не подастся утешения. Таким образом оставалась в нерешительном состоянии; нужно было Феодориту с послами сильнее подействовать на душу ея, колеблющуюся между страхом и надеждою, потрясти ее представлением великой ответственности пред Богом и народом за бедствия Церкви и отечества, имеющия последовать за отречением матери и сына. Михаил сам подал случай к решительному слову Феодорита и послов. Между тем моления и вопли народа усиливались: матери повергали на землю

грудных младенцев, старцы, обремененные летами и весь народ в храме, на монастыре и за монастырем, преклоняя колена, просили Михаила Федоровича, по примеру Феодорита и послов, быть царем ради пришествия честных и животворящих крестов и святых чудотворных икон.

Феодорит, глубоко сочувствуя воплю народа, сиротствующего без царя, возложив все упование на силу креста Господня и евангелие, на предстательство Заступницы христиан и на молитвы святых чудотворцев московских, в святых ликах как бы здесь предстоящих, с глубоким умилением души, сокрушенной скорбью, вместе с послами, говорил Михаилу и матери его, чтобы он Государь воли Божией не снимал, был на Московском Государстве Царем и Великим Князем всея России, а мать бы его великая старица инока Марфа Ивановна его Государя на царство благословила. Тут взору ума Феодорита представилась картина бедствий России: поругание святыни, растление народа, междоусобная брань, кровопролитие, – пораженный духом, он на конец воскликнул: «Того ли угодно вам, тебе, великой старице иноке Марфе Ивановной и сыну твоему, Государю нашему, Михаилу Феодоровичу, чтобы нас бедных не пощадить и оставить сирыми? чтобы недруги наши, окрестные Государи, и недруги ваши, польский и немецкий короли, и изменники ваши государевы, услышав о том, порадовались, что мы сиры и безгосударны? – чтобы святая наша и непорочная христианская вера предана была на попрание и разорение им злодеям, – а мы все православные христиане были в расхищении и пленения, (под игом иноплеменников)? – чтобы нашей православной христианской вере учинилось какое разоренье от иноверцев, святые Божии церкви, (оставались отверстыми) на осквернение их? – чтобы многочеловечный, многособранный народ всенароднаго множества, с женами, с детми и с грудными младенцами, в безгосударное время никем не охраняемый сделалася жертвою погибели? – чтоб снова возгорелась междоусобная брань? – чтобы неповинная кровь христианская снова пролилась от того?... И за все это в день праведного и страшного суда взыщет Бог на вас, – на тебе великая старица инока Марфа Ивановна, и на сыне твоем, на тебе, великом Государе нашем, Михаиле Федоровиче! – а у нас, у всех у нас во всем великом царстве Российском всех городов от мала до велика поставлен крепкий, единомысленный совет, утвержденный крестным целованием: помимо сына твоего, Государя нашего Михаила Федоровича, никого другого не желать Государем на Московское Государство, и не мыслить о том!!». Волнение духа пресекло слово Феодорита, – он умолк.

Страх ответственности пред грозным судом Божиим в другой раз изреченной Феодоритом, привел в трепет Марфу Ивановну. Вопль и рыдание народа, неотступное моление архиепископа, собора и бояр, вид чудотворных икон, потрясли душу и сердце старицы матери: проливая источники слез, в сердечном умилении сокрушеннаго духа, она решилась наконец благословить сына на царство.

Феодорит с восторгом возгласил: «Премудрость Божия осенит его, и десница Вышняго совершит все его начинания!».

После многих премудрых, умиленных слов матери, вопреки своему желанию, как милостивый сердцем, сказано в грамоте, Михаил Феодорович на прошение призирает и на волю всемогущаго Бога себя возлагает, готовый, как истинный пастырь, душу свою положить за овец; оставив всякое сомнение касательно оскудения царских сокровищ и бедности войска, возлагает надежду в этом на Бога. Наконец, обратившись к архиепископу Феодориту и народу, сказал: «Когда на это есть воля Божия, и воля матери моей, *то буди тако*». С сими словами Михаил Феодорович готов был преклонить чело свое под благословение архиепископа Феодориту с полною преданностью воле вышнего Царя царей.

Но Феодорит в восторге и радости духовной, видя, что Господь благословил святое дело избрания царя, – даровал отца народу, что Россия спасена, вера восторжествовала, со всем собором духовенства, боярами и народом пал на землю и, проливая радостные слезы, в чувстве сердечной благодарности всемилостивому Богу, воскликнул: «Слава и благодарение всещедрому и человеколюбивому Богу, не презревшему моления и слез наших! Он послал Дух свой Святый в сердце великой старице иноке Марфе Ивановне и Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси; сердца бо их в руце Божии».

После сих молитвенных излияний души благодарной, архиепископ Феодорит с архимандритами, игуменами и всем освященным собором, тот час благословил, как сказано в грамоте, «у чудотворных образов на Государство Московское, Владимирское, Новогородское, на Царства Казанское, Астраханское и Сибирское и на все великие Государства Российского Царствия, честным и животворящим крестом, великого Государя, Богом дарованнаго Царя и Великого Князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца». В тоже время (архиепископ Феодорит) трепетными руками возложил на Государя животворящий крест Господень, принадлежавший некогда великому императору Константину и вручил царский жезл (посох). Тогда Михаил Феодорович возведен был на царский стул, то есть, на то

великокняжеское место. Когда государь сел на царском стуле, тогда, по знаку архиепископа Феодорита, произнесено было многолетие, и «наречен бысть *Богом избранный,* благоверный, благородный государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Великия и Малые и Белые Самодержец». Архиепископ же Феодорит со всем собором, синклитом и православными христианами, принося верноподданническое поздравление, с великою честью поклонился ему до земли.

Началась Божественная литургия. Архиепископ Феодорит совершал ее торжественно со всем освященным собором и по окончании пел благодарственный молебен Богу – Творцу вселенной и Матери Божией о многолетнем здравии царском, о мире и тишине всего царства христианского.

После торжества наречения Михаила Феодоровича ни царство, с радостною вестью поспешные гонцы отправились в престольный град Москву. Заботливый Феодорит с товарищами в тот же день, как возведен был Михаил на царство, составил известительную грамоту к московскому земскому собору и послал с нарочитыми мужами, из числа своих послов. Им, по согласию всех послов, Феодорит вручил известительную грамоту для доставления земскому собору и напутствовал святительским благословением с искренним благожеланием добраго пути.

Через десять дней по отбытии из Костромы, накануне праздника Благовещения Пресвятые Богородицы, вестники прибыли в Москву. С какою радостью принята была из известительная грамота от Феодорита с послами, какой восторг и утешение принесли слова, изложенные в ней.

Во исполнение неотступного прошения Феодорита с товарищами и желания народа скорее видеть царя венчанного и помазанного в Москве, Михаил Федорович не замедлил в обители Ипатьевской 19 марта, с матерью своею и посольством выехал из Костромы, 21 прибыл в Ярославль. Ярославцы и съехавшиеся к ним отовсюду дворяне, дети боярские, гости, люди торговые с женами и детьми встретили нового царя, как ангела благоносного, посланного от Бога в залог Его шедрот Российскому царству, подносили ему образа хлебы, дары и от радости не могли промолвить ни слова. Феодорит был свидетелем таких сердечных излияний чувств народа; с собором духовенства возносив хвалу Богу и молил Его о благополучном путешествии при мощах ярославских чудотворцев. Но случилось то, чего боялись: наступила перемена погоды; зимний путь стал портиться. Путешественники должны были остановиться в Ярославле. Этим временем однако ж не оставили земский собор в томительном ожидании: от имени царя и матери написали две известительные грамоты к московскому земскому собору, – от государя о согласии его, во

уважение всенародной просьбы, на принятие всероссийского престола и о предпринятом им путешествии в Москву для коронования; от Марфы Ивановны о данном ею сыну своему благословении на предлагаемый подвиг и шествии вместе с ним в престольный град. Феодорит, как архипастырь мудрый и опытный, был главным советником и руководителем в изложении мыслей и чувств Богом избраннаго царя.

Обрадованный царскою грамотою земский собор, с благодарным ответом государю и мольбою о скором прибытии в столицу, просил в тоже время Феодорита с товарищами, чтобы дали знать, когда государь будет у Троицы и где прикажет себя встретить. С одной стороны замедление в пути, с другой требование известия о времени прибытия государя в столицу налагало сильную заботу на архипастыря с послами; к тому же надобно было прилагать всевозможное попечение о спокойствие государя с матерью его, старицею.

Среди великих забот и попечений в медленном и трудном путешествии одно утешало Феодорита, – это стечение многочисленного народа на встречу государю, в радости видеть надежду свою, и соборное моление Господу Богу во всех замечательных местах и городах. Путешествие продолжалось; приближались к Троице-Сергиеву монастырю. Скорби и огорчения для архипастыря с посольством не уменьшались, а возрастали. Еще в Ярославле замечал он, что государя сильно безпокоила скудость, по росписи, какую прислал собор, хлебных и всяких запасов для царского обихода и особенно донесение, что денег ни в котором приказе в сбор нет, а тут еще атаманы и казаки безпрестанно били ему челом о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а жаловать было нечем и на корм давать нечего. Видели неудовольствие на лице государя, тягостное для чувствительной души Феодорита и всего посольства. Неудовольствие, по обстоятельствам, от посольства не зависящим, скоро стало переходить в негодование, – и вот Феодориту с послами, на собор у Троицы, пришлось слышать немилостивое слово государя, испытать царскую опалу.

Наконец давно желанный день настал, – то было Воскресенье, 2-го мая. Далеко за Москвой встретил народ новоизбраннаго царя – юношу с материею его старицею. В челе сонма властей и собора духовенства Феодорит, полный благодарных молитв, также участвовал в крестном ходу при встрече государя, по царскому достоянию, и, ликуя всею душею, сливал чувства своего сердца с чувствами и движениями восторга народа, который, увидев нового царя, от радости не находил слов и благоговейно на своих руках внес его в недра кремлевских стен. Тут благоговейный архипастырь видел, как, в благочестии воспитанный юноша – царь, в умилении духа преклонял колена пред святынею

храмов Божиих и гробами предшественников своих, государей московских, как и слезы проливал при взгляде на ужаснейший образ столицы, разоренной от губительной руки свирепых врагов веры и отечества, – и довольный исполнением священного долга, умиленный ангельскою кротостью царя, с живыми чувствами благодарности Богу благодеющему и Матери Божией, проводил избранника Божия в чертоги царей московских, знаменитое жилище двух Иоаннов.

Так совершил Архиепископ Феодорит великое дело государственное, собором на него возложенное, – и явил себя в нем истинным сыном отечества, ревностным иерархом и отцем Церкви, великим государственным мужем, всецело преданным благу и славе земли Русской.

После столько великих трудов, употребленных в течение двух месяцев на тревожно путешествие в Кострому, на усиленное убеждение юного государя к принятию престола, на сношения с собором и обратное путешествие с государем в самую распутицу, при безпрестанных тревогах и огорчениях по случаю разных нестроений, необходимо было архипастырю некоторое успокоение. Но не отдых и покой, а новые труды и заботы ожидали Феодорита и по возвращении в Москву. Предстояло государственное дело великой важности, в котором он не мог не принят самого живого участия и как предстоятель Церкви, и как ревностный участник в устроении жизни русской. Дело это стояло в написании грамоты об избрании на престол Дома Романовых.

Утвержденная таким образом грамота есть важнейший государственный акт, единственный в истории русского народа. Как священная летопись, она в общих чертах обнимает все состояние России, начиная от первого князя Рюрика до пресечения рода его, излагает затем обстоятельно смутные времена самозванцев, описывает бедствия земли Русской в безгосударное время и наконец живо изображает славное избрание нового царя всею землею с замечательною подробностью и верностью, достойною полного внимании политических мужей. Но важнейший акт сей, дышащий глубоким патриотизмом, и в начале и в продолжении своем, проникнут духом православия, запечатлев характером религии. Представители веры православной, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, в живом сознании дивных судеб промысла Божия в жизни русского народа, с самого начала этого драгоценнейшего залога благоденствия народного, положили в основу веру свою в промыслительную Троицу единаго Бога и, в знак глубочайшего благоговения к Триипостасному Божеству, повелели начертать несколько строк сряду золотыми буквами.

Таким образом все дело избрания и призвания на царство Михаила Федоровича, – согласие матери на благословение, а сына на принятие престола, земский собор, в полном сознании и несомненном убеждении, приписывал благодатным внушениям и действиям Святаго Духа. Наконец, в заключении грамоты, собор определил: «Всему инако не быть, а быть так во всем по тому, как в сей утвержденной грамоте писано. А кто убо и не похощет послушать сего соборного уложения, его же Бог благоизволи, и начнет глаголати ино и молву в людех чинити: таковый, аще от священных чину и от боляр царских синклит и воинственных, или ин кто от простых людей и в каком чину ни буди, по священным правилом святых Апостол, и Вселенских седми соборов святых Отец и поместных, и по соборному уложенью всего освященнаго собора, чину своего извержен будет, и от Церкви Божии отлучен и святых Христовых Таин приобщения, яко раскольник, церкви Божии и всего православнаго Христианства мятежник и разоритель закону Божию; а по царским законом месть воспримет, и нашего смирения и всего освященного собора не буди на нем благословение отныне и до века; понеже не восхоте благословения и соборнаго уложения послушания, тем и удалися от него и облечеся в клятву».

Так страшною угрозою, клятвою и лишением благословения Церкви оградили святость и неприкосновенность поста царской власти и священных прав новоизбраннаго царя. Вот и вышла утвержденная грамота. По духу своему религиозно церковному характеру, настоящим соборным уложением единственным в русской Церкви постановлением, которым всероссийские архипастыри с избранным духовенством и представителями православного народа, действуя под невидимым управлением и руководством Святаго Духа, единогласно решили и утвердили важнейшее дело в государстве для ограждения и защиты православной Церкви, в залог благоденствия России под благословенным скипетром Романовых.

Излагая в таковом виде утвержденную грамату, собор оценил заслуги верных сынов Церкви и отечества, каковы были: *Иов* патриарх и страдалец за правду, святейший *Гермген*, незабвенные двигатели умов и сердец россиян, – архимандрит Троицкой лавры, *Святый Дионисий*, и Келарь, ея *Аврамий Палицын*, знаменитые вожди ополчения – князь *Трубецкой* и князь *Пожарский* и выборный от всего московского государства, изначальный человек в возстании земли русской, *Кузьма Минин Сухорукий*. Личности их сияют в грамоте, как звезды на тверди небесной. Но среди их в таком же свете стоит и имя рязанского архиепископа *Феодорита*. При всяком обстоятельстве, где только упоминается в грамоте священое имя избраннаго государя, начертанное золотыми словами, и матери его, приснопамятной старицы, инокини Марфы

Ивановны, значится и имя незабвеннаго Феодорита, так что во всей грамоте оно записано более двадцати раз. Собор столько ценил слова и речи Феодорита, говоренные им от полноты души пред лицом Михаила и матери его, что внес их в государственный акт в подлинных выражениях, и все распоряжения и действия его, как мудрые и благотворные, передал на память родам и векам с обстоятельным описанием. Передавая таким образом священной памяти потомства имя Феодорита и описывая великий подвиг его в столь важном государственном деле, собор не раз называл рязанского архиепископа *святейшим*, – таким титлом, которое усвоилось только сану патриарха. *Святейшим* назвал его и сам Михаил Федорович. Таким высоким наименованием представители земля русской целым собором высказали глубокое уважение к великим заслугам архипастыря Рязани и славу имени его соединили со славою избраннаго царя, выставляя на вид потомству православному высокие нравственные качества его души. Кроме того, грамота показывает нам и другой взгляд собора на священную особу Феодорита. Описывая прибытие крестного хода к Ипатьевской обители и предложением царства юному Михаилу и вместе изшествие оттуда иноков, в сопровождении Михаила с матерью, также с крестным ходом, собор смотрел на весь сонм верующих, собравшихся под священными хоругвями веры и упования, вокруг богоносного архипастыря, как на единое благодатное семейство, главою коего был Феодорит; в грамоте представили его *отцом*, действующим под благодатным осенением Святаго Духа, а архимандритов, игуменов и весь освященный собор, бояр, окольничих и дворян, приказных и служилых людей и весь православный народ назвали его *сынами* во Святом Духе. Таким образом, касаясь самых внутренних, духовных отношений Феодорита к собравшемуся народу, духовенству и боярам, посланным от царства, земский собор хотел указать этим на самую внутреннюю высоту духа архипастыря, на силу энергии его в действиях, на внутренние свойства его души: искреннюю любовь, глубокое сочувствие к бедствиям народа, всецелую заботу о благе и счастии его и, наконец, пламенное желание видеть благоденствие и славу земли русской под скипетром общего отца отечества; но вместе с тем, вноси эти светлые черты собрания верующих в государственный акт, земский собор указал в Феодорите и на то помазание от Святаго, по которому он объединил всех единомыслием и святыми чувствами любви и упования в важнейшем государственном деле. Вообще, утвержденная грамота собора высказала нам глубокое сознание и убеждение современников в высоких достоинствах Феодорита, как архипастыря богопросвещенного, мужа премудрости и разума, совета и крепости, ведения и благочестия, ревнителя в делах отечества,

умевшего в безгосударное время России, в следствие решения ее, положить новое начало жизни и славы народа под благословенным скипетром Романовых.

Великих заслуг Феодорита, так высоко оцененных современниками на соборе, не оставил без внимания и сам Государь. Юный летами, но мужественный духом, он видел самоотверженную ревность главы посольства в деле государственном, чистый и светлый умом и сердцем, он понимал искреннюю любовь его и преданность к роду Романовых, опытом дознал мудрое попечение его о себе и матери своей во время путешествия из Костромы и пребывания в Москве, – и сам, как кроткий и любвеобильный, исполнялся сердечным сочувствием к мужу правды и дела; движимый искренними чувствами признательности к заслугам верных сынов отечества, он, как милосердый, желал и готов был наградить подвиги всякого, кто только безкорыстно и с самоотвержением трудился для спасения отечества, но чем и как награждать, когда государство и казна были разорены, царские сокровища расхищены? Летописи однако свидетельствуют, что юный Государь нашел средство почтить милостивым вниманием труды иерарха Церкви рязанской. Едва прошла неделя после того, как составлена была на соборе государственная грамота о избрании царя и утверждена подписями, Михаил Федорович, указом, от 8 июня того же (1613) года, повелел отдать Феодориту в полное владение старое его дворовое место в Москве, в Белом царевом городе, на Егуньевской улице, у церкви *Пречистые Гребенской* и на том месте храм каменной Живоначальные Троицы. Таково историческое значение церкви Живоначальной Троицы и при ней того стараго двороваго места рязанских владык в Москве, которое, по указу Михаила Феодоровича, принял Феодорит во владение после московского разорения, как знак царского благоволения и передал своим преемникам в неотъемлемую собственность Церкви.

В полном убеждении, что с утверждением Михаила Федоровича на престоле, чрез коронование и миропомазание, все покушения иноземных государей на русскую корону устранятся, недруги России убоятся и не осмелятся дерзко восставать на нее, – митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, все мужи государственные, опытные в делах политических, словом, все истинные сыны России требовали, чтобы новый государь земли русской поспешил возложить на главу свою венец Мономаха. Михаил Феодорович и сам видел в том непременную потребность для государства – и не смотря на множество препятствий и вопиющих нужд, решился как можно скорее исполнить пламенное желание народа. Коронование должно было совершиться, по его указанию, – и совершилось 11

июля, в воскресенье, на память святой, великопрехвальной мученицы Евфимии, чрез два с небольшим месяца после прибытия в Москву. Первосвятителем для торжественного венчания царя назначен был казанский митрополит Ефрем. Одним из первых в сонме архипастырей стоял Феодорит, душею горевший видеть юного Михаила в царском венце и в священных одеждах помазанника Божия. Какое участие принимал он в этом священнодействии? Чтобы видеть и вполне оценить живое участие его в великом священнодействии царского венчания, находим необходимым изложить, по актам государственным, весь чин венчания на царство Михаила Федоровича, так как, нераздельно с другими архипастырями, Феодорит и чин этот составлял согласно с древним обычаем, по духу православной Церкви, и священнодействовал, по указанию его, со всеми архипастырями Церкви, вознося, совокупно с ними, пламенные молитвы к Господу Вседержителю, Царю царствующих о земном царе. Кроме того, обстоятельное изложение царского венчания и святого миропомазания, как первого в поколении Романовых, укажет нам на силу и важность таинственных действий святой Церкви Христовой, утверждающей именем Бога Вседержителя царей на престоле чрез своих представителей; а это послужит назидательным уроком для сынов России возносить молитвы о них в единении с Церковью.

Столь же торжественно, как и венчание царя, совершалось великое священнодействие Божественной литургии. Тот же сонм святителей, – митрополит Кирилл, Феодорит и все прочие архиепископы и епископы, тот же освященный собор, – архимандриты, игумены, протоиереи и священники, окружали первосвятителя, стоя пред престолом Агнца Божия, приносимаго в жертву Богу Отцу за грехи народа и всего мира. Все они возносили пламенные молитвы к Господу Спасителю, невидимой Главе Церкви всероссийской, предстоящей здесь с ними и царем в лице народа и представителей его со всей земли Русской. И требовались такия молитвы от всей Церкви: Божественная литургия соединялась теперь с новым священнодействием; долженствовало совершиться над боговенчанным царем великое таинство святаго миропомазания для низведения на него высоких даров благодати Святаго Духа, необходимых к понесению подвигов царствования в России, еще неумиренной, еще неустроенной по духу царства Христова.

Как только царь стал па приготовленном месте перед царскими дверями, митрополит Ефрем, изшед из алтаря, стал в царских дверях. Тогда митрополит Кирилл, Феодорит и прочие архиепископы и епископы, – все вместе, принесли на золотом блюде святое миро. Приняв в свои руки драгоценный сосуд, первосвятитель три раза перекрестил рукою святое мvро. Государь снял с себя

царский венец, положил его на золотое блюдо и повелел, до окончания святого миропомазания и приобщения святых Таин, держать близ себя венец сроднику своему Ивану Никитичу, скипетр – боярину князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому, яблоко (державу) – князю Дititрию Михайловичу Пожарскому. Сложив с себя знаки царского сана, царь подошел для миропомазания к царским дверям, – и митрополит Ефрем, омочив уготованный к тому сучец во святое миро, помазал царя. После приобщения святым Тайнам, царь возложил на главу свою венец, в правую руку принял скипетр, в левую державу (яблоко). Оканчивая Божественную литургию, первосвятитель стал в царских дверях для раздаяния антидора; тогда первым подошел царь, принял от него «святую дору» (антидор) и возвратился на свое место. Роздан был антидор, совершен отпуск литургии. Первосвятитель принимает святую просфору, и торжественно, со всем собором архиереев и всех священнослужащих, исходит из алтаря, один он идет царским путем, прочие святители и весь освященный собор шествуют по сторонам его, все становятся, по чину, пред помазанником Божиим, приносят поздравление с миропомазанием и приобщением святых Тайн Христовых и вручают святую просфору. Так Церковь Христова, в лице своих представителей, совершивши венчание и миропомазание, явилась и с выражением духовной радости пред лице венценосца и помазанника Божия и с приветствием и небесным утешением, желая одушевить избранника Божия на великий подвиг царствования.

Следующий затем день вызвал новую радость в сердцах истинных сынов России. 12 июля государь праздновал день своих именин, в честь ангела – покровителя своего, святого Михаила Малеина. Митрополит Ефрем, с ним Кирилл ростовский, Феодорит архиепископ и прочие архиепископы и епископы и весь освященный собор принесли Господу Богу благодарение; в молитвах к преподобному Михаилу испрашивали у Царя небесного милости и благоволения царю земному в новое лето его жизни и царствования. Сливая искренние чувства свои с радостью православного народа, святители принесли державному имениннику поздравление от лица Церкви и народа, с выражением глубочайших чувств преданности, любви и благоговения. Для Феодорита, преданного душою Дому Романовых, и для выборных из Рязани и других городов день памяти ангела – покровителя боговенчанного царя остался незабвенным. Впечатления двух дней, знаменитых в жизни царя и народа, оставаясь неизгладимыми, неслись во все концы России. На память их стали устроят престолы в честь святого Михаила Малеина.

С окончанием торжества коронования Михаила Федоровича, государственная деятельность Феодорита не прекратилась. Земский собор не

получил свободы от занятий. Тогдашнее состояние России требовало усиленной деятельности членов его; оно было самое бедственное, в каком только когда либо являлось государство при новом царе: пограничные города, служившие России оплотом, находились в руках иноземцев или злодеев: в Новгороде господствовали шведы, в Смоленске и Чернигове поляки; Рязань, Кашира, Тула с трудом отбивались от татар крымских и ногайских; в Астрахани злодействовал Заруцкий с Мариною; в Казани гнездилась крамола. Внутри государства, близ городов и монастырей, еще не разоренных, в виду самой столицы, бродили шайки казаков донских и запорожских, целые отряды татар и поляков; вся земля была опустошена; люди ратные умирали с голоду; сбор земских повинностей прекратился; в казне не было ни копейки. Царския сокровища, драгоценные короны, скипетры, каменья, сосуды, – все было расхищено и отвезено в Польшу. Сословия низшие, озлобленные десятилетними бедствиями, уже привыкли к безначалию и не без труда признавали над собою власть закона. И многоопытному властителю не под силу, без содействия самой земли, устроить такое государство. Юный Михаил требовал этого содействия как исполнения обещания поддерживать престол. И земский собор, а во главе его митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный сонм духовенства, стали около царя, как самый крепкий оплот престолу, как верные и надежные руководители и советники в критические минуты царственных забот. Столько потрудившись в деле призвания и возведения на престол юного Михаила, с обещанием помогать ему в великом служении царском, Феодорит не мог не вызвать теперь всех своих сил и умственных и нравственных, всей энергии духа, чтобы помогать царю и словом, и делом, и силою убеждений, когда являлись вопиющия нужды государственные. Действия его по актам государственным, конечно, не выделяются из среды прочих святителей и государственных людей, – идут в уровень с их действиями, но он, как многосведущий и мудрый правитель-архипастырь, любимый и уважаемый сановитыми мужами и народом, без сомнения, имел влиятельный голос в совете, и как виновник убеждения Михаила принять престол, как поручитель исполнения обетов великого собора, направлял умы и сердца истинных сынов отечества ко всевозможным жертвам.

Приговоры собора показывают, что духовенство не освобождало себя от жертв отечеству. Так решали дело первосвятитсли Церкви. Действуя в духе ревностного архипастыря на соборах, Феодорит, без сомнения, с радостью стремился исполнить соборный приговор, в готовности жертвовать последним достоянием, чтобы только поддержать ратных людей и удовлетворить нуждам

государственным. Между тем собор российского духовенства, для умиротворения России, употреблял и нравственные меры; посылали грамоты, делали воззвания[1].

Вот те меры со стороны духовенства к умиротворению России, в которых Феодорит, как государственный деятель, в последние годы своей жизни принимал живое участие; он с полною ревностью разделял труды и заботы и государства, и государственных и воинственных мужей, и владык наших – всего собора земского, – и неусыпным попечением, мудрыми советами, как опытный муж, много содействовал к ограждению престола от притязаний недругов России, к водворению покоя и тишины в земле русской, – за то и имел утешение видеть в последние годы своей жизни благотворные последствия трудов и попечений и государя, и земского собора, и своих.

Вместе с заботами о благоустроении всей земли Русской предстояли Феодориту великие труды и заботы о приведении в порядок и благоустройство своей обширной епархии как по части церковной, так и экономической. Первым делом его было облечить участь пострадавших в междоусобное время. На посаде, за острогом, была слобода при церквах, святых страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба и Пресвятой Богородицы сретения Ее иконы Владимирской. Слобода эта составляла отчину дома рязанских архиепископов и называлась *владычнею*. Во время нападения черкасов на Переславль Рязанский в 1611 г. Она более всех пострадала. С воцарением Михаила Феодоровича, слобода эта снова стала населятся, но жители ее встретили притеснение со стороны начальствующих; воеводы и посланники с Москвы требовали с них денежных сборов, кормов и подвод и на суда гребцов, при этом еще заставляли их на караул ходит ровне с городским. Сострадательный архипастырь вступился за притесняемых, – он взошел с челобитьем от казначея и приказных людей к государю и ходатайствовал за них. Государь благоволил оказать милость пострадавшим. Через любимого архипастыря указал освободить их от тяжелых городских повинностей. Владычня слобода благословляла имя доброго царя и архипастыря; подчиненные радовались, видя, что добрый – архипастырь и в отсутствии исполнен заботою о благе страждущей братии – христиан своей паствы.

В свободное от государственных занятий время, архиепископ Феодорит спешил посетить свою паству. Присутствия его требовало неустроенное

[1] Об этом см.: И. М. Покровский. *Русское духовенство, его патриотизм и деятельность в защиту Православия и законной национальной царской власти в смутное время и при избрании на русский царский престол боярина Михаила Феодоровича Романова*. // Православный Собеседник. 1913. Март. С. 371-416. Или отд. Казан. 1913. – *ред.*

состояние епархии. Все сословия от внутренних врагов отечества сильно пострадали; многие села были разорены, другие сожжены, и церкви, даже некоторые монастыри запустели и остались без поддержки, или разрушены; целые города подверглись разорению и опустошению. Архиепископ Феодорит ходатайствовал пред Государем о поддержке пострадавших в смутное время, и после умиротворения России приходы мало-помалу обустраивались, храмы обновлялись.

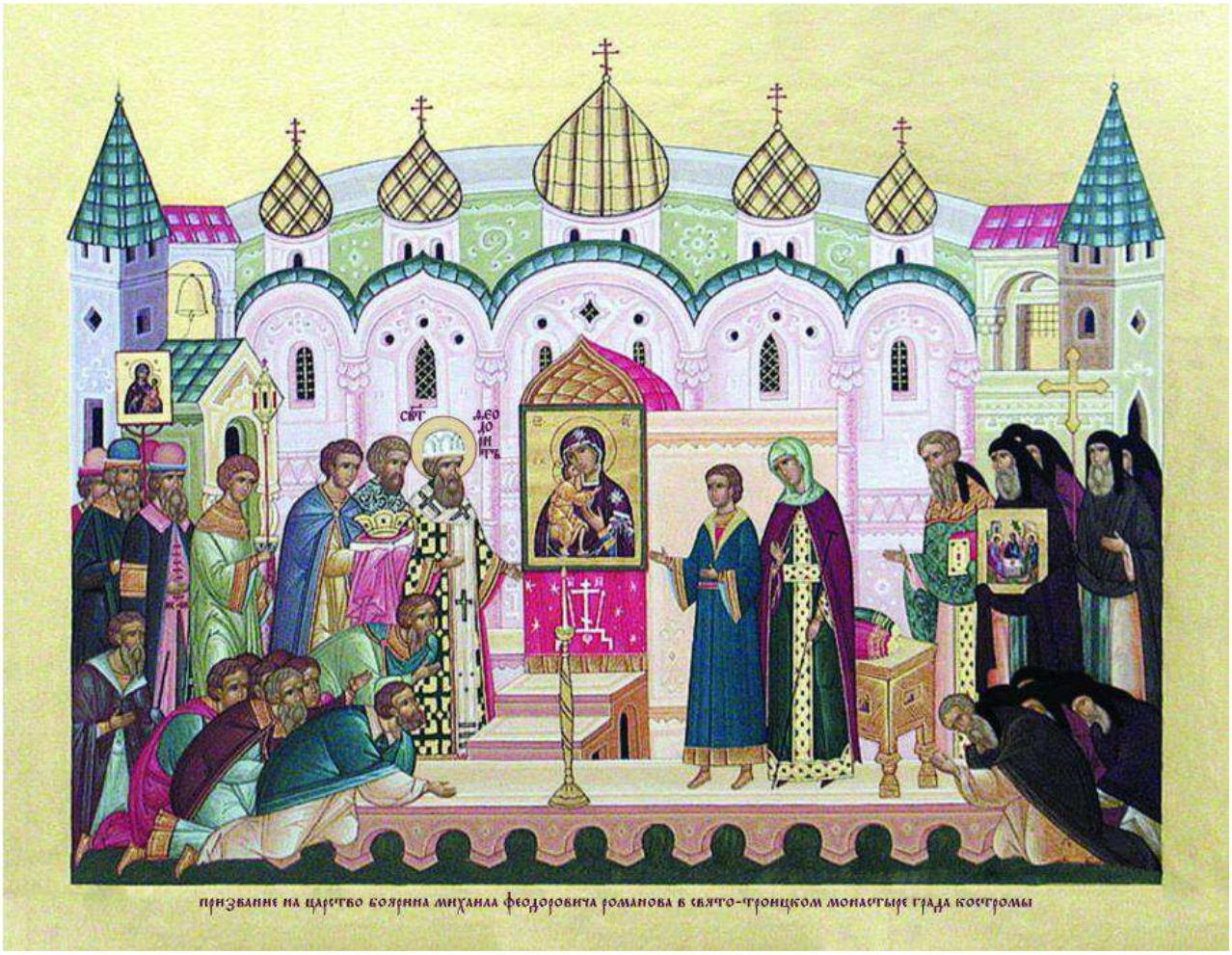
Истекал таким образом 65-й год жизни Феодорита, 11-й год его архипастырской и государственной деятельности. От усиленных трудов и напряженных занятий по управлению епархиею, особенно по устроению земли русской, от сильных потрясений душевных, испытавших при виде величайших бедствий народных, естественно должны были ослабеть физические силы подвижника Церкви и Отечества и сократиться жизнь его. Два обстоятельства, случившиеся почти одновременно, не могли не повлиять на здоровье его слишком сильно. В 1616 году в рязанские пределы вторгся Лисовский с шайкой и за короткое время опустошил много сел и деревень между Рязанью и Коломной. В том же году недалеко от святительских палат вспыхнул пожар. Он быстро распространился среди тесных строений, и жертвами пламени быстро оказались множество домов и церквей. Скорбь на скорбь легла на душе сострадательного архипастыря. Оказав помощь несчастным, устроит вновь храмы Божии, – требования вопиющая, но средств не доставало при общем оскудении. Феодорит готов был жертвовать последним, и, без сомнения, с упованием на промысл Божий, и в надежде на милость царя и содействие преданных ему лиц, начал уже употреблять все меры к благоустроению пострадавших. Но эти труды и заботы приближали его к последним дням жизни. Не пришло и года, как архипастырская деятельность его прекратилась. Полный упования на всеблагое провидение Божие, радуясь духом, что благоденствие России зиждется и укрепляется под благословенном скипетром Михаила, враги исчезают один за другим, как дым, богодарованная паства рязанская, объединенная верю и любовью, благоустрояется по духу Божию, Феодорит мирно скончался 10 сентября (по старому стилю) 1617 года на 66-м году, вступивший в 12-й год служения архипастырского.

Кончина его произвела всеобщую скорбь. Россия лишилась в нем искреннего *печалователя* своего. Жители Переславля оплакивали своего архипастыря, как отца, покровителя, заступника пред сильными мира и молитвенника, который дорожил счастьем и миром своей паствы, как собственною жизнью. Священные останки его погребены в Архангельском соборе на правом клиросе. Провожая теплыми молитвами к Богу

подвижническое тело архипастыря своего в последнее покоище на земле и орошая прах его благодарными слезами, современники – жители Переславля, столько лет хранимые им, как ангелом Божиим, до того скорбели, что, казалось, погребали с ним лучшие свои надежды, – и воздавши последнюю дань признательности и благодарности многозаботливому архипастырю своему и отцу молитвами и слезами, возвращались с каким-то предчувствием чего-то нерадостного, в трепете за будущее, не видя достойного преемника такому светильнику Церкви, каков был Феодорит.

Мир духу твоему, великий иерарх Церкви рязанской и умиротворитель отечества! Искренняя признательность тебе, многоименитый муж правды, от сынов России за те великие дела и труды какие подъял ты для благоустроения ея!

Текст приводится в сокращении по: Феодорит, архиепископ рязанский и муромский (1605-1617 г.) 10 сентября. // Прибавление к Рязанским епархиальным ведомостям. 1870. №12. С. 353-364, №16. С. 448-456, №17. С. 459-485, №18. С. 492-502, №19. С. 518-527, №20. С. 542-559, №21. 568-574, №22. С. 600-609, №23. С. 617-627. Редакцией дано свое название.



ЕФРЕМ, МИТРОПОЛИТ КАЗАНСКИЙ, ПОМАЗАВШИЙ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Много тяжких испытании выпало на долю русского народа, пока не сложилось из него единое и сильное государство. Вначале, окруженный со всех сторон враждебными племенами, он напрягал все силы, отстаивая свою независимость. Потом испытал раздоры и усобицы удельных князей, разделивших между собою всю Русскую землю. Наконец обрушились на него бесчисленные орды выходцев из глубины Азии – монголов.

Объединенный и сплоченный православною верой, сильный преданностию к княжеской и потом царской власти, он вышел победителем из всех испытаний, и не страшны ему стали внешние враги.

Но вот надвинулось на Русь мрачное и страшное время междуцарствия. В памяти народной оно недаром осталось под названием лихолетия.

Бездетным умер царь Феодор Иоаннович. Еще при жизни его погиб в Угличе его младший брат, сын царя Ивана Васильевича Грозного, царевич Дмитрий. С ними пресекся на Руси род царей из дома Рюрика.

На престол Московский вступил Борис Годунов. Он не был родовитым боярином и вел свое происхождение от татарского мурзы, выходца из орды. Боярин со вчерашнего дня, он меньше многих московских бояр имел права наследовать трон законных царей. Только благодаря своему уму, необыкновенной хитрости и умению пользоваться обстоятельствами, он по избранию достиг царской власти.

Несчастливо было его царствование. Голод и моровая язва опустошали Московское Государство. Народ, считая Бориса виновником мученической кончины царевича Дмитрия, говорил, что это Бог посылает испытание Русской земле в наказание за тяжкий грех царя.

В конце царствования Бориса за рубежом России, в Польше, появился человек, назвавшийся именем царевича Дмитрия, будто бы спасенного от подосланных Борисом убийц. Человек этот, известный в истории под именем Лжедмитрия, вступил в русские пределы во главе шайки из польских и русских

людей. Большинство из них не верили в его царское происхождение и в права на московский престол. Они шли за ним в надежде половить рыбы в мутной воде, поживиться и пограбить во время предстоящих смут и междоусобии.

Однако по мере того, как Лжедмитрий со своею шайкой двинулся от русской границы к Москве, города один за другим сдавались ему почти без сопротивления, признавая в нем законного царя. Сила его росла на пути, потому что к нему приставали казаки и разные бездомные люди, которых тогда много было на Руси. Когда же воевода, посланный против самозванца, перешел на его сторону, дорога для него на Москву была открыта.

Борис внезапно умер, не успев собрать новые силы против самозванца. А тот вступил в Москву и занял престол московских царей.

Вскоре бояре составили заговор против Лжедмитрия, обвиняя его в намерении уничтожить на Руси православие и обратить русских в латинскую веру. Лжедмитрий был убит. Бояре избрали на царство из своей среды Василия Шуйского, бывшего во главе заговора против Лжедмитрия.

Все короткое царствование Шуйского прошло в смутах и волнениях по всему пространству тогдашней России. В разных концах ее появлялись самозванцы, присваивавшие себе имя царевича Дмитрия. Города и целые области присягали им на верность и вели между собою и с Москвой кровопролитные братоубийственные войны.

Те же бояре, которые возвели Шуйского на престол, принудили его и сложить с себя царское достоинство.

Тогда настало «междуцарствие». Не стало сильной, единой власти в Русской земле, и она оказалась на краю погибели. Летописцы назвали то время «лихолетием». Из конца в конец по Руси бродили шайки казаков, татар, поляков и тех русских людей, которые в это смутное время утратили всякое нравственное чувство, забыли Бога и свои обязанности по отношению к родине. Пути их обозначались огнем и мечом. Они жгли села и деревни, предавались необузданному разгулу, беспощадно убивали лишенных защиты жителей. Целые области пришли в запустение и почти обезлюдели.

Но еще печальнее общего разгрома и разорения, еще опаснее для самого существования России, как самостоятельного государства, было религиозно-нравственное и политическое развращение русских людей того времени. Все, чем сильна была Русская земля, что представлялось заветной святыней для русских людей и объединяло их: православная вера, уважение и преданность к законной власти, национальное чувство – все это гибло в общей неурядице и предвещало близкую гибель всему государству.

Соседние с Россией государства, завидовавшие ее расширению и усилению, не преминули воспользоваться ее ослаблением. Старинные русские города и области перешли под власть поляков или шведов. Южные окраины занимались и разорялись татарами.

И не было, казалось, во всей Русской земле такой силы, которая могла противостоять распаду государства, его конечной гибели от многочисленных внутренних и внешних врагов.

Но такая сила существовала. Это была духовная мощь русского народа. Для своего проявления, для спасения гибнувших веры, народности и государственности она нуждалась только в людях, сильных духом, могущих собрать и объединить вокруг народных вождей всех, готовых и способных к борьбе за веру, родину и государственность.

Спасение нашлось в недрах православной Церкви. Из среды высшей церковной иерархии вышли люди великой нравственной силы. Исключительно благодаря им разрозненные, пришедшие в отчаяние группы русского народа исполнились воодушевления и собрались вокруг своих вождей для спасения отечества.

Во главе иерархов, воодушевивших пламенными, исполненными веры и надежды призывали русский народ к борьбе за веру и национальную свободу, следует поставить назвать всероссийского патриарха Гермогена и Казанского митрополита Ефрема.

В то смутное, страшное время принять на себя высокое звание Патриарха Всероссийского для человека, горевшего пламенною верою в истины православия, преданностию и любовию к родине, было равносильно готовности умереть за них. Но Гермоген, хотя и обремененный годами, не убоялся борьбы с врагами веры и родины.

Он занял патриарший престол в 1606 году. В Москву он приехал из Казани, где до этого времени был митрополитом и где достойным преемником себе оставил митрополита Ефрема.

По Завету Христа Патриарх Гермоген *положил душу свою за други своя*. Ценою спокойствия последних лет своей жизни, даже ценою самой жизни он стал одним из первых спасителей России.

Поляки заняли Москву, присягнувшую на подданство сыну польского короля, королевичу Владиславу. Они выжгли город, перебили множества народа, а сами заперлись в кремле. Под угрозой смерти они требовали от Гермогена, чтобы он, пользуясь своею духовною властью и влиянием на русский народ, остановил и вернул по своим городам ополчения, идущие в Москву для освобождения от врагов. Для того, чтобы сильнее подействовать на

святителя, поляки посадили его в сырую темницу при Чудовом монастыре и стали морить его голодом. Но он, стоя лицом к лицу, с мученическою смертью, находил возможность из своего заключения рассылать через верных ему людей послания по разным городам. В них он призывал всех русских людей объединиться и единодушно взять на себя великий подвиг спасения родины. Всех он благословлял на этот подвиг и заповедал Нижегородскому ополчению взять с собою в поход для освобождения Москвы от поляков копию с чудотворной иконы Казанской Божией Матери.

Гермоген умер в темнице, будучи, по словам летописи, уморен поляками голодом. Москва тогда была еще во власти врагов. Но все же, взятый им на себя великий подвиг он довел до конца. В скором времени после его кончины, в октябре 1612 г., ополчения, собранные главным образом по его призывам, очистили Москву от поляков.

Другой видный деятель на поприще не только спасения России, но и обновления ее, был, как мы сказали, митрополит Казанский Ефрем.

Он родился 30 августа 1550 года в старинной и знатной семье бояр Хвостовых в их Нижегородской вотчине. Для своего времени он получив очень хорошее образование и был воспитан в духе истинного православия и преданности ѣ исконным началам русского государства.

Придя в совершенный возраст, Даниил, как звали будущего митрополита до поступления в иноческий сан, был отправлен своим отцом в Москву, ко двору царя Феодора Иоанновича. Умный, образованный, хорошо знакомый с ратным делом, он скоро занял при дворе московского государя одно из первых мест.

Феодор был добрый и благочестивый государь. Но это был скорее инок на троне, чем правитель государства. Почти все свое время он проводил в беседах с духовными лицами о разных религиозных вопросах и в молитве. Посещал все церковные службы и любил звонить на колокольне. Дело государственного управления тяготило его, было ему не по душе. Всем государством правил от его именем боярин Борис Феодорович Годунов, о котором было сказано выше. Он еще при жизни бездетного царя Феодора расчищал и подготовлял себе путь к престолу. С этою целью он старался заручиться расположением и помощию высшего духовенства. Для того, чтобы увеличить его значение в государстве, он убедил царя Феодора в необходимости учреждения в России патриаршества и добиться согласия на это вселенских патриархов.

Умный и проницательный боярин Даниил Хвостов разгадал честолюбивые планы хитрого царедворца Годунова. В то же время он отлично сознавал, что бояре Романовы и по достоинствам, и по близости их рода к дому Рюрика больше Годунова имеют прав на Московский престол. Под влиянием этого

сознания он стал, где только возможно, противодействовать Годунову в достижении им намеченной цели.

Но борьба была неравная. Годунов всецело владел волею царя Феодора и, в сущности, при его жизни был неограниченным главою государства. И к его власти все так привыкли, так освоились с ней, что Даниилу Хвостову невозможно было составит партию, сколько-нибудь влиятельную для того, чтобы противостоять честолюбивым замыслам Годунова.

Можно предположить, что эта неудача в борьбе с Годуновым повлияла на решимость Даниила принять иноческий сан. Может быть даже это произошло и не без участия Годунова, в интересах которого было удалить от двора и из Москвы опасного противника его замыслам. Достоверно известно только то, что в этом деле Даниил пользовался советами тогдашнего митрополита Казанского Гермогена, бывшего с ним в дружеских отношениях. Как бы то ни было, Даниил принял иноческий сан [с именем Давида] и в 1596 году по повелению царя Феодора был назначен Игуменом Макарьевского Унженского монастыря. Здесь он с усердием принялся за строительство обители и за постройку храма на могиле преподобного Макария.

К этому времени относится следующий эпизод из жизни Михаила Феодоровича, ставшего потом первым царем из дома Романовых.

Ему было шесть лет, когда тетка его княгиня Черкасская, приехала с ним и его сестрой в Макарьевский на Унже монастырь, Игумен Давид, не доверявший Годунову и уверенный, что он не остановится пред преступлением, лишь бы только удалить со своего пути к московскому престолу возможных кандидатов на этот престол, стал уговаривать княгиню оставить Михаила в монастыре на его попечении. Это, по его словам, было лучшим средством избавить мальчика от возможных покушений на него со стороны Годунова. Княгиня согласилась, Михаил остался в монастыре под личным наблюдением игумена Давида. При этом, для большей безопасности мальчика, был распущен слух что он умер в Белоозере.

Михаил оставался в Макарьевском монастыре скрытым от всех в продолжение трех лет. Только когда умер царь Борис Годунов, мать Михаила взяла его к себе и немного времени спустя поселилась вместе с ним в Ипатьевском монастыре.

По смерти царя Феодора Иоанновича, Даниил ездил в Казань и здесь еще ближе сошелся с митрополитом Гермогеном. Их сближали одинаковые взгляды на положение дел в государстве, одни и те же симпатии и антипатии, одна и та же любовь к родине и готовность всем пожертвовать для ее блага.

Живя в обители, Давид через монахов, ездивших по сбору и всюду имевших доступ, поддерживал постоянные сношения с Москвой и с боярами, одинаково с ним мыслившими. Поэтому он имел точные и подробные сведения о положении дел в Москве и о настроении умов в ней.

Игумен Давид хорошо понимал, что для успеха в борьбе с политическими противниками нужны союзники и ратная сила. И вот он всюду входит в сношения с лицами, на помощь которых можно бы было рассчитывать в борьбе за благо родины, как он его понимал; привлекает на свою сторону донских и астраханских казаков. Будучи, как сказано выше, хорошо знаком с ратным делом, он отбирает из окрестных жителей наиболее способных и обучает их воинскому строю. Князь Пожарский, будущий вождь русских народных ополчений, заинтересованный деятельностию игумена в этом направлении, нередко заглядывал к нему на Унжу. Уже одно это может свидетельствовать о том, каких результатов достиг Давид в сформировании воинской силы. А когда настало время борьбы с поляками, и с Унжи пришли, никому раньше неизвестные отряды воинов, отлично вооруженных и обученных, то поляки отступали перед ними, не выдерживая их натиска.

В августе 1606 года Казанский митрополит Гермоген был возведен в сан Патриарха Всероссийского. На его место в Казани по его указанию был назначен игумен Давид, возведенный в сан митрополита с именем Ефрема.

На первых же порах своей архипастырской деятельности митрополит Ефрем показал себя дальновидным политиком и патриотом. Жители города Свияжска изменили избранному царю Василию Шуйскому и присягнули Лжедимитрию. Тогда митрополит наложил на них церковное запрещение. Справедливый гнев святителя и его запрещение так подействовали на забывших свой долг свияжан, что они со слезами раскаяния поклялись быть верными законно избранному царю.

В царствование Василия Шуйского, Патриарх Гермоген и митрополит Ефрем не восставали против него, признавая его за Государя, законно избранного. Когда же после низложения Шуйского настало на Руси смутное время междуцарствия и самозванщины, деятельность обоих иерархов на благо России проявилась в полной мере. Митрополит Ефрем открыто восстал против призвания на царство польского королевича и употреблял все влияние для подготовки избрания Михаила Феодоровича Романова. При этом он действовал вместе с лучшими русскими людьми того времени, не хотевшими видеть у власти над Русской Землей ни боярской думы с ее борьбою честолюбий, ни иноземного королевича, которому чужды дух и благо русского народа. В избрании Царя из исконного русского боярского рода, ближайшего к

угаснувшей династии, они видели лучший и наиболее естественный выход из создавшегося невыносимого положения.

В тяжелое время пришлось митрополиту Ефрему вместе с дьяками Шульгиным и Личневым [заниматься] управлением «делами царства Казанского». Если принять во внимание, что «царство» это в то время было окраиной Русской земли (Сибирь, незадолго перед этим завоеванная и почти вовсе не исследованная, не могла идти в счет), – что население ея было разноплеменное и что среди татар, составлявших большинство этого населения, жива была память о самостоятельности, то станет очевидным, как трудно было митрополиту Ефрему умиротворять этот неспокойный край, вовлекать его в круговорот деятельности на пользу Русской Земле. При этом результаты трудов митрополита окажутся прямо поразительными.

Он созвал и сформировал ополчение для освобождения Москвы, благословил его чудотворной иконой Казанской Божией Матери и дал в поход копию с нее. Благодаря его неусыпным трудам, в пестром по племенному составу населении Казанской области оказалось столько единодушного порыва на пользу русского дела, сколько его не было ни в какой другой русской области. Унженское ополчение состояло из 10,000 прекрасно вооруженных и обученных ратников и из речной флотилии в 5,000 человек. Это ополчение на острове Мечике наголову разбило большой польский отряд, находившийся под командой известного гетмана Лисовского. Вскоре оно соединилось с другим, пришедшим из Новгородской вотчины Хвостовых. Волга до самой Астрахани была очищена от врагов, и дорога Нижегородскому ополчению к Москве [стала] снова свободной.

Все, кому дорого было успокоение и благо Русской земли, заметили и достойно оценили благотворную деятельность митрополита Ефрема.

Умер мученическою смертью патриарх Гермоген. Не стало на Руси ни царя, ни духовного лица высшего сана. Не существовало и боярской думы, которая могла бы хотя временно до избрания царя, править государством. Тогда знаменитый вождь русских народных ополчений, князь Пожарский, от лица всего государства просил митрополита Ефрема назначить сторожевского игумена Исаию на подмосковную Крутицкую митрополию для управления делами патриархата. В грамоте к митрополиту князь писал:

«Вседержитель Бог наш угасил два великие светила в мире: отнял у нас главу Московского государства, Государя и Царя и Великого Князя всея России; пастыря и учителя словесных овец стада его, Святейшего Патриарха Московского всея России. И ныне, великий господин, не мала скорбь нам

надлежит, что под Москвой вся земля в собрании, а пастыря и учителя у нас нет».

Скоро и сам митрополит Ефрем был вызван в Москву. Здесь со званием местоблюстителя патриаршего престола он стал во главе русской иерархии.

Когда он приехал в Москву, она была уже освобождена от поляков. Сюда собрались представители изо всех городов и от всех сословий для дела величайшей государственной важности – избрания Царя. Митрополит Ефрем, так много и плодотворно потрудившийся для подготовки к этому делу, не мог, само собою разумеется, уклониться от него или быть обойденным. И мы видим, что он принял живое и деятельное участие в избрании на царство Михаила Феодоровича, завершивши тем великое дело своего служения родине. Можно сказать, что это его участие в выборах имело решающее значение в их благоприятном исходе. Своим влиянием и обаянием безупречной в нравственном отношении личности он поддержал народных представителей, избравших на царство родоначальника ныне царствующей фамилии. Он убедил инокиню Марфу, мать Михаила Феодоровича, отпустить сына на царство. Он составил призывную грамоту о его избрании и первый подписал ее 21 февраля 1613 года Он же 2 мая встречал его в Москве, а 11 июля помазал на царство.

По мере сил и разумения, способствуя избранию царя и исполнив таким образом долг перед родиной, митрополит Ефрем не остановился на этом, потому что не считал свой подвиг завершенным. Правда, безначалию настал конец, и законный государь стал править Русской землей. Но земля эта была еще далека от успокоения. В разных концах ее продолжали бродить противообщественные элементы, эти, так сказать, осадки от только что пережитой смуты безначалия. Митрополит Ефрем не считал себя вправе сложить руки и предаться отдыху прежде, чем жизнь русского народа придет в норму. По его убеждению, кроме долга каждого русского, любящего родину, к дальнейшей деятельности по успокоению Руси его обязывало высокое положение. Так, узнавши, что жители Казани отказываются присягать вновь избранному юному государю, он сейчас же после коронования поспешил в свою митрополию. По прибытии в Казань, он узнал, что жители ее удерживаются от присяги Михаилу Феодоровичу влиянием дьяка Шульгина. Он уверял, что Царь «без ведома государства Казанского избран на царство». Хотя Шульгин еще до приезда митрополита в Казань был схвачен, отвезен в Москву и оттуда сослан в Сибирь, тем не менее, приезд святителя не только не был лишним, но являлся прямою необходимостью. Достаточно было его заявления, что избрание Царя произошло при его участии, чтобы казанцы тотчас присягнули Феодору. Это до очевидности свидетельствует о том,

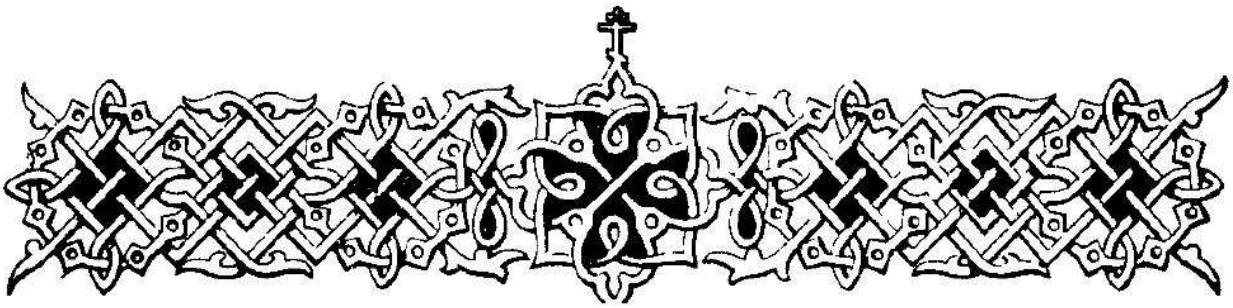
насколько велико было обаяние его личности и его авторитет среди паствы. В нем казанцы видели истинного выразителя своих интересов, и его решение вопроса о законности избрания Царя считали для себя обязательным.

Напрягая все силы в непрерывной кипучей деятельности, митрополит Ефрем переутомился. Затем последовала быстро увеличивавшаяся слабость, и 26-го декабря 1613 года святитель тихо и безболезненно отошел в вечность. Тело его погребено в пещере Спасо-Преображенского монастыря в Казани, на том месте, где погребены свв. Гурии и Варсонофии. Церковь причислила его к лику святых. Изображения его сохранились на иконах, а в одной из древних казанских церквей его иконописное изображение сохранилось на стенной живописи. Казанское Русское Собрание соорудило икону святителя над его могилой. Здесь же его потомками, дворянами Хвостовыми, воздвигается новая часовня.

Имя святителя Ефрема и память о нем благоговейно почитаются всеми, кому дороги начала, на страже которых он стоял в течение всей своей деятельности и плодотворной жизни.

Ефрем, Митрополит Казанский, помазавший на царство Михаила Феодоровича Романова. М. 1913. С. 3-16.

Венчание на царство Михаила Феодоровича.
Миниатюра из «Книги об избрании...». 2-я пол. XVII в.



Священнопроповедник Михаил Михайлович Джега

ЦАРЮ НЕБЕСНОМУ И ЗЕМНОМУ ВЕРНЫЕ.

Как Архиереи в Царской России почитали Государей.

«Защита Престола и Отечества есть
священная обязанность каждого русского подданного».
(Свод Основных Государственных
законов Российской Империи. Ст. 70.).

«Невозможно быть истинным слугою земного Царя,
не будучи истинным слугою Божиим.
Только истинный Божий слуга имеет все побуждения,
силы и средства быть верным слугою Царя
и полезным членом Церкви и Отечества».
Священномученик Иосиф, Митр. Петроградский
(«В объятиях Отчих». Дневник инока. № 4092.)

Святитель Феофан Затворник, рассматривал под термином «УДЕРЖИВАЮЩИЙ» (2 Фес. 2:7) ЦАРСКУЮ ВЛАСТЬ, не допускающую (поэтому и удерживающую) народы уклониться от христианских начал. Он писал: «В наше время какой-нибудь вес можно давать подобной мысли разве только в таком случае, если под Римским царством разуметь царскую власть вообще и это таким образом: царская власть, имея в своих руках способы удерживать движения народные и держась сама христианских начал, не попустит народу уклониться от них, будет его сдерживать. Как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечь всех от Христа, то и не явится, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться, будет мешать ему действовать в своем духе. Вот это и есть удерживающее. Когда же царская власть падет, и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии), тогда антихристу действовать будет просторно. Сатане не трудно будет подготовлять голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции. Некому будет сказать veto – властное.

Смиренное же заявление веры и слушать не станут. И так, когда заведутся всюду такие порядки, благоприятные раскрытию антихристовых стремлений, тогда и антихрист явится. До того же времени подождет, удержится»[1].

Поэтому не должно удивлять заявление Константинопольского Синода 1171 г., относительно значения для каждого православного христианина верноподданной присяги: «Как отрекшийся от веры в божественное изгоняется из общества православных, так и давший клятву на верность царской власти, но расположенный к ней злонамеренно и враждебно кажется нам недостойным называться по имени Христа, если и носящий царский венец и диадему несомненно есть помазанник Господень»[2].

Именно в царском помазании (венчании Царя) заключается источник почтения какой он получает от Церкви. В слове на коронацию в 1885 г. святитель Феофан Затворник разъясняет суть царского помазания: «оно есть Священное Помазание в означение, что Государь Император, от Бога получающий власть, приемлет от Него и дар правления, и что вместе с тем, как наместник Божий, становится неприкосновенным и как бы недосязаемым для прочих членов царства; оно есть венчание в ознаменование, что Божественное Помазание, сходящее на главу Царственную, или освящает, или извлекает из нее венец доброты – сонм добродетелей и сил духа Царственных; оно есть венчание на царство в ознаменование, что венец, как цвет в растении, развивается из духа самого царства, соплетается из сердечных расположений самого народа. Таким образом, в венчании Царя видим и свидетельство о совершенстве народной жизни, и печать благословения Божия, и явление Царственных добродетелей. Ныне мы благодарим Щедрого Господа за благодать Его, ниспосланную на нас в Царе. Этим благодарственным возношением ума и сердца к Богу, с одной стороны отдаем должную дань Царскому величию, а с другой – возгреваем тот в себе дух, которым держатся над народом Царственные венцы, или по которому у народа всегда есть глава, венчанная Царским венцом».

Не будет преувеличением сказать, что Архиереи в Царской России больше любили и почитали Государей, чем Епископы в Византийской Империи. И это лучше всего было отражено в поведении Российского Епископата в

---

[1] *Беседовательное толкование Второго Послания к Солунянам*. Сочинение Епископа Феофана. М., 1873. С. 71.

[2] А. Павлов. *Синодальный акт Константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 года о приводе архиереев к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею с формой самой присяги*. // «*Византийский временник*». 1895. Том II. С. 390, 391.

переломные дни февраля-марта 1917 года. Утверждать, будто Архиереи предали Царя – не что иное как ложь на Архиереев – преемников Свв. Апостолов. А такое дерзновение сурово Церковью Православной наказуется. Давайте посмотрим, кто же из Архиереев оказался верен Государю в те лукавые дни отечественной истории.

Архиереи в Царской России как и все остальные подданные были обязаны в верности Православному Государю. За всю историю Российской Империи с трудом можно найти Архиерея, который бы изменил Царю – согрешив тяжким ГРЕХОМ КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЯ. Но такой человек всё же был, и это не должно удивлять, ибо и среди Свв. Апостолов тоже нашелся один предатель…

В Царской России таким иудой был Варлаам (Шишацкий), лишенный сана бывший архиеп. Могилёвский и Витебский[1]. В начале Отечественной войны 1812 г. остался в Могилёве, который был оккупирован французским корпусом. 13-го июля оккупанты приказали архиепископу вместе с духовенством принести присягу новым властям. Обсудив ситуацию с членами консистории и секретарем, 14-го июля в кафедральном соборе Варлаам присягнул Наполеону; консистория предписала духовенству сделать то же самое, и присягнуло 2/3 духовенства. Варлаам также поминал во время литургии и молебна имя Наполеона (!). После изгнания французских войск из Российской Империи, по приказу Государя Св. Синод освободил Варлаама от управления епархией и провел расследование. Итогом которого был указ от 1 мая 1813 г. в котором Варлаам был лишен Архиерейства и Священства, с отобранием знаков ордена Св. Анны 1-й степени: «за принесение в кафедральном могилевском соборе присяги импер. Наполеону; служение литургии и молебна с воспоминанием его имени; и рассылку из Консистории указов об исполнении сего всем подчиненным местам и лицам». Чин снятия сана совершил архиеп. Михаил (Десницкий) 29 июня (по др. сведениям, 12 июня) 1813 г. в кафедральном Спасском соборе Чернигова[2]. Мы привели этой случай только для того, чтобы показать насколько сурово Церковь Всероссийская наказывала лиц духовых, нарушивших присягу Российскому Государю.

Но отечественная история, как мы сказали, знает многие лица Архиереев, искренне верных Государю. Обратимся ко времени рубежа XVII-XVIII веков.

Высокий патриотизм Святителя Митрофана Воронежского соединялся в его душе с твердой верой и строгостью православных убеждений, ради которых он

---

[1] *Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии всероссийской со времени учреждения Святейшего правительствующего синода (1721-1895)*. Спб. 1896. С. 17.

[2] А. Н. Сергеев. *Присяга Наполеону и моление за него в Могилевской епархии в 1812 г.* // «*Русская старина*». 1908. Том 136. С. 577-588.

не боялся навлечь на себя царский гнев. Святитель своим авторитетом, пожертвованиями и молитвами содействовал преобразованиям Петра I, необходимость и цель которых хорошо понимал. Но в тоже время был вынужден отказаться от послушания Царю, более боясь Бога. Святитель, которому за ослушание царской воли грозила смертная казнь, отказался идти во дворец к Петру I, потому что там стояли статуи персонажей греческой мифологии, которые Святитель совершенно справедливо квалифицировал как языческих идолов. Поставил условие Царю: пока «государь не прикажет снять идолов, соблазняющих весь народ, я не могу войти в его дворец». Разгневанный такими словами Петр приказал передать святому: «Если он не придет, то ослушанием предержащей власти подвергнет себя смертной казни». На эту угрозу епископ Митрофан отвечал: «В жизни моей государь властен; но неприлично христианскому государю ставить языческих идолов и тем соблазнять простые сердца». И этими словами Святитель поучил Царя, которой приказал убрать статуи и с того времени проникся еще большим уважением к Святому. Конфликт завершился примирением, царь простил епископа и приказал убрать статуи, после чего Святитель явился во дворец благодарить Государя. В последующем он не изменил своё негативное отношение к европейским обычаям. Несмотря на это, он до самой смерти пользовался расположением Царя. Святитель понимал, что эти статуи есть увлечение молодого царя (Петру и тридцати лет не было) Западом, поэтому и не обличал царя в идолопоклонстве, а в одном соблазне верующего Русского Народа. Таким образом вразумил молодого Царя, при том не унижая его царского достоинства. Надо сказать здесь, что тело великого Святителя нес до усыпальницы сам Петр I. Прощаясь, он сказал: «Не осталось у меня такого святого старца. Ему же буди вечная память». Е. Поселянин описывает случай, свидетельствующий о духовной связи между святителем Митрофаном и чтившим его Петром I уже после их кончины. Однажды в Петропавловском соборе Петербурга увидели человека, усердно молившегося перед гробницей Петра I. На вопрос, почему он это делает, человек тот ответил, что ему повелел молиться святитель Митрофан. Однажды во сне святой епископ явился ему и сказал: «Если хочешь быть мне угодным, молись об упокоении души императора Петра Великого».

Верность Епископата своим Самодержавным Государям прекрасно доказана будущим Святителем Игнатием (Брянчаниновым), в бытность его архимандритом, в письме выдающемуся военному и государственному деятелю Члену Государственного совета, генералу Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому от 30 апреля 1849 г.: «В благословенной России, по духу

благочестивого народа, ЦАРЬ И ОТЕЧЕСТВО СОСТАВЛЯЮТ ОДНО, как в семействе составляют одно родители и дети их. Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых. Гораздо вернее идти на штыки с молитвою, нежели с песнею: песнь приносит самозабвение и прилична Римлянину; а молитва доставляет воодушевление и прилична благочестивому Христианину. Христианская вера порождает героев, сказал герой Суворов – и постоянных героев, а не минутных. Российская история представляет единственный пример Христианского мученичества: многие Русские – не только воины, но и архиереи, и бояре, и князья – приняли добровольно насильственную смерть для сохранения верности Царю: потому что У РУССКОГО ПО СВОЙСТВУ ВОСТОЧНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ИСПОВЕДАНИЯ, МЫСЛЬ О ВЕРНОСТИ БОГУ И ЦАРЮ СОЕДИНЕНА ВОЕДИНО. Русский Царь может сказать о себе то, что сказал о себе Святой Царь Израильский Пророк Давид: «Бог... покаряяй люди моя под мя» (Пс.17:48). Понимая Вас, что Вы будете совершать великий подвиг, как истинный подвижник Царя небесного и Царя земного, призываю на Вас из глубины моего сердца благословение Божие. Да дарует мне милосердный Господь еще увидеть Вас в сей земной жизни, увидеть по совершении великого подвига в лучах славы от Царя небесного и Царя земного».

***

Многие Российские Епископы в своих проповедях поучали и наставляли Русский Народ в послушании Царской Власти. Среди них епископ калужский Александр (Светлаков), которой писал: «ЕДИНОДЕРЖАВНАЯ ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ ЕСТЬ НАДЕЖНАЯ И ТВЕРДАЯ ОПОРА СПОКОЙСТВИЯ И БЛАГОДЕНСТВИЯ НАРОДА. История постепенного роста нашего отечества служит лучшим доказательством этого. Под сею властию собиралась и объединялась, и постепенно укреплялась наша русская земля. Власть царя самодержавного, обнимая своими заботами и любовью всех своих подданных, как равноправных пред законом, дает всем им сообразное направление, объединяет и примиряет в общем благоустроении, предохраняя одних от других и тем направляя общее дело. От нее, как лучи от солнца, исходят все благотворные начинания, ею же уравниваются, объединяются и обращаются на благо общее все частные желания. Не будь этой власти, – кто в силах остановить развитие страстей, раздоров и дерзких притязаний? В основании нашей жизни общественной, как солнце во вселенной, стоит царь – образ Царя

небесного, дышащий одною любовью к народу, одним желанием ему добра, всецело обрекший себя на служение ему и невидимо управляемый в управлении Самим Богом. Наши отношения к нему построены не на минутном увлечении, но на хранимом святоотеческом предании, на твердой любви к царю, и в лице его на глубоком благоговении к Царю царствующих и Господу господствующих. Руководимые невидимою силою Божественною, царская власть содействует развитию народному, указывая к тому все средства и предотвращая все препятствия. Тут каждый служит друг другу тем даром, какой получил «как добрые домостроители различной благодати Божией» (Тим. 4, 10). Все движется по мудрому манию благочестивого царя, все направляется ко благу и счастью народному.

Самодержавная царская власть есть истинная и верная охрана народная от врагов внутренних и внешних. В наше греховное время, при сильно развитом самолюбии, мало ли может быть в жизни разных несправедливостей, обид, притеснений, проявлений личных страстей и столкновений интересов. Остановить это настроение в силах только царская власть, как верховная охранительница прав частных и как высшая представительница общественной законной правды, как говорит и св. апостол Павел: «Царь есть Божий слуга тебе на благое. ... Отмститель в наказание делающему зло; он не напрасно носит меч» (Рим. 13, 4). И в самом деле, кто защитит бедного от грубого богача? Кто освободит притесняемого от притеснителя? — невинно обвиняемого от неправедного судии? Только властное слово царя, власть и сердце которого в руце Божией, как главного в среде своих подданных исполнителя воли Божией, и хранителя христианского благочестия; — с ним непременно должны быть тесно связаны, в видах улучшения и возвышения, все разные отрасли общественной жизни. И разве мало найдется примеров того: где власть царская обессиливалась, а тем более прекращалась, там сильно возбуждались страсти народные, власть захватывалась разными хитрецами, беспощадно теснившими и давившими народ; действовали зависть и рвение, производившие «нестроения и всякую злую вещь» (Ин. 3, 16); и кто не знает, что все такие события в среде народов отмечены потоками крови человеческой?

Видно, что только «Вышний владеет царством человеческим и идеже несть управления (от Бога) падают аки листвие», говорит премудрый. Охраняя и водворяя мир и спокойствие внутри, самодержавная царская власть служит необходимой и высшей охраной и от врагов внешних.

В ограждение чести, спокойствия и благоденствия своего народа, царь обнажает врученный ему Богом меч, как «Божий слуга, отмститель в

наказание делающему злое» (Рим. 13, 4), с покорностию всеблагой воле Божией и с благословения святой Церкви выступает против врагов своих подданных для водворения нарушенного мира и спокойствия их.

Какая великая задача и какой тяжелый труд лежит на царе, как отце отечества! И всю эту сложную тяжесть подъемлет он не ради себя, а ради своих подданных, ради общего их блага. Как же нам не молиться пред престолом Царя царствующих и Господа господствующих о царе своем? «Господи, спаси царя и услыши ны» (Пс. 19-й ст. 10-й). Пусть этот завет древности чаще повторяется в наших молитвенных обращениях ко Господу»[1].

***

В XIX веке Россию поучал в послушании Богом данных Государей великий Святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский. Не будем здесь приводить всех Его высказываний о Царях, это изложено уже в общедоступных изданиях[2], но приведем самые главные из них.

По глубокому убеждению Святителя Филарета САМОДЕРЖАВНАЯ ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ имеет Божественное происхождение, поэтому Святитель призывает Россию повиноваться именно ей. Эту свою мысль Святитель изложил в слове в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, 25 июня 1851 г.:

«БОГ, ПО ОБРАЗУ СВОЕГО НЕБЕСНОГО ЕДИНОНАЧАЛИЯ, УСТРОИЛ НА ЗЕМЛЕ ЦАРЯ; ПО ОБРАЗУ СВОЕГО ВСЕДЕРЖИТЕЛЬСТВА – ЦАРЯ САМОДЕРЖАВНОГО; ПО ОБРАЗУ СВОЕГО ЦАРСТВА НЕПРЕХОДЯЩЕГО, ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ОТ ВЕКА И ДО ВЕКА – ЦАРЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО. О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небесного верно присоединяли требуемые от них Богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство Царя и устроение царства земного по образу небесному, и постоянно себя

---

[1] *Проповедническая хрестоматия*. Сост. Архимандрит Пантелеимон. Том 2. Часть 1. Jordanville 1965. С. 441-442.

[2] См. *Государственное учение митрополита Филарета*. Сост. В[ладимир] Н[азарьевский]. М., 1885; *Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. Мысли, вкратце извлеченные из проповедей Филарета, митрополита Московского*. Сост. Порфирий Кременецкий. М. 1906; *Монархическое учение Филарета, митрополита Московского. Выдержки из его произведений: К 40-летию его кончины*. М. 1907.

ознаменовывали чертами того же образа - благословением и любовью к Царю, смиренным послушанием его законам и повелениям, взаимным согласием и единодушием и удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, - превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия! Все, по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Все царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного. РОССИЯ! ТЫ ИМЕЕШЬ УЧАСТИЕ В СЕМ БЛАГЕ ПАЧЕ МНОГИХ ЦАРСТВ И НАРОДОВ. *Держи, еже имаши, да никтоже приимет венца твоего* (Апок.3:11). Сохраняй и продолжай украшать Твой светлый венец, непрерывно подвизаясь совершеннее исполнять венцедательные заповеди: *Бога бойтеся, Царя чтите»*[1].

Для Святителя САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ ЦАРЯ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАКОМ БЛАГОСЛОВЕНИЯ БОЖИЯ, ПОЧИВАЮЩЕГО НА ИЗВЕСТНОМ НАРОДЕ.

В праздник Успения Божьей Матери в Успенском соборе Кремля митрополит Московский приветствовал государя императора Александра Павловича, коего венчал на царство: «Благословенно твое благоволение к твоей древней столице. Благословенно твое благоговение к ее древней святыне. ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ И НАРОДА В ИСТИННОЙ ВЕРЕ ЕСТЬ ЖИВОТВОРНЫЙ ИСТОЧНИК ИХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И СИЛЫ. Воздвигший тебя от благословенного корени царей, помазавший тебя свыше и поставивший тебя защитником Церкви Своей, да споспешествует всегда тебе, и в сохранении мира ее в отечестве нашем, и в восстановлении разрушенного мира ее за пределами оного, и все царственные дела твои да благоуправит к истинному и неколебимому благоденствию всех верноподданных».

В слове, говоренном в кафедральной церкви Чудова монастыря 20 ноября 1847 г.в день восшествия на Всероссийский престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, Святитель заявил: «БЛАГО НАРОДУ И ГОСУДАРСТВУ, в котором единым, всеобщим, светлым, сильным, всепривлекающим, вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, СТОИТ ЦАРЬ, СВОБОДНО ОГРАНИЧИВАЮЩИЙ СВОЕ НЕОГРАНИЧЕННОЕ САМОДЕРЖАВИЕ ВОЛЕЮ ЦАРЯ НЕБЕСНАГО, мудростию, великодушием, любовию к народу, желанием общаго блага, вниманием к благому совету, уважением к законам предшественников и к

[1] *Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи*. Т. 5. 1849-1867. М. 1885. С. 126-127.

своим собственным, и в котором отношения подданных к верховной власти утверждаются не на вопросах, ежедневно возрождающихся, и не на спорах, никогда некончаемых, но на хранимом свято предании праотеческом, на наследственной и благоприобретенной любви к Царю и Отечеству, и еще глубже, на благоговении к Царю царствующих и Господу господствующих. Господи! Ты даровал нам сие благо. Нам остается благодарить, хранить и молить: "*утверди, Боже, сие, еже соделал еси в нас*" (Пс. LXVII. 29) (...) Братия, чада царствия земного, и, по вере и упованию, чада царствия небесного! Без сомнения, не погрешит тот, кто и в земных делах следовать будет мановению небесному. Для чего слово Божие представляет нам МЫСЛЬ О ЦАРЕ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ С МЫСЛИЮ О БОГЕ? – Без сомнения, для того, чтобы СИИ МЫСЛИ БЫЛИ ДРУЖНЫ И НЕРАЗЛУЧНЫ В НАШЕМ СЕРДЦЕ, и в нашей деятельности, и чтобы мысль небесная была опорою земной. Благоговение и любовь к Царю нашему природны нам: но мысль о Царе царствующих всего вернее дает сим чувствованиям полную силу, совершенную чистоту, незыблемую твердость и прямоту действия. При свете мысли о Боге, мы исполняем обязанности подданных и подвластных, скажу словами Апостола, *"в простоте сердца, не перед очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы творяще волю Божию от души, с благоразумием служаще якоже Господу, а не яко человеком"* (Еф. VI. 5-7)»[1].

Поэтому Святитель воспринимал Самодержавную Власть как своего рода ПРЕДДВЕРИЕ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО: «Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства – царя самодержавного; по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – царя наследственного. О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небесного верно присоединяли требуемые от них богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устроение царства земного по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа, – благоговением и любовию к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям и взаимным согласием и единодушием, и удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, – превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия... Все царства земные были бы

[1] *Государственное учение митрополита Филарета*. С. 27, 28.

достойным преддверием Царства Небесного. Россия, ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. "*Держи, еже имаши, да никтоже приимет венца твоего*" (Апок.3:11)»[1].

В слове, сказанном в Московском Успенском соборе 15 сентября 1821 года в день торжественного венчания и священного помазания на царство Александра I, Святитель Филарет раскрыл значение СВЯЩЕННОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПОМАЗАННОЙ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ:

«Пророк, между "*судьбами Божиими по всей земли», отличая особенную судьбу помазанных, не довольствуется собственным указанием на то очевидное действие сея судьбы, что Бог «не оставил человека обидети их*" (Псал. 104:14); Он отверзает небо и дает услышать оттоле творческое слово, созидающее их безопасность: «не прикасайтеся помазанным Моим». Под именем "помазанных" в сем изречении первоначально разумеются некоторые начальники избранного Богом племени. (…) "*Не прикасайтеся помазанным Моим*". Краткая заповедь, но премудро соединяющая в себе с требованием повиновения глубокое изъяснение сего требования и убеждение к послушанию! "*Не прикасайтеся*" властям предержащим, глаголет Вседержитель, ибо оне суть "*Мои*"; не прикасайтеся, ибо оне суть «помазанныя» от Меня. (…) Храните же внимательно зеницу ока Господня, "не прикасайтеся Помазанным Его". Заповедь Господня не говорит: не восставайте противу предержащих властей. Ибо подвластные и сами могут понимать, что, разрушая власть, разрушают весь состав общества, и следственно разрушают сами себя. Заповедь говорит: "*не прикасайтеся*" даже так, как прикасаются к чему либо без усилия, без намерения, по легкомыслию, по неосторожности; ибо случается нередко, что в сем неприметно погрешают. Когда власть налагает на подвластных некое бремя, хотя и легкое и необходимое: как легко возбуждается ропот! Когда подвластные видят дело власти, несогласное с их образом понятия: как стремительно исторгаются из уст их слова осуждения! Как часто необученная послушанию мысль подчиненного, нечистым прикосновением, касается самых намерений власти, и полагает на них собственную свою нечистоту! Клеврет мой! кто дал тебе власть над твоими владыками? Кто поставил тебя судиею твоих судей? Христианская душа! ты призвана "повиноватися за совесть" (Рим. 13:5): елико можно, не прикасайся власти, ниже словом ропота, ниже мыслию осуждения; и веруй, что "*якоже возвеличися душа Помазанных во очию твоею, тако*

[1] Там же. С. 18, 19.

возвеличишься ты пред Господем, и покрыет тя, и измет тя от всякия печали" (1 Цар. 26:24)»[1].

Святитель призывает Русский Народ повиноваться «ГОСПОДА РАДИ» своему Самодержавному Царю, в слове в день тезоименитства Благоверного Государя Наследника Цесаревича, Великого Князя Александра Николаевича, 30 августа 1830 г., так говорит: «Истинный и совершенный, собственно христианский образ повиновения начальству открывает Апостол, когда говорит: "*повинитеся, Господа ради*" . Вы знаете, что Господь сотворил вас; что непрестанно провидением Своим Он хранит вас и печется о вас; что, наконец, Он устрояет вам вечное спасение. Вы познали Его; уверовали в Него; вы чувствуете или самую любовь к Нему, или, по крайней мере, совершенную обязанность любить Его, "*яко Той первее возлюбил есть нас*" (1 Иоан. IV. 19), и неограниченно повиноваться воле Его. Но как Он владычествует всем, и как Он вам творит добро чрез общество человеческое;то взаимно и чрез вас хощет творить добро человеческому обществу, между прочим чрез самое простое средство, – чрез повиновение. Итак, по вере в Него, по любви к Нему, из повиновения Ему, – словом "*Господа ради повинитеся всякому человечу начальству*". Подвергайте сей род повиновения каким угодно испытаниям – в чистоте, в твердости, в совершенстве; он способен все выдержать. Пусть не будет страха, пусть никогда человеческое прощение не угрожает за нарушение повиновения; христианин будет повиноваться, потому что Господь оком любви взирает на его повиновение, и оком гнева воззрел бы на неповиновение.Пусть не будет ни выгоды, ни похвалы верному в повиновении; христианин останется таковым, потому что похвала от Бога, в совести, награждает его совершенно достаточно; потому что и внешния выгоды его находятся в попечении у Господа, и верно сохранены будут столько, сколько сие сообразно с его благом внутренним. Если бы даже противустали верному в повиновении неверность, прельщение, прещение за самую верность: нет нужды, говорит наставник совершеннаго повиновения, предвидевший и сию крайность искушения: "*повинитеся*" законному "*начальству Господа ради*", даже и тогда, когда бы порок и бедствие сугубыми силами возстали противу добродетели повиновения. "*Яко тако есть воля Божия, благотворящим обуздовати безумных человек невежество*" (1 Петр. II. 15). РОССИЯНЕ! МЫСЛЬ О ВОЗЛЮБЛЕННОМ ГОСУДАРЕ ДЕЛАЕТ ВАМ ЛЕГКИМ И СЛАДКИМ ДОЛГ ПОВИНОВЕНИЯ. ХРИСТИАНЕ! Мысль

[1] *Государственное учение митрополита Филарета*. С.20, 22.

о Боге и Христе да соделовает вам вожделенным и нетрудным совершенство повиновения»[1].

Святитель в вопросе отношения светской власти к Церкви выступал за СИМФОНИЮ между Церковью и Царским Престолом: «ЕСТЬ В ТОМ ПОЛЬЗА, КОГДА АЛТАРЬ И ПРЕСТОЛ СОЮЗНЫ; НО НЕ ВЗАИМНАЯ ПОЛЬЗА ЕСТЬ ПЕРВОЕ ОСНОВАНИЕ СОЮЗА ИХ, А САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ИСТИНА, ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ ТОТ И ДРУГОЙ. Благо и благословение царю, покровителю алтаря; но не боится алтарь падения и без сего покровительства. Прав священник, проповедующий почтение царю, но не по праву взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и без надежды взаимности»[2].

Учение Святителя о Самодержавной Царской Власти можно свести в следующие пункты, которыми пусть послужат Его собственные слова:

1) «СИЛА ГОСУДАРЯ – В ВЕРНОСТИ БОГУ, СИЛА ГОСУДАРСТВА – В ВЕРНОСТИ И ПРЕДАННОСТИ СВОЕМУ ГОСУДАРЮ».

2) «СЛУЖА ВЕРНО ЦАРЮ ЗЕМНОМУ, МЫ СЛУЖИМ ЦАРЮ НЕБЕСНОМУ».

3) «НАРОД, ЧТУЩИЙ ЦАРЯ, БЛАГОУГОЖДАЕТ ЧРЕЗ СИЕ БОГУ, ПОТОМУ ЧТО ЦАРЬ ЕСТЬ УСТРОЕНИЕ БОЖИЕ».

4) «ЕДИНЕНИЕ ЦАРЯ И НАРОДА В ИСТИННОЙ ВЕРЕ ЕСТЬ ЖИВОТВОРНЫЙ ИСТОЧНИК ИХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И СИЛЫ».

5) «ТОЛЬКО СОЮЗНЫЕ С ЦАРСТВОМ БОЖИИМ ЦАРСТВА ЗЕМНЫЕ МОГУТ БЫТЬ ТВЕРДЫ И ИСТИННО БЛАГОПОЛУЧНЫ».

***

Святитель Феофан, затворник Вышенский был великим русским патриотом. Но также был горячим почитателем Самодержавной Царской Власти в России. Достаточно посмотреть в его труды, чтоб убедится в этом. В слове На Рождество Пресвятой Богородицы и день рождения наследника Цесаревича, сказанном 8 сентября (по ст.ст.) 1863 г., Святитель поучает: «Наконец, слово-другое скажу относительно благоначертанных форм государственной жизни. Припомните, что стали ~~было~~ говорить и какие выражать стремления?! – Бог дает Царя — Отца нашему отечеству, и в сердце

[1] *Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи*. Т. 3. 1826-1836. М. 1877. С. 449-450.

[2] *Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи*. Т. 3. С.203.

его глаголет благая для нас. Православное Богопреданное Царство есть Царство Богоправимое. Ибо сердце Царево в руце Божией. Соседи наши не так думают, и мы начали было думать и говорить иначе. И как кому приходило на мысль, всякий по тому и готов был все перестраивать, вообще же все увлекались духом самоуправства. У отпадших от Святой Церкви и впадших в богозабвение это натурально, а православному народу не пристало так мудрствовать. Кроме образовавшихся на Западе форм правления есть еще самодержавие, отечески патриархальное правление. Его не понимает западное злоумное суемудрие. Оно понятно только истинно верующему, который созерцает и в Пресвятой Троице единоначалие, и в мире ангельском – единого Архистратига, и в Церкви Божией – единую главу, и в семействе отца, попечительно, но независимо действующего ко благу всех. Вот это и считать должно лучшим, как оно и на самом деле есть лучшее и совершеннейшее. Благодарение Господу! Оно и составляет преобладающее в отечестве нашем убеждение, пред которым робко высказывающиеся единицы иномыслящих – ничто».

ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ – являются для Святителя КОРЕННЫМИ СТИХИЯМИ ЖИЗНИ РУССКОЙ. Это Святитель Феофан объяснил в своем слове на Рождество Пресвятой Богородицы и день рождения наследника Цесаревича Николая Александровича 8 сентября (по ст. ст.) 1864 г.:

«На крепком восседя Престоле, благочестивейший Государь по всем частям вводит преобразования и новые порядки. Плоды от них, всего вернее, пожнет во всей полноте грядущее царствование. И вот наследие Наследнику от царствующего родителя. Но что приготовить ему и чем сретить его должен народ? – ИЗЛИШНЕ ГОВОРИТЬ, ЧТО НАРОД ДОЛЖЕН ВОЙТИ В ДУХ И ФОРМУ НОВЫХ ПОРЯДКОВ, ИБО ЭТО СОВЕРШИТСЯ И ПОМИМО ЖЕЛАНИЙ. НЕТ, НЕ ТО. Народ должен сохранить себя тем же народом русским и в этом виде сретить будущего царя. Наследие Наследнику от народа — неизменность коренных стихий его жизни. По непреложной участи жизни нашей, царствования чередуются, а государство, все одно и то же. По неизменному закону времени изменяются порядки и роды деятельности народной; но народ действующий должен пребыть одним и тем же народом, подобно тому, как организм наш и растет и многообразно действует, но все он один и тот же есть от рождения до смерти. Горе царству, когда изменчивость войдет в дух народа. Оно будет тогда подобиться волнению морскому, ветры возметаему и развеваемую (Иак. 1, 6.).

Издавна охарактеризовались у нас КОРЕННЫЕ СТИХИИ ЖИЗНИ РУССКОЙ, и так сильно и полно выражаются привычными словами: ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ И НАРОДНОСТЬ. Вот что и надобно сохранять! Когда ослабеют или изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя!

Что значит каждое из сих трех, кому неизвестно! Православие выражается единством Богодарованной истины; самодержавие – единством Богодарованной власти, народность – единством стремлений, царем указанных и Богом освященных. – Православие приемлет истину от Бога чрез Церковь и ей подчиняется смиренно; самодержавие принимает Царя от Бога чрез преемство родов и ему повинуется вседушно; народность восприемлет сознание избранничества Божия, для особых целей Провидения, измеряя их известною волею Божиею, и ее наипаче исполнительным орудием себя представляя. Народ, преданный Богу и Царю и единодушно стремящийся к исполнению указуемых Ими целей, – какая несокрушимая сила! какой задаток благоденствия и благопоспешения во всем! Есть что и есть из-за чего поберечь! – Береги же, народ русский, сии сокровища. Не трать и не порти их!

ПРАВОСЛАВИЕ ПОРТИТСЯ, КОГДА НЕ ХОТЯТ ПРИНИМАТЬ ИСТИНУ БОЖИЮ, а свою на место ее изобресть покушаются; САМОДЕРЖАВИЕ ПОРТИТСЯ, КОГДА ЗАМЫШЛЯЮТ СВОЮ – НОВУЮ – ИЗОБРЕТАТЬ ВЛАСТЬ, а не Богодарованную принимать; НАРОДНОСТЬ ПОРТИТСЯ, КОГДА НАРОД НЕ БОЖИИ – НЕБЕСНЫЕ, А СВОИ ЗЕМНЫЕ НАЧИНАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРЕСЛЕДОВАТЬ ЦЕЛИ, чуждому при том подчиняясь влиянию. Плодом сего будет – разномыслие: всякий о всем судит по-своему, – самовластие: всякий сам себе царь; и, естественно, после того, как у всякого стал свой ум – царь в голове, – разъединение и врозь устремление сил: всякий о себе, и никто о других. – Когда войдет все сие в жизнь и начнет быть преобладающим явлением, тогда начнется РАЗЛОЖЕНИЕ, РАССТРОЙСТВО И УНИЧИЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕЛА».

***

Также уместным будет привести высказывания о самодержавной царской власти одного из самых вдохновенных русских проповедников и апологетов XIX века – Архиепископа Харьковского и Ахтырского Амвросия (Ключарёва).

В слове в день восшествия на всероссийский престол Благочестивейшего Государя Императора Александра II, Владыка, толкуя Господни слова из книги пророка Иезекииля (34, 23), обращает их лицу Самодержавного Царя:

«В избранном мною месте из книги пророка Иезекииля, Господь Вседержитель рек: *Возставлю пастыря овцам единаго*. Итак, для благоденствия человеческих обществ нужно, чтобы верховная власть принадлежала одному, кого Бог поставляет главою государства. Далее сказано: *возставлю раба Моего Давида*. Новое условие для благоденствия, т. е. чтобы избранный и превознесенный от Бога царь был верным Его рабом. Затем следуют слова: *той упасет я и успокоит и будет им пастырь*. Посему благополучие государства требует, чтобы подданные были верны и послушны Государю, как доброму своему пастырю.

Три необходимые условия, из коих каждое заслуживает особенное внимание: БЛАГОДЕНСТВИЕ ОБЩЕСТВА ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ ПРИНАДЛЕЖАЛА ОДНОМУ ЛИЦУ. Ибо что есть государство? Ужели это случайное сцепление разнородных племен и обществ? Если так думали мудрецы языческие, – не удивляйтесь. Когда Бог не пошлет своего света, откуда возьмет его земная мудрость? Но когда вера столь ясно и громко проповедует всем и каждому: *Един Вышний владеет царством человеческим и ему же восхощет, даст е: по воли своей творит в силе небесней и в селении земнем* (Дан. 4, 14, 32); как мы должны смотреть на царства земные? Это области единого всеобъемлющего царства Божия. Государь есть как бы наместник Царя царей. Сколько бы ни мала была капля воды, в ней может отражаться целое солнце. Самое обширнейшее земное государство не больше капли в сравнении с беспредельным царством Божиим; но в нем должен отражаться порядок царства вышнего, в коем все действует по закону единой воли единого Царя Ангелов и человеков. Чтобы земное носило образ небесного, Всевышний *восставляет пастыря овцам единого*.

ГОСУДАРСТВО ЕСТЬ ВЕЛИКОЕ СЕМЕЙСТВО, которое, так же как и семейства малые, обыкновенные, тогда только может наслаждаться покоем и счастьем, когда воля единого отца составляет непреложный закон для каждого члена семейства. *Всякое царство, разделъшееся на ся, запустеет, как и всякий дом, разделивыйся на ся, не станет* (Мат. 12, 25).

ГОСУДАРСТВО ЕСТЬ ОГРОМНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЛО, в котором, как и в теле одного человека, тогда только может быть порядок и согласие, когда все силы, все члены действуют по манию единой души. И в этом согласном действовании по закону единого, столько же ненарушима истинная свобода каждого, как в обыкновенном теле человека глаз свободно смотрит, ухо свободно слушает, и все чувства н члены исполняют свое назначение по воле и закону души. Что было бы, если бы все сии разнородные силы захотели

действовать независимо, по своему произволу, заменяя одна другую? История готова показать, ЧТО БЫЛО БЫ; но, ради светлого торжества, я не намерен выставлять мрачные картины. Благословенная и Христолюбивая Россия понимает и чувствует благо, какое Господь посылает ей, *восставляя пастыря овцам единого*, самодержавного.

ВТОРОЕ ОСНОВАНИЕ БЛАГОДЕНСТВИЯ ГОСУДАРСТВ ЕСТЬ ВЕРНОСТЬ ГОСУДАРЯ БОГУ: *Восставлю раба Моего Давида.* Силы человеческие, сколь бы они сами по себе ни были велики, для Государя малы. Но каких благ не силен доставить своим подданным Монарх, душею и сердцем преданный Всесильному! *Той созиждет дом имени Моему*, – глаголет Господь царю израильскому, – *и управлю престол его до века. Аз буду ему во отца, и той будет Мне в сына. И верен будет дом ею, и царство его до века предо Мною: и престол его будет исправлен во век* (2 Цар. 7, 13. 14. 16). Вседействующая благодать Божия соприсутствует верному рабу своему на суде, и научает судити людем в правде, посылает твердость в исполнении великих предприятий и мужество к преодолению препятствий, прозорливость в избрании мудрых и деятельных исполнителей воли его, ограждает невидимым щитом от зависти и злобы врагов, подкрепляет силы в годину искушений, утешает, ободряет во дни печали. *Аз с тобою!* глаголет душе его Утешитель Всесильный. *Се постыдятся и посрамятся еси сопротивляющийся тебе; будут бо яко не сущий, и погибнут еси соперницы твои* (Ис. 41, 11). *И аще преходиши сквозе воду, с тобою есмь, и реки не покрыют тебе: и аще сквозе огнь пройдеши, не сожжетися и пламень не опалит тебе* (43, 2). Какого блага не силен доставить подданным царь, верный Богу и любимый Богом! Он не только созидает земное благоденствие подданных, но и уготовляет их к наследию царствия небесного. Ибо пример благочестия его влечет за собою всех. *Не посрамит* Господь *упования* нашего, доблестные и Христолюбивые россияне! Вы знаете благость души и любовь к отечеству Державного Отца нашего. Единый во всем мире Царь православный – верный Богу и от единого Бога ожидающий мплостп и помощи для себя и народа, – *Той упасет нас и упокоит*.

ТРЕТЬЕ ОСНОВАНИЕ БЛАГОДЕНСТВИЯ ЦАРСТВ ЕСТЬ ВЕРНОСТЬ ПОДДАННЫХ К ГОСУДАРЮ. *Той будет вам Пастырь*, – рек Седящий на престоле славы, возводя на всероссийский престол возлюбленного раба Своего Александра Николаевича. *Овцы глас своего пастыря слышат, и по нем идут, яко ведят глас его: по чуждем же не идут, но бежат от него, яко не знают чуждого гласа* (Иоан. 10, 3. 4. 5). Воля Государя для подданных священна. Сам Вседержитель, устами Апостола, заповедует: *царя чтите* (1 Петр. 2, 17). Все

законы и постановления Верховной власти столько неприкосновенны, что *противляяйся власти Божию повелению противляется* (Рим. 13, 2). Посему верный Богу не может не быть верным Престолу: н напротив, в том нет и быть не может ни чувства истинной чести, ни достойной славы доблести, кто забыл и не чувствует, что вера н верность должны быть душею души его!

ПРАВОСЛАВНАЯ РОССИЯ НЕ ОТДЕЛЯЕТ ЦЕРКВИ ОТ ОБЩЕСТВА ГРАЖДАНСКОГО. И в делах духовных, и в исполнении обязанностей общественных, и в кругу семейном единая православная вера служит светильником стезям нашим. С любовию и покорностию мы слушаем слово Царево; ибо знаем – н как нам не знать? – голос доброго своего Пастыря. Овцы глас его слышат *и по нем идут*. Каждый из нас, зная волю Цареву, обязан, со всяким тщанием, исполнять ее, как требует священный долг, и как учит Евангельское слово. С полною доверенностью к любви п попечению доброго Пастыря, каждый должен следовать Его мановению, быть готовым доказать свою верность, не щадя ни трудов, ни достояния, ни самой жизни. *По чуждему* призыву овцы *не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа*. Не без намерения Спаситель сказал, что овцы не только не идут на чужой голос, но *бежат от него*, как опасного и вредного для их спокойствия.

Да отвратится слух наш от коварной клеветы и тлетворной лести, с каковою зависть к славе и могуществу любезного отечества нашего старается навести на нас от чуждых стран ДУХ НЕПОКОРСТВА, и самые благотворные действия правительства представить, в очах людей не дальновидных, вредными для их благосостояния! Это ли просвещение, которым столько надмеваются чуждые мудрецы, стараясь уловлять в сети свои неосторожных? Кто не узнает в нем *духа лестча*, который обещает всем: *отверзутся очи ваши*, будете счастливы и славны, *ведуще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5)? Пусть мечтатели у себя созидают здания, коими .льстятъ им сония. Дорого стоят их жалкие опыты. Много прольется слез, доколе они не восчувствуют, что аще не Господь созиждет дом, всуе труждаются зиждущие. У нас своя пажить, – и пажить для нас добрая. Державный Пастырь бдит над нами. Мы знаем глас Его: п*о чуждем же не идем, но бежим от него, яко не знаем чуждаго гласа*. Все желания великой русской семьи сливаются в едином молитвенном желании: ДА ЖИВЕТ ЦАРЬ – БОГОИЗБРАННЫЙ Отец отечества нашего, для славы святой Христовой Церкви, для блага вверенного Ему народа! Аминь»[1].

[1] *Слово в день восшествия на всероссийский престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича*. Спб. 1874. С. 4-8.

В слове в день восшествия на престол Императора Александра III (1885 г.), Владыка Амвросий так поучал о превосходительстве этой формы правления над другими: «*Не оправдай себе пред Богом и пред Царем не мудрися* (Сир. 7, 5). В этом кратком изречении, со свойственною Библии простотой, выражены две великие истины. Первая: пред Богом не умаляй своей виновности, не извиняй сам себя и не оправдывайся во грехах своих; как всеведущий, Он Сам все видел и видит, и знает тебя и дела твои лучше тебя самого. Вторая: ПРЕД ЦАРЕМ, КАК НОСИТЕЛЕМ БОЖЕСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИСПОЛНИТЕЛЕМ ВЕЛЕНИЙ БОЖИЕЙ ПРАВДЫ, – не мудрствуй, не хитри; от исполнения повелений Его не уклоняйся под какими-либо предлогами; определения правосудия принимай с покорностью, как подобает виновному, не представляя в ложном свете своего дела и не извращая смысла закона. ВЛАСТЬ БОЖИЯ И ВЛАСТЬ ЦАРСКАЯ ЕСТЬ ПО СУЩЕСТВУ СВОЕМУ ОДНА И ТА ЖЕ ВЛАСТЬ, содержащая в законном порядке жизнь всего мира и рода человеческого; правда Божия и правда царская есть одна и та же правда, преследующая уклонения от законов и правильного течения жизни. Стой пред этою властью и правдою с благоговением, покорностью, внутреннею прямотой и честностью. (...) *Мудрить перед Царем*, или вообще судить так и иначе о различных родах власти, ее правах, пределах, способах проявления, неудобствах и недостатках, – это не просто черта или особенность, а это болезнь нашего времени. Кто ныне не почитает себя в праве судить и говорить обо всем этом, тогда как в прежние времена всякие подобные речи почитались для частного человека непозволительными? Откуда же мы взяли себе это право? В успехах просвещения. Мысль, что мы превосходим все прошедшие века образованием, надмевает нас; она соблазняет нас приравнивать себя ко всем людям власть имеющим, и даже ставить себя выше их, судить и порицать их. Мы думаем, что сами все знаем, все можем, не нуждаемся ни в каком руководстве и присмотре; что власть была нужна только во времена невежества, но ныне не только образованные личности, но и целые просвещенные народы могут и должны обходиться без единой верховной власти и управляться сами собою. Так ли это? В учении православной Церкви мы находим основания для иного убеждения, – именно, что ЕДИНАЯ, ТВЕРДАЯ, БЕССПОРНАЯ, ОДНИМ СЛОВОМ – САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ НИКОГДА НЕ БЫЛА ТАК НУЖНА, КАК В НАШЕ, ТАК НАЗЫВАЕМОЕ, ПРОСВЕЩЕННОЕ ВРЕМЯ. (...) Как мы счастливы, что нам не нужно ни думать, ни колебаться, ни затрудняться в решении этого великого вопроса, что у нас есть ПРИРОДНЫЙ, БОГОМ ВЕНЧАННЫЙ САМОДЕРЖАВНЫЙ ЦАРЬ, БЛАГОДАТЬЮ ПОМАЗАНИЯ УМУДРЯЕМЫЙ

И УТВЕРЖДАЮЩИЙСЯ НА ЛЮБВИ И МОЛИТВАХ ХРИСТИАНСКОГО НАРОДА! Возложим на Него наши надежды относительно возвращения всех умственных и нравственных сил нашего отечества на прямой путь ХРИСТИАНСКОГО ЗДРАВОМЫСЛИЯ. (...) К кому же православная Церковь может обращаться с мольбою о спасении и защите простых христианских душ от этой умственной и нравственной заразы, как не к своему ДЕРЖАВНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ И ЗАЩИТНИКУ?».

За три с лишним десятилетия Владыка Амвросий предвидел и прямо предсказал национальную катастрофу, которая постигла Россию в 1917-м году:

«Подводя под один общий взгляд течение современной жизни, нуждающееся в направлении верховной власти, мы видим, что ложные учения объявляют притязания на преобразования человеческой жизни по новым системам вопреки вере и учению Христову, что ниспровержение начал христианской нравственности, с извращением настоящего значения преступлений, есть уничтожение спасительных, Богом поставленных преград вторжению зла в жизнь человеческую, а введение безнравственных обычаев есть уже *сама жизнь*, извращенная и движущаяся по ложным путям. Если, повторим сказанное прежде, в древних христианских обычаях нашего народа были воплощаемы вера, благочестие, духовный подвиг, воздержание, целомудрие, честность, послушание властям: то в обычаях новых, вводимых, так называемыми, просвещенными людьми, очевидно, воплощаются безверие, чувственность, бесстрашие по отношению к закону нравственному и совести и ничем неудерживаемое своеволие, соединяемое с порицанием и отрицанием властей. Можно не только уследить, но и определить, когда наступит час решительного нравственного разложения, а затем и падения нашего великого народа. Это будет, когда в народе число людей, отвлеченных ложным просвещением от христианских обычаев к новым языческим, перевесит и задавит число добрых христиан, остающихся им верными. Тогда, по слову Спасителя, *отымется от нас царство Божие и дастся народу, творящему плоды его* (Матф. 21, 43)»[1].

Через два года, в слове сказанном также в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора, Владыка Амвросий затронул тему верноподданного долга: «С великою заботливостью святые Апостолы, особенно Петр и Павел, изъясняли едва зарождающемуся христианскому обществу его отношения и обязанности к царям и правителям.

[1] *Полное собрание проповедей Высокопреосвященнейшего Архиепископа Амвросия, бывшего Харьковского, с приложениями.* Том III. Харьков 1902.

Устрояя Церковь, как царство Божие на земле, они давали понять, что и царство земное есть Божие установление, и что духовное царство христиан может преуспевать и процветать только при соглашении своих целей и своей деятельности с благими целями и не противными христианской совести законами царств человеческих. Они конечно предвидели, что НАСТАНЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ЦЕРКОВЬ БУДЕТ ИМЕТЬ В ЧИСЛЕ СВОИХ ЧЛЕНОВ ЦАРЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ, И ЧТО ТОГДА ИСПОЛНЕНИЕ ВЕРНОПОДДАНИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, трудное по отношению ко властям языческим, БУДЕТ ДЛЯ ХРИСТИАН ЛЕГКО И РАДОСТНО, так как дух и сила заповедей Христовых проникнут в законы гражданские и установления государственные. Мы, по воле Промысла Божия, и живем именно в такое время. ДЛЯ НАС, РУССКИХ, И ДЛЯ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА ОСОБЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ТО, ЧТО МЫ ВИДИМ В ЭТИХ НАСТАВЛЕНИЯХ АПОСТОЛЬСКИХ КАК БЫ ЗАРАНЕЕ ПРЕДНАЧЕРТАННЫЙ ПЛАН И ОБРАЗ НАШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, КАК БУДТО К НАМ ОНИ ОТНОСЯТСЯ БЛИЖЕ, ЧЕМ К ДРУГИМ ХРИСТИАНСКИМ НАРОДАМ. Нам, служителям отечественной Церкви, при изъяснении этих наставлений нет надобности, как проповедникам других христианских исповеданий, заменять одни слова Апостолов другими – для соглашения их с существующими государственными учреждениями, делать применения, сближения, искусственные разъяснения и т. под. Сейчас вы видите в словах Апостола Петра, нами приведенных, весь строй нашего государства: „будьте, говорит он, покорны всякому человеческому начальству для Господа: Царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от Него посылаемым для наказания преступников и поощрения делающих добро“. Власть земная и отношения к ней освящаются и утверждаются именем Господа. ВО ГЛАВЕ ЦАРСТВА УКАЗУЕТСЯ САМОДЕРЖАВНЫЙ ЦАРЬ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ В ЛИЦЕ СВОЕМ БОГОДАРОВАННУЮ ВСЕПОКОРЯЮЩУЮ ВЛАСТЬ НАРОДОПРАВЛЕНИЯ. Правители единственно от Него заимствуют власть и полномочия. Они посылаются не для соблюдения только внешнего порядка, а с нравственными правами для наказания преступников и поощрения делающих добро. И так, мы имеем у себя, несомненно, богоугодный образ правления. Не он ли воспитал в нашем народе те гражданские и военные доблести, о которых свидетельствует история? Не он ли укрепил, возрастил и расширил наше великое царство? Взирая на эту верность нашего государственного устройства слову Божию с утешением, мы должны принять с послушанием и наставления апостольские относительно нашего верноподданнического долга и обязанностей.

Для того, чтоб исполнять свои верноподданнические обязанности, необходимо правильное понимание сути самой власти: «ВЛАСТЬ, ПО РАЗУМУ АПОСТОЛЬСКОМУ, ЕСТЬ БОГОДАРОВАННОЕ, СОПРОВОЖДАЕМОЕ СИЛОЮ, ПРАВО ЗАЩИЩАТЬ, ВОЗБУЖДАТЬ И ПРИВОДИТЬ К ПОРЯДКУ И БЛАГОУСТРОЙСТВУ ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЧАСТНЫХ ЛИЦ, ТАК И ЦЕЛЫХ ОБЩЕСТВ И НАРОДОВ. ВЕРХОВНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ ЭТОГО БОГОДАРОВАННАГО ПРАВА И СИЛЫ, ПО СЛОВУ БОЖИЮ, ЕСТЬ САМОДЕРЖАВНЫЙ ЦАРЬ. Он недосягаемо возвышается над всем, что мы видим в государстве с правами власти и правления. Начиная от ступеней трона, от высших сановников и до последнего исполнителя начальственных распоряжений все от него получают власть и право в меру своего служения и обязанностей. Один Царь никому, кроме Господа и своей совести, не подсуден; нет ничего, кроме воли Божией, для него обязательного: никто не смеет спрашивать у него отчета. Он всем повелевает, от всех требует повиновения, всех судит, наказывает и награждает, казнит и милует. Итак все, что есть в государстве властного, высокого, почетного, блестящего в смысле власти, величия и чести, – все подчинено, подсудно и ответственно лично в своей совести перед Богом, а в общественной деятельности перед одним Царем. Итак, ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКИЙ ДОЛГ, выражаемый нами в нашей присяге, даваемой перед Богом, на верность Царю, лежит на всех подданных от высших чинов и властей до низших, и обнимает собою весь народ, властью и силою Царя ограждаемый и управляемый».

Владыка Амвросий в конце слова напоминает объединяющую силу Самодержавного Царя: «Была разбита древняя Русь на уделы и обливаема кровью своих сынов в междоусобиях. МЫ ЧТИМ ЦАРЕЙ МОСКОВСКИХ – СОБИРАТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. Настало новое время искания просвещения, и мы снова разбились на уделы нравственные и начали междоусобия мыслей, воззрений и убеждений, и много растратили умственных и нравственных сил не только без пользы, но и со вредом для отечества. Теперь Господь даровал нам ИМПЕРАТОРА – СОБИРАТЕЛЯ РУССКИХ УМОВ, СЕРДЕЦ, УБЕЖДЕНИЙ И ВСЕХ НРАВСТВЕННЫХ СИЛ В ОДИН ЦЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА. Да поможет Ему Господь в этом великом делании, превосходящем всякие иные подвиги, наполняющие мир славою царей»[1].

[1] *Слово преосвященного Амвросия, архиепископа Харьковского, в день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Александра Александровича*. Харьков, 1887.

***

Одним из прекрасных доказательств отношения дореволюционных Архиереев к Государям была личность церковно-общественный деятеля, миссионера, богослова и духовного писателя Высокопреосвященнейшего Митрополита Киевского Платона (Городецкого) († 1891). По усиленной Его просьбе Иван Палимпсестов изложил беседу и видения Императора Николая Павловича, о котором рассказал ему Митрополит Платон, и которое завещал передать во всеобщую известность. Вот что читаем в изложении бывшей между ними беседы:

«Но, кажется (да так я и от других слышал), что любимым предметом бесед митр. Платона, был Николай Павлович. "Видели ли вы, – спросил он меня, – императора Николая I?" – "К величайшему моему сожалению, – отвечал я, – не имел счастья видеть". – "О, – сказал Платон, – из Сибири пешком приходили, чтобы взглянуть на этого воистину величественного царя широкого Русского царства; он и в заграничных краях возбуждал к себе не только удивление, но и невольное поклонение: и не раз говорили там, что если бы наш величественный владыка стал в простой одежде среди многотысячной народной массы, то всякий, не знавший его, сказал бы: это государь какого-нибудь могущественного царства. Бывши Рижским епископом, я имел счастье не один раз сидеть у него в кабинете и вести беседу с ним с глазу на глаз, и не мог не убедиться, что у этого царя воистину была царская душа, во всем ее царственном величии, свете, силе и красоте. По своему положению я не мог следить за проявлениями его самодержавной воли, исполненной великодушных благожеланий своему народу, и пусть осудят меня современные мыслители или глашатаи, но я умру с убеждением, что это был во всех отношениях величайший из царей всех царств и народов.

Я Николая I ставлю выше Петра I. Для него неизмеримо дороже были Православная вера и священные заветы нашей истории, чем для Петра. Николай не приговорил бы к смертной казни святителя Митрофана за осуждение языческой обстановки на Воронежской верфи (грех, который впоследствии Петр Великий оплакал, вынося гроб праведного служителя Православной Церкви). Великий и гениальный преобразователь России рубил на древе жизни Русского народа не одни посохшие сучки или негодные поросли, но подчас и самые здоровые и сильные ветви; не только рубил, но и хотел всецело напитать это росшее целые века дерево чужими соками. Правда, сам он не успел этого сделать; но именно он положил тому начало, так что впоследствии эти чужие соки проникли в самую сердцевину нашего народного

дерева и сделались вредоносны. Император Николай Павлович всем сердцем был предан всему чистокровному Русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основании Русского народа и царства – Православной вере. То был истинно православный, глубоко верующий русский царь, и едва ли наша история может указать другого подобного ему в этом отношении. Припомните последние часы его жизни: так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви; он почил, держа в руке крест Христов – символ нашего спасения. Многие ли так умирают из нашей монашествующей братии? С таким ли бесстрашием встречаем смерть мы, отрекшиеся от мира и поставившие задачею отшельнической жизни встречу со смертию, как с переходом в иную, лучшую жизнь?

Некоторые говорят, что Николай Павлович на свое многолетнее величавое царствование положил пятно Венгерскою войною. Да, не вступись он за Австрийскую монархию, – и это многосоставное и разнородное государство распалось бы, для нас открылся бы путь к Царьграду, и нет сомнения, не было бы Крымской войны. Австрия удивила мир своею неблагодарностью, воистину самою черною, едва ли не беспримерною во всей истории человечества. Все это так; но что было побуждением повести войну против мятежной Венгрии? Слава Русского оружия? Слава мощного Русского царя? Мзда какая-нибудь? Нет и нет, а одно – верность обетам Священного Союза, истинно рыцарская честь. А если так, то можно ли набрасывать тень на такого рыцаря чести, каким был всегда и всюду незабвенный наш император Николай Павлович? Честь – самое высокое проявление души человеческой; без нее нет добродетели, нет правды, одна ложь, которой отец есть дьявол. Но если таковы достоинства чести, то кто же должен служить образцом или примером ее, как не стоящие во главе народов? Некоторые из мыслителей совершенно справедливо называют современную политику блудницей, для которой нет чести, нет памяти о сделанном добре. Наш незабвенный царь-христианин был чужд этой гнусной политики-блудницы, с которою так открыто для всего мира любодействовали и Австрия, и Пруссия, и Англия, и другие державы. Да, у нашего царя Николая I была самая прямая, честная душа.

Но чего ни стали говорить, когда он перешел от нас в иной мир (верую, в обители Отца Небесного)? Николая Павловича называли врагом науки и просвещения. Это извет, заслуживающий только одно отвращение. Не любил он шарлатанства науки, красненьких глашатаев во имя науки; но глубоко и искренно уважал истинных жрецов ее, помогал и давал им ход и не жалел для науки государственной казны. На все это мы имеем самые неоспоримые свидетельства. Кто возвел в графское достоинство бывшего поповича? Но не

только к наукам, а ко всему благородному и изящному с теплою любовью отзывалось нежное сердце покойного государя. Не ласкал ли он отечески Пушкина, Жуковского, Гоголя и им подобных? Говорят, что Гоголю он послал том ассигнаций, равный тому его "Мертвых душ". Брюллов, Каратыгин, Мартынов, Самойлов и все выдающиеся деятели в области искусств разве не пользовались особыми ласками этого добрейшего, истинно всемилостивейшего монарха?

Наши поклонники необузданной свободы ставят ему в укор: почему он не уничтожил крепостного состояния? Всем известно, что он желал это сделать, желал от всей полноты души; но опасался, как бы дорогой ему Русский темный народ не поработить грубому произволу, кабаку, кулакам, взяточникам и мироедам. Аще слепец слепца поведет, оба в яму упадут. Наших дворян мы не можем не считать за людей зрячих, шедших во главе Русского народа, хотя (но это в скобках) нельзя не признать, что немалое число из них отуманилось веянием легких ветров с Запада и стало холодно относиться к первой нашей народной силе – к Православной Церкви. Нет, мы еще не оценили этой воистину великой и величественной души, для которой все счастье состояло в счастии Русского народа. Знаете ли, как я безгранично был предан государю Николаю Павловичу? Вот как. Выходя из кабинета этого земного для меня бога, если бы я услышал его голос: бросься ради меня из окна, – ей! перекрестясь, бросился бы. И сколько я пролил горьких слез, когда не стало его! И было ли хотя одно воспоминание о нем, которое не вызвало бы у меня слез? Такая моя печаль прекратилась только после одного видения, о котором вам и поведаю; но сделаю некое вступление.

В первый раз вижу вас и беседую с вами, хотя уже и не один час; но я не знаю ваших верований и убеждений. "Не вем, коего духа есте". Верите ли вы в явления ангелов и наших братьев по плоти, отошедших от нас в загробный мир? На этот вопрос я отвечал: "Я верю во все, что исповедует наша святая Православная Церковь, а она исповедует то, что передано ей откровением или Словом Божиим; но я знаю очень хорошо, что в настоящее время наши легкомысленные передовики не только не верят в явления из загробного мира, а даже смеются над подобными верованиями". "Совершенно верно вы говорите, – заметил мне Платон. – Не знаю, поверите ли вы моему рассказу; но не забывайте: я старик и, хотя и недостойный, но служитель алтаря Господня, и мне нет никакой надобности говорить ложь или вымысел. Дело было, когда я епископствовал на Дону, именно в конце сорокоуста по скончавшемся государе Николае Павловиче. Сижу я у себя, время было около полунощных часов под воскресенье, сижу и читаю очередную проповедь одного

священника, в которую и было погружено все мое мышление... Стало быть, воображение бездействовало и ни к чему меня не приготовляло. В правую сторону от моего стола находилась дверь в приемную, и она, по обыкновению, была настежь отворена. Я ведь жил всегда, как говорится, нараспашку; да и вообще скажу, мы, нынешние отшельники, далеко не похожи на наших прежних братии: моление не составляет принадлежности нашей аскетической жизни; мы забываем ап. Иакова, который в языке человека видел самое большое зло. Но это в сторону. Сижу я, с углублением читаю проповедь, кое-что мараю в ней и вдруг чувствую, что меня что-то ударило в правый бок, ударило слегка, как будто детским резиновым мячиком, брошенным из растворенной двери. Я не мог не взглянуть в эту сторону, взглянул, и что же представилось глазам моим? В дверях стоит во всем своем царском величии, немного склонясь в сторону, государь император Николай Павлович, устремляя на меня свой орлиный взор. И это не было какое-нибудь туманное, призрачное явление; нет, я вижу незабвенного моего царя, как живого, и в нем все, до мельчайших подробностей, являлось мне в осязаемых очертаниях. Мог ли я не прийти в трепетное смущение? Смотрю на явившегося возлюбленнейшего моего царя, и он проницательно, величественно и вместе с тем добродушно смотрит на меня. И это было не на мгновение. Невольно возник в душе вопрос: встать ли мне и поклониться? Но как кланяться привидению? А с другой стороны, как не поклониться царю, земному богу? Привстаю, и в эти секунды ясный, дивный образ великого из царей земных стал мало-помалу переходить в туманный призрак, стал исчезать, не двигаясь с места, и исчез предо мною; но я не заплакал, и вот с той-то минуты реже стали падать из глаз моих слезы при воспоминании о незабвенном царе Русского царства. Что же вы скажете о моем видении? Заподозривать меня в вымысле или лжи вы не имеете ни малейшего основания, видя во мне старика и притом архиерея, правда, подчас чрез меру словоохотливого, но лжецом я никогда не был. Однако, что же это было за видение? Галлюцинация, плод воображения, расстройство нервной системы? Пожалуй, и явление Христа апостолам наши ветрогонные мыслители объясняют галлюцинацией, хотя они и не могут доказать, чтобы галлюцинация вдруг овладела 11-ю лицами или пятьюстами братии, которым явился Христос по Воскресении. Знаете ли, что здесь необъяснимо для меня: достоин ли я был того, чтобы величайший из царей земных посетил из загробного мира мое старческое убожество? Почему он не

являлся достойнейшему меня? Но, с другой стороны, не тем ли подобные личности и велики, что они "не зрят на человеки"?»[1].

***

Священномученик Андроник (Никольский) в своем очерке «Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или Основания и смысл Царского Самодержавия» (Старая Русса, 1909), так писал о Царском Самодержавии в России, как «созданно в истории самим народом и покоившиеся на полном единении Царя с народом, постоянным выражением которого были земские соборы, созывавшиеся Царем по обычаю на совет с землей, на выслушание ее воли. Это и была наша неписаная конституция, по которой ни Царь без народа, ни народ без Царя: от земли – совет и воля, а от Царя – решение и власть. Стоя выше временных или случайных течений и увлечений, а равно с высоты царского престола созерцая положение своей страны и соседних народов, Царь, выслушавши голос земли, решал так, как он находил то лучше, отвечая за Царство и перед Богом, и перед народом в истории. И продолжать бы нам эту нашу конституцию, проводить бы ее глубже в жизнь, свято охраняя исторически созданное и выношенное народом Царское Самодержавие. Смело можно сказать, что это была бы самая лучшая в свете система управления и самая прочная, как основанная на нравственном, жизненном и потому самом прочном союзе между Царем и его народом; при таком только союзе и нет места розни, вражде и недоверию между Царем и народом, ибо оба стоят у одного и того же дела по взаимному, бытом утвержденному, не записанному, но перед Богом и царскою, и народною совестью священному договору. И к нам бы пришли другие народы учиться у нас, как примирить народы с властью, вечно борющиеся между собою за господствование одного над другим» (Глава V).

Будущий Священенномученик отличие Царского Самодержавие видит в том, что оно «самим народом выработанное и созданное Самодержавие родного русского Царя, Отца своей земли и народа. И как бы самые злые наши враги или идущие на поводу у них слепые маньяки ни ухищрялись поколебать, высмеять, принизить или даже разрушить дорогое нам наше родное Царское Самодержавие, его не истребить, не вырвать им из души народной, ибо оно записано не на скрижалях каменных, а на скрижалях народной совести, в сердце всякого действительно русского человека. Еще, пожалуй, на время можно обмануть народ какой-либо подтасовкой; но это удастся лишь на самое короткое время, как показала история всей нашей двухдневной не народной

[1] «*Русский Архив*». 1893. № 4. С. 435-439.

разбойной и обманной революции. Особенно теперь, при возбужденности просыпающегося действительного объединения народа, все покушающиеся лично на нашего родного Царя пусть помнят, что, во-первых, им не умертвить самого Царского Самодержавия – мы его скоро, хотя и не без крови (которой особенно так очевидно и жаждут для русской земли все заговорщики против Царя), возродим и воссоздадим, ибо без Царя мы, Россияне, жить не можем, а во-вторых, уже и теперь достаточно собравшийся народ в случае, – да минет нас чаша сего попущения Божия, – исполнения кровавого и коварного замысла заговорщиков в клочья растерзает всех этих, именующих себя освободителями, без различия партий, чтобы с корнем очистилась русская земля от этой гнили, которая завелась на нашем народном теле и хочет загноить и растлить все тело. Это была бы уже наша настоящая народная война за Царя, за возрождение и очищение его Царского Самодержавия, захваченного, загрязненного и обворованного хищными, святотатственными и грязными бесцеремонными руками. Сего народного гнева бойтесь и революционеры по призванию своему, и революционеры-сотрудники разные. Без кровавого упорного боя не отдаст русский народ своего Царя, как усиленными стараниями не могли заменить для народа Царя Императором. В самом деле, более двухсот лет всячески даже за богослужением ежедневно до двух десятков раз поминают Государя, называя Его Императором, а народ Его все-таки называет Царем, каким именем до титула "Император" Он назывался лишь со времени Грозного всего полтора столетия. Очевидно, это слово "Царь", дорогое, милое для народа слово, при одном произнесении которого сердце исполняется самою нежною любовью к родному Царю-Батюшке, а глаза увлажняются от сердечной мягкости; тогда как слово "Император" как было, так и осталось чужим, как его ни вводят в народное сознание даже частым произнесением за богослужением». (Глава VI).

Епископ Серпуховской Арсений (Жадановский) сравнивал царскую власть и положение монарха в государстве с местом отца в православной семье. Он писал, что в семье, где есть живой добродетельный отец, всегда достаток, порядок и благочестие. Потеря отца приводит к неустройству. Так же и в государстве отказ от монархии означает разруху в стране, а поскольку наличие нескольких отцов в семье невозможно, неестественно и коллегиальное управление государством. Расстрелянный в 1937 г. епископ писал: «Господь дал русскому человеку Самодержавного Царя. Как не может быть в семье двух отцов, так и в большой семье – государстве должен быть один отец. Как уважение к отцу, доверие и любовь к нему являются ручательством за мир и порядок в семье, так и в государстве – преданность

Престолу хранит само государство. Для нас, русских, в особенности нужен Самодержавный Царь. У русских множество врагов Веры и Отечества. Кто же нас, православных людей, поддержит, кто защитит, кто постоит за наши исконные права веры и национальности, как не русский православный Царь»[1].

***

1/13 марта 1881 года был для России большим потрясением. Безбожниками был убить Царь Александр II Освободитель, всего за 38 лет перед мученической кончиной последнего Царя из Династии Романовых – Николая II Самопожертвователя. России было дано предупреждение, которого Она тогда не поняла… Но Святители Российские не молчали тогда, а возносили свои горячие воззвания к Русскому Народу, с призывом к Всенародному покаянию. Среди них был Преосв. Иеремия (Соловьёв) Затворник, б. Нижегородский и Арзамасский, которого потомки справедливо назвали Новым Иеремией. В слове о воспоминании страстей Христовых, сказанном в церкви Киево-Братского монастыря в пяток 2- й седмицы Великого Поста, Преосв. Иеремия, памятуя о недавней мученической кончине «царя-мученика, монарха-страстотерпца» Александра II Освободителя, так обращается к народу: «Русский народ, твой бывший царь уже не в царской порфире, не в царской короне, а в мученическом венце, не в сей уже земной юдоли, а с горних высот взирает на тебя и вопрошает тебя: что воздал ты ему за все благие его попечения о тебе, за дарование 26 милионам твоих чад свободы, за предоставлкение тебе права суда, основанного на совести твоих граждан, за призвание миллионов твоих детей к образованию, за распространение равноправия в общественной службе на всех твоих сынов? Чем отплатил ты ему все эти благодеяния, тебе им оказанные? Обозревая твое прошедшее, он не узнает тебя: ты ли тот самый народ, который из среды себя поставил Мининых для защиты и спасения престола твоих законных царей и низложения крамолы, возникавшей среди тебя? Ты ли тот самый народ, который по зову и мановению твоих монархов объединился в одно могучее тело, одушевляемое одним великим духом любви и преданности царскому престолу?»[2].

Из Архиереев дореволюционного поставления выделяется личность Высокопреосвященнейшего Архиепископа Харьковского и Ахтырского Антония (Храповицкого), будущего Первого Первоиерерарха Русской

---

[1] *Свете тихий. Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского)*: В 3-х т. Т. 1. М. 1996. С. 79-80.

[2] «*Православная жизнь*». 1988. №6 (июнь). С. 13.

Православной Церкви Заграницей. Его монархистические убеждения являются настолько очевидными, что какое-нибудь подозрение Его в симпатии к республиканству надо считать за одну ложь.

Об императоре Александре III митр. Антоний писал: «Это царское правление было поистине царским служением, этот венец – крестным бременем... Не искал он в деяниях своих ни блеска, ни похвал, но только общей пользы, самой сущей правды, а наипаче милости к бедным, к малым по возрасту и, наконец, к служителям веры, которую усопший справедливо считал высшей истиною и главным оплотом государственного процветания»[1].

Единственной причиной для удаления архиепископа Антония из Харькова являлась Его верность Царю Николаю II. В неделю Крестопоклонную 5 марта 1917 года он служил в Харькове в Успенском соборе. В проповеди сказал: «Когда мы получили известие об отречении от Престола Благочестивейшего Императора Николая Александровича, мы приготовились, согласно Его распоряжения, поминать Благочестивейшего Императора Михаила Александровича. Но ныне и Он отрекся и повелел повиноваться временному правительству, а посему, и только посему, мы поминаем временное правительство. Иначе бы никакие силы нас не заставили прекратить поминовение Царя и Царствующего Дома»[2]. Между прочим, Государь Император Николай Александрович после своего отречения от престола через бывшего Харьковского губернатора сенатора Катеринича передал владыке Антонию свой привет. Вскоре Владыка вынужден был оставить Харьков и поселиться в Валаамском монастыре.

Доказательства свой верности Государю Николаю Александровичу Владыка Антоний не раз давал еще во время Царской России. Обращаясь к Государю непосредственно, 3-го сентября 1911 года присутствовавшего на освящении возобновленного древнего храма Златоверхо-Васильевского собора в Овруче, сооруженного впервые св. Вел. Кн. Владимиром в 997 году, Архиепископ Антоний приветствовал государя речью: «В сердце народном у тебя, Государь, нет на земле соперников, а есть они только на небе. Православный народ твой никого так на земле не любит, как своего Царя. Но он любит на небе святых Божиих угодников, тех, которые, будучи в теле, жили на земле жизнью блаженных ангелов. Какова же бывает радость народа, когда он своими глазами видит, что эти две основные привязанности не

[1] *Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого*. Нью-Йорк 1962. Т. 9. С. 244.

[2] *Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого)*. Джорданвилль, 1988. С. 57.

противопоставляются одна другой, но, напротив, совпадают, когда он, собираясь на поклонение святым угодникам, видит среди себя Государя своего, покидающего свои столицы и дворцы и поспешающего в глухой угол своей необъятной страны для поклонения православной святыне. И такие радости для народа русского не на сегодня только. В черные дни своей трудовой жизни он припомнит, что могущественный Самодержец, его Православный Государь, стремится разделить молитвенные подвиги своего народа, что и он услаждает душу свою созерцанием Божественной святыни, что ему, как и деревенскому простецу-крестоносцу, более всего дороги и любезны Божии святые, их помощь и слава»[1].

Уже будучи в эмиграции на собрании в Белграде 9/22 декабря 1929 г., устроенном редакцией «Царского Вестника» Митрополит Антоний не мог забыть о своим любимым Государе Николае Александровиче: «Наш Государь имел сердце широкое, нежное, почти женственное и в то же время неустрашимое. Он обнимал своей любовью не только русский народ, не только православных славян, но и всё человечество, и делал это не из честолюбия и не для славы, а от полноты искреннего сердца»[2].

В марте 1928 года Митрополит Антоний в своем ответе 400 офицерам засвидетельствовал свою приверженность Православной Монархии: «Дорогие русские воины. Спешу ответить на Ваш запрос (меня глубоко обрадовавший), что, если не по формальной логике, то фактически и исторически, единственная форма государственного управления, которая, хотя бы иногда, поддерживала Православную Церковь, есть форма самодержавной монархии. Борьба против монархии всегда была, и особенно теперь, борьбой против Церкви, и этою борьбою она одушевляется, хотя и принимает подчас лицемерную внешность как бы благочестия. Когда я это заявил на Заграничном Соборе православным в Карловцах в 1921 году, то мои оппоненты, то есть те члены Собора, которые заявляли, что выраженное в Соборном послании увещание ко всем православным молиться за восстановление у нас монархии есть акт «чисто политический», после моих слов (впоследствии напечатанных в актах Собора) точно в рот воды набрали и ничего не нашлись сказать за все эти последующие шесть лет. Единственный пример православной республики был на моей родине в Великом Новгороде, но и то при том условии, что президентом сей республики был обязательно местный архиепископ, хотя и не именовавшийся этим заморским словом, но

[1] «*Волынские епархиальные ведомости*». 1911. № 38 (15 сентября). С. 729-730.

[2] «*Царский Вестник*». 1929 г. №72 (16/29 декября).

первым подписывавший все государственные акты, не исключая торговых и международных, так что без его подписи и печати эти акты не имели ни законного характера, ни государственного значения. В последнее лихолетье наши офицеры, исключая немногих вроде Пушкинского Швабрина, искупили вину русского народа и свою сословную, самоотверженно обрекши себя на смертный бой с революционерами инородцами и немногими русскими предателями, и храбро умирали с призыванием Христова имени то под выстрелами, то под жестокими пытками, то в морских волнах, куда их сбрасывали разбойники, то заживо зарываемые в землю. Ваши страдания и Ваше мужественное стояние за Веру, Царя и Отечество являются залогом грядущего освобождения России. Наши политические и, увы, духовные кадеты только потому и борются против монархии, что Царь их не похвалит, как составлявших в 1917 году кадры недоброй памяти Временного Правительства и ещё летом 1916 года на общеземском Съезде постановивших сместить Государя с заменой Его одним из ближайших родственников. Об этом мне тогда же сообщил председатель Харьковской Губернской Управы, отказавшийся продолжать своё участие в таком обществе. Только террор поддерживает, да и то кое-как, минимальный порядок в красной армии, – армии, которая была у нас и сильна и исполнена одушевления только Верой Православной и Царём, своим любимым вождём. Держитесь же крепко-накрепко этого убеждения, если хотите вновь видеть русскую национальную армию. Последние три-четыре года показали, что никакие соглашения, ни объединения с республиканцами к добру не ведут. «Кое бо причастие правде беззаконию; или кое общение свету ко тьме; кое же согласие Христови с Велиаром; или кая часть верну с неверным» (II Кор. 6, 14-15). Вспоминайте из Священной Истории Ветхого Завета, как избранник Божий, судия Гедеон, отбирал себе только надёжных воинов; вспоминайте, как в Евангелии Господь, когда Его слова не понравились народу, сказал ученикам: не хотите ли и вы отойти? И как ответил Ему за всех Пётр: «Господи, куда мы пойдём? Ты имеешь глаголы жизни вечной!» Пребывайте с Господом и Его Апостолами, а вероломные иудеи и им подобные двоедушные люди России не нужны»[1].

На обвинение Российских Государей в отмене Патриаршества в России, за восстановление которого Митр. Антоний посвятил целую жизнь (и достигнув её в конце 1918 г. писал своему викарному епископу Митрофану: «Цель моей

[1] «*Церковные Ведомости*», изд. при Архиерейском Синоде РПЦЗ. 1929, №№ 13-24. С. 16-18.

жизни достигнута. У нас есть Патриарх. Теперь могу спокойно умереть»[1].), заявил: «До учреждения Петербургского Синода в 1721 году ни одна православная страна не управлялась коллегиально, а бывшие рантье Синоды бывали всегда при Патриархе или при полновластном Архиепископе, который и был высшим архипастырем данного народа согласно 34 правилу Св. Апостол, 9 правилу Антиохийского Собора и многим другим (например II, 3; IV, 28; VI, 2, и 36). Грубое нарушение этих правил и последовавшая почти одновременно с этим двухсотлетняя порабощенность Русской Православной Церкви государству не коснулось ни одного неправославного вероисповедания в России – ни католиков, для коих остался «митрополит всех римско-католических церквей в России», ни протестантов, для коих сохранили должность суперинтенданта, ни армяно-григориан с их патриархом в Эчмиадзине, ни магометан с их муфтием в Уфе, ни даже буддистов-язычников с их Хамбуламой в Восточной Сибири и с общим подчинением Далай Ламе в Лхассе вне России. Большевики уничтожили все, что было доброго при русских Государях, но сохранили то единственное недоброе, за что их наказал Господь – порабощение Церкви. Но, если церковная иерархия, хотя и нехотя, уступала свойственное ей самоуправление царю, то отчасти потому, что ОН БРАЛСЯ САМ БЫТЬ ЗАЩИТНИКОМ ЦЕРКВИ»[2].

***

Верность Государю Архиереев во время революции 1905 года.

Современник тех событий, Первенствующий Член Св. Синода, митрополит С-Петербуржский и Ладожский Антоний (Вадковский) писал:

«Тяжкое горе переживает теперь Россия. Полное уныние в сердцах наших. Не в первый раз посещают Русь святую тяжкие бедствия. Пережила она времена самозванщины, с честью и торжеством вышла из вековой борьбы со шведами и из страшных Наполеоновских войн. Но не тою Русь была тогда, какою стала теперь. В те времена она сильна была любовию к святой вере своей, непоколебима в своей преданности Царю и отечеству. А ныне что мы видим? Идет тяжкая война. Сплотиться бы всем нам надо в высоком, самоотвержения полном, патриотическом чувстве, а вместо этого в земле нашей царит внутренняя смута. Родные сыны России, под влиянием неведомых в старину пагубных учений, враждою раздирают ее материнское

[1] «*Церковные Ведомости*», изд. при Архиерейском Синоде РПЦЗ. 1923. №15-16, (1/14-15/28 августа). С. 8 (*Прибавления*).

[2] Митр. Антоний (Храповицкий). *Упразднено ли патриаршество в России?* // «*Церковные Ведомости*», изд. при Архиерейском Синоде РПЦЗ. 1925. №21-22, (1/14-15/28 ноября). С. 14-15.

сердце. ЛЮБВИ К ЦЕРКВИ НЕТ. БЛАГОГОВЕНИЕ К ВЛАСТИ ИСЧЕЗЛО. Все перевернулось вверх дном: наука брошена, святое все попрано. В недавние масляничные дни, когда наши родные герои изнемогали в неравной борьбе с врагом и умирали в кровопролитных страшных битвах, мы и при таких обстоятельствах не устыдились предаваться нашему обычному в эти дни разгулу. Со стороны даже жутко было смотреть на такое наше нравственное распутство. И за то по всей правде презренны мы стали у всех, сделались посмешищем у народов земли. Вот где настоящее горе и несчастие России. Не стало ничего священного, неприкосновенного для нас. СТРАХ БОЖИЙ УТРАТИЛИ МЫ, И ГРУБЫЙ ЭГОИЗМ СОВРЕМЕННЫХ «СВЕРХЧЕЛОВЕКОВ» ВОЗЛЮБИЛИ. Вот прошла первая неделя Святой Четыредесятницы: с ней прахом полетят для нас и наша временная сдержанность и наша короткая уцеломудренность. Загородные развлечения, театры и зрелища опять увлекут нас в вихрь распутства, удовольствий и разврата. И Церковь молит об исправлении, и братья воины стонут, умирая за нас... А нам что за дело? Вино, зрелища и разгул... Вот где наше сокровище; вот где наше сердце; вот чего мы желаем и ищем. Нам сладко, это опьяненное состояние, грубое, грязное, низкое, демонское. И нам скучно, напротив, все трезвенно-благоговейное, чистое, светлое, Божие. Правды, мира и радости о Дусе Святе мы не знаем. Они чужды сердцу нашему. Поистине приложимы к нам слова великого канона Андрея Критского: «Закон изнеможе, празднует Евангелие, писание же все в нас небрежено бысть, пророцы изнемогоша и всякое праведное слово». Язвы наши душевные умножились, а о врачевании мы не думаем (песн. 9, тропарь). Встрепенись же, Русь святая! Русь православная! Устыдись, Бога убойся. Сбрось с себя греховную грязь и нечистоту! Покайся, просветись, очистись, и Господь помилует тебя»[1].

В эти тяжелые для России времена октября 1905 г., по распоряжению Члена Св. Синода, митрополита Московского Владимира (Богоявленского) в московских храмах в воскресный день 16 октября было зачитано во время литургии поучение «Что нам делать в эти тревожные наши дни?», составленное викарным епископом Серпуховским Никоном (Рождественским). Сразу же необходимо оговориться, что священномученик митрополит Владимир (Богоявленский) никогда либерализмом не страдал. В 1905 г. активно Он поддержал усилия московского генерал-губернатора Фёдора Дубасова по борьбе с революцией.

[1] «*Прибавления к Церковным Ведомостям*», изд. при Св. Правительствующем Синоде. 1905. № 11 (12 марта). С. 451-452.

В поучении говорилось, что забастовки, причиняющие столь тяжёлые последствия, устраиваются «социал-демократами-революционерами, давно отрекшимися от Бога в делах своих». Паства призывалась отвернуться от этих подстрекателей как от «гадин ядовитых». Составленное в очень резкой форме, поучение называло организаторов забастовок «извергами рода человеческого» и призывало верующих «очнуться, проснуться» и быть готовыми «умереть за царя и за Русь». Поучение оканчивалось призывом помолиться Божией Матери «о несчастных братьях, смутою увлечённых на погибельный путь»[1]. Таким образом, со стороны ИЕРАРХОВ ПРОЗВУЧАЛ ПРИЗЫВ К ОТПОРУ РЕВОЛЮЦИИ. Однако значительная часть московского духовенства отказалась читать присланное поучение и печатно отреклось от солидарности с ним. Сознавая опасность такой категоричности, часть московских священников читала «поучение» с сокращениями, многие вовсе не читали, 76 священников заявили о «полной несолидарности» с посланием[2]. Приведем фрагменты из этой замечательной проповеди священномученика Никона (Рождественского), за которую был Он признан первым врагов революционеров-большевиков:

«Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожаи, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже, несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне — завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним

[1] «*Церковный Вестник*» (СПб.). 1905. № 43. С. 1350-1351.

[2] «*Церковный вестник*» (СПб.). 1906. № 1. С. 7.

смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это – так называемые «социал-демократы», это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их – за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинскою хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души, или по крайней мере извратить, святое учение Христово: так, заповедь Христова говорит: не укради, не пожелай себе ничего чужого, а они говорят: все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копейкой, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарево Кесареви, Бога бойтеся, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно, царь – тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обретешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! (...) А затем – КАЖДЫЙ ИЗ НАС ЕСТЬ СЫН РОДНОЙ ЗЕМЛИ, ВЕРНЫЙ ПОДДАННЫЙ СВОЕГО ЦАРЯ. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдалицы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми – нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: чти, люби, береги свою мать. Защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как

Хам, над отцом вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню – Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКУЮ ТВОЮ ПРИСЯГУ. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. БУДЬ ГОТОВ УМЕРЕТЬ ЗА ЦАРЯ И ЗА РУСЬ. Вспомни, как предки твои бестрепетно за Него умирали»[1].

Революцию 1905 года как попытку отравления души, общественного помрачения, нравственную эпидемию Русского Народа понимал также митрополит Антоний (Храповицкий), в то время епископ Волынскиий и Житомирский. В своем слове «Страшном Суде и современных событиях», произнесенное в Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 года, призывал:

«Горе, горе вам, лукавые, хвастливые лжецы! Не столь ужасны ваши беззакония, ваш разврат, ваша черствость, ваше забвение Бога и вечности, сколько пагубный дух самооправдания, закрывающий пред вами все пути к исправлению себя, все двери к покаянному воплю. (...) ДУХ СМИРЕННОГО САМООСУЖДЕНИЯ давно вытравлен из нашего общества языческим бытом (культурой) еретического Запада, и оттуда – общая ненависть к слышанию о Страшном Суде Божием, когда никакая ложь не поможет самооправдывающейся гордыне, но она будет изобличена, посрамлена и осуждена пред лицом целой вселенной. Но чтобы и теперь явить безответными носителей сего горделивого духа в глазах людей искренних и благоразумных, подвергнем беспристрастной оценке предмет их ложной похвальбы, т. е. их общественную деятельность, их общественные стремления. Это ли дело любви? Исполненные исконною злобой, ненавистью ко всему русскому, руководители этого движения не останавливаются ни пред

[1] Архиепископ Никон. *Мои Дневники*. Вып. IV. 1913. (*Из Троицкого Слова*. № 182). Срегиев Посад 1914. С. 119-124.

чем, чтобы такою же злобой исполнить сердца юношей, студентов и тех слоев простолюдинов, которые могут быть доступны их влиянию. Пользуясь легкомысленною неопытностью одних и обманывая других чрез разного рода переодетых самозванцев, они влекут их к участию в уличных безпорядках, под пули и плети, имея в виду лишь ту единственную цель, чтобы потом КРИЧАТЬ О СТРОГОЙ РАСПРАВЕ НАЧАЛЬСТВА И ПОСЕЛЯТЬ ОЗЛОБЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА.(...) Не так, совсем не так совершилось в сегодняшний день февраля сорок четыре года тому назад действительное освобождение меньших наших братий от крепостной зависимости. Там не было ни скандалов, ни крамолы, ни борьбы за свое собственное право, а нечто совершенно обратное, возможное только в жизни Русского государства: БЫЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ДОБРОВОЛЬНЫЙ И САМООТВЕРЖЕННЫЙ ПОДВИГ. Царь и лучшие люди просвещенного общества, никем не понуждаемые, руководимые единственно Божиею правдою и милосердием, напомнили помещикам о том, как незаконно держать в рабстве православный народ – своих братьев, за которых умер Христос и которых многие из них не только мучили непосильным трудом и жестоким обращением, но и калечили нравственно, заставляя сынов народа вместо любезных ему священных молитвословий заниматься кривлянием на своих театрах, растлевая чистоту дев и разрушая священные узы брака. И вот помещики в огромном большинстве своем дружно откликнулись на царский призыв, и народ, получил свободу, не домогаясь ее, получил не как завоеванное право, но как добровольный дар. ВОТ ЭТО ПО-НАШЕМУ, ЭТО ПО-РУССКИ, ЭТО ДОСТОЙНО РОССИИ, ОБЪЕДИНЕННОЙ НЕ ЧРЕЗ ФОРМАЛЬНОЕ ПРАВО, НО ПОСРЕДСТВОМ ПРАВДЫ БОЖИЕЙ И ДОБРОВОЛЬНОГО ПОСЛУШАНИЯ. Не то мы видим теперь. Теперь почти все слои общества, как голодные волки, требуют себе всяких прав и льгот, не желая знать нашей общей беды на Дальнем Востоке, да и собственных своих прав, своей настоящей пользы вовсе не разумея. Да, воистину это ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОМРАЧЕНИЕ, ЭТА НРАВСТВЕННАЯ ЭПИДЕМИЯ, охватывающая просвещенные слои русской жизни, достойны многих слез, если у кого еще остались слезы по прошествии нынешней печальной годины. Всегда холодные к своей Родине, передовые сыны России обрушились на свою мать, увидев ее угнетенною внешним врагом. Чего не сделал бы ни один более благородный неприятель страны, на то дерзают ее неблагодарные сыны. Они злорадствуют всякой малейшей неудаче нашей на войне в то время, как их самоотверженные братья, измученные, истомленные продолжительным походом, видят постоянную смерть перед глазами и

спокойно бросаются в ее холодные объятия за Веру, Царя и Отечество. Итак, смотрите, какое право имеют хвалиться правосудием и братолюбием наши безумные современники. О печальное, горестное время! О непростительное, жестокосердное легкомыслие! Поистине мы видим нечто напоминающее последние дни земной жизни Спасителя, когда народ, возглашавший Ему сегодня: Осанна, через пять дней кричал: Распни Его, кровь Его на нас и на чадах наших! [Мф. 27, 25] Не подобную ли противоположность представляют собой народные шествия в нашей столице: в начале прошлого года патриотические и верноподданические, а в начале нынешнего года мятежные, исполненные себялюбивых требований? (...) Впрочем, конечно, прежде, чем они успели бы это сделать, сама Россия через какие-нибудь 25 лет после отмены самодержавия перестала бы существовать как целое государство, ибо, лишенная СВОЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННО ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ СИЛЫ, она распалась бы на множество частей, начиная от окраины и почти до центра, и притом даже от руки таких народностей, о которых наши газетные писаки даже ничего и не знают, каковы, например, татары казанские, крымские и кавказские, так смело проявившие себя за последнее время. Такого распадения нетерпеливо желают наши западные враги, вдохновляющие мятежников, чтобы затем подобно коршунам броситься на разъединенные пределы нашего Отечества, на враждующие его племена и обречь их на положение порабощенной Индии и других западноевропейских колоний. ВОТ ТО ПЕЧАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ ОЖИДАЕТ РОССИЮ, ЕСЛИ Б ОНА ДОВЕРИЛАСЬ ВНУТРЕННИМ ВРАГАМ СВОИМ, ЖЕЛАЮЩИМ СДВИНУТЬ ЕЕ С ВЕКОВЕЧНЫХ УСТОЕВ. Не забывай же о них, русский народ, берегись богохульников, кощунников, мятежников, желающих оторвать тебя от вечной жизни»[1].

В конце Архиепископ Антоний (Храповицкий) призывал Русский Народ отказаться от ДУХОВНОГО ПОМРАЧЕНИЯ и оставаться ПРЕДАННЫМ Самодержавной Власти. Владыка так пророчествовал: «Ей, гряди, Господи Иисусе, посрами светом Твоей правды, обнажи сердца и помышления развратителей народа и юношества. Пусть труба Твоего архангела пробудит уснувшую совесть общества, дабы оно воспользовалось последними минутами земного бытия ДЛЯ ПОКАЯНИЯ В СВОЕМ СЕБЯЛЮБИИ, В СВОЕЙ ГОРДЫНЕ, В СВОЕМ РАЗВРАТЕ, БЫВШИХ ПРИЧИНАМИ ЕГО ТЕПЕРЕШНЕГО ПОМРАЧЕНИЯ. Такова наша первая

[1] Архиеп. Антоний (Храповицкий). *Полное собрание сочинений*. В 3-х т. Изд. 2-е. Том I. СПб. 1911. С. 135-147.

молитва; но если Господь еще будет медлить Своим праведным Судом, то будем умножать свои молитвенные воздыхания о том, чтобы Он не попустил простому русскому народу заразиться общественным омрачением, чтобы народ продолжал ясно сознавать, кто его враги и кто его друзья, чтобы ОН ВСЕГДА ХРАНИЛ СВОЮ ПРЕДАННОСТЬ САМОДЕРЖАВИЮ КАК ЕДИНСТВЕННОЙ ДРУЖЕСТВЕННОЙ ЕМУ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ, чтобы народ помнил, что в случае ее колебания он будет несчастнейший из народов, порабощенный уже не прежним суровым помещикам, но врагами всех священных ему и дорогих ему устоев его тысячелетней жизни, – врагами упорными и жестокими, которые начнут с того, что отнимут у него возможность изучать в школах закон Божий, а кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи угодников Божиих, собирая их в анатомические театры»[1].

К сожалению, Русский Народ не послушал этого пророческого гласа, и все, что изрекли уста этого Русского Пророка осуществилось через несколько лет…

Одним из самых активных сторонников Самодержавия среди Иерерахии Российской Церкви являлся тогдашний епископ Томский и Алтайский Макарий (Невский). В годы революции 1905-1907 годов он проявил себя как ярый монархист и охранитель традиций, содействовал монархическим организациям и являлся председателем Томского губернского отдела Союза Русского Народа.

1 января 1905 на страницах «Томских епархиальных ведомостей» Владыка Макарий выступил в своем поучении «О хранении заветов старины» с предостережением против ломки русских государственных устоев и «обычаев доброй русской старины» в угоду новомодным западным учениям. Владыка Макарий в поучении доказывалось, что верный путь устранения всех бед – НРАВСТВЕННОЕ САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ:

«Ломка старых обычаев сильно теперь бросается в глаза всем любителям доброй русской старины. Ныне старые русские прекрасные обычаи изъемлются из употребления, как старая дорогая мебель выносится из дома потому только, что она стара, не отвечает последней моде, и заменяется новомодной, хотя часто и весьма непрочной. (...) А в последние дни свободомыслие и легкомыслие уже стало переходить в дерзкие речи об изменении существующего порядка государственной жизни, порядка, покоящегося на исконных устоях Православия, Самодержавия и русской

[1] Там же. С. 143.

Народности. Все это не было бы весьма прискорбным, если бы так делающие сознавали, что они грешат против Бога, против веры, против совести; что этим нарушением законов Божиих и уставов церковных привлекают на себя гнев Божий и что безразборчивой переменой обычаев расшатывают устои дорогого нашего Отечества. Такое сознание, рано ли, поздно ли, могло бы привести их к раскаянию и исправлению. Но прискорбно то, что желающие совершить ломку уставов, обычаев и порядков церковной, общественной и государственной жизни хотят делать это во имя каких-то своих новых мировоззрений; они мечтают, что осчастливят сословия, племена и народы, если перестроят общества и государства на новых, ими измышленных началах. Социалист думает, что если преобразовать мир по его учению, если отобрать у богатых их имущество и разделить всем поровну, то все будут довольны и счастливы. Анархист думает, что счастие сойдет на землю тогда, когда не будет власти на земле (...) Русское царство, по милости Божией, стоит крепко и будет стоять дотоле, пока народ будет хранить неизменно закон Божий, предания святой старины и уставы Святой Церкви; пока он, подобно предкам своим, готов будет умереть за Веру, Царя и Отечество. Соблюдая уставы Церкви и обычаи, унаследованные от предков (...) И сам благочестивый Царь увидел, что дурные люди стали употреблять грамоту не на добро, что они недоброе внушают народу и стараются удалить его от Бога, от Церкви, от повиновения власти; и поведено было ставить школы ближе к храму Божию, под покров Церкви: начальное образование вверять представителям Церкви и доверенным от царской власти лицам благонадежным, чтобы дети могли учиться истинно полезному, читать и петь Божественное, любить свою Родину, молиться за Царя и христолюбивое воинство; чтобы дети, под руководством пастырей, ходили в церковь и дома молились Богу. Школы стали открываться и по деревням; и засиял свет Божий среди темных людей, и как бы снова повеяло святой стариной. Вспомнились времена Ярослава Мудрого, когда на Руси впервые явились школы с церковной азбукой, часословом и псалтирью. Дай Бог, чтобы и вперед так было; чтобы измена и коварство не нашли себе на Руси места, где бы они могли свить себе гнездо; чтобы СВЯЩЕННЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ – ВЕРА ПРАВОСЛАВНАЯ, ЦАРЬ САМОДЕРЖАВНЫЙ И РУСЬ ЕДИНАЯ, СВЯТАЯ, ОСТАЛИСЬ НАВЕКИ НЕПОКОЛЕБИМЫМИ. Добрый русский человек! Храни заветы старины и не забывай мудрого изречения, что той земле не устоять, где начнут уставы

ломать, храни неизменную верность Царю, зная, что на небе Бог, а на земле Царь – Божий Помазанник»[1].

Постоянный лейтмотив многих печатных и устных выступлений Владыки в эти годы – ИДЕЯ ЕДИНЕНИЯ ВСЕХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ НА ОСНОВЕ ИДЕАЛОВ ПРАВОСЛАВИЯ, САМОДЕРЖАВИЯ И НАРОДНОСТИ. Эти идеалы он неустанно проповедовал во время своих частых поездок по епархии и встреч с верующими и клиром.

В октябре 1905 Владыка Макарий напутствовал и благословил решительное выступление томских монархистов, приведшее к полному разгрому местных антигосударственных сил. Владыка оказывал моральную поддержку кандидатам от монархических партий при выборах в Государственную Думу.

Также другие Епископы в те тяжкие времена выступили в защиту Царьской Власти. Среди них священномученик епископ Митрофан (Краснопольский), который во время 3-ей Государственной Думе в 1907-1908 г.г. произнес речь о значении САМОДЕРЖАВИЯ для России:

«С этой высокой трибуны мы уже не раз слышали: конституция ли у нас в России или Самодержавие? Предоставим присяжным юристам ломать копья на этом вопросе, который для нас, правых, разрешен Основными Законами Империи. Мы остановимся на другом вопросе: возможна ли на русской почве конституция иноземная и поищем ответа на этот вопрос в нашей отечественной истории. Какой же ответ нам дает история? Раскройте наше отечественное бытописание, и что вы там увидите? Вы увидите всюду, как летописцы с благоговением отзываются о своих князьях. Просмотрите всю историю нашу от ее истоков и вы увидите на каждой странице ее, что она запечатлена глубоким почтением и преданностью русских людей к своим правителям. Иноземные западные государства удивляются такой беззаветной преданности русского народа и не понимают ее источника. Для нас самым решительным и прямым образом отвечает на это наша история. Этот живучий источник лежит в народном характере Царской Власти на Руси. Не путем захвата и насилий установлена у нас Царская Власть, а добровольным соглашением представителей всех чинов земли русской. Наши предки сами послали и пригласили варяжских князей, сказав им: «придите княжить и владеть нами». Не иным путем, а именно путем такого же добровольного соглашения избран был и Михаил Федорович, родоначальник ныне царствующей династии.

[1] «*Томские епархиальные ведомости*». 1905. № 1. Неофициальная часть. С. 3-9.

Не так создалась на западе власть королей и императоров. Там она, по большей части, выродилась из феодального строя, который был истинным бичом для всего населения. Поклонники грубой физической силы, владетельные князья и бароны одинаково притесняли как своих рабов, так и своих подданных. Вот почему, и по падении феодального строя, тамошний народ не мог забыть старых обид и продолжал смотреть на своих правителей, как на правителей, как на приемников власти своих прежних притеснителей. Совсем иначе относится у нас народ к своим Царям, которых он сам избрал и призвал к власти. Он видит в них великих печальников и строителей земли русской, он понимает величие их царственных трудов и живо сочувствует им. Так было встарь, так остается и по днесь. Вот где коренится различие между Властью Царской на западе и у нас.

Эта историческая справка даст вам ответ и на поставленный вопрос, возможна ли на русской почве иноземная конституция. Из всего предшествующего ясно, что никаких исторических посылок для нее в нашей истории нет. Стать на этот путь с исторической точки зрения было бы непоследовательно, нелогично и в высшей степени преступно, ибо чем иным, как преступлением, надо назвать стремление из подражательных целей повторить у нас ошибки других. Нет, Россия идет в своем развитии своим особым, Богом указанным, путем, на котором она возросла и окрепла в могучее царство. Кто посмеет, кто дерзнет сдвинуть ее с этого исторического пути, кто посягнет на Верховные права Самодержцев Всероссийских? Может ли наше высокое собрание взять на себя таковой почин? Можно ли решить этот вопрос с этой трибуны? Нет, нет и тысячу раз нет! В сердце земли русской, в царственном кремле, у гробниц Святителей Московских, русский народ вручил Царскую Власть своему Избраннику. Здесь, и только здесь этот избранник может сложить с себя бремя своих царственных трудов, которое он самоотверженно несет, как свой великий подвиг перед родиной. Вне этого условия нет и не может быть никакой речи об изменении Самодержавной власти. И мы верим, что, если бы когда либо таковое испытание постигло нашу родину, то мы были бы свидетелями того, что уже изобразили наши летописцы, мы бы видели ту трогательную картину, которая запечатлена в наших сердцах с детских лет, картину, изображающую усиленную просьбу русского народа перед боярынею матерью – благословить на царство ее сына, не дать погибнуть и разориться русской земле.

Высокочтимые избранники народа! Отрешитесь хотя на время от всех сторонних и партийных влияний, войдите внутрь сердца своего и скажите по совести перед Богом: может ли кто из нас вручить власть на Руси над

многомиллионным народом иному, кроме как Самодержавному Помазаннику-Царю. Не есть ли Он идеальный выразитель всех наших самых лучших чаяний, самых светлых упований.

Представим, далее, себе всю необъятность русского царства, включившего в свой состав многие племена и народы, и проследим тот исторический путь, который прошла Россия, прежде, чем достигла настоящего могущества. Припомните, кто собрал воедино разрозненные удельные княжества и тем избавил Россию от татарского ига, кто спас Россию в дни лихолетья, кто защитил ее от двунадесяти языков в 12 году прошлого (XIX) столетия, да и возможно ли в кратком беглом очерке исчислить все величайшие заботы крепкого стояния за русское дело венценосцев Российских! Вспомним мы и то, из кого и как составлена наша страна, которая, как я сказал, включила в себя многие племена и народы. Будет ли она единой нераздельной Россией, если бы Царская власть в ней умалилась, если бы не стало того связующего центра, который представляет для всех племен крепкая Самодержавная Царская Власть, не раздробилось ли бы тогда наше царство на части, не постигло ли бы велие крушение нашего государства, если мы будем основывать его на сыпучем песке текучих человеческих мнений, заимствованных нами от запада, а не будем строить наше здание на родном историческом основании. Вот почему МЫ, ПРАВЫЕ, И СЧИТАЕМ СВОИМ ДОЛГОМ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ И РОДИНОЙ КРЕПКО СТОЯТЬ ЗА САМОДЕРЖАВИЕ НАШИХ ЦАРЕЙ, В КОТОРОМ И ТОЛЬКО В КОТОРОМ МЫ ВИДИМ ЗАЛОГ СЧАСТЬЯ И БЛАГОДЕНСТВИЯ РОССИИ»[1].

Будущий Патриарх Московский Тихон в бытность свою архиепископом Алеутским и Северо-Американским в русском Нью-Йоркском соборе 14 мая 1905 года в день священного коронования и помазания на царство Императора Николая Александровича, произнес слова, в которых показал свою верность Царскому Самодержавию: «Вам, живущим вдали от родины, в земле чуждей, среди людей, мало, а то и совсем не знающих нашей страны и ее установлений, весьма часто приходится слышать нарекание, осуждение и осмеяние родных и дорогих нам учреждений. Такому нападению особенно подвергается самодержавие, одна из основ русского государства. Многим оно здесь представляется каким-то «пугалом», восточным деспотизмом, тираниею, азиатщиною, ему приписываются все неудачи, недочеты и нестроения русской земли: Россия-де всегда будет колоссом на глиняных ногах, пока не заведет у

[1] *О Самодержавии. Речи правых в 3-ьей Государственной Думе*. Вып. 1. СПб., 1908. С. 5-7.

себя западной конституции, правового порядка, учредительного собрания. С голоса таких порицателей и доморощенные политики стали последнее время кричать в России: «Долой самодержавие». (…) Мы учим и будем учить о подчинении всякой власти (даже и республиканской, народной), ибо власть от Бога; но мы не обинуясь утверждаем, что самодержавие наиболее отвечает идее верховной власти и строю русского государства, связанному с духовными, бытовыми, племенными, географическими и другими условиями. Власть самодержавная означает то, что власть эта не зависит от другой человеческой власти, не почерпается от нее, не ограничивается ею, а в себе самой носит источник бытия и силы своей. Такою и должна быть царская власть. Ибо для чего существует она? Евреи просили себе у пророка Самуила царя для того, чтобы он судил и защищал их (1 Цар. 8, 5. 20). И псалмопевец Давид молился о сыне своем Соломоне: Боже, суд Твой цареви даждь и правду Твою сыну цареву судити людем Твоим в правде; судит нищим людским и спасет сыны убогих и смирит клеветника; избави нища от сильна и убога, ему же не бе помощника (Псал. 71, 1-2. 4. 12 и далее). Значит, царская власть должна стоять на страже права и справедливости, защищая от насилия подданных и особенно сирых и убогих, у которых нет других помощников и защиты. А для этого она и должна быть самодержавна, неограничена и независима ни от сильных, ни от богатых. Иначе она не могла бы выполнить своего назначения, так как ей приходилось бы постоянно трепетать за свою участь и чтобы не быть низвергнутою, угождать богатым, сильным и влиятельным, служить правде, как понимают ее эти последние, творить суд человеческий, а не Божий. Такая самодержавная царская власть и есть в нашем отечестве, которое пришло к ней путем долгих мучений от внутренних междоусобиц князей и от тяжкого рабства под гнетом иноверных врагов. Царь в России владеет силой и свободой действий в такой мере, какая только возможна для человека. Ничто и никто не стесняет его: ни притязания партий, ни выгоды одного какого-нибудь сословия в ущерб другим. Он стоит неизмеримо выше всех партий, всех званий и состояний. Он беспристрастен, нелицеприятен, чужд искательства, угодничества и корыстных побуждений, ни в чем этом он не нуждается, ибо стоит на высоте недосягаемой и в величии его никто ничего не может ни прибавить, ни убавить. «Не от рук подданных своих угождения приемлет, и напротив сам дает им дары»; не о своих интересах заботится, а о благе народа, о том чтобы «вся устроити к пользе врученных ему людей и к славе Божией». Ему одинаково дороги права и интересы всех подданных, и каждый из них имеет в нем защитника и покровителя. Царь есть «батюшка» для народа, как трогательно называет его сам народ. Самодержавие

и основано на чувстве отеческой любви к народу, и любовь эта устраняет всякую тень деспотизма, порабощения, своекорыстного обладания, что теперь иные стараются набросить на русское самодержавие».

Святитель Тихон, заметив опасность попытки введения демократии в России, предостерегал Русский Народ от нее: «И вот такой несовершенный строй некоторые и желают ввести и в нашем государстве часто потому только, что он есть у других народов более нас образованных. Забывают, однако, что каждый народ имеет свои особенности и свою историю, и что может быть хорошо для одного, для другого оказывается непригодным. Прочны и действенны только те учреждения, корни которых глубоко утвердились в прошедшем известного народа и возникли из свойства его духа. Правовой порядок (конституция, парламентаризм) имеет такие корни у некоторых западных народов, а у нас в России из недр народного духа возникло самодержавие, и оно наиболее сродно ему. С этим необходимо считаться всякому, и производить опыты по перемене государственного строя дело далеко не шуточное: оно может поколебать самые основы государства вместо того, чтобы помочь делу и исправить некоторые недочеты. Имеяй уши слышати, да слышит! Мы же, братья, будем молить Господа, дабы Он и на далее сохранил для России царя самодержавного и даровал ему разум и силу судить людей в правде и державу Российскую в тишине и без печали сохранити»[1].

***

Архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) в своих дневниках пишет о Русском Самодержавии как олицетворающем собой ОТЕЧЕСТВО ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ. Именно Пастырей считает он первыми наставниками Русского Народа в сыновнем почтении Царя, и стоящими на страже начал нравственных, церковно-религиозных:

«Сегодня открыл "Московские Церковные Ведомости" и сразу прочитал слова в записках архиепископа Леонида[2]: "РУССКИЕ СМОТРЯТ НА ГОСУДАРСТВО ПАТРИАРХАЛЬНО: ГОСУДАРСТВО – СЕМЬЯ, ЦАРЬ – ОТЕЦ". (…) Каждый раз, когда меня приводил Бог быть свидетелем и участником встречи Государя, я переживал какое-то особое чувство, особое, так сказать, – мистическое настроение... Думаю, меня поймут православные русские люди, сердцем преданные заветам родной земли. Как выразить

[1] «*Американский православный вестник*» (Нью-Йорк). 1905. № 10.

[2] Архиепископ Ярославский и Ростовский Леонид (Краснопевков; 1817-1876) более 15 лет был викарием и ближайшим помощником святителя Филарета, митрополита Московского.

словами это чувство?.. Я сказал бы: это ощущение всем существом русской души того ОТЧЕСТВА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ, которое выражается в беззаветной, а следовательно и безусловной любви и преданности народа к своему Царю и такой же любви Царя-отца к народу, когда ВСЯКАЯ МЫСЛЬ О КАКОЙ-ТО КОНСТИТУЦИИ, О КАКОМ-ТО ДОГОВОРЕ ЦАРЯ С НАРОДОМ ЯВЛЯЕТСЯ КОЩУНСТВОМ, НЕПРОСТИТЕЛЬНЫМ ОСКОРБЛЕНИЕМ НЕ ТОЛЬКО ЦАРЯ, НО И БОГА, КОТОРЫМ ЦАРЬ ЦАРСТВУЕТ. Наше русское Самодержавие носит характер чисто религиозный: "Бог, по образу Своего Вседержительства, дал нам Царя Самодержавного", говорит великий учитель русской Церкви митрополит Филарет, и Царь наш царствует по образу Божия о нас промышления, как слуга Божий, как уполномоченный Им, Царем небесным, и только Им единым: Он – наш беззаветно любимый, наш родной отец, и никогда, пока Русь стоит, пока она Русь ПРАВОСЛАВНАЯ, народ русский не допустит и мысли о каком-либо ограничении его Самодержавной власти, ибо не может допустить и той мысли, чтобы Благочестивейший Божий Помазанник когда-либо позволил себе поступить вопреки велениям своей царской совести, руководимой благодатию Духа Божия, дарованного ему в священном таинстве миропомазания. Пожелает ли отец недоброго своим детям? МЫСЛИМО ЛИ ОТ ОТЦА ТРЕБОВАТЬ ОТЧЕТА В ЕГО ДЕЛАХ? Возможно ли, не будет ли нарушением всяких законов, и Божеских и человеческих ВТОРГАТЬСЯ В ПРАВА ОТЦА, ограничивать их, ставить ему какие-то условия, кроме тех, в какие он поставлен Богом в его совести?

НАРОД ЕСТЬ ЕДИНЫЙ ЦЕЛЫЙ ОРГАНИЗМ, ОРГАНИЗМ ЖИВОЙ, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫЙ ЦАРЕМ, яко главою своею: что тело без головы, то государство без Царя, что семья без отца, то и царство без Царя. КОГДА БЫЛА НАША РУСЬ НАИБОЛЕЕ СИЛЬНА И СЛАВНА И МОГУЩЕСТВЕННА СРЕДИ НАРОДОВ ЗЕМНЫХ? ТОГДА, КОГДА НАИБОЛЕЕ СОЗНАВАЛА ЭТУ ИСТИНУ: пример – царствование незабвенного носителя идеала Царя-Миротворца Александра III. Он воплотил в Себе, в Своем царствовании, в Своей личной жизни народный идеал Царя и никогда Россия не стояла так высоко в глазах всего мира, как во дни – благословенные дни Его царствования. Мы переживаем иные дни, когда идеал наш тускнеет, меркнет в нашем сознании и вот – плоды этого на наших глазах. Но в душе народной он, этот идеал, жив: народ беззаветно любит самое имя Царя, чтит в Нем Божия Помазанника и беззаветно предан Ему... И эта сыновняя преданность, это благоговейное отношение к Царской власти, к Личности Царя и всех членов Его Августейшей Семьи, Бог даст, спасет

Россию, если только врагам ее не удастся поколебать самой основы ОТЧЕСТВА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ. (...)

ВСЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ НАШЕГО НАРОДА ПОСТРОЕНО НА НАЧАЛАХ НРАВСТВЕННЫХ, ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ, В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МИРОСОЗЕРЦАНИЮ НАРОДОВ ЗАПАДНЫХ. Там, напротив, все строится на началах правовых, юридических. Если мы хотим, чтобы наш народ занимал подобающее ему место в среде народов земных, то мы не должны насиловать его миросозерцания, а все законы строить в народном духе. И если бы наши образованные классы усвоили себе это основное начало русской жизни, то не наделали бы тех ошибок, в коих – увы – они и теперь не каются. Призвание Царем "лучших людей", народом избранных, они поняли как открытие "парламента", тогда как Царь-Отец хотел видеть при Себе советниками детей, а не парламентских говорунов, людей дела, людей опыта жизненного и, по возможности, разума государственного. А Ему в первую же думу послали большинство самых негодных людей – разных "эсэров" и "эсдеков". Кто послал? Конечно, не народ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вот эта "интеллигенция", которая, пропитавшись западною отравою масонских учений, хотела и Русь переделать на западный шаблон. Царь распустил негодную думу. Собралась вторая, но не лучше первой. Тогда Царь изменил выборный закон и получилась – дума... сносная. По крайней мере ее терпели до конца срока ее существования. Желательна ли 4-я дума такая же? Конечно, нет. Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям – мы не знаем; знаем одно: ЦАРЬ ЕСТЬ ВЫСШИЙ ИСТОЧНИК ЗАКОНОВ И НИКТО НЕ СМЕЕТ ОТНИМАТЬ У НЕГО ПРАВА НЕ ТОЛЬКО ИЗМЕНЯТЬ, НО И ОТМЕНЯТЬ ЗАКОНЫ, ЕСЛИ ОН СИЕ ПРИЗНАЕТ ЗА БЛАГО. Он может и вовсе отменить законы о Думе: ведь, ОН дал их, и если найдет, что законы не отвечают благу Его народа, то кто же посмеет запретить Ему и отмену их? ОТЕЦ УСТАНАВЛИВАЕТ ПОРЯДКИ В СЕМЬЕ, И ЕСЛИ ЭТИ ПОРЯДКИ ОКАЗЫВАЮТСЯ НЕПРИГОДНЫМИ, ОТМЕНЯЕТ ИХ. Закон может быть хорош по идее, но не отвечать жизни: ужели следует держаться его неотменно, хотя бы он оказался вредным для государства?

Да, наконец: ДЕТИ НЕ ИСПОЛНЯЮТ ВОЛИ ОТЦА: присылают ему не "лучших", а худших избранников: ужели нельзя лишить таких детей (для их же пользы, как неразумных, непонимающих намерений отца) и того права, какое подарил им отец? Бог – источник благости, но и Он карает грешников, лишая

их Своей милости. Раскройте страницы всемирной истории, читайте историю избранного народа. Мы, христиане, веруем слову Божию и видим из него, видим из нашей родной истории, как Бог лишал народы Своей милости, когда они переставали быть верными исполнителями Его святой воли... Даже с юридической точки зрения, когда одна сторона, заключившая условия, бывает не верна своим обязанностям, то другая освобождается от принятых ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и верною им... В самом деле: Царь хочет, чтобы Ему выбрали в Его Думу "лучших", а Ему присылают худших людей, что же, разве Он не в праве сказать: "такие Мне не нужны?" И мы признали бы только делом мудрой справедливости, если бы те области, те учреждения, которые и в 4-ую Думу прислали бы "эсэров" и "эсдеков", были лишены, впредь до новой думы, на пять лет, права, иметь своих избранников в Государственной Думе или Государственном Совете, а эти негодные люди были изгнаны из сих почтенных учреждений немедленно. Худая трава из поля вон: нечего ей и сорить поле. Чистая пшеница будет только благодарна, если ее прополют в этом смысле, если среди нее не окажется открытых врагов Церкви и отечества. И при нравственных основах государственной жизни это было бы только естественным явлением, и народ, верный этим началам, только горячо поблагодарил бы Верховную Власть за такую прочистку...

В истории бывают моменты, когда люди, понимающие смысл совершающихся событий, должны всячески прояснять в сознании народном те жизненные начала, которые заложены в духовный облик народа, и к таким святым началам в церковной жизни нашего народа должно отнести общение наше с Церковью небесною, с Церковью веков минувших – общение в мысли, в вере и жизни, а в государственной жизни – сознание ОТЧЕСТВА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. И если когда, то ИМЕННО ТЕПЕРЬ МЫ, ПАСТЫРИ ЦЕРКВИ, А С НАМИ И ВСЕ ПРОСВЕЩЕННЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ, ВЕРНЫЕ ЭТИМ НАЧАЛАМ ДОЛЖНЫ СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ИХ, ЗОРКО СЛЕДЯ ЗА ВСЕМИ ПОКУШЕНИЯМИ НА НИХ СО СТОРОНЫ НАШИХ ВРАГОВ…»[1].

****

Верность Государю Архиереев в 1917 году

В начале мы обязаны дать пояснение, что на самом деле случилось в 1917 году. Здесь приведем выдержку из доклада С. В. Самохвалова, прочитанного на Всероссийской научно-практическая конференции «Монархическая идея в XXI веке». 15 марта 2007 г. в Москве: «Самое же замечательное заключается в

[1] Архиепископ Никон. *Мои Дневники*. Вып. III. 1912. (*Из Троицкого Слова*. № 131-132). Сергиев Посад 1916. С. 115-120.

том, что насильственно прерванная в России монархическая форма правления юридически не отменена и поныне. Даже подписанный 2 марта 1917 года последним императором Николаем II «так называемый «Акт об отречении» не является юридическим документом. Это даже не обращение к народу, как того требует форма манифеста, документа особого государственного значения. По сути, «Акт» является письмом Государя, адресованным в Ставку, начальнику штаба. В соответствии с Основными Законами Российской Империи для того, чтобы документ мог обрести силу закона, необходимо соблюдение следующих условий: а) инициатива создания документа могла исходить только от Императора (согласно ст. 8); б) соответствующим образом оформленный документ должен иметь Высочайшее утверждение (ст. 9 и ст. 86). в) документ должен был быть обнародован Правительственным Сенатом от имени Государя (ст. 91). В нарушение законодательства Российской Империи инициатором «Акта об отречении» был не Император, а нарушивший присягу начальник штаба генерал М.В. Алексеев. «Акт» не был Высочайше утвержден. Опубликован он был от имени революционного Временного правительства, что само по себе антизаконно». Следует указать, что в письме начальнику штаба Государь Николай II заявлял не об отмене самодержавного правления в Российской Империи, а всего лишь о своем благословлении «на вступление на Престол Государства Российского» своего родного брата, одного из законных наследников престола, – Великого князя Михаила Александровича (злодейски убитого в июне 1918 г.). После передачи Верховной власти брату с призывом к верноподданным о повиновении «Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний» во время Первой мировой войны, Николай II не переставал оставаться Царем в глазах православных, поскольку христианское таинство миропомазания на Царство не может быть лишено своей силы и благодати любыми юридическими документами, тем более неверными по форме и написанными по принуждению. «По законам Российской Империи, манифест может иметь силу закона только в случае опубликования его как законодательного акта. Но по Законам Российской Империи опубликовать этот акт – это не просто напечатать его в газете и сделать, так сказать, достоянием гласности. Опубликовать его может только царствующий Император. Если бы брат Государя Великий Князь Михаил Александрович взошел на престол, то есть издал бы Манифест о своем восшествии на Российский престол, и в этот период он бы опубликовал Манифест об отречении Государя и после этого уже издал бы указ о своем отречении от престола до решения Учредительного собрания, то тут можно было бы говорить о какой-то, пусть и ущербной, легитимности и законопреемственности последующих властей. Этого не

произошло». Даже преступные и жестокие убийства как Государя с Августейшей семьей, так и многих Великих князей из династии Романовых в 1918-1919 годах не смогли повлиять на юридическую неотмененность Самодержавия. Трагическая гибель их и вынужденная эмиграция остальных членов Дома Романовых лишь позволили состоявшемуся на сербской земле в конце 1921 года Первому Всезарубежному Собору Русской Православной Церкви за границей провозгласить: «Да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле Русской и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного Царя из Дома Романовых».

Вместе с переходом России к Республиканскому строю последовало гонение на Российский Епископат, который в подавляющем большинстве был верным своему Государю. Из состава Св. Синода был уволен Митрополит Петроградский Питирим (Окнов), арестован 2 марта вместе с Царскими министрами. Митрополит заявлял: «...Общество утратило понимание религиозной сущности Самодержавия и стремилось подчинить волю Монарха своей воле. Помазанник Божий есть орудие воли Божией, а эта воля не всегда угодна людям, но всегда полезна. Народовластие же всегда гибельно, ибо Богу было угодно постановить, чтобы не паства управляла пастырем, а пастырь паствой. Там, где этот принцип нарушается, наступают последствия гораздо более горькие и опасные, чем все то, что признается ошибками или неправильными действиями пастыря. Пастырь ответствен перед Богом, народовластие же всегда безответственно, есть грех, бунт против Божеских установлений». 28 февраля 1917 г. революционные власти схватили его и заключили в Петропавловскую крепость.

Такая же участь постигла уволенного на покой с 1 апреля 1917 года Митрополита Московского и Коломенского Макария (Парвицкого), который заявил: «Царская власть дарована нам Господом. Для Русского Народа – Бог на небе, Царь на земле. Это означало то, что как на небе один Бог, один Вседержитель, одна власть, никому не подчиненная, никому не дающая отчета, всем управляющая, так и на земле одна власть – Царская, она источник всякой власти в государстве». Имеется свидетельство о том, что этот Святитель сообщался с Царственными Мучениками и в то время, когда они находились в узах, продолжая духовно окормлять Царя-Мученика до самой мученической Его кончины. Ему было от Господа откровение о том, при каком духовном

состоянии русского народа возможно было спасение Царской Семьи[1]. В итоге Св. Синод был распущен, и только один из членов не был устранен – Архиеп. Сергий (Страгордский).

«После Октябрьской революции, начала гонений на Православную Церковь и убийства императора Николая II Патриарх Тихон выступил с публичным осуждением произошедшего, подчеркнув, что всякий, кто не осуждает убийства императора, является своего рода соучастником этого преступления. Обращаясь к Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции, он обвинил большевиков в начале гонений и призвал прекратить их. При этом Предстоятель ничего не сказал о монархической государственности. То есть в 1918 г. святитель Тихон готов был уже признать любую форму государственной власти, которая обеспечит достойную жизнь страны, народа и Православной Церкви. Это прямо говорит о том, что Православная Церковь (а Патриарх в официальных документах обращается от имени всей ее полноты) чужда идеи догматизации отношения Церкви к той или иной государственно-политической системе. Когда русские святые и церковные писатели говорили о монархии как о лучшей, а может быть, и единственно допустимой форме правления, они указывали на полезность в деле спасения, считая государство инструментом в достижении его, но ни в коем случае не включали идею монархии в вероучение Православной Церкви»[2].

Свои убеждения выразил пред лицом будущих палачей священномученик Гермоген (Долганов), епископ Тобольский и Сибирский, запечатлевший верность Царственным Мученикам даже до смерти. Святитель не помнил Царю обиду за свое увольнение из епархии. Сам Государь раскаялся в этом, и они простили друг друга. Возведенный при новом режиме на Тобольскую кафедру, находившийся к тому времени в Жировицком монастыре за преслушание Монаршей воли, Владыка нашел в себе духовные силы принести Царственным Узникам покаяние, сохранив Им верность перед лицом разлившегося зла. Владыка тайно посылал заключенным Царственным узникам иконы, просфоры, молитвы и благословения, поддерживал с ними переписку, называя их Августейшими Страстотерпцами и многострадальным Святым Семейством, – то есть, предвидя их скорое мученичество. На литургии Владыка всегда вынимал частички за Царскую Семью. Как известно, 25

[1] *Гибель Царской Семьи. Материалы следствия об убийстве Царской Семьи (Август 1918-февраль 1920)*. Сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. С. 245.

[2] А. Н. Гриценко, *Государство и Власть в русской патристике первой половины XX века*. // *Евразийский Союз Ученых. Ежемесячный научный журнал*. № 9. 2014. Ч. 5. С. 12.

декабря 1917 г. в Покровском храме Тобольска в присутствии Царской семьи диакон Евдокимов провозгласил Им многолетие, как положено по церковному Уставу. Будучи арестованным, на допросе настоятель храма прот. Алексий Васильев заявил, что не подотчетен «рачьим и собачьим депутатам», а диакон Евдокимов сказал: «Ваше царство минутное, придет скоро защита Царская, погодите еще немного, получите свое сполна». На запрос из совдепа епископ Гермоген, отказавшись от какого бы то ни было личного общения, письменно ответил, что, во-первых, «Россия юридически не есть республика, никто ее таковой не объявлял и объявить не правомочен, кроме предполагаемого учредительного собрания»; во-вторых, «по данным Священного Писания, Государственного права, Церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана как такового и соответственных им титулов», а потому в действиях причта Покровского храма «ничего предосудительного не усмотрел и не вижу».

Другой Новомученик Российский священномученик Андроник (Никольский), Архиепископ Пермский и Соликамский, изложил свой взгляд на отречение Государя от престола в своей речи к православному народу 5 марта в кафедральном соборе Перми. В своем слове он говорит об отречении царя, как о самопожертвовании во исполнение заповеди Христовой: «Ведаю, братие, что ждете от меня слова по поводу всех переживаемых нами событий. Но что же я могу сказать вам, грешный, кроме той печали, которая обдержит сердца наши. Начнем по порядку. – Не стало у нас на Руси Царя. Беззаветно любящий свое Отечество и свой народ, беззаветно желающий ему только одного блага и счастья, Царь сложил с себя царскую корону и отрекся от наследственного прародительского престола. Бесчестные царские слуги и советники в своих мелких расчетах скрывали от Царя правду жизни народной, обманывали Царя и делали все, чтобы разъединить Царя с народом и народ с Царем. И добились своего. Но когда обнаружилось это разъединение, когда открылась беда, тогда они же первые и оставили Царя одного, оттолкнувшись от него и спасая только себя, а не Царя или Отечество. Увидевши это, Царь понял, что нужно народу в данное время. Он в этот исторический момент жизни нашего Отечества явил подражание нашему Великому Первоархиерею Христу. А Христос, видя, как погибает народ, расстраиваемый грехом, решил Себя Самого предать на Крест и принести в жертву спасения людей для примирения их с Богом. Так и сей кроткий царь решился на самопожертвование высокое, чтобы объединился и утихомирился разгневанный народ. Царь за себя и за

наследника отрекся от царского престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу – своему царственному брату»[1].

8/21 июля 1918 года во время богослужения в Казанском соборе в Москве Святой Святитель Тихон Патриарх Московский выступил с проповедью, в которой призвал народ к покаянию за убиение Царской Семьи: «Счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании в наших детях заветов Господних. Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство – Исполнительный комитет – одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над Ним принадлежит истории, а Он теперь предстоит перед нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что Он, отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти Себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринял для улучшения Своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг Он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а за то только, что Его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние, уже после расстрела, – одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: "Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие его!».

***

[1] *Материалы по истории русской иерархии. Статьи и документы*. Сост. П. Н. Грюнберг. М., 2002. С. 92-98.

Как Русские Епископы смотрели на Царя Николая, показывает Речь епископа Холмского и Люблинского (будущего Второго Первоиерарха Зарубежной Церкви) Анастасия (Грибановского), сказанная при встрече Государя Императора 26 октября 1914 г. в Холмском кафедральном соборе. Святитель Анастасий обратился к Государю как Вождю Освободителю порабощенной врагами Холмской части Русской Земли, сказал следующие слова: «Благочестивейший Государь! С благоговейным трепетом сретает Тебя Твоя верная Холмская Русь. Она счастлива открыть пред Тобою, как Своим любящим Отцом, свое сердце, доныне еще сочащееся кровью. Тебе ведом ее страдальческий жребий в века минувшие. Но Промыслу угодно было, чтобы и это новое, великое испытание, ниспосланное нам свыше, на нее именно пало своими первыми ударами. Человеческое слово не может изобразить всех бедствий, которые Господь судил пережить Холмщине в эти недавние страдные дни. "Земля ее нередко пуста, грады ее сожжены огнем" (Ис. 1, 7). Многие из ее сынов, которые не имели в своих руках иных орудий, кроме мирного серпа и плуга, восприняли мученическую кончину от руки неприятеля. Одни из них были сожжены огнем, другие заживо погребены в земле, иные простреляны были вражиими стрелами или умерли от острия меча, смесив свою кровь с кровью Твоих доблестных воинов, которою обильно напоена Холмская земля. Но не сожалеет Холмская Русь об этих жертвах, а радуется, что могла принести их на алтарь Отечества и что с помощию Божиею могла пребыть верной Тебе даже до смерти. Переживши недавно как бы муки рождения, она явила миру новых Сусаниных, достойных бессмертной памяти потомства. История не забудет крестьянина Ивана Каравана, который шестнадцать раз подвергался пыткам за то, что громко говорил пред лицом врагов: «"За Государя своего Николая Александровича готов умереть. Не изменю своему Русскому Царю!". Да будет незабвенным и подвиг другого холмского православного крестьянина, который, умерщвляемый врагами, воскликнул: «С радостию готов умереть за Русь Святую, в надежде, что Русский Царь сотрет Своих врагов!» Этот пример истинной доблести потряс даже жестокое сердце его мучителей. "Так учитесь умирать за Отечество", сказал после этого австрийский военачальник своим солдатам. Государь! когда эти лучшие сыны Холмщины пред лицом смерти исповедали Тебе свою верность, они надеялись, что Ты услышишь когда-нибудь их мужественный мученический голос. И подлинно Ты услыхал о страданиях и терпении Холмщины и ради этого подвигся ныне к нам, чтобы утешить нас Своим лицезрением и соутешиться с нами общею благодарственною молитвою об избавлении Холмской земли от нашествия неприятеля. Да будет же

благословенно хождение Твое в этот дом Пречистой Богородицы – Матери Русского края. Мы с тем большею радостию сретаем Тебя в этом древнем уделе славного Князя Даниила Романовича Галицкого, что видим в Тебе преемника его славы, завершителя его великого дела – собирания древней Святой Руси. Велик и славен Твой жребий, который указует Тебе Господь. Настал час суда Божия над соседними с нами народами, забывшими заветы Христовы и содержащими истину в неправде, и Бог Тебя избирает орудием Своего правосудия над ними. Возгремел грозный глас Божий над другою кровожадною и вероломною державой, под игом которой доселе стенает столько православных, и Вышний Тебя призывает "отпустить сокрушенных в отраду и нарещи для них лето Господне приятно" (Лук. 4, 18-19). Пути Промысла неисповедимы: быть может, Твой щит заблистает не только у врат Царя-Града, но изъемлет и драгоценнейшую святыню Гроба Господня из рук неверных, и там на месте Воскресения Христова Ты возвестишь «свободу людям, сидящим во тьме и сени смертней; и радость вечная, по слову пророка, воссияет над главою их" (Ис. 35, 10). Государь! Весь мир взирает на Тебя, как на мужественного поборника правды и истинного Архистратига всего Славянства. "Препояши же меч по бедре твоей, сильне, красотою твоею и добротою твоею, и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости и правды" (Псал. 14, 4-5) и веди Богом врученную Тебе Россию и с нею все Славянство навстречу славному миру, искупленному нашим общим подвигом. Гряди, Государь, по пути Твоего высокого призвания; Бог повелевает! Аминь»[1].

***

Мы привели только некоторые примеры уважения и почтения Архиереями Царской России к Государям. Думаем, читатели убедились в тем, что Епископы в России не были просто императорскими чиновниками, а наоборот, Благоверных Государей искренными во Христе собратами.

[1] «*Прибавления к Церковным Ведомостям*», изд. при Св. Правительствующем Синоде. 1914. № 45 (8 ноября). С. 1873-1874.

Император Николай II и Императрица Александра Федоровна, Великий князь Сергий Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна с воспитанниками – Великой княжной Марией Павловной и Великим князем Дмитрием Павловичем. Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. 1903 г.

Посещение императором Николаем II Троице-Сергиевой Лавры, в сопровождении Митрополита Московского и Коломенского Серафима (Ляпидевского). 22 мая 1896 г.

Священномученик Владимир (Богоявленский) встречает Государя с супругой в Троице-Сергиевой Лавре, после открытия в Москве памятника императору Александру III.

Государь Император Николай II и Архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) после освящения Васильевского храма в г. Овруче.

Император Николай II с детьми выходит из Ростовского Успенского Собора в сопровождении Архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона (Белавина) – будущего Патриарха Московского.

Император Николай II в Киеве на открытии памятника Александру II, в сопровождении Митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого).

Князь Петр Сергеевич Лопухин

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ И МОНАРХИЧЕСКАЯ ИДЕЯ.

Мы вышли из пыли и смрада гражданской войны. Это самая страшная война, ибо это есть борьба мировоззрений и психологий, борьба душ и, может быть, потому эта война так удивительно безжалостна и жестока к самому человеку, к его телу и жизни.

Победители ликовали победу и говорили, что изгнав Бога из людей, они изгонят Его и с небес. Но они ликовали напрасно: – они не изгнали Бога ни с небес, ни с земли, и Бог живет в душе русских людей, и об этом есть неопровержимые доказательства даже в большевисткой переписи.

Да, живет, но жизнь общественная и государственная вот уже 20 лет проходит на основах закона не Божьего, и на русской земле по-прежнему тяжелое раздвоение жизни: цели жизни государства, его задачи, планы, перспектива и смысл противоположны пониманию христианскому. Государство живет идеями и психологией атеизма, оно возвеличивает и воспитывает человека противоположного и враждебного христианину, жестокого, самолюбивого, бессовестного, классово и лично эгоистичного, холодного и безжалостного. Христианин гоним и отвержен. В России страшное и соблазнительное раздвоение жизни для всех людей, ибо мало-мальски сносную жизнь люди могут получить только ценой большего или меньшего компромисса, большего или меньшего отступления от Бога и законов жизни, добра и правды.

И несмотря на это Христос жив в душе людей, душа жива и несмотря на гонения и соблазны народ исповедует веру во Христа, в правду и добро. В России не только пребывает Христос, но там есть и рост духовный человека: там есть исповедники невероятной духовной силы, которых уже ничем нельзя сломить и соблазнить. Но это не значит, что с точки зрения христианства там все обстоит благополучно. Там повторяется то же, что было во времена первых гонений христиан: тогда также как и теперь были мученики и исповедники, но

также как и теперь тысячи слабых духом падали и отрекались. Если бы шла речь только об этих немногих праведниках, если бы Церковь, христианство думало только о них, то правда, взгляд на гонения был бы иным. Ведь им уже ничего не нужно, ни государство, ничего. Но для Церкви дороги не только праведники, а все люди. Христос пришел призвать к покаянию и спасению не праведников, но грешников; и также и теперь Церковь думает о них, о всех, слабых и грешных: их надо спасти, им страшны гонения и соблазны и раздвоение жизни. Мы не были бы христианами, если бы забыли о них и были в эгоистическом самодовольстве якобы познавших истину – «якобы» потому, что как много бы мы не знали, но если в нас нет любви, мы ничто, в нас нет Христа и мы далеки Ему.

И наоборот, наша вера, наша церковная причастность Богу, вызывает в нас настоятельное, неутолимое желание спасения русского народа от соблазна и жажду возрождения его во Христе.

Христианство усваивается через усвоение учения Христа о спасительной жизни, или через усвоение самого существа этой жизни, ее силы и энергии. «*По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*» (Иоан. 13, 35). И потому перед нами две задачи: быть христианами и знать христианство. Для соблазненных мы должны принести в себе новую жизнь и мы должны показать смысл, цели, основы, план и перспективы православной жизни, цельной, нераздвоенной, не соблазняющей малых и слабых, а укрепляющей их в правде и добре.

В этом наш первый долг. Мы предвидим, что на это у кого-то есть готовый ответ: «Нет, наша первая задача и долг – свержение большевиков». Это ответ ходульный, ибо это есть общее место. Это мы все знаем, но, по совести, наши возможности так малы, этот вопрос стал прочно и давно уже в плоскость вопросов международных, что в разрешении его мы можем принимать участие только постольку, поскольку мы будем духовно живы и целы: по положению дела, наше участие в русском деле и возрождении России практически возможно только после свержения их, и именно в тот момент, когда станет вопрос о строительстве жизни, о ее основах, целях и перспективах, и к тому моменту и надо готовиться. В этот момент победит идея самая ясная и законченная, исторически оправданная, самая полнокровная, ибо в борьбе идей побеждает именно такая идея. Когда мы теперь говорим о православии, мы говорим об учении и мировоззрении самом полном, философски оправданном и законченном; мы говорим о православном человеке, о его душевном укладе и настроении, мы учимся, как создается этот человек – русский православный человек, столь духовно привлекательный, сильный,

духовно чуткий, искренний, готовый на подвиг, и самоотверженный. Мы вникаем, какова должна быть цельная, нераздвоенная русская жизнь, нам становится ясна психология православной русской жизни, ее основы, пути, план и перспективы. Когда мы исповедуем и проповедуем православие, мы создаем его и раскрываем основы, пути, план и смысл русской жизни, мы создаем подлинную творческую силу, которой строилась и жила Россия и которой она должна жить. И это ли не наш первый долг и разве не духовно ленивы возражения против этого?

Итак, о православии, о православном русском человеке, о русской жизни и русском православном пути.

Люди русские, знайте: если вы прошли мимо преп. Серафима и его образ вас не взволновал и не поразил, знайте, что душа ваша спит. Если вы на минуту остановились, а потом отошли и забыли, знайте, что вы не горячи и не холодны, вы слабы, духовно ленивы и ничтожны. Люди русские, знайте: – если вы не полюбили преп. Серафима, и духовное общение с ним вас не привлекало, знайте: вы не понимаете России, русской истории, русской нации, вы денационализованы, вы только говорите по-русски, но вы не знаете и не понимаете Руси.

Когда Митрополита Антония спросили о духовном вожде народа и указывали, что теперь так много говорят о вождях и хотят видеть в возглавителе русской нации, в государе, духовного вождя; он ответил, что это совершенно произвольно и неверно, что от государя надо желать иных добродетелей: храбрости, справедливости, этого, можно сказать, внимания к совести или разума совести, мудрости сердца и преданности Церкви, но что «духовным вождем должен быть совсем другой человек». «Патриарх?» – спросили Владыку «Да, – отвечал он, – если это патриарх Никон, потому что занятие этой высокой должности не обеспечивает того, что носитель этого высокого сана непременно будет духовным вождем народа. Таковым вождем может быть преп. Сергий Радонежский, преп. Серафим Саровский»...

Русский народ века жил православием, во всех нас есть следы влияния его, и нашим вождем духовным может быть тот, кто проникнут христианством и кто может нас научить ему и вести по пути христианства.

Преп. Серафим ярче всех за последние века сказал нам, в чем сущность христианства. Он сказал о нем так, чтобы его наиболее ясно могли понять, словами самыми понятными; он это мог сделать потому, может быть, что уже знал, чем испорчено наше религиозное сознание. А оно испорчено западным христианством, католическо-юридическим мировоззрением. Последнее вызывает в людях такое представление: Бог установил юридическое, правовое

отношение с людьми: если вы будете делать такие-то и такие дела, то за них вам на том свете будет дано то-то и то-то. Это как в юридической сделке страхования: вносите ежемесячно деньги и в случае несчастия вам будет уплачено, что полагается. Такое формально-правовое сознание для христианства поистине пагубно, ибо оно уничтожает его в корне, оно вынимает из христианства всю душу, все содержание и сущность, остается только видимость, скорлупа, внешность и форма. Христианство есть вера в существование божественного мира, новой благодатной богочеловеческой, Христом созданной, жизни, к которой человек может приобщиться не когда-то потом, а сейчас, в данную минуту. Вот об этом и учил преп. Серафим, и его проповедь была проникнута чувством реализма этого Христова мира, в ней в образах, им приводимых, вы чувствуете самое живое ощущение им этого мира. К этому миру он звал и теперь зовет нас.

Он учил людей внимательно и заботливо, как мать с любовью и лаской учит ребенка. Он учил, что вера в Бога есть, прежде всего, вера, что Он есть, затем в то, что существует этот невидимый нам мир или жизнь, где нет смерти и страдания, и наконец, в то, что люди, живя на земле, могут начать жить этой жизнью, быть ей причастными и настолько ей природниться и ею проникнуться, что человек станет готов жить только этой жизнью «и на суд не приидет! но прейдет от смерти в живот». Человек должен узнать этот мир, узнавать его каждый раз, когда он коснется человека. Это прикосновение приходит, как благой дар и это прикосновение преподобный называл благодатью. Смысл жизни, говорил он, в том, чтобы «стяжать благодать», в том, чтобы все чаще и чаще она касалась нас, чтобы мы ее усвоили, чтобы наконец, как высшая цель, всегда быть в общении с Богом, всегда пребывать в Нем, сделаться Ему родным, стать сыном и наследником.

Но как узнать, коснулся ли меня божественный мир, как научиться распознавать благодать Св. Духа, – спрашивали преподобного, и он отвечал, что она познается по душевному миру, по тому, что сердце согревается любовью и радостью, а иногда своим собеседникам прямо говорил: «вот мы сейчас в благодати».

«Вам всегда говорили, ваше боголюбие, – говорил он своему ученику Мотовилову, – что смысл жизни в том, чтобы творить милость, соблюдать посты, ходить в церковь, но вас не так учили», и далее объясняет, что эти дела только средство для направления внутренней жизни, только средство для утверждения в Боге и благодати, это только «масло в лампаде, чтобы горел огонь», это только «товар, которым мы торгуем, чтобы собрать капитал» – силу благодати, и что дела надо обменивать, как обменивают товар и ищут

более выгодного, что надо делать те дела, от которых больше «стяжания» благодати и ярче разгорается огонь любви.

Вот в чем смысл и учение преподобного о том, как надо жить. И, Боже мой, как он жил!

Божественный мир, огонь божественной любви, благодать Св. Духа – вот что всецело, всей душой, всем сердцем полюбил преп. Серафим. Это стало для него «единым на потребу», и за этим огнем он уходил в пустыню и затвор. Это не значит, что божественную жизнь можно узнать только там. Нет. О. Иоанн Кронштадтский в затвор не уходил, и нет в православии для всех одинакового внешнего пути – есть только один внутренний путь – это Христос Спаситель, но как к нему приблизиться, по каким внешним жизненным дорогам идти – девства или материнства, отшельничества или жизни в миру – на это нет расписания, и каждый идет своим путем и своим товаром торгует, но во всех должна быть хоть в малой степени Серафимова любовь к огню божественной жизни и Серафимова готовность все в жизни поставить на второй план, подчинить себя, свои желания стремления и мысли единому на потребу, найти божественный мир любви, жизни и природниться ему. Такова задача христианина и такое понимание жизни и ее смысла у всех верующих православных было, есть и будет, и на таком понимании жила Русь, жила и Россия, и русский человек.

Когда мы сейчас смотрим на подвиги Серафима, то мы яснее всего видим эту его преданность Богу. 27 лет он прожил отшельником и затворником. Вот он в лесу один, 17 лет. Раз в неделю ему приносят пищу, он ее принимает молча, стоя на коленях, закрыв голову покрывалом. Он не только не говорит с людьми, он не хочет их видеть. Как он живет, в чем содержание его жизни? Этого нельзя передать словами. Писатели, поэты, – чувствуете вы, как бедны ваши возможности? 17 лет живет один из самых великих людей России, и вы бессильны описать хотя бы один день или час его напряженнейшей духовной жизни и горения. Когда он был еще иродиаконом, однажды во время литургии, когда он, наведя орарем, хотел воскликнуть «и во веки веков», он вдруг весь изменился видом и остановился. Монахи поняли, что с ним «Божие посещение», взяли его под руки и ввели в алтарь, где он стоял 3 часа, постоянно меняясь в лице: оно то сияло, то вспыхивало румянцем, то бледнело. Он увидел Господа Иисуса Христа, идущего по воздуху от западных дверей к алтарю, и окруженного ангелами, как роем пчелиным. «И бысть тогда мое сердце, как воск, тая от огня, от неизреченной радости, – говорил после преп. Серафим. Точно также в пустыньке, на работе, он вдруг останавливался, топор падал из его рук, и он подолгу стоял сосредоточенный в умной молитве,

ничего вокруг не замечая и не слыша.

Но касается ли человека, нас немощных, благодать Господня вдруг и незаслуженно? Да, так она касается всех нас. Но когда человек ее познал, тогда Господь хочет от нас любви к ней, любви верной, преданной, постоянной и всецелой. Он хочет, чтобы человек искал благодатную жизнь и всего себя, по одной любви к ней, перерождал для того, чтобы быть в ней. И вот это даром не дается. И не может даваться. Человек встречается с Богом, будучи не бескачественным, а грешным и смертным, и вот он должен снова родиться в жизнь вечную и божественную. Это рождение происходит с трудом, человек переплавляется и перерождается. Тут нужны подвиги и труды, нужна воля личности, стремление к Богу, они нужны, как масло в лампаде, чтобы горел огонь. Вот эти труды и нес преп. Серафим. Тысячу ночей он молится на камне, вся его воля направлена к тому, чтобы быть с Богом. Что делается в его душе и сердце в эти 1000 дней нам даже представить трудно. Мы можем только едва-едва догадываться об этом, глядя на него в алтаре, когда его лицо то сияет, то горит, то бледнеет.

Еще на один момент нам как бы приоткрывается завеса внутренней жизни преподобного – окончание затвора. Епископ Иона приехал в Саров, чтобы видеть о. Серафима. Подходят с игуменом к его келлии, зовут, стучат, – ответа нет. Игумен испугался, что он умер, хотел ломать дверь, но архиерей не позволил: «как бы нам не согрешить», и уехал. А через неделю приехал губернатор, подходит к келлии, и преп. Серафим без стука сам открывает дверь и благословляет гостя. Он живет теперь с открытой дверью, но в беседы ни с кем не вступает. Так длилось довольно долго, и мы можем только догадываться, что так осторожно он прекращал затвор потому, что он в это время испытывал себя, – может ли он быть в общении с людьми, не прерывая своего общения с Богом.

Сколько смирения, сколько бесконечной преданности Божьему царству любви открывает нам в преподобном это молчаливое, осторожное испытание.

После этого он кончил затвор, и к нему вошли люди, вошла верующая, любящая Святая Русь. Вошла к нему, своему духовному вождю, своему отцу и учителю. Вошла в радости, что есть на земле праведник, живой свидетель и причастник божественного мира любви, молитвенник и печальник за всех, кто милости Божией и помощи требует, великий, смиренный и пламенный Серафим.

Пойдемте в его келлию, пойдемте издалека, из Петербурга, вот за этой молодой, измученной женщиной, с глазами полными горя и ужаса. Ее зовут Анна. Красавицей невестой за месяц до свадьбы она видит сон: к ней входит

отец с каким-то старцем монахом и, показывая на нее, говорит: «вот она». Старец посмотрел и сказал: «Напрасно она замуж выходит, ее муж через 3 месяца умрет». В слезах и рыдая проснулась девушка. Пролежала 2 дня, плакала, насилу успокоили, а потом все забылось. А вот и свадьба, и радость, и счастье. Была так счастлива, что земли под собою не слышала. Через месяц ее муж почувствовал недомогание. Ничего не болит, а как-то слабеет, тает день за днем. Жена испугалась. Доктора не помогают. Чувствует Анна, что происходит что-то исключительно серьезное. И начинает вспоминаться этот страшный сон; она гонит это воспоминание, но здоровье мужа все слабеет. Она понимает умом, что ему надо готовиться к смерти, что надо приобщиться Св. Тайн, но – как это бывает у неглубоких верою, душевных, а не духовных, она боится его испугать, не говорит ему, а он все тает и тает, и вдруг, как всегда «вдруг»... ее муж умирает .

Это внезапное, но где-то в подсознании ожидаемое горе ее сокрушило, сердце ее омертвело, и над всем этим безмолвным ужасом стояла мысль, что она знала, что он умирает, что она знала, к чему он идет, не помогла ему, что она виновница его смерти безъ покаяния. Бедная Анна: она как-то замерла в своем горе, в ужасе. Кто же вернет ее к жизни? Кто оживит этот живой труп, кто освободит ее от холодного ужаса? Все беспокоятся, кто говорит – докторов, консилиум, кто – на воды... Но жива еще вера на Руси, и вот из далекого Петербурга, на долгих едет она в Саров к о. Серафиму. Приехали ночью. Гостиница. Утром она встает и видит в окно, что между собором и какими-то домами стоит сплошная толпа народа. Все без шапок и смотрят в одном направлении. Она быстро сошла, смешалась с толпой и узнала, что вся эта толпа ждет возможности войти к о. Серафиму. Медленным потоком втекала в его келлию толпа богомольцев, и Анна отдалась этому потоку веры и любви. Вот она, наконец, у самой келлии. В ней очень жарко. Горит множество свечей и лампад перед иконой Божией Матери. Аналой, обрубок дерева, у стен груда полотен и сухарей. Один за другим подходят к нему люди; кто падает на колени, кто так подходит. С некоторыми он говорит, с некоторыми нет, только благословляет, некоторых целует – «иди с миром, радость моя». Один вошел, поклонился до земли, и не встает. О. Серафим поднимает его, но тот стоит на коленях, бледный. О. Серафим нагнулся к нему, разговаривает шопотом. Потом о. Серафим поднимается, берет бутылку со св. водой и говорит: «молись, молись, сокровище мое, за нее молись и поговей, и вот это ей свези, и простит тебя Господь». Поднимается человек, стоит и слезы текут из его глаз. «Иди, радость моя, гряди с миром». Следующий. Но вдруг о. Серафим посмотрел на одного из толпы и строго говорит ему: «А ты чего

лезешь»? Замешательство, тот смущен, испуган, бледнеет и вдруг падает на колени: «Батюшка, прости», – и вслух признается: пришел сюда, чтобы в тесноте воровать. Так идут люди сплошной вереницей, один за другим и, наконец, подходит наша Анна. Преподобный смотрит на нее одно мгновение, дает горсть сухарей и говорит: «Приобщается раба Божия Анна Божией благодати»... Он ее назвал по имени. «Приобщается благодати Божией», благодатной жизни, но ведь именно этого ей и нужно: жизни нужно ее омертвелому сердцу... Но волна людская оттирает ее в сени. Там, нащупав ногами какие-то поленья, она становится на них и с волнением жадно смотрит на чудного старца, и вдруг вспоминает, что его-то она и видела во сне. А он дальше принимает народ. Вот две женщины ведут к нему третью, больную, изуродованную водянкой.

Приехали издалека, плачут... преподобный благословляет больную: «ты больна очень тяжко, родная моя, омойся и воды испей». «Уж омылась, батюшка ты наш, омылась и пила, молитвенник ты наш». «Еще, еще испей, радость моя, вот тебе водицы, гряди с миром, завтра опять приходи», и завтра она придет к нему здоровая – в ночь вся вода сошла... Он благословляет ее и вдруг дает ей и ее спутницам три палочки: одной, больной, с крючком, другой с тремя отростками, а одной гладкую. Почему? Это выяснится через много лет: все три стали монашками, причем, больная станет игуменией, а одна пострижется с тремя дочерьми.

Наконец, преподобный прекращает прием: «грядите с миром, грядите с миром», – говорит он, подвигаясь к двери, и уже берется за ручку, но вдруг протягивает руку, берет Анну, вводит ее к себе, закрывает дверь и говорит ей: «что, сокровище мое, ты ко мне убогому приехала? Знаю – скорбь твоя очень велика... Но Господь поможет понести ее». Горячо, торопясь, она говорит ему обо всем. Он велел ей отговеть и исповедоваться у такого-то иеромонаха. Когда она это исполнит, он благословит ей ехать домой, и только тут скажет не сокрушаться, что умер муж без причастия Св. Тайн: не думай, что из-за этого одного погибнет душа его; иногда бывает и так, что на земле приобщается, а у Господа остается неприобщенным, а другой хочет приобщиться, но если это желание помимо него не может почему-либо осуществиться, то такой и невидимо сподобляется причастия». Самой Анне он скажет 40 дней подряд ходить на могилу мужа и говоритъ: прости мне елико согреших перед тобою, а тебе Бог простит и разрешит». И растопится лед в душе Анны, снова мир будет в ней и снова начнет она жить...

До ночи принимал и утешал людей о. Серафим. Наконец, они ушли, а он? Нет, он и теперь не ушел от них: он становится на молитву, он молится о чем?

Он молится, как молятся святые, но веруем, что он молился и о них, об этих людях, приходящих к нему с раскрытым сердцем, о них, кого он так любил – «сокровище мое, радость моя». Он молится долго. Но вот он кончил. Что же, уснет он теперь? Нет, вышел на крыльцо. Зачем? Или ждет кого-то?

А в это время из далекой Вятской губернии по Саровской дороге вскачь гонит тройку лошадей купец Гурий Воротилов: его жена смертельно больна, что ни делали, ничего не помогает, гаснет на глазах, умирает... Бросил все Воротилов и помчался к о. Серафиму, гонит лошадей во всю мочь, скачет третьи сутки. Прискакал. Бежит к нему... Не его ли ждал преподобный? Подбегает Гурий, рассказывает свое горе. Выслушал его о. Серафим: «Да, радость моя, да, должна умереть». Так и рухнул ему в ноги Воротилов: «Батюшка, помолись». Минут десять сидел о. Серафим молча, углубившись в умную молитву, вдруг: «Вставай, сокровище мое, дарует Господь жизнь супружнице твоей. Гряди с миром». Воспрянул горячий сердцем молодой Гурий, перекрестился и поскакал назад. Выздоровела его жена.

О, этот дивный образ русского человека. Какая сила, какая вера, какое дерзновение, какая любовь и какое смирение. Недаром говорят, что дерзновенная молитва – это молитва смирения. Так просить, так молить, как просил Воротилов, это значит вложить в молитву всю свою душу и силу, все свое существо. Но как жить тогда, если молитва не будет услышана? Можно жить только при том условии, что каков бы ни был ответ, ты все ровно не отступишься от Бога, при условии полного смирения и отдачи всего себя Богу. Вот почему маловеры и не могут так молиться, не могут все свое существо вложить в молитву: у них не хватает ни силы любви, ни силы, ни преданности Богу. Поэтому-то они и любят, и молятся, и просят только отчасти, «постольку-поскольку», они оставляют вне этой любви и мольбы часть своей души, чтобы в случае отказа, опираться на эту часть, чтобы «сохранить свою личность», свое «я». Но настоящие русские люди любят и молят не так, как этот боязливый маловер, нет, они как этот Гурий, отдают всего себя, и потому они так сильны и так дерзновенны. И именно поэтому они так откровенны, потому у них нет мелких чувств, потому они не стыдятся, например, слез. Один из самых сильных людей России, повернувший ее историческую жизнь, Димитрий Донской, перед Куликовым боем на глазах всего войска молился и плакал горячими слезами. Это та же сила и дерзновение, как у этого Воротилова.

«Радость моя», «сокровище мое», «Христос Воскресе», «родная моя» – эти слова постоянно на устах преп. Серафима, и в их свете, в свете любви, нам видится его образ. И какой это русский образ! Последние годы жизни он

иногда выходил в лес, желая быть в одиночестве, но и там его искали богомольцы. Приехали в Саров богомольцы Аксаковы, и тоже со всеми пошли искать его. Зовут – ответа нет. Тогда кто-то говорит, что надо вперед пустить детей, пусть они зовут, им он откликнется. Послали детей. Порубка, пни с побегами и среди них высокая трава. Идет 6-летняя Верочка и кличет: «Батюшка Серафим, батюшка Серафим», и вдруг над травой показалось его лицо: он манит ее и знаком показывает, чтобы она молчала. Он стоял на коленях, она бросилась к нему с криком: «вот он», и он обнял и целовал маленькую предательницу и говорил: «радость моя, сокровище мое». Вот этот образ преподобного в его всегдашней белой одежде, в траве, на залитой солнцем поляне, целующего и ласкающего ребенка – какой это русский, свято-русский образ...

Зачем шли к нему русские люди? Они «подышать святостью» шли, чтобы ощутить сущность новой Христовой жизни, о чем мы упоминали выше, коснуться ее силы и энергии, шли, чтобы найти эту жизнь, как пришла Анна, чтобы найти Бога, как приходил к нему Мотовилов, записавший его учение о смысле жизни. И мы теперь приходим к о. Серафиму за тем же. Мы приходим к нему для того еще, чтобы проверить наши идеалы, наши пути, ибо не верен тот путь, по которому не пойдет и не благословит идти преп. Серафим. И тут мы имеем в виду не только вопросы чисто религиозные, не только вопросы морали, но именно вопросы путей, начал и перспектив жизни, и тут он будет нам учитель.

Мы видели преподобного в свете любви, молитвенника, сердцеведца, провидца, чудотворца, богослова и учителя духовной жизни. Но не полон будет его облик, если мы не продумаем одного случая в его жизни. Мы запомнили его в свете любви, но один раз в жизни его видели в гневе. Он стоял с монахом у родника. Вдруг родник забурлил и весь замутился. Они стояли и смотрели, как в мутной воде вздымались и мелькали мелкие камни и песок. Вдруг они слышат шаги. К ним подходит молодой офицер и просить благословения. В гневе и весь взволнованный преподобный оттолкнул его руки: «Отойди от меня. Такое дело задумал и благословения просишь! Отойди от меня». Офицер побледнел и быстро ушел. Тяжело дыша, взволнованный, стоял преп. Серафим и, указывая на замутившийся родник, сказал недоумевающему монаху: «Вот так вся Россия замутится от того, что задумал этот человек». По преданию, этот офицер был один из декабристов.

Какая поразительная картина: в начале прошлого столетия у источника сошлись две России: православная, свято-русская, многовековая, верующая и духовная в лице преп. Серафима, и новая, неглубокая, душевная, лишь

наполовину русская, а наполовину уже нерусская – неправославная, уже оторвавшаяся от начал и идей России православной. Эта новая, уже отчасти денационализованная, она другого духа. Про нее нельзя сказать, что она сознательно враждебна России православной, нет, вот и этот офицер пришел просить благословения, у нее есть свой идеализм, но не духовный, а гуманитарный, западно-европейский, она неглубокая, она не холодная, но она и не горячая. И каково же ее легкомыслие – прийти просить благословения пламенного Серафима на свое дело, на свой идеал! Этот офицер не умел искать Бога, благодатной жизни, этой силы, за которой приходил в Саров народ, он не искал глубокого смысла жизни и не умел свою жизнь подчинять этому смыслу, божественной истине и Христу Спасителю, и не Его он искал. Преп. Серафим как бы говорит: «единое на потребу, ищите прежде Царствия Божия, и тогда все это: государственность, национальные и общественные интересы и жизнь вам приложится, потому что прежде всего надо найти основные пути и смысл жизни». Нет, – отвечает офицер, – то, что у тебя на втором плане и что должно приложиться, для нас это самое главное, и мы сами создадим свою жизнь государственную и общественную, а искать высшего смысла жизни, это дело индивидуальное, это как кто хочет». Строить государственную жизнь – это наше дело, а не твое. Мы хотим построить ее разумно, и мы хотим всем дать свободу, и я пришел к тебе, чтобы ты благословил мое желание потрудиться для народа, и это доброе желание ты и должен благословить».

Но мы видели, как ответил ему преп. Серафим: какая у него ясность сознания, какое глубокое понимание коренной, основной ошибки русского революционного движения, а именно, разделения жизни на религиозную, вечную, осмысленную, и на отдельно от нее находящуюся государственную и общественную, которая будто бы должна развиваться и рассматриваться самостоятельно, а не в связи с вечной целью и смыслом человеческой жизни. Это взгляд в существе своем уже атеистичен, в нем уже заложен бунт против Бога, бунт революционный. Это есть стремление пока только в одной области жизни освободить человека от Бога, и это есть только начало. Надо поражаться, как остро и чутко было сознание преп. Серафима, как он сразу понял духовную сущность задуманного офицером дела, как его возмутило отречение этого «русского христолюбивого воина» от русского, свято-русского, благословенного пути, как больно ему было видеть эту самодовольную самоуверенность, с которой этот изменник православному пути пришел к русскому монаху в святую Саровскую обитель просить благословения на свою измену, как больно было видеть эту духовную

тупость... И в гневе стоял преп. Серафим.

Так началась революция, так начался отход части русской интеллигенции от Святой Руси. Дети и внуки офицера боролись против нее и за благословением в обитель уже не ходили. Его правнуки, соединясь с еврейством, масонами и атеистами всего мира захватили власть в России, убили царя, замучили Патриарха, перебили епископов и миллионы православных русских людей, и поработили Россию.

В притче о потерянной драхме женщина метет свой дом, чтобы найти ее, и радуется, когда найдет. Какой смысл этой притчи? На драхме изображение великого царя и этот образ она утратила. Так и мы, когда в нашей душе утерян образ Бога, мы метем и чистим свою душу, чтобы в ней опять засиял Его образ, и найдя его, мы как эта женщина бежим к близким поделиться своею радостью.

Но когда народ забывает образ великого Царя – Бога, и смысл жизни, тогда Господь посылает великие исторические бури, вздымающие пыль житейской суеты. Вот эту бурю и послал нам Господь. Эту страшную бурю провидел преп. Серафим и в глубокой печали говорил, что «будет такое время на Руси, когда ангелы не будут успевать принимать души умирающих». Сказав это, он долго сидел, созерцая внутри себя страшную бурю России. Потом он поднял голову и с глубоким убеждением и силою сказал, что Россия не погибнет, что Россию спасет Господь, что за Россию православную, царскую будут молить Бога все праведники, мученики и святые, что в очах Божиих нет на земле лучше жизни народной, как управляемая православным царем, и говоря это, и созерцая сущность православной монархии, «он был в восторге и всплескивал руками».

Почему преп. Серафим так относился к православной монархии?

Ведь не ему она была нужна, и не могло быть тут известного романтизма в отношении красоты монархии, и ведь дело здесь не в привычке. Нет, тут более глубокие мотивы. Преп. Серафим, как мы видели и знаем, жил в Церкви Христовой. Но ведь и эта благодатная жизнь тоже не нуждается в монархии для себя, ибо Церковь в этом смысле ни в чем не нуждается, она полна и совершенна. Она может быть всегда и везде, даже при гонениях, и слова Спасителя «врата адовы не одолеют ее» как раз и говорят, что сущность благодатной жизни, ее энергия и сила, всегда будет на земле. Когда говорят об отношении Церкви и государства, то часто говорят в том смысле, что государство дает возможность существованию Церкви. Это выражение, конечно, не точное: существовать она может везде и всегда, и это понимал не только преп. Серафим, но и мы, грешные. Поэтому вопрос об отношении

Церкви и государства есть в сущности вопрос об условиях миссии Церкви, об условиях ее деятельности, о том, чтобы она могла привлекать людей к себе, к богочеловеческой спасительной жизни. Речь идет о малых и слабых, о всех грешных, о том, чтобы жизнь была так построена, чтобы зло и соблазн не губили их. В жизни всегда будут соблазны, и это допускает Господь промыслительно, чтобы люди сознательно выбирали свой путь и боролись за путь истинный. Но в жизни не должно быть непереносимого для слабых соблазна, раздвоения. Надо чтобы государство, нация и народ признавали один и тот же высший закон жизни и высшую правду ее. Чтобы не было гонений и соблазна непосильного, государство должно защищать Церковь и бороться против зла, одолевающего слабых, бороться силою. Единство или согласие между Церковью и государством будет тогда, когда государство признает самодовлеющую и высшую ценность Церкви и когда оно будет почитать злом то же самое, что почитает Церковь и будет руководиться одним мировоззрением с Нею. Ведь даже большевики хватают воров и убийц, и в этом смысле тоже борются со злом, но одновременно они его же и насаждают в гораздо большей степени. Значение единства мировоззрения особенно понятно, когда мы возьмем современное государство, которое признает существование Церкви и предоставляет ей права такие же как торговле и индустрии. Такое государство стоит на принципе равенства религий, и люди даже не сразу понимают, какое противоцерковное значение имеет этот принцип: он настойчиво проповедует, что истина людям недоступна, что людям не дано ее знать, что преп. Серафим, говоря о том, что человек может и должен знать Бога и божественный мир, говорил неверно, – это только его субъективное настроение, а у католика или магометанина другое понимание и восприятие, и все эти религиозные переживания равноценны, одной истины нет, и не так близко подходит Бог к человеку, чтобы последний мог узнавать и знать Его единственного. Вдумайтесь, какое разрушительное значение имеет этот принцип, как он незаметно вселяет скепсис и как охлаждает религиозную жизнь всего народа, какой это соблазн, раздвоение и дело антицерковное. Наоборот, единство будет тогда, когда государство признает главенствующее исповедание, и внутреннее значение такого признания для религиозного сознания народа огромно, и оно вовсе не сводится к практическим и материальным благам, как недавно писал один из т. наз. «парижских» богословов, проявляя свое испорченное революционной работой и отнюдь не глубокое религиозное сознание.

Если государство признает высшим законом жизни тот же закон, что и Церковь, то оно будет признавать ценность православного человека и

опираться на него. Это имеет огромное значение для всей национальной жизни. Мы видели, что даже под большевиками русский народ сохранил веру. Вера и Церковь по-прежнему влияют на русского человека, на его мировоззрение, на его внутренний уклад, характер, психологию, взгляды, стремления и идеалы. Это влияние до крайности затруднено, русский человек во внутреннем и духовном отношении живет сейчас, как дерево заваленное грудой камней. Но Церковь влияет на национальную жизнь даже при таких условиях. Мы знаем, что в истории России Церковь в сильнейшей степени влияла на национальную жизнь. Сила этого влияния выражается в общепринятом в истории России понятии Святая Русь. Это понятие говорит, что нация не только почувствовала себя как факт, но она еще и поняла смысл своего существования и свое содержание: поклонившись святости, она нашла себя, свою личность и смысл существования. Это явление поразительной глубины, и, можно сказать, остроты русского ума, который понял, как мало признать свое национальное бытие как биологический факт. Просто национальность – это такая же ценность моральная, как единство рыжих или скуластых, или косоглазых брюнетов-монголов. Такое единство не есть никакая ценность. Нет этой ценности и в национализме в смысле отстаивания своих экономических интересов; тогда пришлось бы искать такую ценность и в акционерной компании, а за нее не умирают и во имя ее не живут. В национализме есть только воля к жизни, но такая воля есть и у большевиков, и потому пока не сказано во имя чего хочешь жить, ценность этой воли весьма условна. Поэтому, когда просто говорят: «нация, национальные задачи, национализм», это недодуманная мысль, краткое условное выражение, подразумевающее определение, всем само собою понятное. Однако теперь, когда так много говорят о национализме расовом, надо говорить полностью. Национализм племенной, фактический, со всеми своими дарованиями и особенностями получает свою ценность и привлекательность только тогда, когда эта природная сила, Богом данные дарования, Божий замысел и творение отданы на служение высшим ценностям, когда они как бы крещены и вдохновлены высшей идеей и служением.

Русские православные, вместе со своим духовным вождем преп. Серафимом, любят, ценят и дорожат Святою Русью, понимают, что все лучшие стороны русской исторической жизни и русского человека созданы на началах Св. Руси. Это есть великая ценность, и это явление наполняет наши сердца радостной надеждой. Но скажем со всей силой: если бы даже в России вера сейчас была совсем забита гонениями, мы, православные, не изменили бы наших взглядов на пути и задачи русского народа, ибо для нас вера народа не

есть только факт, с которым надо считаться – если она есть, то один путь, нет – другой; нет, вера есть нечто должное, и отсутствие веры не есть самодовлеющий факт, это не есть отсутствие дарования, как, скажем, музыкальности, отнюдь нет: отсутствие веры есть следствие духовной приниженности, вялости или моральной апатии, или озлобления и ненависти. Вера есть должное и отсутствие веры есть грех и духовная тупость.

Из изложенного ясно, что государство России должно быть построено так, чтобы оно соответствовало русской нации, Св. Руси, чтобы сын Руси был опорой и желанным сыном России и наоборот. Вот это и достигается русской православной монархией, и потому ее так любил преп. Серафим.

Русский православный царь – защитник Церкви. Не Церкви как учреждения – это опять недодуманная или недосказанная мысль, ведь и в демократических государствах ее защищают, как индустрию. Нет, он защитник Церкви, как благодатной жизни, и защитник миссии Церкви. Он и возглавляемое им государство высшим смыслом жизни признают богообщение, причастность в богочеловеческой жизни, Церковь; а высшей ценностью признают православие, как мировоззрение и учение о жизни, и православного человека, как дорогого сына Церкви и государства.

Смысл русской монархии лучше всего раскрывается в одном моменте коронации: в Успенском соборе все стоят – иерархи, воинство, народ, – это есть Церковь, это есть Святая Русь, и венчающийся на царство царь кладет земной поклон пред Богом и Церковью. Потом он встает, и все кланяются ему до земли, – это признает его власть Церковь, и кланяется ему Св. Русь. Они признают его власть и покоряются ему, потому, что он поклонился Богу и Церкви.

Отсюда наше отношение к царю православному может быть выражено такой формулой Митрополита Антония: «от верности царю меня может освободить только его неверность Христу».

Выражаемое в этих словах, во всем чине коронации взаимоотношение Церкви, царя и нации так глубоко, так удивительно высоко, это такое высокое достижение человеческое, что становится понятно, почему преп. Серафим в таком восторге думал о православном царе, и почему он так горячо верил, что в очах Божиих нету народной жизни лучше, чем управляемая православным царем. Это такое достижение, такая глубина философии и такая красота, что люди, даже не могущие все понять, но если у них есть малейшее духовное чутье, невольно отдаются чувству восторга во время коронации и ликуют так же, как ликовал преп. Серафим, созерцая сущность православной монархии, и в восторге, как царь Давид пред ковчегом, всплескивал руками.

Народ на коронации так ликует, так текут слезы умиления, его охватывает такая радость, что для описания его состояния Митрополит Антоний берет картину сошествия Св. Духа, и как тогда сторонние наблюдатели изумленно и испуганно спрашивали другъ друга: «что убо хощет сия быти», так и тут иностранцы изумленно, кто со страхом, а кто с невольным сочувствием, смотрят на взволнованный народ, ожидающий видеть царя, и как бы задают тот же вопрос. И Митрополит Антоний отвечает, что «хощет быти» великое ликование, ибо государство в лице царя, поднятого на вершину человеческой славы, сейчас склонится пред законом божественным, которым живет Русь, что Русь сольется с Россией, и царь, глава Руси и России, снова поведет их по тому пути, по которому их сотни лет вел и ведет Господь.

Вместе с тем тот же Митрополит Антоний говорил, что монархизм не догмат, что чисто теоретически можно представить выборного православного главу государства, как выбирают главу обители. Это нужно понять, чтобы значение и ценность монархии была нам ясна в реальном освещении. Теоретически об этом можно говорить, но практически нельзя этого провести. Даже в тех же обителях выборы не проходят без разделения и страстей. Для производства выборов православного главы государства нужен такой высокий духовный уровень, которого не бывает и не может быть. Теоретически можно ставить вопрос и так: а если бы в государстве все были на таком уровне, как преп. Серафим, тогда можно провести выборы? Да, можно, но ясно, что это вопрос чисто теоретический. Православный монарх вынашивается всей нацией, всей историей. Владыка Митрополит Антоний объяснял, что вообще люди дают то, что от них просят, и вот, общее народное желание, обращенное к наследнику, воспитывает в нем те черты, которые нужны для того, чтобы быть православным государем. Таким образом, данный государь, наследник и, наконец, весь царский дом – это есть плод высокой национальной духовной и моральной культуры, огромная ценность национальная, которой надо дорожить. Таким образом, повторяя слова Владыки Антония, надо сказать: монархия не догмат, но наилучший образ правления по соображениям и требованиям моральным и практическим.

Но, скажут нам, если вы заговорили о практических требованиях, то позвольте вам напомнить, что Россия – империя, в ней не только православные, что для них скажет ваша монархия и коронация?

Благодарим за вопрос. Среди многих племен и народов, преобладающее влияние и ведущее значение имеет большая среди них сила, большая культура. Россия могла стать империей именно потому, что идея Св. Руси несравненно выше и полнее идей остальных племен и исповеданий России. Ведь

православие есть единственная в мире неискусственная религия. Все отклонения от православия всегда есть следствие человеческого произвола, партикуляризма, страстей ума или чувств, какого-то обособления и эгоизма. Нет ничего труднее, как подчиниться произволу эгоизма или искуственности (не от этого ли было так трудно подчиниться иностранным воспитателям?). Наоборот: почти нет вопроса о подчинении, когда ты подчиняешься тому, что по совести твоя душа одобряет. **Православие – единственное чистое учение Христово, для души, для духа человека оно абсолютно естественно, в нем нет ничего человечески произвольного.** Все племена и народы, принимая православие, духовно расцветают, и их природные дарования не стесняются и не уничтожаются, и каждый на своем языке и в своих напевахъ славит Бога. Православный человек, с которым соприкасаются иные народы, носит в себе нечто для всех людей духовно привлекательное, он духовно чуткий человек. В этой сущности православия и православного человека и лежит основа русского империализма и умения присоединять к себе народы, не калеча их. Инородцы иногда, может быть, даже больше русских любили их идеалы, например, идею Белого царя, идею, конечно, чисто святорусскую.

Такова ее сила. И отсюда вывод: если выбросить идею Св. Руси, то русская империя неизбежно распадется. И вот иллюстрация: все народности, все части России держатся вместе сейчас только или террором, или мечтой о свержении большевизма и общей ненавистью к советской власти. Можно с большой достоверностью полагать, что с падением большевизма, повсюду возникнут племенные вожди. Но это будут вожди местные и это будет разделение. Поэтому, в частности, те, кто бросает идею вождизма – сеют идею разделения. Наоборот, вождем имперским, всех объединяющим, будет по-прежнему православный монарх, ибо только с ним, с этой идеей связана русская имперская идея. Примеры Гитлера и Муссолини отнюдь не рушат этого построения. Нигде в мире не произошло такой духовной катастрофы, как в России. Она веками жила религиозной идеей. Мы видели, что вера в России жива, несмотря на гонения. Это значит, что в России не может быть перемены жизни, чтобы при этом не была бы поставлена проблема религиозная. В России слишком высоко стояла многовековая религиозная культура, чтобы она могла сойти на нет. В России вера жива, только до крайности стеснена. Но когда развалятся мертвые камни большевизма, ничто не остановит восстановления православной Церкви, и она восстанет раньше всех и снова поднимет свой голос, и снова будет славить преп. Серафима. И снова благословит на великий подвиг того, кому Божией милостью и волею дано возглавить и Русь и Россию.

Да, именно в нем объединение русской нации, Руси, а потом и России. И вот доказательство: мы 20 лет не могли объединиться в эмиграции, и только тогда, когда было поднято знамя единения вокруг возглавителя Руси, и в будущем православного монарха России, – объединение началось, двинулось и его теперь ничем не остановишь.

Такова сущность монархии, и вот почему преп. Серафим так ее ценил. Она есть выражение целого мировоззрения, и чтобы ее понять нужна духовная активность, нужна вера; ленивые духом ее не понимают, и этому не надо удивляться.

Есть явление или, лучше сказать, состояние «религиозного идиотизма», по острому определению религиозной тупости у одного современного политического деятеля, конечно, левого. Он в области веры и религии просто ничего не понимает. И это совсем не такое редкое явление. Отсутствие веры есть всегда грех, вялость духовная, засоренность души всякой мелочью, приниженность интересов. Кажется, у Чехова есть сапожник, который смотрел не на лица людей, а на их сапоги. Так точно можно себе представить, что какой-нибудь пекарь, побывав в Сарове, будет с восторгом рассказывать, какая там хорошая пекарня, а человек, занятый тем, что всору и на свалках откапывает всякую мелочь и ею торгует, на вопрос о том, что такое Саров, скажет: «До чего ж хорошо там, просто золотое дно – народу много, теснота, чего только там не наберешь: и платки, и пуговицы и всякого добра...»

Точно также будут разные понимания и православной монархии. Преп. Серафим будетъ в восторге всплескивать руками, Митрополит Антоний будет говорить о народном ликовании, о том, как Русь сливается с Россией, покланяясь закону Христову, а такой духовный подметальщик, копаясь в сору, будет говорить: «Монархия? – это пуговицы с орлами». Митрополит Антоний будет говорить о том, что за православной монархией стоит целое мировоззрение православное, которое дает смысл жизни и открывает перспективы жизни, а этот духовный подметальщик будет говорить: «Православная монархия? – это форма! только форма правления, но она не говорит о содержании жизни. А вот мы, новые люди, мы придем в Россию «с социальной программой» (как будто кто-то может придти без социальной программы). Ну хорошо, ну вы проведете все страхования жизни, старости, все обеспечения, кассу для помощи при болезни, похоронную, зимнюю помощь и т.д., и что же? это все? это то, из-за чего люди живут? Или вы скажете, что высший смысл жизни – частное дело, как тот офицер в Сарове? И вы не укажете национальной миссии России? и вы не будете думать о единстве жизни, о симфонии Церкви и государства? вы ни на что это не ответите? Ну,

разве это не духовные подметальщики?

Эти новые люди еще говорят, что не надо теперь говорить о монархии, что мы все-таки не так страдали, как в России, так пусть эти люди скажут. Так говоря, они чувствуют даже самодовольство: вот какие мы хорошие и лояльные. Не знаю, как бы отнесся к ним преп. Серафим. Разгневался? Засмеялся? Стал бы их срамить? Вероятнее всего. Потому что срамить за это надо. Надо указать, что стыдно так омельчать, чтобы серьезно считать добродетелью лояльность кооператора: вот какой я хороший – я не принимаю никаких решений без моего сочлена, и тем охраняю его интересы. Но перед нами не открытие кооперативной лавочки, а вопрос построения жизни, жизни по правде, по Богу.

Мы видели, как много нужно духовного труда для того, чтобы разрешить этот вопрос, что надо быть христианином, и надо понимать, как строить православную жизнь. Именно это лояльный кооператор и хочет переложить на тех, кто жил в условиях невероятно тяжелых именно для того, чтобы быть христианином и чтобы понять основы построения христианской жизни. Какая тупость, какая безсердечность, какая лживость стоит за этим лояльным предложением. Не знаю, но может быть тоже с гневом посмотрел бы преп. Серафим и на этих кооператоров.

Не кооперация, а брак предстоит у нас с теми, кто остался в России. Перед нами задачи национального и духовного единства во имя Бога. Нам надо, как на брак с девушкой, принести всю любовь, все внимание, всю веру и исповедание, принести все свое существо, да «будут два во едино». Надо именно так придти, ибо перед нами подвиг жизни во имя Бога, ибо только тогда брак будет честным, будет единство, и «славою и честию» венчает нас Бог. Надо придти в новую жизнь с той цельностью, верой и дерзновением, с которыми примчался Воротилов в Саров, и с которыми молился Димитрий Донской. Тогда мы принесем в Россию подлинное русское сокровище и подлинную русскую творческую силу, тогда мы исполним свой долг. Но если мы придем лояльными кооператорами, с пошлым самодовольством вместо духовной чуткости и внимания, с мелкобуржуазным кругозором, вместо дерзания, и с моралью лояльного кооператора, вместо духовного горения, веры и исповедания, тогда это будет позор. Русская девушка, – не выходи за такого кооператора, он зовет тебя не на святой брак и единство в Боге, а на кооперацию и сожительство, у него нет дерзания любви, а есть дерзость, и вместо силы – грубость, смотри, как он оттолкнул Святую Русь и как посмеялся над ее любовью и сокровищем.

Когда молодежь не понимает православной России, когда она не

загорается желанием иметь душу, силу, любовь и дерзновение Воротилова, когда она не смеется над копающимся в мусоре, а рукоплещет ему, тогда эта молодежь духовно пришиблена и денационализована, у нее нет духовной энергии и она измельчала. И какая ирония: при такой слабости и духовной анемичности она говорит о своем активизме и укоряет других в отсутствии его. О, юный врач – исцелися сам.

Когда мы видим эту духовную денационализацию, эту пришибленность и вялость в части русской молодежи, мы должны ей это сказать так, чтобы она поняла, что не дурное чувство к ней нами руководит, но что нам больно, когда мы видим это вырождение, это русское духовное дезертирство, потому что хотя на нас много грехов, и один только Бог знает, сколько мы в них каялись и будем каяться, каковы мы ни есть, но милостию Божией мы все-таки держим знамя Святой Руси, а передать его некому. И это нам больно. А передать его надо русской молодежи и, поймите, хоть поэтому она нам дорога. Мы должны сказать о неправде ее пути, ее непонимании православия, Святой Руси и православной монархии. Об этом мы должны ей сказать с гневом преп. Серафима против неправды, против соблазна и соблазнителя, но не против нее самой.

Мы должны сказать это с гневом, но так, чтобы молодые, ошибающиеся и обманутые люди почувствовали в наших словах, что мы хотим им добра, чтобы почувствовали хоть в малой степени любовь преп. Серафима, и нашу боль за их ошибки, за них, потому что им надо придти в Россию так, чтобы Святая Русь им сказала: «радость моя, сокровище мое».

1939 г.

«Православная Жизнь». 1992. №10. С. 3-19.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

МОЛИТВЫ ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ.

От Ред.: *Это стихотворение, написанное великою княжною Ольгою Николаевною, попало в руки следственной комиссии под председательством генерала Дидерихса и опубликовано членом этой комиссии, — Председателем Екатеринбургскаго Окружного Суда В. Н. Казем-Бек, в Америке, в газете «Свет».*

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ.

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внемли
В Тебе надежда и спасение.
Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока…
Но… наша Родина… О, к ней
Склони всевидящее око.
Святая Русь, Твой светлый дом
Почти, что погибает.
К Тебе, Заступница, завем –
Иной никто из нас не знает.
О, не оставь Своих детей
Скорбящих Упование.
Не отврати Своих очей.
От нашей скорби и страданья.

МОЛИТВА.

Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог всесильный,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов –
Нечеловеческия силы
Молиться кротко за врагов.

«Православная Жизнь». №7. Июль 1962 года. С. 8-9.

БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЙ.

„Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго Великаго Государя нашего…”
(Выход со святыми дарами).

Он был сама любовь, добро и всепрощенье,
Державный вождь мятущейся страны,
Хранил в себе Он кротость и смиренье,
И правду мудрую священной старины.

Ревнитель доблестный твердынь
Самодержавья,
Безстрашный витязь армии родной,
Он был блюстителем святыни Православья,
Судей безхитростным для чести мировой.

Любил народ Он царственой душою,
Как сыновей возлюбленных отец.
Ему безтрепетно Он жертвовал собою,
Неся безропотно страдальческий венец.

Но красоты души Его прекрасной,
Не мог понять безчувственный народ,
К великим подвигам монарха безучастный,
Его винящий в дни лишений и невзгод.

Пленяла чернь мятежной воли лава,
Слепая месть и море братских слез,
Ей нужен был жестокий царь – Варрава,
А не смиренный Царь и мученик – Христос.

И зло свершилось, – рабскими руками,
Святое прошлое повержено во прах,
Русь обросла безчестными крестами,
И умер Царь с прощеньем на устах.

Но грянул гром небеснаго отмщенья,
Разсеялись, как дым свободы глупой сны,
Настали дни жестокаго гоненья,
И воля стала рабством для страны.

С. С. Бехтеев
«Владимирский Вестник». 1957. № 68.

РАЗБИТАЯ ВАЗА.

В дни царской и русской Голгофы
Банкеты в Москве до утра,
Но льются печальные строфы,
Как слезы баяна, с пера.

Не солнца то было затменье,
То было затменье умов
И русской истории звенья
Легли под удар топоров.

Помазанник Божий был чашей,
Народа сбиравшей любовь,
Отцом Он был родины нашей
По днесь проклинающей новь.

Пусть скажут: красивая фраза,
Разлуки мираж и дурман,
Но Русь была дивная ваза
С букетом из всех россиян!

И вот эта ваза разбита,
Разбит идеал красоты
И дьявола топчут копыта
Империи русской цветы.

Но те, кто с врагами позорно
Разбили прекрасный хрусталь,
Признать не желают упорно,
Что счастью был гробом февраль.

И в день всероссийской печали,
Сквозь лжи безпросветный туман
С небес, словно стон, прозвучали:
«Измена кругом и обман».

В. Петрушевский
«Владимирский Вестник». 1964. № 101. С. 43.

РУССКАЯ ДУША.

В стране, где счастья нет и нет свободы,
Где царствует насилья наглый произвол,
Где в долгие мучительные годы,
Народ испил всю чашу самых страшных зол.

Где все, что славным прошлым созидалось,
Со злобой черною на смерть обречено –
Ты все таки безсмертною осталась,
О, русская душа! Тебе судьбой дано.

Познать все муки крестнаго страданья,
В потоках крови смыть ошибок страшных грех.
Принять предательство и поруганье,
И гнусных фарисеев торжество и смех.

Униженная, в муке нестерпимой,
Судьбе покорная, – ты все еще живешь.
И как лампады свет неугасимый,
В себе России возрождение несешь.

З. Клюева
Владимирский Вестник 1958. №75. С. 8.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ.

Крестный путь, голгофская дорога,
Уготованная издревле для Бога,
По которой шел, роняя жемчуг слез,
Для спасения нашего Христос…

Гляжу спокойно в даль веков,
Без опасенья и без страха, –
И зрю Россию без оков
В державной шапке мономаха.

Это путь и наш многострадальный
Путь тернистый, скорбный и печальный,
Для того, чтоб павши под крестом
Мы воскресли бы в Христе и со Христом.

С. С. Бехтеев
«Владимирский Вестник».
1964. №. 100. С. 26.

НЕМНОГИМ

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской,
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.

Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал,
От повседневных искушений
Умом и сердцем устоял.

Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов-стариков.

Блажен, кто Родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведал,
Но малодушно не роптал.

Старый Футог, май 1921 г.
С. С. Бехтеев

ПОБЕДА

Среди практичных темных дел,
Борьбы, бездушья в нашей жизни
Ты подслужиться не хотел
К дельцам, влиятельным в отчизне,

За то ты грубо угнетен,
Порой смеются над тобою,
Но не горюй: ты огражден,
От бурь Всевышнего рукою,

И властный ныне недруг твой,
Тебя гнетущий униженьем,
Преклонит выю пред тобой,
Будь только чист пред Провиденьем.

В. Чуфарин
«Корчий».1913 № 34. С. 403.

Мл҃тва митрополи́та Іѡ́сифа ѡ҆ ст҃ѣ́й це́ркви

Ѡ премл҃рдый, всеси́льный и҆ чл҃вѣколю́бнѣйшїй гд҃и і҆и҃се хр҃тѐ бж҃е на́шъ, цр҃кве зижди́телю и҆ ѡ҆храни́телю, воззрѝ бл҃гсе́рднымъ ѻ҆́комъ твои́мъ на цр҃ковь правосла́внꙋю, лю́тѣ ѡ҆бꙋрева́емꙋю напа́стей бꙋ́рею. Ты́ бо ре́клъ є҆сѝ, гд҃и: созижду цр҃ковь мою̀ и҆ врата̀ а҆́дѡва не ѡ҆долѣ́ютъ є҆́й. Помѧнѝ ѡ҆бѣща́нїе твоѐ нело́жное: сѐ а҆́зъ съ ва́ми є҆́смь во всѧ̑ дни̑ до сконча́нїѧ вѣ́ка. Бꙋ́ди съ на́ми неѿстꙋ́пнѡ, бꙋ́ди на́мъ мл҃тивъ, мо́литъ тѧ̀ многострада́льнаѧ цр҃ковь твоѧ̀. Ꙋкрепѝ на́съ въ правовѣ́рїи и҆ любвѝ къ тебѣ̀ бл҃гда́тїю и҆ любо́вїю твое́ю, заблꙋжда́ющыѧ ѡ҆братѝ, ѿстꙋ́пльшыѧ ѡжесточе́нныѧ ᲂу҆мѧгчѝ: всѧ́кое развраще́нїе и҆ жи́знь несогла́снꙋю хр҃тїа́нскомꙋ бл҃гч҃тїю и҆спра́ви. Сотворѝ, да вси́ ст҃ѡ и҆ непоро́чнѡ поживе́мъ, и҆ та́кѡ сп҃си́тельнаѧ вѣ́ра ᲂу҆корени́тсѧ и҆ плодоно́сна въ сердца́хъ на́шыхъ пребꙋ́детъ. Не ѿвратѝ лица̀ твоегѡ̀ ѿ на́съ, не до конца̀ гнѣ́вающїйсѧ гд҃и! Возда́ждь на́мъ ра́дость сп҃се́нїѧ твоегѡ̀. ѡ҆трѝ слезꙋ̀ ѿ ѻ҆че́й пла́чꙋщыхъ. всѧ́кꙋю нꙋ́ждꙋ и҆ ско́рбь люде́й твои́хъ ᲂу҆толѝ. Ѡ҆градѝ на́съ всемогꙋ́щею си́лою твое́ю ѿ всѧ́кихъ напа́стей, гоне́нїй и҆ ѡ҆злобле́нїй, и҆згна́нїй и҆ заключе́нїй. Тобо́ю спаса́еми, дости́гнемъ приста́нища твоегѡ̀ нб҃нагѡ, и҆ та́мѡ съ ли́ки ч҃тѣ́йшыхъ нб҃ныхъ си́лъ прослáвимъ тебѐ, гд҃а и҆ сп҃си́телѧ на́шегѡ, со ѻ҆ц҃е́мъ и҆ ст҃ы́мъ дх҃омъ, во вѣ́ки вѣкѡ́въ, а҆ми́нь.

Из сборника «Дело митрополита Сергия», № 124. // ГАРФ. Ф. 5919, оп. 1, д. 1, л. 452-453.

СОДЕРЖАНИЕ:

ВЕЛИКАЯ СУББОТА СВЯТОЙ РУСИ (Редакторская колонка).....5

РОССИЯ В ПОДВИГЕ СТРАДАНЬЯ.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ (*из Библии*).....29

Митрополит Анастасий (Грибановский)
ПЛАЧ РУССКОГО НАРОДА.....30

Святитель Тихон Исповедник, Патриарх Московский и всея России
РОССИЯ В ПРОКАЗЕ.....38

РОССИЯ В ПОДВИГЕ СТРАДАНЬЯ. *Слово неизвестного автора в Великий пяток*.....40

Протоиерей Георгий Спасский.
КРЕСТ ХРИСТОВ И СТРАДАНИЯ РОССИИ.....44

ГОЛОС К МНОГОСТРАДАЛЬНОМУ РУССКОМУ НАРОДУ РУССКОГО СТАРЦА-ИНОКА С АФОНА.....48

МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....65

Протоиерей Лев Лебедев
РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ДОБРА И ЗЛА.....76

I. МАРТИРОЛОГ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА, ЗЛОДЕЙСКИ УБИЕННЫХ В 1918, 1919 И 1929 ГГ.....83

II. ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, УБИТЫХ ПО РЕШЕНИЮ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ 1918 ГОДА.....86

ВИДЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕВУШКИ В ДЕНЬ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.....87

Проф. Иван Михайлович Андреев
О ЯВЛЕНИИ ДЕРЖАВНОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ.....91

«ВЕРНЫМ В БРАНЯХ ПОМОГАЮЩАЯ». *Явление Богоматери русскому отряду перед поражением германцев в Августовских лесах в 1914 г*.....96

СЛОВА О РОССИИ И НАРОДЕ РУССКОМ СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ-МУЧЕНИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ.....101

Архиепископ Аверкий (Таушев)
В ЧЕМ СПАСЕНИЕ РОССИИ?.....102

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА – БОЖЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ РОССИИ.
Из «Миссионерских писем» святителя Николая Сербского (Велимировича).....109

МОЛИТВА О РУССКОМ НАРОДЕ.
Творение святителя Николая Сербского.....114

ПАМЯТИ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ II.

Митрополит Анастасий (Грибановский)
ВЕЛИКОМУЧЕНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ РУССКОГО ЦАРЯ.....116

Князь Петр Сергеевич Лопухин
О ПРАВОСЛАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....123

Владимир Данилович Мержеевский
ПАМЯТИ ЦАРЯ МУЧЕНИКА.....133

Борис Львович Бразоль
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II (1894-1917) В ЦИФРАХ И ФАКТАХ. *Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам*.....137

Иван Павлович Якобий
ЦАРЬ И ВОЙНА.....152

Священнопроповедник Михаил Михайлович Джега
К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОМ ИМЕНОВАНИИ САМООТВЕРЖЕННЫМ СВ. ЦАРЯ-МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ.....170

СВЯТАЯ РУСЬ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Князь Петр Сергеевич Лопухин
СВЯТАЯ РУСЬ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО.....221

Проф. Иван Михайлович Андреев
СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И СУДЬБА РОССИИ.....233

Проф. Иван Устинович Палимпсестов
МАТЬ СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ И МЫ, РУССКИЕ ЛЮДИ.....240

Архимандрит Сергий (Титов)
О СОЮЗЕ ГОСУДАРСТВА С ЦЕРКОВЬЮ.....260

Проф. Филипп Алексеевич Терновский
УЧАСТИЕ ДРЕВЛЕ–РУССКИХ АРХИЕРЕЕВ В ДЕЛАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ.....271

Священномученик Архиепископ Андроник (Никольский)
РУССКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ СТРОЙ ЖИЗНИ ПЕРЕД СУДОМ ХРИСТИАНИНА, ИЛИ ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛ ЦАРСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ.....296

Священномученик Архиепископ Никон (Рождественский)
НЕИСПОВЕДИМЫЕ СУДЬБЫ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ИЗБРАНИИ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.....316

Митрополит Антоний (Храповицкий)
САМОДЕРЖАВИЕ И ЦЕРКОВЬ.....324

Епископ Граббе (Григорий)
ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В БУДУЩЕЙ РОССИИ.....328

Евгений Игнатьевич Комаревич
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКАГО ИМПЕРАТОРА И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....345

ХРИСТИАНСКАЯ МОНАРХИЯ КАК БОГОУГОДНАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ.

Архимандрит Фотий (Романовский)
ВОЗДАДИТЕ КЕСАРЕВА КЕСАРЕВИ И БОЖИЯ БОГОВИ.....354

Святитель Тихон Задонский
I. О ВЛАСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ВООБЩЕ И ПОДВЛАСТНЫХ.....363
II. О ДОЛЖНОСТИ БЛАГОЧЕСТИВЫХ МОНАРХОВ И ПОДДАННЫХ ИХ.....367

Святитель Феофан Затворник
О ПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ И СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ.....372

Преподобный Иустин (Попович)
ОБ ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ К ВЛАСТЯМ.....377

Митрополит Иннокентий (Фигуровский)
I. О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....390
II. МОЖЕТ ЛИ ЦЕРКОВЬ КОГДА-ЛИБО ПРИЗНАТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ?.....393

Протоиерей Павел Боротинский
ОТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНИНА К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НРАВОУЧЕНИЯ.....395

СВЯТЫЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.....399

Проф. Евгений Евстигнеевич Голубинский
ОБ ОБРАЗЕ ДЕЙСТВОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ГОСУДАРЕЙ ГРЕКО-РИМСКИХ В IV, V И VI ВЕКАХ В ПОЛЬЗУ ЦЕРКВИ ПРОТИВ ЕРЕТИКОВ И РАСКОЛЬНИКОВ.....406

Проф. Георгий Владимирович Вернадский
ВИЗАНТИЙСКИЕ УЧЕНИЯ О ВЛАСТИ ЦАРЯ И ПАТРИАРХА.....444

Проф. Георгий Александрович Острогорский
ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ВИЗАНТИИ.....463

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ И МОЛИТВА ЦАРЯ ПРИ КОРОНАЦИИ.....478

Иеромонах Алексий (Виноградов)
«РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО» ПО ПАМЯТНИКАМ ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....492

Проф. Измаил Иванович Срезневский
РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ. РИСУНОК 1676-1682 Г.....501

ПРИСЯГА НА ПОДДАНСТВО
– ЦАРЮ НЕБЕСНОМУ И ЗЕМНОМУ ВЕРНЫЕ.

Святитель Феофан Затворник
О ПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ И СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ.....505

ПРИСЯГА НА ПОДДАНСТВО.....510

КЛЯТВА ПРЕДКОВ.....517

Протоиерей Петр Сперанский
ОБ АРХИЕРЕЙСКОЙ ПРИСЯГЕ.....522

О ПОДВИГЕ ДВУХ МАТРОСОВ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯХТЫ.....540

ФЕОДОРИТ, АРХИЕПИСКОП РЯЗАНСКИЙ И МУРОМСКИЙ – ПЕЧАЛОВАТЕЛЬ ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ И РУССКУЮ ЗЕМЛЮ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ.....546

ЕФРЕМ, МИТРОПОЛИТ КАЗАНСКИЙ, ПОМАЗАВШИЙ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.....575

Священнопроповедник Михаил Михайлович Джега
КАК АРХИЕРЕИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ ПОЧИТАЛИ ГОСУДАРЕЙ.....584

Князь Петр Сергеевич Лопухин
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ И МОНАРХИЧЕСКАЯ ИДЕЯ.....643

СТИХОТВОРЕНИЯ.....663

МОЛИТВА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МИТРОПОЛИТА ИОСИФА ПЕТРОГРАДСКОГО О СВЯТОЙ ЦЕРКВИ.....666

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ЧИТАТЕ́ЛЯМЪ.

О́тцы, бра́тїя и се́стры,

помяни́те въ ва́шихъ свя́тыхъ моли́твахъ

потруди́вшихся при изда́нїи кни́ги сїя́.

